

**INTERNATIONAL JOURNAL OF
MEDICINE AND PSYCHOLOGY /
МЕЖДУНАРОДНЫЙ ЖУРНАЛ
МЕДИЦИНЫ И ПСИХОЛОГИИ**

2025, Том 8, № 4

Подписано к публикации: 22.05.2025

Главный редактор журнала
Боязитова Ирина Валерьевна, доктор психологических наук, профессор

Члены редакционной коллегии

- Агранович Надежда Владимировна** (РФ, г. Ставрополь) – доктор медицинских наук, профессор
Азовцева Ольга Владимировна (РФ, г. Санкт-Петербург) – кандидат медицинских наук, доцент
Акбиева Зарема Солтанмуратовна (РФ, г. Махачкала) – доктор психологических наук, профессор
Аль Замил Мустафа Кхалил М. Дауд (РФ, г. Москва) – доктор медицинских наук, доцент
Аскерханов Гамид Рашидович (РФ, г. Махачкала) – доктор медицинских наук, профессор
Баев Валерий Михайлович (РФ, г. Пермь) – доктор медицинских наук, профессор
Берсенева Евгения Александровна (РФ, г. Москва) – доктор медицинских наук, профессор
Боязитова Ирина Валерьевна (РФ, г. Пятигорск) – доктор психологических наук, профессор
Васильев Андрей Глебович (РФ, г. Санкт-Петербург) – доктор медицинских наук, профессор
Гаджимурадова Зоя Магомедовна (РФ, г. Махачкала) – доктор психологических наук, профессор
Гайдуков Сергей Николаевич (РФ, г. Санкт-Петербург) – доктор медицинских наук, профессор
Гвозденко Татьяна Александровна (РФ, г. Владивосток) – доктор медицинских наук, профессор
Дергунов Анатолий Владимирович (РФ, г. Санкт-Петербург) – доктор медицинских наук, профессор
Дерягина Лариса Евгеньевна (РФ, г. Москва) – доктор медицинских наук, профессор
Есина Елена Юрьевна (РФ, г. Воронеж) – доктор медицинских наук, профессор
Зеленский Владимир Александрович (РФ, г. Ставрополь) – доктор медицинских наук, профессор
Иванова Ольга Николаевна (РФ, г. Якутск) – доктор медицинских наук, профессор
Карлова Елена Владимировна (РФ, г. Самара) – доктор медицинских наук, профессор
Козлова Елена Михайловна (РФ, г. Нижний Новгород) – доктор медицинских наук, профессор
Корабельников Александр Иванович (РФ, г. Великий Новгород) – доктор медицинских наук, профессор
Кудайбергенов Талгат Капаевич (Казахстан, г. Алма-Ата) – доктор медицинских наук, профессор
Куликова Наталья Геннадьевна (РФ, г. Москва) – доктор медицинских наук, профессор
Леонова Елена Сергеевна (РФ, г. Нижний Новгород) – доктор медицинских наук, профессор
Ловцова Любовь Валерьевна (РФ, г. Нижний Новгород) – доктор фармацевтических наук, доцент
Локшин Вячеслав Нотанович (Казахстан, г. Алма-Ата) – доктор медицинских наук, профессор
Лоскутов Игорь Анатольевич (РФ, г. Москва) – доктор медицинских наук, профессор
Меских Елена Валерьевна (РФ, г. Москва) – доктор медицинских наук, профессор
Накохова Рида Рашидовна (РФ, г. Черкесск) – доктор психологических наук, профессор
Новопольцева Екатерина Геннадьевна (РФ, г. Нижний Новгород) – доктор медицинских наук, профессор
Овсяник Ольга Александровна (РФ, г. Москва) – доктор психологических наук, доцент
Пазухина Светлана Вячеславовна (РФ, г. Тула) – доктор психологических наук, доцент
Пантюхин Андрей Валерьевич (РФ, г. Смоленск) – доктор фармацевтических наук, доцент
Петрова Наталия Гурьевна (РФ, г. Санкт-Петербург) – доктор медицинских наук, профессор
Петрушкина Надежда Петровна (РФ, г. Челябинск) – доктор медицинских наук, старший научный сотрудник
Прокопьев Николай Яковлевич (РФ, г. Тюмень) – доктор медицинских наук, профессор
Прошин Андрей Владимирович (РФ, г. Великий Новгород) – доктор медицинских наук, доцент
Прошина Лидия Григорьевна (РФ, г. Великий Новгород) – доктор медицинских наук, профессор
Севрюков Федор Анатольевич (РФ, г. Нижний Новгород) – доктор медицинских наук, доцент
Семенова Файзура Ореловна (РФ, г. Карачаевск) – доктор психологических наук, профессор
Скосарев Иван Александрович (Казахстан, г. Караганда) – доктор медицинских наук, профессор
Спирина Алена Вадимовна (РФ, г. Тюмень) – кандидат психологических наук, доцент
Тихомирова Галия Имамутдиновна (РФ, г. Ижевск) – доктор медицинских наук, доцент
Ткаченко Ирина Валериевна (РФ, г. Армавир) – доктор психологических наук, доцент
Федоров Андрей Алексеевич (РФ, г. Екатеринбург) – доктор медицинских наук, профессор
Хаджиева Зара Джамалеевна (РФ, г. Пятигорск) – доктор фармацевтических наук, профессор
Ханидов Сергей Курбанович (РФ, г. Тула) – кандидат психологических наук, доцент
Хан Майя Алексеевна (РФ, г. Москва) – доктор медицинских наук, профессор
Пахеева Анжелика Амировна (РФ, г. Махачкала) – доктор психологических наук, профессор
Шабанов Петр Дмитриевич (РФ, г. Санкт-Петербург) – доктор медицинских наук, профессор
Шарабрин Евгений Георгиевич (РФ, г. Нижний Новгород) – доктор медицинских наук, профессор
Ястребова Елена Борисовна (РФ, г. Санкт-Петербург) – доктор медицинских наук, профессор

«International Journal of Medicine and Psychology / Международный журнал медицины и психологии»
включен в перечень ВАК с 04.02.2020г., РИНЦ (Elibrary.ru) и в Международную базу данных Agris.

Регистрационный номер СМИ: Эл № ФС77-76101 от 24 июня 2019г. Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

ISSN 2658-3313 (online)

E-mail: ijmp-journal@yandex.ru

Сайт: <https://ijmp.ru>

DOI: 10.58224/2658-3313-2025-8-4

© International Journal of Medicine and Psychology / Международный журнал медицины и психологии, 2025

МЕДИКО-БИОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

- Дмитриевская М.И., Калашникова А.Д., Курносова А.А.**
Гофликицепт: новый препарат для лечения идиопатического рецидивирующего перикардита 6-13
- Новикова Е.Е.**
Технологии выявления факторов риска развития патологии у лиц молодого возраста 14-24
- Курбанова З.В., Бегова М.А.**
Хронический парапроктит: алгоритмы диагностики лечения и реабилитации пациентов 25-33
- Бухтиярова И.П., Фенич О.В., Коцюбинский В.А., Перькова Е.А.**
Пробиотик «Пентапрол» как альтернатива антибиотикам в коррекции микробиома половых путей свиноматок 34-39
- Соломанина О.О., Кондратьева Н.С., Бодрова С.М.**
Патофизиологические теории возникновения шизофрении и ее распространенность 40-46
- Гусейнова С.Т., Эседова А.Э., Сагитова С.З., Велибекова К.К.**
Анатомия легких: влияние курения на развитие эмфиземы 47-54
- Межнов А.Е., Бояркин Е.В., Мигунова К.С.**
Способы моделирования катетеризации воротной вены на мелких лабораторных животных и последующая внутрипортальная коррекция функциональных состояний печени при желтухе обтурационного генеза 55-61
- Дмитриевская М.И., Леонова В.Г., Хосровян А.А.**
Вилтепсо: новый стандарт в лечении и его преимущества 62-68
- Столяров В.В., Гаджибекова Нармин Гаджибала кызы, Литовченко О.Г., Юрина М.А.**
Частота встречаемости аномалий развития позвоночной артерии у мужчин в возрасте 20-30 лет, проживающих в условиях Севера 69-74

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

- Ганьшин С.О.**
Особенности искажения образной и вербальной информации в процессе коммуникации 75-82
- Шашкова М.И., Курочкина И.А.**
Партнерский фаббинг и его значение в контексте романтических отношений 83-91
- Ягудин Д.Р., Павлова И.В.**
Концепция нейроинтуиции и ее активация в режиме подсознательного мышления 92-97
- Долгов М.А., Попова Ю.И.**
Возможность применения осознанных сновидений для психологической саморегуляции 98-106
- Тельманова Е.В., Андронникова О.О.**
Модель профессионального мышления психолога: структура и условия развития 107-114
- Луговская М.Ю.**
Проблемы учебной мотивации студентов на современном этапе и способы работы с ней 115-124

Ганьшин С.О. Факторы, влияющие на рациональное и иррациональное мышление	125-132
Лучинкина А.И., Аль-Шаер Е.С. Психологические особенности интернет-активной личности	133-139
Романова И.В., Литвиненко К.К. Цифровая среда как фактор риска суицидального поведения подростков	140-145
Зверева Е.И. Психолого-педагогические аспекты оценивания школьников	146-152
Кречетов И.А., Козьяков Р.В. Социально-психологические детерминанты устойчивости мотивации на тренировках самбо	153-159
Лукин И.Б., Евстифеева Е.А., Гридякина Д.Ю., Финагина А.В. Качество жизни, релевантное здоровью у пациентов с нарушениями ритма сердца	160-169
Ларионова Л.И., Петров В.Г., Леонова В.О. Структурная модель ценностно-смысловой сферы личности студентов	170-179
Зиневич А.В. Субъектная саморегуляция и смысложизненные ориентации как факторы психологического благополучия в условиях профессиональных стрессов	180-186
Клищенко Р.Н. Психологическое благополучие людей с разными мотивами употребления алкоголя	187-193
Шаренкова Л.А., Горянная Н.А., Смолина В.С., Мищенко И.В. Оценка уровня тревожности студентов медицинского университета различных факультетов	194-200
Педич Г.Г., Исакович Е.И. Феномен девиантного проявления в конце XIX-XX веках	201-207
Стебакова Д.А. Специфика временного восприятия и управления временем жизни в среднем возрасте, в зависимости от доминирующего статуса эго-идентичности	208-216
Соловьев В.Е. Мотивационно-потребностная сфера коррупционера	217-223
Алемасов М.А., Скрипниченко Л.С. Совершенствование системы мотивации и стимулирования трудовой деятельности персонала в организации страховой сферы	224-228
Капацинская В.М., Перепечаев Д.А. Взаимосвязь эмоционального интеллекта и психического здоровья	229-234
Грибков А.А. Исследование развития познавательной активности студентов	235-241
Усова Н.В. Модель поведения молодежи в цифровой среде	242-247

Лукашенко Д.В.

Психолого-педагогические условия формирования эмоционального интеллекта
у детей старшего дошкольного возраста в цифровой образовательной среде 248-252

Соловьев В.Е.

Макиавеллистский интеллект и склонность к проявлению коррупционного поведения 253-259

**Костарев В.В., Стоянова И.Я., Кожевникова Т.А.,
Иванова Е.В., Титовец К.И.**

Психологические и социально-личностные характеристики женщин,
подвергающихся семейному насилию 260-269

Липовая О.А.

Особенности психологической готовности будущих педагогов
к осуществлению волонтерской деятельности 270-277

Петунова С.А., Степанова В.В., Григорьева Н.В., Максимова Н.Л., Николаев Е.Л.

Жизнестойкость у подростков из семей с социально опасным положением 278-283

Беловол Е.В., Сенчило М.А.

Инновационные технологии для уменьшения страха перед
инвазивными медицинскими изделиями 284-289

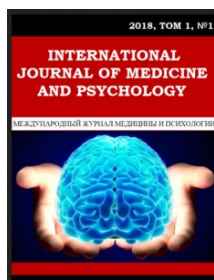
Соколова М.М., Токарева Ю.А.

Психологическое сопровождение в учебном процессе как фактор
профессионального становления курсантов 290-297

Фокина Т.А.

Субъективное ощущение одиночества и уровень социальной
адаптированности у студентов-первокурсников высших учебных заведений 298-303

МЕДИКО-БИОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Научно-исследовательский журнал «International Journal of Medicine and Psychology / Международный журнал медицины и психологии»

<https://ijmp.ru>

2025, Том 8, № 4 / 2025, Vol. 8, Iss. 4 <https://ijmp.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 3.3.6. Фармакология, клиническая фармакология (фармацевтические науки)

УДК 615.03

¹ Дмитриевская М.И.,

¹ Калашникова А.Д.,

¹ Курносова А.А.,

¹ Ордена Трудового Красного Знамени Медицинский институт им. С.И. Георгиевского

Гофликицепт: новый препарат для лечения идиопатического рецидивирующего перикардита

Аннотация: гофликицепт является примером инновационного подхода в фармацевтике. Как иммунодепрессант, он может быть полезен в лечении различных аутоиммунных заболеваний и воспалительных процессов, связанных с избыточной активностью цитокинов, таких как ИЛ-1.

Наибольшую эффективность препарат демонстрирует при лечении пациентов с идиопатическим рецидивирующим перикардитом, при котором ингибирование активности интерлейкина-1 позволяет добиться значительного улучшения состояния больного.

В результате проведенных клинических испытаний была доказана его эффективность в снижении проявления симптомов идиопатического рецидивирующего перикардита, а также частоты рецидивов заболевания. Эти результаты делают данный препарат важным достижением в области иммуносупрессивной терапии, открывая новые возможности для лечения и других заболеваний, имеющих сходный патогенез.

Ключевые слова: идиопатический рецидивирующий перикардит, ингибиторы интерлейкина-1, иммунодепрессанты, Гофликицепт, аутовоспалительные заболевания

Для цитирования: Дмитриевская М.И., Калашникова А.Д., Курносова А.А. Гофликицепт: новый препарат для лечения идиопатического рецидивирующего перикардита // International Journal of Medicine and Psychology. 2025. Том 8. № 4. С. 6 – 13.

Поступила в редакцию: 3 февраля 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 1 апреля 2025 г.; Принята к публикации: 22 мая 2025 г.

¹ Dmitrievskaya M.I.,

¹ Kalashnikova A.D.,

¹ Kurnosova A.A.,

¹ Order of the Red Banner of Labor Medical Institute named after S.I. Georgievskiy

Goflicicept: a new drug for the treatment of idiopathic recurrent pericarditis

Abstract: goflikicept is an innovative pharmaceutical production. As an immunosuppressant, it can be used as a result of various autoimmune diseases and inflammatory processes associated with excessive activity of cytokines, such as IL-1.

The drug is most effective in the treatment of patients with idiopathic recurrent pericarditis, in which inhibition of interleukin-1 activity allows to achieve a significant improvement in the patient's condition.

As a result of clinical trials, its effectiveness in reducing the symptoms of idiopathic recurrent pericarditis, as well as the frequency of recurrence of the disease, was proven. These results make this drug an important achieve-

ment in the field of immunosuppressive therapy, opening up new opportunities for the treatment of other diseases with a similar pathogenesis.

Keywords: idiopathic recurrent pericarditis, interleukin-1 inhibitors, immunosuppressants, Goflikcept, autoimmune-inflammatory diseases

For citation: Dmitrievskaya M.I., Kalashnikova A.D., Kurnosova A.A. Gofliccept: a new drug for the treatment of idiopathic recurrent pericarditis. International Journal of Medicine and Psychology. 2025. 8 (4). P. 6 – 13.

The article was submitted: February 3, 2025; Approved after reviewing: April 1, 2025; Accepted for publication: May 22, 2025

Введение

Использование Гофликицепта основано на способности белков, подобных иммуноглобулинам, взаимодействовать с иммунной системой и модулировать иммунные ответы [1].

Преимущества его использования включают:

- Минимальные побочные эффекты: поскольку он не гликозилирован, вероятность иммунного ответа со стороны организма снижается, что может привести к меньшему количеству аллергических реакций и других побочных эффектов.

- Высокая биодоступность: это свойство позволяет препарату более эффективно усваиваться организмом, что может повысить его терапевтическую эффективность и снизить необходимость в высоких дозах.

Производство в клетках яичника китайского хомячка, что часто используются для производства рекомбинантных белков из-за их способности к посттрансляционным модификациям, что делает процесс более предсказуемым и контролируемым [2].

Регистрация препарата и статус в РФ:

Гофликицепт – это новый гетеродимерный гибридный белок, который стал первым отечественным оригинальным препаратом для лечения идиопатического рецидивирующего перикардита, а также для других аутовоспалительных заболеваний. В России данный препарат имеет орфанный статус, который он получил в 2024 году, что подтверждает его значение в борьбе с редкими заболеваниями, так как это единственное зарегистрированное в стране средство для патогенетической терапии данного заболевания у пациентов старше 18 лет. Проведенные различные клинические испытания подтвердили высокую эффективность препарата, сделав его незаменимым средством для лечения идиопатического рецидивирующего перикардита [6].

Гофликицепт, являющийся инновационным препаратом, разработан в России и запатентован в 59 странах, что демонстрирует его значимость не только для отечественного, но и для зарубежного

рынка. При применении данного препарата улучшается качество жизни пациентов с идиопатическим рецидивирующим перикардитом не только в России, но и в других странах мира [8].

Кроме того, он был предложен для включения в перечень жизненно необходимых и важнейших лекарственных средств, что подтверждает его высокое качество и достоинства. Также получение сертификата «Сделано в России» на данный препарат свидетельствует о надежности и уникальности препарата [3].

Таким образом, создание и регистрация данного препарата открывает новые возможности в области кардиологии и ревматологии, обеспечивая врачам эффективный инструмент для управления этими тяжелыми заболеваниями.

Материалы и методы исследований

Цель: изучить воздействие препарата при идиопатическом рецидивирующем перикардите, а также сравнить препараты для лечения данного заболевания с Гофликицептом и выявить его преимущества.

Задачи:

1. Изучить фармакокинетику и фармакодинамику препарата;

2. Провести сравнительную характеристику препаратов для лечения идиопатического рецидивирующего перикардита, ссылаясь на данные зарубежной и отечественной научной литературы.

3. Основываясь на полученных знаниях, выявить преимущества Гофликицепта по сравнению с другими препаратами данной группы.

Методы: для достижения поставленной цели был проведен систематический поиск и анализ результатов публикаций и онлайн ресурсов за период с 2019 по 2024 годы. Все публикации были индексированы в базе данных PubMed, e-Library, Scholar.

Результаты и обсуждения

Фармакологические свойства препарата:

Гофликицепт обладает уникальной гетеродимерной структурой, из-за которой препарат способен подавлять синтез провоспалительных цитокинов. Его особенностью является его взаимодей-

ствие с ИЛ-1 β и частично с ИЛ-1 α , благодаря чему он ингибирует данные цитокины, снижая активность воспалительных процессов в организме. Это способствует значительному уменьшению воспаления и снижению частоты обострений при идиопатическом рецидивирующем перикардите, обеспечивая более стабильное течение заболевания и потенциальное улучшение качества жизни пациентов [4].

Данный препарат не только блокирует воспалительные сигналы на молекулярном уровне, но и значительно снижает концентрацию С-реактивного белка – общепринятого маркера воспаления в организме. Благодаря этому происходит уменьшение боли в груди и сокращение перикардальных выпотов у больных [5].

Применение препарата:

Гофликицепт применяется для лечения идиопатического рецидивирующего перикардита – воспаления перикарда сердца. Данное заболевание характеризуется периодическими вспышками воспаления, что делает его сложным для лечения. Снижение воспаления и улучшение состояния пациентов достигается с помощью ингибирования ИЛ-1, который играет важную роль в развитии этого заболевания [7].

Гофликицепт действительно представляет собой интересный препарат с перспективами в области терапии, особенно благодаря своему происхождению и механизму действия. Подкожное введение позволяет избежать некоторых из побочных эффектов, связанных с другими способами введения, и обеспечивает более стабильное распределение препарата в организме [9].

Кроме того, возможность выбора места инъекции делает процесс лечения более гибким и удобным для пациентов, что может положительно сказаться на их приверженности к терапии. Это особенно важно в долгосрочных курсах лечения, где соблюдение режима приема препарата критично для достижения желаемых результатов.

Помимо применения при идиопатическом рецидивирующем перикардите, данный препарат также изучается для лечения других аутовоспалительных заболеваний, таких как семейная средиземноморская лихорадка, ревматоидный артрит, а именно болезнь Стилла, остеоартрит, синдром Шницлера и подагра. Эти исследования открывают новые возможности для использования препарата в лечении хронических воспалительных процессов, не ограничиваясь только кардиологией [10].

Исследования эффективности препарата:

Клинические исследования II и III фазы показали высокую эффективность Гофликицепта в ле-

чении идиопатического рецидивирующего перикардита. Оно проводилось на 22 пациентах, страдающих от идиопатического рецидивирующего перикардита. Исследование состояло из четырех этапов: скрининг, вводный период, рандомизированное прекращение и последующее наблюдение. В течение вводного периода участники получали препарат, после чего 20 человек, показавших положительный ответ на него, были распределены для получения либо Гофликицепта, либо плацебо. Основной целью исследования было определение снижения риска рецидивов заболевания по сравнению с контрольной группой. Наблюдение за испытуемыми проводилось в течение 24 недель [22].

У пациентов, проходящих испытания, в течение вводного периода наблюдалось значительное уменьшение симптомов, таких как боли в груди и ограничения физической активности, значительное снижение С-реактивного белка и перикардального выпота, по сравнению с исходным уровнем, что свидетельствует о положительном эффекте проводимого лечения [11].

Также данные исследования продемонстрировали быстрое наступление эффекта после применения лекарства. Симптомы заболевания у больных заметно уменьшались уже спустя три дня после первой дозы препарата. Данный результат показывает высокую скорость действия и его значимость в качестве первичной терапии для больных идиопатическим рецидивирующим перикардитом. Быстрота реакции на лечение может позволить врачам незамедлительно реагировать на стремительно развивающееся заболевание [11, 12].

Важно отметить, что после проведенных исследований COURSE, пациенты, получавшие терапию с использованием Гофликицепта не сталкивались с рецидивами после лечения в течение 24 недель. Однако в группе плацебо рецидивы идиопатического рецидивирующего перикардита произошли у 9 из 10 пациентов (в 90% случаев). Кроме того, данное исследование подтверждает у пациентов стабильную ремиссию в 98% случаев после курса лечения. Поэтому данный препарат уменьшает не только вероятность рецидивов, но и помогает поддерживать ремиссию длительное время. При лечении им также возможна отмена других видов терапии идиопатического рецидивирующего перикардита, например глюкокортикоиды в подготовительном периоде лечения [21, 22].

Также в ходе данного исследования было зафиксировано 122 случая побочных эффектов у 21 пациента, что свидетельствует о высокой частоте их возникновения. Однако стоит заметить, что эти явления не представляли серьезной угрозы для здоровья, например местные реакции на уколы

или респираторные инфекции, которые не оказывали значительного влияния на общее самочувствие пациентов и были ожидаемыми. Поэтому исследование не выявило новых опасений относительно безопасности препарата, что подтверждает его благоприятный профиль безопасности. Кроме того анализ 122 зарегистрированных случаев побочных эффектов показал, что ни один из них не привел к летальному исходу, что еще больше подтверждает его безопасность даже при наличии различных побочных явлений [21].

Все это подтверждает эффективность этого препарата и необходимость его включения в стандартную схему лечения идиопатического рецидивирующего перикардита. Такое решение поможет существенно сократить количество рецидивов, ускорить лечение заболевания и улучшить общее состояние здоровья пациентов [13].

Побочные эффекты и противопоказания препарата:

Гофликицепт, являясь иммуносупрессивным препаратом, может вызывать различные побочные эффекты. Наиболее частыми из них являются воспаление верхних дыхательных путей, развитие анемии и нейтропении вследствие угнетения функции костного мозга. Также возможно развитие гипергликемии из-за нарушения метаболизма, в связи с этим требуется постоянный контроль уровня глюкозы в крови у пациентов, принимавших данный препарат [14].

Кроме того, во время терапии им возможно развитие инфекционных осложнений, включая активацию скрытых инфекций, таких как туберкулез. Поэтому врачам следует регулярно обследовать пациентов на наличие признаков инфекции и проводить исследования для раннего обнаружения возможных осложнений, так как это поможет значительно снизить риски появления побочных эффектов и гарантировать безопасность проводимого лечения. А также пациентов необходимо изначально предупреждать о возможных признаках осложнений, для того чтобы больные и сами могли своевременно выявить их и обратиться к врачу для корректировки лечения [14].

Его применение противопоказано лицам с повышенной чувствительностью к его компонентам, беременным и кормящим женщинам из-за потенциального негативного воздействия на развитие ребёнка, пациентам с тяжелыми или острыми инфекциями, а также людям младше 18 лет, из-за недостаточного количества информации о безопасности препарата для этих группы [13].

Сравнение препаратов для лечения идиопатического рецидивирующего перикардита:

В последние годы ученые сосредоточились на создании и внедрении новых лекарств для борьбы с идиопатическим рецидивирующим перикардитом. Особенно внимание уделяется трем основным препаратам: Гофликицепту, Анакинре и Рилонацепту.

Среди них выделяется Гофликицепт – это новый биологический препарат, который показывает многообещающие результаты при длительном использовании, что выделяет его среди аналогов. Структурно он схож с Рилонацептом, но имеет меньшую молекулярную массу. Данный препарат ингибирует ИЛ-1, который является ключевым фактором воспалительного процесса, что способствует уменьшению симптомов аутовоспалительных заболеваний и снижению уровня воспаления [14, 20].

Подкожные инъекции им позволяют не только контролировать распределение лекарства в организме, но и минимизировать риск возникновения серьезных побочных эффектов, что делает его более безопасным вариантом для длительного лечения. Рекомендуемая схема применения препарата: начальная доза в 160 мг однократно, далее 80 мг на 7 и 14 дни после первого введения, а далее поддерживающая доза 80 мг каждые две недели. Длительность применения определяется индивидуально для каждого пациента. Начальная доза позволяет быстро достичь необходимого уровня препарата в организме, а последующие дозы обеспечивают поддержание этого уровня и помогают адаптировать лечение под индивидуальные потребности пациента. Чередование мест инъекций также является важным аспектом, который может помочь избежать местных реакций и сделать процесс лечения более комфортным. Проведенные испытания COURSE при участии НМИЦ имени В.А. Алмазова Минздрава России уже подтвердили его эффективность, особенно у пациентов с идиопатическим рецидивирующим перикардитом, благодаря чему данный препарат считается перспективным решением для лечения этой болезни. Данные о побочных эффектах Гофликицепта еще недостаточно изучены, однако известно, что во время терапии им может развиваться назофарингит и фарингит, также возможно развитие инфекционных осложнений. Кроме того, не до конца изучена его безопасность при печеночной недостаточности, так как на сегодняшний день отсутствуют данные о возможности влияния препарата на пациентов с нарушенной функцией печени, что вызывает опасения у специалистов [14, 19].

Анакинра также блокирует ИЛ-1 и активно используется для лечения различных воспалительных заболеваний, таких как остеоартрит и син-

дром Стилла. Блокируя действия ИЛ-1, этот препарат уменьшает воспаление и связанные с ним симптомы. Препарат вводится ежедневно подкожно в область живота, верхнюю часть бедра или наружную область бедра с дозировкой на начальном этапе 100 мг. Несмотря на то, что Анакинра продемонстрировала свою эффективность, использование этого препарата связано с высоким риском побочных эффектов. Исследования показывают, что у более половины пациентов, принимающих Анакинру, появляются нежелательные реакции, включая серьезные инфекционные осложнения, что делает необходимым постоянное наблюдение за пациентами в процессе лечения [15].

Рилонацепт – это современное лекарство, которое также предназначено для уменьшения воспалительных реакций и лечения аутовоспалительных заболеваний. Препарат вводится подкожно в область живота или предплечья, избегая мест с синяками, болезненностью и покраснением. Происходит введение Рилонацепта по специальной схеме, начиная с начальной дозы в 320 мг после чего каждую неделю вводят поддерживающие дозы по 160 мг. Особенно полезен Рилонацепт при лечении идиопатического рецидивирующего перикардита, так как он значительно сокращает количество обострений. Клинические исследования подтвердили его простоту в использовании и высокую эффективность, что делает его важным препаратом для лечения воспалительных заболеваний. Долгосрочная терапия Рилонацептом способствует значительному улучшению качества жизни, снижая количество рецидивов и облегчая симптомы. Однако, среди часто наблюдаемых побочных эффектов после применения Рилонацепта выделяют боли в животе и головные боли, которые могут негативно повлиять на качество жизни пациентов. Более того, возможно появление симптомов инфекции, например высокая температура, озноб, сильная боль в горле, ушах или в придаточных пазухах носа, кашель. Все это приводит к тому, что необходимо долгосрочное медицинское наблюдение за пациентами, принимающими Рилонацепт [16].

Наиболее частыми побочными эффектами антагонистов ИЛ-1, а в частности Анакинры и Рилонацепта, являются реакции в месте инъекции. Они проявляются болью, сыпью, покраснением и воспалением. Чаще всего встречаются при введении Анакинры, до 70% случаев, и проявляются ощущением жжения в первые недели, но после первого месяца применения препарата они быстро исчезают. Большинство из этих реакций проходит в легкое или среднетяжелой форме, что приводит к

отмене препарата менее чем у 5% пациентов. К другим побочным эффектам, возникающим при применении Рилонацепта и Анакинры можно отнести бактериальные инфекции, такие как целлюлит, инфекции костей и суставов, пневмонию.

В процессе клинических исследований было установлено, что Гофликицепт, обладая схожей эффективностью с Рилонацептом и Анакинрой, имеет преимущество в виде уменьшения кратности его приема при незначительном количестве побочных эффектов [15, 16].

Исследование COURSE также демонстрирует, что 98% пациентов, получавших Гофликицепт, отметили положительный эффект от терапии, в то время как рецидив перикардита не наблюдался у тех, кто проходил лечение этим препаратом на протяжении 24 недель [14].

Таким образом, Гофликицепт считается наиболее оптимальным средством для продолжительного лечения идиопатического рецидивирующего перикардита благодаря своим характеристикам и способности снижать уровни воспалительных цитокинов в процессе терапии, а также благодаря более высокой эффективности и меньшему количеству побочных эффектов по сравнению с Анакинрой и Рилонацептом [17, 18].

Выводы

Создание Гофликицепта представляет собой значимое событие, являющееся важным шагом вперед в лечении идиопатического рецидивирующего перикардита, так как это первый препарат в России, разработанный для таргетной терапии данного заболевания. Его регистрация открывает новые возможности для врачей в борьбе с этим заболеванием. Уникальность данного препарата заключается в его целенаправленном действии, которое не только способствует облегчению симптомов, но и значительно снижает вероятность рецидивов, что делает его ценным инструментом в области кардиологии.

Перспективы использования препарата выходят далеко за пределы лечения идиопатического рецидивирующего перикардита, так как его механизм действия применим и к другим аутовоспалительным заболеваниям, например семейная средиземноморская лихорадка и ревматоидный артрит. Поэтому текущие исследования демонстрируют его потенциал в лечении других заболеваний, связанных с воспалительными процессами, открывая новые направления для его использования. Благодаря уникальной разработке, он может стать основой для будущих инновационных терапий, что закрепляет его позицию как важного препарата в современной медицине.

Список источников

1. Мячикова В.Ю., Маслянский А.Л., Моисеева О.М., Щедрова М.Л., Егорова А.Н., Пономарь Е.Г., Самсонов М.Ю. Длительное лечение гофликицептом пациентов с идиопатическим рецидивирующим перикардитом: данные промежуточного анализа открытого продленного исследования // Терапевтический архив. 2024. № 9. С. 892 – 899.
2. Мячикова В.Ю., Маслянский А.Л., Моисеева О.М. Идиопатический рецидивирующий перикардит – новое орфанное ауто-воспалительное заболевание? Ретроспективный анализ случаев идиопатического рецидивирующего перикардита и план рандомизированного, плацебо-контролируемого исследования для оценки терапевтической эффективности и безопасности блокатора ИЛ-1 (RPH-104) // Кардиология. 2021. 3 61 (1). С. 72 – 77.
3. Арутюнов Г.П., Палеев Ф.Н., Тарловская Е.И., и др. Перикардиты. Клинические рекомендации 2022 // Российский кардиологический журнал. 2023. № 28 (3). С. 53 – 98.
4. Яковлева Д.Р., Степченко М.А., Мещерина Н.С. Генно-инженерные биологические препараты: окно возможности в кардиологической практике // Кардиология: новости, мнения, обучение. 2024. Т. 12. № 4. С. 66 – 74.
5. Сережина Е.К., Обрезан А.Г. Идиопатический рецидивирующий перикардит: актуальный взгляд на проблему // Кардиология: новости, мнения, обучение. 2024. Т. 12. № 1. С. 23 – 29.
6. Гофликицепт (Goflikiceptum) описание / «Регистр лекарственных средств России РЛС» [Электронный ресурс] // РЛС: [сайт]. URL: <https://www.rlsnet.ru/active-substance/goflikicept-4376> (дата обращения: 18.11.2024)
7. Шохин Е.И. «Р-ФАРМ» и сеченовский университет исследуют гофликицепт для терапии семейной средиземноморской лихорадки [Электронный ресурс] // Научно-производственный журнал – РРЛС: [сайт]. URL: <https://www.pharmjournal.ru/jour/announcement/view/1404> (дата обращения: 25.11.2024)
8. «Р-Фарм» «Р-Фарм» представила доклад о новом оригинальном препарате гофликицепт на конференции EULAR 2022 / «Р-Фарм» [Электронный ресурс] // Фармацевтический вестник: [сайт]. URL: <https://pharmvestnik.ru/content/news/R-Farm-predstavil-doklad-o-novom-originalnom-preparate-goflikicept-na-konferencii-EULAR-2022.html> (дата обращения 02.11.2024)
9. Роман Д. Рилонепт: первое лекарство против хронического перикардита [Электронный ресурс] // Мосмедпрепараты: [сайт]. URL: <https://mosmedpreparaty.ru/news/21218> (дата обращения 12.11.2024)
10. Группа "Ремедиум" зарегистрирован препарат для лечения идиопатического рецидивирующего перикардита / Группа "Ремедиум" [Электронный ресурс] // Ремедиум: [сайт]. URL: <https://remedium.ru/news/zaregistririvan-preparat-dlya/> (дата обращения 12.11.2024)
11. Никита Закревский «Р-Фарм» зарегистрировал препарат от идиопатического рецидивирующего перикардита / Никита Закревский [Электронный ресурс] // Vademecum: [сайт]. URL: <https://vademec.ru/news/2024/06/17/r-farm-zaregistririval-preparat-ot-idiopaticheskogo-retsdiviruyushchego-perikardita/> (дата обращения 08.11.2024)
12. Шохин И.Е. «Р-ФАРМ» завершил исследование собственного оригинального препарата арцерикс для терапии идиопатического рецидивирующего перикардита [Электронный ресурс] // pharmjournal: [сайт]. URL: https://www.pharmjournal.ru/jour/announcement/view/1087?locale=en_US (дата обращения 09.11.2024)
13. Василий И., Солодов А. «Р-Фарм» получила сертификат «Сделано в России» на инновационный препарат для лечения идиопатического перикардита [Электронный ресурс] // Росконгресс: [сайт]. URL: <https://roscongress.org/news/r-farm-poluchila-sertifikat-sdelano-v-rossii-na-innovatsionnyj-preparat-dlja-lechenija-idiopatichesk/> (дата обращения: 02.12.2024)
14. Сетевое издание Фармацевтический портал "ИНФАРМ" На ESC 2023 в Амстердаме представлены результаты исследования препарата гофликицепт ГК «Р-Фарм» / Сетевое издание Фармацевтический портал "ИНФАРМ" [Электронный ресурс] // Инфарм: [сайт]. URL: <https://www.inpharm.ru/novosti/2023/09/21/na-esc-2023-v-amsterdame-predstavleny-rezultaty-issledovaniya-preparata-goflikitsept-gk-r-farm.html> (дата обращения 14.11.2024)
15. Анакинра (Anakinra) [Электронный ресурс] // Лекарственный справочник ГЭОТАР: [сайт]. URL: <https://www.lsgeotar.ru/anakinra.html?ysclid=m8dkuseo42180451149>
16. Rilonacept (Rx) [Электронный ресурс] // Medscape: [сайт]. URL: <https://reference.medscape.com/drug/arcylst-rilonacept-343195#0> (дата обращения: 18.11.2024)
17. Imazio M., Lazaros G., Gattorno M. et al. Anti-interleukin-1 agents for pericarditis: a primer for cardiologists. Eur Heart J. 2022. № 43 (31). P. 2946 – 2997.

18. Feldman J.M., Frishman W.H., Aronow W.S. Goflikicept and Related IL-1 Inhibitors in the Treatment of Recurrent Pericarditis. *Cardiol Rev.* 2024.
19. Myachikova V.Y., Maslyanskiy A.L., Moiseeva O.M. et al. Treatment of Idiopathic Recurrent Pericarditis With Goflikicept: Phase II/III Study Results // *J Am Coll Cardiol.* 2023. № 82 (1). P. 30 – 40.
20. Klein A.L., Imazio M., Cremer P. et al. Phase 3 Trial of Interleukin-1 Trap Rilonacept in Recurrent Pericarditis // *N Engl J Med.* 2021. № 384 (1). C. 31 – 41.
21. Feldman J.M., Frishman W.H., Aronow W.S. Goflikicept and Related IL-1 Inhibitors in the Treatment of Recurrent Pericarditis. *Cardiol Rev.* 2024 May 2. doi: 10.1097/CRD.0000000000000704. Epub ahead of print. PMID: 38709249.
22. Myachikova V.Y., Maslyanskiy A.L., Moiseeva O.M., Vinogradova O.V., Gleykina E.V., Lavrovsky Y., Abbate A., Grishin S.A., Egorova A.N., Schedrova M.L., Samsonov M.Y. Treatment of Idiopathic Recurrent Pericarditis With Goflikicept: Phase II/III Study Results // *J Am Coll Cardiol.* 2023 Jul. 4. № 82 (1). P. 30 – 40. doi: 10.1016/j.jacc.2023.04.046. PMID: 37380301.

References

1. Myachikova V.Yu., Maslyansky A.L., Moiseeva O.M., Shchedrova M.L., Egorova A.N., Ponomar E.G., Samsonov M.Yu. Long-term treatment with goflikicept in patients with idiopathic recurrent pericarditis: data from an interim analysis of an open-label extension study. *Therapeutic archive.* 2024. No. 9. P. 892 – 899.
2. Myachikova V.Yu., Maslyansky A.L., Moiseeva O.M. Idiopathic recurrent pericarditis – a new orphan autoimmune-inflammatory disease? Retrospective analysis of cases of idiopathic recurrent pericarditis and the design of a randomized, placebo-controlled study to evaluate the therapeutic efficacy and safety of an IL-1 blocker (RPH-104). *Cardiology.* 2021. 3 61 (1). P. 72 – 77.
3. Arutyunov G.P., Paleev F.N., Tarlovskaya E.I., et al. Pericarditis. Clinical guidelines 2022. *Russian journal of cardiology.* 2023. No. 28 (3). P. 53 – 98.
4. Yakovleva D.R., Stepchenko M.A., Meshcherina N.S. Genetically engineered biological drugs: a window of opportunity in cardiology practice. *Cardiology: news, opinions, training.* 2024. Vol. 12. No. 4. P. 66 – 74.
5. Serezhina E.K., Obrezan A.G. Idiopathic recurrent pericarditis: an up-to-date look at the problem. *Cardiology: news, opinions, training.* 2024. Vol. 12. No. 1. P. 23 – 29.
6. Goflikiceptum description. “Russian Register of Medicines RLS” [Electronic resource]. RLS: [site]. URL: <https://www.rlsnet.ru/active-substance/goflikicept-4376> (accessed: 11/18/2024)
7. Shokhin E.I. “R-PHARM” and Sechenov University are studying goflikicept for the treatment of familial Mediterranean fever. [Electronic resource]. Scientific and production journal – RRLS: [site]. URL: <https://www.pharmjournal.ru/jour/announcement/view/1404> (date of access: 25.11.2024)
8. R-Pharm R-Pharm presented a report on the new original drug goflikicept at the EULAR 2022 conference. R-Pharm [Electronic resource]. Pharmaceutical Bulletin: [website]. URL: <https://pharmvestnik.ru/content/news/R-Farm-predstavil-doklad-o-novom-originalnom-preparate-goflikicept-na-konferencii-EULAR-2022.html> (date of access: 02.11.2024)
9. Roman D. Rilonecept: the first drug against chronic pericarditis [Electronic resource]. Mosmedpreparaty: [website]. URL: <https://mosmedpreparaty.ru/news/21218> (date of access 11/12/2024)
10. The Remedium Group has registered a drug for the treatment of idiopathic recurrent pericarditis. The Remedium Group [Electronic resource]. Remedium: [website]. URL: <https://remedium.ru/news/zaregistrirovan-preparat-dlya/> (date of access: 11.12.2024)
11. Nikita Zakrevsky R-Pharm has registered a drug for idiopathic recurrent pericarditis. Nikita Zakrevsky [Electronic resource]. Vademecum: [website]. URL: <https://vademec.ru/news/2024/06/17/r-farm-zaregistriroval-preparat-ot-idiopatcheskogo-retsdiviruyushchego-perikardita/> (date of access 08.11.2024)
12. Shokhin I.E. “R-PHARM” completed a study of its own original drug Artserix for the treatment of idiopathic recurrent pericarditis [Electronic resource]. pharmjournal: [website]. URL: https://www.pharmjournal.ru/jour/announcement/view/1087?locale=en_US (date of access 09.11.2024)
13. Vasily I., Solodov A. “R-Pharm” received the “Made in Russia” certificate for an innovative drug for the treatment of idiopathic pericarditis [Electronic resource]. Roscongress: [website]. URL: <https://roscongress.org/news/r-farm-poluchila-sertifikat-sdelano-v-rossii-na-innovatsionnyj-preparat-dlja-lechenija-idiopatchesk/> (date accessed: 02.12.2024)

14. Online publication Pharmaceutical portal "INFARM" Results of the study of the drug goflikicept by R-Pharm Group were presented at ESC 2023 in Amsterdam. Online publication Pharmaceutical portal "INFARM" [Electronic resource]. Inpharm: [website]. URL: <https://www.inpharm.ru/novosti/2023/09/21/na-esc-2023-v-amsterdame-predstavleny-rezultaty-issledovaniya-preparata-goflikitsept-gk-r-farm.html> (date of access: 11.14.2024)
15. Anakinra (Anakinra) [Electronic resource]. Drug reference GEOTAR: [site]. URL: <https://www.lsgeotar.ru/anakinra.html?ysclid=m8dkuseo42180451149>
16. Rilonacept (Rx) [Electronic resource]. Medscape: [site]. URL: <https://reference.medscape.com/drug/arcalyst-rilonacept-343195#0> (date of access: 11.18.2024)
17. Imazio M., Lazaros G., Gattorno M. et al. Anti-interleukin-1 agents for pericarditis: a primer for cardiologists. Eur Heart J. 2022. No. 43 (31). P. 2946 – 2997.
18. Feldman J.M., Frishman W.H., Aronow W.S. Goflikicept and Related IL-1 Inhibitors in the Treatment of Recurrent Pericarditis. Cardiol Rev. 2024.
19. Myachikova V.Y., Maslyanskiy A.L., Moiseeva O.M. et al. Treatment of Idiopathic Recurrent Pericarditis With Goflikicept: Phase II/III Study Results. J Am Coll Cardiol. 2023. No. 82 (1). P. 30 – 40.
20. Klein A.L., Imazio M., Cremer P. et al. Phase 3 Trial of Interleukin-1 Trap Rilonacept in Recurrent Pericarditis. N Engl J Med. 2021. No. 384 (1). P. 31 – 41.
21. Feldman J.M., Frishman W.H., Aronow W.S. Goflikicept and Related IL-1 Inhibitors in the Treatment of Recurrent Pericarditis. Cardiol Rev. 2024 May 2. doi: 10.1097/CRD.0000000000000704. Epub ahead of print. PMID: 38709249.
22. Myachikova V.Y., Maslyanskiy A.L., Moiseeva O.M., Vinogradova O.V., Gleykina E.V., Lavrovsky Y., Abbate A., Grishin S.A., Egorova A.N., Schedrova M.L., Samsonov M.Y. Treatment of Idiopathic Recurrent Pericarditis With Goflikicept: Phase II/III Study Results. J Am Coll Cardiol. 2023 Jul 4. No 82 (1). P. 30 – 40. doi: 10.1016/j.jacc.2023.04.046. PMID: 37380301.

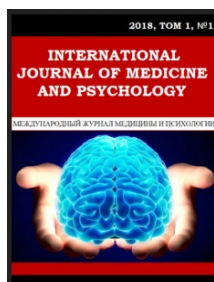
Информация об авторах

Дмитриевская М.И., доцент, Ордена Трудового Красного Знамени Медицинский институт им. С.И. Георгиевского, m.dmitrievskaya@mail.ru

Калашникова А.Д., Ордена Трудового Красного Знамени Медицинский институт им. С.И. Георгиевского, miss.kalashnikoff@gmail.com

Курносова А.А., Ордена Трудового Красного Знамени Медицинский институт им. С.И. Георгиевского, kurnosovaann@gmail.com

© Дмитриевская М.И., Калашникова А.Д., Курносова А.А., 2025

Научно-исследовательский журнал «International Journal of Medicine and Psychology / Международный журнал медицины и психологии»

<https://ijmp.ru>

2025, Том 8, № 4 / 2025, Vol. 8, Iss. 4 <https://ijmp.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 3.3.3. Патологическая физиология (медицинские науки)

УДК 614.212

¹ Новикова Е.Е.,

¹ Саратовская государственная юридическая академия

Технологии выявления факторов риска развития патологии у лиц молодого возраста

Аннотация: предотвращение развития патологических процессов и состояний, повышение качества жизни, обеспечение охраны здоровья – одно из ведущих направлений современной мировой науки и медицины. Студенческая молодежь относится к группе населения, которая нуждается в своевременном выявлении, динамическом наблюдении и профилактике различных соматических заболеваний и психических расстройств. Целью настоящего исследования является оптимизация выявления основных факторов риска развития патологии, определение возможности технической реализации доступных алгоритмов активного обнаружения заболеваний и динамического наблюдения лиц молодого возраста. В работе представлены результаты исследования факторов риска развития патологии сердечно-сосудистой системы, дыхательных путей, аллергических реакций, онкологических заболеваний и стресса у студенческой молодежи. Для проведения исследования применялась оригинальная авторская анкета с использованием вопросов, исключающих специальную медицинскую терминологию. Определена возможность интенсификации скрининг опроса, указана необходимость использования компьютерной обработки анкетных данных. Анкетирование может быть полезным для доврачебного выявления патологии и первичной профилактики в медпунктах вузов, психологических центрах. Данное обследование может эффективно использоваться при динамическом наблюдении лиц с уже выявленными факторами риска развития патологии. Разработка и внедрение компьютерных опросов экономит время и средства.

Ключевые слова: факторы риска патологии, профилактика, студенческая молодежь, техническая оптимизация

Для цитирования: Новикова Е.Е. Технологии выявления факторов риска развития патологии у лиц молодого возраста // International Journal of Medicine and Psychology. 2025. Том 8. № 4. С. 14 – 24.

Поступила в редакцию: 3 февраля 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 2 апреля 2025 г.; Принята к публикации: 22 мая 2025 г.

¹ Novikova E.E.,

¹ Saratov State Law Academy

Technologies for identifying risk factors for the development of pathology in young people

Abstract: preventing the development of pathological processes and conditions, improving the quality of life, and ensuring health protection is one of the leading areas of modern world science and medicine. Students belong to a population group that needs timely detection, dynamic monitoring and prevention of various somatic diseases and mental disorders. The purpose of this study is to optimize the identification of the main risk factors for the development of pathology, to determine the possibility of technical implementation of available algorithms for active disease detection and dynamic monitoring of young people. The paper presents the results of a study of risk factors for the development of pathology of the cardiovascular system, respiratory tract, allergic reactions, oncological diseases and stress among students. To conduct the study, an original author's questionnaire was used using questions that exclude special medical terminology. The possibility of intensifying the screening survey was determined, and the need for computer processing of personal data was indicated. Questionnaires can be useful for pre-medical de-

tection of pathology and primary prevention in medical institutions of higher education institutions, psychological centers. This examination can be effectively used in the dynamic monitoring of individuals with already identified risk factors for the development of pathology. The development and implementation of computer surveys saves time and money.

Keywords: pathology risk factors, prevention, student youth, technical optimization

For citation: Novikova E.E. Technologies for identifying risk factors for the development of pathology in young people. International Journal of Medicine and Psychology. 2025. 8 (4). P. 14 – 24.

The article was submitted: February 3, 2025; Approved after reviewing: April 2, 2025; Accepted for publication: May 22, 2025

Введение

Развитие патологических процессов и состояний определяется множеством причин, усугубляющих их серьезность. В научных исследованиях особое значение придается идентификации этих ключевых компонентов, которые играют существенную роль в формировании, прогрессировании и протекании различных расстройств. Доказана многофакторность этиологии. Обращает на себя внимание вклад генетических аспектов, биохимических процессов, психологических особенностей личности и специфики социальных условий жизни человека, включая межличностные взаимодействия.

Студенты – особая группа молодых лиц, испытывающих неблагоприятное воздействие внешних социальных и психологических факторов в отношении которой должны быть разработаны и внедрены методы активного выявления признаков различной патологии. Согласно научным исследованиям, здоровье студентов находится на довольно низком уровне, причём ситуация со временем ухудшается [1]. Известно, что психологическое неблагополучие приводит к развитию так называемых психосоматических заболеваний. Достоверно изучены психосоматические взаимовлияния: связь между депрессией и физическим здоровьем, влияние соматических заболеваний на развитие тревожно-депрессивных состояний. Профилактика депрессий на уровне отдельных социальных групп включает различные программы по повышению психологической грамотности, обучению позитивному мышлению среди обучающихся в вузах [2]. Изучение проблемы влияния стресса на жизнь и здоровье человека становится доминирующей в патогенезе развития многих заболеваний.

Сердечно-сосудистые заболевания и онкологические заболевания являются актуальной проблемой в медицине, что обусловлено их высокой распространенностью и прогнозом в летальности взрослых лиц во всем мире. Рассматриваются важные аспекты коморбидности сердечно-сосудистых и онкологических заболеваний. В

частности, проанализированы эпидемиологические аспекты и общие факторы риска. Представлены современные взгляды с точки зрения профессиональных обществ на основные вопросы первичной и вторичной профилактики сочетания этих заболеваний [3]. В структуре смертности среди неинфекционных заболеваний лидируют болезни органов кровообращения. На втором месте по частоте стоят онкологические заболевания, причем здесь наиболее распространены опухоли легких и молочной железы. Федеральная служба государственной статистики, собирает данные о причинах смерти россиян. По данным Росстата в 2024 болезни органов кровообращения по-прежнему возглавляют таблицу причин смертности населения нашей страны. Данные доступны всем и публикуются на сайте Росстата [4, 5]. Профилактические меры призваны улучшить качество жизни и снизить развитие патологических процессов и состояний. Проведение таких мероприятий предусмотрены и реализуются на различных уровнях – международном, государственном, региональном. Большое внимание уделяется первичной профилактике заболеваний: диспансерному наблюдению, многофакторному профилактическому консультированию. Отмечается, что при обеспечении полноты и качества результаты диспансеризации как клиникоорганизационной технологии могут быть предложены для оценки перспективного потенциала, реализуемой в первичном звене здравоохранении профилактики сердечно-сосудистых заболеваний [6]. Формирование навыков здорового образа жизни, динамическое наблюдение лиц с хронической патологией и часто болеющих наряду с активным выявлением фоновых заболеваний и факторов риска – популярные задачи современной медицины.

Цель настоящего исследования – оптимизация выявления основных факторов риска развития патологии лиц молодого возраста, определение возможности технической реализации доступных алгоритмов активного обнаружения заболеваний и

динамического наблюдения лиц молодого возраста.

Материалы и методы исследований

Методологической основой исследования являются принципы системности, детерминизма, развития социального и биологического. В данной работе использованы научные статьи, эмпирические исследования, посвящённые вопросам выявления различной патологии, взаимодополняющие методы по проблеме исследования: беседа, анкетирование. Лонгитюдное исследование проводилось в 2008-2022 годах, о чем свидетельствует ряд публикаций, указанных в предыдущей работе [7]. Опрос осуществлялся по оригинальной авторской анкете, разработанной и применяющейся с 2009г. Эмпирической базой в настоящее время (март 2025) послужили результаты анкетирования 266 лиц молодого возраста. Для статистической обработки данных использовались «Google sheets» приложения «Google Forms». Возрастная структура – студенты юридического вуза 1-3 курсов 18-21 лет, из них лиц женского пола 154 (58,1%) чел., мужского 112 (41,9%). Учитывая опыт предыдущих исследований анализировались ответы респондентов о факторах риска развития патологии сердечно-сосудистой системы, дыхательных путей, аллергических реакции, онкологических заболеваний и стресса [8].

Оригинальная анкета-опросник содержала вопросы, касающиеся вышеперечисленных групп факторов риска и каждому было присвоено определенное количество баллов, в зависимости от значимости того или иного. Например, наличие отягощенной наследственности – 3 балла, хронические заболевания в анамнезе – 2-3 балла, плохая физическая форма – 3 балла, выраженное нарушение режима питания – 3 балла.

Результаты и обсуждения

Выраженность риска развития патологии сердечно-сосудистой системы, осуществлялась

путем оценки некоторых наиболее важных предрасполагающих причин: физиологического статуса, особенностей, указывающих на лишний вес (индекса массы тела), субъективное отношение к своей физической форме, регулярные физические нагрузки и занятия спортом, правильное питание, ангина в анамнезе, отягощенная наследственность, стрессы, курение, употребление алкоголя. Блок вопросов, посвященный исследованию наличия предрасполагающих причин для возникновения злокачественных опухолей добавлен вопросами об онкологической наследственности, наличии хронических фоновых заболеваний, регулярности флюорологических исследований. Влияние пандемии коронавируса заострило внимание на выявлении факторов риска патологии органов дыхания здесь мы ввели в опросник пункты о хронической усталости, перенесенной пневмонии и осложнениях. Особое значение, как факт вероятного возникновения аутоиммунных процессов играет роль выявление склонности к аллергическим реакциям. Определение склонности к формированию тревожности и стресса, патологических аспектов, способствующих снижению успеваемости очерчено вопросами о самостоятельной оценке своего эмоционального состояния и уровнем реакции на текущую жизненную ситуацию, связанную с обучением и профессионализацией лиц студенческого возраста. Анализ и обработка данных помощью «Google sheets» позволил получить следующие результаты:

Группа низкого риска развития патологии (0-10 баллов) – 63 человека (23,7%);

Группа незначительного риска развития патологии составила (11-20 баллов) – 123 (46,2%);

Группа повышенного риска развития патологии (21-30 баллов) – 60 (22,6%);

Группа высокого риска развития патологии (31-40 баллов) – 20 человек (7,5%) (рис. 1, 2).

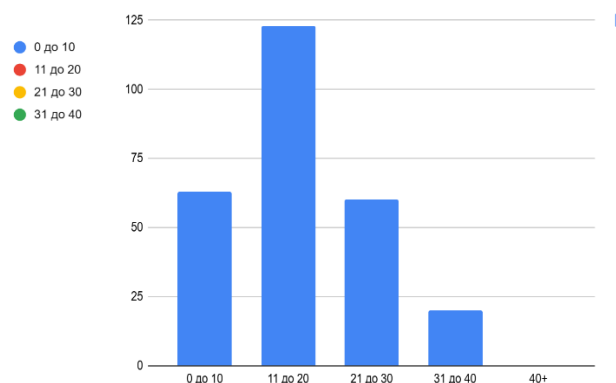
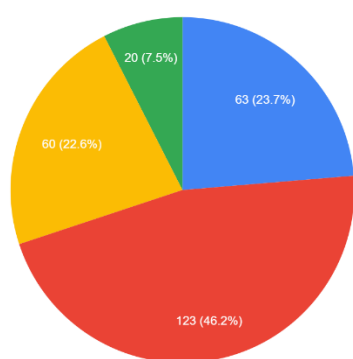

Рис. 1, 2. Данные результатов анализа анкет и оценка степени риска развития патологии.
Fig. 1, 2. Data from the results of the analysis of questionnaires and assessment of the degree of risk of developing pathology.

Акцентировалось внимание на анкетах респондентов групп повышенного – 60 человек (22,8%) и высокого риска развития патологии – 20 человек – (7,5%). Среди них наибольшему количеству респондентов поставлено максимальное количество баллов по вопросам, касающимся диспансеризации. Было отмечено, что лица, перенесшие хроническое заболевание не наблюдаются у врачей во-

обще и не проходят диспансеризацию в группе повышенного риска 54 человека (88,4%) из 60, а в группе высокого риска 13 (65,0%) из 20 человек (рис. 3-6). В данных группах большое количество баллов получено по шкалам «Часто ли Вы болеете простудными заболеваниями?», «Наблюдалось ли у Вас резкое увеличение веса за последние 2-3 года?», «Укажите перенесенные Вами заболевания».

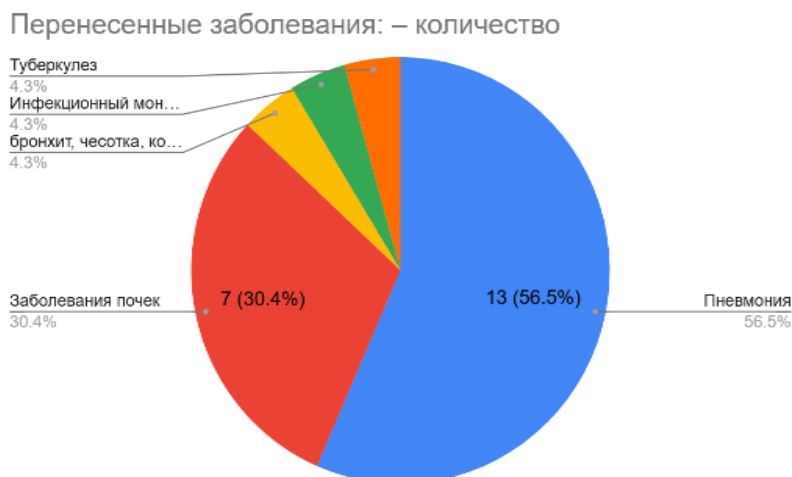

Рис. 3. Ответы респондентов на вопрос о перенесенных заболеваниях в группе повышенного риска.
Fig. 3. Respondents' answers to the question about past illnesses in the high-risk group.

Состоите ли Вы на диспансерном учете по какому-либо заболеванию? Если «да», то по поводу какого заболевания...

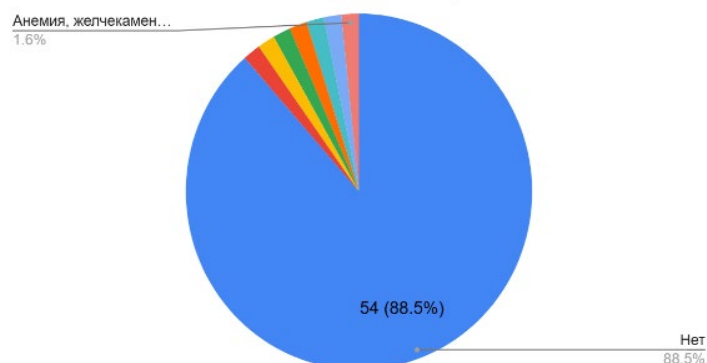

Рис. 4. Ответы респондентов группы повышенного риска о диспансеризации.
Fig. 4. Responses of respondents from the high-risk group about medical examinations.

Перенесенные заболевания: – количество

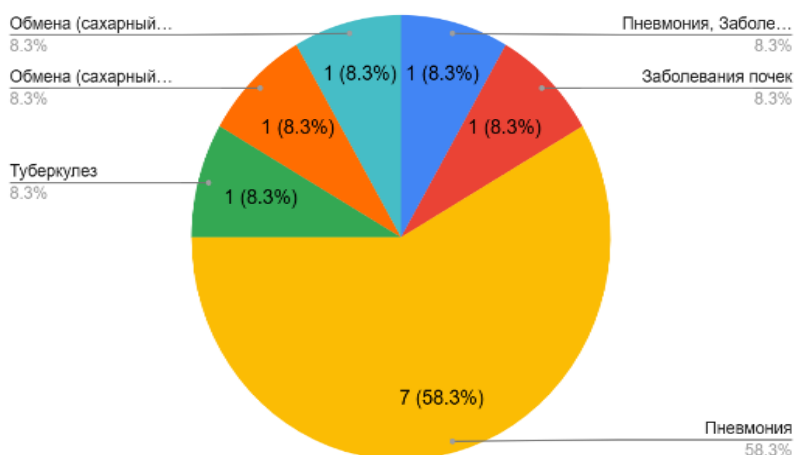

Рис. 5. Ответы респондентов на вопрос о перенесенных заболеваниях в группе высокого риска.
Fig. 5. Respondents' answers to the question about past illnesses in the high-risk group.

Состоите ли Вы на диспансерном учете по какому-либо заболеванию? Если «да», то по поводу какого заболевания...

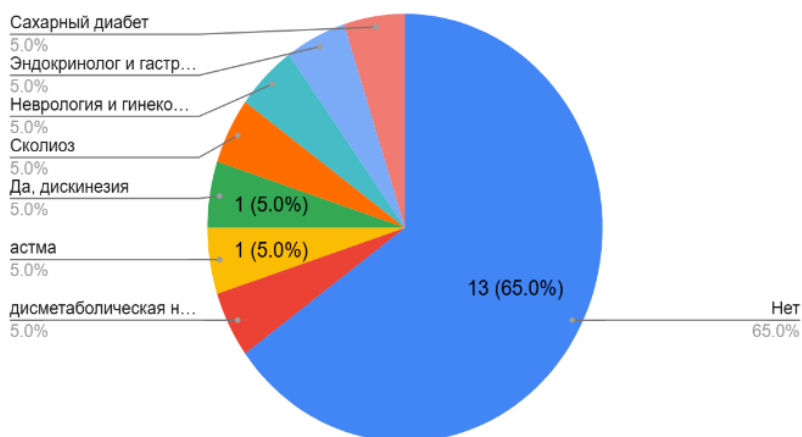

Рис. 6. Ответы респондентов группы высокого риска о диспансеризации.
Fig. 6. Responses of respondents from the high-risk group about medical examinations.

На вопрос: «Находились ли Вы на лечении в стационаре за последние 4 года?» в группе повышенного риска положительно ответили 16 человек (26,7%), а в группе высокого 9 (45,0%) человек.

Из оценки состояния всех исследуемых лиц частые простудные заболевания (2-3 раза в год и бо-

лее) отметили – 132 (50,1%) опрошенных, при этом на вопрос, участились ли за последние 4 года положительно отмечено у 60 человек, в 22,5% случаев (рис. 7, 8).

Часто ли Вы болеете простудными заболеваниями? – количество

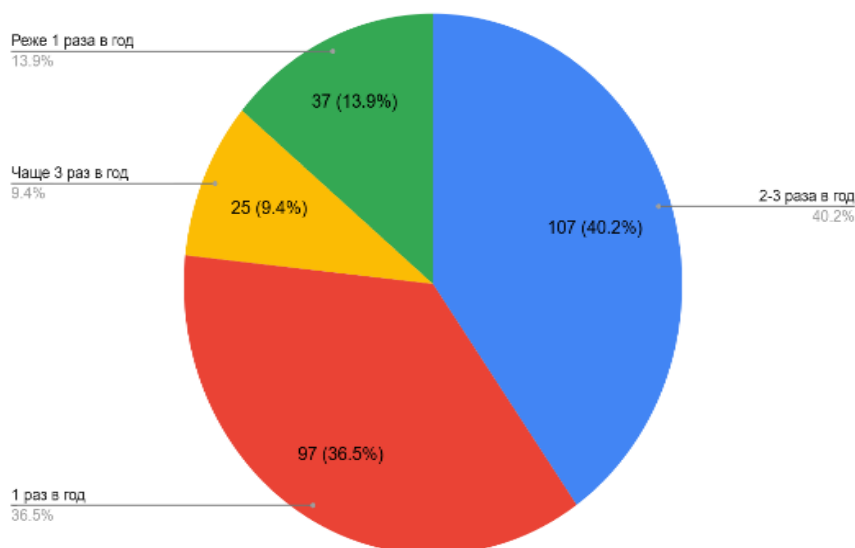

Рис. 7. Частота возникновения ОРВИ из всех респондентов.

Fig. 7. Frequency of occurrence of acute respiratory viral infections among all respondents.

Участились ли случаи простудных заболеваний за последние 4 года? – количество

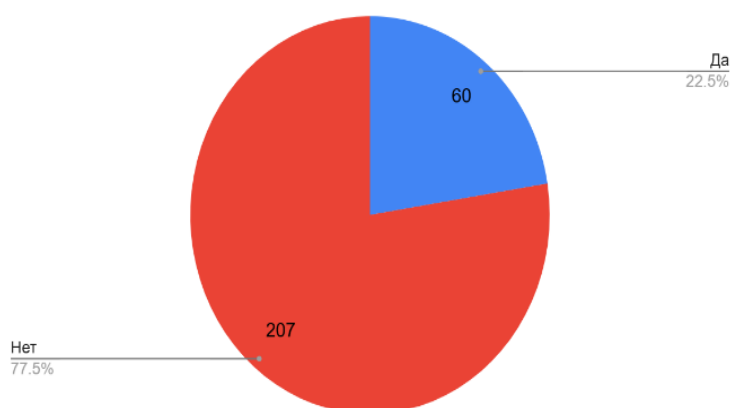

Рис. 8. Увеличение частоты простудных заболеваний у всех респондентов.

Fig. 8. Increase in the frequency of colds among all respondents.

Интересным наблюдением явилось наличие у большого процента опрошенных в анамнезе пневмонии 53 (19,9%) человек.

Профилактические стратегии более эффективны, чем медикаментозное или фармакологическое лечение. Риск раннего развития сердечно-сосудистых заболеваний повышают ожирение,

нарушения липидного и углеводного обменов, курение, гиподинамия. Как отмечено в ряде работ среди населения присутствует широкая распространенность факторов риска и низкая информированность о их связи с риском развития сердечно-сосудистых заболеваний [9, 10].

Неправильные режим питания, избыточная масса тела, гиподинамия – ведущие причины болезней сердца, обмена, онкологической патологии. Гиппократ сказал: “Пусть пища будет вашим ле-

карством”. Нарушение режима питания мы зафиксировали у 100 человек (37,6 %), потребление большого количества жирной пищи у 172 человек (64,6 %), рис. 9 и 10.

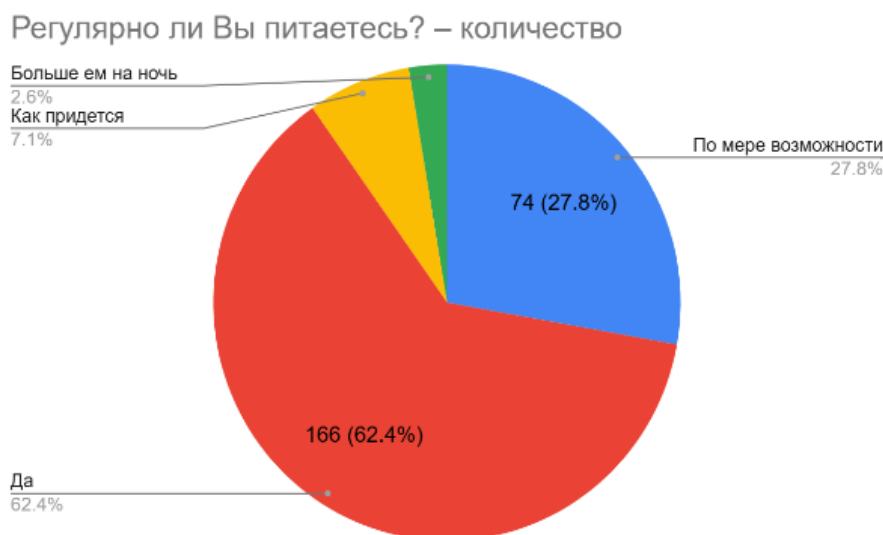

Рис. 9. Нарушение режима питания у всех респондентов.
Fig. 9. Violation of the diet in all respondents.

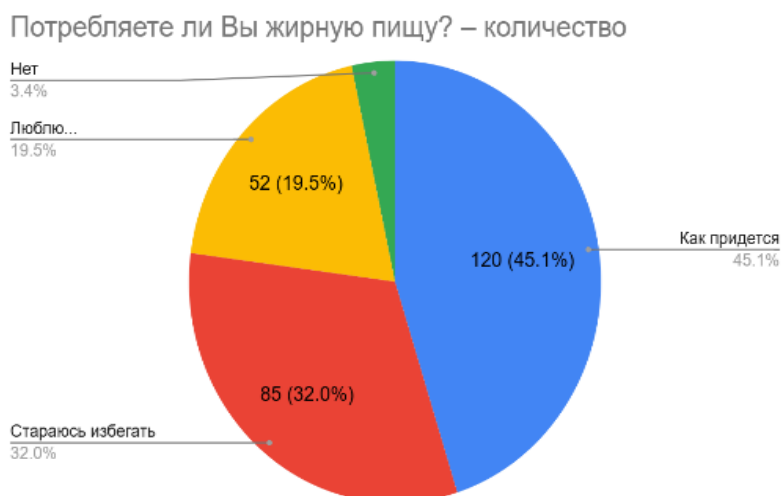

Рис. 10. Характер питания – потребление большого количества жирной пищи у всех респондентов.
Fig. 10. Dietary pattern – consumption of large amounts of fatty foods by all respondents.

Риск развития онкологических заболеваний существует на протяжении всей жизни для всех, хотя он может варьировать по интенсивности в разных группах. Совместно первичная и вторичная профилактика должны быть объединены в оптимальные стратегии на протяжении всей жизни, которые лучше всего понимаются и оцениваются в соответствии с определенными базовыми концепциями эпидемиологии рака [11]. Указание на наличие опухолей у родственников является одним из аспектов онкологической настороженно-

сти в отношении опрашиваемого лица. Особое место занимают опухоли молочной железы, так как доминируют среди онкологических заболеваний у женщин. Проблема раннего выявления опухолей, фоновых заболеваний так же важна, как и совершенствование лечения и профилактики. Наряду с рекомендациями самообследования, инструментальных, неинвазивных и инвазивных (при необходимости) методов обследования консультации, наблюдении у маммолога.

Первое место среди мужского населения занимают опухоли дыхательной системы. Здесь фоновые заболевания играют ведущую роль, также как и курение, которое несмотря на пропаганду здорового образа жизни наблюдается и у студентов. На

вопрос: «Курите ли вы?» отрицательно ответили 194 (72,9%), 5,7% молодых людей курят от случая к случаю, и 7,9% курят ежедневно. Электронные сигареты пробовали курить 32 (12,0%) опрошенных (рис. 11).

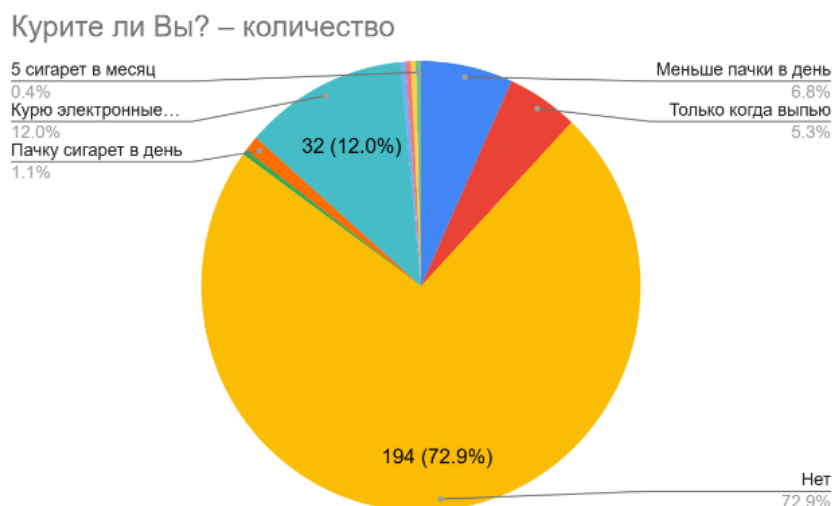

Рис. 11. Частота ответов о курении у всех респондентов.

Fig. 11. Frequency of responses about smoking among all respondents.

Вред курения для сердечно-сосудистой системы курильщика колоссален. Всего одна сигарета в 10 раз увеличивает ритм сердца, что приводит к нарушению работы данного органа. Кроме того, эксперименты на животных показали, что при вдыхании окиси углерода (содержится в табачных изделиях) в 2-3 раза увеличивается риск возникновения атеросклероза. Стенокардия и инфаркт появляются у курильщиков в 12 раз чаще. Курение приводит к спазму артерий сердца, повышению давления, тромбозам [12].

Важным фактором риска для развития как заболеваний дыхательной системы, так и для сердечно-сосудистой являются аллергические реакции. Распространенность аллергических заболеваний обусловлено многими факторами, создавая сложную картину могут взаимодействовать друг с другом. Экологические факторы, генетическая предрасположенность, изменения образа жизни, диета, инфекционные заболевания, а также про-

филактика и лечение. То есть, увеличение осведомленности об аллергиях и доступность медицинской помощи могут приводить к более частой диагностике и, соответственно, к увеличению зарегистрированных случаев [13]. Наличие аллергии разного генеза в анамнезе отметили 52 (19,5%) опрошенных.

Предыдущие наши исследования были посвящены изучению стресса у студентов вуза, где отмечено взаимодействие индивидуальных детерминант и возможности возникновения соматической патологии. В проведенном исследовании в анкету-опросник добавлены вопросы: «Как быстро вы начинаете испытывать усталость во время семинарских занятий?», «Есть ли предположительные объяснения Вашей усталости?» Быстрая утомляемость во время занятий наблюдается у 61 (22,9%), волнения в период сессии испытывали 215 (80,8%) респондентов (рис. 12, 13).

Сильно ли Вы эмоционально переживаете во время сессии? – количество

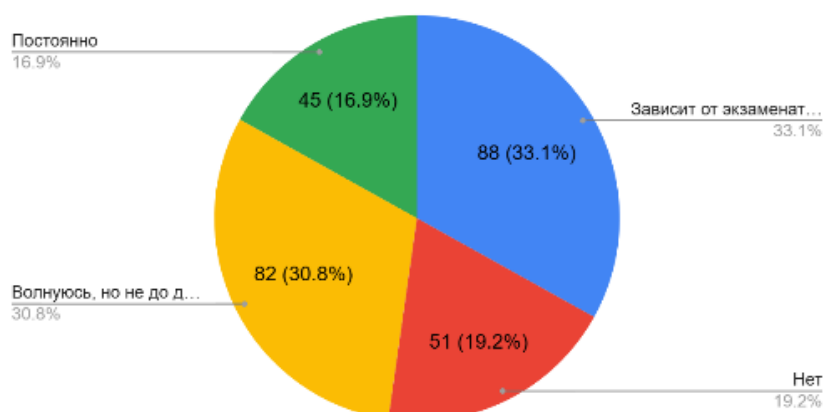

Рис. 12. Эмоциональные нагрузки в период сессии среди всех респондентов.
Fig. 12. Emotional stress during the session among all respondents.

Как быстро вы начинаете испытывать усталость во время семинарских занятий – количество

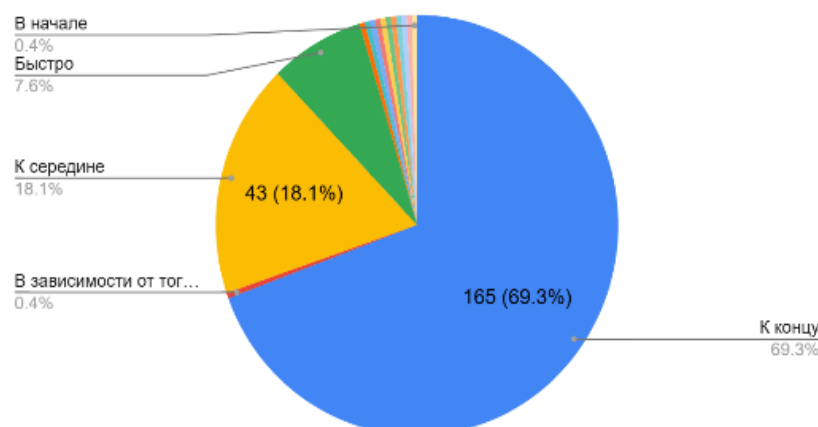

Рис. 13. Быстрая утомляемость, усталость во время занятий среди всех респондентов.
Fig. 13. Rapid fatigue, tiredness during exercise among all respondents.

Одной из проблем психического здоровья – развитие невротизации: тревожность, утомляемость, раздражительность, слабость, плохой сон, снижение памяти и эмоциональные нарушения могут быть связаны с перегрузками, временными рамками выполнения заданий, отсутствием интереса к учебному предмету. На вопрос: «Чем вы объясняете свою усталость?» мы получили такие ответы: «Высокая эмоциональная, интеллектуальная и физическая нагрузки. Помимо того, немаловажную роль играет общее психическое состояние – ощущение одиночества периодически вызывает появление апатии. Очень не хватает тактильных контактов, даже дружеских объятий. Да и длительный период отсутствия встреч с родственниками и друзьями из родного города так же накладывают свои последствия...», «Тре-

вожные всплески, которые «забирают» энергию, из-за чего расходуются ресурсы», «Лекции бывают неинтересные и утомительные. Если лекция интересная, то усталости не бывает до самого конца лекции».

Для нормализации своего физиологического и психического состояния давались индивидуальные рекомендации. Важно отметить, что при всем разнообразии методов и приемов, эффективным будет рекомендация, полученная сразу после опроса с использованием ботов.

Выводы

1. Проблема обеспечения физического, психического и социального благополучия студентов напрямую связана с решением задачи сохранения и укрепления их здоровья. Этому посвящены все виды профилактических мероприятий. Использо-

вание приложения «Google Forms» упростило и сделало более динамичным выявление факторов риска развития патологических процессов. Опрос можно сделать более гибким, с точки зрения программного обеспечения, по ряду нозологий следует добавить специальные клинические блоки, например, о жалобах на боль за грудиной, данных артериального давления, количестве холестерина.

2. Необходимо детальное изучение индивидуально-психологических особенностей реагирования в стрессовых ситуациях и возможного риска психосоматических заболеваний.

3. Проведенное исследование показало, что у лиц, имеющих хронические заболевания, констатируется отсутствие диспансерного наблюдения, что тоже является одним из важных факторов профилактической медицины. Нет ни одного патогномичного фактора риска для перечисленных заболеваний, поэтому проводить доврачебное ис-

следование надо в комплексе, выявляя повышенный риск и впоследствии акцентировать внимание на определенную возможную группу заболеваний. Бот – это оптимальный способ проведения анкетирования в условиях современной жизни.

4. Анкетирование может быть полезным для доврачебного выявления патологии и превентивных в психологических центрах, медпунктах вузов. Данное обследование может эффективно использоваться при динамическом наблюдении лиц с уже выявленными факторами риска. Разработка и внедрение компьютерных опросов экономит время и средства.

5. Использование компьютерных технологий позволяет увидеть не только общую картину риска развития патологии в исследуемой группе, но и впоследствии предоставить индивидуальную траекторию укрепления здоровья каждого респондента.

Список источников

1. Саргсян В.Д., Сафарян А.С., Камышова Т.В. и др. Здоровый образ жизни как решающий фактор профилактики сердечно-сосудистых заболеваний // Профилактическая медицина. 2019. Т. 22. № 6-2. С. 56 – 60.
2. Копков Р.Н., Родионова В.С. Уровень информирования студентов о пользе различных методов закаливания // Мир педагогики и психологии: международный научно-практический журнал. 2024. № 03 (92). Режим доступа: <https://scipress.ru/pedagogy/articles/uroven-informirovaniya-studentov-o-polze-razlichnykh-metodov-zakalivaniya.html> (дата обращения: 09.12.2024)
3. Мамедов М.Н., Бадейникова К.К., Каримов А.К. Мишени для профилактики коморбидности сердечно-сосудистых и онкологических заболеваний // Российский кардиологический журнал. 2022. Т. 27. № 11. С. 115 – 120. DOI 10.15829/1560-4071-2022-5235 (дата обращения: 09.12.2024)
4. Гусенко М. Названы основные причины смерти россиян // «Российская газета» 10.09.18 <https://rg.ru/2018/09/10/nazvany-osnovnye-prichiny-smerti-rossii.html> (дата обращения: 09.12.2024)
5. Костенко Я. Росстат назвал самые частые причины смерти россиян // «Ведомости» 23.06.23 <https://www.vedomosti.ru/society/articles/2023/06/23/982053-rosstat-nazval-prichiny> (дата обращения: 09.12.2024)
6. Калинина А.М., Кушунина Д.В., Горный Б.Э. и др. Потенциал профилактики сердечно-сосудистых заболеваний по результатам диспансеризации взрослого населения // Кардиоваскулярная терапия и профилактика. 2019. Т. 18. № 4. С. 69 – 76. DOI 10.15829/1728-8800-2019-4-69-76
7. Новикова Е.Е., Вертягина Е.А. Факторы соматического риска у студентов вуза // Эффективный менеджмент здравоохранения: стратегии инноваций: Сборник материалов III Международной научно-практической конференции, Саратов, 29-30 сентября 2022 года / Редкол.: А.С. Федонников и др. Саратов: Саратовский государственный медицинский университет имени В.И. Разумовского, 2022. С. 237 – 240.
8. Новикова Е.Е. Актуальность проблемы охраны здоровья студентов // Сборник «Научные труды IV Всероссийского съезда (Национального Конгресса) по медицинскому праву». М., 2009. С. 42 – 44.
9. Сапожников С.А. Оценка распространенности факторов риска сердечно-сосудистых заболеваний среди студентов медицинского вуза // Атеросклероз. 2023. Т. 19. № 3. С. 232 – 233.
10. Шабардин А.М., Гильмуллина Г.И. Оценка распространенности факторов риска сердечно-сосудистых заболеваний среди трудоспособного населения // Наукосфера. 2023. № 12-2. С. 19 – 27.
11. Скворцов В.В., Тагиев Ф.З., Дурноглазова К.А. Профилактика онкологических заболеваний в работе сестринского персонала // Медицинская сестра. 2023. Т. 25. № 8. С. 14 – 18.

12. Алейникова Ю.С., Меркушевич Ж.М. Курение как фактор риска заболеваний сердечно-сосудистой и дыхательной систем // Актуальные проблемы гигиены и экологической медицины: сборник материалов III межвузовской студенческой научно-практической конференции с международным участием, Гродно, 20 декабря 2017 года. Гродно: Гродненский государственный медицинский университет, 2018. С. 7 – 9.

13. Кадеева Г.С. Мустафаева Н.Н., Отумбаева Е.Т. Последствия терапии при острых респираторных инфекциях // In the World of Science and Education. 2024. № 3. С. 76 – 81. DOI 10.24412/3007-8946-2024-15-76-81

References

1. Sargsyan V.D., Safaryan A.S., Kamyshova T.V., et al. Healthy lifestyle as a decisive factor in the prevention of cardiovascular diseases. Preventive medicine. 2019. Vol. 22. No. 6-2. P. 56 – 60.

2. Kopkov R.N., Rodionova V.S. The level of informing students about the benefits of various hardening methods. The world of pedagogy and psychology: international scientific and practical journal. 2024. No. 03 (92). Access mode: <https://scipress.ru/pedagogy/articles/uroven-informirovaniya-studentov-o-polze-razlichnykh-metodov-zakalivaniya.html> (date accessed: 09.12.2024)

3. Mamedov M.N., Badeinikova K.K., Karimov A.K. Targets for the prevention of comorbidity of cardiovascular and oncological diseases. Russian Journal of Cardiology. 2022. Vol. 27. No. 11. P. 115 – 120. DOI 10.15829/1560-4071-2022-5235 (date of access: 09.12.2024)

4. Gusenko M. The main causes of death of Russians have been named. Rossiyskaya Gazeta 10.09.18 <https://rg.ru/2018/09/10/nazvany-osnovnye-prichiny-smerti-rossiian.html> (date of access: 09.12.2024)

5. Kostenko Ya. Rosstat named the most common causes of death of Russians. Vedomosti 23.06.23 <https://www.vedomosti.ru/society/articles/2023/06/23/982053-rosstat-nazval-prichini> (date accessed: 09.12.2024)

6. Kalinina A.M., Kushunina D.V., Gorny B.E. et al. Potential for the prevention of cardiovascular diseases based on the results of medical examination of the adult population. Cardiovascular Therapy and Prevention. 2019. Vol. 18. No. 4. P. 69 – 76. DOI 10.15829/1728-8800-2019-4-69-76

7. Novikova E.E., Vertyagina E.A. Somatic risk factors in university students. Effective healthcare management: innovation strategies: Collection of materials of the III International scientific and practical conference, Saratov, September 29-30, 2022. Ed. board: A.S. Fedonnikov et al. Saratov: V.I. Razumovsky Saratov State Medical University, 2022. P. 237 – 240.

8. Novikova E.E. Relevance of the problem of protecting students' health. Collection "Scientific works of the IV All-Russian Congress (National Congress) on medical law". Moscow, 2009. P. 42 – 44.

9. Sapozhnikov S.A. Assessment of the prevalence of risk factors for cardiovascular diseases among medical students. Atherosclerosis. 2023. Vol. 19. No. 3. P. 232 – 233.

10. Shabardin A.M., Gilmullina G.I. Assessment of the prevalence of risk factors for cardiovascular diseases among the working-age population. Naukosfera. 2023. No. 12-2. P. 19 – 27.

11. Skvortsov V.V., Tagiev F.Z., Durnoglazova K.A. Prevention of oncological diseases in the work of nursing personnel. Medical sister. 2023. Vol. 25. No. 8. P. 14 – 18.

12. Aleinikova Yu.S., Merkushevich Zh.M. Smoking as a risk factor for cardiovascular and respiratory diseases. Actual problems of hygiene and environmental medicine: collection of materials of the III interuniversity student scientific and practical conference with international participation, Grodno, December 20, 2017. Grodno: Grodno State Medical University, 2018. P. 7 – 9.

13. Kadeeva G.S. Mustafayeva N.N., Otumbaeva E.T. Consequences of therapy for acute respiratory infections. In the World of Science and Education. 2024. No. 3. P. 76 – 81. DOI 10.24412/3007-8946-2024-15-76-81

Информация об авторе

Новикова Е.Е., кандидат медицинских наук, доцент, Саратовская государственная юридическая академия

© Новикова Е.Е., 2025

Научно-исследовательский журнал «International Journal of Medicine and Psychology / Международный журнал медицины и психологии»

<https://ijmp.ru>

2025, Том 8, № 4 / 2025, Vol. 8, Iss. 4 <https://ijmp.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 3.3.3. Патологическая физиология (медицинские науки)

УДК 616.351

¹ Курбанова З.В.,

¹ Бегова М.А.,

¹ Дагестанский государственный медицинский университет Минздрава России

Хронический парапроктит: алгоритмы диагностики лечения и реабилитации пациентов

Аннотация: цель: провести анализ современных методов диагностики хронического парапроктита с акцентом на новейшие технологии визуализации и оценку различных подходов к лечению и реабилитации пациентов после хирургических вмешательств. Материалы и методы. Проведен поиск литературы в базах данных Web of Science, Scopus, PubMed (MEDLINE), eLIBRARY.RU и Cochrane Database of Systematic Reviews. Отбор публикаций осуществлялся с использованием ключевых слов: «хронические парапроктиты», «диагностика», «лечение свищей прямой кишки», «реабилитация». Из 3005 начальных публикаций отобрано 35, после исключения дубликатов и нерелевантных исследований. Результаты. Исследование включает обзор исторических аспектов лечения свищей, современных подходов, таких как метод LIFT и использование фибринового клея. Подробно рассмотрены современные методики диагностики, включая МРТ и эндоректальное ультразвуковое исследование. Проанализированы различные методы хирургического вмешательства и их эффективность, выявлены ключевые факторы, влияющие на успешность лечения. Выводы. Хронический парапроктит остаётся сложной клинической проблемой, требующей комплексного подхода к диагностике и лечению. Анализ показал, что новые технологии, как в диагностике, так и в лечении, способны значительно улучшить исходы лечения и качество жизни пациентов. В то же время необходимо продолжать исследования для повышения эффективности существующих и разработки новых методик.

Ключевые слова: хронический парапроктит, диагностика, лечение свищей, анальные свищи, методы визуализации, реабилитация, параректальные свищи, хирургическое вмешательство, фибриновый клей, метод LIFT, эндоректальное ультразвуковое исследование

Для цитирования: Курбанова З.В., Бегова М.А. Хронический парапроктит: алгоритмы диагностики лечения и реабилитации пациентов // International Journal of Medicine and Psychology. 2025. Том 8. № 4. С. 25 – 33.

Поступила в редакцию: 5 февраля 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 3 апреля 2025 г.; Принята к публикации: 22 мая 2025 г.

¹ Kurbanova Z.V.,

¹ Begova M.A.,

¹ Dagestan State Medical University of the Ministry of Health of the Russian Federation

Chronic paraproctitis: algorithms for diagnosis, treatment and rehabilitation of patients

Abstract: goal: to analyze modern diagnostic methods for chronic paraproctitis with an emphasis on the latest imaging technologies and evaluate various approaches to the treatment and rehabilitation of patients after surgical interventions. Materials and methods. A literature search was conducted in the databases Web of Science, Scopus, PubMed (MEDLINE), eLibrary.RU and Cochrane Database of Systematic Reviews. The selection of publications was carried out using the keywords: "chronic paraproctitis", "diagnosis", "treatment of rectal fistula", "rehabilitation". Of the 3005 initial publications, 35 were selected, after excluding duplicates and irrelevant studies. Results.

The study includes an overview of historical aspects of fistula treatment, modern approaches such as the LIFT method and the use of fibrin glue. Modern diagnostic techniques, including MRI and endorectal ultrasound, are considered in detail. Various methods of surgical intervention and their effectiveness are analyzed, key factors influencing the success of treatment are identified. Conclusions. Chronic paraproctitis remains a complex clinical problem requiring an integrated approach to diagnosis and treatment. The analysis showed that new technologies, both in diagnosis and treatment, can significantly improve treatment outcomes and the quality of life of patients. At the same time, it is necessary to continue research to improve the effectiveness of existing and develop new techniques.

Keywords: chronic paraproctitis, diagnosis, treatment of fistulas, anal fistulas, imaging methods, rehabilitation, pararectal fistulas, surgical intervention, fibrin glue, LIFT method, endorectal ultrasound

For citation: Kurbanova Z.V., Begova M.A. Chronic paraproctitis: algorithms for diagnosis, treatment and rehabilitation of patients. International Journal of Medicine and Psychology. 2025. 8 (4). P. 25 – 33.

The article was submitted: February 5, 2025; Approved after reviewing: April 3, 2025; Accepted for publication: May 22, 2025

Введение

Хронический парапроктит является одним из наиболее распространённых заболеваний аноректальной области. Обычно свищи формируются анальной зоне и преимущественно диагностируются у людей в возрасте от 30 до 50 лет. Это состояние имеет существенное социальное и экономическое значение [1]. Ежегодная заболеваемость хроническим парапроктитом составляет примерно 2 случая на 10 000 населения, а его распространённость достигает 9 случаев на 100 000 человек. Патология чаще диагностируется у пациентов в возрасте 30-50 лет, что усиливает её социальную значимость. Мужчины страдают этим заболеванием чаще, чем женщины [2].

Основным фактором, способствующим образованию параректальных свищей, является острый парапроктит, регистрируемый в 95% случаев. На начальной стадии болезнь проявляется в виде абсцесса. Хроническое воспаление приводит к формированию параректального свища. Абсцесс является острой фазой, в то время как свищ указывает на переход в хроническую стадию [3].

Криптожелезистые свищи возникают из-за распространения гнойного воспаления анальной области в окружающие крипты, что ведет к формированию внутреннего отверстия в анальном канале. Это отверстие служит входными воротами для инфекции и поддерживает хроническое воспаление [4]. Хронизация процессов при остром парапроктите и развитие параректального свища часто вызваны несвоевременным или неполным лечением. Пациенты нередко обращаются за медицинской помощью после самопроизвольного вскрытия абсцесса, и даже в таких случаях важно проводить иссечение пораженной анальной крипты [5].

Слабая резистентность к инфекциям, ограниченная регенерация тканей, а также особенности параректальной жировой клетчатки способствуют переходу воспаления в хроническую форму [6]. Травмы, возникающие при дефекации и сокращении анального сфинктера, усложняют заживление, и постоянное инфицирование через внутреннее отверстие свищевого хода кишечной микрофлорой усугубляет состояние.

Актуальность изучения этого заболевания обусловлена его распространённостью и сложностью диагностики и лечения. Хронический парапроктит представляет серьёзную проблему для здравоохранения, так как в большинстве случаев требуется хирургическое вмешательство для ликвидации свищевых ходов. Традиционные методы диагностики, такие как клинические осмотры и рентгенологические исследования [7], не всегда позволяют точно определить местоположение и протяжённость свищей, что затрудняет планирование лечения. Современные методики, такие как МРТ и эндоректальное ультразвуковое исследование, могут повысить точность диагностики, но пока не являются частью стандартной клинической практики. Лечение является вызовом из-за необходимости сохранения функций анального сфинктера и из-за высокого риска рецидива. Изучение новых подходов к диагностике и терапевтическим вмешательствам важно для улучшения качества жизни пациентов.

Цель исследования – анализ современных диагностических методов, включая новейшие технологии визуализации, и оценка различных подходов к реабилитации, направленных на восстановление функций и предотвращение осложнений после лечения.

Материалы и методы исследований

Был проведен поиск литературы в следующих базах данных: Web of Science, Scopus, PubMed (MEDLINE), eLIBRARY.RU и Cochrane Database of Systematic Reviews. Для отбора соответствующих публикаций использовались ключевые слова: «хронические парапроктиты», «алгоритмы диагностики парапроктита», «лечение свищей прямой кишки», «реабилитация при хронических парапроктитах», «воздействие на свищи при парапроктите».

В результате поиска было выявлено 3005 публикаций. После удаления 1702 дубликатов, дальнейший процесс отбора был продолжен с учётом 1303 потенциально релевантных исследований. При проверке заголовков и аннотаций было исключено 1106 статей. Полные тексты оставшихся 197 статей были детально проанализированы, в итоге в окончательный список вошли 35 работы.

Среди отобранных 33 исследований рассматривались как рандомизированные контролируемые исследования, так и метаанализы и систематические обзоры, касающиеся диагностики, лечения и реабилитации при хронических парапроктитах. Особое внимание уделялось качеству методологии и подходам, применяемым в исследованиях. Полученные результаты позволили сделать обоснованные выводы о диагностических и лечебных алгоритмах, а также выделить направления, требующие дальнейшего изучения.

Результаты и обсуждения

Введение в тему хронического парапроктита и связанных с ним анальных свищей требует рассмотрения как современных, так и традиционных подходов, формировавшихся на протяжении тысячелетий. Поэтому в самом начале рассмотрим историю возникновения данного заболевания.

Анальные свищи, как хирургическое заболевание, известны более 2500 лет. В одном из древнейших трудов Гиппократ, созданном около 400 года до н.э., описывалась процедура фистулотомии, а также использование инструмента, изготовленного из конского волоса, обернутого в нити [8]. Современные методы лечения свищей зависят от выбора хирурга, среди которых фистулотомия, фистулэктомия и установка сетона (свободного или режущего). Недавно возникли новые сфинктеросохраняющие техники, такие как использование лоскутных методик, фибринового клея и различных пробок, предназначенных для терапии сложных свищей (высоких или транссфинктерных).

Первоначальный мета-анализ был проведен Нельсоном, который указал на то, что риск рецидива снижается, если одновременно с удалением периаанального абсцесса выполняется фистулото-

мия [9]. Quah и соавторы провели более детализированный мета-анализ в этой области [10], изучив данные пяти исследований, где основное внимание уделялось фистулотомии во время дренирования периаанального абсцесса.

В дополнение к уже упомянутым исследованиям, работу над изучением истории возникновения хронического парапроктита также проводили Gupta и Zbar с соавторами. Gupta в своем исследовании сосредоточился на древнеримских медицинских источниках, предоставив примеры использования различных инструментов и методик лечения анальных свищей, применявшихся в эпоху Рима [11-12]. Его исследование выявило, что некоторые методы лечения, описанные в трудах древнеримских врачей, напоминают современные подходы к терапии этого заболевания.

Zbar, в свою очередь, изучил медицинские тексты Средневековья, где анальные свищи также рассматривались как значительное медицинское состояние [12]. Его исследование показало, что в этот период врачи применяли многочисленные традиционные средства и хирургические техники, которые оказали влияние на дальнейшее развитие методов лечения парапроктита. Эти работы подчеркивают, что интерес к лечению хронического парапроктита существовал на протяжении веков, формируя современное понимание и подходы к этому заболеванию.

Этиология и патогенез

На сегодняшний день, без выявления этиологической причины хронического парапроктита невозможно определить оптимальную тактику лечения [13-15]. В настоящее время большинство исследователей придерживаются криптогландулярной теории [16-18]. Сторонники этой теории рассматривают острый парапроктит как одну из промежуточных стадий формирования свища. Первая стадия включает образование "первичного гнойного канала" длиной 3-4 см, который начинается от входа в анальные железы и переходит из стенки кишечника в параректальную клетчатку. Вторая стадия характеризуется продвижением экссудата через первичный канал в параректальную клетчатку и формированием абсцессов. На третьей стадии происходит преобразование первичного канала в ректальный свищ.

В острых случаях проктита акцент в лечении делается на устранение первичного гнойного очага. Вскрытие абсцесса рассматривается как ключевой этап хирургического вмешательства [19]. Аминев А.М. и Когон-К.И. изучали анальные железы и синусы, отмечая роль эпителия желез Германа, проникающего в подслизистый слой, в возникновении парапроктита [16, 19]. Задержка сек-

рета в анальных железах и проникновение инфицированных масс из кишечного просвета в синусы считаются ключевыми факторами в развитии парапроктита. Гландулярная структура эпителия, окружающего свищевой ход, предлагается как подтверждение данной теории. Аснач А.И. выделил в области ануса две группы желез: околоанальные и проктальные, предложив, что поверхностные параректальные свищи формируются при воспалении первой группы, а глубокие параректальные свищи возникают при воспалении второй группы желез, расположенных за пределами сфинктера [13]. Исследования показали, что свищи чаще образуются на основных протоках анальных желез.

Параректальные свищи чаще возникают у людей с глубокими и развитыми анальными криптами. Их образование связано с распространением инфекции из анальных крипт через железы, что приводит к хроническому воспалению через внутреннее отверстие свища [17, 19, 20]. Несвоевременное обращение за медицинской помощью при остром парапроктите часто способствует хронизации процессов. Даже при своевременном лечении необходимо не только вскрытие и дренирование абсцесса, но и удаление пораженных крипт [21, 22].

Хроническим воспалениям способствует низкая сопротивляемость организма инфекциям и слабая регенерация параректальной жировой клетчатки [23]. Дефекация и сокращение анального сфинктера затрудняют заживление, а постоянное инфицирование свищевых ходов кишечной микрофлорой усугубляет проблему [24, 25]. Кроме того, попадание фекалий и газов в свищ увеличивает риск осложнений, и эпителизация свища может затруднить лечение. Хронический парапроктит является полиэтиологическим заболеванием, требующим комплексного подхода для успешной диагностики и лечения.

Диагностика хронического парапроктита

Хронический парапроктит представляет собой сложное заболевание, требующее тщательной диагностики и внимательного отношения как со стороны врачей, так и со стороны пациентов. Многие аспекты диагностики и лечения этой патологии изучены и описаны в научной литературе, но каждое исследование вносит собственный вклад в более глубокое понимание проблемы.

Титов А.Ю., Костарев И.В., Фоменко О.Ю. и Мудров А. обнаружили, что большинство пациентов, самостоятельно обращающихся к врачу, сообщают о гнойных выделениях из анальной области или наружного отверстия свища [26]. Участники исследования также часто отмечали повы-

шение температуры, боли в промежности и покраснение кожи. Постоянные выделения вынуждают использовать гигиенические прокладки и частое промывание, что вызывает раздражение и зуд. В анамнезе многих пациентов наблюдается хроническое течение заболевания с обострениями и ремиссиями, а также острый парапроктит, самостоятельно вскрытый или вылеченный хирургическим путем.

Чеканов М.Н., Чеканов А.М. и Вернер И.Г. сделали значительный вклад в диагностику, указывая на важность оценки общего состояния пациента, включая потерю веса, бледность и нарастающую слабость [27]. Они отметили, что специалист может обнаружить свищевое отверстие в области промежности, из которого при полном свище выделяется гной, а при неполном — выделения идут из анального канала. Авторы подчеркивают важность информации о типе и частоте выделений для дифференциации хронического парапроктита от таких заболеваний, как актиномикоз, болезнь Крона и тератоидные образования. Дополнительно они отмечают важность оценки тонуса анального сфинктера и функции кишечника, включая анализ симптомов, таких как запор, диарея, кровотечение, а также изменения формы и консистенции стула.

Пальцевое ректальное исследование по-прежнему считается основным и наиболее значимым методом обследования. Оно позволяет определить расположение воспалительного инфильтрата, выявить внутреннее свищевое отверстие, оценить его размеры и степень рубцовых изменений в стенках прямой кишки, анального канала и параректальной клетчатки. Этот метод также помогает оценить тонус сфинктера анального канала как в состоянии покоя, так и при напряжении, и выявить сопутствующие патологии [27].

Диагностика анальных свищей требует применения разнообразных методов для точного их определения и последующего лечения. Одним из таких является использование пуговичного зонда, который позволяет определить направление, разветвленность и глубину свища, обнаружить гнойные полости и внутренние свищевые отверстия, как показали Аласари С. и Ким Н.К. [28]. Также они отметили, что для улучшения визуализации анальной крипты и оценки сложности свища можно применять тест с красителем. После этого проводится аноскопия или ректоскопия, обеспечивающая оптическое исследование слизистой прямой кишки и анального канала.

Диагностика сложных свищей требует специальных методов обследования. Кадедду Ф. Салис Ф., Лиси Г., Чиангола И. и Милито Г. [30] описали фистулографию, рентгенологическое исследова-

ние, при котором в свищ вводят контрастное вещество. Они также подчеркивают важность эндоректального и трансперинеального ультразвукового исследования, которое помогает определить местоположение свища, его внутреннее отверстие, а также наличие подтеканий, карманов и дополнительных ходов.

Кроме того, сфинктерометрия предоставляет информацию о силе и функциональной способности сфинктера прямой кишки. Исследования Hong K.D., Kang S., Kalaskar S. и Wexner S.D. [31] отмечают, что компьютерная томография или магнитно-резонансная томография области таза и промежности обеспечивает более детальное обследование, что значительно улучшает диагностическую точность.

Лечение хронического парапроктита

В области современной медицины лечение парапроктита осуществляется проктологами как в хирургических стационарах, так и в поликлиниках. В случаях неосложнённых свищей стандартной практикой является их лечение под местной анестезией без необходимости госпитализации, что признано на международном уровне [32]. Напротив, более сложные случаи требуют стационарного лечения и проведения сложных операций, иногда с применением пластической хирургии, и обязательно под общей анестезией. Хирургическое лечение параректальных свищей представляет собой сложную задачу, требующую глубоких знаний и навыков в связи с рисками рецидивов, частичного недержания или анальной стриктуры [33]. Основные хирургические методы включают:

1. Рассечение свища: операция с введением свища в просвет кишки.

2. Иссечение по Габриэлю: удаление свища в просвет прямой кишки.

3. Иссечение с дренированием: вскрытие и дренирование гнойных затеков, с последующим швом.

Современные методы лечения сложных параректальных свищей включают:

1. Иссечение с перемещением лоскута: сфинктеросохраняющая техника, при которой внутреннее отверстие закрывается лоскутом здоровой ткани; эффективность от 44% до 87%.

2. Метод LIFT: перевязка и пересечение свищевого хода в межсфинктерном пространстве, сохраняя целостность сфинктера; эффективность от 57% до 94%.

3. Удаление свища с лигированием: малоинвазивный метод с дренирующими и стягивающими лигатурами, который может использовать лазер для прямого свища.

4. Лазерные технологии Filac: лазерное прижигание свищевого хода, предлагающее преимущество безболезненности и сохранения функции сфинктера; эффективность 71,4%.

5. Фибриновый клей: простой и минимально инвазивный метод с клеевой материей, эффективность от 10% до 67%.

6. Тампоны: используют герметизирующий тампон для закрытия внутреннего отверстия после очистки; эффективность от 50% до 83%.

Каждый метод имеет свои преимущества и эффективность, выбирается в зависимости от конкретной ситуации пациента.

Исследователи, такие как Каторкин С.Е., Разин А.Н., Журавлев А.В. и Тулупов М.С., также внесли вклад в исследование и разработку новых хирургических методов для лечения сложных параректальных свищей. Кроме того, Костарев И.В., совместно с Титовым А.Ю., Мудровым А.А. и Аносовым И.С., способствовали изучению и применению перевода свищевого хода в межсфинктерное пространство, а также проведению систематического обзора литературы, который позволяет оценить актуальность и эффективность различных подходов в лечении свищей [33-35].

Выводы

Хронический парапроктит является одним из актуальных заболеваний, существенно влияющих на социально-экономическую сферу здравоохранения. Данные, представленные в этом исследовании, подчеркивают важность всесторонней и точной диагностики для определения тактики лечения. Несмотря на то, что традиционные методы остаются популярными, современные технологические и методологические разработки обеспечивают значительные улучшения в лечении и диагностике. Успешное применение новых методов, таких как лазерные технологии и фибриновый клей, требует дальнейших клинических испытаний и анализа долгосрочных результатов. Вклад современных исследований, направленных на сохранение функций анального сфинктера и снижение рисков рецидива, подчёркивает важность продолжения многопрофильных и междисциплинарных исследований в этой области для улучшения качества жизни пациентов и снижения хирургических осложнений.

Список источников

1. Костарев И.В. Предварительные результаты лечения пациентов с транс- и экстрасфинктерными свищами прямой кишки методом лазерной термооблитерации свищевого хода // Хирург. 2020. Т. 34. С. 34 – 42.
2. Гор И.В., Недозимованый А.И., Попов Д.Е. Комбинированное использование методик перевязки свища в межсфинктерном пространстве и лазерной деструкции свищевого хода в лечении пациентов с хроническим парапроктитом // Вестник хирургии имени И.И. Грекова. 2022. Т. 181. № 5. С. 31 – 37. DOI: 10.24884/00424625-2022-181-5-31-37
3. Котенко К.В., Ковалев С.А., Беджанян А.Л., Хитарьян А.Г., Алибеков А.З., Михайлова А.А., Корчажкина Н.Б. Современные хирургические технологии в лечении больных хроническим парапроктитом // Хирургия. Журнал им. Н.И. Пирогова. 2022. Т. 4. С. 80 – 85. DOI: 10.17116/hirurgia202204180
4. Шелыгин Ю.А., Бирюков О.М., Благодарный Л.А. и др. Клинические рекомендации по диагностике и лечению взрослых, больных хроническим парапроктитом (свищ заднего прохода, свищ прямой кишки). М.: Медицина, 2013.
5. Arroyo A., Pérez-Legaz J., Moya P. Fistulotomy and sphincter reconstruction in the treatment of complex fistula-in-ano: long-term clinical and manometric results // Ann Surg. 2012. Vol. 255, № 5. P. 935 – 939. DOI: 10.1097/SLA.0b013e31824e9112
6. Хитарьян А.Г., Алибеков А.З., Ковалев С.А., Орехов А.А., Усман А., Головина А.А., Кислов В.А., Ромодан Н.А. Результаты многоэтапного мининвазивного лечения острого парапроктита // Колопроктология. 2020. Т. 19. № 2. С. 83 – 90.
7. Yao Y.B., Xiao C.-F., Wang Han J.G., Wang Z.J., Zheng Y. et al. Ligation of Intersphincteric Fistula Tract vs Ligation of the Intersphincteric Fistula Tract Plus a Bioprosthetic Anal Fistula Plug Procedure in Patients With Transsphincteric Anal Fistula // Annals of Surgery. 2016. Vol. 264. № 6. P. 917 – 922. DOI: 10.1097/SLA.0000000000001562
8. Adams F. On Fistulae by Hippocrates (translation). Available at: <http://www.4literature.net/Hippocrates>. October 1997; (accessed 4 December 2007).
9. Nelson R. Anorectal abscess fistula: what do we know? // Surg Clin North Am. 2002. Vol. 82. P. 1139 – 1151.
10. Quah H.M., Tang C.L., Eu K.W., Chan S.Y., Samuel M. Meta-analysis of randomized clinical trials comparing drainage alone vs primary sphincter-cutting procedures for anorectal abscess-fistula // Int J Colorectal Dis. 2005. Vol. 30. P. 1 – 8.
11. Gupta P.J. Radiosurgical fistulotomy; an alternative to conventional procedure in fistula in ano // Curr Surg. 2003. Vol. 60. № 5. P. 524 – 528.
12. Zbar A.P., Ramesh J., Beer-Gabel M., Salazar R., Pescatori M. Conventional cutting vs. internal anal sphincter-preserving seton for high trans-sphincteric fistula: a prospective randomized manometric and clinical trial // Tech Coloproctol. 2003. Vol. 7. P. 89 – 94.
13. Аснач А.И. Анатомические основания к хирургическому лечению свищей заднего прохода // Труды Киргиз. науч. общ.-ва анат., гист., эмбриол. 1961. С. 253.
14. Воробьев Г.И. Основы колопроктологии. Ростов-на-Дону, 2001. 414 с.
15. Дульцев Ю.В., Саламов К.Н. Парапроктит. Москва, 1981. 208 с.
16. Когон А.И. Материалы к патогенезу, клинике и терапии прямокишечных свищей. Докт. диссертация. Днепропетровск-Харков, 1957.
17. Ривкин В.Л., Бронштейн А.С., Файн С.Н. Руководство по колопроктологии. Москва, 2001. 300 с.
18. Рыжих А.Н. Хирургия прямой кишки (Основы проктологии). М., 1956.
19. Аминев А.М. Руководство по проктологии. Куйбышев, 1975. Т. 3.
20. Краснова В.Н., Журавлев А.В., Каторкин С.Е. Лигирование свищевого хода в межсфинктерном пространстве с применением склеротерапии при лечении параректальных свищей // Колопроктология. 2020. Т. 19. № S (73). С. 18.
21. Краснова В.Н., Чернов А.А., Каторкин С.Е., Журавлев А.В. Сравнительные результаты применения лигирования свищевого хода в межсфинктерном пространстве в лечении чрессфинктерных и экстрасфинктерных параректальных свищей // Врач-аспирант. 2017. Т. 80. № 1. С. 179 – 189.
22. Кузьминов А.М., Фролов С.А., Вышегородцев Д.В. Возможности применения биоматериалов в лечении свищей прямой кишки (Обзор литературы) // Российский журнал гастроэнтерологии, гепатологии, колопроктологии. 2016. № 3. С. 81 – 86.

23. Кузьминов А.М., Бородкин А.С., Волков М.В., Чубаров Ю.Ю., Минбаев Ш.Т. Результаты хирургического лечения экстрасфинктерных свищей прямой кишки путем низведения послыонного сегмента стенки прямой кишки в анальный канал // Колопроктология. 2004. № 10 (4). С. 8 – 12.
24. Кузьминов А.М., Фролов С.А., Вышегородцев Д.В. Современные тенденции в диагностике и лечении неполных внутренних свищей прямой кишки // Колопроктология. 2016. № 1. С. 33.
25. Кузьминов А.М., Бородкин А.С., Минбаев Ш.Т. Функциональное состояние запирающего аппарата прямой кишки при лечении экстрасфинктерных свищей прямой кишки методом сегментарной проктопластики // Актуал. вопр. колопроктологии. 2017. С. 60.
26. Титов А.Ю., Костарев И.В., Фоменко О.Ю., Мудров А.А. Опыт видеоассистируемых операций с ушиванием внутреннего свищевого отверстия при хирургическом лечении экстрасфинктерных и высоких трансфинктерных свищей прямой кишки // Колопроктология. 2015. № 3. С. 73 – 80.
27. Чеканов М.Н., Чеканов А.М., Вернер И.Г. Лигирование свищей прямой кишки в межсфинктерном слое: первые результаты // Российский журнал гастроэнтерологии, гепатологии и колопроктологии. 2012. № 4 (22). С. 81 – 83.
28. Хитарьян А.Г., Ковалев С.А., Кислов Н.В., Ромодан Н.В., Алибеков А.З., Орехов А.А. Лечение сложных форм свищей прямой кишки с использованием модифицированной FILAC технологии // Таврический медико-биологический вестник. Симферополь, 2016. Т. 19, № 4. С. 95 – 105.
29. Alasari S., Kim N.K. Overview of anal fistula and systematic review of ligation of the intersphincteric fistula tract (LIFT) // Tech. Coloproctol. 2014. № 18 (1). P. 13 – 22.
30. Caddeu F., Salis F., Lisi G., Ciangola I., Milito G. Complex anal fistula remains a challenge for colorectal surgeon // Int. J. Colorectal Dis. 2015. № 30 (5). P. 595 – 603.
31. Hong K.D., Kang S., Kalaskar S., Wexner S.D. Ligation of intersphincteric fistula tract (LIFT) to treat anal fistula: systematic review and meta-analysis // Tech. Coloproctol. 2014. № 18. P. 685 – 691.
32. Васильев С.В., Попов Д.Е., Недозимованый А.И., Соркин Р.Г. Опыт лечения больных с транс- и экстрасфинктерными свищами прямой кишки методом перевязки свищевого хода в межсфинктерном пространстве (LIFT) // Колопроктология. 2016. № 3. С. 21.
33. Каторкин С.Е., Разин А.Н., Журавлев А.В., Тулупов М.С. Новый способ оперативного вмешательства при лечении больных со сложными параректальными свищами // Колопроктология. 2016. № 3. С. 29.
34. Костарев И.В., Титов А.Ю., Мудров А.А., Аносов И.С. Результаты лечения экстрасфинктерных свищей прямой кишки методом переведения свищевого хода в межсфинктерное пространство // Анналы хирургии. 2016. № 6. С. 391 – 395.
35. Костарев И.В., Шельгин Ю.А., Титов А.Ю. Лечение свищей прямой кишки перемещенным лоскутом: устаревший подход или современный метод? (систематический обзор литературы) // Колопроктология. 2016. № 1 (55). С. 6 – 16.

References

1. Kostarev I.V. Preliminary results of treatment of patients with trans- and extrasphincteric fistulas of the rectum by laser thermal obliteration of the fistula tract. Surgeon. 2020. Vol. 34. P. 34 – 42.
2. Gor I.V., Nedozimovany A.I., Popov D.E. Combined use of methods for ligation of the fistula in the intersphincteric space and laser destruction of the fistula tract in the treatment of patients with chronic paraproctitis. Bulletin of Surgery named after I.I. Grekov. 2022. Vol. 181. No. 5. P. 31 – 37. DOI: 10.24884/00424625-2022-181-5-31-37
3. Kotenko K.V., Kovalev S.A., Bedzhanyan A.L., Khitryan A.G., Alibekov A.Z., Mikhailova A.A., Korcha-zhkina N.B. Modern surgical technologies in the treatment of patients with chronic paraproctitis. Surgery. Journal named after N.I. Pirogov. 2022. Vol. 4. P. 80 – 85. DOI: 10.17116/hirurgia202204180
4. Shelygin Yu.A., Biryukov O.M., Blagodarny L.A. and others. Clinical guidelines for diagnosis and treatment of adults with chronic paraproctitis (fistula of the anus, fistula of the rectum). Moscow: Medicine, 2013.
5. Arroyo A., Pérez-Legaz J., Moya P. Fistulotomy and sphincter reconstruction in the treatment of com-plex fistula-in-ano: long-term clinical and manometric results. Ann Surg. 2012. Vol. 255, No. 5. P. 935 – 939. DOI: 10.1097/SLA.0b013e31824e9112
6. Khitryan A.G., Alibekov A.Z., Kovalev S.A., Orekhov A.A., Usman A., Golovina A.A., Kislov V.A., Ro-modan N.A. Results of multi-stage minimally invasive treatment of acute paraproctitis. Coloproctology. 2020. Vol. 19. No. 2. P. 83 – 90.

7. Yao Y.B., Xiao C.-F., Wang Han J.G., Wang Z.J., Zheng Y. et al. Ligation of Intersphincteric Fistula Tract vs Ligation of the Intersphincteric Fistula Tract Plus a Bioprosthetic Anal Fistula Plug Procedure in Patients With Transsphincteric Anal Fistula. *Annals of Surgery*. 2016. Vol. 264. No. 6. P. 917 – 922. DOI: 10.1097/SLA.0000000000001562
8. Adams F. On Fistulae by Hippocrates (translation). Available at: <http://www.4literature.net/Hippocrates>. October 1997; (accessed 4 December 2007).
9. Nelson R. Anorectal abscess fistula: what do we know? *Surg Clin North Am*. 2002. Vol. 82. P. 1139 – 1151.
10. Quah H.M., Tang C.L., Eu K.W., Chan S.Y., Samuel M. Meta-analysis of randomized clinical trials comparing drainage alone vs primary sphincter-cutting procedures for anorectal abscess-fistula. *Int J Colorectal Dis*. 2005. Vol. 30. P. 1 – 8.
11. Gupta P.J. Radiosurgical fistulotomy; an alternative to conventional procedure in fistula in ano. *Curr Surg*. 2003. Vol. 60. № 5. P. 524 – 528.
12. Zbar A.P., Ramesh J., Beer-Gabel M., Salazar R., Pescatori M. Conventional cutting vs. internal anal sphincter-preserving seton for high trans-sphincteric fistula: a prospective randomized manometric and clinical trial. *Tech Coloproctol*. 2003. Vol. 7. P. 89 – 94.
13. Asnach AI Anatomical bases for surgical treatment of anal fistulas. *Proceedings of the Kyrgyz Scientific Society of Anat., Hist., Embryol*. 1961. P. 253.
14. Vorobyov GI *Fundamentals of Proctology*. Rostov-on-Don, 2001. 414 p.
15. Dultsev Yu.V., Salamov KN *Paraproctitis*. Moscow, 1981. 208 p.
16. Kogon A.I. Materials on the pathogenesis, clinical picture and therapy of rectal fistulas. Doctoral dissertation. Dnepropetrovsk-Kharkov, 1957.
17. Rivkin V.L., Bronstein A.S., Fain S.N. *Handbook of Proctology*. Moscow, 2001. 300 p.
18. Ryzhikh A.N. *Surgery of the rectum (Fundamentals of Proctology)*. Moscow, 1956.
19. Aminev A.M. *Handbook of Proctology*. Kuibyshev, 1975. Vol. 3.
20. Krasnova V.N., Zhuravlev A.V., Katorkin S.E. Ligation of the fistula tract in the intersphincteric space using sclerotherapy in the treatment of pararectal fistulas. *Coloproctology*. 2020. Vol. 19. No. S (73). P. 18.
21. Krasnova V.N., Chernov A.A., Katorkin S.E., Zhuravlev A.V. Comparative results of the use of ligation of the fistula tract in the intersphincteric space in the treatment of transsphincteric and extrasphincteric pararectal fistulas. *Postgraduate doctor*. 2017. Vol. 80. No. 1. P. 179 – 189.
22. Kuzminov A.M., Frolov S.A., Vyshegorodtsev D.V. Possibilities of using biomaterials in the treatment of rectal fistulas (Literature review). *Russian journal of gastroenterology, hepatology, proctology*. 2016. No. 3. P. 81 – 86.
23. Kuzminov AM, Borodkin AS, Volkov MV, Chubarov Yu.Yu., Minbaev Sh.T. Results of surgical treatment of extrasphincteric fistulas of the rectum by lowering a layer-by-layer segment of the rectal wall into the anal canal. *Coloproctology*. 2004. No. 10 (4). P. 8 – 12.
24. Kuzminov AM, Frolov SA, Vyshegorodtsev DV Modern trends in the diagnosis and treatment of incomplete internal fistulas of the rectum. *Coloproctology*. 2016. No. 1. P. 33.
25. Kuzminov AM, Borodkin AS, Minbaev Sh.T. Functional state of the locking apparatus of the rectum in the treatment of extrasphincteric fistulas of the rectum by segmental proctoplasty. *Aktual. voprost. coloproctology*. 2017. P. 60.
26. Titov A.Yu., Kostarev I.V., Fomenko O.Yu., Mudrov A.A. Experience of video-assisted operations with suturing of the internal fistula opening in surgical treatment of extrasphincteric and high transsphincteric fistulas of the rectum. *Coloproctology*. 2015. No. 3. P. 73 – 80.
27. Chekanov M.N., Chekanov A.M., Werner I.G. Ligation of rectal fistulas in the intersphincteric layer: first results. *Russian Journal of Gastroenterology, Hepatology and Coloproctology*. 2012. No. 4 (22). P. 81 – 83.
28. Khitaryan A.G., Kovalev S.A., Kislov N.V., Romodan N.V., Alibekov A.Z., Orekhov A.A. Treatment of complex forms of rectal fistulas using modified FILAC technology. *Tavricheskiy Mediko-Biologicheskiy Vestnik. Simferopol*, 2016. Vol. 19, No. 4. P. 95 – 105.
29. Alasari S., Kim N.K. Overview of anal fistula and systematic review of ligation of the intersphincteric fistula tract (LIFT). *Tech. Coloproctol*. 2014. No. 18 (1). P. 13 – 22.
30. Cadeddu F., Salis F., Lisi G., Ciangola I., Milito G. Complex anal fistula remains a challenge for colo-rectal surgeon. *Int. J. Colorectal Dis*. 2015. No. 30 (5). P. 595 – 603.
31. Hong K.D., Kang S., Kalaskar S., Wexner S.D. Ligation of intersphincteric fistula tract (LIFT) to treat anal fistula: systematic review and meta-analysis. *Tech. Coloproctol*. 2014. No. 18. P. 685 – 691.

32. Vasiliev S.V., Popov D.E., Nedozimovanyy A.I., Sorkin R.G. Experience in treating patients with trans- and extrasphincteric fistulas of the rectum by the method of ligation of the fistula tract in the intersphincteric space (LIFT). Coloproctology. 2016. No. 3. P. 21.

33. Katorkin S.E., Razin A.N., Zhuravlev A.V., Tulupov M.S. A new method of surgical intervention in the treatment of patients with complex pararectal fistulas. Coloproctology. 2016. No. 3. P. 29.

34. Kostarev I.V., Titov A.Yu., Mudrov A.A., Anosov I.S. Results of treating extrasphincteric fistulas of the rectum by the method of transferring the fistula tract to the intersphincteric space. Annals of Surgery. 2016. No. 6. P. 391 – 395.

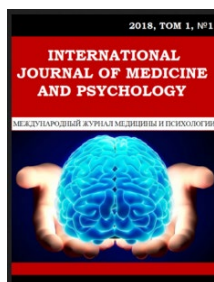
35. Kostarev I.V., Shelygin Yu.A., Titov A.Yu. Treatment of rectal fistulas with a displaced flap: an outdated approach or a modern method? (a systematic literature review). Coloproctology. 2016. No. 1 (55). P. 6 – 16.

Информация об авторах

Курбанова З.В., доктор медицинских наук, профессор, зав уч/ч. кафедры факультетской хирургии, главный внештатный специалист МЗ РД по пластической, реконструктивной хирургии и эстетической медицине, аттестованный эксперт Росздравнадзора по пластической хирургии, действительный член РОХ, РОПРЭХ И РОГ, Заслуженный врач Республики Дагестан; Дагестанский государственный медицинский университет Минздрава России

Бегова М.А., Дагестанский государственный медицинский университет Минздрава России

© Курбанова З.В., Бегова М.А., 2025

Научно-исследовательский журнал «International Journal of Medicine and Psychology / Международный журнал медицины и психологии»

<https://ijmp.ru>

2025, Том 8, № 4 / 2025, Vol. 8, Iss. 4 <https://ijmp.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 3.3.6. Фармакология, клиническая фармакология (фармацевтические науки)

УДК 619:636.4:579

¹ Бухтиярова И.П.,

¹ Фенич О.В.,

¹ Коцюбинский В.А.,

¹ Перькова Е.А.,

¹ Донбасская аграрная академия

Пробиотик «Пентапрол» как альтернатива антибиотикам в коррекции микробиома половых путей свиноматок

Аннотация: в данной статье рассматривается проблема рационального применения пробиотика «Пентапрол» как альтернативы антибактериальным препаратам. Потребители всё чаще отдают предпочтение продуктам, не содержащим следов антибиотиков, что стимулирует рост спроса на заменяющие их решения. Одной из таких альтернатив могут выступать пробиотики. Исследования подтверждают, что их использование способствует профилактике функциональных расстройств и инфекционных заболеваний желудочно-кишечного тракта. Механизм действия пробиотиков основан на подавлении патогенных и условно-патогенных микроорганизмов за счёт выработки биологически активных соединений. Включение пробиотиков в рацион положительно влияет на развитие полезной микрофлоры, а также помогает восстановить её баланс после курса антибиотиков.

Ключевые слова: свиноматки, пробиотик, антибиотик, патогенные микроорганизмы

Для цитирования: Бухтиярова И.П., Фенич О.В., Коцюбинский В.А., Перькова Е.А. Пробиотик «Пентапрол» как альтернатива антибиотикам в коррекции микробиома половых путей свиноматок // International Journal of Medicine and Psychology. 2025. Том 8. № 4. С. 34 – 39.

Поступила в редакцию: 6 февраля 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 3 апреля 2025 г.; Принята к публикации: 22 мая 2025 г.

¹ Bukhtiyarova I.P.,

¹ Fenich O.V.,

¹ Kotsyubinsky V.A.,

¹ Perkova E.A.,

¹ Donbass Agrarian Academy

Probiotic "Pentaprol" as an alternative to antibiotics in the correction of the microbiome of the genital tract of sows

Abstract: this article examines the problem of rational use of the probiotic "Pentaprol" as an alternative to antibacterial drugs. Consumers increasingly prefer products that do not contain traces of antibiotics, which stimulates the growth of demand for solutions that replace them. Probiotics can be one of these alternatives. Studies confirm that their use helps prevent functional disorders and infectious diseases of the gastrointestinal tract. The mechanism of action of probiotics is based on the suppression of pathogenic and opportunistic microorganisms due to the production of biologically active compounds. The inclusion of probiotics in the diet has a positive effect on the development of beneficial microflora, and also helps to restore its balance after a course of antibiotics.

Keywords: sows, probiotic, antibiotic, pathogenic microorganisms

For citation: Bukhtiyarova I.P., Fenich O.V., Kotsyubinsky V.A., Perkova E.A. Probiotic "Pentaprol" as an alternative to antibiotics in the correction of the microbiome of the genital tract of sows. International Journal of Medicine and Psychology. 2025. 8 (4). P. 34 – 39.

The article was submitted: February 6, 2025; Approved after reviewing: April 3, 2025; Accepted for publication: May 22, 2025

Введение

В современном животноводстве, включая свиноводство, на протяжении последних десятилетий активно применяются разнообразные биологически активные добавки. Их использование обусловлено способностью улучшать метаболизм, укреплять здоровье животных, стимулировать репродуктивные функции, регулировать мясную продуктивность, минимизировать последствия технологических стрессов, ускорять выведение токсинов и радионуклидов. Таким образом, эти вещества демонстрируют многофункциональное воздействие на организм.

Материалы и методы исследований

Среди широкого ассортимента биологически активных средств особую роль играют пробиотики – препараты на основе живых микроорганизмов. Их эффективность проявляется за счет оптимизации метаболических процессов в пищеварительной системе, усиления усвоения питательных компонентов корма, повышения иммунитета животных, а также подавления патогенной и условно-патогенной микрофлоры. Пробиотики отличаются безопасностью: они не провоцируют побочных эффектов, не имеют ограничений в применении и в сочетании с ветеринарно-гигиеническими мерами способствуют улучшению микробного баланса в условиях животноводческих комплексов.

В отечественной практике пробиотики рекомендовали себя как перспективные средства для профилактики заболеваний, стимуляции роста и поддержания физиологического здоровья животных. Эти препараты естественны по механизму действия, нетоксичны и совместимы с организмом. Использование живых микробных добавок в кормлении способствует нормализации кишечного микробиома, повышает устойчивость к стрессовым факторам и способствует формированию иммунного ответа. Сегодня исследования в области применения пробиотиков в животноводстве открывают новые возможности для повышения продуктивности и экологической безопасности отрасли.

Правительство РФ одобрило комплекс мер по внедрению национальной программы противодействия устойчивости микроорганизмов к лекарственным препаратам, рассчитанной на период до

2030 г. [1]. Благодаря этому, политика в различных отраслях, связанных с антибиотиками резко изменилась, что затронуло, в частности и ветеринарию. Уже сейчас, в марте 2025 года вступают в силу поправки к ветеринарным законам, которые предусматривают ужесточение предписаний по применению антибиотиков в животноводстве [2, 3]. Однако, в связи с ограничением использования антибиотиков, нужна альтернатива, которой и могут стать пробиотики [4, 6].

Цель – рассмотреть применения пробиотика «Пентапрол» в свиноводстве для нормализации качественного и количественного состава влагалищной микрофлоры как одного из эффективных методов лечения, профилактики и стимулирования репродуктивной функции у свиноматок.

В промышленном свиноводстве значимой проблемой остаются воспалительные заболевания репродуктивных органов у свиноматок. В послеродовой период у них часто развиваются острые формы патологий, такие как гнойно-катаральный эндометрит и метрит-мастит-агалактия, возникающие в первые дни после опороса. В хронической форме заболевание проявляется как скрытый эндометрит, который диагностируется в более поздние сроки и отличается длительным течением.

Скрытый эндометрит широко распространен в крупных свиноводческих комплексах и приводит к нарушениям половых циклов, снижению оплодотворяемости, уменьшению многоплодия, а также преждевременной выбраковке животных из стада. Основными факторами, способствующими развитию патологии, становятся осложненные роды с неквалифицированным акушерским вмешательством, задержание последа, включая его ручное извлечение, а также инфицирование матки при нарушении санитарных норм во время искусственного осеменения. В таких условиях патогенные или условно-патогенные микроорганизмы проникают в полость матки через поврежденные ткани, провоцируя хронические воспалительные процессы.

У животных со скрытым эндометритом наблюдается комплекс метаболических и иммунных нарушений. Это выражается в перенапряжении иммунной системы, дисбалансе между процессами перекисного окисления липидов и антиоксидантной защитой (ПОЛ-АОЗ), накоплении эндогенных

токсинов и усилении синтеза оксида азота. Иммунный статус характеризуется активацией Т-клеточного и гуморального звеньев иммунитета, повышением уровня циркулирующих иммунных комплексов (ЦИК) на фоне снижения фагоцитарной активности нейтрофилов – фагоцитарного числа (ФЧ), фагоцитарного индекса (ФИ) и фагоцитарной ёмкости нейтрофилов (ФЕН). Эти изменения не только усугубляют течение болезни, но и негативно влияют на общую продуктивность поголовья, требуя комплексного подхода к профилактике и лечению.

Для профилактики воспалительных процессов в репродуктивных органах свиноматок применяют пробиотические препараты из живых культур бактерий нормального микробиоза, обладающих физиологичным влиянием на микробиоту макроорганизма. Лечебное действие пробиотиков связано с метаболитами, которые вырабатываются бактериями в желудочно-кишечном тракте животных. При использовании этих препаратов продукты жизнедеятельности сенной палочки, находясь в организме, оказывают комплексное оздоровительное влияние на различные системы. Это направлено на укрепление иммунной защиты, стимуляцию работы желудочно-кишечного тракта, уменьшение выраженности острых и хронических воспалений, стабилизацию кровообращения и улучшение метаболических процессов.

Ключевым подходом к профилактике воспалительных процессов в репродуктивных органах свиноматок выступает строгое соблюдение технологических норм кормления и содержания животных, способствующих нормальному метаболизму, повышению неспецифической резистентности и оптимальной работе репродуктивной системы. Не менее важную роль играет тщательное соблюдение ветеринарно-санитарных норм при подготовке к опоросу, в процессе осеменения, а также своевременная реализация специальных ветеринарных мероприятий. Эти меры направлены на минимизацию рисков инфицирования и поддержание здоровья животных на всех этапах их репродуктивного цикла.

Ведущим звеном в этиопатогенезе скрыто протекающих воспалительных процессов в репродуктивных органах свиноматок является нарушение микробиоценоза полового тракта снижение содержания симбионтной микрофлоры: лактобацилл, бифидобактерий, молочнокислых стрептококков и других ее представителей, выполняющих роль естественного защитного барьера, активируя иммунные механизмы, контролируя обмен веществ, обеспечивая выработку биологически активных соединений и обезвреживание токсиче-

ских веществ, в том числе чужеродных агентов. Утрата барьерной функции, обеспечивающей устойчивость микробной экосистемы, приводит к дестабилизации биоценоза, что создает условия для бесконтрольного роста болезнетворных и оппортунистических штаммов. В физиологических условиях видовое разнообразие и численность популяций симбионтов сохраняются в динамическом равновесии, но под воздействием экзогенных или эндогенных триггеров развивается дисбаланс микробиоценоза. Подобные сдвиги коррелируют с угнетением иммунного ответа, инициируя замкнутый цикл взаимозависимости: нарушение микробного гомеостаза стимулирует развитие приобретенной недостаточности иммунной защиты, а дефицит резистентности организма, в свою очередь, усложняет восстановление симбиотического равновесия.

Результаты и обсуждения

Учитывая вышеизложенное, были проведены бактериологические исследования цервикально-маточной слизи.

Экспериментальная часть работы была выполнена в условиях промышленного свиноводческого предприятия ООО «АПК Бекон», расположенного по адресу: Донецкая Народная Республика, г. Донецк, ул. 1-я Меловая, 1. Гематологический анализ биоматериалов осуществлялся в научно-исследовательском центре при кафедре анатомии, физиологии, акушерства и ветеринарной хирургии Донбасской аграрной академии (ФГБОУ ВО). Изучение микробиологического статуса свиноматок проводилось с привлечением ресурсов Государственного бюджетного учреждения «Донецкая государственная лаборатория ветеринарной медицины» (ГБУ «Донецкая ГЛВМ»), обладающей аккредитацией в области ветеринарно-санитарной экспертизы.

Объект исследования – гибридные свиноматки репродуктивного возраста (породы: Дюрок, Пьетрен, Ландрас, Йоркшир) со средней массой 180-240 кг, при этом центральным элементом исследования выступил цервикально-маточный секрет репродуктивного тракта.

Материалами исследований при диагностике скрыто протекающих воспалительных процессов в репродуктивных органах свиноматок служили пробы цервикально-маточной слизи. При проведении эксперимента использовались две группы животных по 10 особей, от которых были получены влагалищные смывы и проведен их анализ.

Для культивации микробных штаммов применяли комплекс питательных субстратов: стандартные среды (мясопептонный бульон, мясопептонный агар), обогащенные составы (10% кровяной

агар, желточно-солевая основа), а также селективные и дифференциальные среды (МРС, Блаурокка, Эндо, Плоскирева, Левина, Олькеницкого, Симонса, Сабуро, Гисса с углеводами). Инкубацию осуществляли в термостатируемых условиях (37°C) с аэрацией. Для культивирования анаэробных штаммов задействовали герметичные камеры (анаэроостаты), заполненные газовыми смесями без кислорода, с использованием специализированных анаэробных сред.

Через 24-48 часов проводили оценку культуральных характеристик: анализировали морфологию колоний, особенности роста (форма, пигментация, консистенция) и гемолитическую активность на кровяном агаре. Для углубленного исследования отбирали 3–5 репрезентативных колоний каждого изолята, которые пересеивали на скошенный мясопептонный агар и его модификацию с добавлением 10% бараньей крови. Видовую принадлежность микроорганизмов устанавливали с помощью стандартизированных микробиологических методик, включая тест-системы для идентификации зоопатогенных бактерий.

Чувствительность выделенных культур к антибактериальным препаратам оценивали методом бумажных дисков, анализируя размер зоны подавления роста (ЗЗР).

Биоматериал для гематологического и биохимического анализа отбирали у свиноматок путём пункции ушной вены. Лабораторные тесты выполнялись с использованием актуальных диагностических протоколов, гарантирующих воспроизводимость результатов. Гематологический скрининг осуществляли в научно-исследовательском комплексе кафедры анатомии, физиологии, акушерства и ветеринарной хирургии Донбасской аграрной академии (ФГБОУ ВО), где применяли специализированное оборудование: ветеринарный анализатор Mindray BC-30Vet (для оценки клеточного состава крови) и автоматизированную систему MNCHIP Pointcare V3 (для биохимического профилирования).

В качестве исследуемого материала использовали стабилизированные образцы цельной крови и выделенную сыворотку. Для минимизации погрешностей от каждого животного заготавливали парные пробы биоматериала, соответствующие требованиям клинического анализа. Процедуры забора, подготовки и интерпретации лабораторных параметров проводили в соответствии с международными стандартами гематологических исследований.

Статистическую обработку данных выполняли методами вариационной статистики с применением

программного обеспечения для биометрического анализа.

После проведённых исследований были получены результаты:

- в репродуктивном тракте свиноматок первой группы идентифицирована ограниченный микробный пейзаж, включающая три таксономические группы: стрептококки, стафилококки и энтерококки. Доминирующими оказались штаммы стрептококков (*Str. gr. E, P*), обнаруженные в 50% исследуемых проб. В 40% случаев зафиксировано сочетанное присутствие стрептококковых культур (*Str. gr. E, P*) с грамотрицательными бактериями *Escherichia coli*. Реже (10% образцов) выявлены комбинированные колонии стрептококков (*Str. gr. E, P*) и коагулазоположительных стафилококков (*Staphylococcus aureus*), что свидетельствует о вариативности микробных ассоциаций в изученной группе.

- микробный пейзаж половых путей свиноматок второй группы был также представлен тремя видами микроорганизмов: стрептококки, стафилококки, энтерококки. Стрептококки группы E были обнаружены в 30% случаев, группы D и G – по 10% соответственно. Кишечная палочка (*E. coli*) выявлена в 10% образцов, а в 40% случаев зафиксирована ассоциация *Staphylococcus aureus* и *Escherichia coli*.

Анализ гематологических параметров выявил снижение уровня эритроцитов в периферической крови только у трех свиноматок: №4 (5.29 млн/мкл), №7 (2.02 млн/мкл) и №10 (4.31 млн/мкл). Данный показатель продемонстрировал прямую корреляцию с морфометрическими характеристиками красных кровяных телец – шириной распределения по объему (RDW) и средним корпускулярным объемом (MCV).

Концентрация гемоглобина у указанных животных также демонстрировала отклонения от физиологической нормы: минимальные значения зафиксированы у особи №7 (36 г/л), промежуточные – у №10 (82 г/л), а наиболее выраженное снижение – у №4 (94 г/л).

Тромбоцитарный профиль большинства особей соответствовал референсным значениям (150-400 тыс./мкл), за исключением свиноматок №7 (2 тыс./мкл), №9 (120 тыс./мкл) и №10 (25 тыс./мкл). Несмотря на формальное соответствие норме, наблюдалась значительная вариативность показателей внутри группы – разница между экстремальными значениями достигала 118 тыс./мкл.

Лейкоцитарная формула у всех животных сохранялась в пределах физиологических стандартов, что свидетельствует об отсутствии системно-

го воспаления или нарушений клеточного иммунного ответа.

В рамках гематологического мониторинга опытной группы установлено, что базовые параметры крови у 86% свиноматок не выходили за пределы референсных диапазонов. Исключение составили четыре особи с повышенной активностью аланинаминотрансферазы (106-159 U/L), что может указывать на транзиторные изменения в ферментном профиле, ассоциированные с печеночной функцией.

Эксперимент был продолжен с применением пробиотика «Пентопрола» – представителя последнего поколения пробиотиков, содержащий, помимо пробиотических культур, биологически активные адъюванты, обеспечивающие синергию лечебно-профилактического действия за счет модуляции метаболических и иммуномодулирующих процессов. Пробиотик "Пентапрол" разработан для нормализации функций желудочно-кишечного тракта, активизации метаболизма у сельскохозяйственных животных и птиц, улучшения перевариваемости кормов и роста продуктивности.

Пробиотическое средство включает лиофилизированные культуры аутохтонных микроорганизмов, относящихся к группе молочнокислых бактерий: *Lactobacillus acidophilus*, *Lactococcus lactis*, *Enterococcus faecium*, *Lactobacillus plantarum* и *Bifidobacterium pullorum*. Каждый штамм пред-

ставлен в виде жизнеспособных клеток, сохраняющих метаболическую активность при попадании в целевую биологическую нишу.

«Пентопрол» вводили в организм животного путем выпаивания животного в дозе 10мл на одну голову трехкратно с интервалами 14 дней.

Были взяты влагалищные смывы, получены результаты:

- свиноматки первой группы – 2 свиноматки – не выделено возбудителей стрептококкоза и стафилококкоза; у 3 особей выделены возбудители стрептококкоза (Str. гр. E); (Str. гр. D) – у 2 особей; (Str. гр. E) – у 2 особей; (*S. aureus*) – у 2 особей; (*E.coli*) – также у 2 особей.

- свиноматки второй группы – у 3 особей выделены возбудители стрептококкоза (Str. гр. D); (Str. гр. P) – у одной свиноматки; (*S. aureus*) обнаружен в 2 пробах; кишечную палочку (*E.coli*) выделили от 4 особей.

Выводы

В ходе эксперимента было установлена целесообразность и эффективность применения пробиотика «Пентопрола», о чем свидетельствуют результаты влагалищных смывов.

Таким образом, следует отметить, что применение пробиотика «Пентопрола» оказало существенное изменение качественного и количественного состава влагалищной микрофлоры для улучшения репродуктивной функции у свиноматок.

Список источников

1. О Стратегии предупреждения распространения антимикробной резистентности в РФ на период до 2030 года: распоряжение Правительства РФ от 25 сентября 2017 г. № 2045-р // ГАРАНТ.РУ. Россия: справ. правовая система (дата обращения: 18.01.2025)
2. О ветеринарии: Закон РФ от 14.05.1993: в ред. от 08.08.2024 N 4979-1: с изм. и доп., вступ. в силу с 01.03.2025 №556-ФЗ // ГАРАНТ.РУ. Россия: справ. правовая система (дата обращения: 18.01.2025)
3. Об обращении лекарственных средств: Федер. закон от 12.04.2010 N 61-ФЗ (последняя редакция) // ГАРАНТ.РУ. Россия: справ. правовая система (дата обращения: 18.01.2025)
4. Афанасьева Ю.Г., Корбмахер Е.Р., Колодина Е.В. и др. Пробиотики – альтернатива кормовым антибиотикам // Вестник Алтайского государственного аграрного университета. 2023. № 2. С. 65 – 72.
5. Фисинин В.И., Егоров И.А., Лаптев Г.Ю. и др. Получение продукции птицеводства без антибиотиков с использованием перспективных программ кормления на основе пробиотических препаратов // Вопросы питания. 2017. Т. 86. № 6. С. 114 – 124.
6. Овчарова А.Н., Петраков Е.С. Новые пробиотические препараты на основе *Lactobacillus Reuteri* и перспективы использования их в животноводстве // Проблемы биологии продуктивных животных. 2018. № 2. С. 5 – 18.
7. Мет. указания по бак. диагностике колибактериоза (эшерихиоза) животных: утв. Департаментом Министерства сельского хозяйства и продовольствия России 27 июля 2000г. N 13-7-2/2117 // ГАРАНТ.РУ. Россия: справ. правовая система (дата обращения: 18.01.2025)
8. Мет. указания по лаб. диагностике стафилококкоза животных: утв. Государственным агропромышленным комитетом СССР 29 июля 1987 г. // ГАРАНТ.РУ. Россия: справ. правовая система (дата обращения: 18.01.2025)

9. Мет. указания по лаб. диагностике стрептококкоза животных: утв. Главным Управлением ветеринарии с Государственной ветеринарной инспекцией при Государственной комиссии Совета Министров СССР по продовольствию и закупкам 25 сентября 1990 г. // ГАРАНТ.РУ. Россия : справ. правовая система (дата обращения: 18.01.2024)

10. Мет. рекомендации по диагностике, профилактике и лечению псевдомоноза сельскохозяйственных животных: утв. Минсельхозпродом России 17.08.1998 // ГАРАНТ.РУ. Россия : справ. правовая система (дата обращения: 18.01.2025)

References

1. On the Strategy for Preventing the Spread of Antimicrobial Resistance in the Russian Federation until 2030: Order of the Government of the Russian Federation of September 25, 2017 No. 2045-r. GARANT.RU. Russia: reference legal system (date of access: 18.01.2025)

2. On veterinary medicine: Law of the Russian Federation of May 14, 1993: as amended on 08.08.2024 N 4979-1: with amendments and additions, entered into force on 01.03.2025 No. 556-FZ. GARANT.RU. Russia: reference legal system (date of access: 18.01.2025)

3. On circulation of medicines: Fed. Law of 12.04.2010 N 61-FZ (latest revision). GARANT.RU. Russia: reference legal system (date of access: 18.01.2025)

4. Afanasyeva Yu.G., Korbmakher E.R., Kolodina E.V. et al. Probiotics – an alternative to feed antibiotics. Bulletin of the Altai State Agrarian University. 2023. No. 2. P. 65 – 72.

5. Fisinin V.I., Egorov I.A., Laptev G.Yu. et al. Obtaining poultry products without antibiotics using promising feeding programs based on probiotic preparations. Nutrition Issues. 2017. Vol. 86. No. 6. P. 114 – 124.

6. Ovcharova A.N., Petrakov E.S. New probiotic preparations based on *Lactobacillus Reuteri* and prospects for their use in animal husbandry. Problems of biology of productive animals. 2018. No. 2. P. 5 – 18.

7. Methodological guidelines for bacterial diagnostics of colibacillosis (escherichiosis) in animals: approved. by the Department of the Ministry of Agriculture and Food of Russia on July 27, 2000. N 13-7-2/2117. GARANT.RU. Russia: reference legal system (date of access: 18.01.2025)

8. Methodological guidelines for laboratory diagnostics of staphylococcosis in animals: approved. by the State Agro-Industrial Committee of the USSR on July 29, 1987. GARANT.RU. Russia: reference legal system (date of access: 18.01.2025)

9. Methodological guidelines for laboratory diagnostics of streptococcosis in animals: approved by the Main Directorate of Veterinary Medicine with the State Veterinary Inspectorate under the State Commission of the Council of Ministers of the USSR for Food and Procurement on September 25, 1990. GARANT.RU. Russia: reference legal system (date of access: 18.01.2024)

10. Methodological recommendations for diagnostics, prevention and treatment of pseudomonosis in farm animals: approved by the Ministry of Agriculture and Food of Russia on 17.08.1998. GARANT.RU. Russia: reference legal system (date of access: 18.01.2025)

Информация об авторах

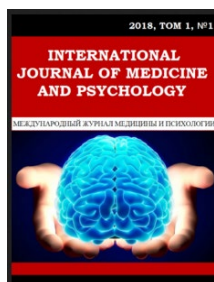
Бухтиярова И.П., кандидат фармацевтических наук, доцент, заведующий кафедры анатомии, физиологии, акушерства и хирургии животных, Донбасская аграрная академия

Фенич О.В., старший преподаватель, Донбасская аграрная академия

Коцюбинский В.А., ассистент, Донбасская аграрная академия

Перькова Е.А., кандидат экономических наук, декан факультета ветеринарной медицины и зоотехнии, доцент, Донбасская аграрная академия, irbuxtik@mail.ru

© Бухтиярова И.П., Фенич О.В., Коцюбинский В.А., Перькова Е.А., 2025

Научно-исследовательский журнал «International Journal of Medicine and Psychology / Международный журнал медицины и психологии»

<https://ijmp.ru>

2025, Том 8, № 4 / 2025, Vol. 8, Iss. 4 <https://ijmp.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 3.3.3. Патологическая физиология (медицинские науки)

УДК 616.895.82

¹ Соломанина О.О.,

¹ Кондратьева Н.С.,

¹ Бодрова С.М.,

¹ Пензенский государственный университет

Патофизиологические теории возникновения шизофрении и ее распространенность

Аннотация: в современном мире шизофрения – это одно из наиболее распространенных и тяжелых психических расстройств, которые известны на сегодняшний день. Данное заболевание влияет как на социальную, так и на профессиональную сферу жизни самого больного и его близких. Современные исследования показывают, что мужчины чаще болеют шизофренией, в отличие от женщин. У них это заболевание, как правило, начинается раньше и протекает тяжелее. Манифестация шизофрении у женщин приходится на более поздний возраст. Шизофрения считается одним из самых сложных и инвалидизирующих заболеваний, оказывающих значительное влияние не только на жизнь индивидуума, но и на общество. Достаточно мало сведений о ее природе и происхождении.

Современная фармакотерапия шизофрении основана в основном на дофаминергических и серотонинергических антагонистах/частичных агонистах, однако новые открытия в патофизиологии шизофрении позволяют в дальнейшем значительно расширить диапазон новых подходов в фармакотерапии и выявить более надежные биомаркеры заболевания.

Цель данного обзора – предоставить новейшие патофизиологические теории возникновения шизофрении и рассмотреть распространенность этого заболевания в городе Пенза за 2024 год.

Ключевые слова: шизофрения, теория, статистика, нервная система, патофизиология, глутамат, дофамин

Для цитирования: Соломанина О.О., Кондратьева Н.С., Бодрова С.М. Патофизиологические теории возникновения шизофрении и ее распространенность // International Journal of Medicine and Psychology. 2025. Том 8. № 4. С. 40 – 46.

Поступила в редакцию: 7 февраля 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 4 апреля 2025 г.; Принята к публикации: 22 мая 2025 г.

¹ Solomanina O.O.,

¹ Kondratyeva N.S.,

¹ Bodrova S.M.,

¹ Penza State University

Pathophysiological theories of schizophrenia and its prevalence

Abstract: in the modern world, schizophrenia is one of the most common and severe mental disorders that are known today. This disease affects both the social and professional spheres of life of the patient and his relatives. Modern research shows that men are more likely to suffer from schizophrenia, unlike women. In them, this disease usually begins earlier and is more severe. The manifestation of schizophrenia in women occurs later in life. Schizophrenia is considered one of the most complex and disabling diseases that have a significant impact not only on an individual's life, but also on society. There is little information about its nature and origin.

Modern pharmacotherapy of schizophrenia is based mainly on dopaminergic and serotonergic antagonists/partial agonists, however, new discoveries in the pathophysiology of schizophrenia will significantly expand the range of new approaches in pharmacotherapy and identify more reliable biomarkers of the disease.

The purpose of this review is to provide the latest pathophysiological theories of the occurrence of schizophrenia and to examine the prevalence of this disease in the city of Penza in 2024.

Keywords: schizophrenia, theory, statistics, nervous system, pathophysiology, glutamate, dopamine

For citation: Solomanina O.O., Kondratyeva N.S., Bodrova S.M. Pathophysiological theories of schizophrenia and its prevalence. International Journal of Medicine and Psychology. 2025. 8 (4). P. 40 – 46.

The article was submitted: February 7, 2025; Approved after reviewing: April 4, 2025; Accepted for publication: May 22, 2025

Введение

Ежегодно во всех странах мира отмечается большое число психических заболеваний, среди которых особое место занимает шизофрения. Согласно данным ВОЗ, шизофренией в России страдает более 500 тысяч человек.

Международные эпидемиологические исследования показывают, что заболеваемость шизофренией варьирует от 0,11 до 0,69%, а распространенность составляет 0,6-0,8%. Это означает, что из каждых 100 человек один либо уже болен, либо заболеет в будущем.

Шизофрения характеризуется позитивными, негативными, а также когнитивными симптомами. К позитивным симптомам относятся бред, галлюцинации, бессвязная речь и кататоническое поведение. Среди негативных симптомов выделяют снижение мотивации и экспрессивности, социальную изоляцию. Когнитивные симптомы характеризуются нарушением концентрации внимания, ухудшением памяти. Обычно положительные симптомы заболевания склонны к рецидивам и регрессии, однако у некоторых пациентов могут сохраняться длительные психотические симптомы. В то же время негативные и когнитивные симптомы чаще становятся хроническими, что, в свою очередь, приводит к нежелательным долгосрочным последствиям для социальной функции человека.

Наиболее интенсивное развитие болезни наблюдается в молодом возрасте, что приводит к значительному уровню инвалидности и социальной дезадаптации у пациентов с шизофренией.

Материалы и методы исследований

В результате работы проведен анализ и обобщение данных зарубежной и отечественной литературы по течению и механизмам развития шизофрении. Для ретроспективного статистического анализа заболеваемости шизофренией была использована информация о количестве зарегистрированных случаев посещения по болезни ГБУЗ

«Областная психиатрическая больница им. К.Р. Евграфова» за 2024 г.

Результаты и обсуждения

При обзоре литературных источников были предложены несколько теорий развития шизофрении.

1. **Теория нервной системы.** На основании ранних исследований предполагалось, что ранние пренатальные и перинатальные повреждения в головном мозге приводят к развитию шизофрении. Еще в 1976 были известны факты увеличения желудочков и борозд головного мозга у многих пациентов с данным заболеванием [3]. Кроме того, есть данные, свидетельствующие о повышенной вероятности того, что пациенты с шизофренией являются левшами, поскольку существует ген LRTM1, связанный с леворукостью и способствующий ассиметрии мозга, которая является характерной чертой многих пациентов с шизофренией. Последние исследования Пантеллиса и других ученых представили доказательства гипотезы влияния развития нервной системы на возникновение шизофрении. По их данным, у шизофреников отсутствует «нормальная» ассиметрия борозды левой передней поясной коры, что является уменьшением ее складчатости. Агенезия мозолистого тела способствует развитию шизофрении. Миттерауэр выдвинул теорию о влиянии разрушения олигодендроцитарно-аксонной системы на риск развития шизофрении [4].

2. **Мускариновая гипотеза.** Данная теория предполагает, что мускариновые рецепторы играют важную роль в развитии шизофрении. Появляется всё больше доказательств того, что воздействие на подтипы мускариновых рецепторов может модулировать определённые нейронные связи, нарушенные при шизофрении. Было обнаружено, что ацетилхолин возбуждает симпатические нейроны через мускариновые рецепторы M1, что указывает на то, что дисфункция этих рецепторов может влиять на

работу симпатической нервной системы и, как следствие, на дисрегуляцию иммунных клеток, которая приводит к появлению заболевания [10].

3. Генетическая модель. Наследственная предрасположенность к шизофрении и её передача по наследству известны уже несколько десятилетий, однако, несмотря на явные доказательства генетической составляющей, было очень трудно определить конкретные гены-виновники. После первого успешного исследования шизофрении, в ходе которого был выявлен один локус, содержащий ген *ZNF804A*, было проведено несколько исследований, каждое из которых опиралось на результаты предыдущих исследований, подтверждало и расширяло их. Крупнейшее на сегодняшний день исследование, в котором приняли участие 76 755 человек с шизофренией и 243 649 человек из контрольной группы, выявило 287 ассоциаций, 5 из которых связаны с X-хромосомой и соответствуют стандартным критериям значимости для всего генома [8].

4. Модель: «Микробиом-мозг». На сегодняшний день было опубликовано шесть исследований, в которых изучались различия в микробиоме между здоровыми людьми из контрольной группы и пациентами с шизофренией. В основном сообщалось о неизменности микробного разнообразия, но со значительными различиями в количестве конкретных таксонов между группами. Интересно, что в одном исследовании сообщалось, что среди пациентов, которые на начальном этапе были схожи с контрольной группой, у 70% наступила ремиссия в течение 12 месяцев по сравнению с 28% с «ненормальной» микробиотой. На уровне типов *прокариоты* и *зубактерии* были обнаружены как в значительном избытке, так и в значительном недостатке при шизофрении. То же самое относится к таксонам в пределах класса *Clostridia*, несмотря на то, что в одном исследовании было обнаружено, что этот класс в целом преобладает при шизофрении [11]. Важно отметить, что в одном из этих исследований изучался микробиом ротоглотки, который структурно отличается от микробиома кишечника. Кроме того, отмечается значительное преобладание *актобактерии* при шизофрении и у людей с повышенным риском развития шизофрении, что даже коррелирует с тяжестью симптомов [2].

5. Модель: «Беспокойство-стресс-воспаление». Интересно, что несколько исследований показали, что стрессовые жизненные события, особенно в городской среде, могут привести к шизофрении. Детская травма – ещё один важный фактор окружающей среды, который может повысить

риск развития шизофрении во взрослом возрасте. Известно, что пациенты с шизофренией в большей степени подвержены травмам, полученным в раннем возрасте, чем контрольная группа; например, дети, выросшие в неблагополучных приёмных семьях и детских домах [6]. Модели на животных, подверженных стрессу, также могут быть подходящими моделями для изучения факторов, влияющих на развитие нервной системы в патогенезе шизофрении. Исследования на животных показали роль стресса в патогенезе шизофрении. Например, в одной из работ показана роль материнской депривации в моделях шизофрении на животных. В исследовании использовалась матриксная металлопротеиназа-9 у подростков (*Mmp-9*) гетерозиготные мыши (после отъема от груди), которые хронически подвергались психосоциальному стрессу между резидентом и незванным гостем, а затем обследовались с помощью поведенческих тестов. У этих мышей негативные симптомы проявлялись после воздействия стресса. Стресс редко бывает эффективным сам по себе и обычно действует параллельно с одним или несколькими другими факторами. Одним из примеров является нарушение регуляции иммунной системы, вызванное стрессом. Стресс может активировать гипоталамо-гипофизарно-надпочечниковую систему (ГГНС), которая является важной частью нейроэндокринной системы и играет роль в регуляции иммунной системы. На животных моделях также было выявлено, что разлука с матерью является стрессовым фактором в раннем возрасте, который может привести к долгосрочному повышению активности ГГН. Стрессовые ситуации могут привести к активации гипоталамуса, что вызывает секрецию кортикоидов корой надпочечников. В нескольких исследованиях была показана гиперкортизолемиа у пациентов с шизофренией. Эти результаты показывают, что хронический стресс может повышать предрасположенность к шизофрении [2].

6. Каннабиноидная гипотеза. Первые исследования, подтверждающие связь между употреблением каннабиса и психотическими симптомами (паранойя и галлюцинации), были проведены французским психиатром Дж. Дж. Моро более 150 лет тому назад. Впоследствии было показано, что основной психоактивный компонент каннабиса, Δ^9 -тетрагидроканнабинол (ТГК), вызывает значительное усиление психотических (позитивных), а также негативных симптомов по сравнению с плацебо [1]. В европейских исследованиях выявлено, что раннее начало употребления каннабиса в подростковом возрасте является фактором стресса, который в

сочетании с генетической предрасположенностью может вызвать психотическое расстройство [5]. Несмотря на значительные исследования европейских ученых в этой области, точные механизмы, с помощью которых каннабиноиды вызывают шизофрению, остаются неясными.

7. Глутаматная гипотеза. Глутамат является основным возбуждающим нейромедиатором в мозге, где он контролирует когнитивные функции и настроение. Нарушение механизмов, отвечающих за гомеостаз глутамата, может привести к его накоплению в избыточном количестве, что, в свою очередь, приводит к повышению уровня кальция, нарушениям в работе митохондрий, окислительному стрессу и, в конечном итоге, к атрофии и гибели клеток. Это состояние известно, как вызванная глутаматом эксайтотоксичность и считается патогенетическим механизмом при ряде заболеваний центральной нервной системы, включая шизофрению [7]. Роль глутаматной системы предполагалась с тех пор, как было замечено, что антагонисты NMDA-рецепторов, такие как кетамин или фенциклидин, вызывали у здоровых людей состояние, похожее на шизофрению, а у пациентов с шизофренией – обострение симптомов. Кетамин и фенциклидин обладают высоким сродством к NMDA-рецепторам, локализованным на ГАМК-ергических интернейронах, позволяет предположить, что они усиливают глутаматергическую передачу за счёт процессов растормаживания. Это приводит к гипервозбудимости глутамата, стимуляции мезолимбического пути и симптомам шизофрении [13].

8. Серотониновая гипотеза. Серотонин в синаптических пузырьках выполняет функции нейромедиатора и нейrogормона, регулируя эмоции, обучение, память, высвобождение гормонов, когнитивные и двигательные функции. Нарушение нормальной активности серотонина в мозге связано с шизофренией. Также имеются данные о том, что серотониновые рецепторы 6 (5-HT_{6R}) и 7 (5-HT_{7R}) связаны с шизофренией посредством модуляции циклического аденозинмонофосфата, регуляции Gyn-киназы и индукции структурной пластичности. Значительное снижение количества 5-HT_{7R} в префронтальной коре при посмертных исследованиях пациентов с шизофренией и положительная генетическая корреляция между геном 5-HT_{7R} и шизофренией указывают на роль 5-HT_{7R} в патофизиологии шизофрении [12].

9. Дофаминовая гипотеза. Дофамин и дофаминергические механизмы играют ключевую роль в развитии шизофрении, является одной из

наиболее устойчивых идей об этом заболевании. В основе дофаминовой гипотезы лежат два вида доказательств. Во-первых, клинические исследования показали, что дофаминергические агонисты и стимуляторы могут вызывать психоз у здоровых людей и усугублять психоз у пациентов с шизофренией. Во-вторых, было обнаружено, что нейролептические препараты влияют на дофаминовую систему. Позже было установлено, что эффективность нейролептиков связана с их сродством к дофаминовым рецепторам D₂ [9]. Посмертные исследования предоставили первые прямые доказательства дофаминергической дисфункции в мозге и её анатомической локализации. Они показали повышенный уровень дофамина, его метаболитов и рецепторов в полосатом теле у людей с шизофренией. Однако в исследованиях участвовали пациенты, принимавшие нейролептики. Следовательно, было неясно, связана ли дисфункция с началом заболевания, является ли она следствием расстройства на конечной стадии или приёма нейролептиков. Недавние исследования людей, подверженных риску развития шизофрении, выявили повышенную способность к синтезу дофамина в полосатом теле и повышенную выработку дофамина в ответ на стресс. Кроме того, изменения уровня дофамина в полосатом теле связаны с нарушением функций коры головного мозга во время выполнения когнитивных задач, что согласуется с доклиническими данными о том, что изменения уровня дофамина в полосатом теле могут быть вызваны нарушением связей между корой головного мозга и полосатым телом и средним мозгом. Другие исследования показали, что ряд факторов риска развития шизофрении, таких как социальная изоляция и детские травмы, также влияют на пресинаптическую дофаминергическую функцию [6].

Распространенность шизофрении

Вероятность развития шизофрении в течении жизни составляет 1%. Согласно статистическим данным, мужчины чаще страдают шизофренией по сравнению с женщинами. Пик заболеваемости у мужчин наблюдается в 20-30 лет, а затем снижается. У женщин же наибольшая заболеваемость приходится на более поздний возраст, а снижение происходит медленнее. Важно отметить, что после 45 лет шизофрения выявляется у женщин чаще, чем у мужчин. Несмотря на то, что начало болезни в подростковом возрасте является распространенным явлением, шизофрения, начавшаяся в детстве (до 14 лет), встречается редко и чаще всего представляет собой более тяжелую форму заболевания,

которая плохо поддается лечению антипсихотическими препаратами.

По статистике за 2024 год в Пензенской области всего зарегистрировано 1461 больных шизо-

френией. Из них 763 женщины, что составляет 52,2% и 698 мужчин – 47,8%.

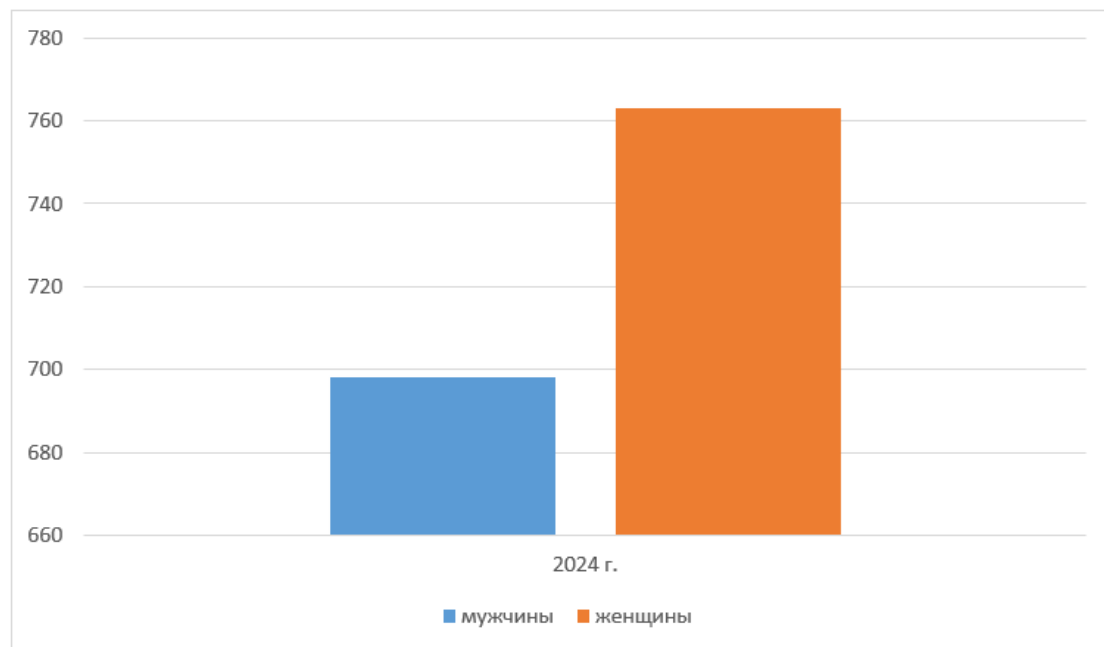

Рис. 1. Процентное соотношение заболеваний шизофренией среди мужчин и женщин за 2024 г.

Fig. 1. Percentage of cases of schizophrenia among men and women in 2024.

Согласно нашим данным, в исследуемый год шизофрения чаще всего выявлялась в возрасте 40-59 лет и составила 659 человек (45,1%). Из них 376 являются женщинами (57%), а 283 – мужчи-

нами (43%). Среди пациентов 20-39 лет, число которых составляет 332 человека (22,7%), женщин – 137 (41,3%), а мужчин – 195 (58,7%).

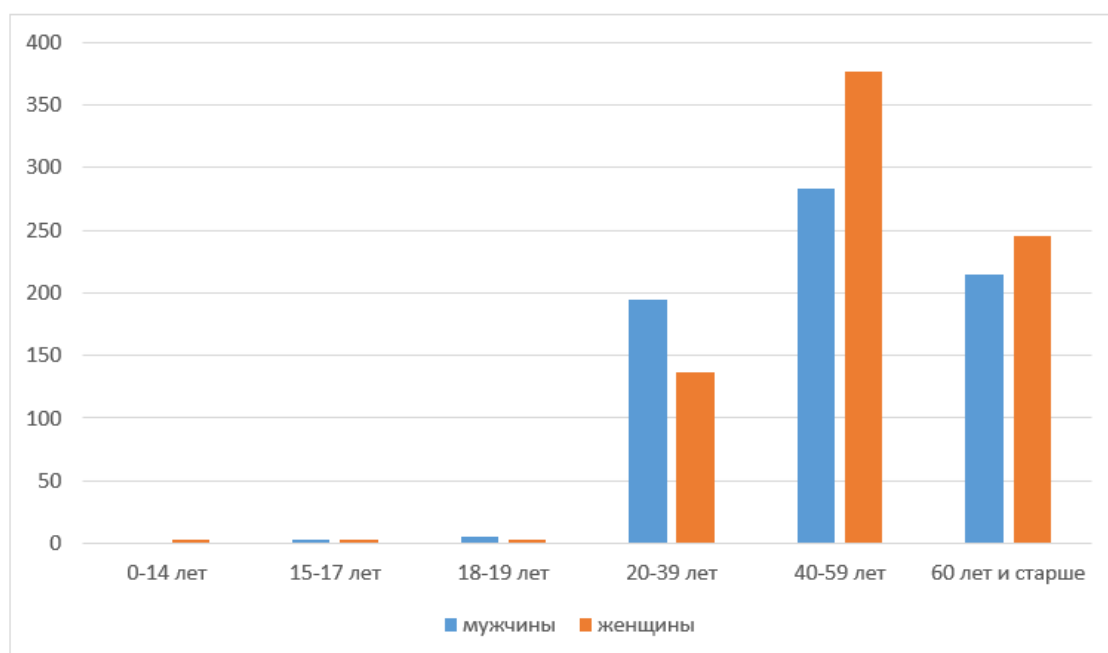

Рис. 2. Возрастное и половое распределение заболевания шизофренией в 2024 г.

Fig. 2. Age and gender distribution of schizophrenia in 2024.

Выводы

Таким образом, проведенный обзор приводит несколько теорий развития шизофрении, который свидетельствует о том, что необходимо дальнейшее изучение патофизиологии данного заболевания, благодаря которому будет возможна разработка лечебных мероприятий и методов профилактики по борьбе с шизофренией. Считается, что мужчины больше подвержены заболеванию. Од-

нако согласно нашей статистике за 2024 год в городе Пенза заболевших женщин больше, чем мужчин. В молодом возрасте мужчин с заболеванием больше в сравнении с женщинами, а в более зрелом возрасте наблюдается обратная картина. Также было выяснено, что шизофрения – это прогрессирующее заболевание, охватывающее большую численность населения.

Список источников

1. Колгашкин А.Ю., Надеждин А.В. Связь между потреблением каннабиса и психозами – современный взгляд на проблему. Повествовательный обзор литературы // Медицина. 2021. №4. С. 76 – 100.
2. Behnam V. Stress and the Role of the Gut – Brain Axis in the Pathogenesis of Schizophrenia: A Literature Review // International Journal of Molecular Sciences. 2020. Vol. 22, No. 18. P. 1 – 13.
3. Blokhin I. O., Khorkova O. Molecular mechanisms of psychiatric diseases // Neurobiology of Disease. 2020. Vol. 146, No. 105136. P. 1 – 15.
4. Grayson D.R., Guidotti A. The dynamics of DNA methylation in schizophrenia and related psychiatric disorders // Neuropsychopharmacology. 2013. Vol. 38. No. 1. P. 138 – 166.
5. Hindley G. Psychiatric symptoms caused by cannabis constituents: a systematic review and meta-analysis // The Lancet Psychiatry. 2020. Vol. 7. No. 4. P. 344 – 353.
6. Howes O.D., McCutcheon R., Owen M.J., Murray R.M. The Role of Genes, Stress, and Dopamine in the Development of Schizophrenia // Biological Psychiatry. 2017. Vol. 21. No. 1. P. 9 – 20.
7. Howes O.D., McCutcheon R.A., Stone J. Glutamate and dopamine in schizophrenia: an update for the 21 century // Journal of Psychopharmacology. 2015. Vol. 29. No. 2. P. 97 – 115.
8. Michael J. Owen, Sophie E. Legge, Elliott Rees Genomic findings in schizophrenia and their implications // Molecular Psychiatry. 2023. Vol. 28. No. 9. P. 1 – 10.
9. Nordström A.L., Farde L., Wiesel F.A. Central D2-dopamine receptor occupancy in relation to antipsychotic drug effects: a double-blind PET study of schizophrenic patients // Biological Psychiatry. 1993. Vol. 33. No. 4. P. 227 – 235.
10. Carnac T. Schizophrenia Hypothesis: Autonomic Nervous System Dysregulation of Fetal and Adult Immune Tolerance // Hypothesis and theory. 2022. Vol. 16. No. 844383. P. 15 – 25.
11. Szeligowski T., Lim A. The Gut Microbiome and Schizophrenia: The Current State of the Field and Clinical Applications // Frontiers in Psychiatry. 2020. Vol. 11. No. 156. P. 1 – 10.
12. Tsegay E.W., Demise D.G., Hailu N.A., Gufue Z.H. Serotonin Type 6 and 7 Receptors as a Novel Therapeutic Target for the Treatment of Schizophrenia // Neuropsychiatric Disease and Treatment. 2020. Vol. 16. No. 20. P. 2499 – 2509.
13. Uno Y., Coyle J.T. Glutamate hypothesis in schizophrenia // Psychiatry and Clinical Neurosciences. 2019. Vol. 73. No. 5. P. 204 – 215.

References

1. Kolgashkin A.Yu., Nadezhdin A.V. The relationship between cannabis consumption and psychosis – a modern look at the problem. Narrative review of the literature. Medicine. 2021. No. 4. P. 76 – 100.
2. Behnam V. Stress and the Role of the Gut – Brain Axis in the Pathogenesis of Schizophrenia: A Literature Review. International Journal of Molecular Sciences. 2020. Vol. 22, No. 18. P. 1 – 13.
3. Blokhin I.O., Khorkova O. Molecular mechanisms of psychiatric diseases. Neurobiology of Disease. 2020. Vol. 146. No. 105136. P. 1 – 15.
4. Grayson D.R., Guidotti A. The dynamics of DNA methylation in schizophrenia and related psychiatric disorders. Neuropsychopharmacology. 2013. Vol. 38. No. 1. P. 138 – 166.
5. Hindley G. Psychiatric symptoms caused by cannabis constituents: a systematic review and meta-analysis. The Lancet Psychiatry. 2020. Vol. 7. No. 4. P. 344 – 353.
6. Howes O.D., McCutcheon R., Owen M.J., Murray R.M. The Role of Genes, Stress, and Dopamine in the Development of Schizophrenia. Biological Psychiatry. 2017. Vol. 21. No. 1. P. 9 – 20.

7. Howes O.D., McCutcheon R.A., Stone J. Glutamate and dopamine in schizophrenia: an update for the 21st century. *Journal of Psychopharmacology*. 2015. Vol. 29. No. 2. P. 97 – 115.
8. Michael J. Owen, Sophie E. Legge, Elliott Rees Genomic findings in schizophrenia and their implications. *Molecular Psychiatry*. 2023. Vol.28, No. 9. P. 1 – 10.
9. Nordström A.L., Farde L., Wiesel F.A. Central D2-dopamine receptor occupancy in relation to antipsychotic drug effects: a double-blind PET study of schizophrenic patients. *Biological Psychiatry*. 1993. Vol. 33. No. 4. P. 227 – 235.
10. Carnac T. Schizophrenia Hypothesis: Autonomic Nervous System Dysregulation of Fetal and Adult Immune Tolerance. Hypothesis and theory. 2022. Vol. 16.No. 844383. P. 15 – 25.
11. Szeligowski T., Lim A. The Gut Microbiome and Schizophrenia: The Current State of the Field and Clinical Applications. *Frontiers in Psychiatry*. 2020. Vol. 11. No. 156. P. 1 – 10.
12. Tsegay E.W., Demise D.G., Hailu N.A., Gufue Z.H. Serotonin Type 6 and 7 Receptors as a Novel Therapeutic Target for the Treatment of Schizophrenia. *Neuropsychiatric Disease and Treatment*. 2020. Vol. 16. No. 20. P. 2499 – 2509.
13. Uno Y., Coyle J.T. Glutamate hypothesis in schizophrenia. *Psychiatry and Clinical Neurosciences*. 2019. Vol. 73. No. 5. P. 204 – 215.

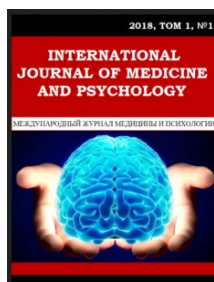
Информация об авторах

Соломанина О.О., кандидат медицинских наук, доцент, Пензенский государственный университет, г. Пенза, ул. Красная, д. 40, solomanina2010@yandex.ru

Кондратьева Н.С., Пензенский государственный университет, г. Пенза, ул. Красная, д. 40, kondratiewa.nina2016@yandex.ru

Бодрова С.М., Пензенский государственный университет, г. Пенза, ул. Красная, д. 40, sofya.bodrova.2004@mail.ru

© Соломанина О.О., Кондратьева Н.С., Бодрова С.М., 2025

Научно-исследовательский журнал «International Journal of Medicine and Psychology / Международный журнал медицины и психологии»

<https://ijmp.ru>

2025, Том 8, № 4 / 2025, Vol. 8, Iss. 4 <https://ijmp.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 3.3.3. Патологическая физиология (биологические науки)

УДК 616.1

¹ Гусейнова С.Т.,

¹ Эседова А.Э.,

¹ Сагитова С.З.,

¹ Велибекова К.К.,

¹ Дагестанский государственный медицинский университет Минздрава России

Анатомия легких: влияние курения на развитие эмфиземы

Аннотация: лёгкие – парный паренхиматозный орган дыхательной системы, обеспечивающий газообмен между атмосферным воздухом и кровью. Их морфология оптимизирована для выполнения ключевых функций: вентиляции, перфузии и диффузии газов. Эластичность паренхимы и сурфактант позволяют им растягиваться на вдохе и возвращаться в исходное состояние на выдохе без повреждений. Давление в капиллярах (~10 мм рт. ст.) поддерживает баланс между фильтрацией плазмы (предотвращая отёк) и газообменом [1]. Эмфизема лёгких, характеризующаяся деструкцией альвеолярных перегородок и формированием «воздушных ловушек», является необратимым компонентом хронической обструктивной болезни лёгких (ХОБЛ). Курение – ведущий модифицируемый фактор риска развития эмфиземы лёгких. Однако связь между интенсивностью курения, временем манифестации симптомов и субъективной оценкой их обратимости остаётся недостаточно изученной. Данное исследование, основанное на анализе опроса 110 респондентов, раскрывает неочевидные закономерности, включая феномен «раннего старта» симптоматики и когнитивный диссонанс в оценке рисков.

Ключевые слова: анатомия легких, курение, эмфизема, ХОБЛ

Для цитирования: Гусейнова С.Т., Эседова А.Э., Сагитова С.З., Велибекова К.К. Анатомия легких: влияние курения на развитие эмфиземы // International Journal of Medicine and Psychology. 2025. Том 8. № 4. С. 47 – 54.

Поступила в редакцию: 7 февраля 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 5 апреля 2025 г.; Принята к публикации: 22 мая 2025 г.

¹ Guseynova S.T.,

¹ Esedova A.E.,

¹ Sagitova S.Z.,

¹ Velibekova K.K.,

¹ Dagestan State Medical University of the Ministry of Health of Russia

Lung anatomy: the effect of smoking on the development of emphysema

Abstract: the lungs are a paired parenchymal organ of the respiratory system that provides gas exchange between atmospheric air and blood. Their morphology is optimized to perform key functions: ventilation, perfusion, and diffusion of gases. The elasticity of the parenchyma and surfactant allow them to stretch on inspiration and return to their original state on exhalation without damage. The pressure in the capillaries (~10 mmHg) maintains a balance between plasma filtration (preventing edema) and gas exchange [1]. Pulmonary emphysema, characterized by the destruction of the alveolar septa and the formation of "air traps", is an irreversible component of chronic obstructive pulmonary disease (COPD). Smoking is the leading modifiable risk factor for developing emphysema. However, the relationship between the intensity of smoking, the time of manifestation of symptoms and the subjec-

tive assessment of their reversibility remains insufficiently studied. This study, based on an analysis of a survey of 110 respondents, reveals non-obvious patterns, including the phenomenon of "early start" symptoms and cognitive dissonance in risk assessment.

Keywords: lung anatomy, smoking, emphysema, COPD

For citation: Guseynova S.T., Esedova A.E., Sagitova S.Z., Velibekova K.K. Lung anatomy: the effect of smoking on the development of emphysema. International Journal of Medicine and Psychology. 2025. 8 (4). P. 47 – 54.

The article was submitted: February 7, 2025; Approved after reviewing: April 5, 2025; Accepted for publication: May 22, 2025

Введение

Лёгкие представляют собой парный орган, разделённый на доли (3 справа, 2 слева), где бронхиальное дерево, альвеолярные мешочки и капиллярная сеть формируют функциональные единицы – ацинусы. Ключевой элемент газообмена – альвеолы, окружённые эластичными волокнами и насыщенные сурфактантом. Их стенки состоят из пневмоцитов I типа (обеспечивают диффузию газов) и II типа (синтезируют сурфактант), а капилляры, оплетающие альвеолы, поддерживают оксигенацию крови. Легкие покрыты плеврой – «полиэтиленовой упаковкой», – состоящей из двух листков: висцеральный, сросшийся с лёгочной тканью, напоминающий кожуру апельсина, и париетальный, выстилающий грудную стенку, содержащий болевые рецепторы – именно он заставляет нас чувствовать колющую боль при плеврите. Между ними – 10 мл плевральной жидкости, создающей эффект «мокрого стекла»: лёгкие скользят при дыхании, но не отлипают от грудной клетки. Давление здесь всегда отрицательное (-4 мм рт.ст.), не дающее им схлопнуться [2].

Курение запускает каскад патологических процессов, ведущих к эмфиземе – необратимому расширению дистальных воздухоносных пространств с деструкцией альвеолярных перегородок. Табачный дым содержит 7000+ токсинов, включая свободные радикалы, которые:

- Подавляют активность $\alpha 1$ -антитрипсина – ингибитора протеаз, защищающего эластин альвеол от расщепления.
- Активируют нейтрофилы и макрофаги, высвобождающие матриксные металлопротеиназы (MMP-9, MMP-12), разрушающие коллаген и эластин.
- Вызывают хроническое воспаление – провоспалительные цитокины (TNF- α , IL-8) усиливают апоптоз пневмоцитов, снижая регенерацию тканей [4].

Результат – формирование «воздушных ловушек»: альвеолы сливаются в буллы, эластическая тяга лёгких падает, а дыхательная поверхность

сокращается. Это приводит к гиперинфляции, экспираторному коллапсу бронхиол и прогрессирующей дыхательной недостаточности. Уникальность патогенеза при курении – сочетание оксидативного стресса, протеолитического дисбаланса и аутоиммунных реакций на денатурированные белки, что делает эмфизему необратимой даже после отказа от табака [4, 5].

Курение трансформирует анатомию лёгких на молекулярном уровне, превращая эластичный орган в деструктурированную систему с утратой функций. Профилактика эмфиземы требует не только отказа от табака, но и разработки терапий, направленных на восстановление баланса протеаз/антипротеаз и подавление оксидативного каскада. Несмотря на доказанную роль курения, паттерны формирования симптоматики, восприятие рисков пациентами и временная динамика остаются недостаточно изученными, что определяет актуальность настоящего исследования.

Материалы и методы исследований

Рост заболеваемости эмфиземой лёгких напрямую коррелирует с увеличением доли курящего населения, приобретая популярность за счёт доступности дешёвых сигарет и снижения эффективности антитабачных программ. В рамках научной работы был осуществлён комплексный анализ, включающий изучение медицинских журналов, клинических рекомендаций, открытых баз эпидемиологических данных. Особое внимание уделялось проведению взаимосвязи между динамикой заболеваемости и изменяющимися социальными и клиническими факторами, что позволило глубже понять современные тенденции распространения эмфиземы и факторы риска, ведущие к её возникновению. Для создания данной статьи были использованы собственные исследования авторов в виде анкетирования. Опрос проводился с помощью анонимной анкеты, состоящей из 18 вопросов, с анализом демографических показателей, параметров курения (стаж, интенсивность), клинических симптомов и субъективных оценок рисков, среди лиц старше 18 лет (n=110).

В ходе опросника были заданы следующие вопросы:

1. Ваш возраст?
2. Ваш пол? Chuchalin A.G. Emphysema of the lungs. breast cancer. 1999;17:811
3. Курите ли вы?
4. Если курите, сколько сигарет в день?
5. Как долго вы курите?
6. Появились ли симптомы эмфиземы после начала курения?
7. Какие из перечисленных симптомов вы заметили впервые после начала курения?
8. Как быстро после начала курения у вас появились первые признаки с проблемой дыхания?
9. Наблюдали ли вы появление специфичных симптомов эмфиземы?
10. Сталкивались вы с такими осложнениями как?
11. Замечали ли вы связь осложнений с:
 - Увеличением количества выкуриваемых сигарет
 - Курением сразу после еды
 - Одновременным приемом алкоголя
12. Связываете ли вы количество выкуриваемых сигарет с тяжестью симптомов?
13. Опишите, как изменилось ваше дыхание за последние несколько лет после начала курения?
14. Знаете ли вы, что дефицит альфа1-антитрипсина делает курение особенно опасным для легких?
15. Пробовали вы временно отказаться от курения и заметили ли улучшение состояния?
16. Как вы думаете, во сколько раз увеличивается риск эмфиземы после начала интенсивного курения?
17. Считаете ли вы, что прекращение курения может уменьшить выраженность симптомов даже после их появления?
18. Как вы считаете, через сколько лет после отказа от курения снижается риск развития эмфиземы?

Результаты и обсуждения

Легкие занимают большую часть грудной полости, их анатомия отражает эволюционную оптимизацию для максимальной эффективности в условиях ограниченного пространства и постоянного движения. Бронхиальное дерево начинается с трахеи, состоящей из 16-20 хрящевых полуколец. Главные бронхи проникают в лёгкие и ветвятся на долевые, сегментарные и субсегментарные бронхи. К 16-му поколению они теряют хрящи, превращаясь в терминальные бронхиолы диаметром 0.5 мм. Стенки бронхов состоят из нескольких слоев: реснитчатый эпителий, частота биения которого составляет – 1000 циклов/мин, слой глад-

ких мышц, способных сузить просвет на 80% при бронхоспазме, и подслизистые железы, вырабатывающие 100 мл слизи в сутки. Правое лёгкое, разделённое на три доли (верхнюю, среднюю, нижнюю), шире и короче из-за соседства с печенью. Левое, имеющее две доли (верхнюю и нижнюю), уже и длиннее, с характерной сердечной вырезкой углублением для сердца. Каждая доля подразделяется на сегменты (10 справа и 8-9 слева) – функциональные единицы с автономными бронхами, артериями и венами. Поверхность лёгких покрыта висцеральной плеврой, переходящей в париетальную, что формирует замкнутую плевральную полость с отрицательным давлением, критичным для дыхательной механики. Альвеолы – это микроскопические пузырьки диаметром 0.2-0.3 мм, свисающие с респираторных бронхиол. Их стенки толщиной 0.2 микрона состоят из двух типов клеток: плоские пневмоциты I типа, через которые кислород просачивается, как вода через сито, и кубические пневмоциты II типа, производящие сурфактант. Он состоит из фосфолипидов и белков снижает поверхностное натяжение в 12 раз, предотвращая слипание альвеол. Дыхательные бронхиолы, лишённые хрящевой опоры, разветвляются на альвеолярные ходы, заканчивающиеся альвеолярными мешочками. Каждый мешочек состоит из десятков альвеол пузырьков диаметром 0,2-0,3 мм, стенки которых образованы однослойным эпителием. Здесь происходит диффузия газов: кислород проникает в капилляры, а углекислый газ – в просвет альвеол.[2]

После 30 лет количество эластических волокон в альвеолах уменьшается, что снижает дыхательный объем. Эмфизема лёгких у курильщиков начинается с разрушения анатомических структур, ответственных за газообмен. Основная мишень – ацинус, функциональная единица лёгких, включающая респираторные бронхиолы, альвеолярные ходы и альвеолы. Этиопатогенез заболевания напрямую связан с ингаляционным воздействием табачного дыма, инициирующего оксидативный стресс, дисбаланс протеаз/антипротеаз и хроническое воспаление. У 80% пациентов первые симптомы появляются через 5-10 лет активного курения, но к моменту диагностики 40% альвеол уже необратимо разрушены. Проведённый опрос 110 респондентов выявил взаимосвязь между стажем курения, интенсивностью потребления табака и развитием эмфиземы лёгких, подчеркнув роль возрастных, гендерных и поведенческих факторов. Среди опрошенных 27.3% составили молодые курильщики 18-30 лет, у 10.3% из которых симптомы эмфиземы проявились менее чем через год курения. Это может объясняться генетической пред-

расположенностью, например, полиморфизмом гена GSTP1, нарушающего детоксикацию акролеина – ключевого токсина табачного дыма, или комбинацией курения с использованиемвейпов. Наиболее многочисленную группу (38.2%) представляли лица 31–45 лет – период профессиональной активности, когда симптомы часто игнорируются. У 43% в этом возрасте впервые отмечались одышка при подъёме на два лестничных пролёта (28%) и утренний кашель с вязкой мокротой (25.2%), которые ошибочно связывались с усталостью или стрессом. Среди лиц старше 60 лет (27.3%) у каждого четвертого выявлена «бочкообразная» грудная клетка – признак поздней стадии эмфиземы [6]

Гендерные различия оказались значимыми: 75.5% больных составили мужчины, что исторически связано с высокой распространенностью курения в этой группе. Однако у женщин (24.5%) заболевание прогрессирует агрессивнее из-за анатомически узких дыхательных путей: диаметр бронхиол у них составляет 1.2 мм против 1.5 мм у мужчин, что усиливает сопротивление воздушному потоку на 40% (по формуле Хагена-Пуазейля). Это приводит к быстрому развитию цианоза губ у 21.5% курящих женщин.

Анализ статуса курения показал, что 56.5% респондентов курят регулярно, формируя основную группу риска. Даже эпизодическое курение (24.1%) провоцирует воспаление, а среди бросивших (11.1%) улучшение состояния отметили 59.4%. Когнитивная ловушка «Я курю мало» – даже 1 сигарета в день поддерживает выработку интерлейкина-8, привлекающего в лёгкие макрофаги, выделяющие MMP-12 – фермент, «переваривающий» коллаген. Пороговая доза для активации фермента матриксная металлопротеиназа-9 (MMP-9) составляет 4 сигареты в день, под влиянием каждой выкуренной сигареты разрушаются компоненты внеклеточного матрикса, открывая дорогу эмфиземе. Высокий уровень ММП-9 разрушает эластин и коллаген в лёгочной ткани, создавая «воздушные ловушки» – характерный признак эмфиземы. Каждая затяжка сигареты – табачный дым, содержащий акролеин, который уничтожает реснитчатый эпителий, отвечающий за очистку лёгких, активирует нейтрофилы, выделяющие ферменты (например, эластазу), разрушающие альвеолы, убивает реснички в бронхах, отвечающие за очистку лёгких от слизи и пыли; радиоактивный полоний-210, оседающий в бифуркациях бронхов, создавая локальные дозы радиации; бензопирен – ароматический углеводород, вызывающий точечные мутации. У людей, выкуривающих 5–10 сигарет в день (53.3% опрошенных), уровень

ММП-9 в сыворотке крови повышается на 30–40% по сравнению с некурящими, а также соответствует пороговой дозе для активации MMP-12 (матриксная металлопротеиназа), разрушающей эластин. Снижение числа сигарет с 10 до 5 в день уменьшает его риск на 37%. У тех, кто выкуривает более 20 сигарет в день (9.3%), ферментная активность взлетает до 70–90%, достигая пика у превышающих пачку в сутки, а риск спонтанного пневмоторакса из-за буллёзной трансформации в 4 раза выше, чем у малокурящих.

Уже в первые годы курения формируются ранние симптомы поражения дыхательной системы. Так, у 43% курильщиков со стажем 1–2 года появляются кашель и одышка, связанные с активацией нейтрофилов под влиянием никотина. Эти клетки выделяют эластазу и матриксные металлопротеиназы (MMP-12), которые за 2–3 года разрушают до 70% эластина в стенках альвеол, провоцируя разрыв межалвеолярных перегородок. В течение 5–10 лет курения (38,3% группы) плотность рецепторов снижается на 40%, вынуждая увеличивать дозу для получения прежнего эффекта. Данный срок достаточен для ремоделирования бронхиол (утолщение гладкомышечного слоя, гиперплазия бокаловидных клеток) и приводит к формированию эмфиземы [7]

Табачный дым индуцирует нейтрофильную инфильтрацию лёгких с высвобождением эластазы, разрушающей эластиновый матрикс альвеол. У респондентов формируется фенотип «розовых пыхельщиков» с преобладанием эмфиземы над бронхитом, что коррелирует с данными о ранней манифестации одышки. Также через 5 лет курения развивается протеолитическая буря: нейтрофилы, привлечённые IL-8, высвобождают эластазу и MMP-12, которые «переваривают» 30% эластических волокон и снижают плотность рецепторов на 40%, вынуждая увеличивать дозу для получения прежнего эффекта. После многолетнего стажа курения (12,1% опрошенных) в лёгких остаётся мало здоровой ткани из-за чего начинают выявляться буллы (воздушные полости) и зоны повышенной прозрачности легочной ткани. Даже отказ от табака не вернёт утраченные функции. В результате анкетирования 6,5% опрошенных не связывают симптомы с курением.

Почти 89% участников отмечают симптомы, указывающие на развитие эмфиземы.

Одышка при подъёме по лестнице (28%) – возникает из-за сужения бронхов и снижения эластичности легких, вследствие чего разрушаются альвеолы и уменьшается поверхность для газообмена. Соответственно развивается гипоксия (нехватка кислорода), из-за которой страдают сердце,

мозг и другие органы. У 60% курильщиков этот симптом усиливается в положении лёжа. Утренний продуктивный кашель (25,2%) с вязкой мокротой после пробуждения – следствие паралича ресничек эпителия бронхов и гиперсекреции муцина, при этом в легких накапливается большое количество частиц дыма и слизи. Свистящее дыхание (19,6%) – признак спазма бронхов, индуцированным акролеином табачного дыма, создавая при этом турбулентный поток воздуха. Частые респираторные инфекции (15%) – воспаление повреждает белок эластин, который поддерживает форму альвеол. Они сливаются в крупные пузыри (буллы), не способные участвовать в газообмене. Снижение выносливости (12,1%): одышка при подъёме на 2-3 этажа или быстрой ходьбе – результат «воздушных ловушек»: разрушенные альвеолы не могут полноценно участвовать в газообмене [8].

По мере прогрессирования патологии возникают поздние морфологические изменения. Бочкообразная деформация грудной клетки (38,3%) развивается из-за гипервоздушности лёгких, вызванной коллапсом бронхиол на выдохе. Припухлость над ключицами (24,3%) и акроцианоз (21,5%) – синюшность кожи и губ – отражают системную гипоксемию. Утолщение кончиков пальцев “барабанной палочки” (15,9%) – образуется на фоне хронической гипоксии, стимулирующей выработку VEGF – фактор роста эндотелия сосудов, и HIF-1 α , стимулирующий ангиогенез в ногтевых ложах.

Осложнения включают в себя: спонтанный пневмоторакс (38,3%) – разрыв субплевральных булл вызывает резкое падение давления в грудной полости, смещая сердце вправо. Вследствие чего в грудную полость попадает воздух, из-за чего возникает резкая боль и требуется срочная госпитализация. Отеки ног (22,4%) – признак правожелудочковой недостаточности, обусловленной лёгочной гипертензией. Правый желудочек перегружается, пытаясь протолкнуть кровь через поврежденные легкие. Постоянная усталость из-за гипоксии (26,2%) – результат хронической нехватки кислорода. Возникает снижение сатурации кислорода ($SpO_2 < 95\%$) и для компенсации неэффективной работы легких в акте дыхания начинают участвовать мышцы шеи и живота. 13,1% среди опрошенных не выявили у себя наличие осложнений развития эмфиземы [9].

Факторы, усугубляющие состояние, включают увеличение количества выкуриваемых сигарет (57,9%), курение после еды (26,2%), усиливающее всасывание токсинов, и сочетание с алкоголем (15,9%), подавляющим кашлевой рефлекс. Большинство респондентов (69,8%) подтверждают

прямую связь между интенсивностью курения и тяжестью симптомов, однако 19,8% отрицают эту зависимость, а 10,4% затрудняются с ответом, что подчёркивает необходимость образовательных программ.

Динамика дыхательных нарушений у курильщиков проявляется прогрессирующей одышкой в положении лёжа, хриплым голосом, гипертрофией слизистых желёз, хроническим кашлем с обильной мокротой и спазмом бронхов, сопровождающимся чувством «стягивания» в груди. Системное раздражение слизистых горла, глаз и языка усугубляет дискомфорт [10].

Таким образом, исследование демонстрирует необратимый характер повреждений, вызванных курением. Ранние симптомы служат маркерами начавшегося протеолиза эластина, а длительная интоксикация приводит к эмфиземе, сердечно-лёгочным осложнениям и значительному снижению качества жизни. Профилактика, ранняя диагностика и образовательные инициативы остаются ключевыми инструментами для снижения риска фатальных исходов.

Дефицит альфа-1-антитрипсина – генетическая особенность, о роли которой знают 80,4% участников, у таких людей даже 1-2 сигареты в день ускоряют разрушение лёгких: нехватка белка ААТ делает лёгкие уязвимыми к ферментам, разрушающим альвеолы. Но лишь 11,1% бросили курить, что указывает на доминирование аддикции над рациональной оценкой рисков.

Результаты попыток отказа от курения показывают, что улучшение состояния ощутили 59,4%: через 48 часов после отказа от курения восстанавливается мукоцилиарный транспорт; 2-4 недели – уменьшение кашля и одышки; спустя 28 дней уровень оксида азота в выдыхаемом воздухе падает, сигнализируя о снижении воспаления; после 3 месяцев без сигарет улучшается функция ресничек. Утверждают, что изменений нет 28,3%, что возможно при большом стаже курения; не пробовали бросить 12,3% – причинами могут быть стресс и страх набора веса: никотин подавляет аппетит, многие боятся поправиться после отказа – помогут завязать с курением пластыри, леденцы, ингаляции с физраствором (увлажняют слизистую, облегчают отхождение мокроты), дыхательная гимнастика (увеличивает жизненную ёмкость лёгких, снижает тягу).

Согласно результатам опроса, 49,5% респондентов связывают начало интенсивного курения с увеличением риска развития эмфиземы в 3 раза. Каждый четвертый участник (25,7%) считает, что опасность возрастает более значительно – в 5 раз, тогда как 12,8% опрошенных оценивают рост рис-

ка лишь в 1,5 раза. Такие данные демонстрируют существенный разброс в восприятии последствий курения, что может быть связано с недостаточной информированностью о реальных медицинских показателях. Отдельно стоит отметить, что 12% респондентов не смогли дать количественную оценку либо выбрали иные варианты ответов. Эксперты подчеркивают: хотя субъективные представления о рисках варьируются, объективные исследования подтверждают, что курение действительно увеличивает вероятность эмфиземы в 2-4 раза в зависимости от стажа и интенсивности привычки. Это указывает на необходимость популяризации доказательных данных для коррекции общественных стереотипов.

55% респондентов верят в уменьшение симптомов после отказа от курения, 33% убеждены в необратимости эмфиземы, а 11,9% не уверены в зависимости тяжести симптомов от курения. Это отражает недостаток информации о регенераторном потенциале эпителия. Важно знать, что эмфизема неизлечима из-за разрушения межальвеолярных перегородок, которые замещаются фиброзной тканью, а буллы продолжают расти за счёт коллатеральной вентиляции (воздух проникает в них через поры Кона). Однако прогрессирование болезни можно остановить: первый шаг – сокращение числа сигарет, второй – полный отказ. Даже через 9 месяцев без курения восстанавливается реснитчатый эпителий, а через 10 лет после отказа остаётся 30% нефункционирующих альвеол, но их достаточно для жизни при умеренных нагрузках [8, 10].

Отказ от курения приводит к поэтапному снижению рисков для здоровья. В первые месяцы (19,4% случаев) наблюдается снижение риска спонтанного пневмоторакса на 40% за счёт компенсаторного фиброза плевры, а вероятность сердечно-сосудистых осложнений уменьшается на 50%. Через 5 лет без табака (по данным 48,1% опрошенных) риск развития эмфиземы лёгких сокращается почти вдвое, что свидетельствует о значительном восстановлении дыхательной системы.

К 10-летнему рубежу (23,1% респондентов) общие показатели здоровья приближаются к уровням некурящих людей, однако у части пациентов сохраняются остаточные структурные изменения в органах дыхания. При этом отдельные последствия длительного курения (например, необратимые повреждения лёгочной ткани) не подвергаются полной регрессии даже спустя десятилетия. Специалисты подчеркивают: чем раньше человек откажется от вредной привычки, тем выше шансы минимизировать ущерб для организма.

Выводы

Курение является ведущим фактором в развитии эмфиземы легких – необратимого заболевания, характеризующегося деструкцией альвеолярных структур и расширением дистальных воздушных пространств. Эмфизема легких, вызванная курением, развивается из-за хронического повреждения альвеол протеолитическими ферментами (эластаза, MMP-12), выделяемыми воспалительными клетками под действием токсинов табачного дыма. Это приводит к разрушению эластинового каркаса, формированию воздушных полостей (булл), потере эластичности легочной ткани и гипервоздушности легких, что проявляется одышкой, кашлем и «бочкообразной» деформацией грудной клетки. У 60% пациентов симптомы усиливаются в положении лежа из-за изменений внутригрудного давления. Длительное курение провоцирует необратимые осложнения: легочную гипертензию, правожелудочковую недостаточность, спонтанный пневмоторакс, а генетические факторы (дефицит альфа-1-антитрипсина) ускоряют прогрессирование. Лечение включает отказ от курения, бронходилататоры, кортикостероиды, кислородотерапию и хирургические методы, но структурные изменения необратимы. Профилактика направлена на борьбу с курением, особенно среди молодежи, и снижение воздействия дополнительных триггеров (алкоголь, загрязненный воздух). Изучение аутоиммунных механизмов и ангиогенеза может открыть новые методы терапии.

Список источников

1. Козловская Т.И., Сейц Особенности нормальной анатомии трахеи и бронхов // Мечниковские чтения-2022: материалы А.А. 95-ой Всероссийской научно-практической студенческой конференции с международным участием, Санкт-Петербург, 28 апреля 2022 года. Том Часть I. Санкт-Петербург: Северо-Западный государственный медицинский университет имени И.И. Мечникова, 2022. С. 253 – 254.
2. Штейнер М.Л. Варианты морфологии и расположения карины бифуркации трахеи: данные бронхоскопии // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Медицинские науки. 2023. № 4 С. 169 – 177. doi: 10.21685/2072-3032-2023-4-17

3. Грива Н.А., Гаврилов П.В., Никитина И.А., Кирюхина Л.Д., Наркевич А.Н., Соколов Е.Г. Влияние подтипа и объема эмфиземы по данным компьютерной томографии на вентиляционную и газообменную функции легких // Вестник рентгенологии и радиологии. 2021. № 102 (6). С. 349 – 358. <https://doi.org/10.20862/0042-4676-2021-102-6-349-358>
4. Chuchalin A.G. Emphysema of the lungs. breast cancer. 1999. № 17. С. 811.
5. Арзамасова Л.Н., Васильев Ю.А., Владимирский А.В., Арзамасов К.М. Оценка влияния пандемии COVID19 на распространённость эмфиземы по данным компьютерной томографии с применением технологии искусственного интеллекта // Менеджер здравоохранения. 2024. № 10. С. 63 – 72. DOI:10.21045/1811-0185-2024-10-63-72
6. Пономарева М.А., Соловьева С.Е., Иванова А.Г., Казарян Г.А. Врожденная эмфизема легких в сочетании с дубликационной кистой пищевода: клиническое наблюдение // Клиническая и экспериментальная хирургия. Журнал имени академика Б.В. Петровского. 2024. Т. 12. № 4. С. 115 – 119. DOI: <https://doi.org/10.33029/2308-1198-2024-12-4-115-119>
7. Дробязгин Е.А., Чикинев Ю.В., Щербина К.И., Хусаинов В.Ф. Двухпортовые операции в хирургии буллезной эмфиземы легких // Сибирский научный медицинский журнал. 2020. № 40 (2). С. 56 – 60. doi: 10.15372/SSMJ20200207
8. Васильев Ю.А., Гончарова И.В., Владимирский А.В., Арзамасов К.М., Пестренин Л.Д. Популяционное исследование эмфизематозных изменений легких у населения г. Москвы методом автоматизированного анализа результатов лучевых исследований // Менеджер здравоохранения. 2023. № 9. С. 23 – 36. DOI: 10.21045/1811-0185-2023-9-23-36
9. Бродская Т.А., Невзорова В.А., Васильева М.С., Лавренюк В.В. Нейроопосредованные и эндотелийзависимые механизмы формирования хронической обструктивной болезни легких // Терапевтический архив. 2020. № 92 (3). С. 116 – 124. DOI: 10.26442/00403660.2020.03.000347
10. Баймаканова Г.Е., Тараканова И.Ю., Самсонова М.В. и др. Повреждение легких, ассоциированное с курением электронных сигарет (EVALI) // Медицинский совет. 2024. Т. 18. № 20. С. 30 – 39. DOI 10.21518/ms2024-433

References

1. Kozlovskaya T.I., Seits Features of normal anatomy of the trachea and bronchi. Mechnikov Readings-2022: Proceedings of A.A. 95th All-Russian Scientific and Practical Student Conference with International Participation, St. Petersburg, April 28, 2022. Volume Part I. St. Petersburg: North-West State Medical University named after I.I. Mechnikov, 2022. P. 253 – 254.
2. Steiner M.L. Variants of morphology and location of the tracheal bifurcation carina: bronchoscopy data. News of higher educational institutions. Volga region. Medical sciences. 2023. No. 4 P. 169 – 177. doi: 10.21685/2072-3032-2023-4-17
3. Griva N.A., Gavrilov P.V., Nikitina I.A., Kiryukhina L.D., Narkevich A.N., Sokolovich E.G. Influence of the subtype and volume of emphysema according to computed tomography data on the ventilation and gas exchange functions of the lungs. Bulletin of Roentgenology and Radiology. 2021. No. 102 (6). P. 349 – 358. <https://doi.org/10.20862/0042-4676-2021-102-6-349-358>
4. Chuchalin A.G. Emphysema of the lungs. breast cancer. 1999. No. 17. P. 811.
5. Arzamasova L.N., Vasiliev Yu.A., Vladimirovsky A.V., Arzamasov K.M. Assessment of the impact of the COVID19 pandemic on the prevalence of emphysema based on computed tomography data using artificial intelligence technology. Healthcare Manager. 2024. No. 10. P. 63 – 72. DOI:10.21045/1811-0185-2024-10-63-72
6. Ponomareva M.A., Solovieva S.E., Ivanova A.G., Kazaryan G.A. Congenital pulmonary emphysema in combination with esophageal duplication cyst: a clinical observation. Clinical and experimental surgery. Journal named after academician B.V. Petrovsky. 2024. T. 12. No. 4. P. 115 – 119. DOI: <https://doi.org/10.33029/2308-1198-2024-12-4-115-119>
7. Drobzyazgin E.A., Chikinev Yu.V., Shcherbina K.I., Khusainov V.F. Two-port operations in the surgery of bullous emphysema. Siberian Scientific Medical Journal. 2020. No. 40 (2). P. 56 – 60. doi: 10.15372/SSMJ20200207
8. Vasiliev Yu.A., Goncharova I.V., Vladimirovsky A.V., Arzamasov K.M., Pestrenin L.D. A population study of emphysematous changes in the lungs in the population of Moscow using the automated analysis of radiation research results. Healthcare Manager. 2023. No. 9. P. 23 – 36. DOI: 10.21045/1811-0185-2023-9-23-36

9. Brodskaya T.A., Nevzorova V.A., Vasilyeva M.S., Lavrenyuk V.V. Neuromediated and endothelium-dependent mechanisms of chronic obstructive pulmonary disease formation. Therapeutic archive. 2020. No. 92 (3). P. 116 – 124. DOI: 10.26442/00403660.2020.03.000347

10. Baimakanova G.E., Tarakanova I.Yu., Samsonova M.V. et al. E-cigarette smoking-associated lung injury (EVALI)/ Medical Council. 2024. Vol. 18. No. 20. P. 30 – 39. DOI 10.21518/ms2024-433

Информация об авторах

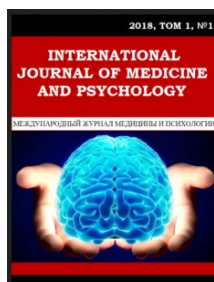
Гусейнова С.Т., доктор медицинских наук, профессор, заведующая кафедрой Анатомии человека, Дагестанский государственный медицинский университет

Эседова А.Э., кандидат медицинских наук, доцент, Дагестанский государственный медицинский университет

Сагитова С.З., Дагестанский государственный медицинский университет, s.your.cute.imp14@gmail.com

Велибекова К.К., Дагестанский государственный медицинский университет

© Гусейнова С.Т., Эседова А.Э., Сагитова С.З., Велибекова К.К., 2025

Научно-исследовательский журнал «International Journal of Medicine and Psychology / Международный журнал медицины и психологии»

<https://ijmp.ru>

2025, Том 8, № 4 / 2025, Vol. 8, Iss. 4 <https://ijmp.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 3.3.3. Патологическая физиология (медицинские науки)

УДК 617-089

¹ Межнов А.Е.,

¹ Бояркин Е.В.,

¹ Мигунова К.С.,

¹ Национальный исследовательский Мордовский государственный
университет им. Н.П.Огарёва Минобрнауки России

Способы моделирования катетеризации воротной вены на мелких лабораторных животных и последующая внутрипортальная коррекция функциональных состояний печени при желтухе обтурационного генеза

Аннотация: совершенствование способов моделирования катетеризации воротной вены и дальнейшее развитие внутрипортальных методов коррекции функциональных состояний печени представляют собой перспективное направление научных исследований, способное внести значительный вклад в понимание патогенеза и лечение заболеваний печени. Эксперимент проводился на 35 половозрелых крысах-самцах серии «Вистар», разделенных на 2 группы: контрольная (n=10), опытная группа (n=25). В контрольной и опытной группах животные подвергались оперативному вмешательству по созданию обтурационной желтухи и катетеризации воротной вены. На фоне механической желтухи, животным внутрипортально вводился раствор гепарина натрия, животным опытной группы, помимо гепарина, вводили раствор этоксида на протяжении 8 дней. Для динамического наблюдения за состоянием животных с механической желтухой проводили забор венозной крови на 3-й, 9-й и 11-й день наблюдения после декомпрессии холедоха. С целью оценки функциональной активности печени изучали концентрацию общего билирубина (ОБ), аланиновой и аспарагиновой аминотрансфераз (АлАТ, АсАТ), щелочной фосфатазы (ЩФ). Комбинированная терапия гепарином натрия и этоксидом показала положительные результаты в виде снижения повреждения клеток печени, уменьшения активности ферментов ЩФ и АлАТ. Исследование морфологических изменений в ткани печени на 11-й день наблюдения, проведенное после курса лечения натрием гепарина в сочетании с антиоксидантным препаратом, выявило уменьшение выраженности патологических изменений по сравнению с контрольной группой. Отмечено снижение степени отека гепатоцитов и уменьшение зон их деструктивных изменений.

Ключевые слова: механическая желтуха, катетеризация воротной вены, внутрипортальное введение средств, лабораторные животные, этоксидол, антиоксидантные средства

Для цитирования: Межнов А.Е., Бояркин Е.В., Мигунова К.С. Способы моделирования катетеризации воротной вены на мелких лабораторных животных и последующая внутрипортальная коррекция функциональных состояний печени при желтухе обтурационного генеза // International Journal of Medicine and Psychology. 2025. Том 8. № 4. С. 55 – 61.

Поступила в редакцию: 8 февраля 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 6 апреля 2025 г.; Принята к публикации: 22 мая 2025 г.

¹ Mezhnov A.E.,
¹ Boyarkin E.V.,
¹ Migunova K.S.

¹ National Research Ogarev Mordovia State University

Methods of modeling portal vein catheterization in small laboratory animals and subsequent intraportal correction of liver function in patients with obstructive jaundice

Abstract: the improvement of methods for modeling portal vein catheterization and the further development of intraportal methods for correcting liver function are promising areas of scientific research that can make a significant contribution to understanding the pathogenesis and treatment of liver diseases. The experiment was conducted on 35 sexually mature male Wistar rats, divided into 2 groups: the control group (n=10), the experimental group (n=25). In the control and experimental groups, the animals underwent surgical intervention to create obstructive jaundice and portal vein catheterization. Against the background of mechanical jaundice, the animals were intraportally injected with a solution of sodium heparin, and the animals of the experimental group, in addition to heparin, were injected with an ethoxidol solution for 8 days. For dynamic monitoring of the condition of animals with obstructive jaundice, venous blood was collected on the 3rd, 9th and 11th days of follow-up after choledochal decompression. In order to assess the functional activity of the liver, the concentrations of total bilirubin (OB), alanine and aspartic aminotransferases (AlAT, AsAT), and alkaline phosphatase (ALP) were studied. Combination therapy with sodium heparin and ethoxidol has shown positive results in the form of reduced damage to liver cells, decreased activity of the enzymes ALP and AlAT. Analysis of liver structural changes on the 11th day of follow-up after the use of sodium heparin in combination with an antioxidant showed a decrease in liver morphological disorders compared with the control group in the form of a decrease in hepatocyte edema, as well as its structural zone.

Keywords: mechanical jaundice, portal vein catheterization, intraportal administration of drugs, laboratory animals, ethoxidol, antioxidant agents

For citation: Mezhnov A.E., Boyarkin E.V., Migunova K.S. Methods of modeling portal vein catheterization in small laboratory animals and subsequent intraportal correction of liver function in patients with obstructive jaundice. International Journal of Medicine and Psychology. 2025. 8 (4). P. 55 – 61.

The article was submitted: February 8, 2025; Approved after reviewing: April 6, 2025; Accepted for publication: May 22, 2025

Введение

Моделирование катетеризации воротной вены у мелких лабораторных животных представляет собой важный методический подход, позволяющий проводить точное внутрипортальное введение препаратов и осуществлять мониторинг изменений гемодинамики при различных патологиях печени. Особую значимость данный метод приобретает при изучении механизмов развития желтухи обтурационного генеза – состояния, сопровождающегося механической обструкцией внепеченочных желчных путей, нарушением оттока желчи и вторичными изменениями функционального состояния гепатоцитов [1]. Внутрипортальная коррекция таких состояний позволяет не только оценить эффективность терапевтических воздействий непосредственно на печень, но и минимизировать системные эффекты вводимых препаратов, что особенно важно для разработки новых стратегий лечения холестаза и его осложнений [2].

Современные модели катетеризации воротной вены у крыс и мышей основаны на мини-инвазивных хирургических техниках, обеспечивающих стабильную фиксацию катетера с минимальным риском тромбоза или инфекционных осложнений [2, 3]. Это открывает возможности для длительного наблюдения за динамикой портального давления, метаболической активности печени и уровня биохимических маркеров гепатобилиарного повреждения [4]. Такие экспериментальные модели являются ключевыми для изучения патогенеза механической желтухи и тестирования новых фармакологических агентов, направленных на восстановление транспортной функции гепатоцитов и снижение оксидативного стресса [5].

Особое внимание уделяется вопросам стандартизации методики катетеризации, поскольку неправильное расположение катетера может привести к некорректным данным и увеличению летальности среди исследуемых животных [2, 6].

Современные исследования демонстрируют высокую воспроизводимость результатов при использовании полиэтиленовых катетеров с антикоагулянтным покрытием и применении микроманипуляторов во время операции [7]. Кроме того, разработка моделей повторных внутрипортальных инъекций позволяет значительно расширить диапазон экспериментальных возможностей [3, 8].

На фоне роста интереса к органоспецифическим методам коррекции патологических состояний печени, внутрипортальное введение гептопротекторов, противовоспалительных и антифибротических средств становится все более популярным в экспериментальной медицине [9]. Особенно актуально это в условиях обтурационной желтухи, когда системная терапия часто оказывается недостаточно эффективной из-за нарушенного метаболизма в печени [10].

Таким образом, совершенствование способов моделирования катетеризации воротной вены и дальнейшее развитие внутрипортальных методов коррекции функциональных состояний печени представляют собой перспективное направление научных исследований, способное внести значительный вклад в понимание патогенеза и лечение заболеваний печени.

Целью настоящего исследования являлась разработка экспериментальной модели катетеризации воротной вены у мелких лабораторных животных с последующим внутрипортальным введением лекарственных препаратов с целью коррекции функционального состояния печени при обтурационной желтухе.

Материалы и методы исследований

Экспериментальное исследование проведено на половозрелых самцах крыс линии "Вистар" массой тела 250-270 г. Работа выполнялась в условиях клинко-экспериментальной лаборатории с соблюдением этических принципов, изложенных в Хельсинкской декларации о гуманном обращении с животными (2000 г.), а также рекомендаций Всемирной организации здравоохранения по проведению биомедицинских исследований (2010 г.).

Общее количество используемых животных составило 35 особей, которые были случайным образом распределены на две группы: контрольная группа ($n = 10$) и опытная группа ($n = 25$). На всех лабораторных животных применялось хирургическое пособие с целью моделирования обтурационной желтухи и последующей катетеризации воротной вены.

Для создания модели механической (обтурационной) желтухи выполняли верхнесрединную лапаротомию. Оперативное вмешательство проводилось под наркозом, вызванным внутримышеч-

ным однократным введением препарата "Золетил" в дозе 0,1 мл на 100 г массы тела, согласно рекомендуемым производителем параметрам. После выделения панкреатобилиарной зоны механическую желтуху генерировали путем наложения лигатуры на дистальный отдел холедоха. Снятие желчного блока проводилось на 3-и сутки после операции путем релапаротомии и удаления лигатуры с холедоха. С целью внутрипортальных инфузий лекарственных средств моделировался способ катетеризации воротной вены силиконовым дренажем диаметром 0,1 см. Для осуществления эффективного гемостаза и ликвидации несостоятельности соустья между дренажем и стенкой воротной вены применялась биологическая тампонада боковой частью прямой мышцы живота, взятой с края операционной раны. Свободный конец дренажа выводился на переднюю брюшную стенку в области правого подреберья через контрапертуру и фиксировался узловым швом. Дренаж использовали для введения лекарственных препаратов с целью коррекции печеночной недостаточности, вызванной механической желтухой. Для профилактики ТЭО в дренаж вводили раствор гепарина натрия в рекомендованных дозировках. Создание блока на пути ретроградного движения крови из воротной вены до свободного конца дренажа проводили с помощью имитации «заглушки» в виде части металлической скобы канцелярского степлера №1. После контроля гемостаза, операционная рана послойно ушивалась наглухо атравматической иглой 4,0 двухслойными швами.

В контрольной и опытной группах, на фоне механической желтухи, животным внутрипортально вводился раствор гепарина натрия в объеме 500 ЕД в течение 8 суток (с расчетом объема 0,2 мл/100 гр. массы тела животного). Животным опытной группы, помимо гепарина, вводили раствор этоксида 0,06 мл (Ю.Р. Рыболовлева – 0,03 мл/100 гр массы тела животного) 1р/с на протяжении 8 дней.

Для обеспечения динамического мониторинга за физиологическим состоянием лабораторных животных, страдающих от механической желтухи, осуществляли забор венозной крови объемом 1 мл (что соответствует 5% от общего объема циркулирующей крови) на 3-й, 9-й и 11-й день после выполнения декомпрессии холедоха. После каждого взятия крови её объём компенсировали введением равного количества изотонического раствора хлорида натрия.

С целью комплексной оценки функционального состояния печени определяли уровень общего билирубина (ОБ), активность ферментов аланинаминотрансферазы (АлАТ) и аспартатаминотрансфе-

разы (АсАТ), а также щелочной фосфатазы (ЩФ) в сыворотке крови.

На 8-е сутки проведения терапевтического курса экспериментальным животным вводили фатальные дозы анестезирующего вещества для завершения опыта. Затем, на 11-й день наблюдательного периода, у всех особей из обеих групп были взяты фрагменты печёночной ткани, предназначенные для гистологического анализа биопсийного материала.

Для анализа морфологических изменений печени образцы печеночной ткани фиксировали в течение 24 часов в 10% растворе нейтрального формалина на основе фосфатного буфера. После этого осуществляли промывание препаратов под проточной водой, последовательное обезвоживание с использованием этилового спирта и заливку в парафин для дальнейшего получения тонких срезов. Готовые гистологические срезы наносили на предметные стекла и окрашивали гематоксилином и эозином для последующего микроскопического исследования.

Обработка полученных результатов осуществлялась при помощи программного обеспечения Microsoft Excel 2016. Достоверность различий

между группами оценивали с применением t-критерия Стьюдента. За статистически значимые принимались различия при уровне значимости $p < 0,05$. Гистологический анализ структуры печени выполнялся с использованием электронной микроскопии (микроскоп LEVENHUK MED D30T, увеличение $\times 40$).

Результаты и обсуждения

При проведении объективного осмотра лабораторных животных в обеих группах – опытной и контрольной – на третьи сутки после оперативного вмешательства отмечалась желтушность кожных покровов ушных раковин и хвоста. Также регистрировались признаки системной интоксикации организма, проявлявшиеся в виде неустойчивости походки, дрожания нижней челюсти.

Для комплексной оценки функциональной активности печени при развитии механической желтухи осуществляли исследование биохимических параметров венозной крови, включая уровень общего билирубина, активность ферментов аспаратаминотрансферазы (АсАТ), аланинаминотрансферазы (АлАТ) и щелочной фосфатазы (ЩФ). (табл. 1).

Таблица 1

Биохимические показатели крови в контрольной и опытной группах на фоне различных методов лечения.

Table 1

Biochemical blood parameters in the control and experimental groups against the background of various treatment methods.

Показатель биохимического анализа крови (единицы измерения)	Критерий статистической обработки	Контрольная группа животных (внутрипортальное введение гепарина натрия 500ED)			Опытная группа животных на фоне внутрипортального введения раствора гепарина натрия 500 ED + этокси-дола 0,06 мл		
		3*	9*	11*	3*	9*	11*
Билирубин общий (мкмоль/л)	M m p	13,5 ±1,0 -	11,8 ±0,9 -	1,5 ±0,7 -	9,1 ±1,1 <0,05	6,53 ±1,4 <0,05	1,2 ±0,8 >0,05
Активность АсАТ (Ед/л)	M m p	284,5 ±9,8 -	297,4 ±10,1 -	188,1 ±8,6 -	250,6 ±8,7 >0,05	220,3 ±9,8 >0,05	102,4 ±7,8 >0,05
Активность АлАТ (Ед/л)	M m p	245,8 ±20,5 -	470,4 ±13,1 -	399,1 ±12,6 -	99,43 ±15,4 <0,05	55,7 ±1,2 >0,05	38,32 ±1,0 <0,05
Щелочная фосфатаза (Ед/л)	M m p	390,2 ±8,3 -	308,6 ±6,4 -	405,5 ±8,8 -	404,2 ±10,4 >0,05	283,47 ±3,7 <0,05	97,6 ±4,7 <0,05

Примечание: * – сутки наблюдения $p < 0,05$ – достоверно, относительно сравниваемых величин с исходными данными.

Note: * – day of observation $p < 0.05$ – reliable, relative to the compared values with the original data.

Концентрация общего билирубина в опытной группе животных на 3-й, 9-й, и 11-й дни наблюдения составляла $9,1 \pm 1,1$ ммоль/л, $6,53 \pm 1,3$ ммоль/л, и $1,2 \pm 0,8$ ммоль/л, что меньше, чем в контрольной на 32,6%, 44,6% и на 20,0% соответственно

($p > 0,05$).

Среднее значение АсАТ на 3-й, 9-й, и 11-й дни наблюдения в опытной группе составило $250,6 \pm 8,7$, $220,3 \pm 9,8$ и $102,4 \pm 7,8$ Ед/л, что меньше, чем в контрольной 11,9%, 25,92% и 43,45% соот-

ветственно, однако достоверных различий между группами выявлено не было.

Средние показатели АлАТ приведены в табл. 1. Было выявлено снижение АлАТ в опытной группе по сравнению с контрольной на 3-й день на 59,54%, на 9-й день на 88,15% ($p>0,05$) и на 11-й день на 90,4% ($p<0,05$).

Среднее значение ЩФ в опытной группе на 3-й день составило $404,2 \pm 10,4$ Ед/л, что больше, чем в контрольной на 3,6%. На 9-й и 11-й день наоборот

выявлено снижение исследуемого показателя на 8,1% и на 75,9%.

Гистологические срезы печеночной ткани крыс из опытной и контрольной групп при моделировании механической желтухи подготовлены и представлены на рис. 1 и 2. Анализ морфологической структуры печени показал уменьшение зон клеточной деструкции в опытной группе относительно контрольной группы.

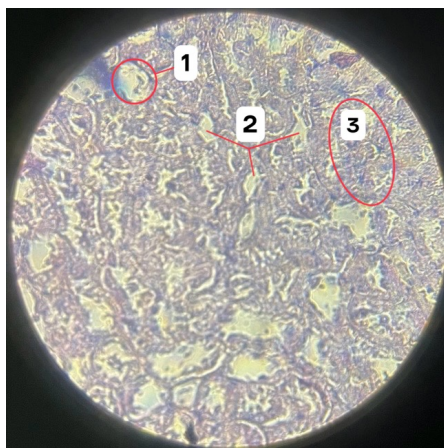

Рис. 1. Гистологический препарат ткани печени крысы при механической желтухе на фоне декомпрессии холедоха при внутривенном введении гепарина натрия 500 ED (11-й день) (окраска гематоксилин-эозином, $\times 40$): 1 – расширенная центральная вена; 2 – расширенные синусоиды; 3 – зона деструкции печени.

Fig. 1. Histological preparation of rat liver tissue with mechanical jaundice against the background of decompression of the common bile duct with intraportal administration of sodium heparin 500 ED (11th day) (staining with hematoxylin and eosin, $\times 40$): 1 – dilated central vein; 2 K dilated sinusoids; 3 – zone of liver destruction.

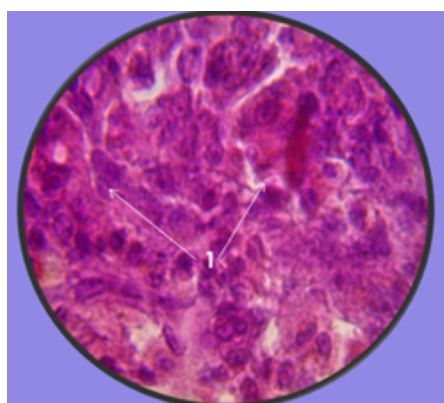

Рис. 2. Гистологический препарат ткани печени крысы при механической желтухе на фоне декомпрессии холедоха при внутривенном введении гепарина натрия 500 ED + этоскидол 0,06 мл (11-й день) (окраска гематоксилин-эозином, $\times 40$): 1 – прослеживается балочное строение гепатоцитов, уменьшение зон клеточной деструкции.

Fig. 2. Histological preparation of rat liver tissue with mechanical jaundice against the background of decompression of the common bile duct with intraportal administration of sodium heparin 500 ED + ethoskidol 0.06 ml (11th day) (staining with hematoxylin and eosin, $\times 40$): 1 – beam structure of hepatocytes, reduction of zones of cellular destruction are visible.

Выводы

Комбинированная терапия гепарином натрия и этоксидолом, применяемая в комплексе лечения механической желтухи у животных, показала положительные результаты в виде снижения повреждения клеток печени, уменьшения активности ферментов ЩФ и АлАТ, что указывает на ослабление цитолза по сравнению с использованием только гепарина натрия. Исследование морфоло-

гических изменений в ткани печени на 11-й день наблюдения, проведенное после курса лечения натрием гепарина в сочетании с антиоксидантным препаратом, выявило уменьшение выраженности патологических изменений по сравнению с контрольной группой. Отмечено снижение степени отека гепатоцитов и уменьшение зон их деструктивных изменений.

Список источников

1. Нурбабаев А.У., Абидов О.У. Комплексное лечение больных с синдромом механической желтухи // Биология и интегративная медицина. 2020. № 6 (46). С. 96 – 102.
2. Белик Б.М., Сапралиев А.Р., Ефанов С.Ю., Суярко В.А., Мареев Д.В., Осканиян М.В. Вариабельность клинической анатомии пупочной вены в зависимости от соматотипа и оптимизация трансумбиликального доступа к системе воротной вены // Медицинский вестник Северного Кавказа. 2022. Т. 16. № 4. С. 374 – 378. DOI: 10.14300/mnnc.2022.17090
3. Гулов М.К., Рузбойзода К.Р. Причины, диагностика и лечение послеоперационной механической желтухи // Российский медико-биологический вестник имени академика И.П.Павлова. 2021. № 29 (2). С. 257 – 266.
4. Нотова С.В., Маршинская О.В., Казакова Т.В., Тупикова Н.Н. Изменение минерального обмена и активности антиоксидантных ферментов при нарушениях углеводного и липидного обмена у крыс линии Wistar // Технологии живых систем. Т. 20. № 1. С. 62 – 71. DOI: 10.18127/j20700997-202301-07
5. Евсеенко Д.А., Дундаров З.А., Надыров Э.А., Майоров В.М.. Комплексная оценка эффективности антиоксидантной терапии у пациентов с острым кровотечением на фоне цирроза печени // Гепатология и гастроэнтерология. 2020. № 1. С. 68 – 75. DOI: 10.25298/2616-5546-2020-4-1-68-75
6. Кисиева М.Т., Бидарова Ф.Н., Сабеева А.Н. Исследования по созданию комбинированного лекарственного средства антиоксидантного действия // Здоровье и образование в XXI веке. 2022. Т. 24. № 6. С. 39 – 44.
7. Морозов А.М., Сергеев А.Н., Аскеров Э.М. Факторы, влияющие на результаты эксперимента в периоперационном периоде // Вестник экспериментальной и клинической хирургии. 2024. Т. 17. № 1 (62). С. 41 – 50.
8. Быков И.М., Ермакова Г.А., Попов К.А., Цымбалюк И.Ю., Быков М.И., Денисова Я.Е., Тутаришева С.М. Сравнительная оценка влияния гепатопротекторов на состояние окислительного гомеостаза в крови больных алкогольным гепатитом: рандомизированное экспериментальное исследование // Кубанский научный медицинский вестник. 2023. Т. 30. № 1. С. 88 – 97. DOI: 10.25207/1608-6228-2023-30-1-88-97
9. Оковитый С.В. Комбинированное применение гепатопротекторов // Лечащий Врач. 2020. № 8. С. 38 – 43.
10. Кашаевой М.Д., Прошина А.В., Прошиной Л.Г., Швецова Д.А., Дубовой Т.К., Гавриловой К.В. Структурные изменения ткани печени при длительной механической желтухе неопухолевого этиологии // Вестник новгородского государственного университета. 2022. № 2 (127). С. 34 – 37.

References

1. Nurbabaev A.U., Abidov O.U. Complex treatment of patients with mechanical jaundice syndrome. Biology and integrative medicine. 2020. No. 6 (46). P. 96 – 102.
2. Belik B.M., Sapraliev A.R., Efanov S.Yu., Suyarko V.A., Mareev D.V., Oskanyan M.V. Variability of clinical anatomy of the umbilical vein depending on the somatotype and optimization of transumbilical access to the portal vein system. Medical Bulletin of the North Caucasus. 2022. Vol. 16. No. 4. P. 374 – 378. DOI: 10.14300/mnnc.2022.17090
3. Gulov M.K., Ruziboyzoda K.R. Causes, diagnosis and treatment of postoperative mechanical jaundice. Russian Medical and Biological Bulletin named after Academician I.P. Pavlov. 2021. No. 29 (2). P. 257 – 266.
4. Notova S.V., Marshinskaya O.V., Kazakova T.V., Tupikova N.N. Changes in mineral metabolism and activity of antioxidant enzymes in carbohydrate and lipid metabolism disorders in Wistar rats. Technologies of Living Systems. V. 20. No. 1. P. 62 – 71. DOI: 10.18127/j20700997-202301-07

5. Evseenko D.A., Dundarov Z.A., Nadyrov E.A., Mayorov V.M. Comprehensive assessment of the effectiveness of antioxidant therapy in patients with acute bleeding due to liver cirrhosis. *Hepatology and gastroenterology*. 2020. No. 1. P. 68 – 75. DOI: 10.25298/2616-5546-2020-4-1-68-75
6. Kisieva M.T., Bidarova F.N., Sabeeva A.N. Research on the creation of a combined drug with antioxidant action. *Health and education in the XXI century*. 2022. Vol. 24. No. 6. P. 39 – 44.
7. Morozov A.M., Sergeev A.N., Askerov E.M. Factors influencing the results of the experiment in the perioperative period. *Bulletin of Experimental and Clinical Surgery*. 2024. Vol. 17. No. 1 (62). P. 41 – 50.
8. Bykov IM, Ermakova GA, Popov KA, Tsymbalyuk I.Yu., Bykov MI, Denisova Ya.E., Tutarisheva SM Comparative assessment of the effect of hepatoprotectors on the state of oxidative homeostasis in the blood of patients with alcoholic hepatitis: a randomized experimental study. *Kuban Scientific Medical Bulletin*. 2023. Vol. 30. No. 1. Pp. 88 – 97. DOI: 10.25207/1608-6228-2023-30-1-88-97
9. Okovity S.V. Combined use of hepatoprotectors. *Attending Physician*. 2020. No. 8. P. 38 – 43.
10. Kashaeva M.D., Proshina A.V., Proshina L.G., Shvetsova D.A., Dubova T.K., Gavrilova K.V. Structural changes in liver tissue in prolonged mechanical jaundice of non-tumor etiology. *Bulletin of Novgorod State University*. 2022. No. 2 (127). P. 34 – 37.

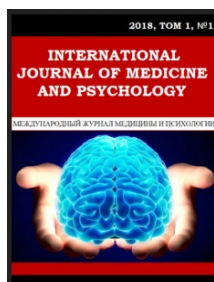
Информация об авторах

Межнов А.Е., ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-1799-4019>, Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарёва Минобрнауки России, mezhnov02@mail.ru

Бояркин Е.В., кандидат медицинских наук, доцент, ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-3698-4465>, Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарёва Минобрнауки России

Мигунова К.С., Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарёва Минобрнауки России

© Межнов А.Е., Бояркин Е.В., Мигунова К.С., 2025

Научно-исследовательский журнал «International Journal of Medicine and Psychology / Международный журнал медицины и психологии»

<https://ijmp.ru>

2025, Том 8, № 4 / 2025, Vol. 8, Iss. 4 <https://ijmp.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 3.3.6. Фармакология, клиническая фармакология (фармацевтические науки)

УДК 615.03

¹Дмитриевская М.И.,

¹Леонова В.Г.,

¹Хосровян А.А.,

¹Ордена Трудового Красного Знамени Медицинский институт им. С.И. Георгиевского

Вилтепсо: новый стандарт в лечении и его преимущества

Аннотация: мышечная дистрофия Дюшенна – это прогрессирующая наследственная патология, поражающая нервную и мышечную системы и передающаяся по X-хромосоме. Её причина кроется в мутации гена DMD, который кодирует белок дистрофин. Этот ген, расположенный на коротком участке X-хромосомы, отличается выдающимися размерами – он один из самых протяженных в человеческом геноме и состоит из 2,22 миллиона пар нуклеотидов. Ген, ответственный за синтез дистрофина, содержит 79 экзонов. Белок, который он производит, обладает молекулярной массой в 427 кДа и состоит из около 3700 аминокислотных единиц. Синтез соответствующей мРНК занимает значительное время – порядка 16 часов. Данная генетическая мутация способна вызывать как полную остановку выработки дистрофина, так и уменьшение его способности выполнять свои функции [1, 5, 16]. Встречается это заболевание довольно редко: приблизительно один случай приходится на каждые 15 000 новорожденных мальчиков [8, 10]. На ранних, бессимптомных этапах мышечной дистрофии Дюшенна диагностика основывается на повышенной активности креатинфосфокиназы, а также на необъяснимом росте показателей аланинаминотрансферазы и аспаратаминотрансферазы, при этом необходимо учитывать наследственную предрасположенность. Первые признаки заболевания обычно проявляются в возрасте от 2 до 5 лет: ребенок жалуется на повышенную утомляемость, ощущает мышечную слабость, испытывает трудности с ходьбой и часто падает [2, 3]. Для облегчения подъема с пола используются специальные миопатические техники, известные как приемы Говерса. По мере развития болезни, пациенты испытывают все большую сложность при подъеме по лестнице, а ходьба становится неудобной. К возрасту 8-12 лет они часто утрачивают способность передвигаться без посторонней помощи, сталкиваются с ограничениями в использовании рук, и могут отмечаться сбои в работе дыхательной и кровеносной систем. Жизнь людей, страдающих мышечной дистрофией Дюшенна, обычно длится 20-30 лет [4, 15]. В настоящее время в США одобрено несколько лекарственных средств для борьбы с этим заболеванием: этепирсен (Exondys 51), голодирсен (Vyondys 53) и вилтоларсен (Viltepso). В Российской Федерации для лечения доступен только один из них – Вилтепсо (вилтоларсен).

Ключевые слова: миодистрофия Дюшенна, Вилтепсо, вилтоларсен, дистрофин, пропуск экзона

Для цитирования: Дмитриевская М.И., Леонова В.Г., Хосровян А.А. Вилтепсо: новый стандарт в лечении и его преимущества // International Journal of Medicine and Psychology. 2025. Том 8. № 4. С. 62 – 68.

Поступила в редакцию: 9 февраля 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 7 апреля 2025 г.; Принята к публикации: 22 мая 2025 г.

¹ Dmitrievskaya M.I.,

¹ Leonova V.G.,

¹ Khosrovyan A.A.,

¹ Order of the Red Banner of Labor Medical Institute named after S.I. Georgievsky

Viltepso: New standard in treatment and its advantages

Abstract: duchenne progressive muscular dystrophy (DMD) is a hereditary neuromuscular disease associated with the X chromosome that occurs due to a mutation in the DMD gene responsible for the synthesis of the dystrophin protein. The dystrophin (DMD) gene is located on the short arm of the X chromosome and is one of the longest genes in the human genome, spanning 2.22 million pairs of nucleotides. It consists of 79 exons, and the protein it encodes has a molecular weight of 427 kDa and includes approximately 3,700 amino acid residues. The synthesis of dystrophin mRNA takes about 16 hours. This mutation can lead to both a complete cessation of dystrophin production and a decrease in its functional activity. The incidence is about 1 case for every 15,000 live births of boys. At the asymptomatic stage of Duchenne muscular dystrophy, the disease can be suspected by an increased level of creatinine phosphokinase activity, as well as by an unreasonable increase in alanine aminotransferase and aspartate aminotransferase levels, given the family history. The first symptoms usually appear at the age of 2 to 5 years: the child has increased fatigue, muscle weakness, frequent falls and gait disorders. Lifting from the floor is performed using Gowers' myopathic techniques. As the disease progresses, the ability to climb stairs gradually deteriorates, and walking becomes more difficult. By the age of 8-12, patients enter the outpatient stage: they lose the ability to move independently, have problems with hand functions, and respiratory and cardiac regulation disorders may occur. The average life expectancy of patients diagnosed with Duchenne muscular dystrophy is 20-30 years. Currently, there are several drugs for the treatment of Duchenne muscular dystrophy approved by the FDA – eteplirsen (Exondys 51), golodirsen (Vyondys 53) and viltolarsen (Viltepso). Currently, the only drug registered in Russia for this type of therapy is Viltepso® (viltolarsen).

Keywords: Duchenne myodystrophy, Viltepso, viltolarsen, dystrophin, exon skipping

For citation: Dmitrievskaya M.I., Leonova V.G., Khosrovyan A.A. Viltepso: New standard in treatment and its advantages. International Journal of Medicine and Psychology. 2025. 8 (4). P. 62 – 68.

The article was submitted: February 9, 2025; Approved after reviewing: April 7, 2025; Accepted for publication: May 22, 2025

Введение

Вилтолартсен, известный под торговым названием «Вилтепсо» – это современное лекарство, разработанное для терапии миодистрофии Дюшенна у больных с конкретной генетической аномалией в гене дистрофина. Его действие заключается в стимуляции альтернативного сплайсинга экзона 53, что приводит к восстановлению правильной последовательности аминокислот в белке дистрофина. Это способствует корректной сборке экзонов, которые ранее были исключены, и обеспечивает нормальный синтез белка. В конечном итоге, формируется усечённая, но при этом работоспособная форма дистрофина. Использование Вилтепсо (действующее вещество – вилтолартсен) стимулирует организм к производству функционального дистрофина, необходимого для выполнения его биологических задач. Для мониторинга эффективности лечения и отслеживания развития болезни важно регулярно проводить оценку

двигательных навыков пациента с помощью функциональных тестов [9, 11, 13].

Материалы и методы исследований

В марте 2020 года препарат был одобрен к применению в Японии, а затем в августе того же года – в США.[5] Положительные итоги клинических исследований продемонстрировали его действенность и безопасность, обеспечив доступ к нему для большого числа пациентов в обеих странах. Результаты показали, что у людей, получающих Вилтолартсен, наблюдается стабилизация двигательных способностей, что оказывает значительное положительное влияние на качество их жизни, страдающих от этого тяжелого заболевания. Кроме того, исследования указывают на хорошую переносимость препарата, что делает его подходящим для продолжительного курса лечения у данной категории пациентов [10, 19]. Длительные клинические испытания выявили, что вилтолартсен оказывает существенное влияние на замедление развития миодистрофии. После двух лет терапии у пациентов были отмечены ощутимые положительные изменения, что подтверждает его

перспективность в долгосрочном медицинском лечении [20, 21]. Эти данные служат весомым аргументом в пользу использования Вилтолурсена в качестве стандартного метода лечения для пациентов с диагностированной мутацией в гене дистрофина. Лечение данным средством относят к патогенетическому и признают жизненно необходимым. Абсолютным противопоказанием к его использованию служит лишь аллергическая реакция. В свою очередь, выраженная дисфункция почек считается относительным ограничением. Существенным достоинством Вилтолурсена является возможность его применения в любом возрасте. Начать прием препарата можно сразу после постановки точного диагноза, что дает возможность начать лечение на начальной стадии болезни. Своевременное вмешательство крайне важно для замедления развития мышечной дистрофии Дюшенна, и, как следствие, способствует улучшению состояния пациентов и повышению их качества жизни [4, 6].

Результаты и обсуждения

Большое количество исследований подтверждает необходимость поддержания оптимального уровня витамина D при миодистрофии. Клинические испытания показывают, что состояние костей и концентрация витамина D у пациентов с миодистрофией во многом схожи с показателями у людей с несовершенным остеогенезом.[4] Восполнение дефицита витамина D, как правило, способствует нормализации показателей, отражающих разрушение костной ткани и уровень паратгормона, а также увеличивает плотность костей, снижает риск переломов конечностей и исключает переломы позвоночника.[4] Обнаружение переломов, возникших без значительной травмы, у пациентов с миодистрофией Дюшенна, свидетельствующее об остеопорозе, требует назначения препаратов, замедляющих резорбцию кости. В качестве начального лечения рекомендуется внутривенное введение бисфосфонатов [4, 7]. Это позволяет существенно облегчить болевые ощущения, сохранить высоту позвонков и продлить жизнь пациентам с миодистрофией. Регулярный контроль и поддержание необходимого уровня витамина D у таких пациентов помогает предотвратить и уменьшить проявления осложнений, связанных с опорно-двигательным аппаратом и когнитивными способностями, что положительно сказывается на их общем качестве жизни [4, 9, 12].

Терапия сердечно-сосудистых проблем при миодистрофии Дюшенна. Наиболее частой причиной летального исхода у людей с миодистрофией являются заболевания сердца. Дефицит или полное

отсутствие дистрофина в сердечной мышце обуславливает развитие различных кардиомиопатий [5, 18]. По мере прогрессирования болезни, миокард не справляется с обеспечением организма кислородом, что проявляется признаками сердечной недостаточности. Усугубление состояния повышает вероятность возникновения угрожающих жизни нарушений сердечного ритма [8, 9]. Клинические исследования показали, что применение ингибиторов ангиотензинпревращающего фермента в комбинации с бета-блокаторами способствует увеличению выживаемости. При появлении признаков сердечной недостаточности, уменьшении фракции выброса левого желудочка или изменении размеров сердца, рекомендуется совместное назначение этих препаратов [18, 20, 21]. Поддержание нормальной работы органов дыхания. В настоящее время респираторные осложнения являются второй по значимости причиной смерти у пациентов с миодистрофией Дюшенна. Превентивные меры включают в себя максимальное развитие дыхательной функции на ранних этапах заболевания, когда ребенок еще способен самостоятельно передвигаться. Необходима регулярная оценка состояния дыхательных мышц и выполнение специальных упражнений для улучшения эластичности легких. Когда способность ходить утрачена, рекомендуется использовать техники вспомогательного откашливания. На поздних стадиях болезни целесообразно применять неинвазивную вентиляцию легких, начиная с ночного режима, а затем и в течение дня. Это позволяет уменьшить вероятность осложнений и улучшить общее самочувствие и продолжительность жизни пациентов [11].

Глюкокортикостероиды. На сегодняшний день кортикостероиды заслуженно признаны основополагающим методом лечения миодистрофии Дюшенна, что отражено в международных клинических руководствах. Многочисленные клинические испытания продемонстрировали, что применение кортикостероидов способствует улучшению мышечной силы. Помимо выраженного противовоспалительного эффекта, терапия глюкокортикостероидами помогает продлить период, в течение которого пациенты способны самостоятельно передвигаться [8, 17]. Глюкокортикостероиды (ГКС) подавляют некроз и воспаление в мышцах, регулируя клеточную реакцию на воспалительные процессы. Они стимулируют размножение миогенных стволовых клеток-предшественников и миобластов, что, в свою очередь, усиливает регенерацию и рост мышечной ткани. ГКС также замедляют деградацию мышечных клеток, влияют на процесс транскрипции и повышают уровень экспрессии дистрофина в поврежденных мышечных волокнах. Помимо этого,

они увеличивают концентрацию синергирующих молекул, таких как мышечные гликопротеины, которые поддерживают функцию дистрофина, и оказывают иммуносупрессивное действие, уменьшая количество Т-клеток. Обширные научные работы показали, что применение системных кортикостероидов в среднем увеличивает период жизни пациентов с миодистрофией в амбулаторных условиях на 3-5 года [5, 15, 17]. В качестве основного метода лечения применяются глюкокортикоиды, например, преднизолон (дозировка 0,75 мг/кг в сутки) и дефлазакорт (0,9 мг/кг в сутки). Считается, что данная терапия оказывает положительное влияние на течение болезни, поскольку стимулирует выработку инсулиноподобного фактора роста, способствует размножению миобластов, а также подавляет продукцию цитокинов и активность лимфоцитов. Это приводит к росту мышечной массы и увеличению силы [14]. Прерывистый режим приема преднизолона и дефлазакорта демонстрирует меньшую эффективность, но при этом характеризуется снижением риска возникновения побочных реакций по сравнению с постоянным приемом, с последующими перерывами в 10 дней [12]. Тем не менее, важно помнить о возможных нежелательных эффектах, связанных с такой терапией. Помимо замедления развития мышечной слабости, преднизолон и дефлазакорт могут улучшить состояние дыхательной системы, оказывать умеренную защиту сердца у пациентов старше 20 лет и снижать потребность в операциях по исправлению сколиоза [12, 13].

В современной медицине, наряду с глюкокортикоидами, активно разрабатываются новые подходы к лечению, направленные на регуляцию транскрипции и трансляции. На данный момент Аталурен и Этеплирсен – единственные соединения, прошедшие доклинические исследования и достигшие этапа клинических испытаний [7, 12].

Аталурен воздействует на процесс трансляции мРНК, используя специфические родственные тРНК, которые доставляются вблизи нонсенс-кодонов. Это обеспечивает точное считывание рибосомами и позволяет преобразовать неполноценный, укороченный белок в полноценный, функциональный. Препарат доступен в виде порошка для приема внутрь в саше с дозировками 125, 250 и 1000 мг. [7]. Применение Аталурена противопоказано при повышенной чувствительности к его составляющим, при одновременном приеме антибиотиков из группы аминогликозидов, во время беременности и лактации, а также у детей до 2 лет [7]. При использовании лекарственного средства отмечается положительное воздействие на здоровье пациентов: улучшается общее самочувствие и вос-

станавливаются двигательные функции, особенно при начале лечения на ранних стадиях заболевания [7, 12]. Ясно, что успех терапии напрямую связан с тем, как быстро был поставлен диагноз и когда началось патогенетическое лечение. Данные, полученные в ходе наблюдений, свидетельствуют о том, что наилучшие результаты достигаются при условии систематических занятий физической реабилитацией, а также при регулярном обследовании для своевременного выявления возможных сопутствующих болезней и осложнений [7].

Этеплирсен – это антисмысловой олигонуклеотид, созданный для "пропуска" экзона 51 в гене, что позволяет восстановить процесс чтения и, в 13% случаев мышечной дистрофии Дюшенна (МДД), способствует выработке дистрофина. Клинические исследования подтвердили увеличение концентрации этого белка в мышечной ткани, что и привело к одобрению препарата Управлением по санитарному надзору за качеством пищевых продуктов и медикаментов США [9, 15]. Экзондис 51 (этеплирсен) относится к классу фосфородиамидатных морфолиновых олигомеров. (ФМО) – синтетических молекул, в которых рибофуранозные кольца, характерные для ДНК и РНК, заменены на шестичленные морфолиновые кольца, соединенные с фосфородиамидатными фрагментами [17]. Каждая субъединица ФМО содержит одно из оснований, присутствующих в ДНК (аденин, цитозин, гуанин или тимин), а этеплирсен состоит из 30 таких связанных субъединиц [1, 3]. Препарат вводится внутривенно каждые две недели. Применение этеплирсена может сопровождаться рядом побочных эффектов, включая аллергические реакции (кожные высыпания, крапивница, зуд, покраснение и отек кожи с волдырями или шелушением), повышение температуры тела, затрудненное дыхание, свистящие хрипы, ощущение стеснения в груди или горле, проблемы с глотанием или речью, необычная хрипкость, отек лица, губ, языка или горла, а также боль в груди, учащенное сердцебиение и кашель [4, 15, 16].

Элевидис считается одним из самых затратных лекарственных средств в мире: сейчас стоимость одной инъекции достигает 3,2 миллиона долларов. Летом 2023 года препарат успешно прошёл процедуру ускоренного одобрения в FDA и получил разрешение на использование в Соединенных Штатах. В России элевидис впервые применили летом 2024 года к пятилетнему Льву из города Когалым. В настоящее время более шестидесяти пациентов в России получают это инновационное лечение [17, 18]. Элевидис представляет собой генную терапию, использующую вирусный вектор для доставки фрагмента гена дистрофина в мышечные клетки.

Аденовирус выступает в роли "транспорта", активизируя синтез белка микродистрофина. Этот белок меньше, чем полноценный дистрофин, но всё равно является значительным улучшением по сравнению с его полным отсутствием. Раннее начало терапии (в возрасте от 4 до 6 лет) позволяет минимизировать негативное влияние заболевания [16, 20]. У детей, страдающих миодистрофией, происходит деградация мышечной ткани. Начало лечения в пятилетнем возрасте способствует улучшению выработки белка, что помогает предотвратить серьезные повреждения мышц и сохранить двигательные функции. Согласно результатам клинических испытаний и рекомендациям разработчика, препарат предназначен для детей в возрасте от 4 до 5 лет. Он подходит для всех пациентов с подтвержденной мутацией в гене DMD, за исключением тех, у кого обнаружены делеции (отсутствие) в экзоне 8 и/или экзоне 9 этого гена [14, 15]. Ограничение по применению связано с определенными типами генетических мутаций – именно это подразумевается под термином "делеции". Производитель указывает на это ограничение не случайно. На этапе разработки элевидис сопер-

ничал с другими препаратами, основанными на схожей технологии: использовании вирусного вектора и укороченного гена дистрофина [16].

В Соединенных Штатах расширились возможности применения элевидиса: FDA одобрило его использование для взрослых пациентов, в том числе для тех, кто утратил способность к самостоятельному передвижению. Амбулаторным считается пациент, способный совершать хотя бы несколько шагов или удерживать вертикальное положение.

Выводы

В заключение стоит отметить, что существующие подходы и методы лечения миодистрофии имеют свои достоинства и недостатки. Вилтолартен – это препарат с обширной клинической базой, прошедший многочисленные испытания, продемонстрировавшие его безопасность, хорошую переносимость и способность улучшать двигательные навыки у пациентов. Совместное применение вилтолартена и традиционных терапевтических методов может стать важным шагом вперед в борьбе с таким тяжелым нервно-мышечным заболеванием, как миодистрофия Дюшенна.

Список источников

1. Артемьева С.Б., Шидловская О.А., Папина Ю.О., Монахова А.В., Шулякова И.В., Влодавец Д.В. Современные методы терапии мышечной дистрофии Дюшенна: обзор литературы с клиническим примером // Нервно-мышечные болезни. 2023. № 13 (4). С. 103 – 112.
2. Гайнетдинова Д.Д., Новоселова А.А. Современные возможности диагностики и лечения мышечной дистрофии Дюшенна // Казанский медицинский журнал. 2020. № 101 (4). С. 530 – 537.
3. Гремякова Т.А., Артемьева С.Б., Байбарина Е.Н. и др. Консенсус по концепции современной эффективной терапии мышечной дистрофии Дюшенна // Нервно-мышечные болезни. 2023. № 13 (2). С. 10 – 19.
4. Гремякова Т.А., Суслов В.М., Сакбаева Г.Е., Степанов А.А. Витамин D в профилактике и терапии коморбидных состояний при мышечной дистрофии Дюшенна // Неврологический журнал имени Л.О. Бадаляна. 2021. № 2 (1). С. 38 – 50.
5. Зайнитдинова М.И., Смирнихина С.А., Лавров А.В., Еремин И.И., Пулин А.А.. Генотерапевтические подходы к лечению миодистрофии Дюшенна // Гены и Клетки. 2019. № 4. С. 6 – 18.
6. Зинина Е.В., Булах М.В., Рыжкова О.П. и др. Возможность терапии, направленной на пропуск экзонов, у российских пациентов с миодистрофией Дюшенна: настоящее и будущее // Нервно-мышечные болезни. 2024. №14 (3). С. 12 – 23.
7. Кекиева Т.Н., Печатникова Н.Л., Витковская И.П. и др. Опыт применения препарата аталурен при миодистрофии Дюшенна в Москве: первые итоги // Нервно-мышечные болезни. 2023. № 13 (4). С. 56 – 61.
8. Клинические рекомендации «Прогрессирующая мышечная дистрофия Дюшенна. Прогрессирующая мышечная дистрофия Беккера» [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.pediatr-russia.ru/news/pdf> (дата обращения: 07.12.2024)
9. Кочергин-Никитский К.С., Смирнихина С.А., Лавров А.В. Исторические этапы поиска и разработки терапевтических подходов при миодистрофии Дюшенна. Часть II: этиотропные подходы // Нервно-мышечные болезни. 2024. № 14 (2). С. 44 – 52.
10. Соколовская М.А., Маканцева Е.С., Гаврилова Е.Н. Клинический случай семейной миодистрофии Дюшенна // Мать и Дитя в Кузбассе. 2022. № 3 (90). С. 182 – 188.
11. Суслов В.М., Руденко И.И. Эффективность и безопасность Вилтепсо® при миодистрофии Дюшенна: обзор клинических исследований // Русский журнал детской неврологии. 2024. № 19 (3). С. 38 – 50.

12. Ткачук Е.А., Барыкова Д.М., Семинский И.Ж., Астахова Т.А., Ильина А.Б., Ван Н.Н., Костик Т.Б., Алексеев А.В., Мангатаев М.Б. Клинический случай миодистрофии Дюшенна // Байкальский медицинский журнал. 2023. № 2 (2). С. 45 – 52.
13. Clemens P.R., Rao V.K., Connolly A.M. et al. Долгосрочная функциональная эффективность и безопасность вилтоларсена у пациентов с мышечной дистрофией Дюшенна // J Neuromuscular Dis. 2022. № 9. P. 493 – 501.
14. Duan D., Goemans N., Takeda S. et al. Мышечная дистрофия Дюшенна // Nat Rev Dis Primers. 2021. № 7 (1). P. 13.
15. FDA одобряет целевое лечение редкой мутации мышечной дистрофии Дюшенна [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.fda.gov/newsevents/press-announcements/fda-approves-targeted-treatment-rare-duchenne-muscular-dystrophy-mutation>. (дата обращения: 01.12.2024)
16. Harper A.D., Topaloglu H., Mercuri E., Suslov V., Wu L., Ayanoglu C.Y., Tansey M., Previtera M.L., Crozier R.A., Magnus L., Clemens P.R. Безопасность и эффективность вилтоларсена у амбулаторных и неамбулаторных мужчин с мышечной дистрофией Дюшенна // Sci Rep. 2024. № 14 (1). P. 23488.
17. McDonald C.M., Shieh P.B., Abdel-Hamid H.Z., Connolly A.M., Ciafaloni E., Wagner K.R., Goemans N., Mercuri E., Khan N., Koenig E., Malhotra J., Zhang W., Han B., Mendell J.R. Итальянская исследовательская группа по реестру DMD Telethon, исследователи реестра NMRC Leuven, исследователи естественного течения болезни Дюшенна CINRG и клинические исследователи испытания PROMOVI. Открытая оценка Этеплирсена у пациентов с мышечной дистрофией Дюшенна, поддающейся пропуску экзона 51: испытание PROMOVI // J Neuromuscul Dis. 2021. № 8 (6). С. 989 – 1001.
18. Patterson G., Conner H., Groneman M., Blavo C., Parmar M.S. Мышечная дистрофия Дюшенна: современное лечение и появляющийся пропуск экзонов и подход к генной терапии // Eur J Pharmacol. 2023. P. 947.
19. Расширенное показание для Elevidys. Med Lett Drugs Ther. 2024. № 66 (1709). P. 135 – 136.
20. Зинина Е., Булах М., Чухрова А. и др. Особенности спектра мутаций гена DMD у российских пациентов // Int J Mol Sci. 2022. № 23 (21). С. 12710.

References

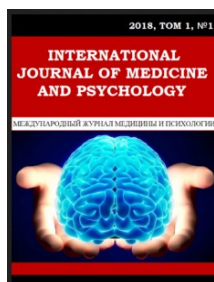
1. Artemyeva S.B., Shidlovskaya O.A., Papina Yu.O., Monakhova A.V., Shulyakova I.V., Vlodavets D.V. Modern methods of therapy for Duchenne muscular dystrophy: a literature review with a clinical example. Neuromuscular diseases. 2023. No. 13 (4). P. 103 – 112.
2. Gainetdinova D.D., Novoselova A.A. Modern possibilities of diagnostics and treatment of Duchenne muscular dystrophy. Kazan Medical Journal. 2020. No. 101 (4). P. 530 – 537.
3. Gremyakova T.A., Artemyeva S.B., Baibarina E.N. et al. Consensus on the concept of modern effective therapy for Duchenne muscular dystrophy. Neuromuscular diseases. 2023. No. 13 (2). P. 10 – 19.
4. Gremyakova T.A., Suslov V.M., Sakbaeva G.E., Stepanov A.A. Vitamin D in the prevention and therapy of comorbid conditions in Duchenne muscular dystrophy. L.O. Badalyan Neurological Journal. 2021. No. 2 (1). P. 38 – 50.
5. Zainitdinova M.I., Smirnikhina S.A., Lavrov A.V., Eremin I.I., Pulin A.A. Gene therapy approaches to the treatment of Duchenne muscular dystrophy. Genes and Cells. 2019. No. 4. P. 6 – 18.
6. Zinina E.V., Bulakh M.V., Ryzhkova O.P. et al. The possibility of exon skipping therapy in Russian patients with Duchenne muscular dystrophy: the present and the future. Neuromuscular diseases. 2024. No. 14 (3). P. 12 – 23.
7. Kekeeva TN, Pechatnikova NL, Vitkovskaya IP et al. Experience with the use of the drug ataluren in Duchenne muscular dystrophy in Moscow: first results. Neuromuscular diseases. 2023. No. 13 (4). P. 56 – 61.
8. Clinical guidelines "Progressive Duchenne muscular dystrophy. Becker's progressive muscular dystrophy" [Electronic resource]. Access mode: <https://www.pediatr-russia.ru/news/pdf> (date accessed: 07.12.2024)
9. Kochergin-Nikitsky K.S., Smirnikhina S.A., Lavrov A.V. Historical stages of the search and development of therapeutic approaches to Duchenne muscular dystrophy. Part II: etiotropic approaches. Neuromuscular diseases. 2024. No. 14 (2). P. 44 – 52.
10. Sokolovskaya M.A., Makartseva E.S., Gavrilova E.N. Clinical case of familial Duchenne muscular dystrophy. Mother and Child in Kuzbass. 2022. No. 3 (90). P. 182 – 188.
11. Suslov V.M., Rudenko I. Efficacy and safety of Wiltepso® in Duchenne muscular dystrophy: a review of clinical studies. Russian Journal of Child Neurology. 2024. No. 19 (3). P. 38 – 50.

12. Tkachuk EA, Barykova DM, Seminsky IZ, Astakhova TA, Ilyina AB, Van NN, Kostik TB, Alekseev AV, Mangataev MB. Clinical case of Duchenne muscular dystrophy. *Baikal Medical Journal*. 2023. No. 2 (2). P. 45 – 52.
13. Clemens P.R., Rao V.K., Connolly A.M. et al. Long-term functional efficacy and safety of viltolarsen in patients with Duchenne muscular dystrophy. *J Neuromuscular Dis*. 2022. No. 9. P. 493 – 501.
14. Duan D., Goemans N., Takeda S. et al. Duchenne muscular dystrophy. *Nat Rev Dis Primers*. 2021. No. 7 (1). P. 13.
15. FDA approves targeted treatment for rare Duchenne muscular dystrophy mutation [Electronic resource]. Access mode: <https://www.fda.gov/newsevents/press-announcements/fda-approves-targeted-treatment-rare-duchenne-muscular-dystrophy-mutation>. (date accessed: 01.12.2024)
16. Harper A.D., Topaloglu H., Mercuri E., Suslov V., Wu L., Ayanoglu C.Y., Tansey M., Previtera M.L., Crozier R.A., Magnus L., Clemens P.R. Safety and efficacy of viltolarsen in ambulatory and non-ambulatory men with Duchenne muscular dystrophy. *Sci Rep*. 2024. No. 14 (1). P. 23488.
17. McDonald C.M., Shieh P.B., Abdel-Hamid H.Z., Connolly A.M., Ciafaloni E., Wagner K.R., Goemans N., Mercuri E., Khan N., Koenig E., Malhotra J., Zhang W., Han B., Mendell J.R. Italian DMD Telethon Registry Study Group, NMRC Leuven Registry Investigators, CINRG Duchenne Disease Natural History Investigators, and PROMOVI Clinical Investigators. Open-label evaluation of eteplirsen in patients with Duchenne muscular dystrophy amenable to exon 51 skipping: the PROMOVI trial. *J Neuromuscul Dis*. 2021. No. 8 (6). P. 989 – 1001.
18. Patterson G., Conner H., Groneman M., Blavo C., Parmar M.S. Duchenne muscular dystrophy: current treatment and emerging exon skipping and gene therapy approach. *Eur J Pharmacol*. 2023. P. 947.
19. Expanded indication for Elevidys. *Med Lett Drugs Ther*. 2024. No. 66 (1709). P. 135 – 136.
20. Zinina E., Bulakh M., Chukhrova A. et al. Features of the DMD gene mutation spectrum in Russian patients. *Int J Mol Sci*. 2022. No. 23 (21). P. 12710.

Информация об авторах

Дмитриевская М.И., доцент, ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-5722-1726>, Ордена Трудового Красного Знамени Медицинский институт им. С.И. Георгиевского
Леонова В.Г., ORCID ID: <https://orcid.org/0009-0008-6575-3923>, Ордена Трудового Красного Знамени Медицинский институт им. С.И. Георгиевского
Хосровян А.А., ORCID ID: <https://orcid.org/0009-0003-2340-4147>, Ордена Трудового Красного Знамени Медицинский институт им. С.И. Георгиевского

© Дмитриевская М.И., Леонова В.Г., Хосровян А.А., 2025

Научно-исследовательский журнал «International Journal of Medicine and Psychology / Международный журнал медицины и психологии»

<https://ijmp.ru>

2025, Том 8, № 4 / 2025, Vol. 8, Iss. 4 <https://ijmp.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 3.3.3. Патологическая физиология (медицинские науки)

УДК 612.13: 616.134.9

¹ Столяров В.В.,

¹ Гаджибекова Нармин Гаджибала кызы,

¹ Литовченко О.Г.,

¹ Юрина М.А.,

¹ Сургутский государственный университет

Частота встречаемости аномалий развития позвоночной артерии у мужчин в возрасте 20-30 лет, проживающих в условиях Севера

Аннотация: цель исследования – выявление частоты встречаемости развития аномалий внечерепных отделов позвоночных артерий у мужчин в возрасте 20–30 лет, постоянно проживающих и работающих в гипокомфортных климатогеографических условиях Севера. Выявленная аномалия развития диаметра сосуда может иметь длительный бессимптомный период и в разной степени влиять на функциональное состояние Виллизиева круга у лиц в молодом возрасте, что в дальнейшем приводит к асимметрии скоростных показателей кровотока. Полученные нами данные диагностировали асимметрию в 2,2% случаев при приобретенной патологии – экстравазальной компрессии, развивающуюся при сдавлении позвоночных артерий извне. В 1,1% случаев асимметрия выявлена при врожденной гипоплазии артерии с асимметрией кровотока выявлена в 1,1% случаев, которая сопровождалась неустойчивостью кровотока и снижением линейных параметров.

Ключевые слова: позвоночная артерия, линейная скорость кровотока, сердечно-сосудистая система, цветовое доплеровское картирование, мужчины, северный регион

Для цитирования: Столяров В.В., Гаджибекова Нармин Гаджибала кызы, Литовченко О.Г., Юрина М.А. Частота встречаемости аномалий развития позвоночной артерии у мужчин в возрасте 20-30 лет, проживающих в условиях Севера // International Journal of Medicine and Psychology. 2025. Том 8. № 4. С. 69 – 74.

Поступила в редакцию: 10 февраля 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 7 апреля 2025 г.; Принята к публикации: 22 мая 2025 г.

¹ Stolyarov V.V.,

¹ Gadzhibekova Narmin Gadzhibala kyzy,

¹ Litovchenko O.G.,

¹ Yurina M.A.,

¹ Surgut State University

The frequency of occurrence of anomalies in the development of the vertebral artery in men aged 20-30 years who are in the conditions of the North

Abstract: the aim of the study was to identify the frequency of occurrence of abnormalities of the extracranial vertebral arteries in men aged 20-30 years, permanently residing and working in the hypocomfortn climatic and geographical conditions of the North. The revealed anomaly in the development of the vessel diameter can have a long asymptomatic period and to varying degrees affect the functional state of the Willis circle in young people, which further leads to an asymmetry in the velocity parameters of blood flow. The data obtained by us diagnosed asymmetry in 2.2% of cases with acquired pathology – extravasal compression, developing with compression of

the vertebral arteries from outside. In 1.1% of cases, asymmetry was detected in congenital hypoplasia of the artery with blood flow asymmetry was detected in 1.1% of cases, which was accompanied by instability of blood flow and a decrease in linear parameters.

Keywords: vertebral artery, linear blood flow velocity, cardiovascular system, color Doppler mapping, men, northern region

For citation: Stolyarov V.V., Gadzhibekova Narmin Gadzhibala kyzy, Litovchenko O.G., Yurina M.A. The frequency of occurrence of anomalies in the development of the vertebral artery in men aged 20-30 years who are in the conditions of the North. International Journal of Medicine and Psychology. 2025. 8 (4). P. 69 – 74.

The article was submitted: February 10, 2025; Approved after reviewing: April 7, 2025; Accepted for publication: May 22, 2025

Введение

Одним из актуальных вопросов физиологии являются адаптивные реакции организма человека в условиях высоких широт, имеющие определенную специфику. Воздействия комплекса сложных климатогеографических факторов Крайнего Севера вызывают в организме перестройку всех видов обмена веществ, в результате чего формируется особый вариант метаболизма, так называемый «полярный метаболический тип» [1]. В настоящее время снижение уровня регулярной физической активности, изменение ритмов жизни, влияние эмоциональных нагрузок на нервную систему и неправильное питание на фоне суровых и напряженных условий Сургута формируют значительный комплекс повреждающих факторов, действующих на организм мужчин трудоспособного возраста. Указанные факторы риска усугубляются анатомо – физиологическими особенностями строения артерий шейного отдела.

Факторы риска северного региона запускают механизм адаптации сосудистой системы мужчин к условиям проживания и труда. Процесс приспособления организма затрудняется при врожденных и приобретенных аномалиях развития позвоночной артерии, что в может привести к значительному снижению линейной скорости кровотока со стороны гипоплазированной артерии, а в будущем к синдрому позвоночной артерии.

Позвоночные артерии (ПА) – основные сосуды кровоснабжения структур головного мозга, которые являются важной сосудистой магистралью и находятся в тесной связи с анатомо-топографическими особенностями шейного отдела позвоночного столба. Позвоночная артерия, первая ветвь подключичной артерии (arteria subclavia), отходящая кверху в промежутке между передней лестничной мышцей (musculus scalenus anterior) и длинной мышцей шеи (musculus longus colli), направляется в отверстие поперечного отростка (foramen processus transversus) VI шейного позвонка и поднимается вверх через отверстия

шейных позвонков до задней мембраны атлanto-затылочного сустава (membrana atlantooccipitalis posterior), прободая которую, входит через большое отверстие (foramen magnum) затылочной кости в полость черепа. В полости черепа позвоночные артерии той и другой стороны сходятся к средней линии и близ заднего края моста сливаются в одну непарную базилярную артерию (arteria basilaris) [2]. Являясь питающим компонентом вертебробазиллярной сосудистой системы, позвоночные артерии снабжают кровью верхнюю часть спинного мозга, ствол головного мозга, мозжечок и заднюю часть головного мозга. Виллизиев круг компенсирует линейную скорость кровотока при недостаточности кровоснабжения за счет перераспределения из других сосудистых бассейнов [3].

Цветовое доплеровское картирование брахицефальных артерий (ЦДК БЦА) в связи с отсутствием инвазивности является методом первой диагностической линии, особенно при подозрении на вертеброгенную компрессию ПА [4]. Асимметрия линейных скоростей кровотока наблюдается как при приобретенной патологии, так и врожденной гипоплазии. Опасность этих состояний характеризуется тем, что на протяжении долгих лет может никак не проявляться и протекать бессимптомно [5].

В связи с условиями проживания и труда северного региона к приобретенной патологии ПА приводит остеохондроз шейного отдела позвоночника, который наблюдается чаще у лиц молодого и трудоспособного возраста, который в будущем чреват развитием синдрома позвоночной артерии (СПА). Экстравазальная компрессия артерии, как правило, развивается на уровне 4-5 шейных позвонков, что нарушает нормальное поступление крови в головной мозг и приводит к асимметрии скоростных показателей. В результате механического сдавливания артерии или ирритации симпатического сплетения возникает нарушение тока крови по сосудам [6]. Возможность поражения ПА при шейном остеохондрозе определяется ее топо-

графо-анатомическим положением. Значительная часть экстракраниального отрезка проходит в подвижном костном канале, образованном поперечными отростками шейных позвонков и рудиментами ребер. При этом боковая стенка артерии прилежит к унковертебральному сочленению, а задняя – соседствует с верхним суставным отростком [7]. Происходит разрастание крючковидных отростков в направлении межпозвоночных отверстий, чаще на уровне дисков C_{IV} – C_V и C_V – C_{VI}, и сужение этих отверстий [8].

Гипоплазия позвоночной артерии характеризуется диаметральным размером менее 2,5 мм с одной из сторон и может длительно протекать бессимптомно. Если ход артерий прямой, отсутствуют признаки экстравазальной компрессии, то мы не будем наблюдать асимметрию кровотока. Однако, при отсутствии компенсации линейной скорости за счет противоположной стороны, наблюдается значительная асимметрия скоростных показателей в сторону уменьшения, где выявлена гипоплазия [4]. Клинически значимый стеноз артерий является одной из основных причин ишемического инсульта и последующих осложнений [9,10]. Транзиторная ишемическая атака является проявлением очаговой кратковременной ишемии без структурных изменений [11].

Целью нашего исследования стало выявление частоты встречаемости развития аномалий внечерепных отделов позвоночных артерий у мужчин в возрасте 20-30 лет, постоянно проживающих и работающих в гипокомфортных климатогеографических условиях Севера.

Материалы и методы исследований

Обследовано 90 мужчин, 1 и 2 групп здоровья, работающих на топливно-энергетических предприятиях Ханты-Мансийского автономного округа – Югры. Выполнялось ультразвуковое сканирование диаметра и линейной скорости кровотока артерии в сегментах V1 и V2 в симметричных участках. Статистическая обработка полученных результатов проведена с использованием пакета анализа Microsoft Excel, включала определение среднего арифметического (M), стандартную ошибку среднего арифметического (m), среднего квадратического отклонения (δ). Анализируемые данные определялись на нормальность с помощью критерия Колмогорова-Смирнова.

Критериями включения в исследование являлись мужской пол, возраст от 20 до 30 лет, 1 и 2 групп здоровья и письменное согласие для принятия участия в обследовании. Различий между группами по условиям труда, проживания, половому составу, индексу массы тела не обнаружено. Критериями исключения мужчин из исследования

являлись перенесенные острые вирусные или бактериальные заболевания длительностью менее 2 недель на момент исследования, полный или частичный отказ от участия во всех запланированных исследованиях, наличие соматических заболеваний, оперативных вмешательств. Мужчины отвечали на вопросы анкеты по образу жизни, северному стажу, условиям труда. Исследование проводили в утреннее время с 9 до 11 часов в первой половине декабря.

ЦДК БЦА проводилось по общепринятой методике [3], с использованием стационарного аппарата Vivid S70 с помощью линейного датчика «11L-D МГц, С 1-6 МГц». Сканирование ПА осуществлялось в сегментах V1 и V2. Выполнялось ультразвуковое сканирование экстракраниальных отделов ПА справа и слева, сопоставлялись показатели, полученные в симметричных участках. Изучался ход ПА, перемещая датчик между нижней челюстью и ключицей, при недостаточной визуализации использовался боковой доступ по наружному краю грудино-ключично-сосцевидной мышцы. При ультразвуковой визуализации изучалось проходимость, геометрия сосудов, диаметр, состояние сосудистой стенки, а также качественные и количественные параметры кровотока. Полученные данные представляли в виде абсолютных величин и в процентах отклонений от должноствующей нормы [12]. Статистическую обработку полученных данных осуществляли с помощью программ Microsoft Excel 2020 и StatSoft Statistica 10.0. Для описательной статистики качественных переменных использовали частоту (в %).

Результаты и обсуждения

Патологическое сужение или сдавление ПА ограничивает питание головного мозга [13]. Это состояние имеет тенденцию к медленному прогрессированию, которое характеризуется периодичностью симптомов и возникновением СПА. Асимметрия линейной скорости кровотока значительно снижает объем поступающей крови к структурам мозга человека. Постепенно начинают беспокоить боли в затылке, головокружение, шум в ушах, боль в шейно-затылочной области с переходом на лобные части головы, головокружение при поворотах головы с тошнотой. Важный критерий при гипоплазии - высоко резистентный низкоскоростной спектр кровотока. Это вызывает вертебробазилярную ишемию, развитие цереброваскулярных заболеваний.

Выявлено, что у 80% мужчин ПА диаметром более 3,0 мм, ход артерии прямой, без признаков экстравазальной компрессии с линейной скоростью кровотока в пределах нормы. В 12,3% случаев обследованных диагностировано нарушение

хода артерии с одной из сторон без асимметрии кровотока. Этот группа людей, у которых дегенеративно – дистрофические изменения шейного отдела позвоночника находились на начальном этапе. Нарушение хода ПА с асимметрией крово-

тока выявлена в 2,2% случаев (табл. 1). В данном случае дистрофический остеохондроз затрагивали связки, межпозвоночные диски, хрящевые или костные ткани, приводя к необратимым морфологическим изменениям шейные позвонки.

Таблица 1

Частота встречаемости (%) патологий позвоночной артерии у мужчин в возрасте 20-30 лет, проживающих в условиях Севера.

Table 1

Frequency of occurrence (%) of vertebral artery pathologies in men aged 20-30 years living in the North.

Морфо-функциональная характеристика артерии	Частота встречаемости, (%)
ПА 3,0 мм и более с обеих сторон без асимметрии, без признаков экстравазальной компрессии	80,00
Нарушение хода ПА без асимметрии кровотока	12,30
Нарушение хода ПА с асимметрией кровотока	2,20
Гипоплазия ПА без асимметрии	4,40
Гипоплазия ПА с асимметрией	1,10

Гипоплазия ПА при диаметре 2,5 мм и менее, без изменения функциональных характеристик кровотока выявлена у 4,4% обследованных. Уменьшение диаметра не оказывало значимого влияния на кровоток, что вероятно, связано с компенсаторно-приспособительными возможностями кровоснабжения головного мозга. Поскольку движение крови по второй парной артерии компенсаторно усиливается, она принимает на себя основную нагрузку, поэтому асимметрии кровотока не было. У 1,1% обследованных зарегистрирована гипоплазия с неустойчивостью по экстракраниальным отделам, характеризующееся снижением линейной скорости кровотока. Случаев аплазии выявлено не было.

Выводы

Освоение территорий Севера сопровождается возведением стратегически важных объектов и территориально – производственных комплексов, основными силами которого являются мужчины трудоспособного возраста, которые вынуждены адаптироваться к суровым климатогеографическим условиям, при этом сердечно-сосудистая система определяет приспособительные возможности всего организма.

По данным дуплексного сканирования брахиоцефальных артерий, у 80% обследованных мужчин позвоночная артерия находилась в пределах нормы. Признаков экстравазальной компрессии и асимметрии скоростных показателей не выявлено. Вероятность развития головной боли, головокружения, чувства тошноты минимальна. Так как условие Севера требует повышенного потребления энергии и увеличение расходования кислорода, сердечно - сосудистая система нуждается в постоянном повышении поступления кислорода.

Адаптационный процесс в условиях Севера затрудняется при изменении морфо – функциональных характеристик сосудистой системы, что ведет к напряжению функциональных возможностей кислород – транспортной системы у северян. Мужчины в возрасте 20-30 лет, проживающие в условиях Севера наименьше всего имеют жалобы и чаще относятся к 1 и 2 группам здоровья.

Длительное сидячее положение, малоподвижный образ жизни, отсутствие повседневной физической активности приводит к остеохондрозу шейного отдела позвоночника, дисциркуляции в вертебробазиллярном бассейне артерий, обусловленные экстравазальной компрессией ПА с дегенеративными изменениями шейного отдела позвоночника. Данная приобретенная патология наблюдалась в 12,3% случаев без асимметрии кровотока, в 2,2% – с асимметрией. Гипоплазия позвоночной артерии без асимметрии выявлена в 4,4% случаев, с асимметрий – 1,1%.

СПА – наиболее распространенный симптомокомплекс, который наблюдается при приобретенных и врожденных аномалиях артерий с нарушением линейных скоростей кровотока. Главная опасность СПА – повышение риска развития ишемического инсульта, которая в настоящее время является одной из значимых проблем в социальном и медицинском аспектах, поскольку половина заболевших – люди трудоспособного возраста. Детальное изучение топографии позвоночной артерии мужчин в возрасте 20-30 лет, проживающие в условиях Севера поможет предотвратить развитие осложнений, и улучшит результаты консервативного лечения.

Для выявления доклинического поражения сосудов и изменения линейных скоростей у молодых людей, проживающих и работающих в условиях Севера можно рекомендовать дополнительные

инструментальные и лабораторные обследования для предотвращения осложнений данной патологии.

Список источников

1. Литовченко О.Г., Багнетова Е.А., Тостановский А.В. Эколого-физиологические аспекты здоровья сбережения молодого населения Югры // Современные вопросы биомедицины. 2022. Т. 6 (1).
2. Ахмедов В.Ш. Данные по ультразвуковой анатомии доканального сегмента позвоночной артерии // Ангиология и сосудистая хирургия. 2018. Т. 24. № 3. С. 44 – 51.
3. Лелюк В.Г. Ультразвуковая ангиология. Москва, 2007. С. 324.
4. Аленикова О.А., Лихачев С.А. Синдром позвоночной артерии: особенности диагностики и лечения // Нейрология и нейрохирургия. 2018. Т. 8. № 1. С. 19.
5. Шведов А.Н., Ивченко А.О., Федорова Е.П., Ивченко О.А. Проблема гипердиагностики синдрома экстравазальной компрессии позвоночных артерий // Бюллетень сибирской медицины. 2021. № 20. С. 210 – 215.
6. Якушева Н.В., Судакова О.А., Судаков Д.В. Применение ультразвуковой диагностики для выявления гипоплазии экстракраниального отдела позвоночных артерий // Медицина. 2018. Т. 3. № 24. С. 11.
7. Барулин А.Е., Курушина О.В., Друшлякова А.А. Психосоматическое обоснование синдрома позвоночной артерии // Лекарственный вестник. 2019. Т. 13. № 1. С. 3 – 6.
8. Заровская А.В., Ильясевич И.А., Хомушко И.С. Функциональные критерии нейровегетативных нарушений при полисегментарном поражении шейного отдела позвоночника // Актуальные проблемы отечественной травматологии и ортопедии. 2020. № 10. С. 26 – 28.
9. Вишнякова А.Ю., Бердалин А.Б., Головин Д.А., Лелюк С.Э., Лелюк В.Г. Особенности атеросклеротического поражения экстракраниальных отделов брахиоцефальных артерий при вертебрально-базилярном ишемическом инсульте // Кардиоваскулярная терапия и профилактика. 2020. Т. 19. № 5. С. 108 – 113.
10. Леманев В.Л., Лукьянчиков В.А., Беляев А.А. Цереброваскулярные заболевания и стенотическое поражение брахиоцефальных артерий: эпидемиология, клиническая картина, лечение // Consilium Medicum. 2019. Т. 21. № 9. С. 29 – 32.
11. Ширшов А.В. Патологическая извитость брахиоцефальных артерий: к некоторым спорным вопросам по этой проблеме // Кардиоваскулярная терапия и профилактика. 2021. Т. 20. № 5. С. 99 – 101.
12. Андреева И.В., Калина Н.В. Сравнительная оценка инструментальных методов исследования позвоночной артерии // Серия Медицина. Фармация. 2013. № 18. С. 104.
13. Коробова А.А., Селяметова А.А., Марочкович С.В. Клинический случай гипоплазии левой позвоночной артерии // Международный научный журнал «Вестник науки». 2022. Т. 5. № 5. С. 338.

References

1. Litovchenko O.G., Bagnetova E.A., Tostanovsky A.V. Ecological and physiological aspects of health preservation of the young population of Ugra. Modern issues of biomedicine. 2022. Vol. 6 (1).
2. Akhmedov V.Sh. Data on the ultrasound anatomy of the pre-canal segment of the vertebral artery. Angiology and vascular surgery. 2018. Vol. 24. No. 3. P. 44 – 51.
3. Lelyuk V.G. Ultrasound angiology. Moscow, 2007. P. 324.
4. Alenikova O.A., Likhachev S.A. Vertebral artery syndrome: features of diagnosis and treatment. Neurology and neurosurgery. 2018. Vol. 8. No. 1. P. 19.
5. Shvedov A.N., Ivchenko A.O., Fedorova E.P., Ivchenko O.A. The Problem of Hyperdiagnosis of Extravasal Compression Syndrome of the Vertebral Arteries. Bulletin of Siberian Medicine. 2021. No. 20. P. 210 – 215.
6. Yakusheva N.V., Sudakova O.A., Sudakov D.V. Use of Ultrasound Diagnostics to Detect Hypoplasia of the Extracranial Vertebral Arteries. Medicine. 2018. Vol. 3. No. 24. P. 11.
7. Barulin A.E., Kurushina O.V., Drushlyakova A.A. Psychosomatic Substantiation of Vertebral Artery Syndrome. Medicinal Bulletin. 2019. Vol. 13. No. 1. P. 3 – 6.
8. Zarovskaya A.V., Ilyasevich I.A., Khomushko I.S. Functional criteria of neurovegetative disorders in polysegmental lesions of the cervical spine. Actual problems of domestic traumatology and orthopedics. 2020. No. 10. P. 26 – 28.

9. Vishnyakova A.Yu., Berdalin A.B., Golovin D.A., Lelyuk S.E., Lelyuk V.G. Features of atherosclerotic lesions of the extracranial parts of the brachiocephalic arteries in vertebrobasilar ischemic stroke. Cardiovascular therapy and prevention. 2020. Vol. 19. No. 5. P. 108 – 113.
10. Lemenev V.L., Lukyanchikov V.A., Belyaev A.A. Cerebrovascular diseases and stenotic lesions of the brachiocephalic arteries: epidemiology, clinical picture, treatment. Consilium Medicum. 2019. Vol. 21. No. 9. P. 29 – 32.
11. Shirshov A.V. Pathological tortuosity of the brachiocephalic arteries: some controversial issues on this problem. Cardiovascular therapy and prevention. 2021. Vol. 20. No. 5. P. 99 – 101.
12. Andreeva I.V., Kalina N.V. Comparative assessment of instrumental methods for examining the vertebral artery. Series Medicine. Pharmacy. 2013. No. 18. P. 104.
13. Korobova A.A., Selyametova A.A., Marochkovich S.V. Clinical case of hypoplasia of the left vertebral artery. International scientific journal "Bulletin of Science". 2022. Vol. 5. No. 5. P. 338.

Информация об авторах

Столяров В.В., доктор медицинских наук, профессор, заведующий кафедрой морфологии и физиологии, Сургутский государственный университет, stolyarov_vv@surgu.ru

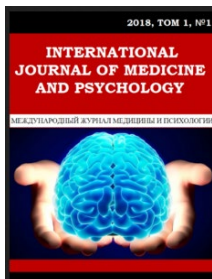
Гаджибекова Нармин Гаджибала кызы, аспирант, Сургутский государственный университет, narmina567@mail.ru

Литовченко О.Г., доктор биологических наук, профессор, Сургутский государственный университет, olgalitovchenko@mail.ru

Юрина М.А., кандидат медицинских наук, доцент, Сургутский государственный университет, yurina_ma@surgu.ru

© Столяров В.В., Гаджибекова Нармин Гаджибала кызы, Литовченко О.Г., Юрина М.А., 2025

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Научно-исследовательский журнал «International Journal of Medicine and Psychology / Международный журнал медицины и психологии»

<https://ijmp.ru>

2025, Том 8, № 4 / 2025, Vol. 8, Iss. 4 <https://ijmp.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.3.1. Общая психология, психология личности, история психологии (психологические науки)

УДК 159.99

¹ Ганьшин С.О.,

¹ Московский финансово-промышленный университет Синергия

Особенности искажения образной и вербальной информации в процессе коммуникации

Аннотация: актуальность темы исследования состоит в том, что образная и вербальная информация в процессе коммуникации способна искажаться и терять первоначальный смысл, значение. В тоже время образная информация обладает большей целостностью, единством своих составных частей, конкретностью воспринимаемых объектов, чем вербальная, в этой связи использование образной информации может иметь свои преимущества. В исследовании была установлена количественно-качественная степень такого искажения. Полученные данные уточняют знания о свойствах нашего восприятия и дают прикладные рекомендации для снижения степени когнитивных искажений, эффективных способов коммуникации и социального взаимодействия.

Цель научной статьи состоит в том, чтобы выявить особенности искажения образной и вербальной информации в процессе коммуникации, а также оценить и сравнить их количественно-качественные показатели.

Задачи исследования: выявление специфических механизмов, посредством которых исходный сигнал подвергается искажениям на различных этапах коммуникативного акта; анализ психолингвистических особенностей восприятия и интерпретации информации, когнитивных искажений, социальных и культурных фильтров, а также влияние контекста и средств коммуникации на восприятие сигнала.

Для достижения поставленных задач в исследовании применялись следующие методы: контент-анализ, дискурс-анализ и методы нейровизуализации.

Результаты исследования указывают на значительное влияние когнитивных искажений (например, предвзятости подтверждения, эффекта ореола, эвристики доступности) на процесс искажения как образной, так и вербальной информации. Дальнейшие исследования должны быть направлены на разработку моделей, позволяющих прогнозировать и предотвращать искажение информации в различных контекстах коммуникации.

Ключевые слова: образ, образная информация, невербальная информация, вербальная информация, речь, когнитивное искажение, коммуникация

Для цитирования: Ганьшин С.О. Особенности искажения образной и вербальной информации в процессе коммуникации // International Journal of Medicine and Psychology. 2025. Том 8. № 4. С. 75 – 82.

Поступила в редакцию: 3 февраля 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 2 апреля 2025 г.; Принята к публикации: 22 мая 2025 г.

¹ Ganshin S.O.,

¹ Moscow University of Finance and Industry Synergy

Features of distortion of imaginary and verbal information in the process of communication

Abstract: figurative and verbal information in the process of communication can be distorted to varying degrees or lose its original meaning and significance. At the same time, figurative information has greater integrity, unity of its components than verbal information, in this regard, the use of figurative information has its advantages. The study established the quantitative and qualitative degree of such distortion. The data obtained somewhat clarify the knowledge about the properties of our perception and provide practical recommendations for the most effective methods of communication.

The research goal is to identify the features of distortion of figurative and verbal information in the process of communication, as well as to evaluate and compare their quantitative and qualitative indicators.

Research objectives are: to identify specific mechanisms by which the original signal is subject to distortion at various stages of the communicative act; analysis of psycholinguistic features of perception and interpretation of information, cognitive distortions, social and cultural filters, as well as the influence of context and means of communication on the perception of the signal.

To achieve the objectives, the following methods were used in the study: content analysis, discourse analysis and neurovisualization methods.

The study results indicate a significant influence of cognitive distortions (for example, confirmation bias, halo effect, availability heuristic) on the process of distortion of both figurative and verbal information. Further research should be aimed at developing models that can predict and prevent information distortion in various communication contexts.

Keywords: image, figurative information, non-verbal information, word, verbal information, cognitive distortion, communication

For citation: Ganshin S.O. Features of distortion of imaginary and verbal information in the process of communication. International Journal of Medicine and Psychology. 2025. 8 (4). P. 75 – 82.

The article was submitted: February 3, 2025; Approved after reviewing: April 2, 2025; Accepted for publication: May 22, 2025

Введение

Вопрос об искажении образной и вербальной информации чаще всего поднимается в когнитивной психологии, представляя собой аспекты познавательной деятельности человека, которые существуют интегративно как совокупность функционирования ощущений, восприятия, сознания, внимания, мышления, речи, памяти как единая система познания. Известно, что данные когнитивные процессы психики имеют искажения и ошибки. Человеческий фактор, вызывающий искажения, не только может ухудшать процесс коммуникации, но и способен нанести урон в той или иной деятельности. В этой связи исследование когнитивных искажений представляет собой актуальную и значимую область [8].

Дадим определения образной и вербальной информации с точки зрения психологии. Образная информация – это такой вид информации, в основе которого лежит образ (перцепт) как основная единица обработки данных, в том числе применяемая для общения. Психофизиологически обработкой образной информации занимается кора правого

полушария головного мозга, в то время как вербальной информации – левое. Вербальная информация имеет свою специфику, заключающуюся в том, что обобщает конкретные образы правого полушария в понятия и слова, кодирует их в знаковую систему, по этой причине абстрактная информация в большей степени, и с большей детализацией может передаваться посредством вербальной информации, чем образной. Однако это касается именно сложной абстрактной информации. Также у образной и вербальной информации существуют свои ограничения и искажения. Например, вербальная информация за счёт чрезмерного обобщения может иметь различные интерпретации слов и понятий. За счёт тенденции к абстрагированию возможна неточная передача характеристик конкретных объектов реальности. В этом смысле для описания конкретных явлений лучше подходит образная информация [6].

Одними из известных исследователей образной и вербальной информации является А. Пайвио, разработавший теорию двойственного кодирования. С точки зрения этой теории образная и вер-

бальная информация начинают свой путь параллельно и не зависимо друг от друга, но в процессе иерархического синтеза приходят к общей интеграции всей информации. По итогу такая односторонность обработки двух видов информации, а также их иерархическое соединение способствуют лучшему запоминанию, сохранению памяти и ориентировки в жизненной ситуации [24].

В частности, А. Бэддели и Г. Хитч совместно разработали теорию рабочей памяти в 1974 г. Со-

гласно их модели, память представляет собой взаимодействие контрольно-исполнительного блока (объема внимания) со связанными с ним вербального (фонетического) и визуального «блокнота». Контрольно-исполнительный блок интегрирует работу обработки информации этих «блокнотов», иногда их называют «словарями» [14, 20].

Отметим сходства и различия образной и вербальной информации, исходя из современных психологических представлений (табл. 1).

Таблица 1

Сходства и различия образной и вербальной информации.

Table 1

Similarities and differences between figurative and verbal information.

Общие свойства образной и вербальной информации по аспектам	Специфические свойства	
	Образной информации	Вербальной информации
Отражение объективное реальности	Информация конкретная в виде образов, символов, схем	Обобщённая информация в виде понятий, знаков, слов, текста, фонетики
Передача конкретной и абстрактной информации	Более удобная схематическая и символическая форма для восприятия и запоминания конкретных явлений	Лучшая передача сложных смысловых и абстрактных значений, возможна лучшая детализация и
Искажения информации	Визуальные, зрительные иллюзии, конкретизация	Языковые ограничения, словарный запас, синтаксис

Известны исследования Ф. Бартлетта, который установил, что на запоминание того или иного материала оказывает влияние когнитивная схема, имеющая в своём арсенале опыт субъекта. В процессе коммуникации эта когнитивная схема личного опыта неосознанно способствует искажению информации. Иначе говоря, интерпретация и понимание новой информации оказывается зависимой от каждого конкретного человека, от его предыдущей долговременной памяти и того опыта, который ему характерен [15].

В частности, Г. Кларк один из первых указал на то, что воспринимаемая информация также может искажаться не только под действием долгосрочной памяти и когнитивной схемы, но и под влиянием контекста, актуальной ситуации в данный момент времени. Контекст является общим психологическим феноменом, который влияет как на образную, так и вербальную информацию [16]. Каса-

тельно образной информации в науке была описана ядерно-контекстная теория константности А. Холуэя и Э. Боринга, в которой искажается восприятие расстояния до наблюдаемого объекта и его константность в пространстве [21]. Близкой к этому явлению можно считать «ошибку наблюдателя», впервые замеченную в астрономических сообществах при неправильной координации и записывании положения звёзд, когда ожидания астронома способствовали отклонению от реального градуса. Другая когнитивная ошибка, известная как «туннельное видение», может ограничивать восприятие человека о том или ином объекте, в результате чего также возможны различные искажения [2]. В табл. 2 приведены некоторые когнитивные ошибки, которые чаще всего можно отнести к искажениям образной и вербальной информации.

Таблица 2

Когнитивные искажения образной и вербальной информации.

Table 2

Cognitive distortions of figurative and verbal information.

Образная информация	Вербальная информация
Персонализация и конкретизация	Сверхообобщение, зависимость от слов, понятий
Парейдолии, визуальные (оптические) иллюзии, влияние контраста	Вербальные иллюзии. Словесная категоризация мышления, ярлыки
Уже видимое (deja vu), никогда невидимое (jamais vu)	Уже слышимое (deja entendu), описки и оговорки

Помимо перечисленных когнитивных искажений (ошибок) также существуют и те, которые относятся к когнитивной схеме индивида, его опыту, формирующего представления о себе, других людях и мире. Например, если студент прочитал множество книг по психологии, то он с большим вниманием будет слушать лекцию по этой науке, чем тот, кто таких книг не читал [3].

Личный опыт способен создавать искажения, описанные А. Эллисом, например, долженствование, катастрофизацию, предсказание (позитивного/негативного) будущего, чтение мыслей и прочее. Соответственно, человек с такими искажениями будет с большим вниманием выделять для себя определённую образную и вербальную информацию, проецировать на неё свои личные смыслы [17].

Искажения информации как образной, так и вербальной фиксировали другие известные психологи, такие как З. Фрейд, в своей психоаналитической концепции упоминая защитные механизмы, которые преломляют восприятие явлений и событий с целью достижения выгоды собственного «Я». Подсознательные мотивы и смыслы с точки зрения З. Фрейда способны исказить любую информацию, например, в виде образных сновидений или речевых описок, оговорок [18, 19].

В своих работах Р. Лазарус оценивал, что психические искажения приводят к тому, что разные люди в разных условиях используют различные копинг-стратегии (совладающее поведение), что определяется наличием или отсутствием ресурса для разрешения жизненных проблем и противоречий, фрустраций [23].

Таким образом, мы можем сказать, что современные научные знания накопили достаточно богатый психологический опыт, касающийся когнитивных искажений, в частности образной и вербальной информации.

Материалы и методы исследований

Материалами исследования послужили работы таких авторов, как Г.М. Андреева [1], П.Я. Гальперин [2], В.П. Зинченко [3], А.Н. Лебедев [4] и др. Методические аспекты исследуемой темы рассмотрены в работах таких авторов, как А.Н. Леонтьев [5], А.Р. Лурия [6], К.К. Платонов [7], С.Л. Рубинштейн [8, 9] и др. Особое внимание было уделено работам таких авторов, как Е.В. Сидоренко [10], Е.Т. Соколова [11], А.А. Ухтомский [12], Н.Ф. Харченко [13].

Также были проанализированы работы таких зарубежных авторов, как А. Бадделей [14], Ф. Бартлетт [15], Х. Кларк [16], А. Эллис [17], С. Фрейд [18], А. Фрауд [19], Г. Хитч [20], Д. Канеман [22], Р.С. Лазарус [24], А. Пайвио [25] и

др.

Методы исследования: обработка данных, метод математической статистики, социологический метод выборки испытуемых. Выборка составила 10 групп по 15 человек, всего 150 человек. При этом испытуемые были отобраны в группы в случайном порядке, и направлены поровну на два основных направления исследования. Одна половина (то есть 5 групп по 15 человек, всего 75) были изучены по искажению образной информации, а вторая половина в том же количестве была задействована в исследовании искажения вербальной информации. В состав исследования входили студенты-психологи 1 и 2 курсов Московского финансово-промышленного университета «Синергия» в возрасте от 18 до 27 лет. Иностранные студенты в составе испытуемых отсутствовали, все студенты хорошо владели русским языком, что имело большое значение для исследования искажений вербальной информации.

Результаты и обсуждения

В целях эмпирического изучения особенностей искажения образной и вербальной информации в процессе коммуникации нами было проведено исследование, состоящее из следующих этапов: организационный, экспериментальный, аналитико-статистический и выводы с заключением.

На организационном этапе была изучена российская и зарубежная научная литература относительно нашего предмета исследования. Данный этап предполагал также планирование, в частности разработку стимульного материала, экспериментальной части, а также определение методов исследования.

Стимульный материал был создан в двух форматах: образном и вербальном. Вербальный формат представляет собой повествовательную легенду, в которой отмечены специальные слова-маркеры, аналогично и параллельно присутствующие также и в образном формате. Легенда: «У одного индейского племени была традиция: когда мужчина (1) достигал 16-летнего возраста, то отправлялся из своего дома (2) к старейшине (3) племени, который в это время должен был развести костёр (4), и в полдень, когда солнце (5) было высоко в зените, они вместе раскуривали курительную трубку (6), затем молодой индеец шёл к реке (7), садился в лодку (8). И взяв с собой боевой топор (9), плыл к острову (10), на котором находилось большое дерево (11).

Первое животное (12), которое он там встречал, становилось его покровителем на всю жизнь». Визуальное представление легенды представлено на рис. 1.

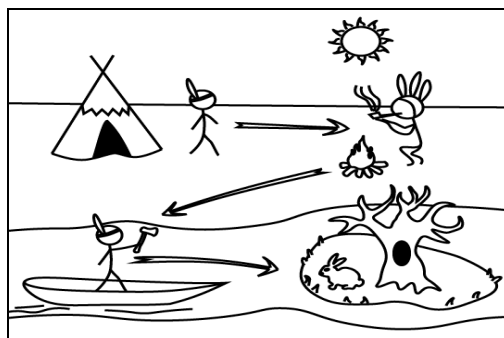

Рис. 1. Стимульный материал в виде образной информации.
Fig. 1. Stimulus material in the form of figurative information.

Таким образом, в легенде присутствуют всего 12 маркеров, которые могут быть выражены образно и вербально: мужчина (индеец, человек), дом (хижина, вигвам), старейшина (вождь/шаман), костёр (огонь), солнце (полдень), курительная трубка, река (водоём), лодка (каное), боевой топор (томагавк), остров (земля), дерево, животное (заяц, кролик). Критерием оценки подсчёта маркеров по образной и вербальной информации является соответствие используемого образа или понятия по основным признакам. То есть допускалась некоторая вариативность в изображениях или словах без потери основных свойств объекта, который использовался как маркер. Например, для маркера лодки допустимы как образные, так и вербальные вариации в виде корабля, каное или плота по признаку водного транспорта. В исследовании учитывалось само наличие или отсутствие маркера, а не степень его искажения по причине того, что образная информация иногда имеет общие характеристики и может быть выражена разными общими словами.

Эмпирическая гипотеза исследования заключалась в том, что существуют различия в искажении образной и вербальной информации в процессе коммуникации.

Экспериментальный этап предполагал предъявление 5 группам по 15 человек либо образной, либо вербальной информации, которая передавалась внутри групп друг другу по цепочке в процессе коммуникации. Для образной информации экспериментатор изображал на доске в аудитории стимульный материал, представленный на рис. 1, сообщая инструкцию запомнить этот рисунок как можно лучше, а также все его составные детали, затем максимально точно повторить его другому

испытуемому в группе. После предъявления рисунка испытуемому в течение 20 секунд (по времени длительности рассказа легенды, чтобы сравнить время предъявления образного и вербального стимула), рисунок стирался с доски и приглашался по цепочке следующий испытуемый, которому первый рисовал рисунок заново. Зарисовывание рисунка заканчивалось на 15 испытуемом, и подсчитывалось, протоколировалось количество сохранённых образов-маркеров на изображении последнего испытуемого. Всего в изучении образной информации приняло участие 5 групп по 15 человек, всего 75 человек. Внутри аудитории во время проведения эксперимента присутствовало не более двух испытуемых: тот, кто рисовал и тот, кто запоминал.

Вербальная информация передавалась также 5 группам по 15 человек. И по методу коммуникации была подобна эксперименту с запоминанием образной информации (один передавал информацию другому). Также для исследования выделялась отдельная аудитория, в которой находились не более двух испытуемых, то есть тот, кто пересказывал легенду и тот, кто её слушал и запомнил. Инструкция заключалась в том, чтобы максимально подробно запомнить легенду и пересказать её другому испытуемому как можно близко к тексту. Последний 15 испытуемый записывал окончательную легенду и передавал экспериментатору.

Оценка различий в результатах искажения образной и вербальной информации фиксировались посредством использования контент-анализа, позволяющего посчитать количество маркеров, находящихся по окончании коммуникации. Результаты представлены ниже.

Таблица 3

Результаты искажения образной и вербальной информации (количество сохранных маркеров информации).

Table 3

Results of distortion of figurative and verbal information (number of retained information markers).

Группы (№)	Образная информация	Группы (№)	Вербальная информация
1	6	6	3
2	5	7	2
3	6	8	3
4	4	9	2
5	5	10	2
Средние значения	5,2	Средние значения	2,4

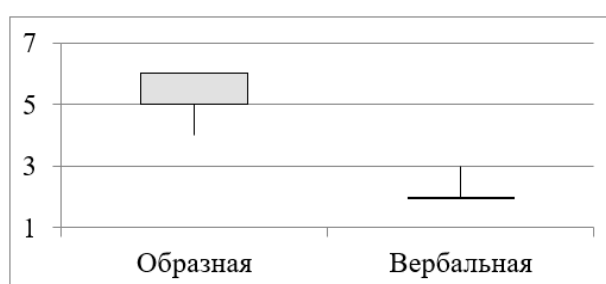

Рис. 2. Диаграмма средних значений искажения образной и вербальной информации.

Fig. 2. Diagram of average values of distortion of figurative and verbal information.

К сожалению, в нашем исследовании мы не учитывали появление новых слов или новых объектов в изображении, ранее отсутствовавших в легенде и изначальном рисунке. Однако такие слова и изображения присутствовали в равном соотношении как в образной, так и в вербальной информации, в этой связи можно пренебречь их наличием.

В тоже время вербальная информация оказывалась более чувствительной к изменениям или исчезновениям маркеров, в результате весь сюжет легенды мог сильно меняться.

Аналитико-статистический этап исследования был проведен посредством однофакторного дисперсионного анализа в программе «Statistical Package for the Social Sciences» (SPSS-ANOVA) для выявления статистически значимых различий в результатах искажения образной и вербальной информации.

Статистические гипотезы: нулевая гипотеза (H_0) гласит: Результаты и искажения образной и вербальной информации не имеют статистически значимых различий (случайны).

Альтернативная гипотеза (H_1): Результаты и искажения образной и вербальной информации имеют статистически значимые различия (табл. 4).

Полученные данные указывают на высокую статистическую значимость этих различий. Эмпирический критерий Фишера (F) составляет 39,2, что оказывается больше критических значений для $p \leq 0,05$. Иначе говоря значение критерия Фишера имеет статистическую значимость. Верификация по критерию Манна-Уитни (U) даёт эмпирический показатель равный 0 при критических значениях 1 для $p \leq 0,01$ (1%) и 4 для $p \leq 0,05$ (5%). Таким образом, нулевая гипотеза отклоняется, альтернативная гипотеза принимается.

Таблица 4

Результаты однофакторного дисперсионного анализа в программе SPSS (ANOVA).

Table 4

Results of one-way analysis of variance in SPSS (ANOVA).

ANOVA					
Искажения	Сумма квадратов	ст. св.	Средний квадрат	F	Значимость
Между группами	19,600	1	19,600	39,200	,000
Внутри групп	4,000	8	,500		
Всего	23,600	9			

Эмпирическая гипотеза о том, существуют различия в искажении образной и вербальной информации в процессе коммуникации доказана.

Интерпретируя полученные результаты, отметим, что образная информация обладает большей устойчивостью к искажению в процессе коммуникации. Это различие составляет практически в два раза, и, вероятно, связано с его спецификой целостного отражения информации, способности лучше закрепляться в памяти и его конкретностью.

Выводы

1. В процессе коммуникации возможны и вероятны существенные искажения информации.
2. Образная информация обладает большей устойчивостью к искажению, чем вербальная, в

особенности это относится к конкретной информации (реальным объектам). Соединение образной и вербальной информации может способствовать лучшему запоминанию.

3. В прикладных вопросах психологии рекомендуется использовать образную информацию в различных видах деятельности, например, в педагогической, рекламной, средствах массовой информации.

4. Экстраполируя полученные результаты на межличностную коммуникацию, можно также сказать, что большая часть закрепившейся в памяти информации при общении с другим человеком будет скорее невербальная.

Список источников

1. Андреева Г.М. Социальная психология. М.: Аспект Пресс, 2000. 365 с.
2. Гальперин П.Я. Психология искажения восприятия. М.: Наука, 1976. 304 с.
3. Зинченко В.П. Введение в психологию восприятия. М.: МГУ, 1985. 280 с.
4. Лебедев А.Н. Психология восприятия. М.: Просвещение, 1987. 320 с.
5. Леонтьев А.Н. Деятельность. Сознание. Личность. М.: Наука, 1975. 304 с.
6. Лурия А.Р. Высшие корковые функции человека. М.: МГУ, 1973. 370 с.
7. Платонов К.К. Восприятие и деятельность. М.: Педагогика, 1972. 416 с.
8. Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии. СПб.: Питер, 2002. 720 с.
9. Рубинштейн С.Л. Человек и мир. М.: Наука, 1997. 416 с.
10. Сидоренко Е.В. Методы математической обработки в психологии. СПб.: Речь, 2001. 350 с.
11. Соколова Е.Т. Психология мышления и эмоций. М.: Институт психологии РАН, 2002. 320 с.
12. Ухтомский А.А. Доминанта. Л.: Издательство Ленинградского университета, 1966. 144 с.
13. Харченко Н.Ф. Коммуникативные барьеры. СПб.: Речь, 2005. 280 с.
14. Baddeley A. Working Memory. Oxford: Clarendon Press, 1986. 432 p.
15. Bartlett F.C. Remembering: A Study in Experimental and Social Psychology. Cambridge: Cambridge University Press, 1932. – 336 p.
16. Clark H.H. Using Language. Cambridge: Cambridge University Press, 1996. 432 p.
17. Ellis A. Reason and Emotion in Psychotherapy. – New York: Lyle Stuart, 1962. 358 p.
18. Freud S. The Interpretation of Dreams. New York: Macmillan, 1953. 477 p.
19. Freud A. The Ego and the Mechanisms of Defence. London: Hogarth Press, 1936. 191 p.
20. Hitch G. Working Memory: Past, Present, and Future. Oxford: Oxford University Press, 1994. 384 p.
21. Holway A. Theories of Perception and the Concept of Structure. New York: Wiley, 1966. 241 p.
22. Kahneman D. Thinking, Fast and Slow. New York: Farrar, Straus and Giroux, 2011. 499 p.

23. Lazarus R.S. Emotion and Adaptation. New York: Oxford University Press, 1991. 576 p.
24. Paivio A. Imagery and Verbal Processes. New York: Holt, Rinehart and Winston, 1971. 608 p.

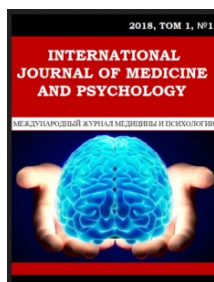
References

1. Andreeva G.M. Social Psychology. Moscow: Aspect Press, 2000. 365 p.
2. Galperin P.Ya. Psychology of Perception Distortion. Moscow: Nauka, 1976. 304 p.
3. Zinchenko V.P. Introduction to the Psychology of Perception. Moscow: Moscow State University, 1985. 280 p.
4. Lebedev A.N. Psychology of Perception. Moscow: Prosveshchenie, 1987. 320 p.
5. Leontiev A.N. Activity. Consciousness. Personality. Moscow: Nauka, 1975. 304 p.
6. Luria A.R. Higher Cortical Functions of Man. Moscow: Moscow State University, 1973. 370 p.
7. Platonov K.K. Perception and Activity. M.: Pedagogika, 1972. 416 p.
8. Rubinstein S.L. Fundamentals of General Psychology. SPb.: Piter, 2002. 720 p.
9. Rubinstein S.L. Man and the World. M.: Nauka, 1997. 416 p.
10. Sidorenko E.V. Methods of Mathematical Processing in Psychology. SPb.: Rech, 2001. 350 p.
11. Sokolova E.T. Psychology of Thinking and Emotions. M.: Institute of Psychology, Russian Academy of Sciences, 2002. 320 p.
12. Ukhtomsky A.A. Dominanta. L.: Leningrad University Publishing House, 1966. 144 p.
13. Kharchenko N.F. Communicative Barriers. St. Petersburg: Rech, 2005. 280 p.
14. Baddeley A. Working Memory. Oxford: Clarendon Press, 1986. 432 p.
15. Bartlett F.C. Remembering: A Study in Experimental and Social Psychology. Cambridge: Cambridge University Press, 1932. – 336 p.
16. Clark H.H. Using Language. Cambridge: Cambridge University Press, 1996. 432 p.
17. Ellis A. Reason and Emotion in Psychotherapy. New York: Lyle Stuart, 1962. 358 p.
18. Freud S. The Interpretation of Dreams. New York: Macmillan, 1953. 477 p.
19. Freud A. The Ego and the Mechanisms of Defense. London: Hogarth Press, 1936. 191 p.
20. Hitch G. Working Memory: Past, Present, and Future. Oxford: Oxford University Press, 1994. 384 p.
21. Holway A. Theories of Perception and the Concept of Structure. New York: Wiley, 1966. 241 p.
22. Kahneman D. Thinking, Fast and Slow. New York: Farrar, Straus and Giroux, 2011. 499 p.
23. Lazarus R.S. Emotion and Adaptation. New York: Oxford University Press, 1991. 576 p.
24. Paivio A. Imagery and Verbal Processes. New York: Holt, Rinehart and Winston, 1971. 608 p.

Информация об авторе

Ганьшин С.О., старший преподаватель, Московский финансово-промышленный университет Синергия, sganshin@inbox.ru

© Ганьшин С.О., 2025

Научно-исследовательский журнал «International Journal of Medicine and Psychology / Международный журнал медицины и психологии»

<https://ijmp.ru>

2025, Том 8, № 4 / 2025, Vol. 8, Iss. 4 <https://ijmp.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.3.1. Общая психология, психология личности, история психологии (психологические науки)

УДК 159.9.07

¹ *Шашкова М.И.,*

¹ *Курочкина И.А.,*

¹ *Уральский государственный педагогический университет*

Партнерский фаббинг и его значение в контексте романтических отношений

Аннотация: в данной статье представлено исследование феномена партнерского фаббинга и его взаимосвязи с удовлетворенностью браком и романтическими отношениями. В ходе теоретического анализа было дано определение феномену фаббинга, выделены его основные особенности, а также подходы к определению природы возникновения фаббинга в межличностных отношениях, один из которых определяется психологической зависимостью, а второй основывается не только на зависимости, но и говорит об изменении социальных норм. Был описан феномен партнерского фаббинга и представлены взаимосвязи и влияния партнерского фаббинга на сферу отношений, выявленные другими исследователями. Также представлены результаты проведенного эмпирического исследования с использованием дескриптивного и корреляционного анализа. Было обнаружено, что для большинства респондентов характерно наличие фаббинга со стороны партнера, но при этом, они склонны к его проявлению сами. Несмотря на наличие партнерского фаббинга, респонденты в большей степени оценили свои семьи как благополучные и абсолютно благополучные, однако, было установлено наличие высокого уровня ревности и ссор с партнером. Также, в ходе корреляционного анализа, были выявлены и описаны статистически значимые взаимосвязи показателей, обуславливающими удовлетворенность романтическими отношениями и партнерский фаббинг, а также значимая отрицательная корреляция этих двух переменных, демонстрирующая то, что проявления фаббинга могут негативно сказываться на удовлетворенности романтическими отношениями. Полученные в ходе нашего исследования результаты являются значимыми для понимания того, как технологии могут быть связаны с коммуникационной составляющей жизни человека и к каким последствиям они могут привести в контексте эмоциональной близости.

Ключевые слова: фаббинг, романтические отношения, брак, партнерский фаббинг, семья

Для цитирования: Шашкова М.И., Курочкина И.А. Партнерский фаббинг и его значение в контексте романтических отношений // International Journal of Medicine and Psychology. 2025. Том 8. № 4. С. 83 – 91.

Поступила в редакцию: 4 февраля 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 3 апреля 2025 г.; Принята к публикации: 22 мая 2025 г.

¹ *Shashkova M.I.,*

¹ *Kurochkina I.A.,*

¹ *Ural State Pedagogical University*

Partner phubbing and its meaning in the context of romantic relationships

Abstract: this article presents a study of partner phubbing phenomenon and its correlation with marital satisfaction and its correlation with romantic relationships. In theoretical analysis, the phenomenon of phubbing was defined, its main features were highlighted, as well as approaches to determining the nature of the occurrence of phubbing in interpersonal relationships, one of which is determined by psychological addiction, but the second one is determined not only by addiction but also like the change of social norms. The phenomenon of partner phubbing was described and correlations and influence partner phubbing on romantic relationships sphere by

others researchers was presented. The results of empirical analysis using descriptive and correlation analysis was also presented. It was found that the most of the respondents have partner phubbing, but at the same time, they tend to be a phubber. Despite the presence of partner phubbing, the most of the respondents rated their families like well-being and absolutely well-being, however, the high level of jealousy and merging with the partner was found. Also, in the correlation analysis was revealed and described statistically significant correlations of measures of satisfaction of romantic relationships and partner phubbing, as well as a significant negative correlation of these two variables, which demonstrating that phubbing behaviors can negatively affect on satisfaction of romantic relationships. The findings from our study are significant for understanding how technology can be related to the communication component of a person's life and the consequences it can lead to in the context of emotional intimacy.

Keywords: phubbing, romantic relationships, marriage, partner phubbing, family

For citation: Shashkova M.I., Kurochkina I.A. Partner phubbing and its meaning in the context of romantic relationships. International Journal of Medicine and Psychology. 2025. 8 (4). P. 83 – 91.

The article was submitted: February 4, 2025; Approved after reviewing: April 3, 2025; Accepted for publication: May 22, 2025

Введение

Современные способы межличностной коммуникации и межличностного взаимодействия претерпели существенные изменения в связи с появлением гаджетов и увеличения частоты их использования. Цифровизация значительно изменила динамику общения в обществе, позволяя человеку все время находится на связи, а также оперативно решать различные вопросы. В данном контексте одной из наиболее актуальных и распространенных проблем является феномен фаббинга, затрагивающий важные аспекты нашей жизни: общение и эмоциональный контакт, снижая их качество. Стоит отметить, что взаимосвязь между фаббингом и межличностными отношениями носит двусторонний характер. Так, неудовлетворенность межличностными отношениями способна вызывать учащенные проявления фаббинга, и, наоборот, фаббинг способен приводить к нарушениям в межличностной сфере [3].

Феномен фаббинга определяется как поведение, характеризующееся игнорированием или пренебрежением к партнеру в ходе коммуникации путем сконцентрированности на смартфоне [3].

Фаббинг как социальный феномен затрагивает не только подростков и молодежь [10], но и для более зрелые возрастные группы населения [7, 9]. Его проявления охватывают все сферы социального взаимодействия человека, включая: детско-родительские, деловые, партнерские (романтические), дружеские [11, 12], при этом важно отметить, что именно в дружеских отношениях его восприятие со стороны характеризуется большей лояльностью. В динамике фаббинга выделяются две основные роли: *фаббер* – тот, кто пренебрегает собеседником в пользу своего гаджета, и *жертва фаббинга* – тот, кто становится объектом пренебрежительного отношения. Важным аспек-

том, в данном случае, является то, что жертва фаббинга со временем начинает копировать поведение фаббера, что в свою очередь, способствует быстрой распространяемости представленного феномена в обществе [8].

Выделяются два основных подхода к изучению и определению фаббинга.

Исследователи первого подхода (Е. Karadag, Ş.B. Tosuntaş, E. Erzen) рассматривают фаббинг как результат совокупности видов зависимого поведения. В ходе их работы были выявлены ключевые поведенческие аспекты, способствующие выявлению фаббинга: использование смартфона в процессе межличностной коммуникации, а также выраженное стремление избегать глубокого эмоционального взаимодействия в реальной жизни. По мнению авторов, гаджет выступает средством избегания чувства одиночества, при этом у людей, обладающих ярко выраженной зависимостью от смартфона, часто проявлялись депривационные и тревожные расстройства в случае пребывания без гаджета.

Анализ статистических данных позволил выявить значимые гендерные различия причин возникновения фаббинга. Чрезмерная вовлеченность в социальные сети и медиа, а также различные чаты является основной причиной проявления фаббинга у женщин, тогда как интернет и игровая зависимости обуславливают данное поведение у мужчин [10]. Исследования показали, что наиболее подвержены зависимости от телефона [6, 14], социальных сетей [4] и интернет-зависимости в целом [16] люди с низкой самооценкой, что свидетельствует об их повышенной склонности к фаббинг-поведению.

Исследователи – сторонники второго подхода к изучению феномена фаббинга говорят о том, что фаббинг не должен рассматриваться только через

призму зависимости. Акцентируется внимание на изменении социальных норм общения. Причиной фаббинга, по их мнению, может выступать зависимость от смартфона, возникающей на фоне страха пропустить что-то важное, а также в результате проблем с самоконтролем.

Феномен фаббинга затрудняет процесс социальной адаптации, оказывая негативное влияние на межличностные отношения. Это приводит к уменьшению доверия между собеседниками, и, как следствие, снижению общего уровня удовлетворенности общением и жизнью. Следует подчеркнуть, что уровень благополучия личности тесно связан с тем, насколько полноценным и качественным является его взаимодействие с окружающими [6].

Работы D.A. Roberts и M.E. David подтверждают, что фаббинг напрямую негативно сказывается на удовлетворенности отношениями. Более того, фаббинг может косвенно способствовать развитию депрессивных состояний личности и снижению общего уровня удовлетворенности жизнью в целом в силу того, что он отрицательно сказывается на доверии людей друг к другу и их близости [12].

Кроме того, в научном сообществе продолжает оставаться открытым важный вопрос о том стоит ли рассматривать фаббинг как форму зависимости или же как новую социальную норму межличностного взаимодействия, сформировавшуюся в условиях технологического прогресса [7]. На данный момент, этот вопрос не имеет однозначного ответа.

Определение партнерского фаббинга схоже с понятием самого феномена фаббинга и представляет собой пренебрежительное отношение к романтическому партнеру, возникающее в процессе концентрации человека на смартфоне. Данный процесс сопровождается игнорированием качественного совместного времяпрепровождения с партнером, что может оказывать разрушительное влияние на романтические отношения, а также косвенно приводить к ухудшению психического здоровья. Особенно наглядно это негативное воздействие наблюдается в парах, состоящих в отношениях семь и более лет [17].

Одним из ключевых факторов, определяющих удовлетворенность в отношениях, исследователи выделяют качество межличностного взаимодействия между партнерами [2, 5]. Ощущение физического и эмоционального присутствия партнера имеет первостепенное значение в контексте построения крепких и доверительных романтических отношений. Однако, проявления партнерского фаббинга становятся ключевым фактором, способствующим отдалению партнеров и утрате взаимо-

понимания и искренности. Чрезмерная увлеченность гаджетами размывает границы отношений, что снижает их интимность и близость [12], а также способствует увеличению уровня стресса и тревожности вследствие наличия чувства неопределенности, неуверенности и неудовлетворенности в отношениях, что, в свою очередь, нарушает процессы межличностного взаимодействия партнеров, порождая конфликтные ситуации, и, в конечном итоге, могут приводить к разрыву отношений [9, 13].

Результаты исследований, направленных на определение частоты фаббинга и партнерского фаббинга, неоднозначны. Так, например, исследование, проведенное F.C. Yam, выявило отсутствие значимых различий по половому признаку и типу отношений [18]. Однако, в своей работе V. Chotpitayasunondh и K.M. Douglas отмечают, что проявление фаббинга более часто встречаются у женщин, чем у мужчин. При этом авторами подчеркивается существование определенной тенденции к изменениям в социальных нормах коммуникации, а также во взаимодействии между партнерами [7].

В своих исследования D.A. Roberts и M.E. David рассматривают взаимосвязь между партнерским фаббингом и типом привязанности. Они отмечают, что партнеры, обладающие тревожным типом привязанности, более чувствительны к проявлениям фаббинга, что, в свою очередь, нередко приводит к возникновению конфликтов [15].

Противоречивость феномена партнерского фаббинга проявляется и в других аспектах. В частности, исследование E. Cizmeci показало, что незамужние девушки реагируют на фаббинг с большей агрессией, чем незамужние мужчины. В то же время пары состоящие в официальном браке более снисходительны к данному явлению [8]. Однако, работа X. Wang показывает противоположные результаты, указывая на то, что люди в браке могут быть подвержены негативным последствиям фаббинга, чем незамужние люди. Также X. Wang была выявлена значимая связь между уровнем самооценки партнеров и проявлениями партнерского фаббинга. Так, партнеры с высокой самооценкой более ориентированы на удовлетворенность отношениями и более остро реагируют на ее изменения. Напротив, у партнеров с низкой самооценкой удовлетворенность отношениями является не особо значимым фактором [17].

Таким образом, исследование данных аспектов открывает новые подходы к пониманию динамики современных отношений и роли технологий в них.

Материалы и методы исследований

На основе проведенного теоретического анализа нами было разработано и проведено эмпирическое исследование.

Цель исследования: определение взаимосвязи уровня выраженности партнерского фаббинга и удовлетворенности браком.

Объект исследования: партнерский фаббинг.

Предмет исследования: взаимосвязь уровня выраженности партнерского фаббинга и удовлетворенности браком.

Гипотеза исследования: существует статистически значимая взаимосвязь между уровнем выраженности партнерского фаббинга с уровнем удовлетворенности браком.

Для проведения исследования использовались следующие методики: «Опросник удовлетворенности браком» (В.В. Столин, Т.Л. Романова, Г.П. Бутенко), МIMARA в адаптации Т.Л. Крюковой и О.А. Екимчик [11], «Шкала партнерского фаббинга Робертса» в адаптации О.А. Екимчик и Т.Л. Крюковой [1].

Данное исследование проводилось на выборке 75 человек в возрасте от 20 до 52 лет, находящиеся в партнерских отношениях.

Результаты и обсуждения

На основе дескриптивного анализа получились следующие результаты:

Результаты по методике диагностики «Опросник удовлетворенности браком» на общей выборке (табл. 1):

Таблица 1

Результаты методики диагностики «Опросник удовлетворенности браком» на общей выборке.

Table 1

Results of the diagnostic method "Marital Satisfaction Questionnaire" on the general sample.

Шкала	Показатель от общего числа, %
Абсолютно неблагополучные семьи	5
Неблагополучные семьи	3
Скорее неблагополучные семьи	8
Переходные семьи	1
Скорее благополучные семьи	13
Благополучные семьи	32
Абсолютно благополучные семьи	37

Респонденты оценили свои семьи следующим образом: 5% – абсолютно неблагополучные семьи, 3% – неблагополучные семьи, 8% – скорее неблагополучные семьи, 1% – переходные семьи, 13% – скорее благополучные семьи, 37% – благополучные семьи, 32% – абсолютно благополучные семьи.

Важно отметить то, что уровень благополучия семьи отражает их степень удовлетворенности

браком. Авторы данной методики рассматривают благополучность и удовлетворенность браком с точки зрения чувств и эмоций, а не рациональной оценки.

Результаты методики диагностики «MIMARA» на общей выборке получились следующие (табл. 2):

Таблица 2

Результаты методики диагностики «MIMARA» (общая выборка).

Table 2

Results of the diagnostic method "MIMARA" (general sample).

Шкала	Низкий уровень, %	Высокий уровень, %
Фрустрация	61	39
Стремление к сближению	1	99
Самоподдержка	20	80
Амбивалентность	67	33
Доверие, уверенность	1	99
Ревность, страх быть брошенным	17	83
Срастание с партнером	44	56

Подавленность и присутствие отрицательных эмоций в романтических отношениях характерны для 39% исследуемых.

При этом, 99% респондентов демонстрируют высокий уровень готовности к близкому эмоциональному взаимодействию с партнером, а также высокий уровень принятия партнера, открытости и доверия, что свидетельствует об их стремлении к построению глубоких отношений.

Автономность в эмоциональных отношениях характерна для 80%, что указывает на способность формировать и поддерживать здоровую дистанцию между собой и партнером, при этом сохраняя эмоциональный контакт.

Выраженная противоречивость и нестабильность эмоционального отношения к партнеру присуща 33% от общего числа респондентов, что мо-

жет свидетельствовать о наличии внутренних конфликтов у испытуемых или о недостатке уверенности в своих чувствах.

Кроме того, для 83% респондентов характерен высокий уровень ревности и концентрированности на отношениях, а также повышенный страх потери любви партнера, что указывает на наличие неуверенности относительно стабильности и продолжительности отношений.

Значительная степень выраженности недифференцированности личностных границ и психологическое слияние проявляется у 56% респондентов.

Результаты методики диагностики «Шкала партнерского фаббинга» и «Шкала фаббинга» на общей выборке (табл. 3):

Таблица 3

Результаты методики диагностики «Шкала партнерского фаббинга» и «Шкала фаббинга» (общая выборка).

Table 3

Results of the diagnostic methods "Partner Phubbing Scale" and "Phubbing Scale" (general sample).

Шкала	Низкий уровень, %	Высокий уровень, %
Одержимость телефоном	55	45
Нарушение коммуникации	13	87
Общий уровень фаббинга	23	77
Партнерский фаббинг	20	80

По результатам методик было выявлено, что 80% респондентов сталкиваются с проявлениями фаббинга со стороны партнера. Такой результат указывает на распространенность данной проблемы в выборке. При этом, для респондентов также характерны проявления фаббинга по отношению к другим, что демонстрирует их тенденцию к пренебрежению живым общением в пользу виртуального. Данный результат указывает на потенциальные проблемы в отношениях, исходящих со стороны двух партнеров, а также может быть признаком копирования поведения одного партнера другим.

Показательными являются и результаты, указывающие на нарушение коммуникации у 87%, что подчеркивает наличие трудностей и барьеров во взаимодействии, а также говорит о присутствии

тенденции к использованию смартфона в процессе общения.

Высокий уровень одержимости телефоном характерен для 45% от общей выборки, что подразумевает, что респонденты не способны или не желают проводить время без своего смартфона. Данный результат, указывает на склонность к постоянному виртуальному времяпрепровождению, что вытесняет более глубокие межличностные связи.

Согласно выдвинутой гипотезе, на основе полученных результатов в ходе дескриптивного анализа, был проведен корреляционный анализ данных.

При проведении корреляционного анализа были выявлены следующие значимые взаимосвязи (табл. 4):

Таблица 4

Результаты корреляционного анализа (общая выборка).

Table 4

Resilience of correlation analysis (total sample).

Переменная	Положительная	r	p	Отрицательная	r	p
Удовлетворенность браком	Стремление к сближению	0,504	0,01	Партнерский фаббинг	-0,296	0,05
				Фрустрация	-0,554	0,01
	Самоподдержка	0,228	0,05	Амбивалентность	-0,580	0,01
				Срастание	-0,435	0,01

Продолжение таблицы 4
Continuation of Table 4

Партнерский фаббинг	Фрустрация	0,376	0,01	Удовлетворенность браком	-0,296	0,05
	Ревность	0,2 47	0, 05			
	Срастание	0,3 69	0, 01			

1. Отрицательная взаимосвязь удовлетворенности браком и партнерского фаббинга, объясняется тем, что в близких отношениях важен непосредственный контакт и взаимодействие с партнером, совместный качественный досуг, что обеспечивает близость партнеров и наличие доверительных отношений, а наличие партнерского фаббинга, в свою очередь, прерывает и делает поверхностным совместное времяпрепровождение, что значительно снижает удовлетворенность отношениями и может способствовать их разрушению.

2. Отрицательная взаимосвязь удовлетворенности браком и фрустрации может быть объяснена тем, что фрустрирующие ситуации и наличие негативных эмоций снижают удовлетворенность браком.

3. Отрицательная взаимосвязь удовлетворенности браком и амбивалентности объясняется неопределенностью и нестабильностью эмоционального отношения к партнеру непосредственно снижает удовлетворенность браком.

4. Отрицательная корреляция между удовлетворенностью браком и срастанием объясняется тем, что отсутствие личного пространства, независимости и размытость личных границ приводит к ощущению утраты собственной идентичности и индивидуальности, а также может привести к недостатку личного развития и самовыражения, что способствует снижению удовлетворенности жизнью в целом и приводит к раздражительности и конфликтным ситуациям в романтических отношениях.

5. Положительная взаимосвязь удовлетворенности браком и стремлением к сближению описывается тем, что респондент видит партнера как часть своего безопасного мира, готовы к эмоциональной близости с ним и принимают его, они стремятся поделиться чем-то сокровенным, что в свою очередь повышает доверие партнеров, степень интимности отношений и общую удовлетворенность браком.

6. Положительная корреляция удовлетворенности браком и самоподдержки выражается в наличии эмоциональной независимости и сохранении личных границ партнеров, что способствует более комфортному времяпре-

провождению партнеров как друг с другом, так и по одиночке, тем самым выстраивая безопасные доверительные отношения.

7. Положительная корреляция партнерского фаббинга и фрустрации указывает на то, что чем больше выражены негативные эмоции по отношению к партнеру и чем больше фрустрирующих ситуаций испытывает партнер, тем больше он отдаляется и проявляет партнерский фаббинг, как способ избегания негативных ощущений.

8. Положительная взаимосвязь партнерского фаббинга и ревности объясняется отсутствием доверия в отношениях, недостатком внимания со стороны жертвы фаббинга и постоянным пребыванием фаббера в телефоне, что является предиктором недоверия к партнеру.

9. Положительная взаимосвязь партнерского фаббинга и срастания может быть объяснена желанием жертвы фаббинга привлечь к себе внимание фаббера путем перенятия его интересов и увлечений, исполнением любых прихотей фаббера.

Выводы

Таким образом, на основе проведенного корреляционного анализа, можно сделать вывод, что выраженность партнерского фаббинга обуславливается чрезмерной привязанностью к партнеру и отсутствием независимости партнеров друг от друга, повышенным проявлением ревности и наличием негативных эмоций в отношениях. В свою очередь, удовлетворенность браком обуславливается готовностью к эмоциональной близости, принятием партнера, автономностью и независимостью партнеров друг от друга. При этом данный анализ доказал наличие отрицательной взаимосвязи, определяемой как: чем больше выраженность партнерского фаббинга, тем меньше удовлетворенность браком у респондентов.

Дескриптивный анализ указывает на яркую выраженность проявлений фаббинга респондентов по отношению к другим, а также на яркую выраженность проявлений фаббинга со стороны партнера. Несмотря на то, что значительная часть респондентов определила свои семьи как благополучные, на основе статистических данных можно говорить о наличии высокой выраженности ревно-

сти к партнеру и срастанию с партнером.

Подводя итог, хочется отметить, что в ходе данного исследования, было выявлено, что партнерский фаббинг является актуальной коммуникационной проблемой в отношениях и требует дальнейшего углубленного изучения в контексте изменившихся современных социальных норм. Также в нашем исследовании были статистически доказаны взаимосвязи, означающие то, что фаббинг спо-

собствует росту неудовлетворенности отношениями, появлению негативных эмоций, ревности, утраты доверия и срастанию партнеров. Полученные результаты являются значимыми для понимания того, как новые технологии могут быть связаны с коммуникационной составляющей жизни человека и к каким последствиям они могут привести в контексте эмоциональной близости. Гипотеза исследования была подтверждена.

Список источников

1. Екимчик О.А., Крюкова Т.Л. Адаптация методик измерения фаббинга в близких отношениях: шкала фаббинга карадага и шкала партнерского фаббинга Робертса // Консультативная психология и психотерапия. 2022. Т. 30. № 3. С. 112 – 128. DOI: 10.17759/cpp.2022300307
2. Крюкова Т.Л., Екимчик О.А. Фаббинг как угроза благополучию близких отношений // Консультативная психология и психотерапия. 2019. Т. 27. № 3. С. 61 – 67. DOI: 10.17759/cpp.2019270305
3. Шашкова М.И. Взаимосвязь компонентов фаббинга с особенностями межличностных отношений студентов // Живая психология. 2024. Т. 11. № 8 (56). С. 78 – 87. DOI 10.58551/24136522_2024_11_8_78.
4. Balci Ş., Karakoç E., Ögüt N. Social media addiction among healthcare professionals: the role of two-dimensional self-esteem // Akdeniz University Faculty of Communication Journal. 2020. № 33. P. 296 – 317. DOI:10.31123/akil.693279
5. Bradbury T.N., Fincham F.D., Beach S.R. Research on the nature and determinants of marital satisfaction: A decade in review // Journal of Marriage and Family. 2000. Vol. 62 (4). P. 964 – 980. DOI:10.1111/j.1741-3737.2000.00964.x;
6. Choi H.J., Yoo J.H. A study on the relationship between self-esteem, social support, smartphone dependency, internet game dependency of college students // Journal of East-West Nursing Research. 2015. № 21 (1). P. 78 – 84.
7. Chotpitayasunondh V., Douglas K.M. How «phubbing» becomes the norm: The antecedents and consequences of snubbing via smartphone // Computers in Human Behavior. 2016. Vol. 63. P. 9 – 18. DOI:10.1016/j.chb.2016.05.018
8. Chotpitayasunondh V., K.M. Douglas. The effects of «phubbing» on social interaction // Journal of Applied Social Psychology. 2018. Vol. 48 (6). P. 304 – 316. doi:10.1111/jasp.12506.
9. González-Rivera J. Segura-Abreu L., Urbistondo V. Phubbing en las relaciones románticas: Uso del celular, satisfacción en la pareja, bienestar psicológico y salud mental // Interacciones. 2018. Vol. 4 (2). P. 81 – 91. DOI: 10.24016/2018.v4n2.117
10. Karadağ E., Tosuntaş Ş.B., Erzen E., et al. Determinants of phubbing, which is the sum of many virtual addictions: A structural equation model // Journal of Behavioral Addictions. 2015. Vol. 4 (2). P. 60 – 74. DOI:10.1556/2006.4.2015.005
11. Kryukova T.L., Ekimchik O.A. A Russian adaptation of MIMARA or Multi-Item Measure of Adult Romantic Attachment, K.A. Brennan and P.R. Shaver, 1995 // International Journal of Psychology. 2016. Vol. 51. P. 982. DOI:10.1002/ijop.12345
12. Leggett C., Rossouw P.J. The impact of technology use on couple relationships: A neuropsychology perspective // International Journal of Neuropsychotherapy. 2014. Vol. 2 (1). P. 44 – 99. DOI:10.12744/ijnpt.2014.0044-0099
13. McDaniel B.T., Drouin M. Daily technology interruptions and emotional and relational well-being // Computers in Human Behavior. 2019. Vol. 99. P. 1 – 8. DOI: 10.1016/j.chb.2019.04.027
14. Park H., Choi E. Smartphone addiction and depression: The mediating effects of self-esteem and resilience among middle school students // Journal of Korean Academy of Community Health Nursing. 2017. № 28 (3). P. 280 – 290.
15. Roberts J.A., David M.E. My life has become a major distraction from my cell phone: Partner phubbing and relationship satisfaction among romantic partners // Computers in Human Behavior. 2016. Vol. 54. P. 134 – 141. DOI: 10.1016/j.chb.2015.07.058.
16. Stieger S., Burger C. Implicit and explicit self-esteem in the context of internet addiction // Cyberpsychology, Behavior, and Social Networking. 2010. № 13 (6). P. 681 – 688. DOI:10.1089/cyber.2009.0426

17. Wang X., Xie X., Wang Y., Wang P., Lei L. Partner phubbing and depression among married Chinese adults: the roles of relationship satisfaction and relationship length // *Personality and Individual Differences*. 2017. Vol. 110. P. 12 – 17. DOI:10.1016/j.paid.2017.01.014

18. Yam F.C. Investigation on the perceived partner phubbing levels of individuals in terms of some variables // *International Symposium of Scientific Research and Innovative Studies*. Bandrma, Turkey, 2021. P. 2083 – 2093.

References

1. Ekimchik O.A., Kryukova T.L. Adaptation of methods for measuring phubbing in close relationships: the Karadag Phubbing Scale and the Roberts Partner Phubbing Scale. *Counseling Psychology and Psychotherapy*. 2022. Vol. 30. No. 3. P. 112 – 128. DOI: 10.17759/cpp.2022300307

2. Kryukova T.L., Ekimchik O.A. Phubbing as a threat to the well-being of close relationships. *Counseling Psychology and Psychotherapy*. 2019. Vol. 27. No. 3. P. 61 – 67. DOI: 10.17759/cpp.2019270305

3. Shashkova M.I. The relationship between phubbing components and the characteristics of interpersonal relationships of students. *Live Psychology*. 2024. Vol. 11. No. 8 (56). P. 78 – 87. DOI 10.58551/24136522_2024_11_8_78.

4. Balcı Ş., Karakoç E., Öğüt N. Social media addiction among healthcare professionals: the role of two-dimensional self-esteem. *Akdeniz University Faculty of Communication Journal*. 2020. No. 33. P. 296 – 317. DOI:10.31123/akil.693279

5. Bradbury T.N., Fincham F.D., Beach S.R. Research on the nature and determinants of marital satisfaction: A decade in review. *Journal of Marriage and Family*. 2000. Vol. 62 (4). P. 964 – 980. DOI:10.1111/j.1741-3737.2000.00964.x;

6. Choi H.J., Yoo J.H. A study on the relationship between self-esteem, social support, smartphone dependency, internet game dependency of college students. *Journal of East-West Nursing Research*. 2015. No. 21 (1). P. 78 – 84.

7. Chotpitayasunondh V., Douglas K.M. How “phubbing” becomes the norm: The antecedents and consequences of snubbing via smartphone. *Computers in Human Behavior*. 2016. Vol. 63. P. 9 – 18. DOI:10.1016/j.chb.2016.05.018

8. Chotpitayasunondh V., K.M. Douglas. The effects of “phubbing” on social interaction. *Journal of Applied Social Psychology*. 2018. Vol. 48 (6). P. 304 – 316. doi:10.1111/jasp.12506.

9. González-Rivera J. Segura-Abreu L., Urbistondo V. Phubbing en las relaciones románticas: Uso del celular, satisfacción en la pareja, bienestar psicológico y salud mental. *Interacciones*. 2018. Vol. 4 (2). P. 81 – 91. DOI: 10.24016/2018.v4n2.117

10. Karadağ E., Tosuntaş Ş.B., Erzen E., et al. Determinants of phubbing, which is the sum of many virtual addictions: A structural equation model. *Journal of Behavioral Addictions*. 2015. Vol. 4 (2). P. 60 – 74. DOI:10.1556/2006.4.2015.005

11. Kryukova T.L., Ekimchik O.A. A Russian adaptation of MIMARA or Multi-Item Measure of Adult Romantic Attachment, K.A. Brennan and P.R. Shaver, 1995. *International Journal of Psychology*. 2016. Vol. 51. P. 982. DOI:10.1002/ijop.12345

12. Leggett C., Rossouw P.J. The impact of technology use on couple relationships: A neuropsychology perspective. *International Journal of Neuropsychotherapy*. 2014. Vol. 2 (1). P. 44 – 99. DOI:10.12744/ijnpt.2014.0044-0099

13. McDaniel B.T., Drouin M. Daily technology interruptions and emotional and relational well-being. *Computers in Human Behavior*. 2019. Vol. 99. P. 1 – 8. DOI: 10.1016/j.chb.2019.04.027

14. Park H., Choi E. Smartphone addiction and depression: The mediating effects of self-esteem and resilience among middle school students. *Journal of Korean Academy of Community Health Nursing*. 2017. No. 28 (3). P. 280 – 290.

15. Roberts J.A., David M.E. My life has become a major distraction from my cell phone: Partner phubbing and relationship satisfaction among romantic partners. *Computers in Human Behavior*. 2016. Vol. 54. P. 134 – 141. DOI: 10.1016/j.chb.2015.07.058.

16. Stieger S., Burger C. Implicit and explicit self-esteem in the context of internet addiction. *Cyberpsychology, Behavior, and Social Networking*. 2010. No. 13 (6). P. 681 – 688. DOI:10.1089/cyber.2009.0426

17. Wang X., Xie X., Wang Y., Wang P., Lei L. Partner depression and depression among married Chinese adults: the roles of relationship satisfaction and relationship length. *Personality and Individual Differences*. 2017. Vol. 110. P. 12 – 17. DOI:10.1016/j.paid.2017.01.014

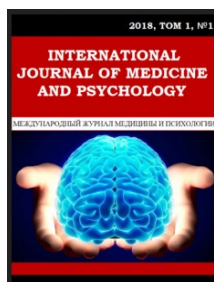
18. Yam F.C. Investigation on the perceived partner phubbing levels of individuals in terms of some variables. *International Symposium of Scientific Research and Innovative Studies*. Bandrma, Turkey, 2021. P. 2083 – 2093.

Информация об авторах

Шашкова М.И., Уральский государственный педагогический университет, mariashashkova26@mail.ru

Курочкина И.А., кандидат психологических наук, доцент, Уральский государственный педагогический университет, superquen@yandex.ru

© Шашкова М.И., Курочкина И.А., 2025

Научно-исследовательский журнал «International Journal of Medicine and Psychology / Международный журнал медицины и психологии»

<https://ijmp.ru>

2025, Том 8, № 4 / 2025, Vol. 8, Iss. 4 <https://ijmp.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.3.1. Общая психология, психология личности, история психологии (психологические науки)

УДК 611.08

¹ Ягудин Д.Р.,

² Павлова И.В.,

¹ доктор психологических наук, клинический психолог, автор метода «Нейродинамического восстановления» Психологии нейродинамического нарушения в психической деятельности, председатель правления НКО «Единство»,

² Славяно-греко-латинская академия, психолог, коуч, специалист в направлении «Психология нейродинамического нарушения в психической деятельности и механизма эмпатии»

Концепция нейроинтуиции и ее активация в режиме подсознательного мышления

Аннотация: в статье актуализируется проблематика нейроинтуитивного познания как процесса, операциональной особенностью которого являются возникающие ощущения, совпадающие с критериями правильности одномоментного личностного осознания. Автор подходит к описанию процесса протеканий нейроинтуиции посредством механизмов подсознательного режима мышления, не до конца изученным механизмам в работе головного мозга и особенностям нейротрансмиссии. В статье акцентируется внимание автора на существовании специфических средств передачи информации о конкретных ощущениях, для трансляции которых необходим невербальный импульс, который определен автором как средство передачи непосредственного постижения ощущения в конкретном материально-пространственно-временном континууме, где все вышеуказанные составляющие взаимосвязаны, взаимообусловлены, объединены и взаимотносительны. В статье предложено видение нейропсихологических и нейрофизиологических основ нейроинтуиции, сформулировано авторское понятие определения нейроинтуиции как специфической формы активизации знаний и путей их реализации в процессе решения поставленной задачи, в рамках которой обработка, трансляция и использование информации происходят на основе регуляции посредством ощущений, впечатлений, ассоциативного реагирования и не нуждаются в сознательном контроле. В статье рассмотрены физиологические доминантные основы и специфика нейротрансмиссии в процессе проявления нейроинтуиции. Автором предложена концепция нейроинтуиции как феномена подсознательного режима мышления. Нейроинтуиция рассматривается как процесс, терминальным продуктом которого являются ощущение, чувство, необходимые для автоматического принятия решений, суждений, паттернов действия.

Ключевые слова: нейроинтуиция, физиологические основы, нейротрансмиссия, доминанта, концепция нейроинтуиции, подсознательное чувство, подсознательный режим мышления, нейроинтуитивное поведение, нейроимпульс

Для цитирования: Ягудин Д.Р., Павлова И.В. Концепция нейроинтуиции и ее активация в режиме подсознательного мышления // International Journal of Medicine and Psychology. 2025. Том 8. № 4. С. 92 – 97.

Поступила в редакцию: 5 февраля 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 3 апреля 2025 г.; Принята к публикации: 22 мая 2025 г.

¹ **Yagudin D.R.,**

² **Pavlova I.V.,**

¹ *Doctor of Psychological Sciences (Advanced Doctor), Clinical Psychologist,
Author of the method of "Neurodynamic recovery"*

Psychology of neurodynamic disorders in mental activity Chairman of the Board of the NSO "Unity"

² *Slavic-Greek-Latin Academy,*

*Psychologist, Mindset Coach, Specialist in the field of "Psychology of Neurodynamic
disorders in mental activity and the mechanism of empathy"*

The concept of neurointuition and its activation in the subconscious thinking mode

Abstract: the article actualizes the problematic of neurointuitive cognition as a process, the operational feature of which is the emerging sensations that coincide with the criteria for the correctness of one-time personal awareness. The author approaches the description of the process of neurointuition through the mechanisms of the subconscious mode of thinking, not fully understood mechanisms in the work of the brain and the features of neurotransmission. The article focuses the author's attention on the existence of specific means of transmitting information about specific sensations, for the transmission of which a non-verbal impulse is necessary, which is defined by the author as a means of transmitting direct comprehension of a sensation in a specific material-space-time continuum, where all the above components are interconnected, interdependent, united and interrelative. The article offers a vision of the neuropsychological and neurophysiological foundations of neurointuition, formulates the author's concept of defining neurointuition as a specific form of knowledge activation and ways of their implementation in the process of solving a given problem, within which processing, transmission and use of information occur on the basis of regulation through sensations, impressions, associative response and do not require conscious control. The article examines the physiological dominant foundations and specificity of neurotransmission in the process of manifestation of neurointuition. The author proposes the concept of neurointuition as a phenomenon of the subconscious mode of thinking. Neurointuition is considered as a process, the terminal product of which is sensation, feeling, necessary for automatic decision-making, judgments, patterns of action. The practical contribution of the author is the contribution to the development of the concept of neurointuition, as well as the fact that the process of manifestation of neurointuition allows a person to see and perceive the task and solution as a whole, excluding conscious control and logic of reasoning. Thanks to this, it becomes possible to produce a response to a request in the shortest possible time. The development of sensory experience and the systematic wide use of the senses in activities allows for the improvement and development of neurointuitive capabilities.

Keywords: neurointuition, physiological basis, neurotransmission, dominant, concept of neurointuition, subconscious feeling, subconscious mode of thinking, neurointuitive behavior, neuroimpulse

For citation: Yagudin D.R., Pavlova I.V. The concept of neurointuition and its activation in the subconscious thinking mode. International Journal of Medicine and Psychology. 2025. 8 (4). P. 92 – 97.

The article was submitted: February 5, 2025; Approved after reviewing: April 3, 2025; Accepted for publication: May 22, 2025

Введение

Зачастую в процессе жизнедеятельности мы сталкиваемся с тем, что нам не хватает вербальных средств для того, чтобы описать возникающие ощущения. Практически каждый второй человек когда-либо испытывал желание передать словами опыт проживаемых ощущений, в особенности если таковой, в той или иной мере, представлял собой нечто новое или исключительно особенное, не характерное для процессов повседневной бытийности [2; 10]. И, действительно, описать словесно ощущения этого процесса или, что еще важнее, процесса сверхскорости и сверхточности принятого решения для поставленной осознанной задачи,

совпадающего с критериями правильности одномоментного личностного осознания, представляет собой естественную трудность. Эта естественная трудность не является результатом недостаточности вербальных средств передачи информации в опыте конкретной личности. Она является лишь посылом к тому, чтобы признать существование в природе мира иных средств передачи именно информации о конкретных ощущениях, для трансляции которых необходим иной импульс, нежели вербальный [4]. Назовем этот импульс средством передачи непосредственного постижения ощущения в конкретном материально-пространственно-временном континууме, где все вышеуказанные

составляющие взаимосвязаны, взаимообусловлены, объединены и взаимоотношительны [5].

Материалы и методы исследований

Исследование психологических и физиологических основ нейроинтуиции как специфического инструмента освоения информации и взаимодействия с окружающим пространством входит в методологию формирования интуитивного социального поведения личности на основе фиксации особой активности головного мозга при восприятии личностью условий создания поведенческого паттерна планирования поведенческих реакций в рамках подсознательного режима мышления: срочной необходимости идентификации ощущений, правильности поступающей извне информации, решений и взаимодействий, благодаря которым возникающие задачи имеют возможность быть решенными благодаря особым, до конца еще не изученным и малоизвестным механизмам в работе головного мозга и особенностям нейротрансмиссии. Эти механизмы обеспечивают поведение и деятельность личности, обуславливая их качественную специфику достижения результативности [3].

Возрастающая роль исследований в сфере нейроинтуитивного познания предопределила разработку концепции нейроинтуиции и путей ее активации в режиме подсознательного мышления на основе изучения функционального потенциала материальных структур мозга для повышения эффективности принятия решений. Значимость специфики нейроинтуитивного воздействия в процессе исследования нейрофизиологических и формирования нейропсихологических механизмов нейроинтуитивного поведения определяется тем, что совокупность этих механизмов начинает выступать как основа или материальная структура обеспечения феномена нейроинтуиции, в условиях совершенствования которой обеспечиваются функциональность, правильность и оригинальность личностных решений.

Совокупность определенных поведенческих реакций личности в процессе нейроинтуитивного поведения «наслаивается» на материальные структуры головного мозга [9], опосредуя тем самым широкую вариативность проявления единых нейрофизиологических и нейропсихологических механизмов. Эти механизмы, в свою очередь, выступают «катализатором», а в последующем и факсилитатором усвоения навыков нейроинтуитивного поведения.

Результаты и обсуждения

Феномен непосредственного постижения ощущений правильности выбранного решения в настоящее время уже устойчиво признается зако-

номерной формой познания окружающей действительности и проявления взаимодействия с ней, не исключая, тем не менее, активизацию ранее приобретенного знания, опыта, логического мышления и практики, используемых задолго до формирования способности активизировать конкретные нейронные связи, в процессе которых мозг начинает учиться выдавать верную реакцию без аналитической обработки и процессов логического мышления [3, 8].

Основу такого феномена, с нашей точки зрения, составляют *neural nexum* (нейронная связь) и *intueri* (посмотри на...). В этой концепции одномоментного видения правильного решения и подсознательно распознанного его истинного, *intueri*, как раз, и будет означать «посмотреть на задачу целиком», а не размышлять над логической разбивкой пути достижения цели на подзадачи и постепенно предпринимаемые шаги, которые могут не только сделать путь достижения цели намного длиннее и сложнее, но и даже на каком-то этапе привести к умозаключению о невозможности этого достижения, в результате чего могут возникать неуверенность в собственных силах и отказ от желаемой цели. Логическое планирование, полезность которого в разумных пределах является обоснованной и это, конечно же, следует признать, может тормозить человека на обычных путях познания, лишая его возможности применять свой накопленный опыт и знания, сублимируя перенос всего богатства навыков в другие сферы со 100%-м исходом успеха. Логическое размышление, растянутое во временном континууме, с большей вероятностью будет выводить человека на осознание и признание недостаточности ресурсов, опыта и знаний для желаемой задачи или цели. Хотя зачастую так случается, что нейроимпульс срабатывает уже на этапе восприятия сигнала от наших органов чувств, *intueri* включено и видит задачу в ее целостности, связанности именно с внешним пространством – *inspice* (смотри пристально). С нашей точки зрения *inspice* может быть охарактеризовано как *подсознательное чувствование организации пространства*, ориентированного именно для успешного решения той задачи, которая воспринята целостно. По сути, задача уже решена, решение принято и подключать к чувствованию непосредственного постижения ощущения процесс логического мышления уже нет необходимости: информация еще не достигла сознания, но решение готово или принято.

Intueri здесь следует понимать как проявление интуитивного чувствования, интуиции. Взаимосвязь, взаимодействие и взаимодополнение *intueri*

и *inspice* – уже как нейроинтуицию, основанную на чувствовании импульсов окружающего пространства. В контексте этой взаимосвязи *intueri* позволяет видеть поставленную задачу в ее целостности, а *inspice* – увидеть выстроенные, уже готовые, пути решения еще до того, как потребуются вмешательство сознания. Таким образом, под *нейроинтуицией* будем понимать специфическую форму активизации знаний и путей их реализации в процессе решения поставленной задачи, в рамках которой обработка, трансляция и использование информации происходят на основе регуляции посредством ощущений, впечатлений, ассоциативного реагирования и не нуждаются в сознательном контроле.

Говоря о физиологических проявлениях нейроинтуиции, считаем правомерным отметить, что физиологической основой данного феномена можно назвать доминанту А.А. Ухтомского [6, 7]. Эта доминанта была открыта ученым на основе его исследований, касающихся сосредоточения нейроэнергии в коре головного мозга, а, точнее, в каком-либо одном определенном участке мозга. Задействованный при сосредоточении нейронной энергии участок мозга удовлетворяет естественную потребность организма человека, будь то либо конкретная новая деятельность, непонятное до данного времени явление окружающей действительности и др. Что наиболее важно, данная доминанта относится к разряду «высших», возникает в коре головного мозга и составляет физиологическую основу акта внимания и нейропсихологии мышления.

Необходимо отметить, что на формирование доминанты оказывает воздействие повышенное возбуждение нейронов и систематическое выполнение действий, подкрепляющих возбуждение нейронов, входящих в состав доминанты. Иными словами, нейроинтуитивное поведение формирует потребность головного мозга «предвидеть» и «предвосхищать» последующие события. Физиологические основы этих реакций обуславливают быструю и целостную оценку, которая основана на тонких перцептивных сигналах, автоматических процессах передачи электрического импульса в системе быстрой оценки и реагирования. В результате этого обеспечивается формирование навыка подсознательного мышления и внесознательного контроля в процессе решения задач, которые ставит перед собой личность.

Концептуальный подход к описанию и исследованию феномена нейроинтуиции, с нашей точки зрения, включает следующие концептуальные основания:

- нейроинтуиция – специфический нейропсихологический и физиологический процесс одновременного общего и внутреннего видения результатов подсознательного анализа, исключающий до-аналитическое осмысливание окружающих явлений, вещей;

- процесс нейроинтуиции включает в себя такие этапы, как: 1) оперирование информацией (знаниями), находящимися в долгосрочной памяти, приобретаемыми в рамках ассоциативного познания и чувствования; 2) автоматическая моментальная обработка информации, поступающей извне; 3) нейротрансмиссия без аналитической обработки поступающей информации в контексте подсознательного мышления;

- терминальным продуктом процесса нейроинтуиции является ощущение, чувствование, являющиеся, в свою очередь, необходимыми для автоматически принятых решений, суждений, паттернов действия;

- нейроинтуиция является функционально компенсаторнообразующей, ее можно рассматривать как основу рационального чувствования и мышления;

- результатом «работы» нейроинтуиции является формирование нейросети, функциональной единицей которой выступает электрический импульс или прямое электрическое воздействие через щелевые контакты, преимущество которых состоит в том, что сигнал передается без задержки, что хоть и является возможным при условии величины межклеточного пространства не более 2 нм;

- в основе проявления нейроинтуиции лежит формирование доминантного очага, который, в свою очередь, «стягивать» внешние раздражители и использовать их в режиме подсознательного мышления; при развитии нейроинтуиции данный очаг/система очагов становится достаточно стойким в пространственно-временном континууме;

- концепт «импульс и энергия «текут» туда, куда направлено внимание» является фактором образующим воздействием при формировании нейронного пути и прочной нейронной связи.

Выводы

Подводя итоги статьи, еще раз отметим ключевые моменты изложенного:

Intueri и *inspice*, «посмотри на...» и «посмотри пристально», выступают как важнейшие взаимодополняемые и взаимообусловленные структурные компоненты нейроинтуиции. *Inspice* характеризуется как *подсознательное чувствование организации пространства*, ориентированного для решения какой-либо задачи, которая воспринята целостно. *Intueri* следует понимать как проявление

интуитивного чувствования, интуиции. Взаимосвязь, взаимодействие и взаимодополнение *intueri* и *inspice* – следует рассматривать уже как нейроинтуицию, основанную на чувствовании импульсов окружающего пространства. В контексте этой взаимосвязи *intueri* позволяет видеть поставленную задачу в ее целостности, а *inspice* – увидеть выстроенные, уже готовые, пути решения еще до того, как потребуются вмешательство сознания.

Определение понятия «нейроинтуиция» включает в себя специфическую форму активизации знаний и путей их реализации в процессе решения поставленной задачи, в рамках которой обработка, трансляция и использование информации происходят на основе регуляции посредством ощущений, впечатлений, ассоциативного реагирования и не нуждаются в сознательном контроле. Это говорит о том, что активизация ранее приобретенного знания, опыта, логического мышления и практики, используемых задолго до формирования способности активизировать конкретные нейронные связи, в процессе которых мозг начинает учиться выдавать верную реакцию без аналитической обработки и процессов логического мышления.

Терминальным продуктом результативного проявления нейроинтуиции является ощущение, чувствование, являющиеся, в свою очередь, необходимыми для автоматического принятия решений, суждений, паттернов действия.

Проявление феномена нейроинтуиции основывается на возникновении и устойчивом проявлении в последующем доминантного очага, способного кодифицировать внешние раздражители в режиме подсознательного мышления как необходимые для формирования интуитивного опыта действия. В результате этого образуется совокупность связей или нейросеть, в основе которых приоритетная позиция в рамках нейротрансмиссии отводится электрическим импульсам, основное и важное преимущество которых определяется передачей сигнала без задержки.

Таким образом, нейроинтуиция, как физиологический инструмент подсознательного режима мышления, позволяет осуществлять обработку информации окружающего внешнего и внутреннего пространств посредством эмоционального, ассоциативного восприятия, чувствования и ощущений. Процесс проявления нейроинтуиции позволяет человеку увидеть и воспринять задачу и решение целиком, исключая сознательный контроль и логику рассуждений. Благодаря этому становится возможным продуцирование реакции на запрос в кратчайшие временные промежутки. Развитие сенсорного опыта и систематическое широкое использование органов чувств в деятельности позволяет совершенствоваться и развивать нейроинтуитивные возможности.

Список источников

1. Арипова Д.А., Иванова Р.П. Когнитивная структура концепта intuition // Вестник Северо-Восточного федерального университета им. М.К. Аммосова. 2019. № 2 (70). С. 74 – 84.
2. Бакулин И.С., Пойдашева А.Г., Медынцев А.А., Лагода Д.Ю., Кремнева Е.И., Легостаева Л.А., Синицын Д.О., Супонева Н.А., Пирадов М.А. Нейробиологические основы инсайта (решение задач озарением) // Успехи физиологических наук. 2020. Т. 51. № 1. С. 72 – 86.
3. Бекоева Д.Д. Нейропсихология мышления и искусственный интеллект // Педагогика и психология образования. 2022. № 3. С. 175 – 185.
4. Моисеева Л.А., Соловьева Е.В. Психологические и нейрофизиологические аспекты феномена интуиции // Человек. Искусство. Вселенная. 2016. № 1. С. 170 – 182.
5. Степухина М.В., Харьковская О.А. Проблема интуиции в философии и психологии // Инновационная наука. 2019. № 7-8. С. 132 – 136.
6. Ухтомский А.А. Доминанта как рабочий принцип нервных центров // Собрание сочинений. Л., 1960. Т. 1. С. 163 – 173.
7. Ухтомский А.А. Доминанта как фактор поведения // Доминанта. СПб.: Питер, 2002. С. 113 – 150.
8. Хохлов Н.А., Федорова Е.Д. Нейропсихология бессознательного: современное состояние проблемы // Национальный психологический журнал. 2021. № 1 (41). С. 127 – 148.
9. Шукуров Ф.А., Халимова Ф.Т. Лекции по нормальной физиологии. Лекция 4. Нейрон как структурная единица ЦНС, их классификация. Особенности проведения возбуждения по ЦНС // Биология и интегративная медицина. 2023. №1. С. 17 – 26.
10. Tik M., Sladky R., Luft C.D.B. et al. Ultra-high-field fMRI insights on insight: Neural correlates of the Aha!-moment // Hum. Brain. Mapp. 2018. Vol. 39. № 8. P. 3241 – 3252.

References

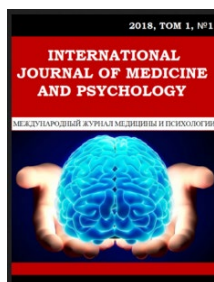
1. Aripova D.A., Ivanova R.P. Cognitive structure of the concept of intuition. Bulletin of the North-Eastern Federal University. M.K. Ammosova. 2019. No. 2 (70). P. 74 – 84.
2. Bakulin I.S., Poydasheva A.G., Medyntsev A.A., Lagoda D.Yu., Kremneva E.I., Legostaeva L.A., Sinitsyn D.O., Suponeva N.A., Piradov M.A. Neurobiological foundations of insight (solving problems with insight). Advances in physiological sciences. 2020. T. 51. No. 1. P. 72 – 86.
3. Bekoeva D.D. Neuropsychology of thinking and artificial intelligence. Pedagogy and psychology of education. 2022. No. 3. P. 175 – 185.
4. Moiseeva L.A., Solovieva E.V. Psychological and neurophysiological aspects of the phenomenon of intuition. Man. Art. Universe. 2016. No. 1. P. 170 – 182.
5. Stepukhina M.V., Kharkova O.A. The problem of intuition in philosophy and psychology. Innovative science. 2019. No. 7-8. P. 132 – 136.
6. Ukhomsky A.A. Dominant as a working principle of nerve centers. Collected Works. L., 1960. Vol. 1. P. 163 – 173.
7. Ukhomsky A.A. Dominant as a behavior factor. Dominant. SPb.: Piter, 2002. P. 113 – 150.
8. Khokhlov N.A., Fedorova E.D. Neuropsychology of the unconscious: the current state of the problem. National Psychological Journal. 2021. No. 1 (41). P. 127 – 148.
9. Shukurov F.A., Khalimova F.T. Lectures on Normal Physiology. Lecture 4. Neuron as a structural unit of the central nervous system, their classification. Features of excitation conduction through the central nervous system. Biology and integrative medicine. 2023. No. 1. P. 17 – 26.
10. Tik M., Sladky R., Luft C.D.B. et al. Ultra-high-field fMRI insights on insight: Neural correlates of the Aha!-moment. Hum. Brain. Mapp. 2018. Vol. 39. No. 8. P. 3241 – 3252.

Информация об авторах

Ягудин Д.Р., доктор психологических наук, клинический психолог, автор метода «Нейродинамического восстановления» Психологии нейродинамического нарушения в психической деятельности; председатель правления НКО «Единство», dr.yagudin@mail.ru

Павлова И.В., аспирант, Славяно-греко-латинская академия; психолог, коуч, специалист в направлении «Психология нейродинамического нарушения в психической деятельности и механизма эмпатии»

© Ягудин Д.Р., Павлова И.В., 2025

Научно-исследовательский журнал «International Journal of Medicine and Psychology / Международный журнал медицины и психологии»

<https://ijmp.ru>

2025, Том 8, № 4 / 2025, Vol. 8, Iss. 4 <https://ijmp.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.3.1. Общая психология, психология личности, история психологии (психологические науки)

УДК 159.963.35

¹ Долгов М.А.,

¹ Попова Ю.И.,

¹ Кубанский государственный университет

Возможность применения осознанных сновидений для психологической саморегуляции

Аннотация: осознанные сновидения определяются как сны, в которых человек осознаёт, что спит, и при этом продолжает видеть сон, что даёт полный контроль над содержанием сновидения. Исследовано влияние осознанных сновидений на настроение в течение следующего дня. Выявлена зависимость степени улучшения настроения в течение следующего дня от направления применения осознанного сна. Изучено влияние систематической практики осознанных снов на ощущение психологического благополучия в жизни в целом. В отличие от других подобных исследований, впервые использован новый значительно более эффективный метод индукции осознанных снов, который также, в отличие от применяемого ранее метода, позволяет вернуться в осознанный сон в случае его завершения и таким образом пережить множество осознанных снов за одну ночь. Добавлено для сравнения влияние творческого применения осознанных снов на настроение в течение следующего дня. Применена более понятная оценочная шкала настроения в течение следующего дня. Использован более полный список вопросов для определения влияния осознанных снов на ощущения психологического благополучия в жизни в целом. В результате показано, что применение осознанных снов для любой цели улучшает настроение в течение следующего дня после осознанного сна, причём в наибольшей степени улучшению настроения способствует реализация желаний в осознанном сне, поэтому не следует пренебрегать развлекательным применением осознанных снов. Также показано, что систематическая практика осознанных снов повышает ощущение психологического благополучия в жизни в целом. Таким образом, практика осознанных сновидений может быть использована как эффективное средство психологической саморегуляции, не требующее специальных затрат времени.

Ключевые слова: осознанные сновидения, REM-психология, психологическая саморегуляция, психологическое благополучие, настроение, метод осознанного сна, вызванного выходом из сна, DEILD, попытка диссоциации и техника циклирования в непрямом методе, DCIM

Для цитирования: Долгов М.А., Попова Ю.И. Возможность применения осознанных сновидений для психологической саморегуляции // International Journal of Medicine and Psychology. 2025. Том 8. № 4. С. 98 – 106.

Поступила в редакцию: 6 февраля 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 4 апреля 2025 г.; Принята к публикации: 22 мая 2025 г.

¹ Dolgov M.A.,

¹ Popova Yu.I.,

¹ Kuban State University

The possibility of using lucid dreams for psychological self-regulation

Abstract: a lucid dream is defined as a dream in which the person realizes that they are dreaming and continues to dream; this gives them full control over the content of the dream. We investigated how lucid dreams effect mood the next day. The dependence of the improvement of mood the next day on the application of lucid dreaming was revealed. The effect of the systematic practice of lucid dreams on the general sense of psychological well-being

was studied. Unlike other similar studies, a new and much more effective method for inducing lucid dreams was used, which, also unlike the previously used method, makes it possible to return to a lucid dream after it is over and experience multiple lucid dreams in one night. For comparison, the effect of the creative application of lucid dreams on mood the next day was added. A more understandable scale for rating mood the next day was used. A more comprehensive list of questions was used to determine the effect of lucid dreams on the general sense of psychological well-being. It was shown that using lucid dreams for any purpose improves mood the day after having a lucid dream, with the greatest improvement in mood being promoted by the realization of wishes in a lucid dream; therefore, the recreational use of lucid dreams should not be neglected. It was also shown that the systematic practice of lucid dreaming increases the general sense of psychological well-being. Thus, the practice of lucid dreaming can be used as an effective means of psychological self-regulation without requiring any special expenditure of time.

Keywords: lucid dreams, REM-psychology, psychological self-regulation, psychological well-being, mood, dream exit induced lucid dream, DEILD, dissociation attempt and cycling techniques in indirect method, DCIM

For citation: Dolgov M.A., Popova Yu.I. The possibility of using lucid dreams for psychological self-regulation. International Journal of Medicine and Psychology. 2025. 8 (4). P. 98 – 106.

The article was submitted: February 6, 2025; Approved after reviewing: April 4, 2025; Accepted for publication: May 22, 2025

Введение

В современном Мире значительной проблемой является сочетание психологической перегрузки из-за скорости поступления новой информации, нехватки времени на изучение этой информации и необходимости применения этой новой информации уже сегодня. В свою очередь, хроническое отсутствие времени, в том числе, на качественный отдых, равно как и отсутствие времени на применение классических методов психологической саморегуляции, например, на медитацию, приводит к эмоциональному выгоранию и, как следствие, отказу от выбранной профессии. Причём эмоциональное выгорание в наибольшей степени и в наиболее короткие сроки проявляется у наиболее ответственных и перспективных специалистов.

В этой связи актуальной является разработка метода психологической саморегуляции, не требующего специального выделения времени на его реализацию. В качестве такого метода нами было предложено использование осознанных сновидений для психологической саморегуляции.

Значимость осознанных сновидений и возможностей, которые они предоставляют, была нами подробно описана в нашей публикации о сравнении эффективности различных методов индукции осознанных сновидений [4].

Целью настоящего исследования было не только определить степень влияния осознанных сновидений на психологическое благополучие человека, но и выявить какие направления применения осознанных сновидений в наибольшей степени способствуют улучшению настроения в течение следующего дня.

Данное исследование имеет ряд преимуществ перед уже опубликованными:

1. Использован новый значительно более эффективный метод индукции осознанных снов, впервые опубликованный в 2021 году и имеющий эффективность более 50% [6, 10, 14], в то время как во всех опубликованных исследованиях влияния осознанных снов на настроение в течение следующего дня и на ощущение психологического благополучия в жизни в целом использовался другой метод, средняя эффективность которого составляет 20% [2, 3, 5, 7, 11, 12].

2. Добавлена для сравнения степень влияния осознанных снов на настроение в случае применения осознанных снов для творчества.

3. Использована значительно более понятная оценочная шкала, предлагаемая участникам опроса, с целью исключения возможности неверного понимания вопроса.

4. Вопросы для определения ощущения психологического благополучия в жизни в целом объединены из разных опубликованных исследований для более полного понимания.

Материалы и методы исследований

Во всех опубликованных исследованиях влияния практики осознанных снов на настроение и ощущение психологического благополучия [6, 10, 14] использовался метод мнемонической индукции осознанных сновидений (mnemonic induction of lucid dreams) (MILD). Метод состоит в том, что человек перед сном вспоминает любой свой сон и при этом представляет, что в этом сне понимает, что это сон. Затем он формирует намерение сегодня ночью во сне осознать, что это сон. Затем снова вспоминает любой свой сон, представляя, что

этот сон осознанный. Затем снова формирует намерение сегодня ночью осознать себя во сне. И так в цикле [3].

Эффективность данного метода составляет около 20% [2, 3, 5, 7, 11, 12] или, как выражаются некоторые авторы [1], «40% за две ночи». То есть в среднем каждую пятую ночь человек понимал во сне, что это сон. До недавнего времени этот метод являлся самым эффективным методом индукции осознанных снов.

В 2021 году впервые было опубликовано исследование эффективности нового метода индукции осознанных снов, называемого «попытка диссоциации и техника циклирования в непрямом методе» (dissociation attempt and cycling techniques in indirect method) (DCIM), который также имеет название «метод осознанного сна, вызванного выходом из сна» (dream exit induced lucid dream) (DEILD). Эффективность данного метода составляет 58% [9].

Данный метод состоит в том, чтобы сначала перед засыпанием сформировать намерение начать выполнять специальные когнитивные техники в первые секунды после пробуждения. Затем сразу после пробуждения, не совершая физических движений и не открывая глаза, сначала представить взлёт, падение или вставание. Если в течение 5 секунд это не вызывает ощущения разделения с телом, то в течение следующей минуты нужно по 3-10 секунд усиленно представлять различные действия, которые в повседневной жизни вызывают яркие вестибулярные, моторные, зрительные и тактильные ощущения: плавание либо вращение вокруг своей оси, либо ощупывание и одновременное разглядывание предметов с близкого расстояния около 15 сантиметров. Если любое из этих представлений вызывает любое новое ощущение: тактильное, слуховое, вестибулярное, то нужно в следующие несколько секунд продолжать представлять именно это действие, не переключаясь на другое, чтобы усилить ощущения, а затем, спустя несколько секунд, встать с кровати так же, как человек обычно встаёт утром – и это вставание с высокой вероятностью произойдёт не физическим телом, а в сновидении. Но за счёт прикладываемой энергии в процессе выполнения данного метода и концентрации внимания на его выполнении человек сохранит при этом понимание, что это сон. Если спустя минуту после пробуждения данные действия не привели к результату, то следует прекратить их выполнение и заснуть с намерением выполнять те же когнитивные техники сразу после следующего пробуждения [9].

Причём каждая даже «неудачная» попытка выполнения данного метода повышает вероятность

успешности попыток на следующих пробуждениях. Более того, частое применение данного метода на пробуждениях, даже если оно было «неудачным», значительно повышает вероятность спонтанных осознаний во снах в следующие ночи, для которых человек, казалось бы, ничего специально не делал [9].

Также данный метод, в отличие от метода мнемонической индукции осознанных сновидений (MILD), позволяет совершить повторный вход в осознанный сон в момент пробуждения из осознанного сна, благодаря чему можно пережить множество осознанных снов за одно утро [9].

Таким образом, метод «попытка диссоциации и техника циклирования в непрямом методе» (DCIM) не только значительно превосходит метод мнемонической индукции осознанных сновидений (MILD) по эффективности, но и даёт возможность возвращения в осознанный сон в случае его прекращения. Именно данный метод использовался для индукции осознанных снов в нашем исследовании.

В нашем исследовании принимали участие 47 студентов, которые были предварительно обучены практике осознанных сновидений по методу «попытка диссоциации и техника циклирования в непрямом методе» (dissociation attempt and cycling techniques in indirect method) (DCIM), также известному под названием «метод осознанного сна, вызванного выходом из сна» (dream exit induced lucid dream) (DEILD) [9]. Среди участников 54% мужчин и 46 % женщин. Возраст участников составлял от 18 до 28 лет, средний возраст $22,1 \pm 3,3$ года.

Опрос проводился дистанционно посредством личных электронных сообщений, отправляемых каждому участнику. Такой выбор способа сбора данных позволил предоставить каждому участнику возможность задать любое количество любых уточняющих вопросов, если таковые возникнут – об этой возможности было дополнительно сказано в рассылаемых сообщениях. Целью предоставления такой возможности было максимально точное понимание участниками вопросов и, как следствие, повышение достоверности результатов опроса. Поскольку, как показывает практика, даже, казалось бы, максимально однозначные формулировки люди могут воспринимать огромным количеством самых невероятных способов.

В ходе опроса участникам был задан вопрос, для каких целей они используют осознанные сновидения и как эти направления использования влияют на их настроение в течение следующего дня. Также был задан ряд вопросов о влиянии

практики осознанных сновидений на ощущение психологического благополучия в жизни в целом.

Для опроса была использована анкета, подобная применяемой в исследовании Тадаса Стамбриса [14], отличающаяся тем, что к ней был добавлен пункт о применении осознанных сновидений для творчества. Участников просили указать (в процентах, в сумме до 100%), насколько часто они применяют осознанные сновидения для каждой из предложенных девяти целей, причём последний вариант был открытым, то есть позволял вписать свою цель. Были предложены следующие варианты целей на осознанный сон:

1. Исполнение желаний (например, полёт).
2. Тренировка двигательных навыков (например, занятия спортом или игра на музыкальном инструменте).
3. Нахождение решения проблем повседневной жизни (например, обращение за советом к персонажам сновидений).
4. Преодоление страхов или кошмаров (например, преодоление страха высоты путём нахождения на высоте с пониманием, что в сновидении человеку ничего не угрожает).
5. Трансцендентный опыт (например, ощущение единения с Природой).
6. Творчество (например, намерение услышать новую музыку).
7. Медитация (например, углубление медитации с помощью осознанного сна).
8. Избавление от психологических проблем (например, перепросмотр произошедших событий, но с другим более позитивным сценарием).
9. Другое (свой вариант).

Помимо указания цели осознанных снов, участников просили указать, как применение осознанного сна для этой цели повлияло на их настроение в течение следующего дня по пятибалльной шкале, подобно тому, как это было сделано в исследовании Тадаса Стамбриса [14], но с двумя отличиями.

Первое отличие состоит в том, что рассчитываемые средние значения округлялись до сотых долей, а не до десятых, с целью исключить получение одинаковых средних значений для разных пунктов, как это было с несколькими пунктами в исследовании Тадаса Стамбриса [14].

Второе отличие состоит в том, что вместо пятибалльной шкалы из исследования Тадаса Стамбриса, где 1 – очень положительно, 2 – положительно, 3 – нейтрально, 4 – отрицательно, 5 – очень отрицательно, была применена более интуитивно понятная пятибалльная шкала, в которой

отсутствие влияния на настроение принято за 0, положительное влияние обозначается положительными цифрами, а отрицательное влияние – отрицательными цифрами.

Чтобы оценить влияние каждого направления применения осознанного сна на настроение участника в течение следующего дня, участникам опроса предлагалось выбрать один из 5 вариантов, в которых был указан балл и описание его значения:

- 2 – очень положительно;
- 1 – положительно;
- 0 – нейтрально (никак не повлияло);
- минус 1 – отрицательно;
- минус 2 – очень отрицательно.

Более интуитивно понятная шкала позволяет, во-первых, исключить неверное понимание вопроса участниками опроса, а, во-вторых, исключить неверное понимание результата опроса теми, кто будет читать результаты данного опроса.

Для определения степени влияния практики осознанных сновидений на психологическое благополучие в жизни в целом, а не только в дни после осознанных сновидений, были использованы вопросы из исследования Дэниела Эрлахера [6], дополненные вопросами из исследования Ланы Саквилл [10].

Участников просили ответить, насколько они согласны со следующими утверждениями:

- Осознанные сновидения помогали мне, когда я чувствовал себя подавленным.
- Осознанные сновидения способствуют моему психологическому благополучию.
- Осознанные сновидения помогают мне преодолевать трудности.
- Осознанные сновидения сделали мою жизнь лучше.

Результаты и обсуждения

По результатам опроса, исполнение желаний оказалось наиболее частым применением осознанных снов – его указали 87% опрошенных, сообщив, что применяют осознанные сны для этой цели в среднем в 51% случаев.

Выявлено, что все без исключения направления применения осознанных снов положительно влияли на настроение в течение следующего дня. При этом наибольшее улучшение настроения наблюдалось после исполнения желаний, что позволяет объяснить, почему исполнение желаний является самым популярным применением осознанных сновидений.

Результаты опроса представлены в табл. 1 и на рис. 1, 2 и 3.

Рис. 1. Доля людей, использующих осознанные сны для различных целей.

Fig. 1. Proportion of people using lucid dreams for various purposes.

Рис. 2. Частота использования осознанных снов для различных целей.

Fig. 2. Frequency of using lucid dreams for different purposes.

Рис. 3. Степень улучшения настроения в течение следующего дня после применения осознанных сновидений для различных целей: 2 – очень положительно, 1 – положительно, 0 – нейтрально (никак не повлияло), минус 1 – отрицательно, минус 2 – очень отрицательно.

Fig. 3. The degree of mood improvement during the next day after using lucid dreaming for different purposes: 2 – very positive, 1 – positive, 0 – neutral (no effect), minus 1 – negative, minus 2 – very negative.

Таблица 1
Направления применения осознанных сновидений и их влияние на настроение в течение следующего дня.
Table 1

Directions for the application of lucid dreams and their impact on mood during the following day.

Цель	Применение			Настроение	
	Доля людей, использующих осознанные сны для данной цели хотя бы иногда, %	Частота использования осознанных снов для данной цели, %	Средне-квадратичное отклонение частоты использования осознанных снов для данной цели	Уровень влияния на настроение*	Средне-квадратичное отклонение уровня влияния на настроение
Исполнение желаний	87,4	50,9	25,3	1,45	0,54
Преодоление страхов и/или ночных кошмаров	47,7	10,5	18,9	0,82	0,88
Решение проблем повседневной жизни	45,0	9,8	14,0	1,39	0,57
Трансцендентные переживания	40,3	7,2	13,9	0,96	0,85
Избавление от психологических проблем	35,4	5,5	10,1	1,28	0,71
Тренировка моторных навыков	29,9	3,9	9,4	0,73	0,68
Творчество	28,3	4,2	12,8	1,04	0,76
Медитация	9,4	1,1	3,5	0,84	0,95
Другое	26,0	11,3	25,1	1,21	0,78

* 2 – очень положительно, 1 – положительно, 0 – нейтрально (никак не повлияло), минус 1 – отрицательно, минус 2 – очень отрицательно.

* 2 – very positive, 1 – positive, 0 – neutral (no impact), minus 1 – negative, minus 2 – very negative.

Доля людей, использующих осознанные сны для творчества, оказалась сравнима с результатом опроса Мелани Шедлих [12], но здесь эта информация дополнена данными о влиянии творческого применения осознанных снов на настроение в течение следующего дня, которые отсутствовали в

опросе Мелани Шедлих [13].

Результаты опроса о влиянии практики осознанных сновидений на ощущение психологического благополучия в жизни в целом представлены в табл. 2 и на рис. 4.

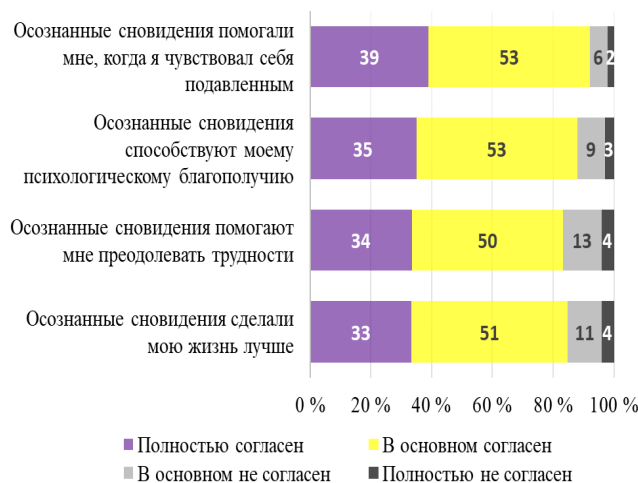

Рис. 4. Влияние практики осознанных сновидений на ощущение психологического благополучия в жизни в целом.

Fig. 4. The impact of lucid dreaming practice on the feeling of psychological well-being in life in general.

Таблица 2

Представление людей, практикующих осознанные сновидения, о влиянии осознанных сновидений на их психологическое благополучие.

Table 2

People who practice lucid dreaming perceive the impact of lucid dreaming on their psychological well-being.

Утверждение	Степень согласия			
	Полностью согласен	В основном согласен	В основном не согласен	Полностью не согласен
Осознанные сновидения помогли мне, когда я чувствовал себя подавленным	39 %	53 %	6 %	2 %
Осознанные сновидения способствуют моему психологическому благополучию	35 %	53 %	9 %	3 %
Осознанные сновидения помогают мне преодолевать трудности	34 %	50 %	13 %	4 %
Осознанные сновидения сделали мою жизнь лучше	33 %	51 %	11 %	4 %

Если суммировать варианты ответа «полностью согласен» и «в основном согласен», то результаты данного опроса можно представить следующим образом:

- 92 % согласны либо в основном согласны, что осознанные сновидения помогли им, когда они чувствовали себя подавленными;
- 88 % согласны либо в основном согласны, что осознанные сновидения способствуют их психологическому благополучию;
- 84 % согласны либо в основном согласны, что осознанные сновидения помогают им преодолевать трудности;
- 84 % согласны либо в основном согласны, что осознанные сновидения сделали их жизнь лучше.

Распределение целей применения осознанных снов сравнимо с результатами исследования Тадаса Стамбриса [14]. Но Тадас Стамбрис проводил опрос среди практиков осознанных снов всех возрастов [14], а данный опрос проводился только среди студентов. Согласно полученным данным, в распределении целей на применение осознанных снов студентами основное отличие состояло в том, что студенты чаще применяют осознанные сны для реализации желаний и реже для решения проблем повседневной жизни, чем было показано Тадасом Стамбрисом при опросе людей всех возрастов [14].

Также стоит отметить, что по данным опроса применение осознанных сновидений для реализации желаний и для решения проблем повседневной жизни приводило к большему улучшению настроения в течение следующего дня, чем применение осознанных сновидений для избавления от психологических проблем. Исходя из этого, можно порекомендовать тем, кто планирует применять осознанные сны с целью избавления пси-

хологических проблем, не ограничиваться только избавлением от психологических проблем.

Степень улучшения настроения на следующий день после осознанного сна, по сравнению с результатами исследования Тадаса Стамбриса [14], по каждому из направлений применения осознанных снов оказалась либо такой же, либо выше, но ни в одном из вариантов применения осознанных снов не оказалась ниже.

Степень улучшения психологического благополучия в жизни в целом оказалась значительно выше, чем в исследованиях Дэниела Эрлахера [6] и Ланы Саквилл [10].

Это можно объяснить тем, что в данном исследовании применялся более эффективный метод индукции осознанных сновидений – «попытка диссоциации и техника циклирования в непрямом методе» (DCIM), эффективность которого составляет 58 % [9] против 20 % у «метода мнемонической индукции осознанных сновидений» (MILD) [8], применявшегося ранее во всех подобных исследованиях.

Причём применявшийся ранее метод мнемонической индукции осознанных сновидений (MILD) требует надеяться на осознание во сне после представления определённых действий перед сном [8], и, что ещё более важно, не позволяет вернуться в осознанный сон после его окончания. А метод «попытка диссоциации и техника циклирования в непрямом методе» (DCIM) переводит человека в осознанный сон после пробуждения непосредственно во время совершаемых представляемых действий и в случае отсутствия результата позволяет сразу скорректировать представляемые действия. Также важным преимуществом метода «попытка диссоциации и техника циклирования в непрямом методе» (DCIM) является возможность его

применения для возвращения в осознанный сон после пробуждения от осознанного сна [9].

По результатам опроса, участники нашего исследования имели $5,78 \pm 4,61$ осознанных сновидений в месяц, причём несколько осознанных снов за одно утро считались как 1 осознанный сон, тогда как участники опроса Дэниела Эрлахера имели $4,34 \pm 6,42$ осознанных сновидений в месяц [6], а участники опроса Тадаса Стамбриса имели $3,95 \pm 5,94$ осознанных сновидений в месяц [14]. То есть результаты участников нашего исследования не только выше, но и стабильнее.

Возможно, именно благодаря тому, что участники нашего исследования применяли более эффективный метод, благодаря которому чаще входили в осознанные сны, а также имели возможность вернуться в осознанный сон в случае его завершения, они в большей степени ощущали, что осознанные сны улучшают их психологическое благополучие, помогают справляться с трудностями и делают их жизнь лучше.

Выводы

В результате проведенного исследования показано, что практика осознанных снов улучшает настроение на следующий день после осознанных снов и повышает ощущение психологического благополучия в жизни в целом.

Установлено, что любое направление применения осознанных снов приводит к улучшению настроения в течение следующего дня, а наибольшее улучшение настроения отмечается после применения осознанных снов для реализации желаний, из чего можно сделать вывод, что не следует пренебрегать развлекательным применением осознанных сновидений.

Следовательно, практика осознанных сновидений может использоваться как эффективная техника психологической саморегуляции, причём не требующая специальных затрат времени, что является значительным преимуществом по сравнению с классическими методами психологической саморегуляции.

Список источников

1. Appel K., Füllhase S., Kern S. Inducing signal-verified lucid dreams in 40% of untrained novice lucid dreamers within two nights in a sleep laboratory setting // *Consciousness and Cognition*. 2020. Vol. 83. P. 1 – 8. DOI:10.1016/j.concog.2020.102960
2. Aspy D. Findings from the international lucid dream induction study // *Frontiers in Psychology*. 2020. Vol. 11. P. 1 – 12. DOI:10.3389/fpsyg.2020.01746
3. Aspy D., Delfabbro P., Proeve M. Reality testing and the mnemonic induction of lucid dreams: Findings from the National Australian Lucid Dream Induction Study // *Dreaming*. 2017. Vol. 27. No. 3. P. 206 – 231. DOI:10.1037/drm0000059
4. Dolgov M.A., Popova Yu.I. Review of new evidence on the effectiveness of different methods of lucid dream induction // *International Journal of Medicine and Psychology*. 2024. Vol. 7. No. 2. P. 126 – 137. DOI:10.58224/2658-3313-2024-7-2-126-137
5. Dyck S., Schredl M., Kühnel A. Lucid dream induction using three different cognitive techniques // *International Journal of Dream Research*. 2017. Vol. 10. No. 2. P. 151 – 156. DOI:10.11588/ijodr.2017.2.37498
6. Erlacher D., Schredl M., Stumbrys T. Self-perceived effects of lucid dreaming on mental and physical health // *International Journal of Dream Research*. 2021. Vol. 13. No. 2. P. 309 – 313. DOI:10.11588/ijodr.2020.2.75952
7. Erlacher D., Stumbrys T. Wake up, work on dreams, back to bed and lucid dream: A sleep laboratory study // *Frontiers in Psychology*. 2020. Vol. 11. P. 1 – 8. DOI:10.3389/fpsyg.2020.01383
8. La Berge S. Lucid Dreaming as a Learnable Skill // *Perceptual and Motor Skills*. 1980. Vol. 51. No. 3s2. P. 1039 – 1042. DOI:10.2466/pms.1980.51.3f.1039
9. Raduga M. An effective lucid dreaming method by inducing hypnopompic hallucinations // *International Journal of Dream Research*. 2021. Vol. 14. No. 1. P. 1 – 9. DOI:10.11588/ijodr.2021.1.71170
10. Sackwild L., Stumbrys T. The healing and transformative potential of lucid dreaming for treating clinical depression // *International Journal of Dream Research*. 2021. Vol. 14. No. 2. P. 296 – 308. DOI:10.11588/ijodr.2021.2.81533
11. Saunders D., Clegg H., Roe C. Exploring the role of need for cognition, field independence and locus of control on the incidence of lucid dreams during a 12-week induction study. *Dreaming*. 2017. Vol. 27. No. 1. P. 68 – 86. DOI:10.1037/drm0000044
12. Schredl M., Dyck S., Kühnel A. Inducing lucid dreams: the wake-up-back-to-bed technique in the home setting // *Dreaming*. 2020. Vol. 30. No. 4. P. 287 – 296. DOI:10.1037/drm0000152

13. Schädlich M., Erlacher D. Applications of lucid dreams: an online study. *International Journal of Dream Research*. 2012. Vol. 5. No. 2. P. 134 – 138. DOI:10.11588/ijodr.2012.2.9505

14. Stumbrys T., Erlacher D. Applications of lucid dreams and their effects on the mood upon awakening. *International Journal of Dream Research*. 2016. Vol. 9. No. 2. P. 146 – 150. DOI:10.11588/ijodr.2016.2.33114

References

1. Appel K., Füllhase S., Kern S. Inducing signal-verified lucid dreams in 40% of untrained novice lucid dreamers within two nights in a sleep laboratory setting. *Consciousness and Cognition*. 2020. Vol. 83. P. 1 – 8. DOI:10.1016/j.concog.2020.102960

2. Aspy D. Findings from the international lucid dream induction study. *Frontiers in Psychology*. 2020. Vol. 11. P. 1 – 12. DOI:10.3389/fpsyg.2020.01746

3. Aspy D., Delfabbro P., Proeve M. Reality testing and the mnemonic induction of lucid dreams: Findings from the National Australian Lucid Dream Induction Study. *Dreaming*. 2017. Vol. 27.No. 3. P. 206 – 231. DOI:10.1037/drm0000059

4. Dolgov M.A., Popova Yu.I. Review of new evidence on the effectiveness of different methods of lucid dream induction. *International Journal of Medicine and Psychology*. 2024. Vol. 7. No. 2. P. 126 – 137. DOI:10.58224/2658-3313-2024-7-2-126-137

5. Dyck S., Schredl M., Kühnel A. Lucid dream induction using three different cognitive techniques. *International Journal of Dream Research*. 2017. Vol. 10.No. 2. P. 151 – 156. DOI:10.11588/ijodr.2017.2.37498

6. Erlacher D., Schredl M., Stumbrys T. Self-perceived effects of lucid dreaming on mental and physical health. *International Journal of Dream Research*. 2021. Vol. 13.No. 2. P. 309 – 313. DOI:10.11588/ijodr.2020.2.75952

7. Erlacher D., Stumbrys T. Wake up, work on dreams, back to bed and lucid dream: A sleep laboratory study. *Frontiers in Psychology*. 2020. Vol. 11. P. 1 – 8. DOI:10.3389/fpsyg.2020.01383

8. La Berge S. Lucid Dreaming as a Learnable Skill. *Perceptual and Motor Skills*. 1980. Vol. 51, no. 3s2. P. 1039 – 1042. DOI:10.2466/pms.1980.51.3f.1039

9. Raduga M. An effective lucid dreaming method by inducing hypnopompic hallucinations. *International Journal of Dream Research*. 2021. Vol. 14. No. 1. P. 1 – 9. DOI:10.11588/ijodr.2021.1.71170

10. Sackwild L., Stumbrys T. The healing and transformative potential of lucid dreaming for treating clinical depression. *International Journal of Dream Research*. 2021. Vol. 14.No. 2. P. 296 – 308. DOI:10.11588/ijodr.2021.2.81533

11. Saunders D., Clegg H., Roe C. Exploring the role of need for cognition, field independence and locus of control on the incidence of lucid dreams during a 12-week induction study. *Dreaming*. 2017. Vol. 27. No. 1. P. 68 – 86. DOI:10.1037/drm0000044

12. Schredl M., Dyck S., Kühnel A. Inducing lucid dreams: the wake-up-back-to-bed technique in the home setting. *Dreaming*. 2020. Vol. 30.No. 4. P. 287 – 296. DOI:10.1037/drm0000152

13. Schädlich M., Erlacher D. Applications of lucid dreams: an online study. *International Journal of Dream Research*. 2012. Vol. 5.No. 2. P. 134 – 138. DOI:10.11588/ijodr.2012.2.9505

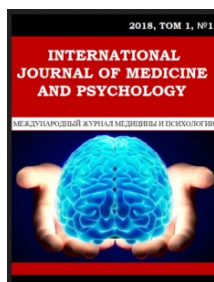
14. Stumbrys T., Erlacher D. Applications of lucid dreams and their effects on the mood upon awakening. *International Journal of Dream Research*. 2016. Vol. 9.No. 2. P. 146 – 150. DOI:10.11588/ijodr.2016.2.33114

Информация об авторах

Долгов М.А., Кубанский государственный университет, voglodrus@gmail.com

Попова Ю.И., кандидат психологических наук, доцент, Кубанский государственный университет

© Долгов М.А., Попова Ю.И., 2025

Научно-исследовательский журнал «International Journal of Medicine and Psychology / Международный журнал медицины и психологии»

<https://ijmp.ru>

2025, Том 8, № 4 / 2025, Vol. 8, Iss. 4 <https://ijmp.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.3.1. Общая психология, психология личности, история психологии (психологические науки)

УДК 159.955

¹ Тельманова Е.В.,

¹ Андронникова О.О.,

¹ Новосибирский государственный педагогический университет

Модель профессионального мышления психолога: структура и условия развития

Аннотация: данная статья посвящена теоретическому исследованию конструкта «профессиональное мышление психолога», которое представляет собой сложную интегративную систему, обеспечивающую способность специалиста действовать осознанно, гибко и этично в профессиональной среде. Несмотря на активное изучение когнитивных процессов, стилей мышления и механизмов рефлексии, на данный момент отсутствует представление о структуре профессионального мышления, отражающей специфику психологической деятельности. Это вызывает трудности в целенаправленном формировании профессионального мышления в образовательных и супервизионных форматах, снижает эффективность подготовки будущих психологов и усложняет процесс формирования профессиональной идентичности.

Целью настоящего исследования является теоретическое обоснование структуры профессионального мышления психолога и определение условий, способствующих его развитию. Исследование опирается на теоретико-методологический анализ научных источников и обобщение практического материала, полученного в процессе работы в полимодальных групповых супервизиях.

В рамках исследования предложена модель, включающая в себя четыре взаимосвязанных компонента: процессуальный (организация деятельности, планирование, соблюдение норм и контроль), содержательный (анализ, построение гипотез, работа с информацией и клиентским запросом), мотивационно-ценностный (профессиональные установки, смысл деятельности, внутренняя позиция), рефлексивно-оценочный (осмысление профессиональной роли, самоанализ, критическое мышление). Компоненты взаимодействуют между собой как единая система, где каждый уровень может быть ведущим в зависимости от ситуации. Модель основывается на идее перехода от обыденного, эмпирического мышления к научному типу профессионального мышления.

В дальнейшем результаты могут быть использованы в рамках создания образовательных программ, в супервизионной практике и при построении индивидуальных стратегий профессионального развития психологов. Структура модели способствует более осознанному и эффективному развитию специалиста, а также может повысить качество оказываемой помощи.

Ключевые слова: профессиональное мышление, рефлексия, структура мышления, супервизия, механизмы мышления, обучение психологов

Для цитирования: Тельманова Е.В., Андронникова О.О. Модель профессионального мышления психолога: структура и условия развития // International Journal of Medicine and Psychology. 2025. Том 8. № 4. С. 107 – 114.

Поступила в редакцию: 7 февраля 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 4 апреля 2025 г.; Принята к публикации: 22 мая 2025 г.

¹ *Telmanova E.V.,*
¹ *Andronnikova O.O.,*
¹ *Novosibirsk State Pedagogical University*

Model of professional thinking of a psychologist: structure and conditions of development

Abstract: this article is devoted to the theoretical study of the construct of "professional thinking of a psychologist", which is a complex integrative system that ensures the ability of a specialist to act consciously, flexibly and ethically in a professional environment. Despite the active study of cognitive processes, thinking styles and reflection mechanisms, at the moment there is no idea about the structure of professional thinking that reflects the specifics of psychological activity. This causes difficulties in the purposeful formation of professional thinking in educational and supervision formats, reduces the effectiveness of training future psychologists and complicates the process of forming a professional identity.

The purpose of this study is to theoretically substantiate the structure of professional thinking of a psychologist and determine the conditions that contribute to its development. The study is based on a theoretical and methodological analysis of scientific sources and a generalization of practical material obtained in the process of working in polymodal group supervisions.

The study proposes a model that includes four interrelated components: procedural (organization of activities, planning, compliance with standards and control), substantive (analysis, hypotheses, work with information and client requests), motivational-value (professional attitudes, meaning of activities, internal position), reflexive-evaluative (understanding of professional role, self-analysis, critical thinking). The components interact with each other as a single system, where each level can be leading depending on the situation. The model is based on the idea of the transition from everyday, empirical thinking to a scientific type of professional thinking.

In the future, the results can be used in the creation of educational programs, in supervision practice and in building individual strategies for the professional development of psychologists. The structure of the model contributes to a more conscious and effective development of a specialist, and can also improve the quality of assistance provided.

Keywords: professional thinking, reflection, structure of thinking, supervision, mechanisms of thinking, training of psychologists

For citation: Telmanova E.V., Andronnikova O.O. Model of professional thinking of a psychologist: structure and conditions of development. International Journal of Medicine and Psychology. 2025. 8 (4). P. 107 – 114.

The article was submitted: February 7, 2025; Approved after reviewing: April 4, 2025; Accepted for publication: May 22, 2025

Введение

Современное общество предъявляет высокие требования к профессиональной подготовке психологов-консультантов. От специалиста требуется не только знание теоретической базы и владение методиками, но и способность к системному, аналитическому и рефлексивному мышлению. В условиях, когда запрос клиента часто неструктурированный и многоуровневый, от психолога требуется не просто применение готовых техник, а умение интегрировать различные способы мышления в индивидуальной работе с каждым случаем. Как подчеркивает Ангеловский А.А., профессиональное мышление представляет собой «высшую форму отражения «профессиональной реальности», включающую познание, прогнозирование и преобразование ситуации [1]. Это подтверждается в исследованиях Кашапова М.М., который описывает профессиональное мышление как ресурс-

ную систему, обеспечивающую устойчивость специалиста в сложных условиях, его способность к переосмыслению и выходу за пределы конкретной ситуации [2].

Таким образом, именно профессиональное мышление становится внутренним механизмом, обеспечивающим психологу не только выбор методов, но и соблюдение границ, этическое взаимодействие, принятие решений в неопределенности. Оно позволяет «видеть главное», быть гибким, сохранять логику в условиях нестандартности [3].

Несмотря на значимость этой способности, в программах подготовки психологов недостаточно акцентируется внимание на формирование профессионального мышления. Как отмечает Романов К.М., теоретическая подготовка часто не интегрируется с личным опытом студентов, а понятия остаются формальными и не включаются в практику [4]. Пономарева Е.Ю. также подчеркивает,

что знание понятий не является достаточным – необходимо формировать мышление как когнитивный процесс, включающий анализ, обобщение и прогноз [5].

При отсутствии целенаправленной работы с этим компонентом появляется разрыв между знанием и его практическим применением в профессиональной деятельности: начинающие специалисты, обладая знаниями, сталкиваются с трудностями в интеграции информации, выборе стратегии и осмысления собственной роли в консультативном контакте. Тем временем именно профессиональное мышление может стать основой уверенности в себе как специалисте, способностью формулировать гипотезы, делать выбор в этически спорных ситуациях и сохранять внутреннюю опору в неопределенности.

Дополнительной сложностью в формировании профессионального мышления является то, что в отличие от конкретных техник, имеющих свой алгоритм, который можно изучить, процессы мышления внешне не наблюдаемы. Мыслительные процессы в основном разворачиваются во внутреннем плане, проявляясь через принятие решений, интерпретации, постановку гипотез, выбор методов работы и их адаптацию. Это делает профессиональное мышление менее заметным в процессе формирования, но не менее важным для становления профессиональной позиции психолога. Как выделяет Кашапов М.М., мышление выступает не просто как способ переработки информации, а как ресурсная система, обеспечивающая устойчивость в сложных ситуациях и способность субъекта к саморегуляции и саморефлексии [2].

В связи с этим встает вопрос, что именно мы понимаем под профессиональным мышлением? Анализ современных подходов позволяет рассматривать его как систему когнитивных, метакогнитивных и личностно-ценностных механизмов, которые обеспечивают эффективную реализацию профессиональной деятельности. С точки зрения Ангеловского А.А., профессиональное мышление включает не только познание и анализ, но и прогнозирование, созидание новых идей, а также способность к рефлексии и самооценке [1]. Пономарева Е.Ю. подчеркивает его двойственную природу, объединяющую научный подход и практическую направленность – как «научно-профессиональное мышление» [5, с. 463]. Такое мышление дает возможность не только применять знания, но и конструировать целостную картину психологической реальности, раскрывая каждый случай не обособленно, а с учетом его содержания.

Профессиональное мышление, по мнению ряда авторов, обладает многоуровневой структурой. Так Серафимович И.В. выделяет уровни от элементарного до метасистемного, обращая внимание, что мышление специалиста со временем становится более целостным, способным к обобщению, возможность видеть ситуацию с разных сторон в контексте других профессиональных ситуаций и допущения альтернатив [3]. Ручков А.В. описывает важнейшие функции мышления психолога как планирование и прогнозирование – ключевые когнитивные процессы, которые обеспечивают системность и устойчивость профессиональной деятельности [6]. Данное наблюдение подтверждается также в материалах Ваулиной Т.А. и соавторов при исследовании мышления студентов первого курса: становящееся профессиональное мышление характеризуется переходом от эмпирических, бытовых моделей к более сложным формам научной рациональности [7].

Таким образом, профессиональное мышление – это не только теоретическая конструкция, но и реальная, практическая способность специалиста осмысленно, гибко и этически действовать в профессиональной среде. Для его формирования требуется не только усвоение терминов и понятий, а также создание условий для внутреннего перехода от житейского мышления к профессиональному, от опоры на интуицию – к обоснованным решениям. Как подчеркивает Романов К.М., данный переход выполним только при условии включения заданий в учебный процесс, которые активируют рефлекссию, анализ и интерпретацию конкретных ситуаций [4]. Тем не менее в большинстве программ подготовки психологов этому компоненту уделяется недостаточно внимания, что может привести к формированию формального подхода без развития глубинного профессионального мышления.

Настоящее исследование направлено на то, чтобы рассмотреть возможности и способы формирования профессионального мышления у будущих психологов в рамках образовательного процесса, изучение компонентов, входящих в структуру профессионального мышления, и определить условия, способствующие его развитию.

Материалы и методы исследований

Настоящее исследование выполнено в рамках теоретического анализа и направлено на концептуализацию структуры профессионального мышления психолога, опираясь на научный анализ литературы и практический опыт супервизии. Основным методом является теоретико-методологический анализ, который включает в себя интерпретацию, синтез и систематизацию

современных научных подходов к пониманию профессионального мышления, а также выявление компонентов и механизмов, лежащих в его основе.

Методологическую базу составили труды отечественных и зарубежных авторов, которые рассматривают мышление как многоуровневый когнитивный процесс (Ангеловский А.А., Кашапов М.М., Пономарева Е.Ю., Серафимович И.В. и др.), а также теоретические и эмпирические исследования профессионального становления специалистов в сфере психологии (Романов К.М., Ваулина Т.А., Ручков А.В. и др.). В качестве концептуальной рамки использованы идеи о профессиональном мышлении как интегративной системе, которая включает в себя когнитивные, мотивационные и рефлексивные компоненты, позволяющие специалисту действовать в условиях неопределенности, решать спорные этические вопросы и адаптировать работу с учетом особенностей клиентских запросов.

Анализ литературных источников выявил, что профессиональное мышление невозможно свести к механическому применению знаний и техник. Оно представляет собой специфическую форму интеллектуальной активности, которая обеспечивает осмысленную и продуктивную профессиональную деятельность. Кашапов М.М. указывает на его ресурсную природу, подчеркивая, что мышление выполняет функции устойчивости, саморегуляции, интеллектуального контроля и прогностичности [2]. По мнению Ангеловского А.А., профессиональное мышление включает как когнитивную работу, так и созидательные функции, обеспечивающие прогноз, интерпретацию и адаптацию к уникальным условиям взаимодействия [1].

На основании анализа научной литературы и многолетнего опыта проведения супервизий, автором была предложена структура профессионального мышления психолога, включающая четыре взаимосвязанных компонента (табл. 1).

Таблица 1

Структура профессионального мышления психолога.

Table 1

The structure of professional thinking of a psychologist.

Компонент	Функции и особенности	Проявление в супервизии
Процессуальный	Организация деятельности, планирование, контроль соблюдения норм, управление вниманием и временем.	Построение структуры сессии, контроль времени, соблюдение этики взаимодействия.
Содержательный (когнитивный)	Анализ, сравнение, обобщение, построение гипотез, работа с информацией и клиентским запросом.	Формулировка гипотез, анализ клиентской ситуации, выбор подхода.
Мотивационно-ценностный	Профессиональные установки, ценности, внутренняя позиция, смысл деятельности, мотивация.	Осознание цели участия, внутренняя мотивация, ценностная направленность мышления.
Рефлексивно-оценочный	Самоанализ, критическое мышление, переоценка действий и решений, осмысление профессиональной позиции.	Рефлексия своих трудностей, принятие обратной связи, готовность к изменениям.

Данные компоненты представляют собой единое интегративное образование, в котором каждый из уровней взаимодействует с остальными и может доминировать в зависимости от профессиональной ситуации. Например, при анализе нового клиентского случая анализируется содержательный компонент, тогда как при выстраивании стратегии дальнейшей работы с клиентом после сессии – рефлексивный. Важно, что мышление проявляется не только в действиях, но и в мотивации и позиционировании специалиста, что выделяется в работах Шатина А.А. и Елисеева Е.В., где профессиональное мышление на этапе формирования рассматривается как связанное с внутренним выбором, способностью к рефлексии и включенно-

стью в ценностно-смысловое пространство деятельности [8].

Кроме того, в основе предложенной модели лежит идея о движении от эмпирического к научному мышлению в процессе профессионального становления, как описано в исследованиях Романова К.М. и Ваулиной Т.А. [4, 7]. Этот переход требует специально организованной среды, способствующей формированию ключевых мыслительных операций: анализа, синтеза, абстрагирования, конкретизации, обобщения.

Предложенная модель не является универсальной типологией, а служит рабочей гипотезой, которая направлена на систематизацию профессионального мышления как ключевого элемента психологической практики и образования психолога.

Она может быть использована в рамках основы для дальнейших эмпирических исследований, разработки учебных курсов, супервизионных программ и инструментов самоанализа профессиональной позиции психолога.

Результаты и обсуждения

В результате проведенного теоретического анализа и изучения практического опыта, в том числе полученного в ходе ведения групповых полимодальных супервизий, была разработана модель профессионального мышления психолога, которая включает в себя четыре взаимосвязанных компонента: процессуальный, содержательный, мотивационно-ценностный и рефлексивно-оценочный. Данная структура отражает как внутренние когнитивные механизмы специалиста, так и особенности его взаимодействия с профессиональной ситуацией, клиентом и профессиональным сообществом.

Как отмечает Серафимович И.В., профессиональное мышление специалиста развивается поэтапно – от начального, элементарного к метасистемному, и охватывает способность к видению ситуации с разных сторон в контексте других профессиональных ситуаций, рефлексии и допущению альтернативных точек зрения [3]. В групповой супервизии подобное развитие особенно ярко проявляется там, где участники сталкиваются с разнообразием позиций и вынуждены включаться в сложные мыслительные процессы, которые выходят за пределы привычных решений.

Рассмотрим функциональное наполнение выделенных компонент и условия их развития.

Процессуальный компонент включает в себя такие функции, как структурирование деятельности, управление вниманием, временными рамками, соблюдение профессиональных норм и границ самого процесса. В условиях групповой супервизии этот компонент развивается, благодаря необходимости придерживаться формата встречи, отслеживать регламент и структуру представления клиентского случая. Как отмечает Кашапов М. М., в структуре профессионального мышления выделяется такой компонент, который обеспечивает организацию, контроль и выполнение мыслительных операций в профессиональной деятельности. Он играет ключевую роль в реализации принятого решения и обеспечивает практическое воплощение мысленных действий в конкретной профессиональной ситуации. Регулярное участие в супервизиях помогает начинающим специалистам вырабатывать устойчивую привычку к последовательности, структурированному планированию и пониманию логики процесса.

Содержательный (когнитивный) компонент включает в себя мыслительные операции анализа, интерпретации, обобщения и построения гипотез. Он отражает способность психолога формулировать суть проблемы, выявлять связи между наблюдаемыми и скрытыми уровнями, выбирать обоснованные интервенции. Как пишет Ангеловский А.А.: «Профессиональное мышление человека есть высшая форма отражения «профессиональной реальности», т. е. целенаправленное опосредованное и обобщенное познание явлений, связей и отношений, складывающихся в процессе профессиональной деятельности субъекта» [1, с. 267]. В условиях групповой супервизии развитие содержательного компонента поддерживается при помощи обмена опытом, различных взглядов, критическому сравнению гипотез, а также способности к принятию чужого мнения как иного альтернативного видения на ситуацию.

Мотивационно-ценностный компонент включает в себя устойчивые установки, внутреннюю профессиональную позицию, этические нормы и принципы, а также личностную включенность специалиста в деятельность. Он отражает не только выбор профессии, но и осознание следования профессиональным нормам, стремление к самореализации и ответственности перед клиентом и профессиональным сообществом. В рамках профессионального сознания данный компонент связан с аксиологической составляющей, которая включает представление о нормах профессиональной морали, ценности профессии и смыслы деятельности, формирующие внутреннюю опору личности [1]. Групповой формат супервизии создает пространство, где подобные установки могут быть осознаны, выявлены и пересмотрены – особенно в ситуациях этических вопросов, эмоциональной вовлеченности или внутренних сомнений в рамках работы с клиентом.

Рефлексивно-оценочный компонент характеризуется способностью к самонаблюдению, критическому анализу собственных действий, принятию обратной связи и готовности к изменениям в профессиональной деятельности. Он позволяет специалисту осознанно относиться к собственным ошибкам, сомнениям, ограничениям и принимать их как поддерживающий элемент в профессиональном развитии. Как выделяет Романов К.М.: «Усвоение определений происходит гораздо эффективнее в контексте выполнения подобных учебных заданий» [4, с. 94], что требует от обучающихся активизации не только когнитивной, но и рефлексивной деятельности. Кроме того, письменные задания, которые используются в рамках учебного практикума, рассматриваются как ин-

струмент повышения уровня рефлексии и осмысления собственного профессионального опыта [4]. В условиях групповой супервизии данный компонент имеет дополнительную поддержку, где участники не только получают обратную связь от коллег, но и соотносят ее с собственными реакциями, что помогает развивать навык формирования более целостной профессиональной метапозиции и способности к внутренней саморегуляции.

Таким образом, профессиональное мышление психолога представляет собой многокомпонентную систему, развивающуюся через взаимодействие с профессиональной практикой и образовательной средой. Групповая супервизия оказывается эффективной формой работы, в которой каждый из компонентов мышления может получить возможность для развития и роста: процессуальный – через структуру и границы процесса, содержательный – через аналитическую работу, мотивационно-ценностный – через осмысление внутренней позиции, рефлексивно-оценочный – через обратную связь и обсуждение. Полученные результаты позволяют предположить, что формирование профессионального мышления невозможно без специально организованной среды, в которой создаются условия для взаимодействия, обсуждения и коллективного анализа.

Выводы

Проведение настоящего исследования дало возможность изучить и структурировать видение о профессиональном мышлении психолога как многокомпонентной системе, которая формируется в процессе профессионального становления и развивается в рамках специально организованной образовательной среды, включающей групповую супервизию. Предложенная модель состоит из четырех взаимосвязанных компонентов: процессуального, содержательного, мотивационно-ценностного и рефлексивно-оценочного. Каждый из них выполняет самостоятельную функцию, в то же время их сочетание формирует единое профессиональное мышление, которое помогает психологу уверенно опираться на него в своей работе.

Данная модель опирается на положения, изложенные в работе Андронниковой О.О., где выделяется необходимость комплексного подхода к формированию профессионального мышления и идентичности психолога. Автор выделяет четыре ключевых блока профессионального становления: освоение теоретических знаний, практический опыт, прохождение личной терапии и участие в супервизиях. Их сочетание, по мнению Андронниковой О.О., создает условия для формирования зрелого профессионального мышления, который

между собой объединяет когнитивные, операционные, мотивационные и рефлексивные процессы. Особенно подчеркивается роль супервизии как среды, способствующей осмыслению и интеграции всех этих элементов, а также выстраиванию профессиональной позиции специалиста [9].

Анализ диагностических исследований, в частности работы Рыбалкиной Л.Г., показывает, что во время обучения у студентов присутствуют сложности в развитии гибкости, быстроты мышления, а также недостаточного уровня профессиональной мотивации и рефлексии. Это подтверждается необходимостью внедрения практико-ориентированных форм, которые способствуют развитию тех характеристик, оказывающихся в ходе диагностики на среднем или низком уровне. Групповая супервизия в таком контексте может рассматриваться как ключевая форма сопровождения студентов и начинающих специалистов, что в дальнейшем позволяет активизировать мотивационно-ценностную и рефлексивно-оценочную сферы [10].

В статье Ануфриева А.Ф. и коллег также подчеркивается важность выделения таких компонентов профессионального мышления. Авторы говорят о трех ключевых направлениях его развития: это умение мыслить критически, осознавать и принимать особенности своего мышления, а также развивать способность понимать суть ситуации и строить обоснованные предположения и гипотезы. Эти направления могут находить свое отражение в содержательном компоненте модели и выделять необходимость формирования метапознавательных умений у студентов, опоры на оценочное и аналитическое мышление, а также готовности к гибкой адаптации в условиях неопределенности [11].

Таким образом, профессиональное мышление не является статической характеристикой, а представляет собой динамическую систему, которая зависит от уровня профессиональной зрелости и от условий, где происходит профессиональное формирование специалиста. Одной из эффективных форм его становления является участие в групповых супервизиях, которые помогают актуализировать и развить ключевые компоненты мышления. Предложенная модель может служить основой для дальнейших эмпирических исследований, а также практическим ориентиром при разработке образовательных и супервизионных программ, которые направлены на развитие гибкого, зрелого и профессионально обоснованного мышления у будущих психологов.

Список источников

1. Ангеловский А.А. Структура личности профессионала: функциональные компоненты // Известия Самарского научного центра РАН. 2011. № 2-2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/struktura-lichnosti-professionalnogo-funktsionalnye-komponenty> (дата обращения: 04.12.2024)
2. Кашапов М.М. Профессионализация мышления субъекта как ресурсная основа личностно-профессионального развития // Межпоколенческие отношения: современный дискурс и стратегические выборы в психолого-педагогической науке и практике. 2020. № 1. С. 34 – 38. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/professionalizatsiya-myshleniya-subekta-kak-resursnaya-osnova-lichnostno-professionalnogo-razvitiya> (дата обращения: 04.12.2024)
3. Серафимович И.В. Многоуровневые факторы среды и особенности профессионального мышления специалистов социэкономической группы профессий // Дифференциальная психология и психофизиология сегодня: способности, образование, профессионализм. 2021. № 1. С. 154 – 159. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/mnogourovnevye-factory-sredy-i-osobennosti-professionalnogo-myshleniya-spetsialistov-sotsionomicheskoy-gruppy-professiy> (дата обращения: 04.12.2024)
4. Романов К. М. Вопросы формирования профессионального мышления у психологов // Гуманитарий: актуальные проблемы гуманитарной науки и образования. 2019. № 1 (45). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/voprosy-formirovaniya-professionalnogo-myshleniya-u-psihologov> (дата обращения: 04.12.2024)
5. Профессор Пономарёва Е.Ю. Особенности процесса формирования научно-профессионального мышления будущего психолога // Проблемы современного педагогического образования. 2024. № 84-2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-protsessa-formirovaniya-nauchno-professionalnogo-myshleniya-buduschego-psihologa> (дата обращения: 04.12.2024)
6. Ручков А.В. К вопросу планирования и прогнозирования в профессиональном мышлении будущих психологов (теоретический аспект) // Science Time. 2015. № 10 (22). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-planirovaniya-i-prognozirovaniya-v-professionalnom-myshlenii-buduschih-psihologov-teoreticheskiy-aspekt> (дата обращения: 04.12.2024)
7. Ваулина Т.А., Краснорядцева О.М., Щеглова Э.А. Проявление типов научной рациональности в становящемся профессионально-психологическом мышлении студентов // Системная психология и социология. 2024. № 4 (52). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/proyavlenie-tipov-nauchnoy-ratsionalnosti-v-stanovyaschemsya-professionalno-psihologicheskom-myshlenii-studentov> (дата обращения: 04.12.2024)
8. Шатин А.Ю., Елисеев Е.В. Профессиональное познание как феномен рефлексии профессионального мышления в новом осмыслении профессиональнопознавательных ценностей // Вестник ЧелГУ. 2013. № 26 (317). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/professionalnoe-poznanie-kak-fenomen-refleksii-professionalnogo-myshleniya-v-novom-osmyslenii-professionalnopoloznavatelnykh> (дата обращения: 04.12.2024)
9. Андронникова О.О. Четырехкомпонентная модель профессиональной подготовки психологов-консультантов // Вестник педагогических инноваций. 2023. № 1 (69). С. 50 – 60. DOI 10.15293/1812-9463.2301.06. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=50473823> (дата обращения: 04.12.2024)
10. Рыбалкина Л.Г. Диагностика сформированности профессионального мышления будущего педагога // Вестник магистратуры. 2016. № 6-2 (57). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/diagnostika-sformirovannosti-professionalnogo-myshleniya-buduschego-pedagoga> (дата обращения: 04.12.2024)
11. Ануфриев А.Ф., Кулиев Н.С., Поправко Д.А., Чмель В.И. Основные направления совершенствования профессионального мышления студентов-психологов // Педагогика и психология образования. 2023. № 1. С. 150 – 164. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osnovnye-napravleniya-sovershenstvovaniya-professionalnogo-myshleniya-studentov-psihologov> (дата обращения: 04.12.2024)

References

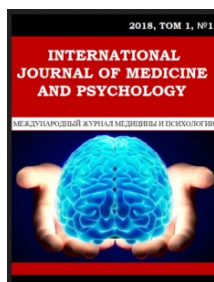
1. Angelovsky A.A. The structure of a professional's personality: functional components. Bulletin of the Samara Scientific Center of the Russian Academy of Sciences. 2011. No. 2-2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/struktura-lichnosti-professionalnogo-funktsionalnye-komponenty> (accessed: 04.12.2024)
2. Kashapov M.M. Professionalization of the subject's thinking as a resource basis for personal and professional development. Intergenerational relations: modern discourse and strategic choices in psychological and pedagogical science and practice. 2020. No. 1. P. 34 – 38. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/professionalizatsiya-myshleniya-subekta-kak-resursnaya-osnova-lichnostno-professionalnogo-razvitiya> (date of access: 04.12.2024)

3. Serafimovich I.V. Multi-level environmental factors and features of professional thinking of specialists of the socioeconomic group of professions. Differential psychology and psychophysiology today: abilities, education, professionalism. 2021. No. 1. P. 154 – 159. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/mnogourovnevye-factory-sredy-i-osobennosti-professionalnogo-myshleniya-spetsialistov-sotsionomicheskoy-gruppy-professiy> (date of access: 04.12.2024)
4. Romanov K. M. Issues of formation of professional thinking in psychologists. Humanitarian: current problems of humanitarian science and education. 2019. No. 1 (45). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/voprosy-formirovaniya-professionalnogo-myshleniya-u-psihologov> (date of access: 04.12.2024)
5. Professor Ponomareva E.Yu. Features of the process of formation of scientific and professional thinking of the future psychologist. Problems of modern pedagogical education. 2024. No. 84-2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-protssesa-formirovaniya-nauchno-professionalnogo-myshleniya-buduschego-psihologa> (date of access: 04.12.2024)
6. Ruchkov A.V. On the issue of planning and forecasting in the professional thinking of future psychologists (theoretical aspect). Science Time. 2015. No. 10 (22). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-planirovaniya-i-prognozirovaniya-v-professionalnom-myshlenii-buduschih-psihologov-teoreticheskii-aspekt> (date of access: 04.12.2024)
7. Vaulina T.A., Krasnoryadtseva O.M., Scheglova E.A. Manifestation of types of scientific rationality in the emerging professional-psychological thinking of students. Systemic Psychology and Sociology. 2024. No. 4 (52). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/proyavlenie-tipov-nauchnoy-ratsionalnosti-v-stanoviyaschemsya-professionalno-psihologicheskoy-myshlenii-studentov> (date of access: 04.12.2024)
8. Shatin A.Yu., Eliseev E.V. Professional knowledge as a phenomenon of reflection of professional thinking in a new understanding of professional-cognitive values. Bulletin of ChelSU. 2013. No. 26 (317). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/professionalnoe-poznanie-kak-fenomen-refleksii-professionalnogo-myshleniya-v-novom-osmyslenii-professionalnopolozhatelnykh> (date of access: 04.12.2024)
9. Andronnikova O.O. Four-component model of professional training of consulting psychologists. Bulletin of pedagogical innovations. 2023. No. 1 (69). P. 50 – 60. DOI 10.15293/1812-9463.2301.06. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=50473823> (date of access: 04.12.2024)
10. Rybalkina L.G. Diagnostics of the development of professional thinking of future teachers. Bulletin of the Magistracy. 2016. No. 6-2 (57). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/diagnostika-sformirovannosti-professionalnogo-myshleniya-buduschego-pedagoga> (date of access: 04.12.2024)
11. Anufriev A.F., Kuliev N.S., Popravko D.A., Chmel V.I. The main directions of improving the professional thinking of psychology students. Pedagogy and psychology of education. 2023. No. 1. P. 150 – 164. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osnovnye-napravleniya-sovershenstvovaniya-professionalnogo-myshleniya-studentov-psihologov> (date of access: 04.12.2024)

Информация об авторах

Тельманова Е.В., Новосибирский государственный педагогический университет
Андронникова О.О., кандидат психологических наук, доцент, ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-1756-7682>, Новосибирский государственный педагогический университет, 630028, г. Новосибирск, Виллюйская 28, andronnikova_69@mail.ru

© Тельманова Е.В., Андронникова О.О., 2025

Научно-исследовательский журнал «International Journal of Medicine and Psychology / Международный журнал медицины и психологии»

<https://ijmp.ru>

2025, Том 8, № 4 / 2025, Vol. 8, Iss. 4 <https://ijmp.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.3.4. Педагогическая психология, психодиагностика цифровых образовательных сред (психологические науки)

УДК 159.9

¹ *Луговская М.Ю.,*

¹ *Байкальский государственный университет*

Проблемы учебной мотивации студентов на современном этапе и способы работы с ней

Аннотация: в статье описан процесс разностороннего поступательного изучения учеными – психологами и педагогами – феномена учебной мотивации в целом и учебной мотивации студентов в частности. Показаны основные вехи развития научной мысли в этом направлении: акцент на социальных мотивах во времена существования Советского Союза, анализ взаимосвязи внутренних и внешних мотивов – в перестроечное и постперестроечное время, личностно-ориентированный подход – на современном этапе. Показана важность исследований, ориентированных на практические цели педагогического и психологического воздействия.

Ключевые слова: учебная мотивация, мотивация учебной деятельности, учебная мотивация студентов, учебная мотивация иностранных студентов, повышение жизнестойкости, повышение учебной мотивации

Для цитирования: Луговская М.Ю. Проблемы учебной мотивации студентов на современном этапе и способы работы с ней // International Journal of Medicine and Psychology. 2025. Том 8. № 4. С. 115 – 124.

Поступила в редакцию: 8 февраля 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 5 апреля 2025 г.; Принята к публикации: 22 мая 2025 г.

¹ *Lugovskaya M.Yu.,*

¹ *Baikal State University*

Problems of students' academic motivation at the present stage and ways of working with it

Abstract: the article describes the process of a comprehensive progressive study by psychologists and teachers of the phenomenon of educational motivation in general and students' educational motivation in particular. The main milestones in the development of scientific thought in this direction are shown: an emphasis on social motives during the existence of the Soviet Union, an analysis of the relationship between internal and external motives in perestroika and post – perestroika times, and a personality-oriented approach at the present stage. The importance of research focused on the practical goals of pedagogical and psychological impact is shown.

Keywords: educational motivation, motivation of educational activity, educational motivation of students, educational motivation of international students, increasing resilience, increasing educational motivation

For citation: Lugovskaya M.Yu. Problems of students' academic motivation at the present stage and ways of working with it. International Journal of Medicine and Psychology. 2025. 8 (4). P. 115 – 124.

The article was submitted: February 8, 2025; Approved after reviewing: April 5, 2025; Accepted for publication: May 22, 2025

Введение

Проблема учебной мотивации в современной высшей школе стоит достаточно остро. Например, М.В. Ляшенко приводит результаты исследования,

согласно которым сегодня в РФ «только 15% студентов мотивированы на учебную деятельность» [1, с. 53]. Этот невысокий показатель показывает важность исследования темы мотивации и выра-

ботки обновленных системных практических инструментов для ее повышения. Так, например, Е.Б. Дондокова пишет, что при переходе к постиндустриальному обществу необходима «большая индивидуализация и повышение роли нестандартных образовательных практик» [2].

Материалы и методы исследований

Статья подготовлена на основании анализа работ российских исследователей, располагающихся в базе данных РИНЦ, монографий и диссертационных исследований. Фокус внимания был сосредоточен на работах последнего десятилетия, однако включает и предшествующие значимые работы, в основном монографические и учебные.

Слова и словосочетания, вводимые в поисковые запросы: учебная мотивация, мотивация учебной деятельности, учебная мотивация студентов, учебная мотивация иностранных студентов, жизнестойкость и учебная мотивация студентов. В данный обзор включены работы по теме учебной студенческой мотивации с учетом развития исследовательской мысли по временным периодам.

Общетеоретический метод – сравнительно-сопоставительный обзор психологических исследований по указанной теме.

Результаты и обсуждения

Теория мотивации учебной деятельности

Теорию мотивации учебной деятельности разрабатывали многие видные отечественные ученые психологи и педагоги: А.К. Маркова [3], Е.П. Ильин [4], Л.И. Божович [5], А.Н. Леонтьев [6], Б.Ф. Ломов [7], С.Л. Рубинштейн [8], В.Д. Шадриков [9].

Вслед за М. В. Ляшенко проследим хронологию развития теоретико-практических воззрений на учебную мотивацию. Ученый полагает, что условно можно выделить несколько этапов развития учения об учебной мотивации на российской почве. Так начальный этап развития отечественной теории учебной мотивации ориентировочно совпадает с временем существования СССР, укладываясь во временные границы 1917-1980-гг. На этом этапе считалось, что мотивация учебной деятельности осуществляется преимущественно через систему внешних факторов, среди которых социальному мотиву придавалось особое значение (Л.И. Божович [5], Л.С. Выготский [10], С.Л. Рубинштейн [8]). Под социальным мотивом в первую очередь понималось чувство долга перед страной.

Следующий этап ориентировочно пришелся на закат СССР и первые постперестроечные десятилетия (1980-2005 гг.), то есть на время смены экономической и политической парадигмы в нашей стране. Ученые А.К. Маркова [11], А.Н. Леонтьев [6], И.А. Зимняя [12], Е.П. Ильин [4] на данном

этапе уже определяли учебную мотивацию как соединение внешних и внутренних факторов. К внешним факторам относили сам характер учебной деятельности, влияние окружения, соперничество. А внутренними факторами считались интерес, эмоции, цели. В структуре мотивации А.Н. Леонтьев уже выделял потребности (предпосылки мотивации) и направленность мотивов [6]. Мотивация рассматривалась А.К. Марковой как компонент учебной деятельности [11]. Мотивационная сфера учащегося зависела от характера, осмысленности и зрелости целей и мотивов. А.К. Маркова, посвятившая большое число своих исследований изучению учебных мотивов школьников, вводит в оборот понятие «учебный смысл» (или смысл учения) как одно из ключевых в своей работе и фундамент мотивационной сферы ученика.

М.В. Ляшенко отмечает, что в этот период мотивацию стали рассматривать как процессы, запускающие деятельность человека, направляющие его поведение, устанавливающие цель. Ученый подчеркивает, что «такие психические свойства личности, как внимание, концентрация, усилие, настойчивость и инициативность – это мотивационные процессы, которые активируются и поддерживаются посредством человеческой энергии, одновременно фокусируются на направленный аспект мотивации» [1, с. 55].

Как отмечает Л.В. Санина, содержание мотивации характеризуется субъективной процессностью в сознании человека, что оказывает «влияние на его поведение. В функциональном смысле, мотивация может рассматриваться как процесс целенаправленного воздействия на формирование мотивов поведения людей. В таком понимании мотивация – важнейшая функция управления, причем как на уровне общества в целом, так и на уровне отдельной организации» [13]. Функциональный подход к мотивации важен в работе со студентами, так как данный угол зрения позволяет влиять их мотивацию, по мнению Е.В. Демидовой, «подталкивая личность к активному поиску удовлетворения потребностей» [14].

Современный, третий, этап разработки теории учебной мотивации в России – это период с 2006 года по настоящее время. Особенности этого этапа является повышенный интерес теоретиков и практиков образовательного процесса к разработке новых эффективных педагогических технологий, призванных компенсировать демографические проблемы: снижение уровня обучающихся вследствие малого числа абитуриентов и высокой конкуренции между учебными заведениями. У студентов, которых взяли в вуз с низкими баллами ЕГЭ, постепенно снижалась ценность образова-

ния. Наука тем временем искала пути, что противопоставить этим негативным процессам. В педагогике активизировался личностно-ориентированный подход, апологетами которого были И.С. Якиманская [15], Ю.К. Бабанский [166], Е.В. Карпова [17], S. Schunk [18], М.А. Степанова [199], Н.А. Бакшаева, А.А. Вербицкий [20], М.С. Ильина [21]. Это было время, когда первостепенными считались взаимоотношения ученика и учителя. Сам мотив получения знаний отодвигался на второй план. С этой точки зрения, мотив рассматривается как первотолчок: интерес к предмету, нацеленность на достижение знаний о нем, влекущая сила. Мотивов у человека может быть несколько, они неравнозначны, и можно составить индивидуальную системную иерархию мотивов человека.

До сих пор учеными в большей степени изучается внешняя мотивация, поэтому теория мотивации еще ждет своего исследователя, чтобы лучше прояснить феномен внутренней мотивации.

Б.Ф. Ломов [7], например, считает, что на систему личности организационно влияют мотивы. Мотивация вообще глубоко личностна.

Современной наукой мотивация признается сложным по своей структуре психологическим феноменом, поэтому мотивация изучается с различных сторон. Так, некоторые ученые шли по пути составления максимально полного списка возможных мотивов, вариантов их систематизации, изучения разнообразных факторов обеспечения эффективности учебного процесса, исследования способов развития мотивации, предпосылок и механизмов ее возникновения у человека.

А.Г. Асмолов [22] подверг анализу различные подходы к мотивации и классифицировал их так:

- 1) «стремление к гармонии» (психоанализ, когнитивная психология, необихевиаризм);
- 2) «стремление к напряжению» (индивидуальная психология А. Адлера, необихевиаризм, теория К. Левина);
- 3) «стремление к саморазвитию личности» (персонологический подход А. Маслоу, теория личности Г. Олпорта).

Отдельное внимание уделяется изучению мотивов. Что такое мотивы: «Мотивы, – отмечает Е.В. Шорохова, – выступают как стимулы, реальные двигатели человеческой деятельности, как мощнейшие регуляторы поведения» [23, с. 20-21].

Через теорию конструкторов описывает Х. Хекхаузен понятия мотивов и мотивации, полагая, что они являются дополняющими друг друга и выступают взаимными катализаторами. По сути это некие объяснительные конструкторы, а исследования мотивации, включает исследователь, фрагментарны и калейдоскопичны [24, с. 36-38]. Дей-

ствительно, понятие мотивации трактуется разными учеными весьма различно: от некоей активной бессознательной силы, которая побуждает человека, до деятельности, которая имеет цель и характеризуется осознанностью. Например, ученые Н.А. Бакшаева и Н.Н. Вербицкий заявляют, что «деятельности без мотива не бывает, следовательно, мотив является неотъемлемым структурным компонентом деятельности» [20, с. 6].

Чтобы очертить границы понятия «учебная мотивация», необходимо вначале определить, что такое учеба, учебная деятельность. Вслед за М.В. Ляшенко определим учебную деятельность как «индивидуальную, целеполагающую деятельность, которая рождает познавательный интерес и как следствие – потребность обучающегося в самореализации» [1, с. 58]. Крайне важно в период учебы формировать ценностное отношение к учебе, если это студента – к будущей профессии.

А.К. Маркова [11] определяет мотив учебной деятельности через направленность учебной деятельности. Мотив находит свое проявление через активность в обучении, проявляется через чувство долга, интерес, потребность, цель, установки.

Е.П. Ильин [4] понимает содержание мотива как некую потребность, намерение, побуждающие силы, связанные со свойствами личности, имеющие следствие в поведенческих особенностях человека.

Под потребностями в данном случае понимается недостаточность в области физиологии и психологии ощущений человека, убежденность в этой нужде желание получить знания.

А.Н. Леонтьев [6] вводит в научный оборот понятие личностного смысла учебной деятельности, который задают ему именно мотивы.

Очевидно, что большинство исследователей понимают под учебной мотивацией набор мотивов, функция которых – направлять человека к действию и обеспечивать результативность этого действия.

Набор основных учебных мотивов таков: познавательный, социальный, мотив достижения, мотив преодоления неудач, творческого развития. Последний является в максимальной степени побудительным. У него соревновательная природа: соревнование с другими, с самим собой, с образом идеального ученика (профессионала). Учащийся, который борется с трудностями, более удовлетворен при достижении результата.

Нельзя не отметить, что есть мотивы положительные – связанные с желанием быть успешным и полезным, а есть отрицательные – связанные со страхом наказания.

Учебные мотивы имеют свойство видоизменяться, если подвергаются воздействию различных внутренних и внешних факторов. Мотивы и потребности образуют сложное целое, взаимовлияющее, трансформирующееся под воздействием друг друга. Внешние факторы отвечают за параметр «удовлетворенность/неудовлетворенность», а внутренние факторы продвигают деятельность при условии наличия цели и возможности реализации задуманного.

Факторы мотивации оказывают на человека воздействие, которое характеризуется параллельностью протекания, одномоментностью и независимостью. Можно заключить, что не существует одной единственной иерархической системы потребностей личности, что приоритетные мотивы индивидуальны в каждом случае.

Обобщая, хочется отметить, что на современном этапе развития науки, как отмечает М.В. Ляшенко, «современные ученые сходятся на мысли, что мотивация учебной деятельности определяется как внутренний психический процесс человека с применением внешнего стимулирования деятельности через следующие факторы проявления активности: потребности, цель, влияние внешней среды, наличие предмета, установку на достижение, социальные потребности» [1, с. 62].

Многие ученые выбирают изучение учебной мотивации через призму поиска способов ее повышения посредством эффективной организации учебного процесса, что тоже относится к внешней мотивации. Проблеме взаимосвязи жизнестойкости и учебной мотивации у студентов, где исследуются механизмы внутренней мотивации через опорный стержневой феномен-конструкт психики человека – *hardiness*, посвящено исследование автора данной статьи [25].

Учебная мотивация – это процесс, запускающий, направляющий, поддерживающий усилия, которые направлены на осуществление учебной деятельности.

Учебная мотивация представляет из себя сложную комплексную систему, которая определяется мотивами, целями, реакциями на поражение, настойчивостью, установками учащегося.

Учебная мотивация представляет интерес на всех этапах онтогенеза человека: в младенчестве, в дошкольном, школьном возрасте, а также на последующих этапах жизнедеятельности индивида. Согласно современной концепции непрерывного обучения, пропаганды необходимости приобретения новых *soft skills* (мягких навыков) в течение всей жизни человека, учебная мотивация, факторы, ее определяющие, в том числе и особенности

ее трансформации в различных возрастах, являются предметом изучения у людей всех возрастов.

Учебная мотивация студентов имеет свою специфику, что обусловлено и физиологией нервной деятельности людей 17-25 лет, и профессиональной направленностью их учебных задач, рассмотрим, таким образом, подробнее специфику учебной мотивации студентов.

Особенности учебной мотивации студентов

Учебная мотивация студентов является неотъемлемым условием для эффективного учебного процесса. Невысокая учебная мотивация, незаинтересованность или непринятие учебы, может обусловить слабую успеваемость или даже неуспеваемости студента.

От учебных мотивов студента зависит то, как студент относится к учебе, нацелен ли на результат высокую успеваемость, значима ли для него перспектива стать профессионалом.

Е.П. Ильин поясняет, что «высокая позитивная мотивация может играть роль компенсирующего фактора в случае недостаточно высоких способностей; однако в обратном случае этот фактор не срабатывает – никакой высокий уровень способностей не может компенсировать отсутствие учебного мотива или низкую его выраженность, не может привести к значительным успехам в учебе» [4, с. 70].

Есть отличия в учебной мотивации студентов и школьников. Это связано с возрастными (нейрофизиологическими, психическими) особенностями, а также с тем, что деятельность студента не учебная, а учебно-профессиональная. Профессиональные мотивы соединяются с учебной мотивацией и становятся ее неотъемлемой частью. Исследованию мотивации учебно-профессиональной деятельности студентов посвятили свои работы А.А. Вербицкий, Н.А. Бакшаева [20], А.А. Реан [25, 26] другие психологи.

Изучение мотивации, считает М.В. Ляшенко, «означает определение ее реального уровня и перспектив, зоны ближайшего развития. Под созданием мотивации понимается создание условий для того, чтобы у студента появились внутренние побуждения (мотивы, цели, эмоции) к учебной деятельности. Зона ближайшего развития выявляется путем анализа имеющихся затруднений» [1, с. 54].

Важно обеспечить условия, при которых познавательная деятельность трансформируется в профессиональный мотив. Чтобы это произошло, по мнению А.А. Вербицкого, необходимо делать упор на развитие следующих мотивов:

- 1) мотив психологической готовности к профессиональной деятельности;
- 2) мотив самоопределения в профессии;

3) мотив ценностного отношения к профессии.

Выбор будущей профессии должен характеризоваться самостоятельностью, поскольку это способствует удовлетворенности студентов от собственной деятельности, а также положительно сказывается на формировании будущей профессиональной компетентности.

Под компетентностью в профессии ученый понимает ЗУНы профессиональной деятельности, устремленность к самообразованию и самосовершенствованию, творческое и ответственное отношение к выбранной сфере деятельности, а также личностные характеристики, определяющие готовность решать профессиональные задачи.

Существуют различные исследования студенческой мотивации в связи с личностными особенностями студентов. Так А.Г. Бугрименко исследовала соотношение образа «Я» и внутренней учебной мотивации студентов. Оказалось, «что студенты с более сложным образом «Я», воспринимают себя как субъект, который отличается от других субъектов, и наделен более высоким уровнем внутренней учебной мотивации. Также у данных студентов более высокие показатели самоопределяющего учения и мотивации самореализации в профессии. Они более самостоятельны и сильнее других вовлечены в учебный процесс» [28, с. 3].

Экспериментальные исследования учебной мотивации студентов, выполненные О.Ф. Гефеле, демонстрируют, что в целом учебная мотивация может выступать в качестве прогностического фактора развития аналитического мышления, формирования качественной рефлексии и личностной готовности к ответственному принятию решений [29]. Также мотивация тесно связана с личностными качествами студента, имеющимися у него ценностями и особенностями саморегуляции, по заключению А.В. Капцова [30]. О.А. Халифаева обнаружила, что мотивация демонстрирует взаимосвязи со стилями мышления [31], а А.В. Карпов – с демонстрируемыми метакогнитивными способностями [32].

Внешняя мотивация, по свидетельству Ф.В. Дериш, обнаруживает связь с высокой восприимчивостью к требованиям образовательного учреждения, удачам и неудачам в учебе, характером взаимодействий с преподавателями и однокурсниками [32]. Еще внешняя мотивация коррелирует с такими личностными чертами, как подозрительность, повышенная тревожность, эмоциональной неустойчивостью, склонность к жестокости, с интровертированностью, что было исследовано Л.В. Габаевой [33].

Напротив, внутренняя мотивация, постулирует Ф.В. Дериш, более связана с избеганием конфлик-

тов, нацеленностью на сотрудничеством и повышение собственной компетентности [32], выбором эффективной саморегуляции и результативностью деятельности (Т.О. Гордеева) [34]. Внутренняя мотивация, по свидетельству Л.В. Габаевой, также соотносится с общительностью, эмпатией по отношению к окружающим, эмоциональной стабильностью, большим спокойствием [33]. Развитая внутренняя мотивация характеризуется, как считает Д.О. Марков, принятием как себя, так и других, хорошей адаптивностью, комфортным эмоциональным фоном, внутренним локусом контроля [37]. Также внутренняя мотивация накапливанию и использованию полученного опыта, а внешняя мотивация и амотивация не накапливают такой опыт, пришел к выводу Е.Ю. Савин [38].

Учебная мотивация иностранных студентов в российских вузах

Отдельно хотелось бы обратить внимание на исследования, посвященные учебной мотивации иностранных студентов в российских вузах.

Н.Н. Сафукова и коллектив ученых определили, что «одним из ресурсов оптимизации обучения иностранных студентов является повышение значимости учебно-профессиональных мотивов. В более широком смысле эта проблема связана с процессом социокультурной адаптации, поскольку здесь оказывается значимым, как чувствует себя студент из другой страны, оказавшийся в новой для него социальной среде, как сформировать высокую мотивацию учения и повысить уровень усвоения профессиональных знаний» [39, с. 133].

О.В. Куликова также исследует тему мотивации учения иностранных студентов и постулирует, что «мотивация учения у иностранных студентов имеет свою специфику и отличается от уровня и динамики российских студентов. Так, у иностранных студентов на первых трех курсах обучения более высокие значения по внутренним мотивам учения, учебным мотивам, познавательным мотивам, мотивам приобретения знаний, овладения профессией и получения диплома, на четвертом курсе обучения у иностранных студентов происходит резкое снижение мотивации учения относительно российских студентов» [40, с. 5].

Автор полагает, что на появление изменений в учебной мотивации у студентов-иностранцев влияет попадание в новую чуждую социокультурную среду. «Для сохранения эмоционального равновесия, – считает О.В. Куликова, – иностранные «студенты опираются на то «менее неизвестное», что возможно в этой ситуации, и этим «менее неизвестным» оказывается процесс обучения, структурированный и связанный с их предыдущими знаниями» [40, с. 5].

Первый и второй годы курсы – это время интенсивного погружения иностранных студентов в процесс обучения. Этот механизм имеет цель снизить влияние незнакомой социокультурной среды. К окончанию бакалавриата у студентов происходит максимальная адаптация, появляются обширные социальные контакты, констатируется надевание интереса к учебной деятельности.

О.В. Куликова также исследует связь мотивов учения у студентов-иностранцев и их личностных особенностей. При этом обнаруживаются значимые связи мотивации учения с интернальностью, уровнем притязаний студентов, их интеллектом, уверенностью в себе, самочувствием в микросоциуме, стратегиями межличностных отношений.

В зависимости от характера этой зависимости О.В. Куликова выделяет две группы риска у студентов:

- 1) студенты с проблемами групповой адаптации;
- 2) студенты с крайне низкой учебной мотивацией.

Проведя формирующий эксперимент О.В. Куликова, выявила, что «в результате реализации специально организованной программы, направленной на актуализацию ценности высшего образования и субъективацию учебной деятельности у иностранных студентов посредством установления баланса между ценностями высшего образования и ценностями межличностных отношений, а также повышения интернальности локуса контроля, повышения самооценки и уровня притязаний возможно повысить показатели по внутреннему, познавательному, социальному мотивам, а также мотивам овладения профессией и получения диплома» [40, с. 5].

Изучение научной литературы по феномену жизнестойкости обнаружило пробел – отсутствие исследований, связанных с поиском взаимосвязей жизнестойкости и учебной мотивации у студентов. Автором статьи было проведено исследование, в котором выявилось, что между уровнями жизнестойкости и учебной мотивации имеется корреляция положительного характера. Были обнаружены различия уровней жизнестойкости и учебной мотивации у русских и китайских групп студентов [41, 42, 43].

Выводы

Вопросы повышения учебной мотивации остаются актуальными на сегодняшний день, несмотря на большое количество исследований, посвященных мотивационной сфере за столетнюю историю изучения вопроса. История изучения мотивации в общем и учебной мотивации, в частности, имеет поступательно-расширительную тенденцию. В настоящее время теоретическое осмысление учебной мотивации представляет собой широкий пласт фундаментальных трудов ученых. Дальнейшее направление изучения учебной мотивации представляет ценность в практической плоскости.

Автором статьи был внесен свой вклад в расширение и углубление понимания учебной мотивации во взаимосвязи с жизнестойкостью студентов – была обнаружена прямая корреляционная связь между этими психологическими феноменами-конструктами. Такой ракурс исследования учебной мотивации делает возможным через психологическое воздействие повышать жизнестойкость и одновременно повышать учебную мотивацию. Жизнестойкость, будучи пластичной, таким образом дает ключ к эффективной работе с учебной мотивацией.

Список источников

1. Ляшенко М.В. Мотивация учебной деятельности: основные понятия и проблемы // Вестник ЮУрГУ. Серия «Образование. Педагогические науки». 2019. Т. 11. № 1. С. 53 – 73.
2. Дондокова Е.Б., Балданов В.Д. Ценностный аспект постиндустриальной трансформации общества: влияние на рынок услуг высшего образования // Baikal Research Journal. 2015. Т. 6. № 6. 9 с. DOI: 10.17150/2411-6262.2015.6(6).14.
3. Маркова А.К., Матис Т.А., Орлов А.Б. Формирование мотивации учения: книга для учителя. М., 1990. 192 с.
4. Ильин Е.П. Мотивация и мотивы. Санкт-Петербург: Питер, 2011. 484 с.
5. Божович Л.И. Проблемы развития мотивационной сферы ребенка // Вестник практической психологии образования. 2012. Т. 33. № 4. С. 65 – 67.
6. Леонтьев Д.А. Понятие мотива у А. Н. Леонтьева и проблема качества мотивации // Вестник Моск. ун-та. Серия 14, Психология. 2016. № 2. С. 4 – 16.
7. Ломов Б.Ф. О системном подходе в психологии // Вопросы психологии. 1975. № 2. С. 31 – 45.
8. Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии. Серия: Мастера психологии. Санкт-Петербург: Издательство «Питер», 2002. 720 с.
9. Шадриков В.Д. Психология деятельности и способности человека: учебное пособие, 2-е изд., перераб. и доп. Москва: Логос, 1996. 320 с.

10. Выготский Л.С. Педагогическая психология. М., 1996. 496 с.
11. Маркова А.К., Матис Т.А., Орлов А.Б. Формирование мотивации учения: книга для учителя. М., 1990. 192 с.
12. Зимняя И.А. Педагогическая психология. Ростов-на-Дону: Феникс, 1997. 480 с.
13. Санина Л.В., Коломинов В.В. Совершенствование системы мотивации молодых ученых к активной научной деятельности: по материалам круглого стола в рамках II Байкальского юридического форума. DOI 10.17150/2411-6262.2022.13(1).34 // Baikal Research Journal. 2022. Т. 13. № 1. 11 с.
14. Демидова Е.В. Модель взаимосвязи мотивационной системы личности и организационной культуры. DOI 10.17150/2411-6262.2021.12(2).25 // Baikal Research Journal. 2021. Т. 12. № 2. 10 с.
15. Якиманская И.С. Предмет и методы современной педагогической психологии // Вопросы психологии. 2006. № 6. С. 3 – 13.
16. Бабанский Ю.К. Оптимизация учебно-воспитательного процесса. Москва: Искусство, 1982. 312 с.
17. Карпова Е.В. Метасистемный анализ мотивации учебной деятельности в структуре личности // Сибирский психол. журнал. 2006. № 24. С. 59 – 64.
18. Schunk D.H., Pintrich P.R., Meece J.L. Motivation in education: Theory, research, and applications. Upper Saddle River: Pearson Prentice Hall, 2008. P. 5 – 20.
19. Степанова М.А. Проблема личности в научном наследии П.Я. Гальперина // Культурно историческая психология. 2013. С. 201 – 109.
20. Бакшаева Н.А., Вербицкий А.А. Психология мотивации студентов. Москва: Юрайт, 2017. 180 с.
21. Ильина М.С., Вильданова Э.М., Муллагаянова Г.С. Мотивация как один из факторов успешного обучения иностранному языку // Вестник Набережночелнинского филиала Казанского нац. исслед. техн. ун-та им. А.Н. Туполева, 2016. С. 82 – 84.
22. Асмолов А.Г. Психология личности: учебник. Москва: Изд-во МГУ, 1990. 367 с.
23. Шорохова Е.В. Социальная детерминация поведения // Психологические проблемы социальной регуляции поведения. Москва, 1976. С. 20 – 21.
24. Хекхаузен Х. Мотивация и деятельность: в 2 т. / Под ред. Б.М. Величковского, Москва, 1986. Т. 1. 392 с.
25. Луговская М.Ю., Маштакова Н.С. Взаимосвязь жизнестойкости и учебной мотивации студентов // Высшее образование сегодня. 2024. № 2. С. 111 – 115.
26. Реан А.А., Коломинский Я.Л. Социальная педагогическая психология. Санкт-Петербург: Питер, 1999. 416 с.
27. Реан А.А., Бордовская Н., Розум С. Психология и педагогика. Санкт-Петербург: Питер, 2006. 432 с.
28. Бутрименко А.Г. Соотношение образа «Я» и внутренней учебной мотивации студентов: автореф. дис. ... канд. психол. наук. Москва, 2007. 23 с.
29. Гефеле О.Ф., Михайлова Е.Е. Академическая мотивация как предиктор развития критического мышления в векторе «студент-магистрант» // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Педагогика и психология. 2019. № 4 (49). С. 84 – 89.
30. Капцов А.В., Колесникова Е.И. Взаимосвязь успешности обучения и шкалы академической мотивации студентов с различными уровнями саморегуляции // Вестник Самарской гуманитарной академии. Серия: Психология. 2016. № 2 (20). С. 45 – 64.
31. Халифаева О.А., Коленкова Н.Ю., Тюрина И.Ю., Фаина А.Г. Взаимосвязь стилей мышления и академической успеваемости студентов // Образование и наука. 2020. Т. 22. № 7. С. 52 – 76.
32. Карпов А.В., Пошехонова Ю.В. Мотивационные и волевые особенности метапознания в учебной деятельности студентов // Ярославский психологический вестник. 2016. № 36. С. 18 – 20.
33. Дериш Ф.В., Пузырева Л.О. Вклад черт личности и академической мотивации в успешность обучения // Вестник Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета. Серия 1, Психологические и педагогические науки. 2018. № 1. С. 39 – 53.
34. Габаева Л.М., Кожевникова О.В. Взаимосвязь академической мотивации с личностными особенностями студентов университета // Социальные и гуманитарные науки: теория и практика. 2018. № 1 (2). С. 658 – 668.
35. Гордеева Т.О., Сычев О.А. Мотивационные профили как предикторы саморегуляции и академической успешности студентов // Вестник Московского университета. Серия 14, Психология. 2017. № 1. С. 67 – 87.

36. Габаева Л.М., Кожевникова О.В. Взаимосвязь академической мотивации с личностными особенностями студентов университета // Социальные и гуманитарные науки: теория и практика. 2018. № 1 (2). С. 658 – 668.
37. Марков Д.О. Социально-психологические аспекты академической мотивации обучающихся на высших ступенях непрерывного образования // Вестник Костромского государственного университета. Серия: Педагогика. Психология. Социокинетика. 2019. Т. 25. № 2. С. 62 – 67.
38. Савин Е.Ю. Соотношение субъектного опыта студента с внешней и внутренней мотивацией академической активности // Мир науки. Педагогика и психология. 2019. Т. 7. № 2. С. 59 – 63.
39. Сафукова Н.Н., Николаева И.А., Стрюкова Г.А. Особенности мотивации учения иностранных студентов // Человеческий капитал. 2019. № 10 (130). С. 133 – 139.
40. Куликова О.В. Особенности мотивации учения иностранных студентов: автореф. дис. ... канд. психол. наук. Курск, 2008. 22 с.
41. Луговская М.Ю., Маштакова Н.С. Взаимосвязь жизнестойкости и учебной мотивации студентов // Высшее образование сегодня. 2024. № 2. С. 111 – 115.
42. Луговская М.Ю. Факторный анализ в изучении взаимосвязи жизнестойкости и учебной мотивации студентов // Научное мнение. 2024. № 4. С. 95 – 99. DOI: https://doi.org/10.25807/22224378_2024_4_95
43. Луговская М.Ю., Гладкова Т.В. Уровень жизнестойкости и учебной мотивации у русских и китайских студентов // Высшее образование сегодня. 2024. № 3. С. 86 – 90.

References

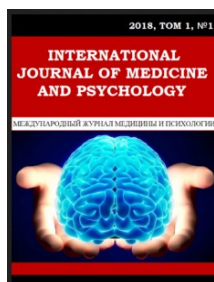
1. Lyashenko M.V. Motivation of educational activity: basic concepts and problems. Bulletin of SUSU. Series "Education. Pedagogical sciences". 2019. Vol. 11. No. 1. P. 53 – 73.
2. Dondokova E.B., Baldanov V.D. Value aspect of post-industrial transformation of society: impact on the market of higher education services. Baikal Research Journal. 2015. Vol. 6. No. 6. 9 p. DOI: 10.17150/2411-6262.2015.6 (6). 14.
3. Markova A.K., Matis T.A., Orlov A.B. Formation of motivation for learning: a book for a teacher. Moscow, 1990. 192 p.
4. Ilyin E.P. Motivation and motives. St. Petersburg: Piter, 2011. 484 p.
5. Bozhovich L.I. Problems of Development of the Child's Motivational Sphere. Bulletin of Practical Psychology of Education. 2012. Vol. 33. No. 4. P. 65 – 67.
6. Leontiev D.A. The Concept of Motive in A.N. Leontiev and the Problem of the Quality of Motivation. Bulletin of the Moscow University. Series 14, Psychology. 2016. No. 2. P. 4 – 16.
7. Lomov B.F. On the Systems Approach in Psychology. Questions of Psychology. 1975. No. 2. P. 31 – 45.
8. Rubinstein S.L. Fundamentals of General Psychology. Series: Masters of Psychology. St. Petersburg: Piter Publishing House, 2002. 720 p.
9. Shadrikov V.D. Psychology of Human Activity and Abilities: A Textbook, 2nd Edition, Revised and Supplemented. Moscow: Logos, 1996. 320 p.
10. Vygotsky L.S. Pedagogical Psychology. Moscow, 1996. 496 p.
11. Markova A.K., Matis T.A., Orlov A.B. Formation of Learning Motivation: A Teacher's Book. Moscow, 1990. 192 p.
12. Zimnyaya I.A. Pedagogical Psychology. Rostov-on-Don: Phoenix, 1997. 480 p.
13. Sanina L.V., Kolominov V.V. Improving the system of motivating young scientists for active scientific work: based on the materials of the round table within the framework of the II Baikal Legal Forum. DOI 10.17150/2411-6262.2022.13(1).34. Baikal Research Journal. 2022. Vol. 13. No. 1. 11 p.
14. Demidova E.V. Model of the relationship between the motivational system of an individual and organizational culture. DOI 10.17150/2411-6262.2021.12(2).25. Baikal Research Journal. 2021. Vol. 12. No. 2. 10 p.
15. Yakimanskaya I.S. Subject and methods of modern educational psychology. Questions of psychology. 2006. No. 6. P. 3 – 13.
16. Babanskii Yu.K. Optimization of the educational process. Moscow: Iskusstvo, 1982. 312 p.
17. Karpova E.V. Metasystem Analysis of Motivation of Learning Activity in the Structure of Personality. Siberian Psychological Journal. 2006. No. 24. P. 59 – 64.
18. Schunk D.H., Pintrich P.R., Meece J.L. Motivation in education: Theory, research, and applications. Upper Saddle River: Pearson Prentice Hall, 2008. P. 5 – 20.
19. Stepanova M.A. The Problem of Personality in the Scientific Heritage of P.Ya. Galperin. Cultural and Historical Psychology. 2013. P. 201 – 109.

20. Bakshaeva N.A., Verbitsky A.A. Psychology of students' motivation. Moscow: Yurait, 2017. 180 p.
21. Ilyina M.S., Vildanova E.M., Mullagayanova G.S. Motivation as one of the factors of successful foreign language learning. Bulletin of the Naberezhnye Chelny branch of the Kazan National Research Technical University named after A.N. Tupolev, 2016. P. 82 – 84.
22. Asmolov A.G. Personality Psychology: textbook. Moscow: Moscow State University Publishing House, 1990. 367 p.
23. Shorokhova E.V. Social determination of behavior. Psychological problems of social regulation of behavior. Moscow, 1976. P. 20 – 21.
24. Heckhausen H. Motivation and activity: in 2 volumes. Ed. B.M. Velichkovsky, Moscow, 1986. Vol. 1. 392 p.
25. Lugovskaya M.Yu., Mashtakova N.S. The relationship between students' resilience and academic motivation. Higher education today. 2024. No. 2. P. 111 – 115.
26. Rean A.A., Kolominsky Ya.L. Social educational psychology. St. Petersburg: Piter, 1999. 416 p.
27. Rean A.A., Bordovskaya N., Rozum S. Psychology and pedagogy. St. Petersburg: Piter, 2006. 432 p.
28. Butrimenko A.G. The relationship between the image of "I" and the internal educational motivation of students: auto-ref. diss. candidate of psychological sciences. Moscow, 2007. 23 p.
29. Gefele O.F., Mikhailova E.E. Academic motivation as a predictor of the development of critical thinking in the "student-master's student" vector. Bulletin of Tver State University. Series: Pedagogy and Psychology. 2019. No. 4 (49). P. 84 – 89.
30. Kaptsov AV, Kolesnikova EI Relationship between learning success and the scale of academic motivation of students with different levels of self-regulation. Bulletin of the Samara Humanitarian Academy. Series: Psychology. 2016. No. 2 (20). P. 45 – 64.
31. Khalifaeva O.A., Kolenkova N.Y., Tyurina I.Y., Fadina A.G. Relationship between thinking styles and academic performance of students. Education and Science. 2020. Vol. 22. No. 7. P. 52 – 76.
32. Karpov A.V., Poshekhonova Yu.V. Motivational and volitional features of metacognition in the educational activities of students. Yaroslavl Psychological Bulletin. 2016. No. 36. P. 18 – 20.
33. Derish F.V., Puzyreva L.O. The Contribution of Personality Traits and Academic Motivation to Academic Success. Bulletin of Perm State Humanitarian and Pedagogical University. Series 1, Psychological and Pedagogical Sciences. 2018. No. 1. P. 39 – 53.
34. Gabaeva L.M., Kozhevnikova O.V. The Relationship between Academic Motivation and Personality Traits of University Students. Social and Humanitarian Sciences: Theory and Practice. 2018. No. 1 (2). P. 658 – 668.
35. Gordeeva T.O., Sychev O.A. Motivational Profiles as Predictors of Self-Regulation and Academic Success of Students. Bulletin of Moscow University. Series 14, Psychology. 2017. No. 1. P. 67 – 87.
36. Gabaeva L.M., Kozhevnikova O.V. The relationship between academic motivation and personal characteristics of university students. Social and Humanitarian Sciences: Theory and Practice. 2018. No. 1 (2). P. 658 – 668.
37. Markov D.O. Social and psychological aspects of academic motivation of students at higher levels of continuous education. Bulletin of Kostroma State University. Series: Pedagogy. Psychology. Sociokinetics. 2019. Vol. 25. No. 2. P. 62 – 67.
38. Savin E.Yu. The relationship between a student's subjective experience and external and internal motivation for academic activity. World of Science. Pedagogy and Psychology. 2019. Vol. 7. No. 2. P. 59 – 63.
39. Safukova N.N., Nikolaeva I.A., Stryukova G.A. Features of foreign students' motivation for learning. Human capital. 2019. No. 10 (130). P. 133 – 139.
40. Kulikova O.V. Features of foreign students' motivation for learning: author's abstract. diss. ... candidate of psychological sciences. Kursk, 2008. 22 p.
41. Lugovskaya M.Yu., Mashtakova N.S. The relationship between students' resilience and academic motivation. Higher education today. 2024. No. 2. P. 111 – 115.
42. Lugovskaya M.Yu. Factor analysis in the study of the relationship between hardiness and academic motivation of students. Scientific opinion. 2024. No. 4. Pp. 95 – 99. DOI: https://doi.org/10.25807/22224378_2024_4_95
43. Lugovskaya M.Yu., Gladkova T.V. The level of hardiness and academic motivation in Russian and Chinese students. Higher education today. 2024. No. 3. P. 86 – 90.

Информация об авторе

Луговская М.Ю., ORCID ID: <https://orcid.org/0009-0000-1023-2559>, Байкальский государственный университет, 010633@bgu.ru

© Луговская М.Ю., 2025

Научно-исследовательский журнал «International Journal of Medicine and Psychology / Международный журнал медицины и психологии»

<https://ijmp.ru>

2025, Том 8, № 4 / 2025, Vol. 8, Iss. 4 <https://ijmp.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.3.1. Общая психология, психология личности, история психологии (психологические науки)

УДК 159.99

¹ Ганьшин С.О.,

¹ Московский финансово-промышленный университет Синергия

Факторы, влияющие на рациональное и иррациональное мышление

Аннотация: актуальность темы исследования состоит в том, чтобы одним из важнейших вопросов в поведении людей является склонность к рациональному и иррациональному мышлению. Цель исследования состоит в том, чтобы выявить причины и факторы, способствующие тому или иному мышлению. Задачи исследования: выявить основные теоретические подходы к изучению иррационального и рационального типов мышлений, провести эмпирическое исследование и верифицировать его результаты.

Методы исследования включали в себя: историографический анализ научного дискурса изучаемой темы. В эмпирической части работы основным методом исследования выступил лабораторный эксперимент, который был спланирован как индивидуальное взаимодействие экспериментатора с испытуемым в два этапа. В первом этапе испытуемому давались сложные задачи. А на втором этапе – простые. Задачи по критериям сложности и простоты были отобраны на основании материала учебной дисциплины.

В результате проведенного исследования была выявлена следующая закономерность; чем проще решаемая задача и чем выше вознаграждение и риски при такой задаче, тем больше человек опирается на рациональное мышление. В противоположных ситуациях, когда осведомленность человека ниже, наблюдается большая склонность к иррациональному и интуитивному мышлению, а вознаграждение и риски катализируют данный эффект.

Проведенный эксперимент позволил установить факторы и причины, оказывающие влияние на возникновение рационального и иррационального мышления, измерены их количественно-качественные показатели и характеристики.

Ключевые слова: рациональное мышление, иррациональное мышление, интуиция, сознательность

Для цитирования: Ганьшин С.О. Факторы, влияющие на рациональное и иррациональное мышление // International Journal of Medicine and Psychology. 2025. Том 8. № 4. С. 125 – 132.

Поступила в редакцию: 8 февраля 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 6 апреля 2025 г.; Принята к публикации: 22 мая 2025 г.

¹ Ganshin S.O.,

¹ Moscow University of Finance and Industry Synergy

Factors influencing rational and irrational thinking

Abstract: the research topic is that one of the most important issues in human behavior is the inclination to rational and irrational thinking. The research goal is to identify the causes and factors that contribute to this or that thinking.

The research methods included: historiographical analysis of the scientific discourse of the topic under study. In the empirical part of the work, the main research method was a laboratory experiment, which was planned as an individual interaction between the experimenter and the subject in two stages. In the first stage, the subject was given difficult tasks. And at the second stage – simple. Tasks according to the criteria of complexity and simplicity were selected on the basis of the material of the academic discipline.

As a result, the following pattern was revealed; The easier the task to be solved and the higher the rewards and risks in such a task, the more a person relies on rational thinking. In the opposite situations, where a person's awareness is lower, there is a greater tendency to irrational and intuitive thinking, and rewards and risks catalyze this effect.

The experiment made it possible to establish the factors and causes that influence the emergence of rational and irrational thinking, to measure their quantitative and qualitative indicators and characteristics.

Keywords: rational thinking, irrational thinking, intuition, consciousness

For citation: Ganshin S.O. Factors influencing rational and irrational thinking. International Journal of Medicine and Psychology. 2025. 8 (4). P. 125 – 132.

The article was submitted: February 8, 2025; Approved after reviewing: April 6, 2025; Accepted for publication: May 22, 2025

Введение

Актуальность темы исследования состоит в том, что когнитивные искажения, систематические отклонения от норм рациональности, представляя собой значимый фактор, предопределяющий иррациональное мышление. В свою очередь, эмоциональное состояние оказывает существенное влияние на когнитивные процессы. Стресс, тревога и депрессия могут негативно сказываться на способности к логическому анализу и взвешенному принятию решений.

Социальное окружение и культурные нормы также оказывают непосредственное воздействие на формирование мышления. Образование и уровень когнитивного развития являются ключевыми детерминантами рационального мышления. Развитие критического мышления, способности к логическому анализу и умения выявлять когнитивные искажения требует целенаправленного обучения и тренировки.

Под мышлением мы понимаем когнитивный (познавательный) психический процесс, предполагающий обработку информации посредством аналитико-синтетической деятельности. При этом анализ и синтез информации правым и левым полушарием головного мозга осуществляется не одинаково. К правому полушарию чаще всего относится обработка образной информации, оценка различных жизненных ситуаций, а также категоризация, классификация и обобщение этих образов от конкретного образа (percept) до образа-типа (image). В этой связи качественное свойство образной и ситуативной информации в памяти индивида имеет феноменологическую природу, самим фактом своего наличия и накопления житейского опыта создаёт предпосылку к интуиции и интуитивному стилю познания. Информацию правого полушария невозможно в полной мере выразить словами, как например картину Мона Лизы лучше увидеть, чем услышать ее описание. Данный стиль познания в нашей работе мы отождествляем с ир-

рациональным мышлением, поскольку причинно-следственная связь не всегда обнаруживается. С другой стороны, кора левого полушария головного мозга в большей степени задействована в абстрактно-логических операциях, направленных на обобщение информации, выявления основных признаков (свойств) предметов, явлений и связей между ними. В этом случае мы можем говорить о рациональном мышлении. Рациональное мышление имеет форму или масштаб обобщения с построением логических связей от понятия, суждения до умозаключения [5, 12].

Рациональные и иррациональные виды мышления отвечают за выполнение различных задач и осуществления качественно отличных друг от друга мыслительных операций от конкретизации до абстрагирования. Их взаимодействие способствует лучшей обработке информации и наиболее адекватному поведению индивида. С точки зрения Р. Грегори при восприятии внешнего объекта или ситуации происходит автоматическое построение гипотез о том, что наблюдается в данный момент времени. Такие гипотезы восприятия могут относиться к абстрактным понятиям и к конкретным объектам [26, 27]. В ситуации неопределённости и повышенной сложности, экстремальности может возрастать интуитивный стиль познания, который становится творческим способом поиска нового решения [8].

С. Эпштейн был одним из психологов исследовавших вопрос рациональности и иррациональности. С его точки зрения психика способна одновременно и к рационально-аналитической и интуитивно-опытной деятельности. Последний вариант нередко связан также с социальным и эмоциональным интеллектом. С его точки зрения уход в крайности, когда у человека значительно преобладает один из видов мышления, приводит к деструктивным последствиям. Например, к аномалиям или акцентуациям (психопатиям) личности и характера [9, 22].

В тоже время иррациональное мышление гораздо шире в своём содержании, и, несмотря на отдельные положительные аспекты, включает в себя также когнитивные ошибки, иллюзии, иррациональные установки. В частности, такими иррациональными установками могут выступать, например, «вера в справедливый мир» («just-world hypothesis»), описанные М. Лернером, вера в удачу, вера в судьбу. Чаще всего такие иррациональные установки снижают нагрузку на психику со стороны жизненных противоречий и понижают ответственность, дают надежду в сложной жизненной ситуации, а в некоторых случаях чрезмерно искажают восприятие реальности [31].

Известный швейцарский психолог Ж. Пиаже выделял несколько видов мышления. К рациональному можно отнести то, которое соответствует формальным операциям, к ним он относил следующие свойства: децентрация, наличие понятий, обобщений, абстрагирования и логических связей. Такое мышление оторвано от собственных желаний и в большей степени объективно. Интуитивное же мышление в большей степени относится к конкретному и синкретическому типу. Конкретное мышление предполагает буквальность восприятия, а синкретическое связано с нерасчлененностью и центрацией личности. Ее синкретическое восприятие и выводы зависимы от субъективных желаний, личных ожиданий, представлений. Таким образом, интуитивное мышление есть такое мышление, когда человек не способен увидеть разницу между желаемым и действительным, неосознанно смешивает их [10, 33].

Также иррациональный компонент мышления связан с такими понятиями как «защитные механизмы психики» в рамках психоаналитической концепции, и «копинг-стратегии» Р. Лазаруса, С. Фолкмана [8, 23]. А. Эллис описывал результаты иррационального мышления как автоматические установки: долженствование, катастрофизация, персонализация, предсказание негативного будущего, чтение мыслей и другое [21]. Также, в своих работах Г. Хофстеде считал, что рациональное и иррациональное мышление зависят от культурного влияния, которое еще с раннего возраста формирует определённые типы мыслительных операций и ментальность [30].

С. Аш установил, что внутригрупповое давление и конформизм могут приводить к тому, что человек ведёт себя иррационально. Он скорее согласится с тем, что сам ошибается, чем ошибается группа, даже в очевидных противоречиях [17].

В соответствии с законом Йеркса-Додсона следует, что для рационального восприятия и поведения требуется оптимальный (средний) уровень

мотивации. При низких или высоких значениях эффективность деятельности снижается. В тоже время, если деятельность оказывается чрезвычайно сложной или слишком простой существует тенденция к иррациональности. При сложной деятельности мотивации извне требуется меньше, а при простой деятельности - больше. Кроме того, черты темперамента человека в особенности меланхолика и холерика (то есть наличие неуравновешенности с преобладанием торможения или возбуждения) корректирует оптимальный уровень мотивации. Повышенный уровень пассивности или активизации задает определенную среду для возникновения иррациональных установок [34].

Материалы и методы исследований

В качестве материалов исследования были использованы работы таких авторов, как В.Г. Асеев [1], А.А. Бодалев [2], А.В. Брушлинский [3], Л.С. Выготский [4], П.Я. Гальперин [5], Б.В. Зейгарник [6], В.П. Зинченко [7], Р.С. Лазарус [8], В.С. Леднев [9], Ж. Пиаже [10] и др.

Методические аспекты изучения темы были изучены на основе работ таких исследователей, как К.К. Платонов [11], С.Д. Рубинштейн [12], Е.Т. Соколова [13], А.А. Ухтомский [14], А.А. Ухтомский [15], М.А. Холодная [16] и др.

Наше эмпирическое исследование состояло из четырех основных этапов:

1. Организационный или плановый этап;
2. Экспериментальный;
3. Аналитический и статистический этап.
4. Заключение и выводы.

На организационно-плановом этапе были сформулированы объект, предмет и цель исследования. Объектом является мышление и когнитивные процессы. Предметом выступают факторы (условия), влияющие на мышление (рациональное-иррациональное). Цель исследования - изучить какие факторы влияют на рациональное и иррациональное мышление и поведение испытуемых, сформировать такие условия, при которых более вероятен определённый тип мышления. Нами были отобраны следующие факторы (условия): сложность и простота задачи, выдвигаемая перед испытуемым в ходе эксперимента, а также его мотивация при решении задачи посредством награды или рисков. Награда добавляла балл за правильный ответ, а ошибка его отнимала. Методом исследования выступил лабораторный эксперимент, в котором контролировались упомянутые выше факторы (условия).

Эксперимент был спланирован как индивидуальное взаимодействие экспериментатора с испытуемым, в котором испытуемый проходил два этапа. В первом этапе испытуемому давались слож-

ные задачи. А на втором этапе - простые задачи. Задачи по критериям сложности и простоты были отобраны на основании материала учебной дисциплины. Поскольку выборку составили студенты первого курса факультета психологии Московского финансово-промышленного университета «Синергия» в возрасте от 18 до 24 лет, по этой причине сложность задач можно было контролировать. Простые задачи относились к уже пройденному материалу по учебной дисциплине «Общая психология», а сложные – к еще неизученным темам. Всего было обследовано 48 испытуемых поровну мужчин и женщин в своём составе. В связи с тем, что вопросы имеют отношение к обучению, поэтому учитывался фактор успеваемости. Студенты, которые имели низкую успеваемость, в исследовании не принимали участия, так как нам нужно было добиться того, чтобы простые задачи по дисциплине были восприняты как простые, а сложные как сложные. В процессе проведения эксперимента каждому испытуемому давалось по 10 задач, которые можно было решить, прибегнув либо к рациональному, либо иррациональному мышлению в зависимости от желания самого испытуемого.

Результаты и обсуждения

Необходимо было давать по 10 заданий при каждом новом факторе (условии):

Первый этап со сложными заданиями:

Фактор «Без мотивации» - 10 заданий.

Фактор «Награда» - 10 заданий.

Фактор «Риск» - 10 заданий.

Второй этап с простыми заданиями:

Фактор «Без мотивации» - 10 заданий.

Фактор «Награда» - 10 заданий.

Фактор «Риск» - 10 заданий.

Суммарно на одного испытуемого приходилось 60 заданий. Задания не повторялись. Процедура проведения эксперимента выглядела следующим образом. Вначале экспериментатор давал испытуемому инструкцию:

«Сейчас Вам будут предъявлены 10 заданий, которые Вы можете решить одним из двух возможных способов:

Первый предполагает чтение задания в виде вопроса, относящегося к дисциплине «Общая психология», под вопросом Вы увидите 6 вариантов ответов, из которых 1 правильный, остальные неправильные. Вы можете выбрать тот, который считаете верным.

Второй способ предполагает, что Вы можете положиться на свою удачу и везение. Тогда загадайте громко и вслух число от 1 до 6, и, используя компьютерное приложение, имитирующее игральные кости, нажмите на кнопку, которое выдаст Вам случайное число». Вначале у испытуемого уточнялось, какой способ решения задачи он предпочтёт, если он выбирал вопрос – ему предъявлялся вопрос с вариантами ответов на него, если предпочитал играть в кости – то кости. Так 10 раз на каждый фактор (без мотивации, награда, риск) в условиях сложной и простой задачи. Рациональные и иррациональные решения испытуемого, его выбор ответа на вопрос, записывались в протокол, в котором можно было посчитать сколько вариантов пришлось на рациональное, а сколько на иррациональное мышление.

При факторе (условии) награды инструкция дополнялась: *«Правильное решение задачи добавит Вам 1 балл».*

При факторе (условии) риска инструкция заканчивалась следующими словами: *«Неправильное решение отнимет у Вас 1 балл».*

Эмпирическая гипотеза заключается в том, что факторы (условия) сложности, простоты, а также наличия награды и рисков влияют на возникновение рационального и иррационального мышления. Результаты эксперимента были приведены к средним арифметическим значениям и переведены в процентное соотношение между рациональным и иррациональным мышлением (табл. 1).

Таблица 1

Процент рационального и иррационального мышления при различных факторах (условиях).

Table 1

Percentage of rational and irrational thinking under various factors (conditions).

Виды мышления	Сложные задачи			Простые задачи		
	Без мотивации	Награда	Риск	Без мотивации	Награда	Риск
Рациональное	33 %	21%	15%	57%	60%	71%
Иррациональное	67 %	79%	85%	43%	40%	29%

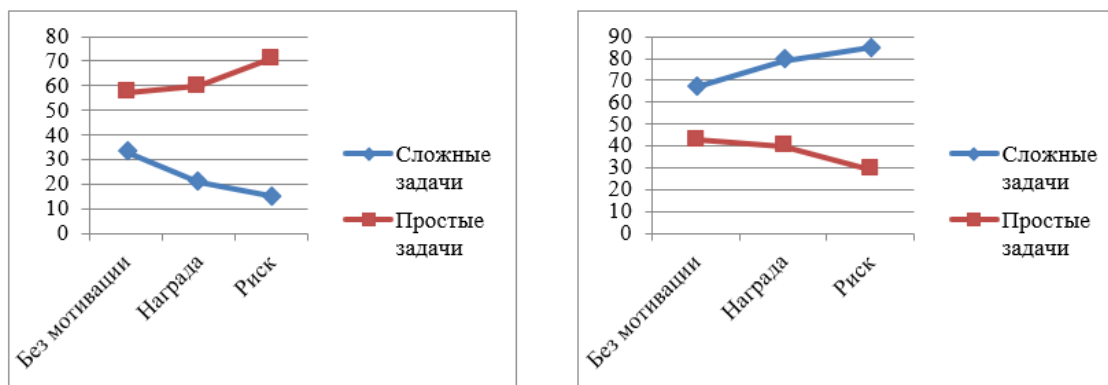

Рис. 1. График рационального (слева) и иррационального (справа) мышления при различных факторах (условиях).

Fig. 1. Graph of rational (left) and irrational (right) thinking under different factors (conditions).

Мы видим, что при решении сложных задач преобладает иррациональное мышление от 67 до 85%, то есть испытуемые чаще выбирали игральные кости, вместо ответа на вопрос. В то время как при решении простых задач преобладает рациональное мышление (ответы на вопросы) в диапазоне от 57 до 71%.

Ситуацию без мотивации, то есть без награды и риска, когда просто даётся либо сложная, либо

простая задача без стимулирования, можно считать условно «чистой» от воздействия внешних факторов, зависимой исключительно от субъективной оценки задачи как сложной или простой. В условиях же, когда действуют на «чистую ситуацию» отдельно награда и риски, мы можем посчитать процент изменения в рациональном и иррациональном мышлении (табл. 2).

Таблица 2

Процент различия влияния факторов (условий).

Table 2

Percentage of difference in the influence of factors (conditions).

Виды мышления	Сложные задачи		Простые задачи	
	Награда	Риск	Награда	Риск
Рациональное	-12%	-18%	+3%	+14%
Иррациональное	+12%	+18%	-3%	-14%

При решении сложных задач, когда испытуемому предлагается награда степень иррациональности повышается на 12%, а при рисках возрастает еще больше – на 18%. При решении простых задач, когда испытуемый мотивирован наградой его рациональность повышается на 3%, а при рисках на 18%. То есть награда, а в особенности риски действуют как катализатор уже имеющегося типа мышления.

Таким образом, мы видим различия между факторами (условиями), создаваемыми и контролируруемыми при проведении эксперимента. Однако нам необходимо подтвердить, что эти различия имеют статистическую значимость. Статистическая нулевая гипотеза (H_0) гласит о том, что статистических различий между условиями, в которых проводится эксперимент, не будет выявлено, различия случайны. Альтернативная гипотеза (H_1), напротив, утверждает наличие такой статистической значи-

мости, то есть различие в результатах неслучайно. Для проверки гипотез нами был осуществлён однофакторный дисперсионный анализ с помощью программы «IBM – Statistical Package for the Social Sciences (SPSS) Statistics» версии 26 с использованием метода Analysis of Variance (ANOVA). Основным фактором статистики мы рассматривали мышление (рациональное и иррациональное) при различных зависимых переменных: сложность и простота задачи, награда и риски как мотивация к решению задачи. Полученные данные показывают, что различия между фактором мышления и зависимыми переменными имеют высокую статистическую значимость. Эмпирический критерий Фишера (F) равен 84,5, что больше критических значений при $p \leq 0,05$ (5%) и $p \leq 0,01$ (1%). Результаты представлены в табл. 3. Статистическая нулевая гипотеза (H_0) отклоняется, альтернативная гипотеза (H_1) принимается.

Таблица 3

Однофакторный дисперсионный анализ на проверку статистического различия между факторами (условиями).

Table 3

One-way analysis of variance to test statistical differences between factors (conditions).

ANOVA					
Рациональность	Сумма квадратов	ст.св.	Средний квадрат	F	Значимость
Между группами	391,733	5	78,347	84,518	,000
Внутри групп	77,867	84	,927		
Всего	469,600	89			

Это доказывает нашу эмпирическую гипотезу о том, что факторы (условия) сложности, простоты, наличия награды и рисков влияют на возникновение рационального и иррационального мышления.

Проведённый нами эксперимент доказал возможность повышать у испытуемых степень рационального или иррационального мышления под влиянием внешних факторов (условий).

Выводы

1. Рациональное и иррациональное мышление можно сформировать и подтолкнуть внешними факторами и воздействием.

2. Рациональное мышление возрастает при наличии простых для испытуемых задач, и повышается при наличии дополнительных мотиваций: наград и рисков.

3. Иррациональное мышление возрастает при сложных задачах (непривычных) и проявляется еще больше при высокой мотивации через награды и риски.

4. Стоит отметить, что риски воспринимаются испытуемыми более значимо, чем вознагражде-

ния. Опасность потерять баллы оказывается сильнее возможности приобрести.

5. Знания о факторах (условиях), способствующих рациональному и иррациональному мышлению, способны быть использованы в практических видах деятельности, например, в педагогике, в которой обучаемым необходимо формировать рациональное мышление. Соответственно, достигнув уверенности в том, что обучаемые усвоили материал программы дисциплины, мы также сможем быть уверены и в том, что этот материал воспринят ими как простая задача, а при дополнительной мотивации (наградах и рисках) рациональное мышление будет развиваться и повышаться. Без такой качественной оценки усвоения уровня знаний существуют риски формирования, напротив, иррационального мышления, которое, вероятно, может отрицательно повлиять на самооценку учащихся, вызвать отторжение новой информации, увести в фантазию и воображение, избегание трудностей, и закрепить ожидание негативного будущего в процессе учебы.

Список источников

1. Асеев В.Г. Психология мотивации. М.: Эксмо, 2006. 256 с.
2. Бодалев А.А. Психология мышления и восприятия. М.: Просвещение, 1979. 336 с.
3. Брушлинский А.В. Мышление и сознание личности. М.: Наука, 1983. 352 с.
4. Выготский Л.С. Мышление и речь. М.: Лабиринт, 1999. 352 с.
5. Гальперин П.Я. Психология мышления и учения о поэтапном формировании умственных действий. М.: Наука, 1966. 304 с.
6. Зейгарник Б.В. Психология мышления и личности. М.: МГУ, 1976. 280 с.
7. Зинченко В.П. Введение в психологию мышления. М.: МГУ, 1985. 280 с.
8. Лазарус Р.С. Теория стресса и психофизиологические исследования. М.: Наука, 1970. 320 с.
9. Леднев В.С. Личность и мышление. М.: Наука, 1987. 304 с.
10. Пиаже Ж. Психология интеллекта и мышления. М.: Прогресс, 1969. 358 с.
11. Платонов К.К. Мышление и деятельность. М.: Педагогика, 1972. 416 с.
12. Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии. СПб.: Питер, 2002. 720 с.
13. Соколова Е.Т. Психология мышления и эмоций. М.: Институт психологии РАН, 2002. 320 с.
14. Ухтомский А.А. Введение в психологию мышления. Л.: Издательство Ленинградского университета, 1966. 144 с.

15. Ухтомский А.А. Доминанта. Л.: Издательство Ленинградского университета, 1966. 144 с.
16. Холодная М.А. Психология интеллекта. Парадоксы исследования. СПб.: Питер, 2002. 272 с.
17. Asch S.E. Social Psychology. Englewood Cliffs: Prentice-Hall, 1952. 376 p.
18. Baddeley A. Working Memory. Oxford: Clarendon Press, 1986. – 432 p.
19. Bartlett F.C. Remembering: A Study in Experimental and Social Psychology. Cambridge: Cambridge University Press, 1932. 336 p.
20. Clark H.H. Using Language. Cambridge: Cambridge University Press, 1996. 432 p.
21. Ellis A. Reason and Emotion in Psychotherapy. – New York: Lyle Stuart, 1962. 358 p.
22. Epstein S. Constructive Thinking: The Key to Emotional Intelligence. Westport: Praeger, 1998. 285 p.
23. Folkman S., Lazarus, R.S. Stress, Appraisal, and Coping. New York: Springer, 1984. 456 p.
24. Freud S. The Interpretation of Dreams. New York: Macmillan, 1953. 477 p.
25. Freud A. The Ego and the Mechanisms of Defence. London: Hogarth Press, 1936. 191 p.
26. Gregory R.L. Eye and Brain: The Psychology of Seeing. New York: McGraw-Hill, 1978. 288 p.
27. Gregory R.L. The Intelligent Eye. New York: McGraw-Hill, 1970. 160 p.
28. Hitch G. Working Memory: Past, Present, and Future. Oxford: Oxford University Press, 1994. 384 p.
29. Holway A. Theories of Perception and the Concept of Structure. New York: Wiley, 1966. 241 p.
30. Hofstede G. Culture's Consequences: Comparing Values, Behaviors, Institutions and Organizations Across Nations. Thousand Oaks: Sage Publications, 2001. 596 p.
31. Lerner M.J. The Belief in a Just World: A Fundamental Delusion. New York: Springer, 1980. 212 p.
32. Paivio A. Imagery and Verbal Processes. New York: Holt, Rinehart and Winston, 1971. 608 p.
33. Piaget J. The Psychology of Intelligence. London: Routledge, 2001. 358 p.
34. Yerkes R.M., Dodson J.D. The Relation of Strength of Stimulus to Rapidity of Habit-Formation // Journal of Comparative Neurology. 1908. P. 55 – 79.

References

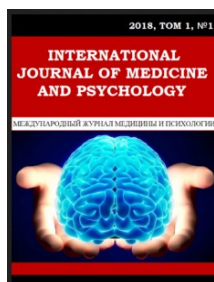
1. Aseev V.G. Psychology of motivation. Moscow: Eksmo, 2006. 256 p.
2. Bodalev A.A. Psychology of thinking and perception. Moscow: Education, 1979. 336 p.
3. Brushlinsky A.V. Thinking and consciousness of the individual. Moscow: Nauka, 1983. 352 p.
4. Vygotsky L.S. Thinking and speech. Moscow: Labyrinth, 1999. 352 p.
5. Galperin P.Ya. Psychology of thinking and the doctrine of the stage-by-stage formation of mental actions. Moscow: Nauka, 1966. 304 p.
6. Zeigarnik B.V. Psychology of thinking and personality. Moscow: Moscow State University, 1976. 280 p.
7. Zinchenko V.P. Introduction to the Psychology of Thinking. Moscow: Moscow State University, 1985. 280 p.
8. Lazarus R.S. Stress Theory and Psychophysiological Research. Moscow: Nauka, 1970. 320 p.
9. Lednev V.S. Personality and Thinking. Moscow: Nauka, 1987. 304 p.
10. Piaget J. Psychology of Intelligence and Thinking. Moscow: Progress, 1969. 358 p.
11. Platonov K.K. Thinking and Activity. Moscow: Pedagogy, 1972. 416 p.
12. Rubinstein S.L. Fundamentals of General Psychology. St. Petersburg: Piter, 2002. 720 p.
13. Sokolova E.T. Psychology of thinking and emotions. Moscow: Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences, 2002. 320 p.
14. Ukhtomsky A. A. Introduction to the psychology of thinking. Leningrad: Leningrad University Publishing House, 1966. 144 p.
15. Ukhtomsky A. A. Dominanta. Leningrad: Leningrad University Publishing House, 1966. 144 p.
16. Kholodnaya M. A. Psychology of intelligence. Research paradoxes. St. Petersburg: Piter, 2002. 272 p.
17. Asch S.E. Social Psychology. Englewood Cliffs: Prentice-Hall, 1952. 376 p.
18. Baddeley A. Working Memory. Oxford: Clarendon Press, 1986. – 432 p.
19. Bartlett F.C. Remembering: A Study in Experimental and Social Psychology. Cambridge: Cambridge University Press, 1932. 336 p.
20. Clark H.H. Using Language. Cambridge: Cambridge University Press, 1996. 432 p.
21. Ellis A. Reason and Emotion in Psychotherapy. – New York: Lyle Stuart, 1962. 358 p.
22. Epstein S. Constructive Thinking: The Key to Emotional Intelligence. Westport: Praeger, 1998. 285 p.
23. Folkman S., Lazarus, R.S. Stress, Appraisal, and Coping. New York: Springer, 1984. 456 p.
24. Freud S. The Interpretation of Dreams. New York: Macmillan, 1953. 477 p.
25. Freud A. The Ego and the Mechanisms of Defense. London: Hogarth Press, 1936. 191 p.
26. Gregory R.L. Eye and Brain: The Psychology of Seeing. New York: McGraw-Hill, 1978. 288 p.

27. Gregory R.L. The Intelligent Eye. New York: McGraw-Hill, 1970. 160 p.
28. Hitch G. Working Memory: Past, Present, and Future. Oxford: Oxford University Press, 1994. 384 p.
29. Holway A. Theories of Perception and the Concept of Structure. New York: Wiley, 1966. 241 p.
30. Hofstede G. Culture's Consequences: Comparing Values, Behaviors, Institutions and Organizations Across Nations. Thousand Oaks: Sage Publications, 2001. 596 p.
31. Lerner M.J. The Belief in a Just World: A Fundamental Delusion. New York: Springer, 1980. 212 p.
32. Paivio A. Imagery and Verbal Processes. New York: Holt, Rinehart and Winston, 1971. 608 p.
33. Piaget J. The Psychology of Intelligence. London: Routledge, 2001. 358 p.
34. Yerkes R.M., Dodson J.D. The Relation of Strength of Stimulus to Rapidity of Habit-Formation. Journal of Comparative Neurology. 1908. P. 55 – 79.

Информация об авторе

Ганьшин С.О., старший преподаватель, Московский финансово-промышленный университет Синергия, sganshin@inbox.ru

© Ганьшин С.О., 2025

Научно-исследовательский журнал «International Journal of Medicine and Psychology / Международный журнал медицины и психологии»

<https://ijmp.ru>

2025, Том 8, № 4 / 2025, Vol. 8, Iss. 4 <https://ijmp.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.3.1. Общая психология, психология личности, история психологии (психологические науки)

УДК 159.91

¹ Лучинкина А.И.,

¹ Аль-Шаер Е.С.,

¹ Крымский инженерно-педагогический университет им. Февзи Якубова

Психологические особенности интернет-активной личности

Аннотация: в рамках статьи представлен теоретический анализ психологических особенностей интернет-активной личности. Рассматриваются такие психологические феномены, как «интернет - активность», «интернет-активная личность», «цифровая личность» по причине их актуальности и повсеместности среди современного населения с опорой на работы отечественных и зарубежных исследователей: Е.П. Белинская, А.В. Войскунский, А.Е. Жичкина, М.С. Иванов, А.Н. Носов, Г.У. Солдатова, А.Б. Скуратов и многих других. Основная часть статьи посвящена анализу современных исследований, эмпирическим данным и выводам, которые помогут лучше понять эту актуальную и многогранную тему. Нами вкратце освещаются аспекты взаимодействия личности и интернет-пространства, влияния интернет пространства на самооценку, уровни тревожности, общительности пользователя, в целом на формирование личностных характеристик. Представлены вопросы, касаемо того, как социальные сети влияют на формирование идентичности, критическое мышление, самооценку пользователей, какого рода риски и проблемы возникают в результате интернет-активности, а также имеются ли позитивные аспекты онлайн-взаимодействия для психического здоровья личности. Рассматривается негативное влияние на формирование личности со стороны онлайн-пространства. Выделены и описаны основные характеристики личности интернет-активного пользователя, касаемо когнитивной и эмоциональной сферы.

Ключевые слова: психологические особенности, интернет, активная, активность, личность

Для цитирования: Лучинкина А.И., Аль-Шаер Е.С. Психологические особенности интернет-активной личности // International Journal of Medicine and Psychology. 2025. Том 8. № 4. С. 133 – 139.

Поступила в редакцию: 9 февраля 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 7 апреля 2025 г.; Принята к публикации: 22 мая 2025 г.

¹ Luchinkina A.I.,

¹ Al-Shaer E.S.,

¹ Crimean Engineering and Pedagogical University named after Fevzi Yakubov

Psychological features of an Internet-active personality

Abstract: the article presents a theoretical analysis of the psychological characteristics of an Internet-active personality. Psychological phenomena such as "Internet activity" and "Internet-active personality" are considered because of their relevance and ubiquity among the modern population, based on the work of domestic and foreign researchers: E.P. Belinskaya, A.V. Voiskunsky, A.E. Zhichkina, M.S. Ivanov, A.N. Nosov, G.U. Soldatova, A.B. Skuratov and many others. The main part of the article is devoted to the analysis of modern research, empirical data and conclusions that will help to better understand this topical and multifaceted topic. We briefly cover the aspects of the interaction of personality and the Internet space, the influence of the Internet space on self-esteem, levels of anxiety, sociability of the user, in general, on the formation of personal characteristics. The issues of how social networks affect the formation of identity, self-esteem of users, what kind of risks and problems arise as a result of Internet activity, as well as whether there are positive aspects of online interaction for the mental health of the indi-

vidual are considered. The negative impact on personality formation from the online space is considered. The main personality characteristics of an active Internet user, with regard to the cognitive and emotional sphere, are highlighted and described.

Keywords: psychological, features, Internet, active, activity, personality

For citation: Luchinkina A.I., Al-Shaer E.S. Psychological features of an Internet-active personality. International Journal of Medicine and Psychology. 2025. 8 (4). P. 133 – 139.

The article was submitted: February 9, 2025; Approved after reviewing: April 7, 2025; Accepted for publication: May 22, 2025

Введение

Актуальность темы обусловлена растущей ролью интернета в жизни людей, как в России, так и в современном мире, когда цифровая среда превратилась в неотъемлемую часть жизни человека, что приводит к значительным изменениям в его личностных характеристиках. Увеличение времени, проводимого в сети, обуславливает новые вызовы для психического здоровья, что требует внимательного изучения и контроля.

Имеющиеся научные труды по вопросам интернет-пространства и поведения субъекта – пользователя в нем, однозначно указывают на воздействие интернет-активности на становление и изменение личностных характеристик, а также взаимосвязь между онлайн-взаимодействием и психическим здоровьем (Е.П. Белинская, А.В. Войскунский, Н.С. Козлова, Г.У. Солдатова. И.Р., Сушков Н. Kapp, S. Greenfield, S. Turkle).

Важными фигурами в контексте анализа по проблеме выступили исследователи, которые изучали влияние социальных сетей на идентичность и самооценку, а также последствия, возникающие в результате активного участия в цифровом пространстве (Е.П. Белинская, А.Е. Жичкина, М.С. Иванов и другие).

Цель данной статьи заключается в теоретическом анализе психологических особенностей интернет-активной личности.

Материалы и методы исследований

Место всемирной паутины в формировании личности стало темой научных изысканий ряда исследователей, в числе которых Е.П. Белинская, И.М. Богдановская, А.Е. Войскунский, П.Н. Ермаков, А.И. Лучинкина, И.С. Лучинкина, Е.И. Рассказова, Г.У. Солдатова. А.Е. Войскунский выделил основные особенности поведения в онлайн-пространстве, такие как анонимность, перенос жизненного опыта между реальным и виртуальным мирами, стремление к повышению репутации, высокая мобильность, вовлеченность и распределенность коммуникаций.

В свою очередь П.Н. Ермаков занимался

изучением современных способов идеологического воздействия на человека через Интернет.

А.И. Лучинкина акцентирует внимание на воздействии сети Интернет на личность, рассматривая виртуальное пространство как важный институт социализации, который влияет на активность человека, его эмоциональные реакции и расширяет круг общения.

Е.П. Белинская и И.М. Богдановская анализируют влияние виртуальной реальности на формирование самосознания, отмечая, что Интернет предоставляет возможности для экспериментов с образом, который человек демонстрирует, и создания множества различных "Я". Это может приводить к стиранию границ между реальной жизнью и виртуальным миром, а также к формированию зависимости от одобрения в сети.

Г.У. Солдатова и ее коллеги исследуют потенциальные опасности и преимущества, связанные с использованием Интернета молодым поколением.

Особое внимание уделяется отечественными исследователями проблеме травли в сети, онлайн-манипулирования и распространению негативного контента. Подчеркивается важность развития медиаграмотности и критического мышления для безопасного использования онлайн-ресурсов. Е.И. Рассказова изучает психологические аспекты взаимодействия человека с компьютером, фокусируясь на эргономических и когнитивных факторах. Рассматриваются вопросы информационной перегрузки, рассеянности внимания и влияния цифровых технологий на процессы обучения и запоминания.

И.С. Лучинкина обозначает, что в механизме онлайн-коммуникации индивидуумы стараются осуществить свои намерения, удовлетворить мотивации, отмечать персональные интересы и тонкости психологии. Ею обозначаются разнообразные подтипы поведения в интернете, которые зиждутся на моральных, перцептивных искажениях, психоэмоциональном состоянии и речевых конструкциях [9]. Также исследователь внедряет

определение цифровой личности – это своего рода проекция конкретного индивидуума, владеющая такими характеристиками, как отсутствие телесной конфигурации, способность оставаться неназванным, фиксации на определенном месте и способность вернуться к прошлым деяниям.

Г.У. Солдатова подчеркивает, что нынешний Интернет исполняет функцию агента социализации, подобно семье и школе, является неповторимой средой становления для современного юношества. Он производит влияние не только на онлайн-активность, но и на поведение в реальном мире.

Г.У. Солдатова и Е.И. Рассказова обозначают "чрезмерное использование Интернета" через явление синдрома отмены, утрату контроля и подмену реальной жизни виртуальной. Они акцентируют ряд схем цифровой компетентности, содержащих знания, навыки, мотивацию, а также различные виды: медиа-, коммуникативную, техническую и потребительскую [17].

Согласно Е.П. Белинской, в онлайн-среде можно выделить три различных стиля самовыражения – информационный, диффузный и нормативный, каждый из которых определяет определенные паттерны поведения пользователей. Кроме того, автор анализирует воздействие виртуального мира на стратегии преодоления жизненных проблем.

И.М. Богдановская, в свою очередь, исследует, каким образом социокультурные установки находят отражение в онлайн-профилях молодых людей, создавая определенные модели поведения и интернет-нормы. Она указывает на то, что онлайн-пространство способно оказывать как позитивное, так и негативное влияние на формирование этих ценностей.

Интернет часто используется не просто для получения знаний, но и как инструмент для избежания дискомфортных чувств, возникающих в реальной жизни, что может спровоцировать неприязнь к сети и нежелательное поведение в ней, пишет И.Р. Сушков.

Признавая значимость упомянутых факторов в контексте формирования ценностей и жизненных ориентиров, важно отметить, что вышеуказанные исследователи не рассматривали, как активность в интернете влияет на саморегуляцию поведения в сети.

В целом, исследования влияния Интернета на личность охватывают широкий спектр вопросов, от формирования идентичности и социализации до когнитивных процессов и рисков, связанных с онлайн-средой. Общим выводом является то, что Интернет оказывает сложное и неоднозначное

воздействие на личность, требующее изучения и глубокого осмысления.

Несмотря на обилие современных работ, посвященных влиянию интернета на личность, изучение смысловой регуляции поведения в онлайн-пространстве остается недостаточно исследованной областью, требующей дальнейшего углубленного анализа.

Интернет-активность А.И. Лучинкиной с соавторами рассматривается как комплексная характеристика пользователей, определяемая временем, проведенным в сети, разнообразием выполняемых действий и насыщенностью виртуальной жизни. Интернет-активность, определяемая как частота и интенсивность использования сети Интернет для коммуникации, получения информации и осуществления деятельности, оказывает значительное влияние на формирование личности пользователя.

Интернет-активная личность – это человек, который активно использует интернет для коммуникации, поиска информации, развлечений и других целей.

Выделяются различные категории пользователей: от пассивных наблюдателей до тех, кто чрезмерно увлечен онлайн-активностью.

Психологические особенности интернет-активной личности становятся предметом активного изучения, так как они влияют на общение, самооценку, уровень тревожности и ряд других психических качеств и состояний. В условиях онлайн-взаимодействия общительность пользователя способна как усиливаться, так и ослабевать, что вызывает необходимость в глубоком анализе этих процессов.

Результаты и обсуждения

В работах многих авторов показано, что интернет-активные индивиды демонстрируют специфические познавательные и эмоциональные характеристики. На основании анализа отечественной и зарубежной литературы перечислим и опишем их психологические особенности:

1. Высокая потребность в общении и взаимодействии с другими людьми. Интернет-активный использует социальные сети и мессенджеры для поддержания контактов и общения с друзьями, знакомства с новыми людьми.

2. Тяга к самореализации и самовыражению. Многие интернет-активные люди используют интернет как площадку для демонстрации своих интересов, талантов и достижений (например, через блоги, видео на YouTube, публикации в социальных сетях).

3. Навык приспособления к новым технологиям

и изменениям в интернет-среде. Интернет-активные личности обычно открыты для новых идей и готовы учиться использовать новые инструменты и платформы.

4. Одним из ключевых аспектов является развитие когнитивной гибкости, обусловленное необходимостью быстро адаптироваться к динамично меняющейся информационной среде (S. Greenfield). Однако, параллельно может наблюдаться фрагментация внимания и снижение способности к глубокой концентрации, пишет Н.Карр.

5. Потребность в получении необходимой им информации и знаний, обучения и саморазвития.

6. Склонность к многозадачности и переключению внимания. Имеется развитая способность одновременно выполнять несколько задач в интернете (например, читать новости, общаться в социальных сетях и слушать музыку) и быстро переключаться между ними.

7. Потребность в контроле над своей онлайн-средой. Некоторые интернет-активные личности стремятся к созданию персонализированного онлайн-пространства, где они могут контролировать контент и взаимодействия.

8. Умение управлять своим временем и планировать онлайн-активности. Интернет-активные люди могут эффективно распределять свое время между различными онлайн-задачами и избегать перегрузки информацией.

9. Стремление к установлению социальных связей в виртуальном пространстве. Интернет-активные личности могут находить друзей и единомышленников в сети, что может влиять на их социальные навыки и восприятие социальных взаимодействий.

10. Ориентация на социальное взаимодействие. Согласно исследованию А.Б. Скуратова, в онлайн-среде многие пользователи социальных сетей больше сосредоточены на получении внимания и эмоционального отклика от других, чем на самом процессе взаимодействия [14, с. 57].

11. Способность к критическому мышлению и анализу информации. Особую значимость здесь обретает умение оценивать достоверность источников и анализировать информацию, полученную из интернета.

12. Возможность испытывать зависимость от интернета и онлайн-активностей. Это может проявляться в виде стремления проводить в интернете больше времени, чем это необходимо для решения задач, и трудностей с ограничением времени, проведенного онлайн.

13. Черты характера. Несмотря на то, что у активных пользователей социальных сетей может

наблюдаться тревожность и недостаток самообладания, они часто демонстрируют высокий уровень самореализации и готовность к новым опытам, отмечает Е.И. Богомолова.

14. Получение одобрения и желаемой поддержки от окружающих. Активные пользователи способны производить одобряемое впечатление, получая желаемое подкрепление от других, что свидетельствует об их развитой коммуникативной способности, а также о демонстративности, неискренности поведения.

Отдельно остановимся на специфике эмоциональной сферы у интернет-активных личностей, где прослеживается повышенная потребность в социальном одобрении и самопрезентации, что выражено в тяге к воссозданию идеализированного образа в социальных сетях. По мнению S. Turkle, это может приводить к развитию зависимости от социальных сетей и переживанию негативных эмоций при отсутствии онлайн-активности.

Для пользователей с высоким уровнем интернет-активности характерны руминация, потеря контроля и обвинение. Для тех, кто имеет средний уровень активности, – виноватость и стыд, чрезмерная рациональность и обесценивание.

А.И. Лучинкина и А.А. Коршак обнаружили когнитивные искажения у пользователей с высокой интернет-активностью, такие как дихотомическое мышление и катастрофизация. У тех, кто имеет средний уровень активности, – сверхгенерализация и обесценивание позитивного. Эти искажения влияют на восприятие информации и установление межличностного диалога, часто приводят к деструктивным формам виртуального поведения.

Важно отметить, что эти особенности могут варьироваться у разных людей и зависеть от индивидуальных различий, мотивации и целей использования интернета.

Выводы

1. Полученные нами в итоге теоретического анализа данные являются значимыми для разработки стратегии для поддержания психического здоровья пользователя в условиях цифровой среды.

2. Взаимодействие в сети Интернет – это действия человека-пользователя, направленные на удовлетворение его потребностей в информации и общении посредством современных технологий. Влияние такого взаимодействия на пользователя может быть как положительным, так и отрицательным, и зависит от его целей и выбранного направления деятельности.

3. Интернет-активность можно определить как характеристику, отражающую время, затрачиваемое в сети, направления деятельности и количество социальных связей, установленных в виртуальном пространстве.

4. Интернет-активные личности стремятся к самореализации и самовыражению через блоги, видео на YouTube, публикации в социальных сетях, способны быстро адаптироваться к новым технологиям и изменениям в интернет-среде, к многозадачности и переключению внимания

между различными онлайн-задачами. Они имеют более высокий уровень потребности в общении и взаимодействии через социальные сети и мессенджеры, по сравнению с другими пользователями, большую мотивированность к получению информации и знаний через интернет для обучения и саморазвития.

5. Данное исследование направлено на глубокое понимание психологических особенностей интернет-активной личности и их влияния на различные аспекты ее жизни.

Список источников

1. Белинская Е.П. Интернет и идентификационные структуры личности // Интернет и идентификационные структуры личности. URL: <http://psynet.by.ru/texts/bel4.html> (дата обращения: 13.01.2025)
2. Богомолова Е.И. Взаимосвязь личностных характеристик с особенностями активности пользователей социальных сетей интернета. Войскунский А.Е. Становление киберэтики: исторические основания и современные проблемы // Вопросы философии. 2010. № 5. С. 69 – 83.
3. Богдановская И.М., Королева Н.Н., Половинкина В.Е. Специфика виртуальной самопрезентации у молодежи с различной выраженностью личностных черт «темной тетрады» URL: <https://nesinods.ru/bogdanovskaya-i-m-2025>(дата обращения: 10.09.2024)
4. Войскунский А.Е. Поведение в киберпространстве: психологические принципы // Человек. 2016. № 1. С. 36 – 49.
5. Ермаков П.Н., Белоусова Е.Е. Ценностные ориентации пользователей «ВКонтакте» с различными стратегиями трансляции смыслов// Вестник Самарского государственного технического университета. Серия: Психолого-педагогические науки. 2021. Т. 18 № 4. С. 139 – 158. DOI 10.17673/vsgtu-pps.2021.4.11
6. Жичкина А.Е., Белинская Е.П. Самопрезентация в виртуальной реальности и особенности идентичности подростка-пользователя Интернета // Образование и информационная культура. 2000. С.431 – 460.
7. Иванов М.С. Психология компьютерной игры как проблема интегральной психологии личности // Флогистон. 2000. URL: http://flogiston.ru/articles/netpsy/m_ivanov2 (дата обращения: 10.09.2024).
8. Козлова Н.С., Сушков И.Р. Стремление к публичности и самопрезентации как проявление специфических потребностей, реализуемых личностью в интернет-среде// Информационный гуманитарный портал «Знание. Понимание. Умение». 2013. № 6 (ноябрь – декабрь).
9. Лучинкина И.С., Коршак А.А. Когнитивные особенности интернет-активной личности //Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского Социология. Педагогика. Психология. 2023. Т. 9 (75). № 4. С. 128 – 135.
10. Лучинкина А.И. Психологический анализ отклонений в процессе интернет-социализации личности // Гуманитарные науки. 2016. № 1 (33). С. 54 – 62.
11. Лучинкина А.И. Психология социализации личности в виртуальном пространстве: монография. Симферополь: ИП Хотеева Л.В., 2020. 175 с.
12. Лучинкина А.И. Специфика мотивации интернет-пользователей // Перспективы науки и образования. 2014. С. 105-109.
13. Носов Н.А. Психологическая виртуальная реальность // Человек. Философско-энциклопедический словарь. М.: Наука, 2000. С. 292 – 296.
14. Серавин А. Виртуальная психология: определение предметной области и выявление методологических особенностей// Лаборатория эволюционной и исторической психологии А. Серавина URL: <http://www.seravin.narod.ru/virt.html>. (дата обращения: 10.01.2025)
15. Скуратов А.Б. Коммуникативное лидерство в локальных интернет -сообществах // Вестник Бурятского государственного университета. 2015. № 56. С. 56 – 59.
16. Социально психологические характеристики активных пользователей социальных сетей. URL: <http://elar.uspu.ru/bitstream/uspu/9734/2/Yagupov2.pdf> (дата обращения: 12.01.2025)
17. Солдатова Г.У., Рассказова Е.И. Психологические модели цифровой компетентности российских подростков и родителей // Национальный психологический журнал. 2014. № 2 (14). С. 25 – 31. DOI 10.11621/npj.2014.0204

18. Солдатова Г.У., Рассказова Е.И. Чрезмерное использование Интернета: факторы и признаки // Психологический журнал. 2013. Т. 34. № 4. С. 79 – 88.
98. Солдатова Г.У., Теславская О.И. Видеоигры, академическая успеваемость и внимание: опыт и итоги зарубежных эмпирических исследований детей и подростков// Современная зарубежная психология. 2017. Т. 6. № 4. С. 21 – 28. doi:10.17759/jmfp.2017060402
20. Сушков И.Р., Козлова Н.С. Реальность и виртуальность в сознании личности // European Social Science Journ. 2014. Т. 2. № 4 (43). С. 254 – 262.
21. Кэпп Н. Мелководье: что Интернет делает с нашим мозгом. Нью-Йорк, штат Нью-Йорк: W.W. Norton, 2010. 276 с.
22. Greenfield S. ID: The quest for identity in the 21st century. Sceptre. 2009. URL: <https://newhumanist.org.uk/articles/1797/id-the-quest-for-identity-in-the-21st-century-by-susan-greenfield>
23. Turkle S. Alone together: Why we expect more from technology and less from each other. Simon and Schuster. 2011. URL: https://docs.yandex.ru/docs/view?tm=1744447650&tld=ru&lang=en&name=Sherry_Turkle_Alone_Together.pdf&text

References

1. Belinskaya E.P. Internet and personality identification structures. Internet and personality identification structures. URL: <http://psynet.by.ru/texts/bel4.html> (date of access: 13.01.2025)
2. Bogomolova E.I. Relationship between personality characteristics and the activity characteristics of Internet social network users. Voiskunsky A.E. Formation of cyberethics: historical foundations and modern problems. Questions of philosophy. 2010. No. 5. P. 69 – 83.
3. Bogdanovskaya I.M., Koroleva N.N., Polovinkina V.E. Specificity of virtual self-presentation in young people with different severity of personality traits of the "dark tetrad" URL: <https://nesinods.ru/bogdanovskaya-i-m-2025> (date of access: 10.09.2024)
4. Voiskunsky A.E. Behavior in cyberspace: psychological principles. Man. 2016. No. 1. P. 36 – 49.
5. Ermakov P.N., Belousova E.E. Value orientations of Vkontakte users with different strategies for transmitting meanings. Bulletin of the Samara State Technical University. Series: Psychological and pedagogical sciences. 2021. Vol. 18 No. 4. P. 139 – 158. DOI 10.17673/vsgtu-pps.2021.4.11
6. Zhichkina A.E., Belinskaya E.P. Self-presentation in virtual reality and features of the identity of a teenage Internet user. Education and information culture. 2000. P. 431 – 460.
7. Ivanov M.S. Psychology of a computer game as a problem of integral psychology of personality. Phlogiston. 2000. URL: http://flogiston.ru/articles/netpsy/m_ivanov2 (date of access: 10.09.2024).
8. Kozlova N.S., Sushkov I.R. The desire for publicity and self-presentation as a manifestation of specific needs realized by an individual in the Internet environment. Information humanitarian portal "Knowledge. Understanding. Skill". 2013. No. 6 (November – December).
9. Luchinkina I.S., Korshak A.A. Cognitive features of an Internet-active personality. Scientific notes of the Crimean Federal University named after V.I. Vernadsky Sociology. Pedagogy. Psychology. 2023. Vol. 9 (75). No. 4. P. 128 – 135.
10. Luchinkina A.I. Psychological analysis of deviations in the process of Internet socialization of an individual. Humanitarian sciences. 2016. No. 1 (33). P. 54 – 62.
11. Luchinkina A.I. Psychology of personality socialization in virtual space: monograph. Simferopol: IP Khoteeva L.V., 2020. 175 p.
12. Luchinkina A.I. Specifics of Internet users' motivation. Prospects of science and education. 2014. P. 105 – 109, 155.
13. Nosov N.A. Psychological virtual reality. Man. Philosophical and encyclopedic dictionary. Moscow: Nauka, 2000. P. 292 – 296.
14. Seravin A. Virtual psychology: definition of the subject area and identification of methodological features. Laboratory of evolutionary and historical psychology of A. Seravin URL: <http://www.seravin.narod.ru/virt.html> (date of access: 10.01.2025)
15. Skuratov A.B. Communicative leadership in local Internet communities. Bulletin of the Buryat State University. 2015. No. 56. P. 56 – 59.
16. Social and psychological characteristics of active users of social networks. URL: <http://elar.uspu.ru/bitstream/uspu/9734/2/Yagupov2.pdf> (date of access: 12.01.2025)

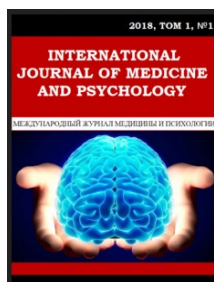
17. Soldatova G.U., Rasskazova E.I. Psychological models of digital competence of Russian teenagers and parents. National Psychological Journal. 2014. No. 2 (14). P. 25 – 31. DOI 10.11621/npj.2014.0204
18. Soldatova G.U., Rasskazova E.I. Excessive use of the Internet: factors and signs. Psychological journal. 2013. Vol. 34. No. 4. P. 79 – 88.
19. Soldatova G.U., Teslavskaya O.I. Video games, academic performance and attention: experience and results of foreign empirical studies of children and adolescents. Modern foreign psychology. 2017. Vol. 6. No. 4. P. 21 – 28. doi:10.17759/jmfp.2017060402
20. Sushkov I.R., Kozlova N.S. Reality and Virtuality in the Consciousness of the Individual. European Social Science Journ. 2014. Vol. 2. No. 4 (43). P. 254 – 262.
21. Carr N. Shallow Water: What the Internet is Doing to Our Brains. New York, NY: W.W. Norton, 2010. 276 p.
22. Greenfield S. ID: The quest for identity in the 21st century. Sceptre. 2009. URL: <https://newhumanist.org.uk/articles/1797/id-the-quest-for-identity-in-the-21st-century-by-susan-greenfield>
23. Turkle S. Alone Together: Why We Expect More from Technology and Less from Each Other. Simon and Schuster. 2011. URL: https://docs.yandex.ru/docs/view?tm=1744447650&tld=ru&lang=en&name=Sherry_Turkle_Alone_Together.pdf&text

Информация об авторах

Лучинкина А.И., первый проректор, профессор, Крымский инженерно-педагогический университет им.Февзи Якубова

Аль-Шаер Е.С., аспирант, Крымский инженерно-педагогический университет им. Февзи Якубова

© Лучинкина А.И., Аль-Шаер Е.С., 2025

Научно-исследовательский журнал «International Journal of Medicine and Psychology / Международный журнал медицины и психологии»

<https://ijmp.ru>

2025, Том 8, № 4 / 2025, Vol. 8, Iss. 4 <https://ijmp.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.3.1. Общая психология, психология личности, история психологии (психологические науки)

УДК 616.89-008.441.44-053.6-02

¹ Романова И.В.,

¹ Литвиненко К.К.,

¹ Уральский государственный педагогический университет

Цифровая среда как фактор риска суицидального поведения подростков

Аннотация: данная статья посвящена исследованию проблемы риска суицидального поведения подростков. Как показано многими исследованиями в современном обществе значимым фактором риска подростковых суицидов становится Интернет. В настоящем исследовании представлен анализ ключевых факторов, как негативных (кибербуллинг, пропаганда деструктивных ценностей), так и позитивных (эмоциональная поддержка, обратная связь). Предложены рекомендации по разработке профилактических мер, оказывающих снижение уровня суицидального риска, обеспечивая тем самым гармоничное развитие личности.

Ключевые слова: цифровая среда, подростковый возраст, кибербуллинг, суицидальный риск, профилактика, цифровая безопасность, психическое здоровье

Для цитирования: Романова И.В., Литвиненко К.К. Цифровая среда как фактор риска суицидального поведения подростков // International Journal of Medicine and Psychology. 2025. Том 8. № 4. С. 140 – 145.

Поступила в редакцию: 10 февраля 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 7 апреля 2025 г.; Принята к публикации: 22 мая 2025 г.

¹ Romanova I.V.,

¹ Litvinenko K.K.,

¹ Ural State Pedagogical University

The digital environment as a risk factor for suicidal behavior in adolescents

Abstract: this article is devoted to the study of the risk of suicidal behavior in adolescents. As many studies have shown, the Internet is becoming a significant risk factor for teenage suicide in modern society. This study presents an analysis of key factors, both negative (cyberbullying, propaganda of destructive values) and positive (emotional support, feedback). Recommendations are proposed for the development of preventive measures that reduce the level of suicide risk, thereby ensuring the harmonious development of personality.

Keywords: digital environment, adolescence, cyberbullying, suicide risk, prevention, digital security, mental health

For citation: Romanova I.V., Litvinenko K.K. The digital environment as a risk factor for suicidal behavior in adolescents. International Journal of Medicine and Psychology. 2025. 8 (4). P. 140 – 145.

The article was submitted: February 10, 2025; Approved after reviewing: April 7, 2025; Accepted for publication: May 22, 2025

Введение

В последние годы в мире отмечается значительный рост суицидов и суицидальных попыток, что свидетельствует об ухудшении психического здоровья населения. В настоящее время наука (психология, психофизиология, социология, педагогика) не оставляет без внимания проблему суицидального поведения [8].

Особенно данная проблема актуальна для подросткового возраста. Именно в возрасте 14-17 лет, когда происходит процесс социализации, риск суицидального поведения наиболее выражен. Подростковый возраст – период быстрого роста, который связан с конфликтами, ощущением депрессии, напряжением и проблемами в школе и дома. Новообразованиями подросткового возраста являются склонность к самоанализу, пессимистической оценке окружающего мира и своей личности [6].

Цифровые технологии, став неотъемлемой частью нашей жизни, открывают новые возможности, а вместе с ними и новые риски. С одной стороны, она предоставляет возможности для саморазвития, нахождения поддержки и общения. С другой, сталкивает с кибербуллингом, социальной изоляцией и негативным сравнением себя с идеализированными образами в социальных сетях [1, 2]. Анализируя воздействие цифровой среды, возникает необходимость в разработке рекомендаций по снижению рисков.

Среди современных подростков и молодежи распространено такое асоциальное явление, как кибербуллинг. Впервые определение понятию «кибербуллинг» дал Билл Белси. Кибербуллинг – это использование цифровых и коммуникационных технологий для намеренного, неоднократного и враждебного поведения лица или группы, направленного на оскорбление других людей [6].

Проблема подавления и запугивания одних детей и подростков другими – явление не новое. Как отмечала еще в 2010 году Всемирная организация здравоохранения (ВОЗ), кибербуллинг является серьезной проблемой здравоохранения, влияя на психическое и физическое здоровье детей и подростков во всем мире. В реальном мире запугивание происходит в форме физического, вербального и реляционного запугивания. Кибербуллинг в основном направлен на чувства жертвы и ее социальные отношения.

Материалы и методы исследований

Для изучения влияния цифровой среды на психическое здоровье подростков и суицидальное поведение были использованы методы

теоретического анализа, обобщения и систематизации научной литературы по психологии, педагогике, психиатрии и социологии, а также эмпирические данные из исследований, проведенных российскими и зарубежными авторами (включая данные ВОЗ и отечественные исследования Чепелева, Дружинина, Дозорцева и др.). Анализ включал статистическую информацию о распространенности различных форм кибербуллинга, данных по психоэмоциональному состоянию подростков, а также описание профилактических программ, направленных на развитие цифровой грамотности, эмоциональной устойчивости и снижение рисков вовлечения в деструктивные онлайн-сообщества. В качестве эмпирической базы были также рассмотрены существующие онлайн-сервисы психологической помощи подросткам, примеры отечественных образовательных инициатив и рекомендации по взаимодействию с родителями и педагогами в профилактической работе.

Результаты и обсуждения

В исследованиях по данной проблеме (Чепелев, Дружинин, 2012, 2014) подчеркивается содержательная универсальность предмета изучения, в котором одним из существенных факторов выдвигается право на информационную безопасность. Этот термин обозначает особую характеристику воспитания детей в семье, направленную на контроль, отборку и совместный качественный анализ потока информации из средств массовой информации, а также более глубокой и детальной перестройки взаимоотношений подростка с родителями.

Кибербуллинг и психологические травмы

Среди негативных факторов особое внимание следует уделить кибербуллингу, негативному сравнению с идеализированными образами и участию в деструктивных сообществах.

Кибербуллинг определяется как преднамеренное агрессивное поведение, осуществляемое посредством цифровых технологий, таких как социальные сети, мессенджеры и другие онлайн-платформы [5]. Подростки, подвергающиеся кибербуллингу, могут испытывать широкий спектр негативных психологических последствий, включая повышенную тревожность, депрессию, снижение самооценки и, в крайних случаях, суицидальные мысли. Исследования показывают, что жертвы кибербуллинга часто сталкиваются с подавленным состоянием, паническими атаками и серьезными эмоциональными травмами [7].

Кроме того, агрессоры и свидетели кибербуллинга также подвержены негативным

психологическим эффектам. Агрессоры могут испытывать чувство вины и эмоциональное выгорание, тогда как свидетели могут ощущать беспомощность и страх стать следующей жертвой [9]. Важно отметить, что кибербуллинг часто сопровождается деиндивидуацией и десенсибилизацией, что снижает эмпатию и усиливает агрессивное поведение среди подростков.

Негативное сравнение с идеализированными образами

Социальные сети предоставляют платформу для демонстрации тщательно отобранных и отредактированных изображений, создавая нереалистичные стандарты красоты и успеха. Подростки, сравнивая себя с этими идеализированными образами, могут испытывать чувство неполноценности и неудовлетворенности собственной внешностью или жизнью. Это негативное сравнение способно привести к снижению самооценки, развитию депрессивных состояний и расстройств пищевого поведения. Постоянное стремление соответствовать недостижимым стандартам вызывает хронический стресс и чувство собственной неадекватности [4].

Исследования показывают, что использование фильтров и приложений для изменения внешности усиливает неудовлетворенность своим телом и

может привести к развитию дисморфофобии. Постоянное сравнение себя с отредактированными изображениями других пользователей усиливает чувство собственной неполноценности и может способствовать развитию депрессии.

Деструктивные сообщества и группы

В цифровом пространстве существуют сообщества, пропагандирующие деструктивное поведение, включая насилие, употребление психоактивных веществ и суицидальные наклонности. Подростки, вступающие в такие группы, подвергаются риску негативного влияния на их психическое и эмоциональное состояние. Участие в деструктивных онлайн-сообществах может приводить к изменению поведения, усилению агрессии и даже попыткам суицида. Кроме того, вовлечение в такие группы способствует социальной изоляции и ухудшению отношений с близкими [7].

Исследования подчеркивают, что подростки, участвующие в кибербуллинге, как в роли агрессора, так и жертвы, имеют повышенную склонность к девиантному поведению. Вовлечение в деструктивную онлайн-активность может быть причиной и следствием отклоняющегося поведения [3].

Таблица 1

Формы кибербуллинга (исследования Дозорцева Е.Г., Кирюхина Д.В., 2020 г.).

Table 1

Forms of cyberbullying (research by Dozortseva E.G., Kiryukhina D.V., 2020).

Формы кибербуллинга	N=44
Издательство	77,00%
Раскрытие личной информации	51,00%
Травля (диссинг)	48,00%
Киберпреследование	39,00%
Троллинг	31,00%

Понимание и осознание негативных факторов цифровой среды являются ключевыми для разработки эффективных стратегий профилактики и вмешательства, направленных на защиту психического здоровья подростков в современном цифровом мире.

Нахождение поддержки в онлайн-сообществах

Онлайн-сообщества играют важную роль в жизни современных подростков, предоставляя платформу для общения, обмена опытом и получения поддержки. В виртуальном пространстве подростки могут найти единомышленников, поделиться своими переживаниями и получить советы в трудных жизненных ситуациях. Это особенно важно для тех, кто сталкивается с трудностями в офлайн-общении или чувствует себя изолированным [9].

Исследования показывают, что участие в онлайн-сообществах может способствовать повышению самооценки и улучшению психического благополучия подростков. Взаимодействие с другими людьми в сети помогает развивать социальные навыки и ощущение принадлежности к группе, что является важным фактором для эмоционального развития. Кроме того, онлайн-платформы предоставляют доступ к профессиональной психологической помощи. Например, сервис «Стало легче» предлагает индивидуальные консультации с психологами, что позволяет подросткам получать квалифицированную поддержку в удобное для них время.

В России также планируется запуск портала психологической помощи для школьников, который позволит им обращаться за поддержкой к

профессиональным психологам в режиме онлайн. Это свидетельствует о признании важности цифровых ресурсов в обеспечении психического здоровья молодежи.

Развитие эмоциональной грамотности через цифровые средства

Эмоциональная грамотность, или способность распознавать, понимать и управлять своими эмоциями, является ключевым компонентом личностного развития. Цифровые технологии предлагают разнообразные инструменты для развития этих навыков у подростков.

Применение цифровых технологий способствует развитию эмоционального интеллекта, что подтверждается современными исследованиями. Онлайн-курсы, мобильные приложения и вебинары предоставляют подросткам возможность изучать техники управления эмоциями, развивать чувство эмпатии и улучшать навыки общения. Например, онлайн-лекторий «Подростковая среда» предлагает модули для родителей и специалистов, направленные на формирование духовно-нравственных ценностей и поддержку психического здоровья подростков.

Кроме того, социальные сети могут служить платформой для обмена опытом и обсуждения эмоциональных переживаний, что способствует развитию эмоциональной осознанности. Однако важно, чтобы подростки получали правильное руководство и поддержку при использовании этих ресурсов, чтобы избежать потенциальных рисков, связанных с негативным контентом. При ответственном и осознанном подходе к использованию онлайн-ресурсов можно значительно улучшить эмоциональное благополучие и способствовать личностному росту молодежи.

Обучение цифровой грамотности

Цифровая грамотность играет ключевую роль в обеспечении безопасности и благополучия подростков в онлайн-среде. Обучение цифровой грамотности способствует снижению рисков, связанных с негативными аспектами цифрового пространства, и способствует формированию ответственного поведения в сети [4].

Цифровая грамотность включает в себя навыки эффективного и безопасного использования информационно-коммуникационных технологий, критическое мышление при оценке онлайн-контента, а также понимание этических норм поведения в интернете. Для подростков, активно взаимодействующих с цифровой средой, развитие этих навыков является необходимым для защиты от потенциальных угроз, таких как кибербуллинг, воздействие деструктивного контента и участие в опасных онлайн-сообществах.

Образовательные учреждения играют важную роль в формировании цифровой грамотности у подростков. Внедрение специализированных программ и курсов, направленных на обучение безопасному и ответственному поведению в интернете, позволяет учащимся приобретать необходимые знания и навыки. Например, программы повышения квалификации для педагогов, такие как «Профилактика суицидального поведения обучающихся», включают модули, посвященные организации профилактической работы с подростками в образовательных организациях. Подготовленные специалисты способны эффективно передавать эти знания своим ученикам, способствуя созданию безопасной образовательной среды.

Кроме того, важно привлекать родителей к процессу обучения цифровой грамотности. Проведение семинаров и тренингов для родителей помогает им понимать современные цифровые риски и учит, как поддерживать своих детей в безопасном использовании интернета. Совместные усилия педагогов и родителей создают комплексную систему поддержки, способствующую снижению рисков, связанных с негативными факторами цифровой среды [2].

Внедрение образовательных программ, направленных на развитие цифровой грамотности, способствует формированию у подростков критического мышления, умения распознавать потенциальные угрозы и принимать обоснованные решения в онлайн-пространстве. Это, в свою очередь, снижает вероятность вовлечения в деструктивные онлайн-активности и способствует укреплению психического здоровья молодежи. Комплексный подход, включающий образовательные инициативы для учащихся, профессиональное развитие педагогов и информирование родителей, обеспечивает создание безопасной и поддерживающей онлайн-среды для подростков.

Профилактические программы для школ

Разработка и внедрение профилактических программ, направленных на предотвращение формирования суицидального поведения среди детей и подростков, являются ключевыми мерами для обеспечения их психического благополучия. Эти программы должны быть ориентированы как на школьную среду, так и на семьи, обеспечивая комплексный подход к решению проблемы.

Школа играет центральную роль в жизни подростков, и именно здесь возможно эффективно реализовать мероприятия по профилактике риска суицидального поведения. Основные компоненты таких программ включают:

- Выявление групп риска. Проведение

регулярной диагностики психоэмоционального состояния учащихся с целью идентификации тех, кто может находиться в группе риска. Это позволяет своевременно предоставить необходимую поддержку и предотвратить возможные кризисные ситуации.

- Психологическая поддержка. Организация индивидуальных и групповых консультаций с психологами для учащихся, испытывающих трудности. Это способствует развитию навыков стрессоустойчивости и эмоциональной регуляции.

- Обучение педагогов. Проведение тренингов и семинаров для учителей по распознаванию признаков суицидальных наклонностей и методам оказания первичной поддержки. Подготовленные педагоги могут эффективно взаимодействовать с учащимися и создавать поддерживающую образовательную среду.

- Информационные кампании. Проведение лекций и мероприятий, направленных на повышение осведомленности о проблеме суицида, формирование позитивного мышления и развитие навыков преодоления жизненных трудностей.

Примером такой программы является инициатива, направленная на профилактику суицидального поведения среди детей и подростков, которая включает выявление и реабилитацию детей «группы риска», а также пропаганду здорового образа жизни и укрепление психического здоровья обучающихся.

Профилактические программы для семей

Семья оказывает значительное влияние на эмоциональное состояние ребенка. Поэтому важно разработать программы, направленные на поддержку и обучение родителей:

- Консультирование семей. Предоставление психологической помощи семьям, находящимся в кризисных ситуациях, помогает улучшить внутрисемейные отношения и создать благоприятную атмосферу для ребенка.

- Обучающие семинары. Проведение обучающих мероприятий для родителей по вопросам воспитания, распознавания признаков отклоняющегося поведения и суицидальных

мыслей у детей, а также методов эффективного общения.

- Создание поддерживающих сообществ. Организация групп поддержки для родителей, где они могут обмениваться опытом и получать советы от специалистов.

Реализация таких программ способствует укреплению семейных связей и созданию безопасной среды, в которой ребенок чувствует себя защищенным и поддержанным.

Комплексный подход, объединяющий усилия школ и семей, является наиболее эффективным в профилактике суицидального поведения среди подростков. Создание системы поддержки, основанной на сотрудничестве образовательных учреждений, семей и профессиональных психологов, позволяет своевременно выявлять и устранять факторы риска, способствуя сохранению психического здоровья молодежи [10].

Выводы

В век информационных технологий подростки постоянно погружены в интернет – пространство. Современное поколение быстро учится и осваивает информацию и новые технологии. Но не умеют критически ее оценивать.

В связи с негативным влиянием цифровой среды стоит вопрос о необходимости разработки комплексных мер, направленных на повышение цифровой грамотности подростков, развитие эмоциональной устойчивости и профилактику рисков, в том числе профилактику риска суицидального поведения. Эти меры включают разработку образовательных программ, активное участие родителей и педагогов в формировании безопасной цифровой среды, а также регулярный мониторинг психоэмоционального состояния подростков. Учитывая междисциплинарный подход для более глубокого понимания взаимосвязей между цифровой средой и психическим здоровьем подростков, имеется острая необходимость в создании эффективных программ поддержки, с помощью которых возможно качественно снизить уровень суицидального риска в данной возрастной группе.

Список источников

1. Аптикиева Л.Р., Бурсакова М.С. Психолого-педагогическое исследование асоциального поведения подростков поколения Z в цифровой среде // Вестник Оренбургского государственного университета. 2022. № 2 (234). С. 6 – 19.
2. Белоусов А.Д. Угрозы сети интернет для несовершеннолетних пользователей: Психологический анализ и профилактика. М.: Проспект, 2024. 80 с.
3. Дозорцева Е.Г., Кирюхина Д.В. Кибербуллинг и склонность к девиантному поведению у подростков // Прикладная юридическая психология. 2020. № 1. С. 80 – 87.
4. Ефремов В. ... Или не быть. М.: История, 2011. 524 с.

5. Карауш И.С., Куприянова И.Е., Кузнецова А.А. Кибербуллинг и суицидальное поведение подростков // Суицидология. 2020. 245 с.
6. Коданева С.И. Кибербуллинг: причины явления и методы предупреждения // Социальные новации и социальные науки. Москва: ИНИОН РАН, 2020. № 1. С. 151.
7. Колодезникова М.В., Николаев Е.В. Кибербуллинг и его психологические последствия // The scientific heritage. 2020. № 56-5. С. 52 – 54.
8. Романова И.В. Психопрофилактика риска суицидального поведения юношей и девушек // Вестник ЮУрГУ. 2009. № 27. С. 74.
9. Хломов К.Д., Давыдов Д.Г., Бочавер А.А. Кибербуллинг в опыте российских подростков // Психология и право. 2019. Т. 9. № 2. С. 276 – 295. DOI: 10.17759/psylaw.2019090219
10. Щипанова Д. Е. Кибербуллинг как фактор риска в образовательной среде // Новые информационные технологии в образовании. 2015. С. 619 – 623.

References

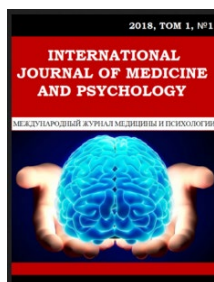
1. Aptikieva L.R., Bursakova M.S. Psychological and pedagogical study of antisocial behavior of adolescents of generation Z in the digital environment. Bulletin of the Orenburg State University. 2022. No. 2 (234). P. 6 – 19.
2. Belousov A.D. Threats of the Internet for underage users: Psychological analysis and prevention. Moscow: Prospect, 2024. 80 p.
3. Dozortseva E.G., Kiryukhina D.V. Cyberbullying and the tendency to deviant behavior in adolescents. Applied legal psychology. 2020. No. 1. P. 80 – 87.
4. Efremov V. ... Or not to be. Moscow: History, 2011. 524 p.
5. Karaush I.S., Kupriyanova I.E., Kuznetsova A.A. Cyberbullying and suicidal behavior of adolescents. Suicidology. 2020. 245 p.
6. Kodaneva S.I. Cyberbullying: causes of the phenomenon and methods of prevention. Social innovations and social sciences. Moscow: INION RAS, 2020. No. 1. P. 151.
7. Kolodeznikova M.V., Nikolaev E.V. Cyberbullying and its psychological consequences. The scientific heritage. 2020. No. 56-5. P. 52 – 54.
8. Romanova I.V. Psychoprophylaxis of the risk of suicidal behavior in young men and women. Bulletin of SUSU. 2009. No. 27. P. 74.
9. Khlomov K.D., Davydov D.G., Bochaver A.A. Cyberbullying in the experience of Russian teenagers. Psychology and Law. 2019. Vol. 9. No. 2. P. 276 – 295. DOI: 10.17759/psylaw.2019090219
10. Shchipanova D.E. Cyberbullying as a risk factor in the educational environment. New information technologies in education. 2015. P. 619 – 623.

Информация об авторах

Романова И.В., кандидат биологических наук, доцент, Уральский государственный педагогический университет, vir-futurum@mail.ru

Литвиненко К.К., Уральский государственный педагогический университет, litvinenko0195@mail.ru

© Романова И.В., Литвиненко К.К., 2025

Научно-исследовательский журнал «International Journal of Medicine and Psychology / Международный журнал медицины и психологии»

<https://ijmp.ru>

2025, Том 8, № 4 / 2025, Vol. 8, Iss. 4 <https://ijmp.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.3.4. Педагогическая психология, психодиагностика цифровых образовательных сред (психологические науки)

УДК 37.015.31

¹ Зверева Е.И.,

¹ Владимирский государственный университет имени А.Г. и Н.Г. Столетовых

Психолого-педагогические аспекты оценивания школьников

Аннотация: статья посвящена анализу роли оценочной деятельности в образовательном процессе и её влиянию на мотивацию, самооценку и учебные достижения учащихся. Автор подчеркивает необходимость использования эффективных и справедливых методов оценки, учитывающих индивидуальные особенности школьников, способствующих их всестороннему развитию, а также формированию у них компетенций будущего. Оценка рассматривается не только как инструмент измерения успеваемости, но и как фактор, влияющий на уровень притязаний и ожиданий учащихся. В статье рассматривается роль контроля и обратной связи педагогов в формировании универсальных учебных действий и развитии высших психических функций. Важное внимание уделяется эмоциональным аспектам оценивания, которые могут вызывать как положительные, так и отрицательные эмоции у учащихся. Негативные оценки способны привести к снижению самооценки и мотивации, в то время как справедливые и объективные оценки могут стать стимулом к обучению. Статья подчеркивает необходимость персонализированного подхода к оценке, учитывающего индивидуальные достижения и усилия каждого ученика. Автором делается вывод, что нынешняя политика образования ставит перед педагогами задачу пересмотра традиционных подходов к оценке достижений учеников и расширения инструментов оценивания.

Ключевые слова: оценка, школьное оценивание, психологические аспекты оценивания, контроль знаний, мотивация, самооценка, школьники, эмоции

Для цитирования: Зверева Е.И. Психолого-педагогические аспекты оценивания школьников // International Journal of Medicine and Psychology. 2025. Том 8. № 4. С. 146 – 152.

Поступила в редакцию: 11 февраля 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 9 апреля 2025 г.; Принята к публикации: 22 мая 2025 г.

¹ Zvereva E.I.,

¹ Vladimir State University named after A.G. and N.G. Stoletov

Psychological and pedagogical aspects of student assessment

Abstract: the article is devoted to the analysis of the role of assessment activities in the educational process and its impact on motivation, self-esteem and academic achievements of students. The author emphasizes the need to use effective and fair assessment methods that take into account the individual characteristics of schoolchildren, contribute to their comprehensive development, as well as the formation of their future competencies. Assessment is considered not only as an instrument for measuring academic performance, but also as a factor influencing the level of students' aspirations and expectations. The article examines the role of teachers' control and feedback in the formation of universal learning activities and the development of higher mental functions. Important attention is paid to the emotional aspects of assessment, which can cause both positive and negative emotions in students. Negative assessments can lead to a decrease in self-esteem and motivation, while fair and objective assessments can be an incentive to learn. The article emphasizes the need for a personalized assessment approach that takes into account the individual achievements and efforts of each student. The author concludes that the current education poli-

cy sets teachers the task of revising traditional approaches to assessing student achievement and expanding assessment tools.

Keywords: assessment, school assessment, psychological aspects of assessment, knowledge control, motivation, self-assessment, schoolchildren, emotions

For citation: Zvereva E.I. Psychological and pedagogical aspects of student assessment. International Journal of Medicine and Psychology. 2025. 8 (4). P. 146 – 152.

The article was submitted: February 11, 2025; Approved after reviewing: April 9, 2025; Accepted for publication: May 22, 2025

Введение

Одной из основных задач образовательной политики в России является создание благоприятных условий для повышения уровня качества образования в школе. Следовательно, особое внимание следует уделять оценочной деятельности учителя, которая не только отражает, но и формирует отношение ученика к процессу обучения.

Изучение психолого-педагогических аспектов оценивания приобретает особую значимость в связи с необходимостью разработки таких методов оценки, которые были бы не только эффективными и справедливыми, но и могли учитывать уникальные особенности каждого ученика, способствуя их всестороннему гармоничному развитию. В условиях постоянных изменений образовательной парадигмы, когда внимание постепенно смещается от традиционных форм оценивания к более целостному восприятию учащегося как личности, становится особенно важным анализировать психологические и педагогические факторы, оказывающие влияние на мотивацию, самооценку и успехи в обучении. Углубленное понимание этих аспектов позволит повысить качество образовательного процесса, а также поможет сформировать у школьников ключевые компетенции будущего, такие как критическое мышление, аналитические способности, творческий подход, инновационное мышление, умение эффективно коммуницировать, гибкость, адаптивность и эмоциональный интеллект [4].

Материалы и методы исследований

В статье проведён анализ психолого-педагогической литературы и теоретических концепций, связанных с оценочной деятельностью педагогов. Особое внимание уделяется работам К. К. Платонова, П. Я. Гальперина, Н. В. Кузьминой и другим ученым, которые рассматривают оценку как сложный психический процесс и важный компонент учебной деятельности. Методологической основой послужили теория поэтапного формирования умственных действий, а также принципы объективности и справедливости в оценивании. В статье проводится анализ изучения влияния оце-

нок на мотивацию, эмоциональное состояние и самооценку учащихся, а также рассматривается роль контроля и обратной связи педагогов.

Результаты и обсуждения

Обучающая деятельность учителя – это сложный и многогранный процесс, который включает в себя три ключевых аспекта: мотивационный, познавательный и контрольно-оценочный. Каждый из них выполняет свою особую функцию в создании здоровой учебной атмосферы и способствует развитию учащихся. Так, мотивация выступает как главный стимул, побуждающий учеников активно включаться в учебный процесс и стремиться к новым знаниям. Познавательная деятельность охватывает разнообразные задачи – от составления учебных программ до установления доверительных отношений с учениками и их родителями (опекунами). Контрольно-оценочная часть включает методы и инструменты, с помощью которых педагог оценивает уровень знаний и умений учеников. При этом особенно важно, чтобы учитель умел грамотно анализировать полученные результаты, а впоследствии корректировать процесс обучения и подбирать наиболее эффективные подходы [2].

В психологии понятие «оценка» имеет множество значений и трактовок, что делает его достаточно сложным для однозначного понимания. Так, например, К.К. Платонов рассматривает оценку как одну из основных функций психики, которая наряду с процессами познания и регуляции играет ключевую роль в формировании жизненного опыта человека [8]. Это говорит о том, что оценка – не просто формальная процедура, а глубокий механизм, с помощью которого человек воспринимает и осмысливает окружающий мир.

С точки зрения психологии, оценка – это сложный процесс, связанный с отношением человека к социальным явлениям, действиям и поведению окружающих. Она включает не только определение важности этих явлений, но и их осмысление через призму определенных норм и моральных установок, которые могут принадлежать как обществу в целом, так и конкретному человеку. Более

того, оценка отражает не только индивидуальные взгляды, но и уровень компетентности человека в той или иной сфере. Например, если педагог при выставлении оценки уделяет особое внимание творческим способностям ученика, то это говорит о том, что в его системе ценностей креативность занимает важное место. С другой стороны, если при оценивании педагог делает акцент преимущественно на строгих академических знаниях, то это может свидетельствовать о его склонности к традиционным подходам в обучении [2].

Оценка играет важную роль в образовательном процессе, выступая одним из главных факторов, формирующих мотивацию учащихся к достижению учебных целей. Она не только отражает уровень успеха, но и существенно влияет на самооценку ученика. То, как оценивают учащегося и как он воспринимает полученные оценки, заметно сказывается на его поведении и активности. По мнению Б.Г. Ананьева, различия в требованиях, которые педагоги предъявляют к ученикам с разным уровнем достижений, формируют у них разные ожидания и притязания. Например, ученики с высокими результатами получают положительные оценки, что способствует развитию у них постоянных завышенных ожиданий. Это может привести к переоценке собственных знаний и, как следствие, замедлить их дальнейший рост. В то же время учащиеся, испытывающие трудности и часто получающие низкие оценки, склонны формировать заниженные притязания. Их мотивация к успеху и положительным результатам часто активизируется только перед итоговыми контрольными, которые воспринимаются ими как главные критерии оценки их учебы. В итоге такой подход приводит к тому, что прогресс этих учеников остаётся относительным – он фиксируется в виде отметок, но не всегда отражает реальный уровень их знаний и навыков [2].

Современные исследования, посвящённые оценке учебной деятельности школьников, подтверждают, что одной из важнейших функций оценки является контроль. Он играет значительную роль в развитии универсальных учебных умений у учащихся. Этот взгляд разделяют многие ученые, включая П.Я. Гальперина, Н.В. Кузьмину, А.А. Реана и В.А. Якунина. Они подчёркивают, что контроль не только обеспечивает обратную связь между педагогом и учеником, но и помогает глубже усвоить учебный материал.

Согласно теории поэтапного формирования умственных действий П.Я. Гальперина, контроль играет важную роль в организации познавательных процессов учащихся и способствует развитию высших психических функций. Он является

неотъемлемой частью оценочных действий и помогает учащимся осознать свои сильные и слабые стороны. Н.В. Кузьмина также отмечает, что отсутствие контроля и обратной связи делает обучение «слепым» и неуправляемым, что приводит к утрате осознанности образовательного процесса. Без четкой информации о том, какие результаты были достигнуты и почему они таковы, учащиеся порой не могут увидеть и проработать свои ошибки, чтобы продолжать двигаться вперед в своем обучении [5].

Объективность – это психолого-педагогический принцип, который лежит в основе контроля и оценки знаний. Именно от этого принципа во многом зависит эффективность всего процесса оценки. Объективный контроль создает условия для полноценного взаимодействия между учителем и учеником, что позволяет не только адекватно отслеживать прогресс в учебной деятельности, но и сопоставлять достигнутые результаты с заранее установленными целями и задачами.

Оптимизация процесса контроля и оценки учебных результатов непосредственно связана с осознанием учителем различия между механическим «зазубриванием» информации и осмысленным усвоением материала. Формирование сознательного отношения к учебе как к регулярному и систематическому труду начинается уже в начальных классах. Поэтому в этот период особенно важно, чтобы педагог проявлял чуткость и соблюдал этические нормы в общении с учениками. Это поможет создать атмосферу доверия и взаимопонимания, необходимую для последующего успешного обучения [6].

Однако существующая пятибалльная система оценивания иногда приводит к утрате условий для сотрудничества между педагогом и учеником. Когда учитель выставляет низкую оценку, это может создать иллюзию помощи, которая на самом деле подрывает всю совместную работу: такая оценка не вдохновляет, не поддерживает и не мотивирует ребенка. Вместо того чтобы способствовать развитию, она может вызвать у ученика чувство неуверенности и отчуждения, что негативно сказывается на его учебной мотивации и общем восприятии образовательного процесса.

Психологи и педагоги отмечают, что процесс оценивания является многогранным явлением, способным вызывать у учащихся широкий спектр интенсивных эмоций. Эти эмоциональные переживания варьируются от чувства радости и удовлетворения при получении высоких оценок до стыда и тревоги в случае неудач. Положительные эмоции, возникающие в результате успешного оценивания, рассматриваются как мощный мотиви-

вирующий фактор, который стимулирует учащихся к более активному участию в учебном процессе. Они способствуют повышению самооценки, укреплению уверенности в собственных силах и формированию позитивного отношения к учебе. Напротив, отрицательные эмоции, такие как разочарование или страх перед будущими отметками, негативно сказываются на общем состоянии ученика, приводя к снижению его продуктивности и даже к возникновению учебной тревожности [6].

Таким образом, когда педагог активно поддерживает ученика, одобряя его работу и подчеркивая его достижения, это оказывает благоприятное влияние на его психологическое самочувствие и способствует формированию положительного восприятия самого себя. Однако стоит отметить, что даже негативная оценка может стать источником мотивации, если она воспринимается как справедливая и объективная. Важно понимать, что как положительные, так и отрицательные эмоции играют значительную роль в жизни ребенка. Позитивные эмоции, связанные с успешным оцениванием знаний, могут способствовать достижению более высоких учебных результатов и лучшему усвоению материала.

Одним из основных недостатков существующей пятибалльной системы оценивания с точки зрения психологов является риск травматического воздействия на психику ребенка. Педагоги и ученики хорошо знакомы с той напряженной атмосферой, которая возникает в классе во время объявления оценок, а также с теми моментами, когда учащиеся с грустью просматривают свои тетради в поисках поставленных баллов. Каждый учитель не раз становился свидетелем эмоциональных реакций детей на оценки – от безудержной радости до глубокой печали. Эти моменты подчеркивают важность внимательного и чуткого подхода к оцениванию, который учитывает индивидуальные особенности каждого ученика [3].

Кроме того, оценка существенно влияет на уровень тревожности и комфорта в отношениях с окружающими – как с одноклассниками, так и с родителями или учителями. Низкие оценки могут привести к чувству неполноценности или стыда, что негативно сказывается на социальной адаптации ребенка.

Оценки, которые педагог выставляет своему ученику, оказывают значительное влияние на его самовосприятие и общее эмоциональное состояние. Каждый раз, когда ребенок сталкивается с низкой оценкой или не достигает ожидаемого результата, то это не становится просто временным огорчением – это подрывает его уверенность в себе и приводит к глубокому ощущению собствен-

ной неполноценности. Важно понимать, что для ребенка, особенно в младших классах, низкие баллы могут восприниматься как подтверждение его неудач. Это формирует негативный внутренний диалог, где он начинает убеждать себя в том, что не способен на успех. В противовес этому, высокие оценки способны вызвать у него чувство успешности и уверенности в собственных силах. Они становятся важным индикатором достижений и способствуют развитию позитивного самовосприятия, что укрепляет желание учиться и развиваться [9].

Психологи отмечают, что школьная тревожность тесно связана с процессом оценивания и может проявляться у детей с различными уровнями успеваемости. Она может возникать как у отличников, стремящихся поддерживать высокий уровень результатов, так и у учеников с низкими результатами, которые боятся не соответствовать ожиданиям окружающих. Ребенок испытывает страх перед самовыражением или начинает опасаться конкретного учителя, с которым у него был негативный опыт взаимодействия. Эти факторы существенно влияют на его отношение к учебной деятельности. В результате формирование положительного отношения к учебе угасает, и вместо того, чтобы воспринимать обучение как возможность для роста и развития, ребенок начинает видеть в нем лишь источник стресса и тревоги [9].

Фокус на индивидуальных успехах учащегося позволяет педагогам задаваться важными вопросами, касающимися образовательного процесса: что именно удастся конкретному ученику, в каких областях он демонстрирует хорошие результаты, а где испытывает трудности, и главное – как учитель может оказать необходимую поддержку для улучшения его учебного прогресса. Постоянный анализ данных вопросов поможет создать более глубокое понимание потребностей каждого ученика и выработать индивидуальные стратегии для дальнейшей работы. Он также способствует формированию доверительных отношений между учителем и учеником, что в свою очередь может повысить мотивацию и вовлеченность учащихся в учебный процесс [4].

При проведении педагогической оценки особое внимание следует уделять критериям относительной успешности. Сравнивая текущие достижения ученика с его предыдущими результатами, учитель имеет возможность сделать процесс оценивания более персонализированным и эффективным. Данный подход позволит учитывать реальные учебные возможности каждого школьника, его уровень знаний, а также ту степень усилий, настойчивости и труда, которые он приложил для

достижения своих результатов. Важно понимать, что каждый ученик уникален и имеет собственные темпы развития и способы усвоения материала.

Оценка учащихся должна предшествовать выставлению отметок. Отметка является итогом, который выводится на основе тщательной и обоснованной оценки. Однако в реальной практике образовательного процесса часто наблюдается противоположная ситуация: учителя сначала выставляют отметки, а затем предоставляют комментарии к ним. Такой подход является неэффективным и может привести к недопониманию со стороны учащихся. Более того, комментарии, как правило, бывают краткими и не содержат достаточного анализа, что не способствует полноценному усвоению материала. Поэтому важно использовать развернутую оценку, когда учитель детально объясняет причины выставленной отметки [9, 10].

Эффективность выставленной отметки значительно возрастает, если ученик внутренне согласен с ней. Когда у учащегося возникает несогласие с оценкой, это может привести к скрытому или даже открытому конфликту. Если знания ученика оцениваются резко негативно, например, выставляется двойка, это может полностью парализовать его мотивацию к учебе. Отрицательная оценка зачастую вызывает лишь отторжение к учебному процессу, особенно в таких критических моментах, как адаптация новых учеников или переход из начальных классов в основное звено. Если учащийся начинает оспаривать выставленную ему оценку, то реакция со стороны педагогов чаще всего сводится к попыткам убедить его в том, что его мнение ошибочно. В худшем случае учитель просто игнорирует подобные высказывания. К сожалению, случаи, когда педагоги сначала проверяют свою точку зрения и затем уточняют позицию ученика, чтобы дать ему возможность отстоять свое мнение или убедить его в ошибке, встречаются крайне редко. Таким образом, важно создавать атмосферу открытости и диалога между учителем и учеником для организации более эффективного процесса оценивания [4].

Одним из мощных факторов, снижающих образовательный и воспитательный потенциал оценивания, является психологический феномен стереотипов ожидания со стороны учителей. На протяжении своей карьеры педагоги формируют определенные представления о каждом ученике, составляют мнение, порой классифицируя их на две группы – «слабые» и «сильные». Эти стереотипы безусловно оказывают свое негативное влияние на процесс выставления отметок. Например, от хорошего ученика будет ожидать только высокий

уровень ответов. Даже если этот ученик не готов к уроку, то учитель может попытаться вытянуть от него ответ с помощью наводящих вопросов. В то же время от школьника с низкими результатами не ожидается ничего положительного, и его малейшие успехи часто остаются незамеченными. Ответы таких учеников могут сопровождаться фразами о том, что учитель не ожидал от них ничего лучшего. Поэтому педагогу необходимо развивать «установку на конструктивный позитив», что подразумевает внимательное отношение к каждому ученику и стремление замечать положительную динамику в их обучении и развитии [8].

Выводы

Для достижения большей эффективности в оценивании учащихся и укрепления мотивационной составляющей этого процесса необходимо преобразовать традиционный подход, основанный на внешней оценке, и перейти к более активному вовлечению самих школьников в процесс самоконтроля и самооценки. Такое отношение поможет развить у детей не только рефлексивные навыки – способность осознавать и анализировать свои действия и эмоции, – но также сформирует у них уверенность в собственных силах. Важно, чтобы учащиеся не просто научились оценивать свои достижения, но и развивали умение критически анализировать работу сверстников. Это способствует формированию критического мышления, а также поможет детям лучше осознать свои сильные и слабые стороны, что приведет к более глубокому пониманию учебного материала и повышению общей успеваемости.

Современный процесс оценивания и контроля в образовательных учреждениях представляет собой сложную и ответственную задачу, так как он напрямую влияет на формирование личности школьника и его опыт в учебной деятельности. В связи с этим федеральный государственный образовательный стандарт ставит перед педагогами задачу пересмотра традиционных подходов к оценке достижений учеников и расширения инструментов оценивания. Безусловно это требует модернизации всей системы оценивания, где акцент делается не только на академических успехах, но и на личностных особенностях, индивидуальных способностях и личной инициативе ребенка в различных аспектах школьной жизни. Таким образом, переход к более многогранному подходу к оцениванию позволит создать более благоприятные условия для всестороннего развития учащихся, что является важным шагом на пути к формированию гармоничной и компетентной личности.

Список источников

1. Амонашвили Ш.А. Обучение. Оценка. Отметка. М.: Знание, 1980. 96 с.
2. Ананьев Б.Г. Психология педагогической оценки // Избранные психологические труды: в 2 т. / под ред. А.А. Бодалева и др. М.: Педагогика, 1980. Т. 2. 287 с.
3. Бермус А.Г., Сериков В.В., Алтынникова Н.В. Содержание педагогического образования в современном мире: смыслы, проблемы, практики и перспективы развития // Вестник РУДН. Серия: Психология и педагогика. 2021. № 4. С. 667 – 691.
4. Ертулов Д.А., Молчанов В.В., Шерстюк Р.С. Психолого-педагогические аспекты совершенствования оценивания формируемых компетенций обучающихся // Педагогический вестник. 2022. № 24. С. 35 – 37. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/psihologo-pedagogicheskie-aspekty-sovershenstvovaniya-otsenivaniya-formiruemyh-kompetentsiy-obuchayuschihsya> (дата обращения: 14.01.2025)
5. Ефремова Н.Ф. Специфика и проблемы формирования и оценивания компетенций // Современные проблемы науки и образования. 2017. № 6. URL: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=27229> (дата обращения: 03.01.2025)
6. Колесов Д.В. Оценка (психология и прагматика оценки): учеб. пособие. М.: Издательство Московского психолого-социального института; Воронеж: Издательство НПО «МОДЭК», 2006. 816 с.
7. Коротаева Е.В. Педагогика взаимодействий: учеб. пособие для студентов пед. вузов / Урал. гос. пед. ун-т. Екатеринбург: [б. и.], 1999. 147 с.
8. Ксензова Г.Ю. Оценочная деятельность педагога: учеб.-метод. пособие. М.: Педагогика, 1998. 154 с.
9. Куимова Н.С. Проблемы отметки и оценки качества образования младших школьников в условиях модернизации образования // Управление школой. 2002. № 2. С. 23 – 31.
10. Лобжанидзе В.А., Непша О.В. Сущность оценки и отметки // Завуч начальной школы. 2002. № 4. С. 66 – 77.
11. Максимова Н.Ю. Оценочная деятельность учителя и формирование самооценки школьника // Вопросы психологии. 1983. № 5. С. 42 – 47.

References

1. Amonashvili Sh.A. Training. Assessment. Mark. Moscow: Knowledge, 1980. 96 p.
2. Ananyev B.G. Psychology of pedagogical assessment. Selected psychological works: in 2 volumes. edited by A.A. Bodalev et al. Moscow: Pedagogy, 1980. Vol. 2. 287 p.
3. Bermus A.G., Serikov V.V., Altyinnikova N.V. The content of pedagogical education in the modern world: meanings, problems, practices and development prospects. Bulletin of RUDN. Series: Psychology and Pedagogy. 2021. No. 4. P. 667 – 691.
4. Ertulov D.A., Molchanov V.V., Sherstyuk R.S. Psychological and pedagogical aspects of improving the assessment of the formed competencies of students. Pedagogical Bulletin. 2022. No. 24. P. 35 – 37. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/psihologo-pedagogicheskie-aspekty-sovershenstvovaniya-otsenivaniya-formiruemyh-kompetentsiy-obuchayuschihsya> (date of access: 14.01.2025)
5. Efremova N.F. Specificity and problems of formation and assessment of competencies. Modern problems of science and education. 2017. No. 6. URL: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=27229> (date of access: 03.01.2025)
6. Kolesov D.V. Assessment (psychology and pragmatics of assessment): textbook. Moscow: Publishing House of the Moscow Psychological and Social Institute; Voronezh: Publishing House of NPO "MODEK", 2006. 816 p.
7. Korotaeva E.V. Pedagogy of interactions: textbook. manual for students of pedagogical universities. Ural. state pedagogical university. Ekaterinburg: [b. i.], 1999. 147 p.
8. Ksenzova G.Yu. Evaluation activities of the teacher: textbook-method. manual. Moscow: Pedagogy, 1998. 154 p.
9. Kuimova N.S. Problems of grading and assessing the quality of education of primary school students in the context of education modernization. School management. 2002. No. 2. P. 23 – 31.
10. Lobzhanidze V.A., Nepsha O.V. The essence of assessment and grade. Head teacher of primary school. 2002. No. 4. P. 66 – 77.
11. Maksimova N.Yu. Evaluation activities of the teacher and the formation of self-esteem of the student. Questions of Psychology. 1983. No. 5. P. 42 – 47.

Информация об авторе

Зверева Е.И., ассистент, Владимирский государственный университет имени А.Г. и Н.Г. Столетовых,
zvereva.xelen@yandex.ru

© Зверева Е.И., 2025

Научно-исследовательский журнал «International Journal of Medicine and Psychology / Международный журнал медицины и психологии»

<https://ijmp.ru>

2025, Том 8, № 4 / 2025, Vol. 8, Iss. 4 <https://ijmp.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.3.1. Общая психология, психология личности, история психологии (психологические науки)

УДК 159.9

¹ **Кречетов И.А.,**

^{1, 2} **Козьяков Р.В.,**

¹ *Московский инновационный университет,*

² *Институт психологии Российской академии наук*

Социально-психологические детерминанты устойчивости мотивации на тренировках самбо

Аннотация: статья посвящена исследованию социально-психологических детерминант устойчивости мотивации на тренировках самбо. В ходе анализа автором рассмотрены различные трактовки понятия мотивации и мотивов, в том числе и при занятиях спортом. Указывается, что на устойчивость мотивации оказывают влияние различные факторы социальной среды, а также успешность соревновательно-тренировочной деятельности. В качестве материалов исследования нами были изучены различные детерминанты, принадлежащие к социальной среде, которые могут оказать влияние на формирование устойчивой мотивации личности на тренировках самбо. Методы исследования: анализ специальной литературы по проблеме исследования, системно-структурный анализ, моделирование.

По результатам исследования была сформирована модель развития устойчивой мотивации на тренировках самбо, которая включает четыре компонента: семья, социальное окружение, физическая среда и образовательная среда. На взгляд автора, наиболее существенное влияние, при прочих равных условиях, оказывает семья, взаимоотношения в которой обуславливают направленность как в целом развитии личности, так и устойчивости мотивации к занятиям спортом. Кроме того, у детей, проживающих в более благоприятных семейных условиях, мотивация и, что немаловажно, спортивные результаты, являются более устойчивыми, чем у детей, обстановка в семье которых неблагоприятная.

Ключевые слова: социально-психологические детерминанты, устойчивость мотивации, тренировки самбо, младшие школьники, социальная среда

Для цитирования: Кречетов И.А., Козьяков Р.В. Социально-психологические детерминанты устойчивости мотивации на тренировках самбо // International Journal of Medicine and Psychology. 2025. Том 8. № 4. С. 153 – 159.

Поступила в редакцию: 13 февраля 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 10 апреля 2025 г.; Принята к публикации: 22 мая 2025 г.

¹ **Krechetov I.A.,**

^{1, 2} **Kozyakov R.V.,**

¹ *Moscow Innovation University,*

² *Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences*

Socio-psychological determinants of motivation stability in sambo training

Abstract: the article is devoted to the study of socio-psychological determinants of motivation stability in sambo training. In the course of the analysis, the author considers various interpretations of the concept of motivation and motives, including when playing sports. It is indicated that the stability of motivation is influenced by various factors of the social environment, as well as the success of competitive training activities. As research materials, we have studied various determinants belonging to the social environment that can influence the formation of a stable

personality motivation during sambo training. Research methods: analysis of special literature on the research problem, system-structural analysis, modeling.

Based on the results of the study, a model for the development of sustainable motivation in sambo training was formed, which includes four components: family, social environment, physical environment and educational environment. In the author's opinion, the most significant influence, all other things being equal, is exerted by the family, the relationships in which determine the orientation of both the overall development of personality and the sustainability of motivation for sports. In addition, children living in more favorable family conditions have more stable motivation and, importantly, athletic performance than children whose family environment is unfavorable.

Keywords: socio-psychological determinants, motivation stability, sambo training, primary school students, social environment

For citation: Krechetov I.A., Kozyakov R.V. Socio-psychological determinants of motivation stability in sambo training. International Journal of Medicine and Psychology. 2025. 8 (4). P. 153 – 159.

The article was submitted: February 13, 2025; Approved after reviewing: April 10, 2025; Accepted for publication: May 22, 2025

Введение

Психологические черты и характеристики отдельной личности представляют собой ключевые факторы, влияющие на успех в определенной области. Однако на результативность труда влияют не только знания и умения. Как утверждают И.А. Дмитриева, И.С. Морозова и О.Ю. Елькина, значение имеют и другие аспекты личности, в частности, особенности мотивационной сферы: содержание и «направленность мотивов», а также степень их влияния на поведение человека [4]. По мнению Е.Ю. Чернякевич, понимание того, как конкретные личностные характеристики способствуют профессиональной деятельности, позволяет глубже осознать динамику успеха в рамках различных карьерных траекторий [23, с. 199-206].

Факторы и средства, влияющие на формирование личности, согласно исследованиям М. И. Старова и Э.М. Османова представляют собой детерминанты [21, с. 77-87] – информацию, которая помогает исследователю понять причинно-следственные связи личностных особенностей, как материальных, так и нематериальных. Внедрение принципов детерминизма в психологическую науку позволяет систематизировать знания о том, как различные факторы воздействуют на человеческое поведение.

Наибольшей сложностью в рассмотрении этих вопросов является выявление мотивов к тому, чтобы продолжать деятельность. Многие спортсмены сталкиваются со снижением работоспособности во время тренировок, и для них важно выявить тот мотив, который бы обуславливал необходимость начала деятельности и ее продолжения [6, с. 67-72].

Поведенческая мотивация личности определяется ее мотивационными элементами. Это означает, что она может изменяться и адаптироваться в

зависимости от жизненных обстоятельств и психического восприятия этих условий [25, р. 1-15]. Так, если мотивы статичны, мотивация оказывается гибкой, динамичной, и ее сфера может претерпевать колебания как в направленности, так и в интенсивности (количественно и качественно).

Мотивация является ключом к пониманию колебаний в активности личности, ее интересах и поведении, а также неоднородности внутреннего и внешнего влияния на человека.

Мотивы личности являются основой мотивационной сферы, которая активизируется в зависимости от ситуации, и представляют собой стремление человека согласовать свои желания с возможностями, что в свою очередь взаимосвязано с эмоциями и волевыми усилиями [21]. Б.Ф. Ломов рассматривал мотив с точки зрения системного подхода, подчеркивая его центральное значение в структуре личности и деятельности. Он утверждал, что мотив выходит за рамки простой компоненты активности, образуя сложный мотивационный контекст личности [13, с. 92]. Мотивация складывается из элементов, которые соотносятся с динамическими возможностями индивида и его интересами, что особенно заметно в образовательной среде, где благоприятные условия способствуют развитию глубокого интереса и настойчивости у детей [1, с. 64].

Р.А. Пилюян отмечал, что спортивная мотивация формируется при соотношении способностей спортсмена с его спортивными целями [17, с. 18].

Исследование А.Ц. Пуни выделяет значимость внешних и внутренних факторов в мотивационно-волевой сфере юных спортсменов. Например, недостаточное внимание тренера может привести к снижению заинтересованности ребенка в спорте, в то время как излишне авторитарное поведение тренера может подавлять спортивный дух [20, с.

98]. Также отношение родителей играет ключевую роль: если ребенок занимается спортом исключительно под их давлением, волевые качества и личная мотивация к достижению успеха могут не сформироваться [15, с. 52-57].

Кроме того, успехи в спорте способствуют укреплению мотивации и стремлению к дальнейшему прогрессу, в то время как неудачи могут стать стимулом к более усердным тренировкам или, напротив, снизить желание ребенка продолжать спортивную карьеру. Очевидно, что эффективность в соревнованиях зависит не только от профессиональных навыков, но и от развития личностных и мотивационных качеств [5].

В рамках исследования интерес представляет мотивация к занятиям самбо, как одному из видов спорта, способствующих формированию стойкости и самодисциплины, ввиду чего Г.Х. Бадмацзреновым предлагается интеграция этого спорта в систему образовательного воспитания для развития морально-волевых аспектов личности [2, с. 210].

Н.А. Перец подчеркивает, что многие спортсмены посещают спортивные секции из-за внешних обстоятельств, а не из желания добиваться высоких результатов. Это предполагает необходимость заботливого и мягкого подхода к тренировочному процессу, а также психологической поддержки, чтобы стимулировать формирование устойчивой мотивации [16, с. 78]. Помимо этого, важно обращать внимание на психологическую работу с родителями младших школьников и создание благоприятной социальной среды для их развития.

Материалы и методы исследований

В качестве материалов исследования нами были изучены различные средовые детерминанты, которые могут оказать влияние на формирование

устойчивой мотивации личности на тренировках самбо.

Таким образом, в развитии личности большое значение имеет микросреда, социальный институт, в котором находится человек – ее специфика порождает определенные правила и закономерности, следуя которым личность развивается под определенным углом.

Социально-психологические исследования проблемы средовой детерминации мотивации свидетельствуют о существенном влиянии среды на формирование мотивационных установок ребенка, а также в целом на его развитие, формирование и развитие различных способностей, которые, в конечном счете, определяют потенциал успешности различных видов деятельности.

Методы исследования: анализ специальной литературы по проблеме исследования, системно-структурный анализ, моделирование.

Теоретико-методологические основы организации исследования составили работы следующих ученых: Е.А. Валуевой, Д.В. Ушакова [3]; Ю.П. Зинченко [7]; Ю.П. Зинченко, В.С. Собкина [8]; Р.В. Козьякова [10, 11]; И.А. Кречетова, Р.В. Козьякова [12]; А.И. Минина, Р.В. Козьякова [14]; А.Н. Поддьякова [18, 19]; Д.В. Ушакова [22] и др.

Результаты и обсуждения

На основании анализа основных понятий формирования устойчивой мотивации на тренировках самбо была сформирована социально-психологическая модель (рис. 1), описывающая механизм развития личности в социальной среде, под влиянием социальных факторов.

Каждый из социальных факторов, отмеченный нами на модели, оказывает влияние на развитие различных аспектов личности, в том числе и на формирование устойчивой мотивации к занятию спортом, в меньшей или большей степени каждый.

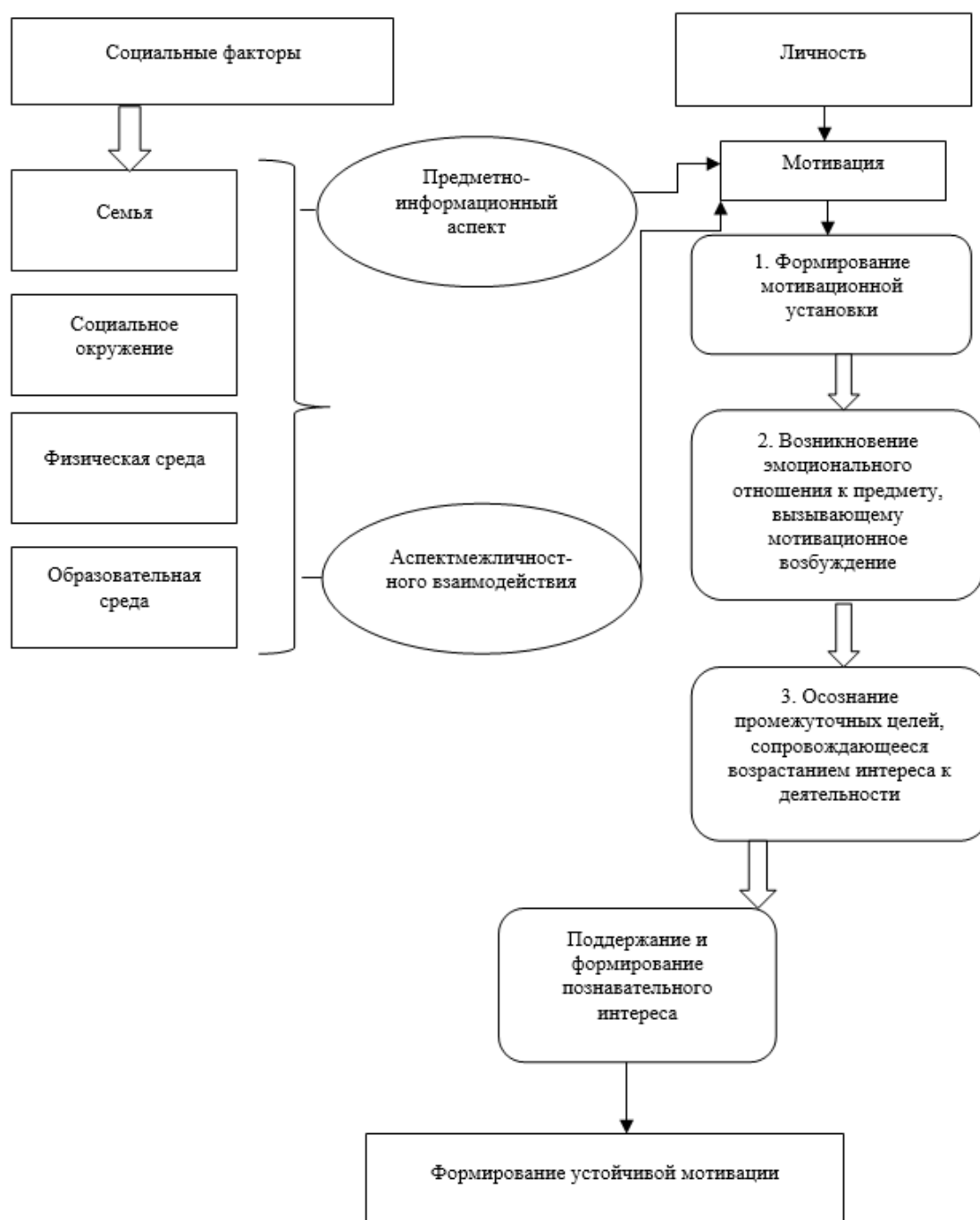

Рис. 1. Механизм формирования устойчивой мотивации.
Fig. 1. Mechanism for the formation of sustainable motivation.

Модель, предложенная для анализа процесса формирования устойчивой мотивации, включает в себя комплекс социальных факторов. В их числе семья, социальная среда, физическая и образовательная среды. Данные факторы (детерминанты) оказывают воздействие на развитие мотивационной сферы ребенка в двух основных плоскостях: предметно-информационную и межличностную.

Семья занимает ключевое положение в данной модели, формируя первичное социальное окружение ребенка, и служит примером поведения. При-

чем под семьей понимается микросоциум, то есть окружение, с которым ребенок наиболее близко взаимодействует ежедневно (проживает вместе с этими людьми). Как правило, это биологическая семья, замещаемую в некоторых случаях другими людьми (опекуны, приемная семья и т.п.).

Социальное окружение, выходящее за рамки семейных отношений, предоставляет платформу для взаимодействия с более широким кругом лиц, играя важную роль в социальном позиционировании личности и формировании социальной под-

держки. В его состав включаются также культурные и экономические аспекты, акцентируя на многообразии социальных контактов и влияния.

Физическая среда тесно связана с биологическими аспектами жизнедеятельности, определяя внешние условия развития и влияя на физическое самочувствие и безопасность личности.

Межличностный аспект включает в себя весь спектр отношений личности с другими людьми.

На представленной схеме изображен процесс формирования мотивации: формирование мотивационной установки, эмоциональное отношение и связь с предметом интереса, выделение подцелей для достижения главной цели, и, наконец, поддержание и развитие познавательного интереса.

Таким образом, сочетание этих этапов и положительное взаимодействие на каждом из них приводят к образованию устойчивой мотивации к занятию спортом, где эффективное мотивационное стимулирование имеет высокую ценность.

Выводы

Нами были выделены такие социально-психологические факторы (детерминанты), которые оказывают влияние на формирование устойчивой мотивации к занятию спортом, как: семья, социальное окружение, физическая среда и образовательная среда.

На наш взгляд данные детерминанты способствуют формированию целостной личности только при условии их положительного вектора.

Можно предположить, что при одинаковых условиях влияния остальных детерминант, роль семьи в развитии мотивации будет решающей. Так, уровень устойчивости мотивации будет выше у детей, которые проживают в семьях с адекватным отношением, причем как к самим себе (родители, старшие члены семьи, братья/сестры), так и к ребенку. В дальнейшем, если отслеживать динамику таких детей, можно будет увидеть, что в она имеет положительный вектор и уровень развития отдельных детей даже превосходит обычные возрастные рамки. К сожалению, нельзя сказать то же самое о детях с негативным отношением (условно негативное; имеется в виду отсутствие эмоциональной связи либо слабая связь, незаинтересованность родителей в делах и успехах/неудачах ребенка и т.п.). Кроме того, у детей с адекватными отношениями в семье всегда присутствует положительный пример, в отличие от детей из других семей. При этом стоит обратить внимание, что положительный пример – это такой, который демонстрирует член семьи, к которому наиболее всего привязан ребенок.

Список источников

1. Асеев В.Г. Мотивация поведения и формирование личности. М.: Мысль, 1976. 158 с.
2. Бадмацыренов Г.Х. Особенности мотивации к спортивной деятельности школьников самбистов первого года тренировок // Управление образованием: теория и практика. 2022. Т. 12. № 10. С. 209 – 215.
3. Валуева Е.А., Ушаков Д.В. Творческие способности и инкубация: эффект Пуанкаре // Экспериментальная психология. 2024. Т. 17. № 4. С. 80 – 89.
4. Дмитриева И.А., Морозова И.С., Елькина О.Ю. Особенности психологической готовности студентов педагогических направлений к профессиональной деятельности // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Гуманитарные и общественные науки. 2020. № 2 (14). С. 107 – 116.
5. Дрожалкин В.А. Спортивная мотивация как ведущий фактор результативности в спортивно-соревновательной деятельности // Современные научные исследования и инновации. 2015. № 4. Ч. 5 [Электронный ресурс]. URL: <https://web.snauka.ru/issues/2015/04/52492> (дата обращения: 27.12.2024)
6. Залиханова А.А., Ковылин М.М., Сопов В.Ф. Особенности мотивационной сферы спортсменов, способствующие возникновению чувства комфорта на занятиях по различным дисциплинам велосипедного спорта // Спортивный психолог. 2016. № 1 (40). С. 67 – 72.
7. Зинченко Ю.П. Значение научного вклада А.В. Брушлинского для развития субъектно-деятельностного подхода в психологической науке // В сборнике: Человек, субъект, личность: перспективы психологических исследований: Материалы Всероссийской научной конференции, посвященной 90-летию со дня рождения А.В. Брушлинского и 300-летию основания Российской академии наук. Москва, 2023. С. 157 – 159.
8. Зинченко Ю.П., Собкин В.С. Л.С. Выготский: история будущего // Вестник Московского университета. Серия 14, Психология. 2024. Т. 47. № 4. С. 11 – 23.
9. Квасов М.Е., Квасова А.И., Козьяков Р.В. Психологические факторы успешности спортсменов разного уровня мастерства в киберспорте: стрессоустойчивость и мотивация // Проблемы современного педагогического образования. 2025. № 86-3. С. 332 – 336.
10. Козьяков Р.В. Ресурсы и ресурсность профессионального креативного мышления субъекта // Проблемы современного педагогического образования. 2025. № 86-1. С. 468 – 470.

11. Козьяков Р.В. Эволюция представлений о профессиональном креативном мышлении // International Journal of Medicine and Psychology. 2025. Т. 8. № 1. С. 60 – 65.
12. Кречетов И.А., Козьяков Р.В. Социальная среда семьи как фактор профилактики тревожности и страхов ребенка // International Journal of Medicine and Psychology. 2025. Т. 8. № 1. С. 167 – 173.
13. Ломов Б.Ф. Методологические и теоретические проблемы психологии. М., 1984. 446 с.
14. Минин А.И., Козьяков Р.В. Психологический гомеостаз группы, в корпоративной среде при адаптации к ситуации креативной деятельности // Проблемы современного педагогического образования. 2025. № 86-1. С. 485 – 489.
15. Москвин В.А., Москвина Н.В. Индивидуальные особенности волевой регуляции у спортсменов-подростков // Спортивный психолог. 2016. № 3 (42). С. 52 – 57.
16. Перец Н. А. Мотивация студентов Белорусско-Российского университета к занятиям дзюдо и самбо // Вестник Мазырскага дзяржаўнага педагагічнага ўніверсітэта імя І.П. Шамякіна. 2014. № 2 (43). С. 73 – 79.
17. Пилюян Р.А. Мотивация спортивной деятельности. М.: Физкультура и спорт, 1984. 104 с.
18. Поддьяков А.Н. «Несжимаемость» психологической реальности и разнообразие подходов психологии // Психологический журнал. 2025. Т. 46. № 1. С. 123-126.
19. Поддьяков А.Н. Методика «Почему большинство ошиблось?»: мнения решателей о причинах правильных и ошибочных ответов в задачах на нетранзитивность превосходства // Вопросы психологии. 2024. Т. 70. № 1. С. 84 – 95.
20. Пуни А.Ц. Очерки психологии спорта. М.: Физкультура и спорт, 1959. 308 с.
21. Старов М.И., Османов Э.М. Детерминанты становления профессионально-педагогической компетентности будущего специалиста физической культуры и спорта в условиях вузовского образования // Вестник ТГУ. 2019. № 182. С. 77 – 87.
22. Ушаков Д. В. Социальный и эмоциональный интеллект: теоретические подходы и методы измерения // Вестник Российского фонда фундаментальных исследований. Гуманитарные и общественные науки. 2024. № S1 (116). С. 144 – 152.
23. Чернякевич Е.Ю. Психологические детерминанты учебной деятельности академически неуспевающих студентов вуза // Вестник ГУУ. 2022. № 9. С. 199 – 206.
24. Djurovic D., Aleksic-Veljkovic A., Petrović T. Psychological aspects of motivation in sport achievement // Facta Universitatis Series Physical Education and Sport. 2020. № 18 (2). P. 465 – 474.
25. Li C. Validity and reliability of the Sport Motivation Scale II for Chinese athletes // International Journal of Sport and Exercise Psychology. 2016. № 2 (19). P. 1 – 15.

References

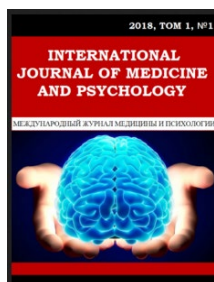
1. Aseev V.G. Motivation of behavior and formation of personality. Moscow: Mysl, 1976. 158 p.
2. Badmatsyrenov G.Kh. Features of motivation for sports activities of schoolchildren sambo wrestlers of the first year of training. Education Management: Theory and Practice. 2022. Vol. 12. No. 10. P. 209 – 215.
3. Valueva E.A., Ushakov D.V. Creative abilities and incubation: the Poincaré effect. Experimental Psychology. 2024. Vol. 17. No. 4. P. 80 – 89.
4. Dmitrieva I.A., Morozova I.S., Elkina O.Yu. Features of psychological readiness of students of pedagogical directions for professional activity. Bulletin of the Kemerovo State University. Series: Humanities and Social Sciences. 2020. No. 2 (14). P. 107 – 116.
5. Drozhalkin V.A. Sports motivation as a leading factor in performance in sports and competitive activities. Modern scientific research and innovation. 2015. No. 4. Part 5 [Electronic resource]. URL: <https://web.snauka.ru/issues/2015/04/52492> (date of access: 12.27.2024)
6. Zalikhanova A.A., Kovylin M.M., Sopov V.F. Features of the motivational sphere of athletes that contribute to the emergence of a sense of comfort in classes in various disciplines of cycling. Sports psychologist. 2016. No. 1 (40). P. 67 – 72.
7. Zinchenko Yu.P. The significance of the scientific contribution of A.V. Brushlinsky for the development of the subject-activity approach in psychological science. In the collection: Man, subject, personality: prospects for psychological research: Proceedings of the All-Russian scientific conference dedicated to the 90th anniversary of the birth of A.V. Brushlinsky and the 300th anniversary of the founding of the Russian Academy of Sciences. Moscow, 2023. P. 157 – 159.
8. Zinchenko Yu.P., Sobkin V.S. L.S. Vygotsky: history of the future. Bulletin of Moscow University. Series 14, Psychology. 2024. Vol. 47. No. 4. P. 11 – 23.

9. Kvasov M.E., Kvasova A.I., Kozyakov R.V. Psychological factors of success of athletes of different skill levels in eSports: stress resistance and motivation. Problems of modern pedagogical education. 2025. No. 86-3. P. 332 – 336.
10. Kozyakov R.V. Resources and resourcefulness of professional creative thinking of the subject. Problems of modern pedagogical education. 2025. No. 86-1. P. 468 – 470.
11. Kozyakov R.V. Evolution of ideas about professional creative thinking. International Journal of Medicine and Psychology. 2025. Vol. 8. No. 1. P. 60 – 65.
12. Krechetov I.A., Kozyakov R.V. Social environment of the family as a factor in the prevention of anxiety and fears in a child. International Journal of Medicine and Psychology. 2025. Vol. 8. No. 1. P. 167 – 173.
13. Lomov B.F. Methodological and theoretical problems of psychology. M., 1984. 446 p.
14. Minin A.I., Kozyakov R.V. Psychological homeostasis of a group in a corporate environment during adaptation to a situation of creative activity. Problems of modern pedagogical education. 2025. No. 86-1. P. 485 – 489.
15. Moskvina V.A., Moskvina N.V. Individual features of volitional regulation in adolescent athletes. Sports psychologist. 2016. No. 3 (42). P. 52 – 57.
16. Perets N.A. Motivation of students of the Belarusian-Russian University to practice judo and sambo. Bulletin of the I.P. Mazyr State Pedagogical University. Shamjakina. 2014. No. 2 (43). P. 73 – 79.
17. Pilojan R.A. Motivation of sports activity. Moscow: Physical Education and Sport, 1984. 104 p.
18. Poddyakov A.N. "Incompressibility" of psychological reality and the diversity of psychological approaches. Psychological Journal. 2025. Vol. 46. No. 1. P. 123-126.
19. Poddyakov A.N. The "Why did the majority make a mistake?" technique: solvers' opinions on the reasons for correct and erroneous answers in problems on the intransitivity of superiority. Questions of Psychology. 2024. Vol. 70. No. 1. P. 84 – 95.
20. Puni A.Ts. Essays on the psychology of sport. M.: Physical Education and Sport, 1959. 308 p.
21. Starov M.I., Osmanov E.M. Determinants of the formation of professional and pedagogical competence of a future specialist in physical education and sports in the context of university education. Bulletin of TSU. 2019. No. 182. P. 77 – 87.
22. Ushakov D.V. Social and emotional intelligence: theoretical approaches and measurement methods. Bulletin of the Russian Foundation for Basic Research. Humanities and Social Sciences. 2024. No. S1 (116). P. 144 – 152.
23. Chernyakevich E.Yu. Psychological determinants of educational activities of academically unsuccessful university students. Bulletin of the State University of Management. 2022. No. 9. P. 199 – 206.
24. Djurovic D., Aleksic-Veljkovic A., Petrović T. Psychological aspects of motivation in sport achievement. Facta Universitatis Series Physical Education and Sport. 2020. No. 18 (2). P. 465 – 474.
25. Li C. Validity and reliability of the Sport Motivation Scale II for Chinese athletes. International Journal of Sport and Exercise Psychology. 2016. No. 2 (19). P. 1 – 15.

Информация об авторах

Кречетов И.А., аспирант, Московский инновационный университет, kozyakovroman@yandex.ru
Козьяков Р.В., кандидат психологических наук, доцент, заведующий кафедрой гуманитарных дисциплин, Московский инновационный университет; докторант Лаборатории психологии и психофизиологии творчества, Институт психологии Российской академии наук

© Кречетов И.А., Козьяков Р.В., 2025

Научно-исследовательский журнал «International Journal of Medicine and Psychology / Международный журнал медицины и психологии»

<https://ijmp.ru>

2025, Том 8, № 4 / 2025, Vol. 8, Iss. 4 <https://ijmp.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.3.1. Общая психология, психология личности, история психологии (психологические науки)

УДК 159.9:[616-052:616.12-008.318]

¹ Лукин И.Б.,
¹ Евстифеева Е.А.,
¹ Гридякина Д.Ю.,
¹ Финагина А.В.,

¹ Тверской государственный медицинский университет

Качество жизни, релевантное здоровью у пациентов с нарушениями ритма сердца

Аннотация: в статье представлены результаты междисциплинарного подхода к решению многосложной медицинской проблемы аритмий сердца. Такая патология влечет тяжелые осложнения, а также снижает качество жизни, релевантное здоровью пациента. Выборка составила 42 пациента с наджелудочковыми нарушениями ритма сердца (НЖТ) (фибрилляция предсердий, атриовентрикулярная узловая реципрокная тахикардия, атриовентрикулярная реципрокная тахикардия – синдром Вольфа-Паркинсона-Уайта) и брадиаритмией (синдром слабости синусового узла, атриовентрикулярная блокада II и III ст.) Накануне операции и перед выпиской из стационара пациентам проводилось анкетирование для оценки качества жизни с применением методики «Опросник качества жизни по состоянию здоровья SF-36» Ж. Вар, С. Шерборн. Опросник КЖЗ генерирует объективные и субъективные измерения благополучия, демонстрирует то, как пациент переносит свое заболевание. Цель исследования – изучение показателей качества жизни, релевантного здоровью у пациентов с различными нарушениями ритма сердца до и после операции. По результатам психодиагностики качества жизни, релевантного здоровью, у пациентов с аритмией сердца в постоперационный период наблюдается ухудшение самочувствия по критериям ролевого эмоционального и физического функционирования, а также общего состояния здоровья.

Ключевые слова: аритмии сердца, имплантация кардиостимулятора, качество жизни, релевантное здоровью

Для цитирования: Лукин И.Б., Евстифеева Е.А., Гридякина Д.Ю., Финагина А.В. Качество жизни, релевантное здоровью у пациентов с нарушениями ритма сердца // International Journal of Medicine and Psychology. 2025. Том 8. № 4. С. 160 – 169.

Поступила в редакцию: 14 февраля 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 10 апреля 2025 г.; Принята к публикации: 22 мая 2025 г.

¹ Lukin I.B.,
¹ Evstifeeva E.A.,
¹ Gridyakina D.Yu.,
¹ Finagina A.V.,
¹ Tver State Medical University

Health-relevant quality of life in patients with cardiac rhythm disorders

Abstract: the article presents the results of an interdisciplinary approach to solving the multifaceted medical problem of cardiac arrhythmias. Such pathology entails severe complications, as well as reduces the quality of life relevant to the patient's health. The sample consisted of 42 patients with supraventricular heart rhythm disorders (SVR) (atrial fibrillation, atrioventricular nodal recurrent tachycardia, atrioventricular recurrent tachycardia -

Wolff-Parkinson-White syndrome) and bradyarrhythmia (sinus node weakness syndrome, atrioventricular block of II and III degrees.) On the eve of the operation and before discharge from the hospital, the patients were administered a questionnaire to assess the quality of life using the methodology of 'SF-36 health-related quality of life questionnaire' by J. Var, S. Sherborn. The quality of life questionnaire generates objective and subjective measures of well-being, demonstrates how the patient tolerates his/her illness. The aim of the study was to investigate health-relevant quality of life indicators in patients with various heart rhythm disorders before and after surgery. According to the results of psychodiagnostics of health-relevant quality of life in patients with cardiac arrhythmias, in the postoperative period there is a deterioration of well-being according to the criteria of role emotional and physical functioning, as well as general health.

Keywords: cardiac arrhythmias, pacemaker implantation, health-relevant quality of life

For citation: Lukin I.B., Evstifeeva E.A., Gridyakina D.Yu., Finagina A.V. Health relevant quality of life in patients with cardiac rhythm disorders. International Journal of Medicine and Psychology. 2025. 8 (4). P. 160 – 169.

The article was submitted: February 14, 2025; Approved after reviewing: April 10, 2025; Accepted for publication: May 22, 2025

Введение

Нарушение ритма сердца представляет собой нерешенную проблему медицины, как для пациентов, так и для врачей и системы здравоохранения в целом во всем мире. Сложность нарушения ритма сердца требует многогранного, целостного и междисциплинарного подхода к лечению данных пациентов [1].

Нарушения ритма сердца являются достаточно серьезной патологией, которая увеличивает риск таких серьезных осложнений, как инфаркт миокарда, инсульт и внезапная сердечная смерть, а также снижают качество жизни пациента [2, 3, 4].

Наиболее распространенным разрушением ритма сердца является наджелудочковая тахикардия (НЖТ). К НЖТ относятся атриовентрикулярная реципроктная тахикардия, атриовентрикулярная узловая реципроктная тахикардия, фибрилляция предсердий (ФП), трепетание предсердий, предсердная тахикардия, синусовая тахикардия [5]. При этом, ФП является самой распространенной в популяции аритмией [6, 7, 8, 9].

По информации Фермингемского исследования у пациентов с ФП риск смертности от всех причин увеличивается примерно в 2 раза, а риск возникновения инсульта в 5 раз [10]. Несколько исследований продемонстрировали увеличение риска развития сердечно-сосудистых заболеваний и смертности у пациентов с ФП [11, 12, 13].

Если обратиться к рекомендациям Европейского общества кардиологов (European Society of Cardiology) [1], то у пациентов с ФП в 1.5-3,5 раза увеличивается риск развития летального исхода от всех причин, 20-30% ишемических и 10% криптогенных инсультов происходит у пациентов с ФП, у 20-30% пациентов с ФП развивается сердечная недостаточность. Обратим внимание на то, что ФП негативно влияет не только на сердечно-

сосудистую систему, но и отрицательно сказывается на психоэмоциональном состоянии пациентов. У 16-20% пациентов с ФП развивается депрессия, более чем у 60% пациентов с ФП снижается качество жизни по показателю «здоровье». При этом качество жизни значительно ниже у женщин, молодых пациентов и пациентов с выраженной коморбидностью.

По данным зарубежных исследований, у пациентов с ФП в 1,4-1,6 раза снижаются когнитивные функции [1]. Также у пациентов с ФП наиболее часто развиваются тревожные расстройства [14] и депрессивные расстройства [15]. Есть исследования влияния психосоматического фактора на качество жизни по здоровью, подтверждающие низкое качество жизни у пациентов с депрессивным типом личности (тип D) [16]. Другим жизнеугрожающим нарушением ритма сердца является брадиаритмия, при котором нередко единственным эффективным лечением является имплантация электрокардиостимулятора [20]. Наиболее распространенными показаниями для имплантации кардиостимулятора являются атриовентрикулярная блокада высокой степени и дисфункция синусового узла [17].

Целью имплантации кардиостимулятора является не только показатель продолжительности жизни. Качество жизни, релевантное здоровью (КЖЗ) - маркер состояния здоровья пациента. Исследования КЖЗ могут использоваться для решения разных задач в клинической практике – получение объективных данных о состоянии здоровья пациента и его изменениях, для оценки эффективности назначенного лечения и т.д. КЖЗ – показатель субъективного чувствования самовосприятия человеком своего физического, психического (душевного), социального благополучия. Опросник КЖЗ генерирует объективные и субъективные

измерения благополучия, демонстрирует то, как пациент переносит свое заболевание. Для врача КЖЗ – предстает дополнительным инструментом оценки здоровья пациента, важным показателем для измерения клинического состояния и исхода пациента, дает целостную картину эффективности клинического лечения [17]. Так, многие исследования показали эффективность имплантации постоянного кардиостимулятора в отношении улучшения качества жизни пациентов [17, 18, 19, 4].

Важно отметить, что длительная пауза, преждевременное сокращение предсердий и брадикардия могут спровоцировать пароксизм ФП, а регулярный ритм предсердий снижает риск возникновения ФП [20]. При этом у пациентов с имплантированными кардиологическими устройствами, в частности кардиостимуляторами, нередко наблюдается ФП [6, 7, 8, 9], что влияет на качество их жизни по показателю «здоровье».

Целью данного исследования является изучение показателей качества жизни, релевантное здоровью у пациентов с различными нарушениями ритма сердца до и после операции.

Материалы и методы исследований

Материалом нашего исследования послужили результаты лечения и проспективного наблюдения 42 пациентов, среди которых 26 женщин и 16 мужчин с наджелудочковыми нарушениями ритма сердца (НЖТ) (фибрилляция предсердий, атриовентрикулярная узловая реципрокная тахикардия, атриовентрикулярная реципрокная тахикардия – синдром Вольфа-Паркинсона-Уайта) и брадиаритмией (синдром слабости синусового узла, атриовентрикулярная блокада II и III ст.). Средний возраст пациентов составил 65.88 ± 2.42 года (диапазон от 23 до 89 лет).

Пациентам с НЖТ выполнялась радиочастотная абляция аритмогенных зон сердца. Пациентам с брадиаритмиями имплантировали двухкамерный частотоадаптивный электрокардиостимулятор. Операции проходили на базе Клиники ФГБОУ ВО Тверского ГМУ Минздрава России в период с октября по ноябрь 2024 г. В исследование вошли только пациенты, которым были имплантированы кардиостимуляторы последнего поколения с функциями профилактики ФП (Предпочтительная стимуляция предсердий, Atrial Preference Pacing, Стабилизация предсердного ритма, Atrial Rate Stabilization, Овердрайв стимуляция после переключения режима, Post-mode switch overdrive pacing) и алгоритмом минимизации правожелудочковой стимуляции (Reduced VP+).

Накануне операции и перед выпиской из стационара пациентам проводилось анкетирование для оценки качества жизни с применением мето-

дики «Опросник качества жизни по состоянию здоровья SF-36», авторов Ж. Вар, С. Шерборн [21] по следующим шкалам: «психическое здоровье», «ролевое физическое функционирование», «социальное функционирование», «жизненная активность», «общее состояние здоровья», «интенсивность боли», «ролевое эмоциональное функционирование» и «физическое функционирование».

Критерии включения: наличие показаний для имплантации двухкамерного кардиостимулятора в плановом порядке или проведения РЧА аритмогенных зон сердца.

Критерии исключения: наличие показаний для имплантации кардиостимулятора в экстренном порядке, острый период инфаркта миокарда, дооперационное острое неврологическое заболевание, тяжелая систолическая дисфункция левого желудочка (ФВ ЛЖ <35), постоянная форма фибрилляция предсердий, отказ пациента в проведении анкетирования, снижения когнитивных функций, не позволяющих провести анкетирование пациента.

Результаты и обсуждения

У всех пациентов, которым были имплантированы двухкамерные кардиостимуляторы отмечалась адекватная работа ЭКС по данным программатора, внутрисердечной электрограммы и поверхностной электрокардиограммы. Раны зажили первичным натяжением, клинически значимых гематом области послеоперационных ран не зарегистрировано. Инфекционных осложнений, гидро- и пневмотораксов, летальных исходов, у данных пациентов не наблюдалось.

У всех пациентов, которым было выполнено РЧА аритмогенных зон, отмечалось восстановление синусового ритма. Аритмий за время госпитализации не было выявлено. Клинически значимых гематом области пункций, других осложнений и летальных исходов не наблюдалось. Все пациенты с пароксизмальной формой ФП принимали антикоагулянтную терапию в лечебной дозировке.

Все пациенты выписаны из стационара на 3-4 послеоперационные сутки.

По результатам проведения анкетирования для оценки качества жизни пациентов до и после проведения операции, мы провели сравнительный анализ.

Обращаясь к результатам шкалы «Психическое здоровье» (рис. 1) мы наблюдаем увеличение числа респондентов, которые оценивают свой уровень психического здоровья как низкий. Это может свидетельствовать о эмоциональной уязвимости пациентов в послеоперационный период, которая характеризуется повышением тревожных переживаний и психическим неблагополучием.

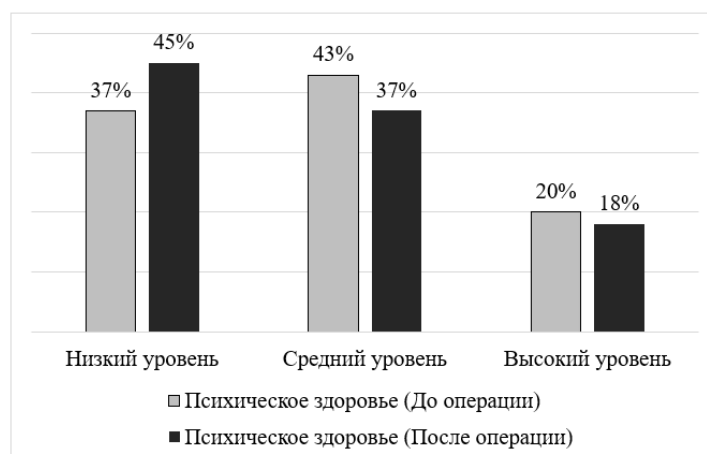

Рис. 1. Динамика распределения уровней психического здоровья в пред- и послеоперационный период у пациентов с нарушениями ритма сердца.

Fig. 1. Dynamics of distribution of mental health levels in the pre- and postoperative period in patients with cardiac rhythm disorders.

Результаты шкалы «Рольное физическое функционирование» (рис. 2) отражают влияние на повседневную деятельность физического состояния индивида. Изменения, которые произошли в по-

стооперационный период, говорят о частичном снижении активности у пациентов, которая связана с выполнением повседневной работы.

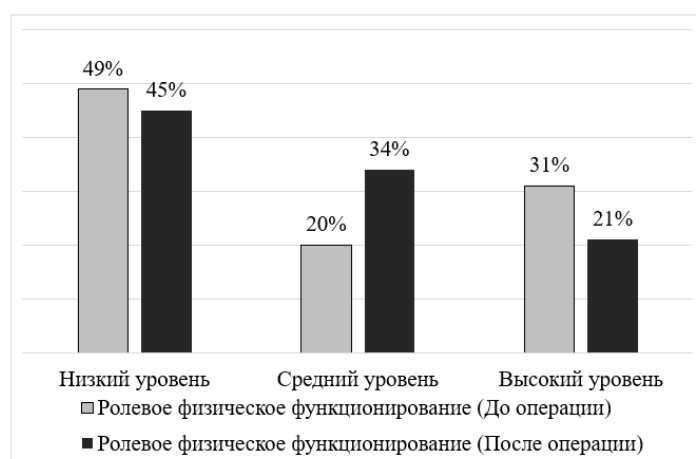

Рис. 2. Динамика распределения уровней ролевого физического функционирования в пред- и послеоперационный период у пациентов с нарушениями ритма сердца.

Fig. 2. Dynamics of distribution of the levels of physical functioning in the pre- and postoperative period in patients with cardiac rhythm disorders.

В отношении шкалы «Социальное функционирование» (рис. 3) наблюдается выраженное повышение у части пациентов качества жизни в межличностных отношениях. Это может означать по-

вышение адаптивных способностей у респондентов и стремление к выходу из социальной изоляции.

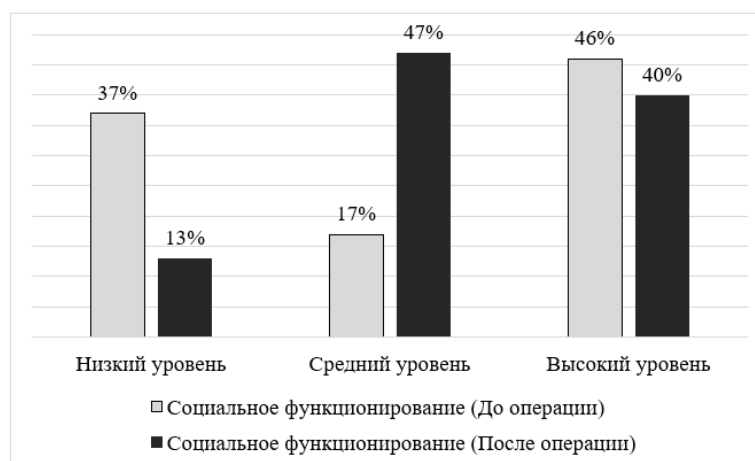

Рис. 3. Динамика распределения уровней социального функционирования в пред- и послеоперационный период у пациентов с нарушениями ритма сердца.

Fig. 3. Dynamics of distribution of social functioning levels in the pre- and postoperative period in patients with cardiac rhythm disorders.

Показатели жизненной активности до и после операции остались практически неизменными

(рис. 4), что говорит о стабильности пациентов в послеоперационный период.

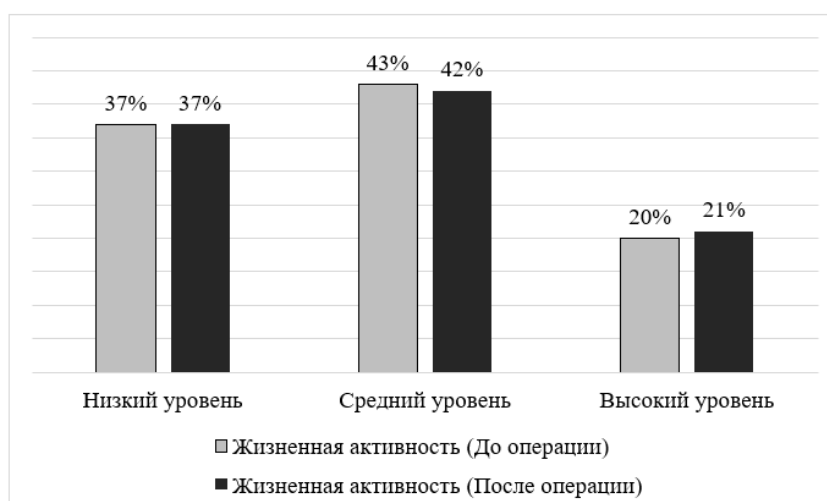

Рис. 4. Динамика распределения уровней жизненной активности в пред- и послеоперационный период у пациентов с нарушениями ритма сердца.

Fig. 4. Dynamics of distribution of vital activity levels in the pre- and postoperative period in patients with cardiac rhythm disorders.

В отношении общего состояния здоровья возросло количество пациентов в послеоперационный

период, которые оценивают свое субъективное ощущение самочувствия как плохое (рис. 5).

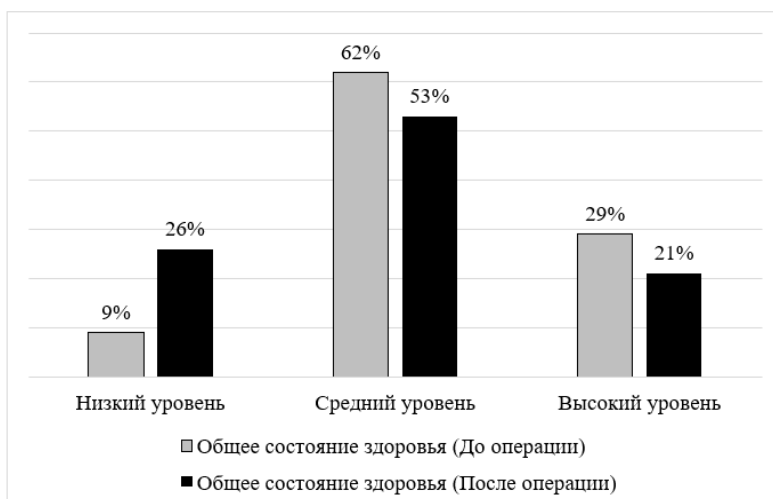

Рис. 5. Динамика распределения общего состояния здоровья в пред- и послеоперационный период у пациентов с нарушениями ритма сердца.

Fig. 5. Dynamics of general health status distribution in the pre- and postoperative period in patients with cardiac rhythm disorders.

Шкала «Интенсивность боли» (рис. 6) отражает ее влияние на жизненную активность человека, возможность выполнения им привычных повседневных дел. В рамках нашего исследования мы

можем сделать вывод, что незначительная часть пациентов отмечает улучшения по состоянию здоровья, уменьшение болевого синдрома после операции.

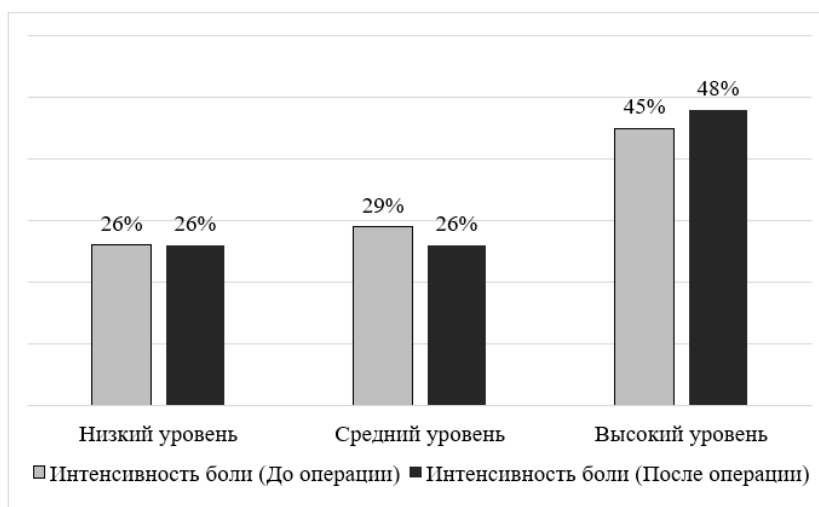

Рис. 6. Динамика распределения интенсивности боли в пред- и послеоперационный период у пациентов с нарушениями ритма сердца.

Fig. 6. Dynamics of pain intensity distribution in the pre- and postoperative period in patients with cardiac rhythm disorders.

Состояние здоровья пациентов по ролевому эмоциональному функционированию демонстрирует неблагоприятную динамику, что может сви-

детельствовать об эмоциональном истощении, повышенной тревожности и снижении мотивации в послеоперационный период (рис. 7).

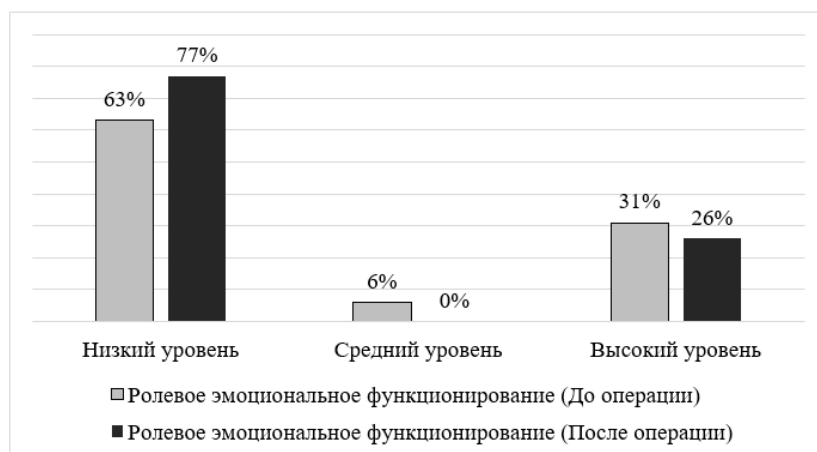

Рис. 7. Динамика распределения ролевого эмоционального функционирования в пред- и послеоперационный период у пациентов с нарушениями ритма сердца.

Fig. 7. Dynamics of the distribution of role emotional functioning in the pre- and postoperative period in patients with cardiac rhythm disorders.

Распределение уровней физического функционирования демонстрирует умеренное ухудшение физического состояния пациентов. Это может

быть связано с некоторыми ограничениями в отношении подвижности, общей слабостью и наличием болевого синдрома (рис. 8).

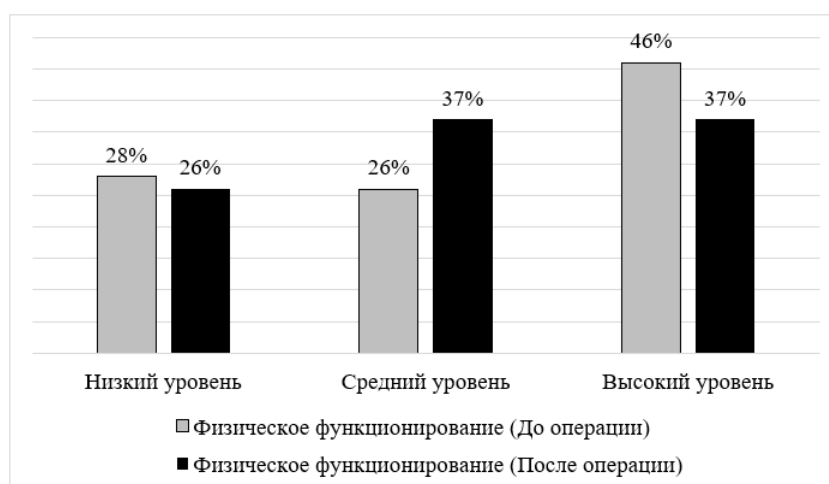

Рис. 8. Динамика распределения физического функционирования в пред- и послеоперационный период у пациентов с нарушениями ритма сердца.

Fig. 8. Dynamics of physical functioning distribution in the pre- and postoperative period in patients with cardiac rhythm disorders.

Сравнительный анализ показал, что наиболее выраженные изменения по качеству жизни пациентов в отношении здоровья затрагивают такие показатели, как ролевое эмоциональное и физическое функционирование, а также общее состояние здоровья. Это свидетельствует о повышении уровня эмоционального напряжения, снижении субъективного ощущения благополучия, а также усилении ограничений в привычной жизнедеятельности. Положительная динамика прослеживается в отношении межличностного функционирования, что говорит о восстановлении контактов и частичном возвращении к социальной активности.

Выводы

В итоге хирургическая коррекция нарушений ритма сердца оказывает положительное влияние на гемодинамические показатели сердечной деятельности у пациентов с аритмией сердца.

Результаты психодиагностического исследования качества жизни, релевантного здоровью у пациентов с аритмиями сердца показали, что в послеоперационный период наблюдаются ухудшения, связанные с эмоциональной устойчивостью, физической активностью и общим состоянием здоровья, что подчеркивает необходимость комплексного послеоперационного сопровождения.

Список источников

1. Hindricks G., Potpara T., Dagres N., et al. 2020 ESC Guidelines for the diagnosis and management of atrial fibrillation developed in collaboration with the European Association for Cardio-Thoracic Surgery (EACTS): The Task Force for the diagnosis and management of atrial fibrillation of the European Society of Cardiology (ESC) Developed with the special contribution of the European Heart Rhythm Association (EHRA) of the ESC // *European Heart Journal*. 2021. Vol. 42. № 5. P. 373 – 498. DOI: 10.1093/eurheartj/ehaa612
2. Лукин И.Б., Евстифеева Е.А., Филиппченкова С.И. Оценка качества жизни по здоровью возрастных пациентов с брадиаритмиями и имплантируемым кардиостимулятором // *Клиническая геронтология*. 2024. Т. 30. № 1-2. С. 3 – 13. DOI: 10.26347/1607-2499202401-02003-013
3. Лукин И.Б., Евстифеева Е.А. Качество жизни по показателю «здоровье» возрастных пациентов с фибрилляцией предсердий и имплантируемым кардиостимулятором и их личностно-психологические особенности (часть 2) // *Клиническая геронтология*. 2024. Т. 30. № 7-8. DOI: 10.26347/1607-2499202407-08018-022
4. Su S.F., Wu M.S. Arrhythmia perception and quality of life in bradyarrhythmia patients following permanent pacemaker implantation // *Clinical Nursing Research*. 2021. Vol. 30. № 2. P. 183 – 192. DOI: 10.1177/1054773819880297
5. Бенетт Д.Х. Аритмии сердца: практическое руководство по интерпретации и лечению / пер. с англ.; под ред. проф. С.П. Голицына. 2-е изд. М.: МЕДпресс-информ, 2018. 272 с.
6. Gillis A.M., Morck M. Atrial fibrillation after DDDR pacemaker implantation // *Journal of Cardiovascular Electrophysiology*. 2002. Vol. 13. P. 542 – 547.
7. Gillis A.M. Clinical trials of pacing for maintenance of sinus rhythm // *Journal of Interventional Cardiac Electrophysiology*. 2004. Vol. 10. P. 55 – 62.
8. Ellenbogen K.A. Pacing therapy for prevention of atrial fibrillation // *Heart Rhythm*. 2007. Vol. 4, Suppl. P. S84 – S87.
9. Ricci R.P., Boriani G., Grammatico A., Santini M. Optimization of pacing algorithms to prevent and treat supraventricular tachyarrhythmias // *Pacing and Clinical Electrophysiology*. 2006. Vol. 29, Suppl. P. S61 – S72.
10. Wolf P.A., Abbott R.D., Kannel W.B. Atrial fibrillation as an independent risk factor for stroke: The Framingham Study // *Stroke*. 1991. Vol. 22. P. 983 – 988.
11. Benjamin E.J., Wolf P.A., D'Agostino R.B. Impact of atrial fibrillation on the risk of death: the Framingham Heart Study // *Circulation*. 1998. Vol. 98. P. 946 – 952.
12. The AFFIRM Investigators. A comparison of rate control and rhythm control in patients with atrial fibrillation // *The New England Journal of Medicine*. 2002. Vol. 347. P. 1825 – 1833.
13. Van Gelder I.C., Hagens V.E., Bosker H.A., et al. A comparison of rate control and rhythm control in patients with recurrent persistent atrial fibrillation // *The New England Journal of Medicine*. 2002. Vol. 347. P. 1834 – 1840.
14. Serpytis R., Navickaite A., Serpytiene E., Barysiene J., Marinskis G., Jatuzis D., Petrulioniene Z., Laucevicius A., Serpytis P. Impact of atrial fibrillation on cognitive function, psychological distress, quality of life, and impulsiveness // *The American Journal of Medicine*. 2018. Vol. 131. P. 703.e1 – 703.e5. DOI: 10.1016/j.amjmed.2017.12.044
15. Schnabel R.B., Michal M., Wilde S., et al. Depression in atrial fibrillation in the general population // *PLoS ONE*. 2013. Vol. 8. № 12. e79109. DOI: 10.1371/journal.pone.0079109
16. Kupper N., van den Broek K., Haagh E., van der Voort P., Widdershoven J., Denollet J. Type D personality affects health-related quality of life in patients with lone atrial fibrillation by increasing symptoms related to sympathetic activation // *Journal of Psychosomatic Research*. 2018. Vol. 115. P. 44 – 52. DOI: 10.1016/j.jpsychores.2018.10.005
17. Glikson M., Nielsen J.C., Kronborg M.B., et al. 2021 ESC Guidelines on cardiac pacing and cardiac resynchronization therapy // *European Heart Journal*. 2021. Vol. 42. № 35. P. 3427 – 3520. DOI: 10.1093/eurheartj/ehab364
18. Tjong F.V.Y., Beurskens N.E.G., de Groot J.R., et al.; MICRA Investigators. Health-related quality of life impact of a transcatheter pacing system // *Journal of Cardiovascular Electrophysiology*. 2018. Vol. 29. P. 1697 – 1704. DOI: 10.1111/jce.13726
19. Fleischmann K.E., Orav E.J., Lamas G.A., et al. Pacemaker implantation and quality of life in the Mode Selection Trial (MOST) // *Heart Rhythm*. 2006. Vol. 3. № 6. P. 653 – 659. DOI: 10.1016/j.hrthm.2006.02.1031
20. Исса З.Ф., Миллер Д.М., Займс Д.П. Клиническая аритмология и электрофизиология: пер. с англ. М.: Логосфера, 2021. 1376 с.: ил.

21. Ware J.E. Jr., Sherbourne C.D. The MOS 36-item short-form health survey (SF-36). I. Conceptual framework and item selection // *Medical Care*. 1992. Vol. 30. № 6. P. 473 – 483.
22. Лукин И.Б. Алгоритмы профилактики и лечения суправентрикулярной тахикардии у пациентов с имплантированными кардиостимуляторами: серия клинических случаев // *Вестник аритмологии*. 2022. Т. 29. № 4. С. е9–е14. DOI: 10.35336/VA-2022-4-12

References

1. Hindricks G., Potpara T., Dagres N., et al. 2020 ESC Guidelines for the diagnosis and management of atrial fibrillation developed in collaboration with the European Association for Cardio-Thoracic Surgery (EACTS): The Task Force for the diagnosis and management of atrial fibrillation of the European Society of Cardiology (ESC) Developed with the special contribution of the European Heart Rhythm Association (EHRA) of the ESC. *European Heart Journal*. 2021. Vol. 42. No. 5. P. 373 – 498. DOI: 10.1093/eurheartj/ehaa612
2. Lukin I.B., Evstifeeva E.A., Filippchenkova S.I. Assessment of the health quality of age-related patients with bradyarrhythmias and an implantable pacemaker. *Clinical gerontology*. 2024. Vol. 30. No. 1-2. P. 3 – 13. DOI: 10.26347/1607-2499202401-02003-013
3. Lukin I.B., Evstifeeva E.A. Quality of life by the “health” indicator of elderly patients with atrial fibrillation and an implantable pacemaker and their personality and psychological characteristics (part 2). *Clinical Gerontology*. 2024. Vol. 30. No. 7-8. DOI: 10.26347/1607-2499202407-08018-022
4. Su S.F., Wu M.S. Arrhythmia perception and quality of life in bradyarrhythmia patients following permanent pacemaker implantation. *Clinical Nursing Research*. 2021. Vol. 30. No. 2. P. 183 – 192. DOI: 10.1177/1054773819880297
5. Benett D.H. Cardiac arrhythmias: a practical guide to interpretation and treatment. trans. from English; edited by prof. S.P. Golitsyn. 2nd ed. Moscow: MEDpress-inform, 2018. 272 p.
6. Gillis A.M., Morck M. Atrial fibrillation after DDDR pacemaker implantation. *Journal of Cardiovascular Electrophysiology*. 2002. Vol. 13. P. 542 – 547.
7. Gillis A.M. Clinical trials of pacing for maintenance of sinus rhythm. *Journal of Interventional Cardiac Electrophysiology*. 2004. Vol. 10. P. 55 – 62.
8. Ellenbogen K.A. Pacing therapy for prevention of atrial fibrillation. *Heart Rhythm*. 2007. Vol. 4, Suppl. P. S84 – S87.
9. Ricci R.P., Boriani G., Grammatico A., Santini M. Optimization of pacing algorithms to prevent and treat supraventricular tachyarrhythmias. *Pacing and Clinical Electrophysiology*. 2006. Vol. 29, Suppl. P. S61 – S72.
10. Wolf P.A., Abbott R.D., Kannel W.B. Atrial fibrillation as an independent risk factor for stroke: The Framingham Study. *Stroke*. 1991. Vol. 22. P. 983 – 988.
11. Benjamin E.J., Wolf P.A., D’Agostino R.B. Impact of atrial fibrillation on the risk of death: the Framingham Heart Study. *Circulation*. 1998. Vol. 98. P. 946 – 952.
12. The AFFIRM Investigators. A comparison of rate control and rhythm control in patients with atrial fibrillation. *The New England Journal of Medicine*. 2002. Vol. 347. P. 1825 – 1833.
13. Van Gelder I.C., Hagens V.E., Bosker H.A., et al. A comparison of rate control and rhythm control in patients with recurrent persistent atrial fibrillation. *The New England Journal of Medicine*. 2002. Vol. 347. P. 1834 – 1840.
14. Serpytis R., Navickaite A., Serpytiene E., Barysiene J., Marinskis G., Jatuzis D., Petrulioniene Z., Laucevicius A., Serpytis P. Impact of atrial fibrillation on cognitive function, psychological distress, quality of life, and impulsiveness. *The American Journal of Medicine*. 2018. Vol. 131. P. 703.e1 – 703.e5. DOI: 10.1016/j.amjmed.2017.12.044
15. Schnabel R.B., Michal M., Wilde S., et al. Depression in atrial fibrillation in the general population. *PLoS ONE*. 2013. Vol. 8. No. 12. e79109. DOI: 10.1371/journal.pone.0079109
16. Kupper N., van den Broek K., Haagh E., van der Voort P., Widdershoven J., Denollet J. Type D personality affects health-related quality of life in patients with single atrial fibrillation by increasing symptoms related to sympathetic activation. *Journal of Psychosomatic Research*. 2018. Vol. 115. P. 44 – 52. DOI: 10.1016/j.jpsychores.2018.10.005
17. Glikson M., Nielsen J.C., Kronborg M.B., et al. 2021 ESC Guidelines on cardiac pacing and cardiac resynchronization therapy. *European Heart Journal*. 2021. Vol. 42. No. 35. P. 3427 – 3520. DOI: 10.1093/eurheartj/ehab364

18. Tjong F.V.Y., Beurskens N.E.G., de Groot J.R., et al.; MICRA Investigators. Health-related quality of life impact of a transcatheter pacing system. *Journal of Cardiovascular Electrophysiology*. 2018. Vol. 29. P. 1697 – 1704. DOI: 10.1111/jce.13726
19. Fleischmann K.E., Orav E.J., Lamas G.A., et al. Pacemaker implantation and quality of life in the Mode Selection Trial (MOST). *Heart Rhythm*. 2006. Vol. 3. No. 6. P. 653 – 659. DOI: 10.1016/j.hrthm.2006.02.1031
20. Issa Z.F., Miller D.M., Zaips D.P. *Clinical arrhythmology and electrophysiology: trans. from English*. Moscow: Logosfera, 2021. 1376 p.: ill.
21. Ware J.E. Jr., Sherbourne C.D. The MOS 36-item short-form health survey (SF-36). I. Conceptual framework and item selection. *Medical Care*. 1992. Vol. 30. No. 6. P. 473 – 483.
22. Lukin I.B. Algorithms for the prevention and treatment of supraventricular tachycardia in patients with implanted pacemakers: a series of clinical cases. *Bulletin of Arrhythmology*. 2022. Vol. 29. No. 4. P. e9–e14. DOI: 10.35336/VA-2022-4-12

Информация об авторах

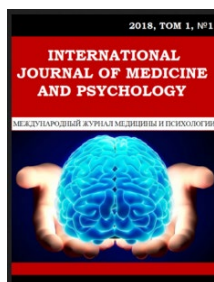
Лукин И.Б., кандидат медицинских наук, ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-1871-2754>, Тверской государственный медицинский университет Минздрава России, 170100, г. Тверь, Советская ул., д. 4, prlukin@gmail.com

Евстифеева Е.А., доктор философских наук, профессор, заведующая кафедрой философии и психологии с курсами биоэтики и истории Отечества, ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-1664-5087>, Тверской государственный медицинский университет Минздрава России, 170100, г. Тверь, Советская ул., д. 4, pif1997@mail.ru

Гридякина Д.Ю., Тверской государственный медицинский университет Минздрава России, Российская Федерация, 170100, г. Тверь, Советская ул., д. 4

Финагина А.В., психолог, Тверской государственный медицинский университет Минздрава России, Российская Федерация, 170100, г. Тверь, Советская ул., д. 4, afinagina.14.2019@gmail.com

© Лукин И.Б., Евстифеева Е.А., Гридякина Д.Ю., Финагина А.В., 2025

Научно-исследовательский журнал «International Journal of Medicine and Psychology / Международный журнал медицины и психологии»

<https://ijmp.ru>

2025, Том 8, № 4 / 2025, Vol. 8, Iss. 4 <https://ijmp.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.3.4. Педагогическая психология, психодиагностика цифровых образовательных сред (психологические науки)

УДК 159.9

¹ Ларионова Л.И.,

² Петров В.Г.,

³ Леонова В.О.,

¹ Московский городской педагогический университет,

² Иркутский государственный университет,

³ Московский государственный институт международных отношений МИД России, Одинцовский филиал

Структурная модель ценностно-смысловой сферы личности студентов

Аннотация: ценностно-смысловая сфера личности как сложное системное образование до сих пор не имеет точного определения в психологической науке. Ценностно-смысловая сфера личности состоит из трех компонентов: личностный, ценностный, содержательный. Каждый компонент в структуре личности студента имеет свои особенности, наблюдаются хаотичные связи между компонентами ценностно-смысловой сферы. Выявлена необходимость целенаправленного воздействия на ценностно-смысловую сферу личности в период обучения в вузе.

Ключевые слова: ценностно-смысловая сфера, компоненты ценностно-смысловой сферы, личность, структура, ценности, ценностные ориентации, смысложизненные ориентации

Для цитирования: Ларионова Л.И., Петров В.Г., Леонова В.О. Структурная модель ценностно-смысловой сферы личности студентов // International Journal of Medicine and Psychology. 2025. Том 8. № 4. С. 170 – 179.

Поступила в редакцию: 14 февраля 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 11 апреля 2025 г.; Принята к публикации: 22 мая 2025 г.

¹ Larionova L.I.,

² Petrov V.G.,

³ Leonova V.O.,

¹ Moscow City Pedagogical University,

² Irkutsk State University,

³ Moscow State Institute of International Relations
of the Ministry of Foreign Affairs of Russia, Odintsovo Branch

The structural model of the value-semantic sphere of students' personality

Abstract: the value-semantic sphere of personality as a complex systemic education still has no precise definition in psychological science. The value-semantic sphere of personality consists of three components: personal, value-based, and meaningful. Each component in the student's personality structure has its own characteristics, chaotic connections between the components of the value-semantic sphere are observed. The necessity of purposeful influence on the value-semantic sphere of personality during the period of study at the university is revealed.

Keywords: value-semantic sphere, components of the value-semantic sphere, personality, structure, value orientations, meaning-life orientations

For citation: Larionova L.I., Petrov V.G., Leonova V.O. The structural model of the value-semantic sphere of students' personality. International Journal of Medicine and Psychology. 2025. 8 (4). P. 170 – 179.

The article was submitted: February 14, 2025; Approved after reviewing: April 11, 2025; Accepted for publication: May 22, 2025

Введение

Ценностно-смысловая сфера личности как предмет исследования учёных интересовала давно, но до сих пор не находится единого понимания структуры ценностно-смысловой сферы личности. В связи с этим возникает необходимость в обобщении понятий, которые сформировали учёные, исследуя ценностно-смысловую сферу личности, и в изучении ее структурных компонентов.

Ученые чаще всего рассматривали ценностно-смысловую сферу в контексте личностного смысла [8], ценностных ориентаций [2, 13, 15], смысла, смысложизненных ориентаций [10], диспозиции личности [12]. Отечественные [2, 3] и зарубежные [11, 15, 16] исследователи сходятся в том, что понятия «ценность» и «ценностные ориентации» не могут использоваться как синонимы, хотя и находятся в тесной взаимосвязи. В данной работе на основе теоретического анализа и эмпирического исследования мы рассмотрим структуру ценностно-смысловой сферы и особенности ее компонентов в период обучения в вузе.

Цель работы: на основе результатов теоретического и эмпирического исследований выявить и описать структуру ценностно-смысловой сферы личности студентов, что в дальнейшем поможет сотрудникам высшей школы оказывать целенаправленное воздействие на ценностно-смысловую сферу.

Материалы и методы исследований

Исследование проводилось на базе Одинцовского филиала МГИМО МИД России в период с 2022 года по 2024. В исследовании приняли участие 208 студентов, из них 128 девушек и 80 юношей, обучающихся по различным направлениям подготовки, уровень образования бакалавриат, 1 курс, очная форма обучения. Средний возраст испытуемых 19-20 лет.

С целью изучения личностного компонента в ценностно-смысловой сфере был выбран «16 факторный личностный опросник» Р.Кеттелла, который позволяет посмотреть под широким углом на особенности личностных психологических структур. Для рассмотрения ценностного компонента в структуре ценностно-смысловой сферы использовались две методики. «Ценностные ориентации» М.Рокича показывает иерархию ценностных ориентаций личности, в методике используется принцип ранжирования при заполнении бланка. С це-

лью более детального и расширенного изучения ценностей дополнительно был выбран «Ценностный опросник» Ш. Шварца, в котором представлены 10 шкал: конформность, традиции, доброта, универсализм, самостоятельность, стимуляция, гедонизм, достижения, власть, безопасность. Смысловой компонент изучался при помощи методики «Смысложизненные ориентации», разработанной А.Н. Леонтьевым на основе концепции В. Франкла и представляет собой адаптированную версию теста «Цель в жизни» Дж. Крамбо и Л. Махолика.

При обработке результатов исследования использовались методы математической статистики, расчеты велись в программе SPSS.

Теоретическую основу для изучения ценностно-смысловой сферы личности составили работы таких отечественных и зарубежных ученых, как М. Рокича, Ш. Шварца, А.Н. Леонтьева, Д.А. Леонтьева, С.М. Яницкого, А.Г. Здравомыслова, А.Н. Журавлевой. Основными методологическими принципами для построения исследования являлись следующие утверждения: дифференциация понятия ценности и ценностные ориентации [3], ценностные ориентации имеют системный, иерархический характер [15], ценности интериоризируются из культуры [11], ценностно-смысловая сфера имеет сложное строение [12].

Результаты и обсуждения

Ценностно-смысловая сфера личности формирует устойчивые основы мировоззрения, помогает оценить происходящие события, выстроить план действий, влияет на ежедневный выбор личности. Как отмечают некоторые отечественные ученые, такие как Д.А. Леонтьев, А.Г. Здравомыслов, А.А. Налчаджян, индивидуально-психологические личностные качества имеют тесную взаимосвязь с ценностно-смысловой сферой. В статье «Ценностные ориентации и их взаимосвязь с личностными особенностями студентов» О.В. Лобза, В.О. Короткова [5] показывают взаимосвязь ценностных ориентаций с психологическими защитами личности, акцентуациями характера. Исследователи отмечают так же, что студенты с различным уровнем интеллекта имеют особенности ценностных ориентаций, интеллект является важным фактором формирования ценностных ориентаций. Ценностно-смысловая сфера личности тесно связана с ее структурами. На основе теоретического анализа

нами была разработана концепция ценностно-смысловой. Ценностно-смысловая сфера – это сложное многокомпонентное образование, которое имеет иерархическую систему строения, содержит разные компоненты: личностный, ценностный и смысловой, пересматривается в процессе жизни. Личностный компонент формируется раньше остальных компонентов ценностно-смысловой сферы. Личность с помощью механизмов интериоризации, социализации и идентификации присваивает себе значимые ценности общества. В концепции диспозиционной иерархии личности В.А. Ядова [12] ценностные системы структурируются в некоторую иерархию при удовлетворении потребности в соответствующей ситуации, которые далее закрепляются в опыте. Высший уровень представляет собой доминирующую направленность интересов личности, формирует предрасположенность к выбору профессии, значимой социальной деятельности. Этот уровень в итоге сформирует мировоззрение, систему идеалов. Индивидуально-психологические особенности личности могут также являться предикторами ценностно-смысловой сферы. Ценностно-смысловая сфера неразрывно связана с личностными структурами.

В отношении ценностного компонента, после изучения литературы, предпринято разделение два подпункта: ценности и иерархия ценностных ориентаций. Изучением ценностей и ценностных ориентаций занимались Ш. Шварц, М. Рокич, М.С. Яницкий, А.В. Серый. Ценности личности формируются из культуры, в которой находится человек. Культура – это система ценностей, разделяемая большой социальной группой. Человек выступает носителем ценностей культуры, так и автором индивидуальных ценностей, сформированных в культуре [11]. Ш. Шварц представил концепцию «общечеловеческих ценностей», в которой утверждал, что человеческие ценности наделены универсальным содержанием и структурой, потому что они соответствуют трем требованиям рода: биологические потребности, координация социальных взаимоотношений и выживание. Ценности играют важную роль в формировании личности, поведения, отношений, морали, эмоций и других аспектов психологии человека.

В зарубежных исследованиях одной из самых популярных концепций ценностных ориентаций является теория М. Рокича. Ученый рассматривает ценностные ориентации как устойчивое убеждение в том, что определенный способ действия или определенные жизненные цели наиболее предпочтительны для индивида и общества другим способам деятельности или другим конечным целям

[15]. Уникальность авторского взгляда М.Рокича состоит в том, что он описал ценностные ориентации с точки зрения их иерархических взаимоотношений. Автор выделил два вида ценностных ориентаций: терминальные и инструментальные.

В монографии «Психология социальных изменений: ценностный подход» Н.А. Журавлевой дано следующее описание ценностных ориентаций – «относительно устойчивая, социально обусловленная направленность личности на те или иные цели, имеющие для нее смысложизненное значение, и на определенные способы их достижения, выражающиеся в виде каких-либо личностных качеств, образцов поведения и являющиеся относительно независимыми от наличных ситуаций. Под структурой ценностных ориентаций понимается иерархия ценностей» [2].

Ещё один компонент можно выделить в структуре ценностно-смысловой сферы – смысловой. А.Н. Леонтьев понимал под смыслом значение и описывал его как идеальную, духовную форму кристаллизации общественного опыта, общественной практики человечества. «Человек в ходе своей жизни усваивает опыт предшествующих поколений людей; это происходит именно в форме овладения им значениями... Итак, психологически значение – это ставшее достоянием моего сознания (в большей или меньшей своей полноте и многосторонности) обобщенное отражение действительности, выработанное человечеством и зафиксированное в форме понятия, знания или даже в форме умения как обобщенного «образа действия», нормы поведения и т.п.» [7]. Личность вырабатывает собственный личностный смысл.

Д.А. Леонтьев рассматривает смысл личности как особым образом организованную совокупность смысловых структур и связей между ними, обеспечивающую смысловую регуляцию целостной жизнедеятельности субъекта во всех ее аспектах. Смысл – это то, ради чего совершается любое действие. Универсален тут вопрос, который положен в основу методики предельных смыслов Д.А. Леонтьева: «Зачем?». Смысл не является до конца осознаваемым, в отличие от ценностей. Смысловая реальность личности субъективна и индивидуальна, даже в групповой смысловой реальности у каждого индивида мы сможем найти отличия. Отдельно в системе смыслов стоит выделить смысложизненные ориентации личности. Теоретическим обоснованием этого термина занимались учёные Д.А. Леонтьев, В.С. Чудновский. По мнению Д.А. Леонтьева, смысложизненные ориентации – «сложные социально-психологические образования порождаются реальными значимыми жизненными взаимоотношениями субъекта и бытия,

они релевантны по отношению ко всему жизненному пути личности (включая прошлое, настоящее, будущее), задают вектор и границы самореализации личности как субъекта жизненного пути через структурную организацию жизненных целей – ценностей» [10]. Отдельно ученый описывает

процесс смыслообразования. Для учения смысло-жизненных ориентаций была разработана методика «Смысло-жизненные ориентации».

На основе теоретического анализа представилось возможным создать авторскую модель ценностно-смысловой сферы личности (рис. 1):

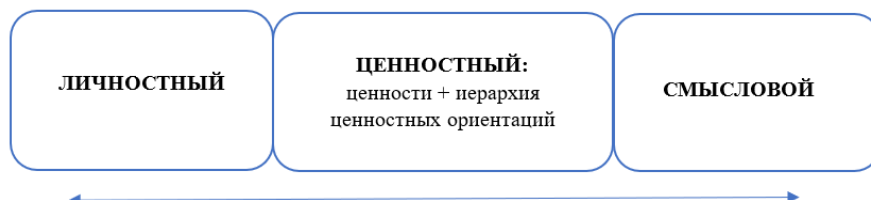

Рис. 1. Модель структуры ценностно-смысловой сферы личности.
Fig. 1. Model of the structure of the value-semantic sphere of personality.

На основе теоретического анализа была разработана авторская модель ценностно-смысловой сферы, которая представлена следующими компонентами: личностный, ценностный и смысловой. В исследовании мы исходим из того, что первичным и определяющим является личностный компонент, который формируется раньше остальных и связан с жизненной историей личности. Ценностно-смысловая сфера, а именно ценностный и смысловой компоненты – это надстройка в структуре личности, которая также формируется при жизни. Ценности – это то, что личность выбирает и осмысляет.

Личностные качества влияют на все сферы жизни человека, выражаются в индивидуальном стиле деятельности, накладывает отпечаток на характер взаимоотношений к себе, к другим, к вещам и деятельности. Личностный компонент является базисным в ценностно-смысловой сфере, его изучение позволяет сформировать представление о связи личностных особенностей и ценностно-смысловой сферы.

Далее в рис. 2 показаны данные исследования по личностному компоненту студентов.

Рис. 2. Результаты изучения личностных свойств студентов в структуре ценностно-смысловой сферы по методике «16 факторный личностный опросник» Р. Кеттелла.

Fig. 2. Results of the study of personal characteristics of students in the structure of the value-semantic sphere using the “16-factor personality questionnaire” method by R. Cattell.

Из рис. 2 можно увидеть, что современным студентам характерна определенная замкнутость, строгость в оценке других, холодность по отношению к окружающим, предпочитают уединение, могут не иметь близких глубоких отношений с другими, о чем свидетельствуют низкие баллы по фактору «А Общительность». Юноши и девушки сложно контролируют свои чувства, склонны к сиюминутному эмоциональному отреагированию, обладают низкой устойчивостью к стрессам и фрустрациям, недостаточно самостоятельны, подвержены быстрому возникновению скуки, огорче-

нию, быстро утомляются, что видно из низких показателя фактора «С Эмоциональная устойчивость». Сниженные показатели по фактору «F Жизнерадостность» также свидетельствуют о сниженном эмоциональном фоне, склонность к неадаптивным формам реагирования на трудности. Студенты имеют достаточно ранимую психику и повышенный уровень тревожности фактор «О Самообвинение (ранимость)». Незначительная критика в их адрес способствует снижению уверенности в себе и настроения. Но при этом современные студенты способны тонко чувствовать

эмоциональный климат рядом с другими людьми. Имеют склонность проявлять недоверчивость к обстоятельствам, что говорит о достаточном уровне критического мышления – средние показатели по фактору «L Подозрительность». Современное поколение не склонно подчиняться установленным правилам, но готовы формировать свои собственные. Не склонны брать ответственность на себя и меньше идут на риск, предпочитают ждать пока ситуация решится за них, о чем говорят низкие значения в шкалах «G Добросовестность (нормативность)» и «H Смелость». Высокие показатели по шкале «Атипичность ответов» указывает на желание современных студентов показать себя в лучшем свете, чем они есть на самом деле, социально-желаемое поведение может быть следствием ощущения себя неполноценным или недостаточно хорошим для этого мира, что могут разлюбить. Исходя из анализа личностных черт можно предположить, что есть те, которые наиболее связаны с ценностно-смысловой сферой, чем остальные. Такие факторы как эмоциональная устойчивость, доминантность (напористость), добросовестность (нормативность), высокий самоконтроль больше включены в структуру ценностно-смысловой сферы. Эмоциональная устойчивость, высокий самоконтроль у современных студентов ниже среднего, что говорит в совокупности о сниженной устойчивости и неуверенности в своих жизненных предпочтениях и некоторой необя-

зательности. Контролирующая функция, которая связана с соблюдением и не соблюдением ценностных установок не совсем стабильна и недостаточно развита. Фактор самообвинения выше среднего, высокая внутренняя напряженность, что можно рассматривать как признаки невротизации и невротических симптомов. Личная напряженность может приводить к неуверенности в правильности своих позиций, неустойчивости ценностных ориентиров. При такой неустойчивости ценностно-смысловой сферы в личностном компоненте прогнозирование ее развития зависит от условий среды развития, насколько они будут благоприятны или неблагоприятны. Социальная ситуация развития ценностно-смысловой сферы определяет ее дальнейшее развитие, она может обрести большую устойчивость или наоборот, будет расшатываться и иметь элементы хаотического развития. Без организованного внимания обнаруженная тенденция может развиваться по неблагоприятному пути.

Для оценки содержательного компонента ценностно-смысловой сферы мы рассмотрим результаты методик М.Рокича «Ценностные ориентации» и Ш.Шварца «Ценностный опросник». Для составления ценностного более полного портрета современного студента обратимся к иерархическому строению ценностной структуры с помощью методики «Ценностные ориентации» М. Рокича в табл. 1.

Таблица 1

Иерархия терминальных ценностных ориентаций по методике М.Рокича «Ценностные ориентации».

Table 1

Hierarchy of terminal value orientations according to M. Rokeach's method "Value orientations".

Терминальные ЦО	Вторичный ранг	Среднее значение
Здоровье (физическое и психическое)	1	5,70
Любовь	2	7,09
Материально обеспеченная жизнь	3	7,16
Наличие хороших и верных друзей	4	7,32
Активная деятельная жизнь	5	7,94
Развитие	6	8,18
Интересная работа	7	8,36
Жизненная мудрость	8	8,84
Познание	9	8,97
Счастливая семейная жизнь	10	9,03
Продуктивная жизнь	11	9,65
Уверенность в себе	12	9,80
Свобода	13	10,08
Общественное признание	14	11,14
Творчество	15	12,60
Красота природы и искусства	16	12,64
Счастье других	17	13,10
Удовольствия	18	13,60

В табл. 1 можно увидеть, что на первое место у студентов выходит ценность «Здоровье», что говорит о понимании физиологического и психологического строения человека, об ориентире на реальность человеческого существования. Далее высокоранговые места занимают такие ценности как «любовь», «материально обеспеченная жизнь», «наличие хороших и верных друзей», что указывает на сформированность общечеловеческих ценностей у современных студентов и стремление обеспечивать себя, то есть ориентир во взрослую устойчивую жизнь. Более низкоранговый выбор у студентов выражается в отвержении таких ценностей как «красота природы и искусства», «счастье других», «удовольствия», что может говорить о невозможности ориентироваться на мир, других людей и их благополучие, а стремление к достижению истинного удовольствия от жизни пока остается не понятным. Рассмотренные терминальные ценности по М.Рокичу олицетворяют ценности-цели, далее рассмотрим ценности- средства, то

есть те, с помощью которых и можно достигнуть своих ценностных предпочтений в течение жизни. При качественном анализе полученных данных можно обратить внимание на следующие противоречия. Оказались менее значимыми ценности такие как «счастье других», «продуктивная жизнь», «общественное признание», «творчество» и при этом высокий ранг по ценности «материально обеспеченная жизнь», тогда возникает вопрос за счет чего студенты стремятся получить материальные блага, когда нет ориентации на других, а только на себя. Мы можем увидеть эгоцентричный ориентир на жизнь. Уход на второй план стремления к личной свободе, творчеству настораживает, ведь терминальные ценности – это ценности цели. И именно они наполняют жизнь осмысленностью, вектором движения.

Результаты терминальных ценностных ориентаций, которые М.Рокич, называл ценностно-средства показывают ориентиры современного поколения представлены в табл. 2.

Таблица 2

Иерархия инструментальных ценностных ориентаций по методике М.Рокича «Ценностные ориентации».

Table 2

Hierarchy of instrumental value orientations according to M. Rokeach's method "Value orientations".

Инструментальные ЦО	Вторичный ранг	Среднее значение
Воспитанность	1	6,61
Образованность	2	6,75
Ответственность	3	6,95
Жизнерадостность	4	7,44
Независимость	5	8,04
Самоконтроль	6	9,02
Честность	7	9,03
Рационализм	8	9,04
Широта взглядов	9	9,08
Смелость в отстаивании своего мнения	10	9,48
Аккуратность	11	9,58
Исполнительность	12	10,07
Твердая воля	13	10,32
Эффективность в делах	14	10,78
Чуткость	15	10,84
Высокие запросы	16	11,40
Терпимость	17	11,87
Непримиримость к недостаткам в себе и других	18	14,58

Результаты, представленные в табл. 2, можно интерпретировать следующим образом. Современные студенты видят силу и инструмент по достижению своих целей в хорошем образовании, соблюдении этикета, правил деловой этики, ответственном отношении к работе и оптимистичном взгляде на жизнь. О чем говорят высокие вторич-

ные ранги таких ценностей как «воспитанность», «образованность», «ответственность», «жизнерадостность». В список отвергаемых ценностных ориентаций попали следующие ценности: «терпимость, непримиримость к недостаткам в себе и других», что может указывать на то, что молодые люди не ориентированы на длительные взаимоот-

ношения и преодоления трудностей, которые в них возникают. При этом низкий ранг занимает ценность «высокие запросы», что может говорить о том, что современные студенты больше стремятся к получению поверхностного, сиюминутного результата, чем более отсроченного, поэтому трудиться на долгосрочную перспективу не вызывает интереса. Так же это может указывать на сниженную самооценку и нежелание ставить высокие цели, получается, что, достигнув быстрой цели можно затормаживать темп деятельности, вместо того, чтобы поставить себе цель на порядок выше предыдущей. Интересно, что такие ориентации как «эффективность в делах», «твердая воля» не рассматриваются как значимые в достижении ценностей-целей. Волевой процесс принимает участие в любой деятельности и тем более в долгосрочной, получается, что прикладывать усилия современное поколение не готово. Далее обратим внимание на следующие противоречия в ценностной иерархии.

Терминальная ценность «ответственность» оказывается на 3 месте, а терминальная ценность «исполнительность» на 12, что можно интерпретировать, как желание брать ответственность, но невозможность действовать в алгоритмах, соблюдать границы и протокол. Еще одна рассогласованность в ценностной иерархии наблюдается по терминальной ценностной ориентации «жизнерадостность» (4 ранг) и «чуткость» (15 ранг), что говорит о направленности на позитивное восприятие жизненных трудностей, но при этом нечувствительность к окружающему миру, пространственным изменениям, состояниям других людей.

Исходя из описания терминальных ценностей можно увидеть четкую направленность на эгоцентричные средства достижения жизненных целей, направленность на себя и свою жизнь. Что в целом может быть характерно для юношеского возраста, но уже должно начать трансформироваться в более зрелую форму отношения к жизни. Современное поколение не видит своей необходимостью что-то преодолевать, соблюдать правила, ориентироваться на общество, что при неблагоприятных условиях может приводит к отказу от активности, потакание своим слабостям, недостаточное приложенных усилий для достижения результатов. Ориентир на образованность в сочетании с трудностью в волевых процессах указывает на то, что знания есть, а вот без волевых усилий их применить будет затруднительно. В сочетании с терминальными ценностными ориентирами мы можем видеть опасность в сохранении инфантильной позиции у юношей и девушек. Выявленная проблема самореализации, нежелания прикладывать усилия для преодоления трудностей, неготовность к дальнейшей взрослой жизни является не жизне-способной тенденцией, так как трудности являются экзистенциальной данностью жизни любого человека.

Далее рассмотрим содержательное строение ценностной сферы современных студентов с помощью методики Ш.Шварца, в которой представлены несколько иные ценности и можно увидеть дополнительные ориентиры студентов в сегодняшнем дне.

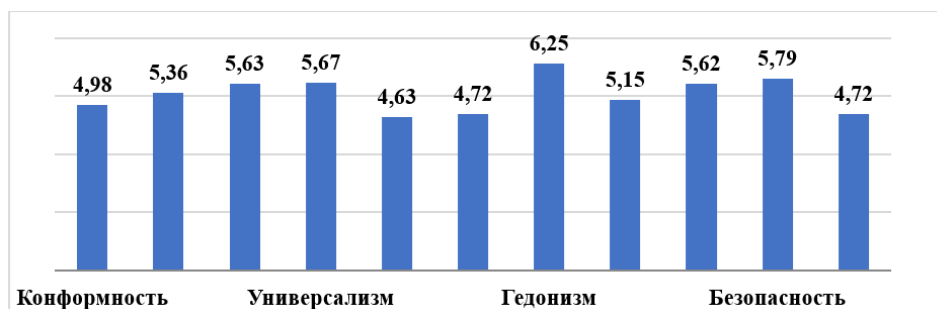

Рис. 3. Результаты методики «Ценностный опросник» Ш. Шварца.

Fig. 3. Results of the "Value Questionnaire" method by S. Schwartz.

В представленном рис. 3 можно увидеть, что по абсолютной величине средних значений у современных студентов в ценностном профиле по содержательному компоненту более выражена ценность «гедонизм», как стремление получать сиюминутное удовлетворение своих потребностей. Менее ценно для студентов стремление к самостоятельности, при этом проявляют достаточную конформность при групповом взаимодействии,

что говорит об их желании работать в одиночку, уединяться, формировать собственное независимое мнение, отличное от коллективного. Сниженные показатели по ценности «стимуляция» могут быть описаны, как стремление сохранять имеющийся опыт, но не быть инициатором нового.

В содержательном компоненте ценностно-смысловой сферы на первый взгляд наблюдает противоречие в иерархии ценностей удовольствие

на 18 месте, а по методике Ш. Шварца выходит на лидирующую позицию. Но при более детальном осмыслении этого компонента и при учете других ценностей, полученный результат можно интерпретировать следующим образом, наиболее значимые ценности в иерархии предполагают вложение дополнительных волевых усилий, а твердая воля как средство достижения цели занимает сниженные ранговые позиции. Другое дело стремление к гедонизму как получению удовольствия без усилий, без вложений, без ориентира на других. В данном случае удовольствие в применяемых методиках с учетом процедуры проведения будет иметь несколько разный смысл. Средний уровень атипичности ответов указывает на желание себя представить в лучшем свете, отсутствие честности по отношению с самим собой, что перекликается с личностным компонентом, снова указывая на

невротическую тенденцию. Развитие волевых процессов и формирование связи «удовольствие и воля» может быть перспективной задачей для высшего образования, при отсутствии внимания к озвученным процессам сформированные связи закрепляются в изучаемой сфере.

Следующим существенным компонентом в ценностно-смысловой сфере личности является смысловой, который представлен смысложизненными ориентациями. Сам смысл – наполняет ценность сущностью, объемным содержанием, поиск смысла задает осмысленное движение к достижению цели, возникает устойчивость личности в принятии решения и возникает ощущение себя управленцем своей жизнью, а не заложником. В табл. 3 ниже представлены результаты по смысловому компоненту в ценностно-смысловой сфере современных студентов.

Таблица 3

Результаты методики «Смысложизненные ориентации» А.Н. Леонтьева.

Table 3

Results of the “Life-Meaning Orientations” method by A.N. Leontiev.

Наименование шкал	Среднее значение
Цели в жизни	32,33
Процесс жизни	30,85
Результативность жизни	26,75
Локус контроля – Я	21,64
Локус контроля – жизнь	31,65
Осмысленность жизни	146,36

Исходя из табл. 3 можно обратить внимание, что все показатели находят на среднем и даже выше среднего уровня по средним значениям. На первый взгляд это кажется нелогичным, что у юношеского возраста могут быть высокие показатели по шкале «осмысленная жизнь». Еще не так много жизненного опыта, но получается, что поколение современных студентов имеет достаточный и даже высокий уровень рефлексии. Можно констатировать сформированную способность по анализу, осмыслению собственной жизни и своего места в нем у современных студентов. Ниже средних значений результаты по шкале «процесс жизни», что говорит о том, что студенты не воспринимают свою жизнь как достаточно интересной, наполненной смыслом. Сниженный локус контроля Я свидетельствует о том, что молодое поколение не верит в свои силы контролировать события жизни, не чувствуют, что могут самостоятельно построить свою жизнь. В сочетании с низким показателем по шкале «самостоятельность» по методике Ш. Шварца можно говорить о том, что имеется тенденция не брать на себя инициативу, в зрелую ответственность передавать окружению или надеяться на случай.

Тем самым ценностно-смысловой портрет личности современного студента можно охарактеризовать следующим образом: в личностном компоненте наблюдается эмоциональная нестабильность, средний уровень самоконтроля, чуть ниже среднего напористость. Прослеживается невротизация, которая выражается в неуверенности в своих силах, повышенная хрупкость.

В содержательном компоненте, который мы разделили на иерархию и собственно цели можно увидеть следующую тенденцию. В иерархии ценностей на первом месте стоят общечеловеческие ценности такие как: «здоровье, любовь, наличие хороших и верных друзей». Ориентация на других и мир снижена, что говорит об индивидуалистической позиции при реализации собственных ценностных ориентиров. Для достижения своих целей, в ценностях средствах, мы видим желание брать ответственность, ориентир на знания, воспитанность, но при этом нежелание подчиняться и исполнять правила, не желание наполнять свою жизнь полезными достижениями и снова нет ориентации на других. В ценностях преобладает стремление к сиюминутному удовольствию и по-

верхностным связям, при этом снижена ценность получения нового опыта, информации.

В смысловом компоненте наблюдается достаточно хорошо развитая рефлексия и способность к осмыслению собственной жизни. Но при этом нет возможности опереться на собственные взгляды и ориентироваться на процессуальность жизни. В структуре ценностно-смысловой сферы прослеживается согласованность компонентов.

Ценностно-смысловая сфера имеет базовую структуру, где существует взаимодетерминация между личностным и смысловым компонентами. Ценностный компонент является дополнительным, более автономным, менее детеминирован личностными особенностями и смыслом. Это может указывать на возрастные особенности, которые свойственны студенческому возрасту, а именно больший поиск смыслов и ориентиров. Ценности по Ш. Шварцу являются промежуточным звеном между личностными свойствами и ценностными ориентациями.

Выводы

Таким образом, проведенное исследование позволяет предложить сформулированное понятие ценностно-смысловой сферы личности. Ценностно-смысловая сфера – это сложное многокомпонентное образование, которое имеет иерархическую систему строения, содержит разные компоненты: личностный, ценностный и смысловой, пересматривается в процессе жизни. В структуре ценностно-смысловой сферы было выделено три компонента: личностный, ценностный и смысловой. Ценностный в свою очередь состоит из ценностей и иерархии ценностных ориентаций. Результаты исследования указывают на неустойчивость ценностно-смысловой сферы студентов, вероятно подобное состояние можно назвать ценностным поиском молодого поколения. Полученные данные могут быть полезны для работы профессорско-педагогического состава, психологической службе, кураторам в высшей школе. Полученные результаты не исчерпывают всей сложности проблемы и говорит о том, что тема нуждается в дальнейшем исследовании.

Список источников

1. Братусь Б.С. Аномалии личности. Психологический подход / Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Факультет психологии. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Никея, 2019. 907 с.
2. Журавлева Н.А. Психология социальных изменений: ценностный подход. М.: изд-во «Институт психологии РАН», 2013. 524 с.
3. Здравомыслов А.Г. Потребности. Интересы. Ценности. М.: Политиздат, 1986. 223 с.
4. Ларионова Л.И., Петров В.Г., Леонова В.О. Особенности ценностных ориентаций студентов, имеющих разный уровень интеллекта // Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования. 2023. Т. 12. № 12-1. С. 179 – 189.
5. Лобза О.В., Короткова В.А. в статье «Ценностные ориентации и их взаимосвязь с личностными особенностями студентов» // Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования. 2022. Т. 11. № 2А. С. 180 – 191.
6. Леонтьев Д.А. Ценностные представления в индивидуальном и групповом сознании: виды, детерминанты и изменения во времени // Психологическое обозрение. 1998. № 1. С. 13 – 25.
7. Леонтьев А.Н. Деятельность. Сознание. Личность. М.: Политиздат, 1975. 304 с.
8. Леонтьев А.Н. Проблемы развития психики / под ред. и с предисл. Д.А. Леонтьева. 5-е изд., испр. и доп. изд. Москва: Смысл, 2020. 526с.
9. Леонтьев Д.А. Самореализация и сущностные силы человека. М.: Мысль, 2005. 318 с.
10. Леонтьев Д.А. Психология смысла: природа, строение и динамика смысловой реальности. 2-е, испр. изд. М.:Смысл, 2003. 487 с.
11. Шатене К. Психология ценностей: пер. с франц. Х.: изд-во «Гуманитарный центр» / Коновалова Е.Т. 2021. 244с.
12. Ядов В.А. Саморегуляция и прогнозирование социального поведения личности: диспозиционная концепция: кол. монография / М-во образования и науки Российской Федерации, Нац. исслед. ун-т "Высш. шк. экономики", ФГНУ Центр социологических исслед., Ин-т социологии РАН. 2-е расш. изд. Москва: ЦСП и М, 2013. 374 с.
13. Яницкий М.С. Ценностные ориентации личности как динамическая система: Научное издание. Кемерово: Общество с ограниченной ответственностью "Авторское издательство Кузбассвуиздат", 2000. 204 с.
14. Ярина Е.В. Теоретический анализ понятий "ценности" и "ценностные ориентации" // Ученые записки ОГУ. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2014. № 5. 160 – 162.

15. Rokeach M. Understanding human values: individual and societal. New York : Free Press, 2000. 230 p.
16. Schwartz S.H. Universals in the structure and content of values: Theoretical advances and empirical tests in countries // In M.P. Zanna (Ed.) Advances in Experimental Social Psychology. Oriando, FL: Academic. 1992. Vol. 25. P. 1 – 65.

References

1. Bratus B.S. Personality Anomalies. Psychological Approach. Moscow State University named after M.V. Lomonosov, Faculty of Psychology. 2nd ed., revised and enlarged. Moscow: Nikeya, 2019. 907 p.
2. Zhuravleva N.A. Psychology of Social Changes: Value Approach. Moscow: Publishing House "Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences", 2013. 524 p.
3. Zdravomyslov A.G. Needs. Interests. Values. Moscow: Politizdat, 1986. 223 p.
4. Larionova L.I., Petrov V.G., Leonova V.O. Features of Value Orientations of Students with Different Levels of Intelligence. Psychology. Historical and Critical Reviews and Modern Research. 2023. Vol. 12. No. 12-1. P. 179 – 189.
5. Lobza O.V., Korotkova V.A. in the article "Value orientations and their relationship with personal characteristics of students". Psychology. Historical and critical reviews and modern research. 2022. Vol. 11. No. 2A. P. 180 – 191.
6. Leontiev D.A. Value representations in individual and group consciousness: types, determinants, and changes over time. Psychological Review. 1998. No. 1. P. 13 – 25.
7. Leontiev A.N. Activity. Consciousness. Personality. Moscow: Politizdat, 1975. 304 p.
8. Leontiev A.N. Problems of psyche development. ed. and with a preface by D.A. Leontiev. 5th ed., corrected. and additional ed. Moscow: Smysl, 2020. 526 p.
9. Leontiev D. A. Self-realization and essential forces of man. Moscow: Mysl, 2005. 318 p.
10. Leontiev D. A. Psychology of meaning: the nature, structure and dynamics of semantic reality. 2nd, corrected. ed. Moscow: Smysl, 2003. 487 p.
11. Shatenay K. Psychology of values: trans. from French. Kh.: publishing house "Humanitarian Center". Konovalova E.T. 2021. 244 p.
12. Yadov V.A. Self-regulation and forecasting of social behavior of the individual: a dispositional concept: coll. Monograph. Ministry of Education and Science of the Russian Federation, National Research University "Higher School of Economics", Federal State Scientific Institution Center for Sociological Research, Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences. 2nd extended ed. Moscow: CSP i M, 2013. 374 p.
13. Yanitsky M.S. Value orientations of the individual as a dynamic system: Scientific publication. Kemerovo: Limited Liability Company "Author's Publishing House Kuzbassvuzdat", 2000. 204 p.
14. Yarina E.V. Theoretical analysis of the concepts of "values" and "value orientations". Scientific notes of OSU. Series: Humanitarian and social sciences. 2014. No. 5. 160 – 162.
15. Rokeach M. Understanding human values: individual and societal. New York: Free Press, 2000. 230 p.
16. Schwartz S.H. Universals in the structure and content of values: Theoretical advances and empirical tests in countries. In M.P. Zanna (Ed.) Advances in Experimental Social Psychology. Oriando, FL: Academic. 1992. Vol. 25. P. 1 – 65.

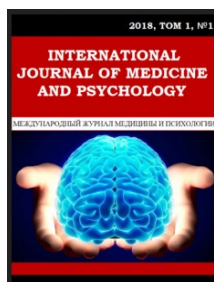
Информация об авторах

Ларионова Л.И., доктор психологических наук, профессор, Институт педагогики и психологии образования, Московский городской педагогический университет, 123022, г. Москва, 2-й Сельскохозяйственный проезд, д. 4, larionova.lign@yandex.ru

Петров В.Г., кандидат психологических наук, доцент, Педагогический институт, Иркутский государственный университет, 664003, г. Иркутск, ул. Нижняя Набережная, д. 6, verproff@mail.ru

Леонова В.О., преподаватель, Московский государственный институт международных отношений МИД России, Одинцовский филиал, 143007, Одинцово, Рул. Новоспортивная, д. 3, V.korotkova@odin.mgimo.ru

© Ларионова Л.И., Петров В.Г., Леонова В.О., 2025

Научно-исследовательский журнал «International Journal of Medicine and Psychology / Международный журнал медицины и психологии»

<https://ijmp.ru>

2025, Том 8, № 4 / 2025, Vol. 8, Iss. 4 <https://ijmp.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.3.1. Общая психология, психология личности, история психологии (психологические науки)

УДК 159.9.075:159.922.8

¹ Зиневич А.В.,

¹ Российский государственный университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы

Субъектная саморегуляция и смысложизненные ориентации как факторы психологического благополучия в условиях профессиональных стрессов

Аннотация: контекст и актуальность: современная профессиональная среда характеризуется высокой когнитивной нагрузкой, цифровым переутомлением и возрастающей эмоциональной нестабильностью, что обостряет проблему профессионального стресса и выгорания. Особенно уязвимыми в данном контексте становятся специалисты в сфере информационных технологий, функционирующие в условиях удалённой работы, высокой ответственности и постоянного информационного давления. **Цель.** Эмпирически исследовать и теоретически обосновать взаимосвязь субъектной саморегуляции и смысложизненных ориентаций как ключевых детерминант психологического благополучия личности в условиях профессионального стресса. **Методология.** Проведено эмпирическое исследование на выборке IT-специалистов (N = 74) с применением психодиагностического инструментария и статистического анализа. Дополнительно осуществлен междисциплинарный теоретико-аналитический обзор отечественных и зарубежных исследований, направленных на изучение феноменов выгорания, благополучия, смысловой регуляции и субъектной активности. **Результаты.** Эмпирически установлено, что развитая субъектная саморегуляция и сформированная система смысложизненных ориентаций статистически значимо взаимосвязаны ($r = 0.57$, $p < 0.001$) и способствуют устойчивости к профессиональному стрессу, смягчают проявления цифрового выгорания и поддерживают высокий уровень психологического благополучия. Выявлена корреляция между показателями СЖО и шкалами "Планирование" ($r = 0.42$, $p < 0.001$) и "Программирование действий" ($r = 0.44$, $p < 0.001$), подчеркивающая регуляторный аспект смысловой устойчивости. **Выводы.** Эмпирическое исследование подтвердило, что смысловая включённость и регуляторные ресурсы личности являются важнейшими факторами профилактики профессионального дистресса в условиях цифровой трансформации труда. Обоснована необходимость внедрения программ психологической поддержки, направленных на развитие субъектной регуляции и осмысленного отношения к профессиональной деятельности.

Ключевые слова: профессиональный стресс, психологическое благополучие, субъектная саморегуляция, смысложизненные ориентации, цифровой стресс

Для цитирования: Зиневич А.В. Субъектная саморегуляция и смысложизненные ориентации как факторы психологического благополучия в условиях профессиональных стрессов // International Journal of Medicine and Psychology. 2025. Том 8. № 4. С. 180 – 186.

Поступила в редакцию: 14 февраля 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 12 апреля 2025 г.; Принята к публикации: 22 мая 2025 г.

¹ Zinevich A.V.,

¹ Patrice Lumumba Peoples' Friendship University of Russia

Subjective self-regulation and meaning-in-life orientations as determinants of psychological well-being under professional stress

Abstract: context and relevance: the modern professional environment is characterized by high cognitive workload, digital overload, and increasing emotional instability, which intensify the issues of occupational stress and burnout. Specialists in the field of information technology are particularly vulnerable due to remote work, high responsibility, and constant informational pressure. **Objective.** To empirically investigate and theoretically substantiate the interrelation of subject self-regulation and meaning-in-life orientations as key determinants of psychological well-being under conditions of professional stress. **Methodology.** An empirical study was conducted with IT specialists (N = 74) using psychodiagnostic tools and statistical analysis. Additionally, a cross-disciplinary theoretical and analytical review of Russian and international studies was conducted, focusing on the phenomena of burnout, well-being, meaning-based regulation, and subject activity. **Results.** The empirical study established that developed subject self-regulation and a coherent system of meaning-in-life orientations are statistically significantly correlated ($r = 0.57$, $p < 0.001$) and contribute to resilience under professional stress, mitigate the effects of digital burnout, and support psychological well-being. A strong correlation was found between meaning-in-life indicators and the scales of "Planning" ($r = 0.42$, $p < 0.001$) and "Action Programming" ($r = 0.44$, $p < 0.001$), emphasizing the regulatory aspect of meaning stability. **Conclusions.** The empirical research confirmed that meaningful engagement and internal regulatory resources are critical factors in the prevention of professional distress in the context of digital transformation of labor. The necessity of implementing psychological support programs aimed at fostering self-regulation and meaningful involvement in professional activity is emphasized.

Keywords: occupational stress; psychological well-being; subject self-regulation; meaning-in-life orientations; digital stress

For citation: Zinevich A.V. Subjective self-regulation and meaning-in-life orientations as determinants of psychological well-being under professional stress. International Journal of Medicine and Psychology. 2025. 8 (4). P. 180 – 186.

The article was submitted: February 14, 2025; Approved after reviewing: April 12, 2025; Accepted for publication: May 22, 2025

Введение

Проблематика профессионального стресса и выгорания активно обсуждается в контексте изменений трудовой среды и роста психологических нагрузок. В фокусе внимания оказываются внутренние ресурсы личности, обеспечивающие устойчивость к деструктивным воздействиям и сохранение субъективного благополучия. Современные концепции психологического благополучия подчёркивают его многомерную природу, включающую когнитивную, аффективную, мотивационно-ценностную и регуляторную составляющие. Важную роль в этом контексте играют смысловые ориентации, формирующие систему целей и придающие направленность личностной активности. Согласно Д.А. Леонтьеву, смысл выполняет функцию интеграции жизненного опыта и мотивационной регуляции поведения [3]. Другим важным ресурсом устойчивости выступает субъектная саморегуляция, охватывающая произвольное управление действиями, целеполагание, планирование и эмоциональную саморегу-

ляцию. Исследования подчеркивают её значимость в адаптации к меняющимся условиям и сохранении внутреннего контроля в профессиональной деятельности [5]. Особое значение приобретает осознанность как компонент регуляторной компетентности, снижающий реактивность и способствующий восстановлению психологического баланса [10]. В условиях растущих профессиональных требований, неопределённости и цифровизации труда представляется важным комплексное рассмотрение смысловой и регуляторной сфер как взаимосвязанных основ психологической устойчивости. Цель статьи – эмпирически исследовать и теоретически обосновать роль субъектной саморегуляции и смысловых ориентаций в поддержании психологического благополучия личности в условиях профессионального стресса. Задачи: проанализировать современные подходы к понятию профессионального стресса и благополучия; описать смысловые ориентации и субъектную саморегуляцию как личностные ресурсы устойчивости; выявить особенности цифро-

вого стресса и профессионального выгорания; эмпирически исследовать взаимосвязи между саморегуляцией и смысловыми ориентациями у IT-специалистов; обобщить данные, подтверждающие значимость внутренней регуляции и смысловой включенности; сформулировать рекомендации по укреплению психологической устойчивости в цифровой профессиональной среде.

Материалы и методы исследований

Настоящее исследование представляет собой эмпирическое изучение взаимосвязи субъектной саморегуляции и смысловых ориентаций как факторов психологического благополучия в условиях профессионального стресса. Методологической основой выступили принципы системного и междисциплинарного анализа, позволяющие интегрировать подходы отечественной и зарубежной научной психологии – в частности, экзистенциально-гуманистическую парадигму, деятельностный и аксиологический подходы.

Эмпирическая часть исследования проведена на выборке IT-специалистов ($N = 74$) в возрасте от 19 до 51 года ($M = 32.5$; $SD = 6.9$). Респонденты преимущественно работали в удаленном и гибридном форматах, что отражает современные тенденции в организации труда в IT-сфере. Для оценки ключевых параметров психологического функционирования применялись стандартизированные методики, позволяющие измерить уровень субъектной регуляции и смысловых ориентаций. Для статистической обработки данных использовались методы корреляционного и регрессионного анализа.

Теоретико-аналитическая часть опирается на 16 научных источников, отобранных по критериям научной значимости, актуальности, рецензируемости и репрезентативности. В обзор включены труды таких авторов, как Д.А. Леонтьев, К. Маслач, В. Франкл, М. Селигман, С. Моросанова, а также современные публикации в ведущих международных журналах, индексируемых в Scopus и Web of Science. Методологический инструментарий включает контент-анализ научных публикаций, сравнительно-аналитический обзор теоретических моделей и эмпирических данных, касающихся взаимосвязей между регуляторными механизмами, смысловой включенностью и устойчивостью личности к профессиональным стрессорам.

Результаты и обсуждения

Профессиональный стресс в современной цифровой среде приобретает новые формы, выходящие за рамки классических моделей К. Маслач и Р. Лазаруса. Особенно это касается цифрового стресса – феномена, характеризующегося перегрузкой из-за информационного давления и мно-

гозадачности [14, 16]. Стоит отметить, что психологическое благополучие в данном контексте рассматривается не только в гедонистическом, но и в эвдемоническом ключе, подразумевая осмысленное существование и реализацию потенциала [15]. Ключевую роль в противостоянии профессиональному стрессу играют смысловые ориентации [3, 7] и субъектная саморегуляция [1, 5], выступающие как внутренние ресурсы устойчивости.

Эмпирические данные нашего исследования IT-специалистов ($N = 74$) подтверждают теоретические положения о взаимосвязи субъектной саморегуляции и смысловых ориентаций. Корреляционный анализ выявил статистически значимую положительную связь между общим показателем смысловых ориентаций и субъектной регуляцией ($r = 0.57$, $p < 0.001$), что свидетельствует об интеграции смысловой и регуляторной сфер в структуре личностных ресурсов. Особенно выраженные корреляции обнаружены между показателями СЖО и шкалами "Планирование" ($r = 0.42$, $p < 0.001$) и "Программирование действий" ($r = 0.44$, $p < 0.001$), что указывает на значимость целеполагания и произвольной регуляции в поддержании смысловой устойчивости. Корреляционный анализ также выявил значимые связи между целями в жизни и планированием ($r = 0.47$, $p < 0.001$), процессом жизни и программированием ($r = 0.39$, $p < 0.01$), результативностью жизни и программированием действий ($r = 0.41$, $p < 0.001$), локусом контроля-Я и планированием ($r = 0.42$, $p < 0.001$), а также локусом контроля-Жизнь и общим показателем саморегуляции ($r = 0.47$, $p < 0.001$).

Регрессионный анализ показал, что субъектная регуляция выступает значимым предиктором смысловых ориентаций ($\beta = 0.191$, $p = 0.045$), что подтверждает системный характер взаимосвязей между смысловыми и регуляторными механизмами в контексте психологического благополучия специалистов цифровой сферы.

Анализ данных выявил, что респонденты с высоким уровнем субъектной регуляции и осмысленности жизни (верхний квартиль по обоим шкалам) демонстрируют значимо более низкие показатели эмоционального истощения ($M = 18.7$, $SD = 6.2$) по сравнению с респондентами с низкими показателями ($M = 28.4$, $SD = 5.7$), $p < 0.001$.

В ходе исследования были выявлены специфические стрессоры IT-среды: высокая когнитивная нагрузка (отмечена 78% респондентов), размытые границы между работой и личной жизнью (65%), цифровое переутомление (52%) и профессиональная неопределенность (47%). Эти данные согла-

суются с результатами S. Arora и J.D. Hastings [6], которые выявили схожие стрессовые факторы у специалистов по кибербезопасности, где 70% респондентов испытывали хронический стресс, а 40% – признаки выгорания.

Корреляционный анализ показал, что цифровой стресс отрицательно связан с общим показателем смысловых ориентаций ($r = -0.43$, $p < 0.001$) и субъектной саморегуляцией ($r = -0.39$, $p < 0.001$), что подтверждает их буферную функцию в отношении профессиональных стрессоров.

Отдельный анализ выборки по гендерному признаку выявил интересные различия: у женщин-ИТ-специалистов ($n = 28$) наблюдается более тесная связь между эмоциональным компонентом саморегуляции и общим показателем СЖО ($r = 0.61$, $p < 0.001$), тогда как у мужчин ($n = 46$) сильнее выражена корреляция между когнитивными аспектами саморегуляции и целевым компонентом СЖО ($r = 0.54$, $p < 0.001$).

Полученные эмпирические данные подтверждают, что высокие показатели субъектной регуляции сопряжены с более развитыми смысловыми ориентациями у ИТ-специалистов. Статистически значимые корреляции между показателями саморегуляции и осмысленностью жизни ($r = 0.57$, $p < 0.001$) подкрепляют идею о взаимодополняющей роли регуляторных и смысловых механизмов личности.

Особенно значимым эмпирическим результатом является установленный вклад планирования и программирования действий в поддержание целостной смысловой структуры. Эти результаты согласуются с наблюдениями Е.С. Синельниковой и П.А. Удовиченко, отмечающих связь между регуляторными процессами и конструктивными стратегиями совладания со стрессом [5].

Выявленная взаимосвязь между смысловыми ориентациями и признаками эмоционального истощения соотносится с данными A. Kartol и соавт., установившими отрицательную корреляцию между смыслом жизни и тревожностью ($r = -0.46$), депрессией ($r = -0.49$) [11]. Это подтверждает буферную роль смысловой сферы в отношении негативных эмоциональных состояний.

Наши результаты дополняют исследования Martinez Montes и соавт. [12], показавших, что факторы, связанные с недостатком автономии, поддержки и обратной связи, способствуют снижению благополучия. В нашем исследовании подтверждается, что эмоциональное выгорание коррелирует с профессиональным давлением, что согласуется с данными о связи выгорания с давлением на эффективность ($r = 0.47$, $p < 0.001$) [12].

Выявленная в нашем исследовании значимость цифрового стресса как медиатора между условиями труда и психологическим благополучием подтверждает результаты S.J.S. Wrede и соавт. [16], обнаруживших аналогичные механизмы у сотрудников на удаленной работе.

Современные исследования подчеркивают важность осознанности и целеполагания. Наши данные о связи субъектной регуляции и психологического благополучия согласуются с результатами A. Jentsch и F. Hoferichter, обнаруживших положительную корреляцию между вниманием к настоящему моменту и удовлетворенностью жизнью ($r = 0.42$, $p < 0.001$) [8]. Положение J. Kabat-Zinn о том, что практика осознанности способствует снижению реактивности и улучшению саморегуляции [10], находит подтверждение в наших результатах о связи регуляторных компонентов с устойчивостью к стрессу.

Российские данные А.С. Кот и А.А. Качиной [2] подтверждают наши выводы о том, что когнитивная вовлеченность и смысл в работе связаны с благополучием, а их дефицит ведет к профессиональному отчуждению и снижению психологической устойчивости.

Эмпирические данные нашего исследования обогащают существующие научные представления, демонстрируя, что взаимосвязь между субъектной регуляцией и смысловыми ориентациями имеет системный характер. Регрессионный анализ показал, что субъектная регуляция является значимым предиктором смысловых ориентаций ($\beta = 0.191$, $p = 0.045$), что подчеркивает функциональное единство этих конструктов в структуре личностных ресурсов ИТ-специалистов.

Полученные результаты расширяют понимание механизмов поддержания психологического благополучия в профессиональной среде с высокой когнитивной нагрузкой и информационным стрессом. Развитие смысловой включенности, целеполагания и осознанности усиливает субъектную регуляцию и способствует сохранению благополучия в условиях цифрового стресса. Эмпирически подтвержденная взаимосвязь между этими конструктами создает научную основу для разработки комплексных программ психологической поддержки специалистов ИТ-сферы.

Эти данные согласуются с метаанализом D. Van Dierendonck и H. Lam [15], продемонстрировавшим высокую эффективность программ, направленных на развитие осмысленности и психологической устойчивости ($d = 0.49$).

На этом основании можно заключить, что развитие смысловой включенности, целеполагания и осознанности усиливает субъектную регуляцию и

способствует сохранению благополучия в условиях цифрового стресса. Эмпирически подтвержденная взаимосвязь между этими конструктами создает научную основу для разработки комплексных программ психологической поддержки специалистов IT-сферы.

Выводы

Результаты проведенного эмпирического исследования и теоретического анализа позволяют утверждать, что смысловые ориентации и субъектная саморегуляция представляют собой ключевые внутренние ресурсы личности, способствующие преодолению профессионального стресса и поддержанию психологического благополучия. В условиях высокой когнитивной и эмоциональной нагрузки, характерной для современной профессиональной среды – в частности, в сфере информационных технологий – именно эти параметры определяют устойчивость личности, её способность к адаптации и сохранению целостности жизненных смыслов.

Эмпирически установленная в нашем исследовании статистически значимая взаимосвязь между субъектной саморегуляцией и смысловыми ориентациями ($r = 0.57$, $p < 0.001$) подтверждает, что эти конструкты образуют взаимосвязанный комплекс ресурсов психологической устойчивости. Особенно показательны корреляции между СЖО и компонентами регуляции "Планирование" ($r = 0.42$, $p < 0.001$) и "Программирование действий" ($r = 0.44$, $p < 0.001$), демонстрирующие роль целенаправленной регуляции в поддержании смысловой структуры личности.

Смысловые ориентации выполняют буферную функцию, позволяя личности интерпретировать сложные ситуации через призму ценностных ориентиров, поддерживать мотивацию в условиях неопределённости и видеть перспективу личностного и профессионального роста. Субъектная саморегуляция, в свою очередь, обеспечивает произвольное управление поведением, целеполагание, планирование и рефлекссию, выступая как мета-компонент, модулирующий воздействие внешних стрессоров на внутреннее состояние.

Особое значение в структуре регуляторных ресурсов приобретает осознанность, как форма когнитивного и эмоционального самонаблюдения, способствующая снижению реактивности, повы-

шению эффективности и восстановлению ментального баланса. В совокупности данные качества формируют основу для поддержания эвдаимонического благополучия в профессиональной деятельности.

Практические рекомендации

Для повышения устойчивости сотрудников в сферах с высокой когнитивной нагрузкой (например, в IT, на удалёнке, в цифровых и помогающих профессиях) рекомендуется:

- Внедрение программ развития осознанности и стресс-менеджмента, основанных на методах MBSR (mindfulness-based stress reduction), с целью повышения способности к самонаблюдению, эмоциональной регуляции и концентрации внимания;
- Поддержка смысловой включённости в деятельность через осмысленное проектирование задач, обратную связь, участие сотрудников в принятии решений и развитие карьерной идентичности;
- Оценка и развитие регуляторных навыков (планирование, рефлексия, программирование действий) в рамках тренингов субъектной регуляции, особенно в кризисные и переходные периоды;
- Системная профилактика цифрового выгорания путём ограничения интенсивности цифровых коммуникаций, нормирования нагрузки, предоставления возможностей автономной работы и отдыха;
- Формирование культуры психологической поддержки и заботы в организациях, включая программы коучинга, супервизии и ресурсного сопровождения специалистов.

В результате можно заключить, что фокус на внутренние регуляторные механизмы – смысловые, субъектные и осознанностные – позволяет эффективно противодействовать профессиональному стрессу, усиливая личностную устойчивость и обеспечивая фундамент для профессионального долголетия и субъективного благополучия. Эмпирически выявленная взаимосвязь между субъектной регуляцией и смысловыми ориентациями создает научно обоснованную базу для разработки практических мер по поддержанию психологической устойчивости IT-специалистов в динамичной цифровой среде.

Список источников

1. Абульханова К.А. Принцип субъекта в отечественной психологии // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2005. № 4. С. 3 – 21. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/printsip-subekta-v-otechestvennoy-psihologii>. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/printsip-subekta-v-otechestvennoy-psihologii>
2. Кот А.С., Качина А.А. Профессиональное благополучие специалистов сферы информационных технологий // Организационная психология. 2024. № 1. С. 134 – 157. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/professionalnoe-blagopoluchie-spetsialistov-sfery-informatsionnyh-tehnologiy>
3. Леонтьев Д.А. Психология смысла: природа, строение и динамика смысловой реальности. 2-е, испр. изд. М.: Смысл, 2003. 487 с.
4. Пилишвили Т.С., Савушкина А.И., Данилова А.Л., Соруко Торрес Н.К. Психологическое благополучие и ценностно-смысловая сфера личности студентов-психологов // Образование и наука. 2021. Т. 23. № 4. С. 126 – 156. DOI: 10.17853/1994-5639-2021-4-126-156
5. Синельникова Е.С., Удовиченко П.А. Смысложизненные ориентации и саморегуляция как психологические корреляты конструктивного совладания со стрессом в юношеском возрасте // Теоретическая и экспериментальная психология. 2023. № 1 (16). С. 79 – 89. DOI: 10.11621/TEP-23-05
6. Arora S., Hastings J.D. A survey-based quantitative analysis of stress factors and their impacts among cybersecurity professionals // Research & Publications, Dakota State University. 2025. № 86. URL: <https://scholar.dsu.edu/ccspapers/86>
7. Boreham I.D., Schutte N.S. The relationship between purpose in life and depression and anxiety: A meta-analysis // Journal of Clinical Psychology. 2023. Vol. 79. P. 2736 – 2767. DOI: 10.1002/jclp.23576
8. Jentsch A., Hoferichter F. Life satisfaction, psychological stress, and present-moment attention: A generalizability study // Frontiers in Psychology. 2024. Vol. 15. Article ID: 1258896. DOI: 10.3389/fpsyg.2024.1258896.
9. Jin G., Jiang J., Liao H. The work affective well-being under the impact of AI // Scientific Reports. 2024. Vol. 14. Article number: 25483. DOI: 10.1038/s41598-024-75113-w
10. Kabat-Zinn J. Full Catastrophe Living: Using the Wisdom of Your Body and Mind to Face Stress, Pain, and Illness [Электронный ресурс]. 2nd ed. New York: Bantam Books, 2013. 400 p. ISBN 978-0-345-53972-4. URL: <https://www.bantamdel.com>
11. Kartol A., Söner O., Griffiths M.D. The relationship between psychological distress, meaning in life, and life satisfaction in the COVID-19 pandemic // Anales de Psicología. 2023. Vol. 39. No. 2. P. 197 – 206. DOI: 10.6018/analesps.518001
12. Martinez Montes C., Penzenstadler B., Feldt R. The factors influencing well-being in software engineers: A cross-country mixed-method study // ACM Transactions on Software Engineering and Methodology. 2025. Vol. 1. No. 1. P. 1 – 35.
13. Mohamed N.J.B., Abu Bakar A.Y., Ifdil I. The psychological well-being and self-compassion on Malaysian teachers of counseling and guidance // Acta Counseling and Humanities. 2020. Vol. 1. No. 1. P. 63 – 65. DOI: 10.46637/ach.v1i1.12
14. Naidu C.K., Maddala S. Integrating theories of stress and burnout: A comprehensive framework for research and practice // European Economic Letters. 2024. Vol. 14. No. 3. P. 180 – 189. DOI: 10.52783/eel.v14i3.1763
15. Van Dierendonck D., Lam H. Interventions to enhance eudaemonic psychological well-being: A meta-analytic review with Ryff's Scales of Psychological Well-being // Applied Psychology: Health and Well-Being. 2023. Vol. 15. No. 2. P. 594 – 610. DOI: 10.1111/aphw.12398
16. Wrede S.J.S., Claassen K., Rodil Dos Anjos D., et al. Impact of digital stress on negative emotions and physical complaints in the home office: A follow-up study // Health Psychology and Behavioral Medicine. 2023. Vol. 11. No. 1. P. 2263068. DOI: 10.1080/21642850.2023.2263068

References

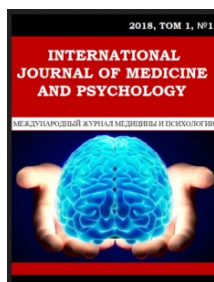
1. Abulkhanova K.A. The principle of the subject in domestic psychology. Psychology. Journal of the Higher School of Economics. 2005. No. 4. P. 3 – 21. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/printsip-subekta-v-otechestvennoy-psihologii>. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/printsip-subekta-v-otechestvennoy-psihologii>
2. Kot A.S., Kachina A.A. Professional well-being of information technology specialists. Organizational Psychology. 2024. No. 1. P. 134 – 157. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/professionalnoe-blagopoluchie-spetsialistov-sfery-informatsionnyh-tehnologiy>
3. Leontiev D.A. Psychology of meaning: nature, structure and dynamics of semantic reality. 2nd, corrected. ed. Moscow: Smysl, 2003. 487 p.

4. Pilishvili T.S., Savushkina A.I., Danilova A.L., Soruko Torres N.K. Psychological well-being and value-semantic sphere of personality of psychology students. *Education and Science*. 2021. Vol. 23. No. 4. P. 126 – 156. DOI: 10.17853/1994-5639-2021-4-126-156
5. Sinelnikova E.S., Udovichenko P.A. Life-Meaning Orientations and Self-Regulation as Psychological Correlates of Constructive Coping with Stress in Adolescence. *Theoretical and Experimental Psychology*. 2023. No. 1 (16). P. 79 – 89. DOI: 10.11621/TEP-23-05
6. Arora S., Hastings J.D. A survey-based quantitative analysis of stress factors and their impacts among cybersecurity professionals. *Research & Publications, Dakota State University*. 2025. No. 86. URL: <https://scholar.dsu.edu/ccspapers/86>
7. Boreham I.D., Schutte N.S. The relationship between purpose in life and depression and anxiety: A meta-analysis. *Journal of Clinical Psychology*. 2023. Vol. 79. P. 2736 – 2767. DOI: 10.1002/jclp.23576
8. Jentsch A., Hoferichter F. Life satisfaction, psychological stress, and present-moment attention: A generalizability study. *Frontiers in Psychology*. 2024. Vol. 15. Article ID: 1258896. DOI: 10.3389/fpsyg.2024.1258896.
9. Jin G., Jiang J., Liao H. The work affective well-being under the impact of AI. *Scientific Reports*. 2024. Vol. 14. Article number: 25483. DOI: 10.1038/s41598-024-75113-w
10. Kabat-Zinn J. *Full Catastrophe Living: Using the Wisdom of Your Body and Mind to Face Stress, Pain, and Illness* [Electronic resource]. 2nd ed. New York: Bantam Books, 2013. 400 p. ISBN 978-0-345-53972-4. URL: <https://www.bantamdel.com>
11. Kartol A., Söner O., Griffiths M.D. The relationship between psychological distress, meaning in life, and life satisfaction in the COVID-19 pandemic. *Anales de Psicología*. 2023. Vol. 39.No. 2. P. 197 – 206. DOI: 10.6018/analesps.518001
12. Martinez Montes C., Penzenstadler B., Feldt R. The factors influencing well-being in software engineers: A cross-country mixed-method study. *ACM Transactions on Software Engineering and Methodology*. 2025. Vol. 1. No. 1. P. 1 – 35.
13. Mohamed N.J.B., Abu Bakar A.Y., Ifdil I. The psychological well-being and self-compassion on Malaysian teachers of counseling and guidance. *Acta Counseling and Humanities*. 2020. Vol. 1. No. 1. P. 63 – 65. DOI: 10.46637/ach.v1i1.12
14. Naidu C.K., Maddala S. Integrating theories of stress and burnout: A comprehensive framework for research and practice. *European Economic Letters*. 2024. Vol. 14.No. 3. P. 180 – 189. DOI: 10.52783/eel.v14i3.1763
15. Van Dierendonck D., Lam H. Interventions to enhance eudaemonic psychological well-being: A meta-analytic review with Ryff's Scales of Psychological Well-being. *Applied Psychology: Health and Well-Being*. 2023. Vol. 15. No. 2. P. 594 – 610. DOI: 10.1111/aphw.12398
16. Wrede S. J. S., Claassen K., Rodil Dos Anjos D., et al. Impact of digital stress on negative emotions and physical complaints in the home office: A follow-up study. *Health Psychology and Behavioral Medicine*. 2023. Vol. 11.No. 1. P. 2263068. DOI: 10.1080/21642850.2023.2263068

Информация об авторе

Зиневич А.В., ORCID ID: <https://orcid.org/0009-0001-0458-7238>, Российский государственный университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы, zinevich.psy@gmail.com

© Зиневич А.В., 2025

Научно-исследовательский журнал «International Journal of Medicine and Psychology / Международный журнал медицины и психологии»

<https://ijmp.ru>

2025, Том 8, № 4 / 2025, Vol. 8, Iss. 4 <https://ijmp.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.3.1. Общая психология, психология личности, история психологии (психологические науки)

УДК 159.9

¹ Кlishchenko R.N.,

¹ Алтайский государственный университет

Психологическое благополучие людей с разными мотивами употребления алкоголя

Аннотация: в статье представлены результаты эмпирического исследования особенностей психологического благополучия людей с разными доминирующими мотивами употребления алкоголя. Был проведен сравнительный анализ показателей по методикам: Шкала психологического благополучия К. Риффа (в модификации Т.Д. Шевеленковой и Т.П. Фесенко) и Оксфордская шкала счастья М. Аргайла, М. Мартина и Дж. Кроссланда. В исследовании приняли участие 63 респондента (30 женщин и 33 мужчины), периодически употребляющие алкоголь (не реже 1 раза в месяц), но не стоящие на учете у врача-нарколога с алкогольной зависимостью. В результате обработки данных были выявлены статистически значимые различия в выраженности показателей психологического благополучия и счастья у людей с разными доминирующими мотивами употребления алкоголя.

Ключевые слова: психологическое благополучие, особенности психологического благополучия, счастье, алкогольная зависимость, мотивация употребления алкоголя, мотивация алкоголизации

Для цитирования: Кlishchenko R.N. Психологическое благополучие людей с разными мотивами употребления алкоголя // International Journal of Medicine and Psychology. 2025. Том 8. № 4. С. 187 – 193.

Поступила в редакцию: 15 февраля 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 13 апреля 2025 г.; Принята к публикации: 22 мая 2025 г.

¹ Klishchenko R.N.,

¹ Altai State University

Psychological well-being of people with different motives for drinking alcohol

Abstract: the article presents the results of an empirical study of the features of psychological well-being of people with different dominant motives for alcohol consumption. A comparative analysis of the indicators was carried out using the following methods: K. Ryff's Psychological Well-Being Scale (modified by T.D. Shevelenkova and T.P. Fesenko) and the Oxford Happiness Scale M. Argyll, M. Martin, and J. Crossland. The study involved 63 respondents (30 women and 33 men) who periodically consume alcohol (at least once a month), but are not registered with a narcologist with alcohol dependence. As a result of data processing, statistically significant differences were revealed in the severity of indicators of psychological well-being and happiness in people with different dominant motives for alcohol consumption.

Keywords: psychological well-being, features of psychological well-being, happiness, alcohol dependence, motivation for alcohol use, motivation for alcoholization

For citation: Klishchenko R.N. Psychological well-being of people with different motives for drinking alcohol. International Journal of Medicine and Psychology. 2025. 8 (4). P. 187 – 193.

The article was submitted: February 15, 2025; Approved after reviewing: April 13, 2025; Accepted for publication: May 22, 2025

Введение

В контексте глобальных социально-политических трансформаций особую актуальность приобретает анализ психологического благополучия людей как комплексного феномена. Социальные изменения, характеризующие текущий этап развития общества, создают предпосылки для значительных психоэмоциональных нагрузок на граждан, регулярно сталкивающихся с ситуациями повышенной сложности. Феномен психологического благополучия представляется перспективным инструментарием, позволяющим объективно оценить эмоциональный и психологический статус людей в условиях трансформирующейся реальности, включая их самовосприятие и интерпретацию окружающей действительности. Данная ситуация обуславливает закономерное смещение общественных приоритетов в сторону повышения качественных характеристик жизни и укрепления психологического здоровья населения как ключевых компонентов социальной стабильности.

Исследование феномена психологического благополучия у людей с алкогольной аддикцией представляет значительную научную ценность. Социальные и интерперсональные проблемы, возникающие вследствие патологического употребления этанолсодержащих веществ, исторически привлекали пристальное внимание научного сообщества. В периоды социополитической турбулентности наблюдается тенденция к использованию алкоголя как дезадаптивного копинг-механизма, что потенциально может привести к возрастанию распространенности алкогольной зависимости среди популяции.

Эмпирические исследования показывают, что алкогольные напитки регулярно потребляются большинством взрослого населения Российской Федерации – 80% представителей мужского пола и 55% женщин [12]. В данном контексте особую актуальность приобретает изучение этиологии алкоголизма, разработка стратегий профилактики и терапевтических подходов, что нашло отражение в фундаментальных трудах Б.С. Братуся [2], Н.В. Говорина [5], А.В. Немцова [10] и других исследователей.

Параллельно с этим получило развитие научное направление, концептуализирующее психологическое благополучие как интегральный индикатор психического здоровья на индивидуальном и социальном уровнях. Данная парадигма детально представлена в работах К. Рифф [15], Э. Динера [14], Т.Д. Шевеленковой и Т.П. Фесенко [13], А.В. Ворониной [4], что способствует формированию

междисциплинарного подхода к решению проблем общественного здоровья.

Проблематика психологического благополучия лиц, страдающих алкогольной зависимостью, представляет собой недостаточно изученный аспект современной психологической науки, несмотря на его высокую социальную значимость [12]. Анализ существующих данных демонстрирует, что употребление алкогольных напитков зачастую выступает в качестве дезадаптивного механизма психологической защиты, направленного на эскапизм от жизненных трудностей и создание временной иллюзии благополучия [6]. Данный феномен характеризуется искаженным восприятием эмоциональных состояний, когда субъективное ощущение радости и свободы замещает объективную реальность.

В контексте теоретических положений, сформулированных Н. Брэдберном, феномен психологического благополучия представляет собой результат когнитивной обработки эмоциональных реакций индивида на жизненные события [3]. Субъективное переживание удовлетворенности или неудовлетворенности собственной жизнью формируется как следствие аффективных состояний, возникающих в ответ на индивидуальный опыт. Н. Брэдберн утверждает, что интрапсихическая интеграция эмоциональных переживаний – как позитивных, так и негативных – детерминирует доминирующий эмоциональный фон индивида [3]. Решающим фактором в данном процессе является не объективный характер происходящих событий, а их персональная интерпретация субъектом, результатом которой становится формирование устойчивой эмоциональной диспозиции. Таким образом, субъективное благополучие конституируется посредством превалирования определенного типа аффективного опыта в общей структуре эмоциональных переживаний личности.

В контексте экспериментальных исследований субъективного благополучия индивида, Э. Динер идентифицировал триаду детерминирующих факторов: степень удовлетворенности, позитивный и негативный аффект, что в совокупности конституирует интегральную характеристику данного феномена [14]. Концептуализация психологического благополучия предполагает рассмотрение его как динамического гомеостатического механизма, обеспечивающего баланс между противоположными аффективными состояниями.

Концепция психологического благополучия, разработанная К. Рифф, представляет собой гексафакторную структуру, интегрирующую следующие компоненты: самоакцептацию, позитивные

интерперсональные интеракции, автономность, экологическую компетентность (эффективное управление средовыми факторами), телеологическую направленность и потенциал персонального роста [15]. Данная концептуальная модель демонстрирует мультидименсиональную природу феномена благополучия в контексте психосоциального функционирования личности.

Удовлетворение базовых экзистенциальных потребностей человека является фундаментальной основой формирования психологического благополучия, что было концептуализировано в теоретических построениях Шевеленковой Т.Д. [13]. Согласно ее исследованиям, данный феномен представляет собой интегративное переживание, характеризующееся ощущением счастья и позитивной самооценкой в контексте общей жизненной удовлетворенности.

Углубленное исследование взаимосвязи между психологическим самочувствием и различными мотивациями употребления спиртных напитков помогает раскрыть корни формирования зависимого поведения. Исследование причин, побуждающих людей употреблять спиртные напитки, и их связи с психологическим благополучием критически важно для создания действенных подходов к предотвращению и лечению алкоголизма. Чтобы точнее идентифицировать потенциально уязвимые категории населения и сформировать адресные программы восстановления и помощи, необходимо определить, какие элементы воздействуют на психологический статус индивидов с различными побуждениями к потреблению алкоголя.

Идентификация ключевых компонентов психологического благополучия у лиц с разными мотивами употребления алкоголя приобретает приоритетное значение в разработке дифференцированных протоколов психотерапевтической интервенции данной нозологической группы, что обеспечивает персонализированный подход к психологическому сопровождению указанного контингента.

Материалы и методы исследований

Основной целью данной работы является раскрытие особенностей психологического благополучия людей с разными мотивами употребления алкоголя. В рамках исследования планируется углубленно рассмотреть, что подразумевается под «психологическим благополучием», определить и критически осмыслить ключевые аспекты этого явления, и также провести сравнительный анализ показателей у людей с различными мотивами употребления алкоголя в повседневной жизни.

Гипотеза исследования заключается в проверке предположения, что существуют значимые различия в выраженности показателей психологического благополучия и счастья у людей с различными доминирующими мотивами употребления алкоголя.

В рамках исследования, был задействован инструментарий двух методик. Применялись адаптированная Т.Д. Шевеленковой и Т.П. Фесенко шкала К. Риффа, а также опросник счастья, созданный командой исследователей из Оксфорда – Майклом Аргайлом, Майклом Мартином и Дж. Кроссландом. Выборку составили 63 респондента (30 женщин и 33 мужчины), периодически употребляющие алкоголь (не реже 1 раза в месяц), но не стоящие на учете у врача-нарколога с алкогольной зависимостью.

Данное эмпирическое исследование позволило проанализировать особенности восприятия счастья и психологического благополучия у людей, достаточно часто употребляющих алкоголь в повседневной жизни в зависимости от доминирующих мотивов этого употребления.

Респондентам предлагалось выбрать ведущие мотивы употребления ими алкоголя. Данные мотивы были представлены в научной работе Ц.П. Короленко и Н.В. Дмитриева [8]:

- Атарактическая мотивация. Обращение к спиртным напиткам как способ избавления от негативных эмоциональных состояний, беспокойства и подавленности;

- Субмиссивная мотивация. Покорность социальному давлению и чрезмерная зависимость от суждений других мешают человеку отвергнуть алкогольное угощение, когда его предлагают;

- Гедонистическая мотивация. Спиртные напитки принимаются людьми с целью достижения положительных эмоциональных состояний, включая радость, блаженство и наслаждение;

- Псевдокультурная мотивация. Демонстрация статуса через коллекционирование элитного алкоголя становится приоритетом. Желание поразить других изысканными и дорогими напитками выходит на первый план, причем особое внимание уделяется внешним характеристикам спиртного как символу утонченности и престижа;

- Традиционный мотив. Участие в ритуалах и соблюдение культурных традиций зачастую побуждают индивидуума к употреблению спиртных напитков;

- Экспериментальный мотив. Из-за естественного стремления к познанию нового индивидуум впервые знакомится со спиртными напитками;

- Стимулирующий мотив. Употребление спиртных напитков способствует снятию социальных ограничений, делая коммуникацию более непринужденной и помогая человеку ощущать психологическую свободу в выражении себя.

Результаты и обсуждения

Анализ показателей по методике «Шкала психологического благополучия» К. Рифф при помощи непараметрического критерия Краскала-Уоллеса показал, что существуют значимые различия по ряду шкал.

Таблица 1

Результаты сравнительного анализа показателей по методике «Шкала психологического благополучия» К. Рифф у людей с разными доминирующими мотивами употребления алкоголя.

Table 1

Results of a comparative analysis of indicators using the “Psychological Well-Being Scale” method by K. Riff in people with different dominant motives for drinking alcohol.

		Психологическое благополучие	Позитивное отношение с другими	Автономия	Управление средой	Личностный рост	Цели в жизни	Самопринятие
Атарактический мотив (n=12)	Ср.з.	328,25	62,25	66,5	66,25	64	66,8	57,25
	Ст.от.	67,61	8,81	14,29	11,59	11,29	11,46	13,23
Субмиссивный мотив (n=3)	Ср.з.	278,11	50,12	50,24	44,51	59,45	45,62	30,14
	Ст.от.	54,21	7,45	11,62	9,45	8,45	7,68	6,48
Гедонистический мотив (n=15)	Ср.з.	328	52,4	50,8	54,8	59,78	61,45	50,15
	Ст.от.	74,96	13,51	11,8	12,58	12,22	14,56	15,82
Псевдокультурный мотив (n=8)	Ср.з.	366,5	60	59,4	56,24	67,45	64,12	60,5
	Ст.от.	34,51	2,19	6,57	16,43	5,47	6,57	8,21
Традиционный мотив (n=12)	Ср.з.	362,75	51,78	66,71	54,26	71,26	64,25	54,75
	Ст.от.	17,07	9,35	3,61	9,49	10,78	11,02	4,13
Экспериментальный мотив (n=6)	Ср.з.	388,12	58,45	61,45	68,58	72,54	71,59	57,94
	Ст.от.	4,38	5,47	1,09	0,54	7,12	1,09	3,28
Стимулирующий мотив (n=9)	Ср.з.	324,33	62,66	51,66	47,45	63,34	54,47	45,66
	Ст.от.	56,12	11,82	11,16	12,41	6,38	8,25	10,68
Значимость К-Критерия		0,019	0,091	0,000	0,005	0,050	0,021	0,004

Таким образом, выявлены статистически значимые различия по большинству критериев психологического благополучия. В наибольшей степени психологическое благополучие выражено у людей с экспериментальным мотивом употребления алкоголя. Для них алкоголь выступает просто как способ получения новых эмоций из-за расширения дегустаторского опыта. Люди, употребляющие алкоголь под воздействием давления третьих лиц, достаточно низко оценивают свое психологическое благополучие.

Наличие близких и доверительных отношений с окружающих в большей степени выражено у людей с атарактическим и стимулирующим мотивами употребления спиртного. Большую способность противостоять давлению окружающих демонстрируют респонденты с атарактическим и

традиционным мотивами, чувство уверенности и компетентности в управлении повседневными делами – с атарактическим и экспериментальным мотивами, чувство непрерывного развития – с экспериментальным и псевдокультурным мотивами, наличие целей в жизни и чувства осмысленности жизни – с экспериментальным мотивом, позитивное отношение к себе – псевдокультурный мотив.

Анализ полученных данных позволяет сделать вывод, что психологическое благополучие в меньшей степени выражено у людей с субмиссивным, атарактическим и стимулирующими мотивами. Следовательно, особое внимание при разработке программ психологического сопровождения стоит уделять именно этой категории лиц.

Таблица 2

Результаты сравнительного анализ показателей по методике «Оксфордский опросник счастья» М. Аргайл, М. Мартин и Дж. Кроссланд у людей с разными доминирующими мотивами употребления алкоголя.

Table 2

Results of a comparative analysis of indicators using the Oxford Happiness Questionnaire by M. Argyle, M. Martin and J. Crossland in people with different dominant motives for drinking alcohol.

	Показатель счастья	
	Ср.з.	Ст.от.
Атарактический мотив (n=12)	44,25	16,89
Субмиссивный мотив (n=3)	21,45	4,85
Гедонистический мотив (n=15)	45,81	10,58
Псевдокультурный мотив (n=8)	49,56	14,24
Традиционный мотив (n=12)	39,46	14,03
Экспериментальный мотив (n=6)	56,78	12,41
Стимулирующий мотив (n=9)	35,66	6,27
Значимость К-Критерия	0,004	

Таким образом, удовлетворенность собой, позитивное отношение к окружающим, наличие интересов, увлечений, положительная оценка себя и собственных способностей в большей степени свойственна респондентам с экспериментальным и псевдокультурным мотивами употребления алкоголя, а в меньшей степени – с субмиссивным и стимулирующими мотивами.

В результате корреляционного анализа были выявлены значимые отрицательные связи между показателями «Автономия» и «Гедонистический мотив» ($r=-0,385$, $p=0,002$), «Личностный рост» и «Атарактический мотив» ($r=-0,341$, $p=0,006$), «Счастье» и «Субмиссивная мотивация» ($r=-0,338$, $p=0,007$). Следовательно, чем больше респонденты озабочены ожиданиями и оценкой других людей, ориентируются на их мнение при принятии решения, тем чаще они употребляют алкоголь с целью достижения положительных эмоциональных состояний, включая радость, блаженство и наслаждение.

Отсутствие ощущения личностного прогресса, скука и незаинтересованность жизнью чаще приводит к применению спиртного как способа избавления от негативных эмоциональных состояний, беспокойства и подавленности. А неудовлетворенность собой, своей жизнью и субъективное ощущение несчастья способствуют развитию покорности социальному давлению, что мешают человеку отвергнуть алкогольное угощение, когда его предлагают.

Анализ научной литературы выявил существенный пробел в эмпирическом исследовании корреляции между мотивационными паттернами потребления алкогольсодержащих веществ и психологическими конструктами благополучия индивидов. Потенциальное формирование нового ис-

следовательского направления может основываться на полученных данных, фокусирующихся на детерминантах алкогольного поведения с мотивационной перспективы. Данная научная лакуна обуславливает императивную необходимость в комплексном изучении интеракций между алкогольной мотивацией и многомерными личностными характеристиками субъектов, демонстрирующих различные паттерны потребления этанолсодержащих субстанций.

Полученные в рамках исследования результаты открывают принципиально новые перспективы для имплементации научно обоснованных психотерапевтических интервенций в работе с индивидами, демонстрирующими патологический паттерн потребления этанолсодержащих веществ. Терапевтические протоколы, разработанные на основе этих эмпирических данных, могут быть ориентированы на оптимизацию субъективного психологического статуса и реструктуризацию мотивационно-потребностной сферы пациентов. Это, как свидетельствуют предварительные данные корреляционного анализа, может детерминировать существенную редукцию аддиктивного поведения и значительное повышение параметров субъективного благополучия данной категории клиентов.

Выводы

Эмпирическое исследование выявило значимую корреляцию между мотивацией употребления алкогольных напитков и самооценкой психологического благополучия субъектов. Участники исследования, демонстрирующие высокие показатели психологического комфорта и субъективной удовлетворенности жизнью, преимущественно мотивированы когнитивным любопытством или эстетическим интересом при выборе алкогольных напитков.

Напротив, испытуемые, употребляющие алкоголь в качестве компенсаторного механизма для нивелирования негативных эмоциональных состояний, редукции социальной тревожности или вследствие неспособности противостоять внешнему групповому давлению, характеризуются существенно сниженными показателями самоактуализации и психологического благополучия.

Данные результаты имеют прикладное значение для клинической практики: специалистам в области психологического консультирования рекомендуется фокусировать профилактическую и терапевтическую работу на лицах, использующих алкоголь в качестве дезадаптивного копинг-механизма.

Список источников

1. Арутюнян М.С. Некоторые тенденции распространения алкогольной зависимости в России // Высокие технологии и инновации в науке: Сборник статей ЛП международной научной конференции, Санкт-Петербург, 27 мая 2024 года. Санкт-Петербург: Гуманитарный национальный исследовательский институт НАЦРАЗВИТИЕ, 2024. С. 19 – 21.
2. Братусь Б.С. Аномалии личности. Психологический подход. М.: Никея, 2019. 912 с.
3. Брэдберн Н. Структура психологического благополучия. Ярославль: ИНФРА, 2005. 13 с.
4. Воронина А.В. Проблема психологического здоровья и благополучия человека: обзор концепций и опыт структурно-уровневого анализа // Сибирский психологический журнал. 2005. № 3. С. 142 – 143.
5. Говорин Н.В., Сахаров А.В. Алкогольное бремя соматического стационара. Томск: Изд-во «Иван Федоров», 2010. 160 с.
6. Запесоцкая И.В. Особенности самоотношения при пивном алкоголизме // Региональный вестник. 2019. № 19 (34). С. 7 – 8.
7. Карапетян Л.В. Теоретические подходы к пониманию субъективного благополучия // Известия Уральского федерального университета. Серия 1: Проблемы образования, науки и культуры. 2014. Т. 123. № 1. С. 171 – 182.
8. Короленко Ц.П., Дмитриева Н.В. Психосоциальная аддиктология. Новосибирск: Издательство «Ол-сиб», 2001. 251 с.
9. Мусаева Д.Б. Особенности акцентуаций характера женщин с алкогольной зависимостью // Научный журнал. 2021. № 2(57). С. 113 – 114.
10. Немцов А.В. Алкогольная история России: новейший период. М.: «Либроком», 2009. 320 с.
11. Булкина Н.Э., Анищенко Е.В., Радионова С.И., Бондарь Р.Б. Связь типов мотивации и депрессивных состояний при алкогольной зависимости // Журнал психиатрии и медицинской психологии. 2021. № 2 (54). С. 94.
12. Степанова О.П., Слепухина Г.В., Безенкова Т.А. Психологические особенности людей, зависимых от психоактивных веществ // Азимут научных исследований: педагогика и психология. 2018. Т. 7. № 4 (25). С. 355 – 358.
13. Шевеленкова Т.Д., Фесенко Т.П. Психологическое благополучие личности // Психологическая диагностика. 2005. № 3. С. 95 – 121.
14. Diener E. Subjective well-being // Psychological Bulletin. 1984. Vol. 95. № 3. P. 542 – 575.
15. Ryff C. Psychological well-being in adult life // Current Direction in Psychological Science. 1995. № 4. P. 99 – 104.

References

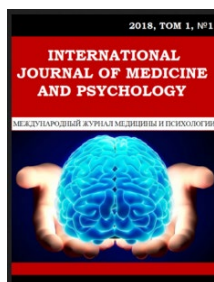
1. Arutyunyan M.S. Some trends in the spread of alcohol addiction in Russia. High technologies and innovations in science: Collection of articles of the LPI international scientific conference, St. Petersburg, May 27, 2024. St. Petersburg: Humanitarian National Research Institute NATsRZAVITIE, 2024. P. 19 – 21.
2. Bratus B.S. Personality anomalies. Psychological approach. Moscow: Nikeya, 2019. 912 p.
3. Bradburn N. The structure of psychological well-being. Yaroslavl: INFRA, 2005. 13 p.
4. Voronina A.V. The problem of human psychological health and well-being: a review of concepts and experience of structural-level analysis. Siberian Psychological Journal. 2005. No. 3. P. 142 – 143.
5. Govorin N.V., Sakharov A.V. Alcohol burden of a somatic hospital. Tomsk: Ivan Fedorov Publishing House, 2010. 160 p.
6. Zapesotskaya I.V. Features of self-attitude in beer alcoholism. Regional Bulletin. 2019. No. 19 (34). P. 7 – 8.
7. Karapetyan L.V. Theoretical approaches to understanding subjective well-being. Bulletin of the Ural Federal University. Series 1: Problems of education, science and culture. 2014. Vol. 123. No. 1. P. 171 – 182.

8. Korolenko Ts.P., Dmitrieva N.V. Psychosocial addictology. Novosibirsk: Olsib Publishing House, 2001. 251 p.
9. Musaeva D.B. Features of character accentuations in women with alcohol dependence. Scientific journal. 2021. No. 2 (57). P. 113 – 114.
10. Nemtsov A.V. Alcohol history of Russia: the latest period. Moscow: Librokom, 2009. 320 p.
11. Bulkina N.E., Anishchenko E.V., Radionova S.I., Bondar R.B. The relationship between motivation types and depressive states in alcohol dependence. Journal of Psychiatry and Medical Psychology. 2021. No. 2 (54). P. 94.
12. Stepanova O.P., Slepukhina G.V., Bezenkova T.A. Psychological characteristics of people dependent on psychoactive substances. Azimuth of scientific research: pedagogy and psychology. 2018. Vol. 7. No. 4 (25). P. 355 – 358.
13. Shevelenkova T.D., Fesenko T.P. Psychological well-being of the individual. Psychological diagnostics. 2005. No. 3. P. 95 – 121.
14. Diener E. Subjective well-being. Psychological Bulletin. 1984. Vol. 95. No. 3. P. 542 – 575.
15. Ryff C. Psychological well-being in adult life. Current Direction in Psychological Science. 1995. No. 4. P. 99 – 104.

Информация об авторе

Клищенко Р.Н., аспирант, Алтайский государственный университет, klisshenko82@mail.ru

© Клищенко Р.Н., 2025

Научно-исследовательский журнал «International Journal of Medicine and Psychology / Международный журнал медицины и психологии»

<https://ijmp.ru>

2025, Том 8, № 4 / 2025, Vol. 8, Iss. 4 <https://ijmp.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.3.4. Педагогическая психология, психодиагностика цифровых образовательных сред (психологические науки)

УДК 159.923.2:378.17:616-057.875

¹ Шаренкова Л.А.,

¹ Горянная Н.А.,

¹ Смолина В.С.,

² Мищенко И.В.,

¹ Северный государственный медицинский университет,

² Северный Арктический федеральный университет имени М.В. Ломоносова

Оценка уровня тревожности студентов медицинского университета различных факультетов

Аннотация: психологическое состояние, характеризующееся необоснованным беспокойством, ощущением угрозы и эмоциональным дискомфортом, принято называть тревожностью. В норме подобные проявления носят временный характер и не вызывают существенных затруднений - такой тип реакции считается адаптивным. Примечательно, что тревожные состояния могут возникать вне зависимости от внешних факторов.

Мировая статистика свидетельствует: около 12% населения планеты испытывают постоянную тревожность, а примерно 30% людей периодически сталкиваются с тревожными эпизодами. Патологическими считаются случаи как чрезмерной, так и недостаточной тревожности, которые приводят к развитию различных расстройств. В основе этих нарушений лежат два типа тревоги: ситуативная и личностная. Без своевременной терапии высокий уровень тревожности может спровоцировать развитие невротических состояний.

Наше исследование было направлено на изучение динамики уровня тревожности у студентов-медиков на протяжении всего периода обучения в университете. Исследование показало, что учащиеся разных факультетов демонстрируют повышенный уровень личностной тревожности накануне зимней экзаменационной сессии.

Ключевые слова: тревожность, тест Спилберга-Ханина, личностная тревожность, ситуативная тревожность, юноши, девушки, русские студенты, индийские студенты

Для цитирования: Шаренкова Л.А., Горянная Н.А., Смолина В.С., Мищенко И.В. Оценка уровня тревожности студентов медицинского университета различных факультетов // International Journal of Medicine and Psychology. 2025. Том 8. № 4. С. 194 – 200.

Поступила в редакцию: 16 февраля 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 14 апреля 2025 г.; Принята к публикации: 22 мая 2025 г.

¹ Sharenkova L.A.,
¹ Goryannaya N.A.,
¹ Smolina V.S.,
² Mishchenko I.V.,

¹ Northern State Medical University,
² Lomonosov Northern Arctic Federal University

Assessment of the anxiety level of medical university students of various faculties

Abstract: anxiety is the psychological background of a person, which is characterized by a sense of danger, unreasonable excitement, emotional discomfort. If these manifestations are short-lived and do not cause problems, then this is considered the norm. This reaction is classified as adaptive. Anxiety can persist regardless of external circumstances.

According to statistics, an average of 12% of people worldwide suffer from anxiety, and up to 30% of people experience anxiety periodically. The deviation is increased or decreased anxiety, which leads to various disorders. The cause of violations may be personal and situational anxiety. A high level of anxiety, without timely correction, provokes neurotic disorders.

The purpose of our study was to determine the anxiety level of medical university students in the dynamics of university education. The research revealed that students of various faculties have a high level of personal anxiety before the winter session.

Keywords: anxiety, Spielberg–Khanin test, personal anxiety, situational anxiety, boys, girls, Russian students, Indian students

For citation: Sharenkova L.A., Goryannaya N.A., Smolina V.S., Mishchenko I.V. Assessment of the anxiety level of medical university students of various faculties. International Journal of Medicine and Psychology. 2025. 8 (4). P. 194 – 200.

The article was submitted: February 16, 2025; Approved after reviewing: April 14, 2025; Accepted for publication: May 22, 2025

Введение

Человек всегда о чем-то беспокоиться. Поэтому тревога является неотъемлемой частью жизни человека. Но не все люди тревожатся в одинаковой степени. Некоторые воспринимают все «близко к сердцу», другие, наоборот, относятся ко всему спокойно. Каждый имеет свой индивидуальный уровень тревожности [10]. Известно, что тревожность является естественной особенностью личности, но чрезмерное повышение уровня тревожности ведет к развитию негативных последствий. Психологический феномен тревожности может возникать спонтанно, вне связи с внешними факторами. В эмоциональном плане она проявляется комплексом негативных переживаний: ощущением уязвимости, растерянности перед неизвестностью, неспособностью действовать решительно и предчувствием неминуемых неудач [2, 7].

Исследования показывают, что избыточная тревожность существенно снижает академическую успеваемость, эффективность рабочей деятельности и негативно сказывается на здоровье человека. На физиологическом уровне тревожные состояния сопровождаются целым рядом соматических проявлений: тахикардией, учащенным дыханием,

быстрой утомляемостью, увеличением циркуляции крови, гипертонией, рассеянностью внимания и повышенной нервной возбудимостью [4, 8].

В психологии принято дифференцировать два типа тревожности. Первый тип – личностная тревожность, представляющая собой устойчивую характерологическую черту, при которой человек склонен интерпретировать различные ситуации как потенциально опасные и демонстрировать повышенную эмоциональную реактивность. Второй тип – ситуативная (реактивная) тревожность, возникающая как временная реакция на стрессовый фактор [5, 9]. В нормальных условиях после прекращения действия стрессора или снижения его интенсивности психоэмоциональное состояние должно возвращаться к исходному уровню.

Цель исследования – определение уровня тревожности студентов – медиков на младших курсах обучения в вузе.

Материалы и методы исследований

В нашем исследовании для оценки тревожности применялась методика Спилберга-Ханина. Этот диагностический инструмент, разработанный Ч.Д. Спилбергом и адаптированный для русскоязычной аудитории Ю.Л. Ханиным, позволяет от-

дельно оценивать тревожность как личностную характеристику и как текущее состояние [1, 3].

Тестирование проводится с использованием двух отдельных опросников, каждый из которых содержит по 20 вопросов. Первый опросник измеряет ситуативную тревожность, второй – личностную. Система оценки предполагает диапазон от 20 до 80 баллов по каждой шкале, причем более высокие значения соответствуют более выраженной тревожности. При анализе результатов использовалась следующая градация:

- низкий уровень: не более 30 баллов
- умеренный уровень: 31-44 балла
- высокий уровень: от 45 баллов и выше

Исследование проводилось в предсессионный период осеннего семестра. Выборку составили 340 респондентов, включая:

- 156 студентов второго курса лечебного и педиатрического факультетов (104 девушки и 52 юноши)
- 46 учащихся третьего курса тех же факультетов
- 138 иностранных студентов (из Индии) международного факультета врача общей практики с первого по третий курс.

Результаты и обсуждения

Анализируя полученные результаты выявили, что 40,4% (23 человека) девушек второго курса лечебного факультета имеют низкий уровень ситуативной (реактивной) тревожности, умеренный уровень тревожности имеют 49,1% (28 человек) и высокий уровень ситуативной тревожности имеют 10,5% (6 человек) девушек второго курса лечебного факультета. Низкий уровень личностной тревожности среди девушек второго курса лечебного факультета имеют 1,8% (1 человек), умеренный уровень тревожности имеют 31,5% девушек (18 человек) и высокий уровень личностной тревожности имеют 66,7% девушек лечебного факультета (38 человек).

Результаты исследования тревожности среди юношей второго курса лечебного факультета показали интересную закономерность. В отношении ситуативной тревожности большая часть студентов (66,7% или 24 человека) демонстрирует низкие показатели, в то время как умеренный уровень наблюдается у 22,2% (8 человек), а высокий – лишь у 11,1% (4 человека) обучающихся.

Однако картина личностной тревожности существенно отличается. Здесь преобладают умеренные и высокие значения: умеренный уровень выявлен у 41,7% (15 человек), высокий – у 36,1% (13 человек) студентов. Низкие показатели личностной тревожности обнаружены только у 22,2% (8 человек) обследованных.

Опираясь на полученные результаты заключаем, что низкий уровень ситуативной (реактивной) тревожности на втором курсе лечебного факультета имеют 66,7% юношей, что на 24,3% больше, чем у девушек этого же курса. Высокий уровень личностной тревожности имеют 66,7% девушек второго курса лечебного факультета. Это почти в два раза больше, чем у юношей этого же курса (36,1% соответственно).

Проведенное исследование тревожности среди студентов второго курса педиатрического факультета выявило интересную картину гендерных различий. У девушек распределение по уровням ситуативной тревожности оказалось следующим: преобладает низкий уровень (25 человек – 53,2%), далее следует умеренный (16 человек – 34%) и наименьшую долю составляет высокий уровень (6 человек – 12,8%). При оценке личностной тревожности картина иная: доминирует высокий уровень (38 человек – 72,3%), меньшая часть демонстрирует умеренный уровень (13 человек – 27,7%), а низкий уровень не обнаружен вовсе.

Среди юношей того же курса картина несколько отличается. Ситуативная тревожность распределилась между низким (9 человек – 56,25%) и умеренным (7 человек – 43,75%) уровнями, высокий уровень не выявлен. Личностная тревожность проявилась преимущественно на умеренном уровне (11 человек – 68,75%), реже на высоком (5 человек – 31,25%), низкий уровень отсутствует.

Сопоставление данных показывает, что высокая ситуативная тревожность характерна исключительно для девушек. При этом высокий уровень личностной тревожности у девушек встречается более чем вдвое чаще, чем у юношей (72,3% против 31,25%).

Сравнительный анализ данных лечебного и педиатрического факультетов демонстрирует схожее распределение ситуативной тревожности: на лечебном факультете – 50,5% (низкий), 38,7% (умеренный), 10,8% (высокий); на педиатрическом – 54%, 36,5% и 9,5% соответственно. Однако по личностной тревожности педиатрический факультет показывает более высокие значения: 61,9% студентов имеют высокий уровень против 54,8% на лечебном факультете.

Межкурсовое сравнение (второй и третий курсы обоих факультетов) выявило тенденцию к росту высокой ситуативной тревожности: на втором курсе – 10,3%, на третьем – 19,6%. При этом доля студентов с низким уровнем снижается с 51,9% до 47,8%, а с умеренным – с 37,8% до 32,6%. Уровень личностной тревожности распределился по уровням (низкий, умеренный, высокий) примерно одинаково. На втором курсе низкий уровень личност-

ной тревожности имеют 5,8% студентов, умеренный уровень 36,5% и высокий уровень личностной тревожности на втором курсе имеют 57,7% студентов. На третьем курсе соответственно: 6,5%, 37%, 56,5%.

Таким образом, высокий уровень ситуативной тревожности на третьем курсе выше почти в два раза, чем на втором курсе (19,6% и 10,3% соответственно). А уровень личностной тревожности, в процентном соотношении, примерно одинаков.

В ходе исследования мы проанализировали динамику тревожности у иностранных учащихся с первого по третий курс.

Анализ данных первокурсников международного факультета врача общей практики выявил интересную картину. Среди студенток-иностранок ситуативная тревожность распределилась следующим образом: половина девушек (9 человек) продемонстрировала низкие показатели, чуть меньше двух пятых (7 человек – 38,9%) показали умеренный уровень, и лишь небольшая часть (2 человека – 11,1%) обнаружила высокую тревожность. При этом картина личностной тревожности оказалась более напряженной: отсутствовали студентки с низким уровнем, умеренные показатели наблюдались у 38,9% (7 человек), а преобладающее большинство – 61,1% (11 человек) характеризовалось высокой личностной тревожностью.

Что касается юношей-первокурсников, их показатели ситуативной тревожности оказались более благоприятными: 58% (18 человек) продемонстрировали низкий уровень, остальные 42% (13 человек) – умеренный, при полном отсутствии высоких показателей. Однако личностная тревожность у юношей также оказалась повышенной: никто не показал низкий уровень, умеренные значения наблюдались у 35,5% (11 человек), а почти две трети – 64,5% (20 человек) продемонстрировали высокую личностную тревожность.

Примечательно, что среди индийских первокурсников обоих полов преобладает высокий уровень личностной тревожности, с незначительной разницей между девушками (61,1%) и юношами (64,5%).

При исследовании второкурсников того же факультета обнаружили заметные гендерные различия в показателях тревожности.

Среди иностранных студенток картина ситуативной тревожности распределилась следующим образом: подавляющее большинство (14 человек – 73,7%) демонстрирует умеренный уровень, значительно меньше (4 человека – 21%) показывают низкий уровень, и лишь одна студентка (5,3%) обнаруживает высокий уровень тревожности. При оценке личностной тревожности выявлена иная

картина: доминирует высокий уровень (15 человек – 79%), тогда как низкий и умеренный уровни представлены одинаково малым количеством студентов (по 2 человека – 10,5% в каждой категории).

У иностранных студентов-юношей распределение ситуативной тревожности оказалось более простым: чуть более половины (13 человек – 56,5%) демонстрируют низкий уровень, остальные (14 человек – 43,5%) – умеренный уровень. Высокий уровень ситуативной тревожности среди юношей не обнаружен. Низкий уровень личностной тревожности среди юношей второго курса международного факультета врача общей практики выявлен у одного человека (4,3%), умеренный уровень личностной тревожности имеют 52,2% юношей (12 человек) и высокий уровень личностной тревожности выявлен у 43,5% индийских юношей (10 человек). Установили, что на втором курсе уровень личностной тревожности у индийских девушек выше, чем у индийских юношей (78,9% и 43,5% соответственно).

Исследование тревожности среди студентов третьего курса международного факультета врача общей практики выявило интересные закономерности.

У иностранных студенток ситуативная тревожность распределилась следующим образом: большая часть (12 человек – 54,5%) показала умеренный уровень, значительная доля (9 человек – 41%) продемонстрировала низкий уровень, и лишь одна студентка (4,5%) обнаружила высокий уровень. При этом картина личностной тревожности существенно отличается: более половины девушек (12 человек – 54,5%) имеют высокий уровень, остальные (10 человек – 45,5%) – умеренный уровень, а низкий уровень не выявлен вовсе.

Анализ тревожности у студентов мужского пола показал характерное распределение: в отношении ситуативной тревожности более половины юношей (56%, что составляет 14 человек) демонстрируют умеренные показатели, в то время как оставшиеся 44% (11 студентов) характеризуются низким уровнем. Примечательно, что высокие показатели ситуативной тревожности не были зафиксированы вовсе.

При этом картина личностной тревожности у юношей выглядит существенно иначе: подавляющее большинство – более двух третей опрошенных (68%, или 17 человек) – обнаруживает высокий уровень тревожности, тогда как оставшаяся треть (32%, что соответствует 8 студентам) показывает умеренные значения. Студентов с низким уровнем личностной тревожности не выявлено.

Особого внимания заслуживает ситуация на третьем курсе, где зафиксирован повышенный уровень личностной тревожности у всех обучающихся. При этом среди юношей данный показатель достигает 68%, что заметно превышает аналогичный показатель у девушек (54,5%). Такое распределение может указывать на наличие серьезного психоэмоционального напряжения у иностранных учащихся этого курса.

Анализ динамики тревожности среди индийских студентов с первого по третий курс выявил интересные закономерности.

Показатели ситуативной тревожности демонстрируют стабильно высокую долю студентов с низким и умеренным уровнем: первый курс – 95,9%, второй курс – 97,6%, третий курс – 97,9%. Примечательно, что этот показатель имеет небольшую тенденцию к росту от курса к курсу.

В отношении личностной тревожности картина иная. Низкий уровень обнаружен исключительно на втором курсе (7,2% студентов). Высокий уровень личностной тревожности демонстрирует волнообразную динамику: первый курс – 63,3%, второй курс – некоторое снижение до 59,5%, третий курс – вновь повышение до 61,7%. Такие высокие показатели могут быть обусловлены комплексом факторов: адаптационными трудностями, климатическими различиями, разлука с семьей, проблемами самооценки и другими.

Сравнительный анализ по гендерному признаку на различных факультетах показал существенные различия. На лечебном факультете (второй курс) низкий уровень ситуативной тревожности у юношей (66,7%) превышает аналогичный показатель у девушек на 24,3%. При этом высокий уровень личностной тревожности у девушек (66,7%) почти вдвое превышает показатель юношей (36,1%).

На педиатрическом факультете (второй курс) высокая ситуативная тревожность выявлена только у девушек (12,8%). Особенно заметна разница в показателях высокой личностной тревожности: у девушек – 72,3%, у юношей – 31,25%, что более чем в два раза ниже. Примечательно, что низкий уровень личностной тревожности не выявлен ни у одного студента независимо от пола.

Эти данные свидетельствуют о значительных гендерных различиях в проявлении тревожности, причем эта тенденция прослеживается на разных факультетах.

Сравнительный анализ уровней тревожности между различными факультетами и курсами выявил несколько значимых тенденций.

На втором курсе лечебного и педиатрического факультетов распределение ситуативной тревожности оказалось практически идентичным. На ле-

чебном факультете: низкий уровень – 50,5%, умеренный – 38,7%, высокий – 10,8%. На педиатрическом соответственно: 54%, 36,5% и 9,5%. Однако в показателях личностной тревожности наблюдаются различия: у студентов педиатрического факультета высокий уровень достигает 61,9%, что на 7,1% выше, чем у студентов лечебного факультета (54,8%). Примечательно, что на педиатрическом факультете полностью отсутствует низкий уровень личностной тревожности.

При сопоставлении второго и третьего курсов у русских студентов обнаружен значительный рост высокого уровня ситуативной тревожности: с 10,3% на втором курсе до 19,6% на третьем, то есть почти вдвое. При этом показатели личностной тревожности остаются стабильными.

Особый интерес представляет динамика тревожности у индийских студентов трех курсов. Доля студентов с низким и умеренным уровнем ситуативной тревожности демонстрирует небольшой, но устойчивый рост: первый курс – 95,9%, второй – 97,6%, третий – 97,9%. Низкий уровень личностной тревожности зафиксирован только на втором курсе (7,2%). Высокий уровень личностной тревожности показывает волнообразную динамику: первый курс – 63,3%, второй – снижение до 59,5%, третий – повышение до 61,7%.

Высокие показатели личностной тревожности у индийских студентов могут быть обусловлены комплексом факторов:

- Адаптация к новой образовательной среде
- Акклиматизация
- Психологический стресс от разлуки с семьей
- Проблемы самооценки
- Академическое давление, особенно в период сессии
- Культурные различия

Эти данные указывают на необходимость особого внимания к психологической поддержке иностранных студентов, особенно в периоды повышенной академической нагрузки.

Выводы

Проведенное исследование демонстрирует интересную закономерность: повышенные показатели личностной тревожности характерны для студенческого контингента вне зависимости от их национальной принадлежности.

Примечательным оказался факт отсутствия корреляции между ситуативной и личностной тревожностью у преобладающей части учащихся. Это наблюдение свидетельствует о том, что студент с низкой предрасположенностью к тревожным состояниям может остро реагировать на определенные обстоятельства или происшествия.

В рамках данного исследования обнаружен парадоксальный феномен: при устойчиво высоких показателях личностной тревожности зафиксирован низкий уровень ситуативной тревожности. Вероятной причиной подобного явления выступает текущий академический контекст – предстоящая аттестация и подготовка к зимним экзаменам.

Очень высокая личностная тревожность может способствовать эмоциональным и невротическим срывам, возникновению заболеваний. В таких случаях требуется индивидуальный подход к студентам, для снижения и коррекции как личностной, так и ситуативной тревожности.

Список источников

1. Бабаев Т.М., Казаренков В.И. Особенности переживания тревожности у греческих и российских студентов // Акмеология. 2018. № 2 (66). С. 18 – 23.
2. Звенигородская М.А. Тревожность в современном обществе: определение, значение и влияние данного феномена на поведение людей // Молодой учёный. 2020. № 4 (294). С. 256 – 258.
3. Карымова О.С., Колодина И.М. Особенности проявления тревожности и стресса у мужчин и женщин с разным уровнем самооценки // АНИ: педагогика и психология. 2021. № 2 (35). С. 358 – 361.
4. Маслова Н.Н. и др. Исследование показателей выраженности тревожности и депрессии у студентов-медиков // Смоленский медицинский альманах. 2015. № 2. С. 92 – 95.
5. Маслова Т.М., Показкая А.В. Тревожность личности как фактор развития стрессоустойчивости // Азимут научных исследований: педагогика и психология. 2019. Т. 8. № 2 (27). С. 352 – 354.
6. Мещерякова Б.Г., Зинченко В.П. Большой психологический словарь. М.: Прайм-Еврознак, 2003. 667 с.
7. Михеева А.В. Особенности соотношения стрессоустойчивости и тревожности у мужчин и женщин // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Психология и педагогика. 2016. № 2. С. 84 – 90.
8. Прихожан А.М. Психология тревожности: дошкольный и школьный возраст. СПб.: Питер, 2009. Т. 192. 119 с.
9. Рахматуллина М.Р. Тревожность студентов как неотъемлемая часть процесса обучения // Человек в условиях социальных изменений: Материалы международной научно-практической конференции, Уфа, 18 апреля 2023 года. Уфа: Башкирский государственный педагогический университет им. М. Акмуллы. 2023. С. 568 – 571.
10. Утюж А.С., Юмашев А.В., Неведова И.В. Анализ состояния тревожности у студентов медицинского университета // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2016. № 3-6. С. 89 – 92.

References

1. Babaev T.M., Kazarenkov V.I. Features of experiencing anxiety in Greek and Russian students. Acmeology. 2018. No. 2 (66). P. 18 – 23.
2. Zvenigorodskaya M.A. Anxiety in modern society: definition, meaning and influence of this phenomenon on people's behavior. Young scientist. 2020. No. 4 (294). P. 256 – 258.
3. Karymova O.S., Kolodina I.M. Features of the manifestation of anxiety and stress in men and women with different levels of self-esteem. ANI: pedagogy and psychology. 2021. No. 2 (35). P. 358 – 361.
4. Maslova N.N. et al. A study of the severity of anxiety and depression in medical students. Smolensk Medical Almanac. 2015. No. 2. P. 92 – 95.
5. Maslova T.M., Pokatskaya A.V. Personality anxiety as a factor in the development of stress resistance. Azimuth of scientific research: pedagogy and psychology. 2019. Vol. 8. No. 2 (27). P. 352 – 354.
6. Meshcheryakova B.G., Zinchenko V.P. Big psychological dictionary. Moscow: Prime-Euroznak, 2003. 667 p.
7. Mikheeva A.V. Features of the relationship between stress resistance and anxiety in men and women. Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: Psychology and pedagogy. 2016. No. 2. P. 84 – 90.
8. Prikhodzhan A.M. Psychology of anxiety: preschool and school age. SPb.: Piter, 2009. Vol. 192. 119 p.
9. Rakhmatullina M.R. Students' anxiety as an integral part of the learning process. Man in the conditions of social changes: Proceedings of the international scientific and practical conference, Ufa, April 18, 2023. Ufa: Bashkir State Pedagogical University named after M. Akmulla. 2023. P. 568 – 571.
10. Utyuzh A.S., Yumashev A.V., Nefedova I.V. Analysis of the state of anxiety in students of the medical university. Actual problems of humanitarian and natural sciences. 2016. No. 3-6. P. 89 – 92.

Информация об авторах

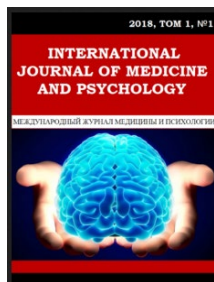
Шаренкова Л.А., кандидат биологических наук, доцент, Северный государственный медицинский университет, 163001, г. Архангельск, Проспект Троицкий, 51

Горянная Н.А., старший преподаватель, Северный государственный медицинский университет, 163001, г. Архангельск, Проспект Троицкий, д. 51

Смолина В.С., кандидат медицинских наук, доцент, Северный государственный медицинский университет, 163001, г. Архангельск, Проспект Троицкий, д. 51

Мищенко И.В., кандидат педагогических наук, доцент, Северный Арктический федеральный университет имени М.В. Ломоносова, 163001, г. Архангельск, Набережная Северной Двины, д. 17

© Шаренкова Л.А., Горянная Н.А., Смолина В.С., Мищенко И.В., 2025

Научно-исследовательский журнал «International Journal of Medicine and Psychology / Международный журнал медицины и психологии»

<https://ijmp.ru>

2025, Том 8, № 4 / 2025, Vol. 8, Iss. 4 <https://ijmp.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.3.1. Общая психология, психология личности, история психологии (психологические науки)

УДК 316.624

¹ Педич Г.Г.,

¹ Исакович Е.И.,

¹ Московский инновационный университет

Феномен девиантного проявления в конце XIX – XX веках

Аннотация: в статье рассматривается феномен девиантного поведения в контексте социальных, политических и культурных трансформаций конца XIX–XX века. Анализ охватывает три ключевых периода: конец XIX века, первую и вторую половину XX века. Особое внимание уделяется как деструктивным, так и конструктивным формам девиантности, включая преступность, политический радикализм, культурные и научные новаторства. Теоретической основой исследования выступают концепции социальной аномии Э. Дюркгейма и Р. Мертон, а также подходы, основанные на теориях стигматизации и социальной нормы. Статья подчеркивает, что девиантность – это не только отклонение, угрожающее стабильности общества, но и форма социального развития, связанная с нарушением устоявшихся норм ради инноваций и преобразований. Через анализ исторических примеров из России, Европы и США автор показывает, как девиантное поведение отражает кризисы эпохи и в то же время стимулирует общественные изменения. Работа основана на междисциплинарном подходе и опирается на труды российских и зарубежных исследователей, предлагая целостный взгляд на девиантность как социокультурное явление.

Ключевые слова: девиантное поведение, девиантность, научный подход, исторические события, феномен девиантности

Для цитирования: Педич Г.Г., Исакович Е.И. Феномен девиантного проявления в конце XIX – XX веках // International Journal of Medicine and Psychology. 2025. Том 8. № 4. С. 201 – 207.

Поступила в редакцию: 16 февраля 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 14 апреля 2025 г.; Принята к публикации: 22 мая 2025 г.

¹ Pedich G.G.,

¹ Isakovich E.I.,

¹ Moscow Innovation University

The phenomenon of deviant manifestation in the late 19th – 20th centuries

Abstract: this article explores the phenomenon of deviant behavior in the context of social, political, and cultural transformations from the late 19th to the 20th century. The analysis focuses on three key periods: the late 19th century, and the first and second halves of the 20th century. Particular attention is paid to both destructive and constructive forms of deviance, including crime, political radicalism, cultural resistance, and scientific innovation. The theoretical framework is based on the concepts of social anomie by É. Durkheim and R. Merton, as well as theories of stigmatization and social norms. The article emphasizes that deviance is not only a threat to societal stability but also a form of social progress that challenges existing norms to promote innovation and transformation. Through historical examples from Russia, Europe, and the United States, the author demonstrates how deviant behavior reflects the crises of an era while simultaneously catalyzing societal change. The study uses an interdisciplinary approach and draws on works by Russian and international scholars, offering a comprehensive perspective on deviance as a sociocultural phenomenon.

Keywords: deviant behavior, deviance, scientific approach, historical events, phenomenon of deviance

For citation: Pedich G.G., Isakovich E.I. The phenomenon of deviant manifestation in the late 19th – 20th centuries. International Journal of Medicine and Psychology. 2025. 8 (4). P. 201 – 207.

The article was submitted: February 16, 2025; Approved after reviewing: April 14, 2025; Accepted for publication: May 22, 2025

Введение

Феномен девиантного поведения на протяжении истории представляет собой сложный и многогранный социальный процесс, тесно связанный с изменениями в экономической, политической и культурной сферах общества. Девиантность, понимаемая как отклонение от нормативных ожиданий, охватывает широкий спектр проявлений – от преступности и алкоголизма до политического инакомыслия и контркультурных движений. В разные исторические периоды формы и масштабы девиантности существенно изменялись, что было обусловлено трансформацией общественных институтов, изменением системы ценностей и характера социальной стратификации. Конец XIX-XX век стали эпохой интенсивных социальных преобразований, неизбежно повлиявших на структуру и динамику девиантного поведения. Промышленная революция, урбанизация, массовая миграция, мировые войны, революции, развитие тоталитарных режимов и формирование глобального информационного общества – все эти факторы оказывали влияние на восприятие и проявление девиантности. Одновременно с этим изменялись и научные подходы к изучению данного феномена, формируя междисциплинарное исследовательское поле, включающее социологические, психологические, криминологические и философские аспекты. Одним из ключевых теоретических подходов к анализу девиантности является концепция социальной аномии, предложенная Э. Дюркгеймом [10]. Согласно этой теории, разрушение традиционных социальных норм приводит к увеличению числа девиантных проявлений. Впоследствии Р. Мертон [14] развил эту идею, рассматривая девиантное поведение как следствие рассогласования между культурными целями общества и доступными средствами их достижения. Значительный вклад в изучение девиантности внесли также исследования Г. Беккера [1], посвященные стигматизации и роли социальных групп в определении норм и отклонений, а также работы Я. Гилинского [4; 5], анализировавшего феномен девиантности в российском обществе. Настоящее исследование направлено на анализ особенностей девиантного поведения в конце XIX-XX веках, с акцентом на три ключевых периода: конец XIX века, первую и вторую половину XX века. Особое внимание уделяется не только криминальным формам девиан-

ности, но и социальным, политическим и культурным девиациям, обусловленным трансформацией общественного устройства. Исследование опирается на труды российских и зарубежных ученых, а также на конкретные исторические примеры, позволяющие раскрыть динамику и факторы, влияющие на характер девиантного поведения в разные эпохи.

Материалы и методы исследований

Данное исследование носит теоретико-аналитический характер и основано на междисциплинарном подходе, сочетающем социологические, исторические, культурологические и философские перспективы. В качестве методологической базы использованы методы сравнительно-исторического анализа, позволяющие выявить особенности девиантного поведения в различные исторические периоды – конец XIX, первая и вторая половина XX века. Основу источниковой базы составили труды отечественных и зарубежных ученых, включая классические социологические теории Э. Дюркгейма, Р. Мертона и Г. Беккера, а также работы российских исследователей, таких как Я. И. Гилинский и А. А. Герцензон. Анализ конкретных исторических примеров девиантного поведения (преступность, политические радикальные движения, культурные и научные формы девиации) осуществлялся с привлечением исторических хроник, мемуарной литературы и современных аналитических обзоров, что позволило выявить как деструктивные, так и конструктивные проявления девиантности в контексте социальных трансформаций.

Результаты и обсуждения

В конце XIX века процессы урбанизации и промышленного развития привели к трансформации социальной структуры, что повлекло за собой изменение форм девиантного поведения. В России этот период характеризовался ростом преступности в крупных городах, увеличением числа политических радикалов и появлением новых социальных движений. Во всем мире аналогичные процессы сопровождались усилением анархистских движений, протестами рабочих и распространением криминальной активности в условиях стремительного роста мегаполисов [9]. В российских городах конца XIX века одной из наиболее заметных форм отрицательной девиантности стала организованная преступность. В Санкт-Петербурге и

Москве действовали профессиональные воровские сообщества, специализировавшиеся на квартирных кражах, мошенничестве и уличных ограблениях. Преступные группировки контролировали нелегальные рынки и активно противостояли полиции. Ситуация усугублялась тем, что в условиях слабого правового регулирования преступность часто переплеталась с коррупцией в государственных структурах [2]. В Европе схожие процессы наблюдались в Лондоне и Париже, где в бедных районах процветали преступные сообщества, а уровень насильственных преступлений оставался высоким. В США к этому времени сформировались первые организованные криминальные синдикаты, связанные с незаконной торговлей алкоголем и контрабандой. Особый резонанс в международной прессе вызвал «Джек-потрошитель», совершавший жестокие убийства в лондонском районе Уайтчепел, что стало примером девиантного поведения, вызывавшего широкий общественный резонанс. Помимо криминальных проявлений, важным аспектом девиантности в конце XIX века стали радикальные политические движения. В России этот период ознаменовался активностью народолюбцев, организовавших покушения на представителей власти, включая убийство императора Александра II в 1881 году. В Европе аналогичными проявлениями стали анархистские теракты, такие как убийство президента Франции Сади Карно в 1894 году и покушение на австрийскую императрицу Елизавету. Эти события свидетельствовали о нарастающем социальном напряжении и кризисе традиционных форм государственной власти [5]. Однако девиантность этого периода проявлялась не только в деструктивных формах, но и в позитивных изменениях, способствующих развитию общества. Одним из примеров положительной девиантности стало распространение революционных научных идей, которые поначалу воспринимались как вызов традиционной морали. В России работы Дмитрия Менделеева по систематизации химических элементов или исследования Ивана Павлова в области физиологии были примерами научного поиска, выходящего за пределы принятых догм. В Европе аналогичные тенденции проявились в работах Зигмунда Фрейда, который предложил радикально новый взгляд на человеческую психику, вызвавший неоднозначную реакцию общества. Еще одной формой положительной девиантности стала деятельность общественных реформаторов. В России такие деятели, как Лев Толстой, пропагандировали идеи ненасильственного сопротивления, отказа от материальных благ и равенства. Его идеи вдохновили целые движения, такие как толстовцы, члены ко-

торых сознательно нарушали установленные социальные нормы ради реализации гуманистических идеалов. В Европе аналогичную роль сыграли борцы за права женщин, такие, как Эммелин Панкхерст, возглавившая движение суфражисток, которое в начале XX века привело к значительным изменениям в политической системе. Таким образом, конец XIX века стал временем, когда девиантность проявлялась как в разрушительных, так и в конструктивных формах. С одной стороны, рост преступности, терроризм и радикальные политические движения дестабилизировали общество, с другой – научные открытия, реформаторские движения и новые культурные течения способствовали прогрессу. Эти процессы были характерны не только для России, но и для мировой истории, что позволяет говорить о девиантности как о явлении, тесно связанном с социальными трансформациями.

Первая половина XX века стала эпохой глобальных социальных потрясений, способствовавших новым формам девиантности. Великие войны, революции, экономические кризисы и научные открытия привели к радикальным изменениям в социальных нормах, культуре и политике. Одним из ключевых примеров научной девиантности стало развитие концепции социальной аномии Робертом Мертоном, который в 1938 году уточнил идеи Эмиля Дюркгейма о структурных противоречиях, ведущих к девиантному поведению [14]. В СССР и на Западе формировались разные подходы к исследованию девиантности: советская социология рассматривала отклонения через призму классовой борьбы, тогда как западные теории акцентировали внимание на социальных факторах преступности [2, 4]. В этот же период в России изучалась преступность в условиях военного коммунизма, о чем писал А.А. Герцензон [3]. В культуре девиантность проявлялась в искусстве авангарда, направленном на разрушение традиционных эстетических норм. Движения дадаизма и сюрреализма 1920-30-х годов бросали вызов буржуазным ценностям и рациональности. В СССР репрессии против авангардистов, таких как Казимир Малевич, стали примером борьбы власти с культурной девиантностью [6]. Политическая девиантность первой половины XX века проявлялась в форме революционных движений и тоталитарных режимов. В СССР любое отклонение от коммунистической идеологии рассматривалось как преступное, что привело к массовым репрессиям и созданию системы ГУЛАГа [9]. В Германии 1930-х годов нацистская идеология, основанная на расовых теориях и антисемитизме, также представляла собой форму девиантного мировоззрения, радикаль-

но изменившего социальные нормы [10]. Первая половина XX века продемонстрировала, что девиантность не всегда носит разрушительный характер. В науке она приводила к появлению новых теорий, в культуре – к инновационным формам искусства, а в политике – к радикальным изменениям. Однако в условиях тоталитарных режимов любые формы девиации подвергались жесткому контролю, что способствовало формированию авторитарных моделей социальной нормы. Ярким примером позитивной девиантности в первой половине XX века стал подвиг Валерия Чкалова. В 1937 году его экипаж совершил беспосадочный перелет через Северный полюс, нарушив устоявшиеся представления о возможностях авиации. Чкалов и его команда воплотили дух новаторства и героизма, что сделало их символами советской авиации [6]. Во время Великой Отечественной войны феномен героической девиантности проявился в самоотверженности советских солдат. Защитники Сталинграда, например, в экстремальных условиях не только удерживали оборону, но и переломили ход войны. Партизанское движение на оккупированных территориях можно рассматривать как форму социального сопротивления, в рамках которого гражданское население сознательно нарушало предписанные оккупационными властями нормы, ведя борьбу в тылу врага [9]. Одним из символов стойкости советского народа стал блокадный Ленинград. В условиях голода и постоянных бомбардировок жители проявляли невероятное мужество. Работавшая в городе радиостанция не только служила источником информации, но и поддерживала моральный дух населения, став важным фактором психологического сопротивления [9]. Эти примеры демонстрируют, что девиантность в социальной и культурной среде первой половины XX века не всегда носила деструктивный характер. В условиях войны, кризиса и научных открытий она становилась источником прорывов, героических поступков и общечеловеческих трансформаций.

Во второй половине XX века феномен девиантности приобрел новые формы, связанные с научными прорывами, борьбой за права человека и изменением культурных норм. Одним из наиболее значимых событий этого периода стал полет Юрия Гагарина в 1961 году. Выйдя за пределы земной атмосферы, Гагарин стал символом научного и технологического прорыва. Его полет нарушил привычные представления о границах человеческих возможностей, открыв новую эру освоения космоса. Это стало возможным благодаря развитию советской науки и стремлению к преодолению установленных норм. После полета Юрия Га-

гарина дальнейшее развитие космической программы привело к первому выходу человека в открытый космос (1965), посадке на Луну (1969) и созданию орбитальных станций. Эти события нарушали границы привычного и демонстрировали возможности человечества [6]. В США одним из примеров социально-политической девиантности стала деятельность Мартина Лютера Кинга. В 1950–60-х годах он возглавил движение за гражданские права афроамериканцев, пропагандируя ненасильственное сопротивление расовой дискриминации. Его методы противостояли официальной политике сегрегации, что сделало его фигуру ключевой в изменении социальных норм в США. Итогом этого движения стало принятие Закона о гражданских правах в 1964 году [10]. Культурные изменения второй половины XX века также можно рассматривать как форму девиантности. Движение контркультуры 1960-х годов, включающее протесты против войны во Вьетнаме, развитие феминизма и сексуальной революции, бросало вызов традиционным ценностям западного общества. В СССР, несмотря на официальный контроль, возникали неформальные движения – от подпольных рок-групп до диссидентского самиздата, ставших символами культурного сопротивления [21]. В научной сфере происходили революционные изменения. Развитие теории хаоса, кибернетики и генетики привело к пересмотру многих фундаментальных представлений. Например, работы Джеймса Уотсона и Фрэнсиса Крика по расшифровке структуры ДНК в 1953 году стали научной девиацией в позитивном смысле, радикально изменив подход к биологии и медицине [12].

Вторая половина XX века показала, что девиантность может становиться двигателем прогресса, способствуя социальным, культурным и научным трансформациям. В СССР 1970–80-х годов формировалась диссидентская культура. Литература, философия и музыка становились инструментами сопротивления. В музыке советский рок представлял собой форму девиантного поведения в культурном пространстве [21]. В 1980-х годах значительную роль сыграло развитие информационных технологий. Создание персонального компьютера, появление интернета в конце 1980-х – начале 1990-х годов можно рассматривать как технологическую девиацию, ломавшую традиционные коммуникационные барьеры [12]. Конец XX века был также временем социальных революций. Распад СССР, падение Берлинской стены (1989) и демократические изменения в Восточной Европе стали примерами социальных девиаций, разрушивших устоявшиеся государственные системы и давших начало новым формам общественного

устройства [16]. Таким образом, вторая половина XX века показала, что девиантные проявления могут служить катализатором перемен, способствуя научному, культурному и социальному прогрессу.

Выводы

Феномен девиантности в конце XIX – XX веках проявлялся в различных сферах общества, включая как разрушительные, так и конструктивные формы отклоняющегося поведения. В конце XIX – начале XX века девиантность часто ассоциировалась с преступностью, революционными движениями и изменениями в социальной структуре общества. В этот период оформились теоретические основы изучения девиантности, заложились подходы к ее анализу в социологии, психологии и криминологии [2, 4, 10]. Первая половина XX века ознаменовалась масштабными социальными потрясениями: мировыми войнами, тоталитарными режимами, а также героическими примерами девиантного поведения, связанными с борьбой за

выживание и сопротивление агрессии. Подвиги советских солдат, деятельность партизан, защита Сталинграда и мужество блокадников стали примерами позитивной девиации, проявлявшейся в условиях экстремальных исторических событий [6]. Во второй половине XX века социальные формы девиантности начали принимать новые выражения, связанные с научными открытиями, политическими движениями и культурными трансформациями. Космическая программа, диссидентское движение в СССР, борьба за гражданские права в США, падение Берлинской стены и технологическая революция стали примерами позитивной девиации, способствовавшей прогрессу [12; 16; 21]. Таким образом, девиантность в этот период выступала не только как социальная проблема, но и как фактор развития общества, изменяющий нормы, расширяющий границы возможного и формирующий новые социальные и культурные тенденции.

Список источников

1. Беккер Г. Аутсайдеры: исследования по социологии девиантности. Москва: Издательский дом Высшей школы экономики, 2014. 273 с.
2. Гернет М.Н. Социальные факторы преступности. М., 1916. 203 с.
3. Герцензон А.А. Московская преступность в период военного коммунизма // Преступники и преступность. Сб. II. М., 1927. С. 365 – 387.
4. Гилинский Я.И. Девиантология: социология преступности, наркотизма, проституции, самоубийств и других отклонений. Санкт-Петербург: Юридический центр Пресс, 2004. 520 с.
5. Гилинский Я. Социальный контроль над девиантностью в современной России: Теория, история, перспективы // Социальный контроль над девиантностью в современной России СПб., 1998. 634 с.
6. Гончарова О.В. Повседневная жизнь провинциального российского города на рубеже XIX-XX вв.: на материалах Нижнего Поволжья: дис. ... канд. историч. наук. Астрахань, 2007. 203 с.
7. Гофман Э. «Стигма: заметки об управлении испорченной идентичностью». Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 2003. 52 с.
8. Фромм Э. Анатомия человеческой деструктивности. М., 1994. 447 с.
9. Гилинский Я., Афанасьев В., Бараева Н. Девиантность и социальный контроль в России (XIX-XX вв.): тенденции и социологическое осмысление. СПб., 2000. 384 с.
10. Дюркгейм Э. Самоубийство: социологическое исследование. Москва: Мысль, 1994. 339 с.
11. Змановская Е.В. Девиантология: Психология отклоняющегося поведения: учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. М.: Академия, 2003. 288 с.
12. Каннер М.С. Социальные девиации: социологический анализ. Москва: Академический проект, 2006. 462 с.
13. Мастюгина Т.М. Русский город, гражданское общество и рынок (исторические предпосылки современных урбанизационных процессов). Москва, 1992. 376 с.
14. Мертон Р.К. Социальная структура и аномия // Американская социологическая мысль: тексты. Москва: Издательство Московского университета, 1994. С. 207 – 239.
15. Миронов Б.Н. Русский город в 1740-1860-е годы: демографическое, социальное и экономическое развитие. Ленинград, 1990. 276 с.
16. Миронов Б. Н. «Социальная история России периода империи (XVIII – начала XX в.): генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства: в 2 т. Санкт-Петербург, 2000. Т. 2. 587 с.
17. Пулькин М.В. Девиантное поведение в XVIII – начале XX в. [Электронный ресурс] // Культурно-историческая психология. 2008. Т. 4. № 2. С. 84 – 90. URL: https://psyjournals.ru/journals/chp/archive/2008_n2/Pulkin (дата обращения: 05.01.2025)

18. Рахматуллин Э.С., Хабриев Р.Ф. Девиантное поведение как социальная проблема. Казань, 2004. 184 с.
19. Романова О.Е. Деятельность городского самоуправления Нижнего Поволжья в решении хозяйственных и социальных вопросов в 1870-1914 гг.: дис. канд. ист. наук. Астрахань, 2003. 223 с.
20. Рындзюнский П.Г. Городское гражданство пореформенной России. Москва, 1958. 559 с.
21. Рывкин А.И. Андерграунд в СССР: от революции до перестройки. Москва: Новое литературное обозрение, 2010. 150 с.
22. Ясперс К. Духовная ситуация времени. Москва: Республика, 1991. 288 с.

References

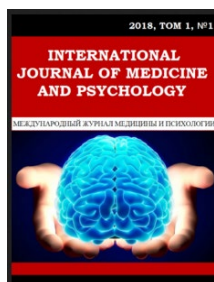
1. Becker G. Outsiders: Research in the Sociology of Deviance. Moscow: Publishing House of the Higher School of Economics, 2014. 273 p.
2. Gernet M.N. Social Factors of Crime. Moscow, 1916. 203 p.
3. Gertsenzon A.A. Moscow Crime during War Communism. Criminals and Crime. C6. II. Moscow, 1927. P. 365 – 387.
4. Gilinsky Ya.I. Deviantology: Sociology of Crime, Drug Addiction, Prostitution, Suicides, and Other Deviations. St. Petersburg: Legal Center Press, 2004. 520 p.
5. Gilinsky Ya. Social control over deviance in modern Russia: Theory, history, prospects. Social control over deviance in modern Russia St. Petersburg, 1998. 634 p.
6. Goncharova O.V. Everyday life of a provincial Russian city at the turn of the XIX-XX centuries: based on the materials of the Lower Volga region: dis. ... candidate of historical sciences. Astrakhan, 2007. 203 p.
7. Goffman E. "Stigma: notes on the management of damaged identity". Yekaterinburg: Publishing House of the Ural University, 2003. 52 p.
8. Fromm E. Anatomy of human destructiveness. Moscow, 1994. 447 p.
9. Gilinsky Ya., Afanasyev V., Baraeva N. Deviance and social control in Russia (19th-20th centuries): trends and sociological understanding. St. Petersburg, 2000. 384 p.
10. Durkheim E. Suicide: a sociological study. Moscow: Mysl, 1994. 339 p.
11. Zmanovskaya E.V. Deviantology: Psychology of deviant behavior: a textbook for students of higher educational institutions. Moscow: Academy, 2003. 288 p.
12. Kanner M.S. Social deviations: a sociological analysis. Moscow: Akademicheskyy proekt, 2006. 462 p.
13. Mastuygina T.M. Russian city, civil society and market (historical prerequisites for modern urbanization processes). Moscow, 1992. 376 p.
14. Merton R.K. Social structure and anomie. American sociological thought: texts. Moscow: Moscow University Publishing House, 1994. Pp. 207 – 239.
15. Mironov B.N. Russian city in the 1740-1860s: demographic, social and economic development. Leningrad, 1990. 276 p.
16. Mironov B.N. "Social history of Russia during the empire period (XVIII – early twentieth century): genesis of personality, democratic family, civil society and rule of law: in 2 volumes. St. Petersburg, 2000. Vol. 2. 587 p.
17. Pulkin M.V. Deviant behavior in the XVIII – early twentieth centuries. [Electronic resource]. Cultural and historical psychology. 2008. Vol. 4. No. 2. P. 84 – 90. URL: https://psyjournals.ru/journals/chp/archive/2008_n2/Pulkin (date of access: 05.01.2025)
18. Rakhmatullin E.S., Khabriev R.F. Deviant behavior as a social problem. Kazan, 2004. 184 p.
19. Romanova O.E. Activities of urban self-government of the Lower Volga region in solving economic and social issues in 1870-1914: dis. candidate of historical sciences. Astrakhan, 2003. 223 p.
20. Ryndzyunsky P.G. Urban citizenship of post-reform Russia. Moscow, 1958. 559 p.
21. Ryvkin A.I. Underground in the USSR: from revolution to perestroika. Moscow: New literary review, 2010. 150 p.
22. Jaspers K. Spiritual situation of the time. Moscow: Republic, 1991. 288 p.

Информация об авторах

Педич Г.Г., аспирант, Московский инновационный университет, fenix66@rambler.ru

Исакович Е.И., кандидат социологических наук, доцент, Московский инновационный университет, elena.isakovich@mail.ru

© Педич Г.Г., Исакович Е.И., 2025

Научно-исследовательский журнал «International Journal of Medicine and Psychology / Международный журнал медицины и психологии»

<https://ijmp.ru>

2025, Том 8, № 4 / 2025, Vol. 8, Iss. 4 <https://ijmp.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.3.3. Психология труда, инженерная психология, когнитивная эргономика (психологические науки)

УДК 159.922

¹ *Стебакова Д.А.,*

¹ *Московский международный университет*

Специфика временного восприятия и управления временем жизни в среднем возрасте, в зависимости от доминирующего статуса эго-идентичности

Аннотация: в статье исследуются различные аспекты временного восприятия и управления временем в среднем возрасте, во взаимосвязи с доминирующим статусом эго-идентичности. В работе применены объективные методы психодиагностики (тестирование). В исследовании было показано преобладание автономного статуса эго-идентичности у лиц среднего возраста, что говорит о том, что большая часть испытуемых достигла существенного уровня личностной зрелости. Было показано, что каждому типу эго-идентичности соответствует специфическое сочетание умений по наполнению времени событиями и по управлению временем. Было показано, что наполненность времени жизни разнообразными событиями обуславливает возникновение субъективного ощущения ускорения времени жизни, тогда как «пустота жизни», низкая событийность времени, – напротив, усиливает субъективное ощущение замедленности в течении времени. Было также выявлено, что внутренняя детерминация в управлении временем жизни - повышает субъективное ощущение замедления хода течения времени, так как человек лично и творчески вовлекается в каждый момент своей жизни и наполняет свою жизнь значимыми для него событиями, а также контролирует течение своей жизни.

Ключевые слова: временное восприятие, статус эго-идентичности, внутренняя детерминация в управлении временем, событийность времени, субъективное ускорение времени, сферы жизни в распределении времени, личностная включенность в управление временем

Для цитирования: Стебакова Д.А. Специфика временного восприятия и управления временем жизни в среднем возрасте, в зависимости от доминирующего статуса эго-идентичности // International Journal of Medicine and Psychology. 2025. Том 8. № 4. С. 208 – 216.

Поступила в редакцию: 17 февраля 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 15 апреля 2025 г.; Принята к публикации: 22 мая 2025 г.

¹ *Stebakova D.A.,*

¹ *Moscow International University*

The specifics of time perception and management of life time in middle age, depending on the dominant status of ego identity

Abstract: the article examines various aspects of time perception and time management in middle age, in relation to the dominant status of ego identity. Objective methods of psychodiagnostics (testing) are used in the work. The study showed the predominance of the autonomous status of ego identity in middle-aged people, which suggests that most of the subjects have reached a significant level of personal maturity. It has been shown that each type of ego-identity corresponds to a specific combination of skills in filling time with events and time management. It has been shown that the abundance of life time with various events causes the emergence of a subjective feeling of acceleration of life time, whereas the "emptiness of life", low eventfulness of time, on the contrary, enhances the subjective feeling of slowness over time. It was also revealed that internal determination in life time management increases the subjective feeling of slowing down the passage of time, as a person is personally and

creatively involved in every moment of his life and fills his life with significant events for him, as well as controls the course of his life.

Keywords: time perception, ego identity status, internal determination in time management, eventfulness of time, subjective acceleration of time, spheres of life in time distribution, personal involvement in time management

For citation: Stebakova D.A. The specifics of time perception and management of life time in middle age, depending on the dominant status of ego identity. International Journal of Medicine and Psychology. 2025. 8 (4). P. 208 – 216.

The article was submitted: February 17, 2025; Approved after reviewing: April 15, 2025; Accepted for publication: May 22, 2025

Введение

Актуальность исследования: личностному отношению ко времени жизни всегда уделялось существенное внимание, как в психологических, так и в философских исследованиях. Были созданы различные типологии в русле разных подходов к анализу проблемы планирования времени жизни (Абульханова Славская К.А. [1], Ковалев В.В. [3], Серенкова В.Ф. [10]).

Очевидна взаимосвязь отношения ко времени жизни с хронологическим и психологическим возрастом человека. Психологический возраст субъекта, во многом, зависит от уровня его личностной зрелости, которая определяется доминирующим статусом эго-идентичности. Хронологический возраст также оказывает существенное влияние, как на временное восприятие, так – и на отношение субъекта ко времени жизни [5, 8, 9].

Средний возраст, по мнению многих исследователей, является наиболее продуктивным периодом жизни человека, когда субъект уже может обрести личностную, социальную и профессиональную идентичность, у него – еще много планов на жизнь и – достаточно сил и времени на их реализацию. В этом смысле, средний возраст – оптимальный возрастной период для определения степени личностной зрелости человека, для изучения его способности к управлению своим временем и своей жизнью, в целом.

Материалы и методы исследований

В исследовании участвовало 30 человек среднего возраста: 20 женщин и 10 мужчин, в возрасте от 30 до 40 лет. Было применено 5 объективных психодиагностических методик: тест Эго-идентичности Е.Л. Солдатовой; тест на восприятие времени «Субъективная минута» (М.Е. Литвак); методика «Временные ориентации» (В.Ф. Серенкова); методика на изучение пространства самореализации М.Р. Гинзбурга; опросник «Временной перспективы» Ф. Зимбардо. Статистическая обработка данных проводилась с помощью программы Statistica10, были применены следующие статистические критерии: однофакторный дисперсионный анализ, корреляционный анализ, метод анализа средних, процентный метод. Основной целью исследования было выявление закономерностей временного восприятия, а также специфики ценностного отношения к разным сферам жизни в среднем возрасте, в зависимости от доминирующего статуса эго-идентичности.

Результаты и обсуждения

Результаты показали, что в среднем возрасте у испытуемых преобладает автономный статус эго-идентичности (45%), примерно у трети испытуемых наблюдается – предрешенный статус (32%), а у наименьшей части испытуемых выявлен диффузный статус эго-идентичности (23%).

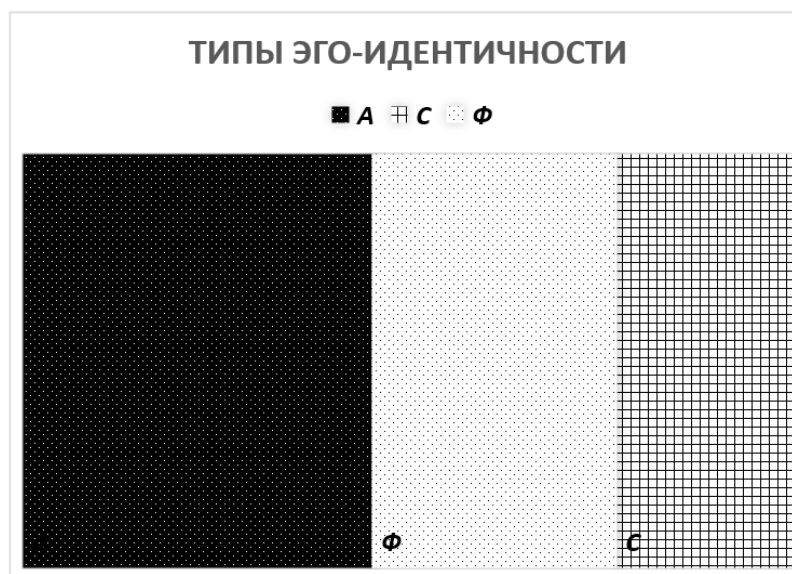

Рис. 1. Статусы эго-идентичности в среднем возрасте. Примечание: А – достигнутая идентичность, Ф – предрешенная, С – диффузная.

Fig. 1. Statures of ego identity in middle age. Note: A – achieved identity, F – predetermined, C – diffuse.

Полученные результаты говорят о том, что примерно половина лиц среднего возраста обладает достаточно высокой степенью личностной зрелости и само-тождественности.

На следующем этапе был проведен корреляционный анализ для определения взаимосвязей между статусами эго-идентичности и ценностно-смысловыми аспектами временного восприятия испытуемых.

Взаимосвязь статуса эго-идентичности с перцептивными и ценностно-смысловыми аспектами временного восприятия.

Таблица 1

Table 1

The relationship of ego-identity status with perceptual and value-semantic aspects of temporal perception.

	Кол-во человек	Коэф-т корреляции – R	р-уровень значимости
Достигнутая И. & творчество	30	0,57	<0,01
Предрешенная И. & профессиональная сфера	30	0,35	=0,05
Предрешенная И. & личная жизнь	30	0,36	<0,05
Предрешенная И. & творчество	30	-0,45	<0,01
Предрешенная И. & субъективное замедление времени	30	-0,43	<0,01
Предрешенная И. & субъективное ускорение времени	30	0,43	<0,01

Примечание: в таблице приведены корреляции Спирмена и отображены только статистически значимые взаимосвязи.

Note: The table shows Spearman's correlations and shows only statistically significant correlations.

В таблице показано, что испытуемые с достигнутым статусом эго-идентичности больше времени тратят на творческие виды деятельности, тогда как испытуемые с предрешенным статусом эго-идентичности – на личную жизнь и профессиональную сферу жизни и, меньше всего, – на творческую сферу.

Кроме того, интересным фактом, выявленным в исследовании, оказалось то, что для испытуемых с

предрешенным статусом эго-идентичности – более характерно субъективное ощущение ускорения времени. Вероятней всего, данный факт говорит о том, что лица с предрешенным типом эго-идентичности наполняют свою жизнь разнообразными событиями, как в личной жизни, так и в профессиональной, ставят себе многочисленные цели и стремятся к их реализации. Однако данные события их жизни оказываются слабо соотнесен-

ными с их истинными потребностями и индивидуальными интересами, а, во многом, оказываются продиктованными требованиями среды, окружения, общества. Лица данного типа не соотносят собственные интересы с желаниями и требованиями окружения, зачастую, даже не задумываясь о наличии собственных приоритетов в поведении и целеполагании. Причем, это происходит неосознанно, ввиду наличия у данного типа испытываемых ярко выраженной психологической защиты,

по типу интроекции.

Лица с автономным типом эго-идентичности, напротив, привыкли соотносить требования и ожидания окружения со своими собственными ценностями и интересами, поэтому их деятельность в разных сферах жизни отличается высокой личностной включенностью, осознанностью, опосредованностью индивидуальными мотивами и смыслами.

Таблица 2

Влияние статуса эго-идентичности на перцептивные и ценностно- смысловые аспекты временного восприятия.

Table 2

The influence of ego-identity status on the perceptual and value-semantic aspects of temporal perception.

	Значение F	P – уровень значимости
Хобби	4,7*	0,02
Творчество	5,0 *	0,02
Субъективное замедление времени	3,0	0,07
Субъективное ускорение времени	3,0	0,07

Примечание: в таблице приведены только существенные результаты однофакторного дисперсионного анализа, при этом * помечены статистически значимые результаты.

Note: the table shows only the significant results of the univariate analysis of variance, with * marked statistically significant results.

В таблице показано, что статус эго-идентичности определяет ценность творческих сфер жизни, а также влияет на субъективное восприятие скорости времени жизни, на статистическом уровне, близком к значимому.

На рис. 2 показано, как именно статус эго-идентичности может определять ценность той или иной сферы жизни испытуемых в среднем возрасте. Так, на рисунке видно, что испытуемые с автономным статусом эго-идентичности больше

времени тратят на творческие виды деятельности, общественную работу и досуг; испытуемые с предрешенным статусом эго-идентичности - больше времени тратят на профессиональную сферу жизни, семейную и сферу личной жизни; тогда как респонденты с диффузным статусом эго-идентичности- показали наименьшую активность в большинстве сфер жизни. Единственная сфера, которой они уделяют больше внимания, это – физкультура (фитнес).

Рис. 2. Ценность сфер жизни, в зависимости от статуса эго-идентичности (средние показатели).

Fig. 2. The value of spheres of life, depending on the status of ego-identity (average indicators).

На основании результатов однофакторного анализа, представленного выше, можно заключить, что статус эго-идентичности определяет выбор тех сфер жизни, в которых респонденты преимущественно самореализуются.

Так, респонденты с автономной идентичностью самореализуются, прежде всего, в творческих и социальных сферах жизни, у них наблюдается внутренне-детерминированное управление временем жизни, когда первостепенными являются собственные внутренние потребности и интересы, которые инициируют и направляют их самореализацию в социальной среде, в том или ином, русле. Иными словами, что бы ни делал субъект с автономной идентичностью, его деятельность - всегда лично- опосредована, мотивирована его индивидуальными желаниями и интересами. В то же время, данный тип респондентов уделяет больше внимания сферам общественной работы и помощи людям, что говорит о том, что он умеет соотносить свои внутренние потребности с требованиями окружения и социума. Социальная направленность и общественная значимость деятельности субъекта, как известно, является одним из важных индикаторов уровня самореализации личности [7].

Испытуемые с предрешенным статусом эго-идентичности больше времени тратят на профессиональную и семейную сферы жизни, сферу личной жизни, обучения и общения. Данный тип респондентов склонен наполнять свою жизнь разнообразными событиями, без проведения предварительной оценки их индивидуальной значимости

для своей жизни. Иными словами, данный тип испытуемых распределяет свое время, ориентируясь, в основном, на требования и ожидания значимого окружения, а не на свои собственные потребности и интересы. Это приводит к преобладанию внешне-детерминированного типа управления временем, когда время тратится на те сферы жизни, какие «нужно», «принято» или «модно» в значимой социальной среде, без глубокой личностной и творческой включенности субъекта в деятельность в той или иной сфере жизни.

И, наконец, респонденты с диффузным статусом эго-идентичности не отличаются высокой мотивацией, ни к творческим видам деятельности, ни к видам деятельности, мотивированным долгом или необходимостью, что сказывается на формировании у них узкого и ограниченного пространства самореализации. Иными словами, у данного типа испытуемых нет ни мотивации к личностному росту и самовыражению, ни мотивации к выполнению требований значимого окружения, с целью соответствия его ожиданиям. Вместе с тем, испытуемые данного типа -тратят достаточно много времени на сферу досуга и фитнеса, однако эти увлечения носят, скорее, гедонистический характер и, скорее всего, они выполняют функции снятия напряжения или отвлечения от повседневной рутины.

На рис. 3 показаны различия между респондентами с разными статусами эго-идентичности в субъективном восприятии скорости течения времени жизни.

Рис. 3. Субъективное восприятие скорости течения времени, в зависимости от статуса эго-идентичности (средние показатели).

Fig. 3. Subjective perception of the speed of the passage of time, depending on the status of ego-identity (average values).

На рисунке видно, что субъективное ощущение ускорения времени жизни – более характерно для испытуемых с предрешенным статусом эго-идентичности, тогда как субъективное ощущение замедления течения времени жизни – более характерно для респондентов с диффузным типом эго-идентичности. Данный факт говорит о том, что время, наполненное разнообразными событиями, воспринимается субъективно, более быстрым, чем время «пустое» и событийно скудное. В то же время, способность управлять временем своей

жизни- субъективно замедляет ход течения времени, делая время- более управляемым и контролируемым. В этой связи, испытуемые с автономным статусом эго-идентичности обладают более точным восприятием скорости течения времени жизни, когда субъективные эффекты ускорения и замедления времени – являются сбалансированными.

На рис. 4 отображены доминирующие временные ориентации испытуемых, в зависимости от статуса эго-идентичности.

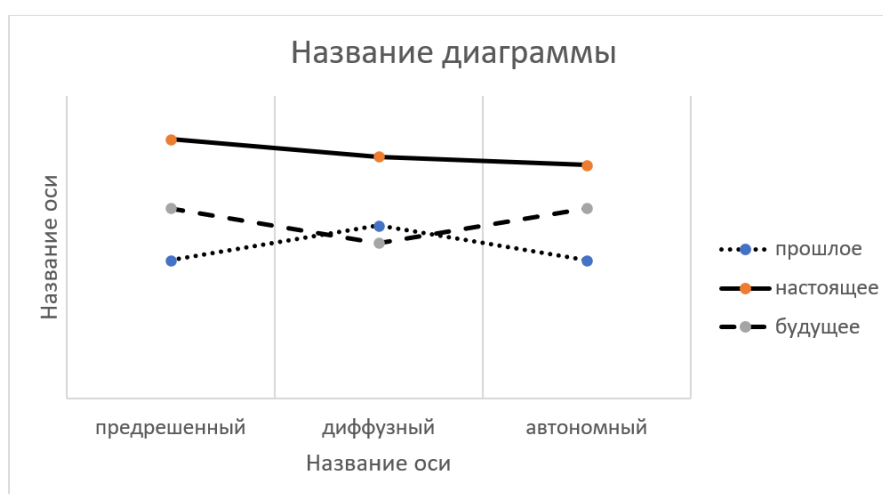

Рис. 4. Доминирующие временные ориентации, в зависимости от статуса эго-идентичности (средние показатели).

Fig. 4. Dominant time orientations, depending on the status of ego identity (average values).

На графике видно, что все испытуемые в среднем возрасте больше всего ценят настоящее время, причем, вне зависимости от преобладания у них того или иного статуса эго-идентичности. Скорее всего, данный факт говорит о наличии нелинейной зависимости между ценностью настоящего времени и статусом эго-идентичности. Настоящее время может быть ценным, и как ресурс для личностной самореализации, и как ресурс для реализации целей, навязанных обществом и продиктованных необходимостью сохранения собственной самооценки в конкретной социальной среде, и как ресурс для удовлетворения гедонистических потребностей в развлечениях, впечатлениях и отдыхе.

Что касается ценности прошлого времени, то оно оказалось более значимым для испытуемых с диффузным статусом эго-идентичности. Данный факт обусловлен, прежде всего, неумением данного типа респондентов управлять своим временем, направлять свое время на достижение нужных результатов. В этой связи, данный тип личности в критические моменты жизни склонен, чаще других типов, искать утешение в прошлом, это- свое-

образный способ психологической защиты, «бегство от суровой реальности- в безопасное прошлое». В ситуации, угрожающей самооценке, испытуемые данного типа склонны искать в прошлом факты, подтверждающие значимость их личности. Прошлое является своеобразным ресурсом для поддержания самооценки и обращения к позитивным моментам прошлого, с целью восстановления нарушенного эмоционального баланса.

Что касается испытуемых, обладающих предрешенным и автономным статусами эго-идентичности, то для них – более характерна направленность в будущее. Испытуемые с предрешенным типом эго-идентичности ценят будущее, прежде всего, за ресурсный потенциал в реализации интроецированных целей и идей, возникших в значимой социальной среде, тогда как испытуемые с автономной идентичностью ценят будущее за возможность воплощения и реализации собственных проектов, за возможность возникновения новых перспектив и направлений в личностной самореализации.

Выводы:

1. В исследовании было показано преобладание автономного статуса эго-идентичности у лиц среднего возраста, что говорит о том, что большая часть испытуемых достигла существенного уровня личностной зрелости.

2. Было показано, что наполненность времени жизни разнообразными событиями обуславливает возникновение субъективного ощущения ускорения времени жизни, тогда как «пустота в жизни», низкая событийность времени, – напротив, усиливает субъективное ощущение замедления течения времени. Было также выявлено, что внутренняя детерминация в управлении временем жизни – повышает субъективное ощущение замедления хода течения времени, так как человек лично и творчески вовлекается в каждый момент своей жизни и наполняет свою жизнь значимыми для него событиями. И, напротив, внешне- детерминированный стиль управления временем, ориентация субъекта, преимущественно, на ожидания и требования значимого окружения, без их соотнесения со своими индивидуальными потребностями и интересами, приводит к возникновению субъективного ощущения ускорения хода течения времени, ввиду его неконтролируемости и не-аутентичности.

3. Было показано, что каждому типу эго-идентичности соответствует специфическое сочетание умений по наполнению времени событиями и по управлению временем.

4. Испытуемые с автономным статусом эго-идентичности обладают внутренне- детерминированным стилем управления временем, который проявляется в личностной и творческой включенности субъекта в разные виды деятельности. Испытуемые, относящиеся к данному типу, обладают наиболее точным восприятием скорости течения времени жизни, ввиду того, что у данной группы испытуемых время жизни отличается высокой событийностью, в сочетании с высокой аутентичностью и управляемостью. Такие респонденты, с одной стороны, воспринимают время, как аутентичное, с

другой стороны, – как управляемое и интересное, наполненное субъективно- значимыми событиями. Испытуемые данного типа- больше ориентированы на будущее и настоящее, а также творческую самореализацию в значимых сферах жизни.

5. Субъективное ощущение ускорения времени жизни – более характерно для испытуемых с предрешированным статусом эго-идентичности, тогда как субъективное ощущение замедления течения времени жизни – более характерно для респондентов с диффузным типом эго-идентичности. Данный факт говорит о том, что время, наполненное разнообразными событиями, воспринимается субъективно, более быстрым, чем время «пустое» и событийно скудное. В то же время, способность управлять временем своей жизни – субъективно замедляет ход течения времени, делая время – более управляемым и контролируемым.

6. У испытуемых с предрешированным статусом эго-идентичности наблюдается внешне-детерминированный тип управления временем, когда время тратится преимущественно на те сферы жизни, какие «необходимо», «принято» или «модно» в значимой социальной среде, без глубокой личностной и творческой включенности субъекта в деятельность и без оценки личностной значимости событий или деятельности. При этом, испытуемые, относящиеся к данному типу, более всего ценят настоящее и будущее время за их ресурсный потенциал для реализации интроецированных целей, возникших в значимой социальной среде.

7. Респонденты с диффузным статусом эго-идентичности не отличаются высокой мотивацией, ни к творческим видам деятельности, ни к видам деятельности, мотивированным долгом или необходимостью, что сказывается на формировании у них узкого и ограниченного пространства самореализации. При этом, они более ориентированы на рекреационные виды деятельности: досуг и спорт, а, при возникновении трудностей, ищут утешение в воспоминаниях прошлого.

Список источников

1. Абульханова К.А. Березина Т.Н. Время личности и время жизни. СПб.: Алетейя, 2001. 304 с.
2. Ермолова Е.О. Личностные корреляты статусов эго-идентичности в юношеском возрасте // Мир педагогики и психологии: международный научно-практический журнал. 2023. № 03 (80). Режим доступа: <https://scipress.ru/pedagogy/articles/lichnostnye-korrelyaty-statusov-ego-identichnosti-v-yunosheskom-vozraste.html>
3. Ковалев В.И. Особенности личностной организации времени // Гуманистические проблемы психологической теории. М., 1995. С. 179 – 185.

4. Корнеева А.А. Взаимосвязь ценностных ориентаций и временного фокуса современной молодежи в условиях глобальных рисков // Актуальные проблемы психологического знания. 2024. № 01. С 153 – 164.
5. Майер С.В., Серый А.В., Яницкий М.С. Смысловые и темпоральные характеристики кризиса профессиональной идентичности в среднем возрасте // Психология человека в образовании. 2023. Т. 5. № 4. С. 594 – 606.
6. Marcia J.E. Identity and psychosocial development in adulthood // An International Journal of Theory and Research. 2002. № 2. P. 7 – 28.
7. Маслоу А. Дальние пределы человеческой психики. Серия: Мастера психологии. 4-е изд. 2024. 448 с.
8. Мещерякова Е.М. Возрастная динамика личностной и профессиональной идентичности во взаимосвязи с временной перспективой личности // Материалы II Всероссийской научно-практической конференции «Образование, инновации, исследования как ресурс развития сообщества» (г. Чебоксары, 13 июня 2024 г.). Чебоксары: Изд-во Среда, 2024. С. 105 – 112.
9. Мещерякова Е.М., Серый А.В., Яницкий М.С. Временная перспектива личности как ресурс преодоления кризиса идентичности на различных этапах жизнеосуществления // Социальная психология и общество. 2024. Т. 15. № 4. С. 75 – 93.
10. Серенкова В.Ф. Типологические особенности планирования личностного времени: автореф. дис. ... канд. психол. наук / Ин-т психологии. Москва, 1991. 21 с.
11. Хильченко А.А. Взаимосвязь временной перспективы и локуса контроля личности [Электронный ресурс] // Universum: психология и образование: электрон. научн. журн. 2022. № 7 (97). URL: <https://7universum.com/ru/psy/archive/item/14029>
12. Яницкий М.С., Серый А.В. Ценностно-смысловые компоненты ресурсного потенциала личности // Личность: ресурсы и потенциал. 2024. Т. 21. № 1. С. 21 – 27.

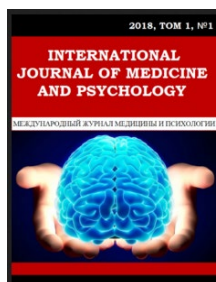
References

1. Abulkhanova K.A. Berezina T.N. Time of personality and time of life. SPb.: Aleteya, 2001. 304 p.
2. Ermolova E.O. Personality correlates of ego-identity statuses in adolescence. The world of pedagogy and psychology: international scientific and practical journal. 2023. No. 03 (80). Access mode: <https://scipress.ru/pedagogy/articles/lichnostnye-korrelyaty-statusov-ego-identichnosti-v-yunosheskom-vozraste.html>
3. Kovalev V.I. Features of personal organization of time. Humanitarian problems of psychological theory. Moscow, 1995. P. 179 – 185.
4. Korneeva A.A. The relationship between value orientations and time focus of modern youth in the context of global risks. Actual problems of psychological knowledge. 2024. No. 01. P. 153 – 164.
5. Mayer S.V., Seryy A.V., Yanitsky M.S. Semantic and temporal characteristics of the crisis of professional identity in middle age. Human psychology in education. 2023. Vol. 5. No. 4. P. 594 – 606.
6. Marcia J.E. Identity and psychosocial development in adulthood. An International Journal of Theory and Research. 2002. No. 2. P. 7 – 28.
7. Maslow A. The far reaches of the human psyche. Series: Masters of Psychology. 4th ed. 2024. 448 p.
8. Meshcheryakova E.M. Age dynamics of personal and professional identity in relation to the individual's time perspective. Proceedings of the II All-Russian scientific and practical conference "Education, innovation, research as a resource for community development" (Cheboksary, June 13, 2024). Cheboksary: Sreda Publishing House, 2024. P. 105 – 112.
9. Meshcheryakova E.M., Seryy A.V., Yanitsky M.S. The individual's time perspective as a resource for overcoming the identity crisis at various stages of life. Social Psychology and Society. 2024. Vol. 15. No. 4. P. 75 – 93.
10. Serenkova V.F. Typological features of personal time planning: author's abstract. diss. ... cand. psychological sciences. Institute of Psychology. Moscow, 1991. 21 p.
11. Khilchenko A.A. The relationship between time perspective and personality locus of control [Electronic resource]. Universum: psychology and education: electronic. scientific journal. 2022. No. 7 (97). URL: <https://7universum.com/ru/psy/archive/item/14029>
12. Yanitsky M.S., Seryy A.V. Value-semantic components of the personality's resource potential. Personality: resources and potential. 2024. Vol. 21. No. 1. P. 21 – 27.

Информация об авторе

Стебакова Д.А., кандидат психологических наук, доцент, Московский международный университет, г. Москва, Ленинградский проспект, д. 17, mangocvet@mail.ru

© Стебакова Д.А., 2025

Научно-исследовательский журнал «International Journal of Medicine and Psychology / Международный журнал медицины и психологии»

<https://ijmp.ru>

2025, Том 8, № 4 / 2025, Vol. 8, Iss. 4 <https://ijmp.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.3.1. Общая психология, психология личности, история психологии (психологические науки)

УДК 159.9

¹ Соловьев В.Е.,

¹ Российский государственный социальный университет

Мотивационно-потребностная сфера коррупционера

Аннотация: цели статьи – охарактеризовать особенности мотивационно-потребностной сферы коррупционной личности и провести анализ показателей данного психологического детерминанта у осужденных за коррупционные преступления. На основе проведенного авторами исследования осужденных, отбывающих наказание в исправительной колонии, выявлен общий показатель мотивационно-потребностной сферы субъектов, осужденных за коррупцию, и корреляция между видом выполненной коррупционной практики и психологическим детерминантом. Определены основные мотивы коррупционеров, составлена их иерархия по значимости влияния на поведение субъекта и склонность к противоправному коррупционному поведению.

Ключевые слова: коррупция, коррупционер, коррупционная личность, коррупционные практики, мотивационно-потребностная сфера, мотивы, потребности, противоправное поведение, теневая экономика, детерминант

Для цитирования: Соловьев В.Е. Мотивационно-потребностная сфера коррупционера // International Journal of Medicine and Psychology. 2025. Том 8. № 4. С. 217 – 223.

Поступила в редакцию: 18 февраля 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 15 апреля 2025 г.; Принята к публикации: 22 мая 2025 г.

¹ Solovyov V.E.,

¹ Russian State Social University

The motivational and need sphere of a corrupt official

Abstract: the purpose of the article is to characterize the features of the motivational and need sphere of a corrupt personality and to analyze the indicators of this psychological determinant among those convicted of corruption crimes. Based on a study conducted by the authors of convicts serving sentences in a penal colony, a general indicator of the motivational and need sphere of subjects convicted of corruption and a correlation between the type of corruption practice performed and the psychological determinant were identified. The main motives of corrupt officials are identified, their hierarchy is compiled according to the importance of influencing the behavior of the subject and the tendency to illegal corrupt behavior.

Keywords: corruption, corrupt official, corrupt personality, corrupt practices, motivational and need sphere, motives, needs, illegal behavior, shadow economy, determinant

For citation: Solovyov V.E. The motivational and need sphere of a corrupt official. International Journal of Medicine and Psychology. 2025. 8 (4). P. 217 – 223.

The article was submitted: February 18, 2025; Approved after reviewing: April 15, 2025; Accepted for publication: May 22, 2025

Введение

Поведение формируется системой побуждений, реализация которых корректирует и направляет деятельность человека. основополагающим аспектом мотивационно-потребностной сферы личности, и реализации психологических потребностей является практическая деятельность индивида [6]. Формирование потребностей у каждого человека связано с деятельностью «низших» и «высших» психических функций. Первая категория включает реализацию основных, базовых потребностей, совпадающих с теми, которые регулируют деятельность животных. Вторая группа подразумевает включение социального воздействия, возможна только у человеческих существ, наделенных сознанием [3, 4].

Коррупционное поведение, являясь противоправным, реализуется непосредственно в социуме индивидами, имеющими определенный набор потребностей. Генеральной прокуратурой Российской Федерации, в лице официального представителя, описан портрет среднестатистического коррупционера в России. Ведомством отмечено, что истинная мотивация коррупционера состоит не в желании повысить свое экономическое благосостояние, а в потребности самоутвердиться таким способом, обладать большей властью и повысить свой авторитет, получить признание [9].

Мотивация противоправного поведения, в том числе, коррупционного является важнейшей частью преступной деятельности [11]. В опросах, проводимых в рамках исследований, лидирует мнение респондентов о том, что мотивация коррупционных правонарушений обусловлена в большей степени стремлением к власти, открывающимся перспективам или компенсацией потраченных на выполнение задачи ресурсов, а не желанием получить материальную выгоду [5].

Самоутверждение, как потребность, ярко проявляющаяся у коррупциогенной личности, образуется посредством компенсаторного инструмента. Коррупционер с помощью приобретения власти и расширения своего влияния может, как ему кажется, повышать свою самооценку, самоутверждаться. Однако настоящая перспектива состоит лишь в возможном преодолении комплекса неполноценности. По сути, властолюбец на протяжении всей своей жизни продолжает преследовать «фиктивную цель». «Воля к власти – это стремление от чувства неполноценности к богоподобному превосходству» [1].

Исследователи выделяют и корыстные мотивы, которые заключается в стремлении достичь большего благосостояния, повысить свой материальный уровень. Данная категория мотивов соотносится с уголовно-правовой классификацией мотивов, и содержит важный признак правонарушения – извлечение личной выгоды.

Разграничивается престижный мотив, основой которого является социальное положение индивида, которое он хочет повысить, сделать более значимым по сравнению с положением других членов общества. Кроме того, продвижение по службе соотносится с трансформацией социальной роли на более весомую в социуме, по мнению самого человека.

Социальные установки совместно с индивидуальными ценностями личности составляют мотив самооправдания, который позволяет коррупционеру не испытывать вину за преступление. Реализация данного мотива предполагает убеждение индивидом себя в необходимости совершения преступления, его «нормальности», распространенности и приемлемости.

Коррупционные преступления имеют особый мотив, учитывающий отсутствие острой необходимости в дополнительных средствах и риск, которым подвергают себя должностные лица. Игровой мотив иллюстрирует отношение субъекта к противоправному поведению, как к игре [2]. Коррупционер наслаждается увлекательным процессом, выражающемся в игровом взаимодействии с законом, государством, социумом, рабочим коллективом, а также участниками коррупционных схем. Субъект ходит по грани, рискует, примеряет разные роли, прячется и стремится не быть пойманным, обнаруженным.

Изучение мотивационно-потребностной сферы коррупционера позволяет выделить особый комплекс психологических детерминантов, присущий коррупциогенной личности.

Материалы и методы исследований

Основной целью исследования была характеристика психологических особенностей личности, а именно мотивационно-потребностной сферы лиц, осужденных за совершение преступлений, относящихся к коррупционным. Для реализации указанной цели в исследовании использовался метод тестирования.

Тест-опросник представляет собой психодиагностическую процедуру, включающую в себя систему заранее отобранных и проверенных вопросов, по ответам испытуемых на которые можно судить об их психологических качествах.

Исследование проводилось в Исправительной колонии №5 по Ставропольскому краю (далее – ИК №5), в группу опрашиваемых вошли осужденные по статьям коррупционной направленности, а именно: ст.ст. 159 (мошенничество), 221 (хищение либо вымогательство ядерных материалов или радиоактивных веществ), 285 (злоупотребление служебным положением), 286 (превышение должностных полномочий), 290 (получение взятки).

Тест-опросник, использующийся в исследовании – тест Герчикова, позволяющий выявить типы мотивации. Стандартизированный список включает в себя 23 вопроса, респонденту предлагается выбрать один или несколько ответов на каждый.

После заполнения перечня вопросов под наблюдением сотрудников психологической службы исправительной колонии, тестовые листы были переданы исследователям для обработки полученных данных.

Обработка и интерпретация результатов проводилась исследователями с помощью ключей

к тесту, таким образом проводилась идентификация типов трудовой мотивации. Согласно тесту Герчикова выделяется 5 типов мотивации: люмпенизированный, инструментальный, профессиональный, патриотический и хозяйский [8].

Данная методика позволяет определить тип трудовой мотивации у респондентов, а выбранная группа анкетированных определить преобладающий тип мотивации у лиц, совершивших преступления коррупционной направленности, а также взаимосвязь с конкретным видом преступления. Тест-опросник предполагает наиболее эффективное взаимодействие с указанной группой анкетированных в связи с условиями их содержания и возможностью обработки результата.

Результаты и обсуждения

Данные исследования, проведенного в ИК №5 г. Ставрополь по делам коррупционной направленности представлены в табл. 1.

Таблица 1

Результаты исследования типов трудовой мотивации (тест Герчикова) осужденных по статьям коррупционной направленности, 2025 г.

Table 1

Results of the study of types of work motivation (Gerchikov test) of those convicted under corruption-related articles, 2025.

Вид преступления коррупционной направленности	Статья	Число осужденных	Тип трудовой мотивации
Мошенничество	ч.2. ст. 159	15	Инструментальный: 7
			Профессиональный: 4
			Профессиональный патриотический: 4 +
Хищение либо вымогательство ядерных материалов или радиоактивных веществ	ст. 221	3	Профессиональный хозяйский: 3 +
Злоупотребление должностными полномочиями	ст. 285	10	Инструментальный: 3
			Профессиональный: 1
			Хозяйский: 1
Превышение должностных полномочий	ст. 286	10	Инструментальный хозяйский: 5 +
			Инструментальный: 1
			Профессиональный: 6
Получение взятки	ст. 290	15	Профессиональный хозяйский: 2 +
			Профессиональный патриотический: 1 +
			Инструментальный: 4
			Профессиональный: 2
			Патриотический: 1
			Люмпенизированный: 0
			Инструментальный хозяйский: 4 +
			Инструментальный патриотический: 4 +

Продолжение таблицы 1
Continuation of Table 1

Все осужденные	53	Инструментальный: 15	
		Профессиональный: 13	
		Патриотический: 1	
		Хозяйский: 1	
		Люмпенизированный: 0	
		Инструментальный хозяйский: 9	+
		Инструментальный патриотический: 4	+
		Профессиональный хозяйский: 5	+
		Профессиональный патриотический: 5	+

Согласно полученным в ходе исследования данным, лидирующим типом мотивации среди осужденных за коррупционные преступления является инструментальный.

Важно отметить, что в большинстве случаев наблюдаются два ведущих типа мотивации, которые позволяют сделать вывод о классе мотивации и ее наиболее ярких проявлениях. Исключительно один тип мотивации встречается редко, что отражается в полученных в ходе тестирования данных.

Инструментальный тип мотивации относится к достижительному классу мотивации и характеризуется повышенным интересом работника к оплате труда, а не к самой трудовой функции. Работа представляется инструментом для достижения целей, удовлетворения потребностей. Материальная заинтересованность является ведущей, увеличение заработка – главная цель, карьерный рост воспринимается также как инструмент для достижения большего финансового благополучия.

Являясь лидирующим, данный тип мотивации представляется наиболее характерным для коррупционеров, в связи с его акцентом на финансовую выгоду. Сотрудники, воспринимающие свою работу лишь как инструмент, стремятся с его помощью достичь материального благополучия, в том числе незаконными способами.

Кроме того, сотрудник, ориентирующийся исключительно на материальное вознаграждение, попадая в определенные обстоятельства, например, в случае провокации на взяточничество, вероятнее согласится на правонарушение.

Инструментальный тип предполагает отсутствие привязанности работника к своей организации, соответственно, он не разделяет цели компании, а стремится удовлетворить свои собственные. Такая мотивация наиболее

распространена у осужденных за получение взятки, мошенничество, злоупотребление должностными полномочиями.

Второй по популярности тип мотивации – профессиональный. Коррупционеры с таким видом мотивации более опасны, так как в работе они стремятся повышать свой профессионализм, выполнять сложные и масштабные задачи. Главная мотивация таких работников не деньги, а организационные условия и сама деятельность. Указанной категории сотрудников важно развиваться, совершенствовать свои умения и навыки. Их профессионализм обуславливает сложность и масштабность совершаемых или организуемых ими коррупционных преступлений. Согласно полученным данным, профессиональная мотивация преобладает у осужденных по статьям – хищение либо вымогательство ядерных материалов или радиоактивных веществ, превышение должностных полномочий.

В соответствии с результатами исследования, хозяйский тип мотивации выделяется вместе с инструментальным и профессиональным, редко как единственный тип мотивации. Данный тип трудовой мотивации характеризуется хорошей работоспособностью, желанием сотрудника брать ответственность и выполнять масштабные проекты.

Однако работники с хозяйским типом мотивации не приветствуют контроль за своей деятельностью со стороны, а также получение указаний и советов, желая решать все вопросы самостоятельно. Следовательно, рассматриваемый тип мотивации характерен для руководящих должностей, а сочетание с другим видом мотивации иллюстрирует общую направленность трудовой функции: профессиональный – развитие и рост, инструментальный – материальное вознаграждение.

Патриотический тип по результатам

проведенного тестирования встречается вместе с профессиональным и редко самостоятельно. Такая мотивация предполагает необходимость сотруднику чувствовать себя частью команды, приносить пользу общему делу. В сочетании с профессиональным типом мотивации получается трудолюбивый, замотивированный, целеустремленный, компетентный работник, что соответствует критериям ведомственных портретов среднестатистического коррупционера.

В свою очередь люмпенизированный тип относится к «избегательному классу мотивации», в отличие от всех вышеперечисленных. Наличие такого типа мотивации связывают с отсутствием желания работать, проявлять активность в профессиональном плане. Такие люди не стремятся к развитию, достижению целей, им все равно какую работу выполнять. Примечательно, что в проведенном исследовании среди осужденных по статьям коррупционной направленности люмпенизированный тип мотивации не выявлен ни у одного респондента, даже в качестве сопутствующего. Так, коррупционные преступления, являясь экономическими, напрямую связаны с трудовой функцией субъекта или объекта, в связи с чем избегательный тип мотивации не выявлен.

Выводы

Мотивация личности занимает ведущую роль в психологических исследованиях, системный характер психического отражается именно в мотивах и целях, представляющих собой интегральные формы [7]. С.Л. Рубинштейн определял мотивы, как составляющие элементы личностного ядра человека. Соответственно, изучение мотивационной сферы позволяет изучить и личность [10]. Значение мотивации велико в связи с тем, что удовлетворенность деятельностью жизненно важны для достижения целей и задач организации [12], а значит для экономики и всего государства.

Преступное поведение основывается на мотиве, представляющим собой элемент субъективной стороны преступления. Коррупционеры в отличие от других преступников руководствуются

особыми мотивами, определение которых в совокупности с другими психологическими детерминантами позволит выявить особый комплекс, при наличии которого коррупционное поведение является наиболее вероятным.

В соответствии с полученными результатами, лидирующим типом мотивации у осужденных за коррупционные преступления является инструментальный, основывающийся на стремлении к большему финансовому благополучию. Взятничество может осуществляться эпизодически, а ориентированный на финансы субъект может быть вовлечен в коррупционные практики на основе своего стремления.

В свою очередь, профессиональный тип мотивации у коррупционера, на наш взгляд, отличается повешенной латентностью реализуемого им преступления. Такой работник является компетентным, квалифицированным специалистом, зачастую только он способен реализовать сложные проекты, на нем держится большинство успешных коммуникаций, а коррупционные схемы его руками строятся с особой изощренностью, сложностью и масштабностью. Указанная особенность в совокупности с рядом других детерминантов формирует наиболее опасный тип коррупционера.

Таким образом, мотивационно-потребностная сфера является важным психологическим детерминантом, управляющим поведением человека, в том числе делинквентным. Преступления коррупционного характера имеют особые отличительные черты среди всех видов преступлений, следовательно, участники коррупционных практик обладают особым комплексом психологических детерминантов, одним из которых является мотивационно-потребностная сфера.

Исследование, проведенное на осужденных по делам коррупционной направленности, отражает лидирующий тип мотивации среди коррупционеров, кроме того, отслеживается зависимость между доминирующими типами трудовой мотивации и видами преступлений.

Список источников

1. Адлер А. «О неполноценности органов», 1907 г.
2. Антонян Ю.М. Типология коррупции и коррупционного поведения URL: <http://antonjan-jm.narod.ru/inter3.html> (дата обращения: 03.02.2025)
3. Бартуль Е.С., Писаревский К.Л. Понятие мотивационно-потребностная сфера личности в психологических исследованиях // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Познание. 2020. № 10. С. 15 – 20. DOI 10.37882/2500-3682.2020.10.01

4. Выготский Л.С. Психология развития. Избранные работы. Москва: Издательство Юрайт, 2025. 281 с. (Антология мысли). ISBN 978-5-534-07290-7 // Образовательная платформа Юрайт [сайт]. URL: <https://urait.ru/bcode/562567> (дата обращения: 03.02.2025)
5. Крылова Д.В., Максименко А.А. Есть ли у российского коррупционера совесть? Особенности принятия этических решений российскими государственными служащими // Мониторинг. 2022. № 3 (169). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/est-li-u-rossiyskogo-korrupsionera-sovest-osobennosti-prinyatiya-eticheskikh-resheniy-rossiyskimi-gosudarstvennymi-sluzhaschimi> (дата обращения: 05.02.2025)
6. Леонтьев А.Н. Потребности. Мотивы. Эмоции // Психология мотивации и эмоций. Хрестоматия / под ред. Ю.Б. Гиппенрейтер, М.В. Фаликман. М.: ЧеРо, 2002. С. 57 – 65.
7. Ломов Б.Ф. Методологические и теоретические проблемы психологии. М.: Наука, 1984. С. 432.
8. Мотивация персонала: методическое пособие / авт.-сост.: В.И. Герчиков, д.социол.н., к.э.н. и др. Москва: МЦФЭР, 2005. 95 с.: ил.; 26 см. (Библиотека персонал-технологий). (Проект журнала "Справочник по управлению персоналом")
9. Редакция газеты «Газета.ру». Генпрокуратура составила портрет среднестатистического коррупционера [Офиц. сайт]. [Электронный ресурс]. Режим доступа. URL: <https://www.gazeta.ru/social/2018/12/06/12085813.shtml?updated> (дата обращения: 20.01.2025)
10. Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии. СПб.: Питер, 2000. С. 712.
11. Христюк А.А., Асатрян Х.А., Характеристика личности современного взяточника // Всероссийский криминологический журнал. 2024. № 1. С. 37 – 78. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/harakteristika-lichnosti-sovremennogo-vzyatochnika> (дата обращения: 05.02.2025)
12. Reuben M. Badubi, Theories of Motivation and Their Application in Organizations: A Risk Analysis // International. Journal of Innovation and Economic Development. 2017. № 3 (3). P. 44 – 51. URL: https://www.researchgate.net/publication/319705776_Theories_of_Motivation_and_Their_Application_in_Organizations_A_Risk_Analysis (дата обращения: 20.02.2025)

References

1. Adler A. "On the Inferiority of Organs", 1907
2. Antonyan Yu.M. Typology of Corruption and Corrupt Behavior URL: <http://antonyan-jm.narod.ru/inter3.html> (date of access: 03.02.2025)
3. Bartul E.S., Pisarevsky K.L. The Concept of the Motivational-Need Sphere of Personality in Psychological Research. Modern Science: Actual Problems of Theory and Practice. Series: Cognition. 2020. No. 10. P. 15 – 20. DOI 10.37882/2500-3682.2020.10.01
4. Vygotsky L.S. Developmental Psychology. Selected Works. Moscow: Yurait Publishing House, 2025. 281 p. (Anthology of Thought). ISBN 978-5-534-07290-7. Educational platform Yurait [website]. URL: <https://urait.ru/bcode/562567> (date of access: 03.02.2025)
5. Krylova D.V., Maksimenko A.A. Does a Russian corrupt official have a conscience? Features of ethical decision-making by Russian civil servants. Monitoring. 2022. No. 3 (169). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/est-li-u-rossiyskogo-korrupsionera-sovest-osobennosti-prinyatiya-eticheskikh-resheniy-rossiyskimi-gosudarstvennymi-sluzhaschimi> (date of access: 05.02.2025)
6. Leontiev A.N. Needs. Motives. Emotions. Psychology of motivation and emotions. Reader. edited by Yu.B. Gипpenreiter, M.V. Falikman. Moscow: CheRo, 2002. P. 57 – 65.
7. Lomov B.F. Methodological and theoretical problems of psychology. Moscow: Nauka, 1984. Pp. 432.
8. Personnel motivation: a methodological manual. author-compiler: V.I. Gerchikov, D.Sc. (Sociology), Ph.D. (Economics), and others. Moscow: MCFER, 2005. 95 p.: ill.; 26 cm. (Library of personnel technologies). (Project of the journal "Handbook of personnel management")
9. Editorial board of the newspaper "Gazeta.ru". The Prosecutor General's Office has compiled a portrait of the average corrupt official [Official website]. [Electronic resource]. Access mode. URL: <https://www.gazeta.ru/social/2018/12/06/12085813.shtml?updated> (date accessed: 20.01.2025)
10. Rubinstein S.L. Fundamentals of General Psychology. SPb.: Piter, 2000. S. 712.

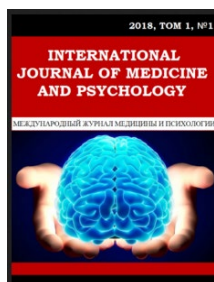
11. Khristyuk A.A., Asatryan H.A., Characteristics of the personality of a modern bribe-taker. All-Russian Criminological Journal. 2024. No. 1. P. 37 – 78. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/harakteristika-lichnosti-sovremennogo-vzyatochnika> (date of access: 05.02.2025)

12. Reuben M. Badubi, Theories of Motivation and Their Application in Organizations: A Risk Analysis. International. Journal of Innovation and Economic Development. 2017. No. 3 (3). P. 44 – 51. URL: https://www.researchgate.net/publication/319705776_Theories_of_Motivation_and_Their_Application_in_Organizations_A_Risk_Analysis (date of access: 20.02.2025)

Информация об авторе

Соловьев В.Е., аспирант, клинический психолог, судебный психологический эксперт, адвокат, Российский государственный социальный университет, 129226, г. Москва, solovev.advocate@gmail.com

© Соловьев В.Е., 2025

Научно-исследовательский журнал «International Journal of Medicine and Psychology / Международный журнал медицины и психологии»

<https://ijmp.ru>

2025, Том 8, № 4 / 2025, Vol. 8, Iss. 4 <https://ijmp.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.3.3. Психология труда, инженерная психология, когнитивная эргономика (психологические науки)

УДК 331.108.4

¹ Алемасов М.А.,

¹ Скрипниченко Л.С.,

¹ Кубанский государственный университет

Совершенствование системы мотивации и стимулирования трудовой деятельности персонала в организации страховой сферы

Аннотация: статья посвящена исследованию системы мотивации и стимулирования персонала в страховой компании. Авторами, на основе анализа нормативно-правовых актов компании, предыдущих исследований, а также результатов собственного эмпирического исследования, проводится анализ текущего состояния системы, выявляются проблемные зоны и предлагаются конкретные меры по ее совершенствованию, направленные на повышение эффективности работы сотрудников и достижение стратегических целей организации. В эмпирической части статьи приводятся результаты исследования мотивационного профиля разных категорий персонала компании. Авторами делается вывод, что целесообразным является дифференцированный подход к мотивации различных групп сотрудников, учитывающий их индивидуальные потребности и ценности. Также авторы делают вывод, что совместное использование методик «Опросник внутренней мотивации» (IMI) Райна Р.М и «Опросник мотивационных источников» (MSI) Барбуто Д. и Сколла Р. позволит достичь синергического эффекта, обеспечивая более широкий спектр описательных возможностей при анализе мотивационной структуры.

Ключевые слова: страхование, мотивация, материальный стимул, конкурентное преимущество, страховая сфера, организация, индивидуальные потребности, гибридный график работы

Для цитирования: Алемасов М.А., Скрипниченко Л.С. Совершенствование системы мотивации и стимулирования трудовой деятельности персонала в организации страховой сферы // International Journal of Medicine and Psychology. 2025. Том 8. № 4. С. 224 – 228.

Поступила в редакцию: 18 февраля 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 15 апреля 2025 г.; Принята к публикации: 22 мая 2025 г.

¹ Alemasov M.A.,

¹ Skripnichenko L.S.,

¹ Kuban State University

Developing the employee motivation and incentive program in an insurance sector company

Abstract: the article is dedicated to the study of the motivation and incentive system for personnel at the insurance company. Based on an analysis of the company's regulatory documents, previous research, and the results of their own empirical study, the authors analyze the current state of the system, identify problem areas, and propose specific measures to improve it, aimed at increasing employee efficiency and achieving the organization's strategic goals. The empirical part of the article presents the results of a study of the motivational profile of different categories of the company's personnel. The authors conclude that a differentiated approach to motivating various groups of employees, taking into account their individual needs and values, is advisable. The authors also conclude that the combined use of the "Intrinsic Motivation Inventory" (IMI) by Ryan R.M. and the "Motivational Sources Inventory" (MSI) by Barbutto J. and Scholl R. achieves a synergistic effect, providing a broader range of descriptive possibilities when analyzing the motivational structure.

Keywords: insurance, motivation, material incentive, competitive advantage, insurance sector, organization, individual needs, hybrid work schedule

For citation: Alemasov M.A., Skripnichenko L.S. Developing the employee motivation and incentive Program in an insurance sector company. International Journal of Medicine and Psychology. 2025. 8 (4). P. 224 – 228.

The article was submitted: February 18, 2025; Approved after reviewing: April 15, 2025; Accepted for publication: May 22, 2025

Введение

Сектор страхования обеспечивает финансовую защиту и безопасность как физических, так и юридических лиц, тем самым являясь неотъемлемой частью современной экономики. Учитывая условия постоянных изменений на рынке, включающие усиление конкуренции и появление технических инноваций, страховые компании вынуждены совершенствовать свои методы управления персоналом. Важным компонентом данной деятельности является стимулирование персонала, направленное на обеспечение максимальной мотивации сотрудников и конкурентного преимущества на рынке труда [1]. Таким образом, актуальность исследования эффективности системы стимулирования персонала в страховой компании обусловлена необходимостью обеспечения ее устойчивого развития и конкурентоспособности в динамично меняющейся среде.

Исследование проведено на примере одной из крупнейших российских страховых компаний. Сегодня это универсальный страховщик федерального уровня, один из лидеров отечественного страхового рынка как по объему страховой премии и сумме выплаченного страхового возмещения, так и по основным балансовым показателям [2]. По просьбе руководства организации, полное название не публикуется.

Стоит отметить, что компания активно использует дифференциацию методов стимулирования в зависимости от должности, стажа, а также результатов работы. Так, премиальные выплаты за производственные результаты положены всем группам сотрудников, кроме тех, кто работает на основе карты ключевых показателей эффективности, а ежегодные бонусы – не используются для категории Стажеров.

В связи с вышеизложенным, целью данного исследования является анализ существующей системы стимулирования персонала в рассматриваемой организации, ее влияния на сотрудников компании, выявление возможных недостатков, а также разработка рекомендаций по ее совершенствованию для повышения эффективности работы сотрудников и достижения стратегических целей компании.

Система стимулирования персонала включает компенсационную (страхование, оплата труда, выплаты за нетрудоспособность и др.) и нематериальную системы (корпоративные мероприятия, программы обучения, мерч компании). [3] Особое внимание уделяется страхованию сотрудников. По мнению заместителя генерального директора компании, расширенный социальный пакет, включающий ДМС для сотрудников, их семей и даже домашних питомцев, с использованием передовых технологий, – это залог лояльности и здоровья персонала [4].

В качестве основы для данной работы были использованы внутренние нормативно-правовые документы компании. В частности, «Годовой отчет о деятельности в 2023 году» содержит информацию об основных целях компании в области развития мотивации персонала и достигнутых результатах. Значимым источником также послужило «Положение о мотивации сотрудников», где подробно описаны инструменты мотивации, условия их применения и целевые категории сотрудников.

В настоящее время имеется недостаток работ в области совершенствования системы мотивации и стимулирования трудовой деятельности персонала в организации страховой сферы. Среди работ в области изучения особенностей развития страхового российского рынка на современном этапе, можно выделить: А.Е. Коваленко, А.А. Мироненко, С.А. Ярушева. Оценке системы мотивации и стимулирования труда персонала посвящены работы таких авторов, как: Л.И. Еременской, О.С. Евдохина, О.В. Степнова, а также работы зарубежных авторов: R. Khusainova, A. de Jong, N. Lee, G.W. Marshall, J.M. Rudd, E. Morris, R.M. Ryan, E.L. Deci.

Материалы и методы исследований

Эмпирическое исследование проводилось с применением метода анкетирования. В целях защиты персональных данных обработка анкет проводилась анонимно. В анкетах приняли участие 45 сотрудников, относящихся к различным категориям персонала («Руководств» – 10%, «Юриспруденция» – 6%, «Продажи» – 36% и «Функциональное сопровождение» – 48%).

Демографические и профессиональные характеристики выборки: возраст респондентов от 18 до 54 лет (средний возраст 30 лет); 39% респондентов – мужчины и 61% – женщины; стаж работы респондентов: меньше одного года – 26%, один-три года – 23%, от трех до шести лет – 16%, свыше шести лет – 35%.

Участникам исследования было предложено пройти две анкеты, основанные на Опроснике внутренней мотивации (в дальнейшем – IMI) Райна Р.М и Опроснике мотивационных источников (в дальнейшем – MSI) Барбуто Д. и Ричарда С.

Инвентарь внутренней мотивации (IMI) сосредоточен на измерении качества внутренней мотивации. Он оценивает, насколько люди испытывают интерес, удовольствие, чувство компетентности и значимости в процессе выполнения деятельности. IMI основан в большей степени на субъективном опыте вовлеченности в работу, оценивает

внутреннюю мотивацию по четырем шкалам: Интерес / Наслаждение, Воспринимаемая компетентность, Воспринимаемый выбор, Давление/Напряжение. Авторы IMI предполагают, что в зависимости от ситуации, можно использовать разные комбинации подшкал, ориентируясь на их релевантность для вопросов, исследуемых учеными [5].

Методика MSI (Motivation Sources Inventory) направлена на выявление источников мотивации. Опросник позволяет выявить следующие источники мотивации: внутренние процессы, инструментальная мотивация, внешняя концепция Я, внутренняя концепция Я, интернализация цели, на основе которых можно составить мотивационную карту сотрудника или организации в целом [6].

Результаты и обсуждения

Интерпретацию результатов опросников можно представить в виде таблицы:

Таблица 1

Сводные результаты анализа обеих методик.

Table 1

Summary results of the analysis of both methods.

	IMI: Интерес / Наслаждение	IMI: Воспринимаемая компетентность	IMI: Воспринимаемый выбор	IMI: Давление / Напряжение	MSI: Внутренние процессы	MSI: Инструментальная мотивация	MSI : Внешняя Я-концепция	MSI: Внутренняя Я-концепция	MSI: Интернализация цели
Руководство	2,05	0,14	-0,95	-1,10	0,67	0,57	0,95	1,95	0,95
Юриспруденция	-0,64	-0,07	-0,93	-1,64	0,57	1,29	-0,64	1,29	0,79
Продажи	0,96	-0,03	-0,57	-1,96	1,00	0,87	0,04	1,38	0,75
Сопровождение	1,23	0,10	-0,42	-1,92	0,61	1,01	0,09	1,28	0,44

Источник: Составлено автором на основании ответов респондентов.

Source: Compiled by the author based on respondents' responses.

В таблице представлены средние значения метрик IMI и MSI (шкала от 1 до 7) по направлениям деятельности. Значения подсчитаны как средние ответы респондентов по каждой шкале.

Анализ выявил неоднородность мотивационных профилей сотрудников в разных подразделениях:

1) Для группы «Руководство» характерна высокая степень внутренней мотивации, проявляющаяся в выраженном интересе и получении удовольствия от выполняемой работы (среднее значение по шкале «Интерес/Наслаждение» – 2.05). Вместе с тем, отмечается низкий уровень восприятия автономии и свободы выбора («Воспринимаемый выбор» – -0.95), что может свидетельствовать об ограничениях в процессе принятия решений. Относительно низкий показатель по шкале

«Давление/Напряжение» (-1.1) предполагает умеренное воздействие стрессовых факторов.

2) В «Юриспруденции» зафиксированы наиболее низкие значения по шкалам, отражающим внутреннюю мотивацию, в частности, «Интерес/Наслаждение» (-0.64) и «Воспринимаемая компетентность» (-0.07). Невысокий показатель «Внешней Я-концепции» (-0.64) указывает на возможное снижение чувства значимости работы для формирования профессиональной идентичности. При этом, наблюдается более выраженная «Инструментальная мотивация» (1.29), что предполагает преобладание ориентации на внешние стимулы.

3) Для персонала категории «Продажи» характерно преобладание инструментальной мотивации (среднее значение – 0.87), что обусловлено спецификой деятельности,

ориентированной на достижение конкретных финансовых показателей. Однако, выявлен крайне низкий уровень восприятия давления и напряжения («Давление/Напряжение» – -1.96), что может свидетельствовать о высоком уровне стресса и риске профессионального выгорания.

4) «Функциональное сопровождение» демонстрирует схожие с отделом продаж тенденции, в частности, низкий уровень «Интернационализации цели» (0.44) и выраженное ощущение давления («Давление/Напряжение» – -1.92). Полученные данные указывают на необходимость пересмотра системы стимулирования и мотивации, направленной на повышение осознания важности выполняемых задач и снижение уровня стресса.

В целом, внутренняя мотивация (удовольствие от процесса) и инструментальная мотивация (стремление к выгоде) могут проявляться в различных сочетаниях, так, юриспруденция показывает ярко выраженный пример инструментальной мотивации, когда работа делается ради результатов и выгод (например, финансовой стабильности, карьерного роста), а не из-за интереса к самому процессу. С другой стороны, сотрудники, занимающиеся продажами, в отличие от других категорий персонала, демонстрируют приблизительно равные показатели внутренней и инструментальной мотивации, что может быть обусловлено тем, что успех в продажах сопряжен как с удовлетворением от процесса, так и с конкретными материальными вознаграждениями [7].

Выводы

На основе приведенного ранее анализа можно составить несколько рекомендаций по совершенствованию системы мотивации трудовой деятельности в рассматриваемой организации:

1) В рамках развития мотивации руководящего состава, можно сделать упор на повышение чувства компетентности и автономии (например, через тренинги и делегирование), что могло бы снизить ощущение «внешнего» давления [8].

2) Для персонала юридической направленности и персонала функционального сопровождения можно поискать способы усилить внутреннюю мотивацию, возможно, через более тесную связь с миссией или ценностями организации.

3) У персонала по продажам наиболее актуальным является поддержание существующего уровня мотивации, возможно, через программы признания достижений.

Помимо предложенных мер, целесообразным представляется рассмотрение возможности внедрения гибридного графика работы для всех исследуемых направлений деятельности. Гибридный график работы, определяемый как модель организации рабочего времени, интегрирующая элементы работы в офисе и удаленной работы (вне офисного пространства) [9], позволяет сотрудникам распределять свое рабочее время между офисом и удаленным режимом, что потенциально способствует повышению гибкости и оптимизации баланса между профессиональными и личными обязанностями.

Сейчас гибридный график применяется фрагментарно (в основном, в отдельных направлениях продаж). Для большинства сотрудников удаленная работа возможна только в чрезвычайных ситуациях.

Внедрение гибридного графика работы для всех категорий персонала может представлять значительную выгоду для организации, обусловленную рядом факторов, связанных с повышением производительности и снижением издержек. Так, согласно данным исследования, проведенного компанией Bell Atlantic, эквивалентность производительности 25 часов удаленной работы сопоставима с 40 часами работы в офисе в условиях традиционного рабочего режима. Помимо повышения производительности, исследования также демонстрируют снижение частоты использования больничных и уменьшение количества случаев отсутствия на рабочем месте среди сотрудников, работающих в удаленном формате, по сравнению с коллегами, осуществляющими свою деятельность исключительно в офисе [10].

В результате проведенного исследования установлено, что методики IMI и MSI могут быть применены в параллельном режиме. Их совместное использование позволяет достичь синергетического эффекта, поскольку они дополняют друг друга, обеспечивая более широкий спектр описательных возможностей при анализе мотивационной структуры.

Список источников

1. МIRONENKO A.A. Особенности развития страхового российского рынка на современном этапе // Вестник государственного и муниципального управления. 2016. № 2. С. 2.
2. ШИШКОВА Н.О. Мотивация и стимулирование труда персонала // Научные исследования XXI века. 2024. № 3 (29). С. 46 – 49.

3. Коваленко А.Е., Ярушева С.А. Современный опыт стимулирования и мотивации трудовой деятельности работников сферы продаж страховых организаций // Вестник факультета управления Челябинского государственного университета. 2017. № 2. С. 127 – 132.
4. Нематериальная мотивация [Электронный ресурс] // Strategy Journal. Новости. URL: <https://strategyjournal.ru/partners-news/nematerialnaya-motivatsiya-3>
5. Ryan R.M., Deci E.L. Self-determination theory and the facilitation of intrinsic motivation, social development and well-being // American Psychologist. 2000. Vol. 55. No. 1. P. 68 – 78.
6. Алемасов М.А., Скрипниченко Л.С. Анализ и совершенствование методов стимулирования в страховой компании // Человек. Сообщество. Управление: материалы XXIV Всероссийской научно-практической конференции. Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2024. С. 21 – 23.
7. Khusainova R., de Jong A., Lee N., Marshall G.W., Rudd J.M. Salesperson intrinsic and extrinsic motivation revisited: A combinatory perspective: An abstract // Marketing Opportunities and Challenges in a Changing Global Marketplace: Proceedings of the 2019 Academy of Marketing Science (AMS) Annual Conference. 2020. P. 127 – 128.
8. Евдохина О.С. Оценка системы мотивации и стимулирования труда персонала предприятия // Креативная экономика. 2021. Т. 15. № 12. С. 4689 – 4708.
9. Степнова О.В., Еременская Л.И. Совершенствование системы мотивации и стимулирования деятельности персонала // Наука и бизнес: пути развития. 2021. № 3 (117). С. 171 – 173.
10. Morris E. Hybrid Work Schedule and Employee Motivation (Master's thesis) // California State University, Northridge. 2022. P. 15.

References

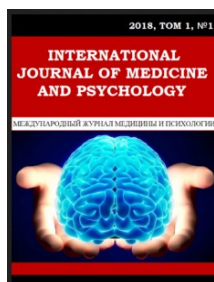
1. Mironenko A.A. Features of the development of the Russian insurance market at the present stage. Bulletin of public and municipal management. 2016. No. 2. P. 2.
2. Shishkova N.O. Motivation and stimulation of personnel labor. Scientific research of the XXI century. 2024. No. 3 (29). P. 46 – 49.
3. Kovalenko A.E., Yarusheva S.A. Modern experience of stimulation and motivation of labor activity of employees in the sphere of sales of insurance organizations. Bulletin of the Faculty of Management of Chelyabinsk State University. 2017. No. 2. P. 127 – 132.
4. Non-material motivation [Electronic resource]. Strategy Journal. News. URL: <https://strategyjournal.ru/partners-news/nematerialnaya-motivatsiya-3>
5. Ryan R.M., Deci E.L. Self-determination theory and the facilitation of intrinsic motivation, social development and well-being. American Psychologist. 2000. Vol. 55. No. 1. P. 68 – 78.
6. Alemasov M.A., Skripnichenko L.S. Analysis and improvement of incentive methods in an insurance company. Man. Community. Management: Proceedings of the XXIV All-Russian scientific and practical conference. Krasnodar: Kuban State University, 2024. P. 21 – 23.
7. Khusainova R., de Jong A., Lee N., Marshall G.W., Rudd J.M. Salesperson intrinsic and extrinsic motivation revisited: A combinatory perspective: An abstract. Marketing Opportunities and Challenges in a Changing Global Marketplace: Proceedings of the 2019 Academy of Marketing Science (AMS) Annual Conference. 2020. P. 127 – 128.
8. Evdokhina O.S. Assessment of the motivation and incentive system for enterprise personnel. Creative Economy. 2021. Vol. 15. No. 12. P. 4689 – 4708.
9. Stepnova O.V., Eremenskaya L.I. Improving the motivation and incentive system for personnel activities. Science and business: development paths. 2021. No. 3 (117). P. 171 – 173.
10. Morris E. Hybrid Work Schedule and Employee Motivation (Master's thesis). California State University, Northridge. 2022. P. 15.

Информация об авторах

Алемасов М.А., Кубанский государственный университет, amatvey503@mail.ru

Скрипниченко Л.С., кандидат социологических наук, доцент, Кубанский государственный университет, lud-skr@mail.ru

© Алемасов М.А., Скрипниченко Л.С., 2025

Научно-исследовательский журнал «International Journal of Medicine and Psychology / Международный журнал медицины и психологии»

<https://ijmp.ru>

2025, Том 8, № 4 / 2025, Vol. 8, Iss. 4 <https://ijmp.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.3.1. Общая психология, психология личности, история психологии (психологические науки)

УДК 159.9

¹Капацинская В.М.,

²Перепечаев Д.А.,

¹Международный инновационный университет,

²Московский инновационный университет

Взаимосвязь эмоционального интеллекта и психического здоровья

Аннотация: сегодня при активном развитии общества и внедрения в жизнедеятельность новых технологий, вопрос поддержания психологического и психического здоровья становится ещё более актуальным. По мнению многих современных специалистов, эмоциональный интеллект является важным средством не только поддержания, но и поможет в укреплении психологического здоровья личности. С помощью ЭИ формируется навык оптимального реагирования на чужие эмоции, а также управление собственными. Лица, имеющие высокий уровень развитости эмоционального интеллекта, намного эффективнее могут справляться с тревогой и возникающим стрессом. При этом, у них ниже риск развития эмоционального выгорания, формирования значительных дисгармоничных отношений, депрессии. Эмоциональный интеллект взаимосвязан с психическим состоянием человека, его психологическим здоровьем. С помощью плодотворного развития эмоционального интеллекта человек может достигнуть большей удовлетворенности жизнью, легче справляться со стрессом и разного рода сложностями жизнедеятельности.

Ключевые слова: эмоциональный интеллект, психическое здоровье, психологическое здоровье, стресс, личностное развитие, личность, эмоции, психологическое благополучие

Для цитирования: Капацинская В.М., Перепечаев Д.А. Взаимосвязь эмоционального интеллекта и психического здоровья // International Journal of Medicine and Psychology. 2025. Том 8. № 4. С. 229 – 234.

Поступила в редакцию: 19 февраля 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 16 апреля 2025 г.; Принята к публикации: 22 мая 2025 г.

¹Kapatsinskaya V.M.,

²Perepechaev D.A.,

¹International Innovative University,

²Moscow Innovative University

Dependence between emotional intelligence and mental health

Abstract: today, with the active development of society and the introduction of new technologies into life, the issue of maintaining psychological and mental health is becoming even more urgent. According to many modern experts, emotional intelligence is an important means not only of maintaining, but also of fruitfully strengthening the psychological health of a person. With the help of it, a person develops the ability to optimally respond to other people's emotions, as well as manage their own. People with a high level of emotional intelligence can cope with anxiety and stress much more effectively. At the same time, they have a lower risk of developing emotional burnout, forming significant disharmonious relationships, and depression. Emotional intelligence is interconnected with a person's mental state and psychological health. With the help of the fruitful development of emotional intelligence, a person can achieve greater satisfaction with life, easier to cope with stress and various difficulties of life.

Keywords: emotional intelligence, mental health, psychological health, stress, personal development, personality, emotions, psychological well-being

For citation: Kapatsinskaya V.M., Perepechaev D.A. Dependence between emotional intelligence and mental health. International Journal of Medicine and Psychology. 2025. 8 (4). P. 229 – 234.

The article was submitted: February 19, 2025; Approved after reviewing: April 16, 2025; Accepted for publication: May 22, 2025

Введение

Сегодня поддержание психологического и психического здоровья человека является одним из важных аспектов плодотворного развития личности. Стоит сказать, что достаточно большое количество научных трудов обращено к выявлению аспектов причастности эмоционального интеллекта к плодотворности налаживания позитивного психологического состояния человека.

В период пандемии и распространения коронавирусной инфекции многие столкнулись с большим уровнем стресса, который зачастую приводил к более серьезным проблемам со здоровьем. По мнению Богатыревой И.В. эмоциональный интеллект является ключевым фактором и даже, «гибким» навыком, который помогает развивать личную приспособленность к стрессовым и нестандартным ситуациям, проще справляться с изменениями, сложными задачами. Автор выделяет возможность налаживания эмоционального фона, стабилизирующего общее восприятие окружающей действительности и оптимальное применение собственных возможностей и психологических качеств личности.

Материалы и методы исследований

В рамках данной статьи были использованы методы сопоставления мнения разных авторов, изучение данных экспериментальных и эмпирических исследований, представленных в трудах разных авторов, систематизация данных.

Перед тем, как выявить взаимосвязь эмоционального интеллекта и психологического здоровья, определим его сущность. Сегодня отсутствует единое определение эмоционального интеллекта, выявим мнение разных авторов.

Щербакова Н.И. считает, что эмоциональный интеллект является совокупностью навыков формирования стратегий успешной реализации межличностных отношений, правильного восприятия чужих и собственных эмоций, оптимизации реакций в случае возникновения стрессовых и проблемных ситуаций [1, с. 53-56].

Сабиров Т. считает, что эмоциональный интеллект выделяется в виде элемента общего

интеллекта, выявляющего влияние окружающей среды и межличностных отношений на жизнь лица, относительно эффективности его в отдельных областях жизнедеятельности, адаптации к новым, порой, нестандартным её условиям [2, с. 130-133].

Муцаева З.А. выделяет эмоциональный интеллект как инструмент развития мотивации и оптимального реагирования на многочисленные внешние воздействия, способности реализовывать эмоциональный ответ и исключать тревожность, формируя эмоциональную устойчивость.

По мнению данного автора, эмоциональный интеллект сочетает в себе межличностный и внутриличностный компоненты, которые помогают человеку легко справляться с эмоциями и идентифицировать внешнее воздействие, правильно реагировать на все стрессовые и нестандартные ситуации [3, с. 297-303].

Буткина Е.П. выделяет эмоциональный интеллект в виде общности свойств психики человека, которые помогают распознавать соответствующие эмоции, определять намерения, желания и мотивы иных людей, собственные стремления, регулировать эмоциями при разрешении жизненных задач [4, с. 403-405].

В целом, представленные определения отражают сущность эмоционального интеллекта, обосновывают важность его дальнейшего изучения. На наш взгляд, в рамках данного исследования, определение Щербаковой Н.И. является наиболее обусловленным.

Стоит отметить, что эмоциональный интеллект в себе несет совокупность средств, помогающих поддерживать и развивать имеющийся эмоциональный и психологический фон, исключать негативное влияние со стороны окружающих, снижать уровень стресса, исходящего не только из случаев межличностного отношения, но и процесса адаптации к новым условиям жизнедеятельности. В рамках изучения научных трудов, нами было выявлено, что эмоциональный интеллект в себе несет возможность понимания и общего распознавания эмоций других людей, своевременной реакции на стрессовые и нестандартные ситуации.

Результаты и обсуждения

При достаточно развитом эмоциональном интеллекте, личность реже сталкивается с негативными последствиями возникновения нестандартных ситуаций и стресса. Они могут быстрее адаптироваться под изменяющуюся среду, проще реагируют на жизненные вызовы, могут лучше справляться с тревогой и стрессом. Достаточно развитый эмоциональный интеллект позволяет личности контролировать и осознавать собственные чувства, конструктивно реагировать на внешние проявления и эмоции других людей. С помощью этого, человек может легче формировать плодотворные взаимоотношения с другими людьми, меньше подвержены эмоциональному выгоранию. В целом более высокий уровень эмоционального интеллекта оказывается связан с выбором конструктивного взаимодействия [5, с. 36-39].

Сниженный уровень развития эмоционального интеллекта провоцирует принятие не только импульсивных решений, а также сложности восприятия ситуации, решения конфликтов. Всё это негативно сказывается на психическом и психологическом здоровье личности. У таких людей нарушена саморегуляция, они труднее осознают и проявляют собственные реакции, могут быть подвержены более высокому уровню напряжения. В частности, они не всегда могут оценивать критичность возникающих ситуаций, не в состоянии правильно подобрать решение для ликвидации той или иной жизненной сложности.

Стоит сказать, что личности, у которых наблюдается высокий уровень развития эмоционального интеллекта, могут более успешно понимать чувства других, то есть проявлять эмпатию. Психологическое благополучие личности здесь проявляется в возможности формировать не только позитивные и доверительные межличностные взаимоотношения, но и долгое время поддерживать их, конструктивно подбирая собственные действия, снижая уровень влияния негативных эмоций.

Современные специалисты считают, что активное проявление и совершенствование эмоционального интеллекта возможно с помощью соответствующих практик, включающих в себя развитие коммуникативных навыков, управление конфликтными ситуациями. В данном случае, необходимо повышать уровень устойчивости психологического здоровья, а также повышать самооценку.

Богатырева И.В. в рамках своих эмпирических исследований выявила наличие позитивной корреляции между уровнем склонности к риску,

личной креативности и эмоциональным интеллектом. По мнению специалиста, саморегуляция и креативность, психологическое принятие стрессовых ситуаций взаимосвязано с управлением чувствами [6, с. 36-39].

При этом в её исследовании указывается, что повышение уровня эмоционального интеллекта способствует налаживанию позитивного эмоционального фона, что положительно сказывается на психологическом здоровье личности. Наблюдается, что при повышении склонности личности к риску, отстаивании собственных идей и допущения возможности совершения ошибок, показатель развития эмоционального интеллекта находится на более высоком уровне.

Стоит выделить наличие взаимосвязи между развитием личности и ориентации на устранение проблемных ситуаций с уровнем развития эмоционального интеллекта. В данном случае, развитый эмоциональный интеллект формирует у личности интерес к более сложным, но интересным вещам, разрешению нестандартных задач и ситуаций без помощи других. Богатырева И.В. в своих трудах подводит итог о том, что эмоциональный интеллект коррелирует с общим личностным развитием и целеустремленностью человека [7, с. 36-39].

Игнатова Е.С. отмечает взаимосвязь поддержания психологического здоровья и активного развития цифровых технологий, которые прямо влияют на эмоциональную сферу личности.

В своих исследованиях автор подтверждает позитивное влияние цифровизации на совершенствование эмоционального интеллекта. По мнению данного специалиста, реализованные исследования подтверждают присутствие взаимосвязи трансформации технологий и развития эмоционального интеллекта, ведь цифровизация привнесла множество возможностей для создания и развития эмоциональной регуляции [8, с. 365-381].

Здесь важно не упускать достижения психологии в плане позитивного отображения процесса обработки информации. Факт взаимосвязи эмоционального интеллекта и активно развивающейся цифровой компетентности обоснован с эмпирической точки зрения в исследованиях этого автора.

В данном случае, подтверждается, что при применении информационно-коммуникационных технологий, человек учится строить не только традиционные межличностные взаимоотношения, но и обрабатывать «удаленную» эмоциональную информацию. Цифровые межличностные коммуникации здесь взаимосвязаны с эмоциональным

интеллектом. Стоит сказать, что эмоциональный интеллект помогает поддержанию психологического здоровья, а также позволяет личности демонстрировать самораскрытие, доброжелательность, ориентацию на чувства другого человека. Восприятие лишь негативных эмоций говорит о наличии сниженного уровня развития эмоционального интереса, понижения значимости эмпатийного поведения.

Щербакова Н.И. в своих исследованиях выявляет то, что эмоциональный интеллект имеет большое значение в процессе совершенствования личности, указывает на влияние многих процессов жизнедеятельности. Развитие эмоционального интеллекта сопряжено с выявлением позитивных психологических качеств, поддержанием психического здоровья, определения методов и стратегий ликвидации негативного влияния окружающей среды на процесс оптимальной жизнедеятельности личности.

По мнению автора, с помощью развитого эмоционального интеллекта, личность формирует соответствующие навыки, помогающие легче воспринимать собственные и чужие эмоции, управлять ими и создавать важные лидерские качества. Всё это отражается на возможности разрешения важных жизненных задач, достижения высот в профессиональной деятельности и общего повышения удовлетворенности жизнью [9, с. 53-56].

Сабиров Т. отмечает в рамках реализуемых им исследований, что эмоциональный интеллект напрямую взаимосвязан с процессом налаживания психологического и психического здоровья, поддержания его на высоком уровне. В его трудах говорится о том, что развитие эмоциональной сферы личности сегодня подвергается многочисленным испытаниям и воздействиям со стороны окружающей среды [10, с. 130-133].

При этом только развитая личность в эмоциональном плане способна нивелировать негативный эффект от стрессовых и конфликтных ситуаций. Правильная интерпретация чувств, эмоций и желаний, а также мнений окружающих дает личности возможность адаптироваться к внешним воздействиям и более плодотворно взаимодействовать с собственным внутренним миром.

Качественное проявление эмоциональных реакций помогает личности естественно переживать их и исключать возникновение стрессовых ситуаций, а при наличии таковых, принимать взвешенные, обдуманые решения, которые не влияют негативно на общий эмоциональный фон, не сказываются на психологическом состоянии.

По мнению специалиста, проблема эмоционального интеллекта сегодня не изучена всесторонне, что обуславливает важность будущих исследований, которые позволят наилучшим образом выявить механизм взаимосвязи психической жизни человека и уровня развития эмоционального интеллекта.

Мартыанова А.Д. выделяет эмоциональный интеллект в виде некоторой предпосылки успешного психологического функционирования личности, плодотворного совершенствования её индивидуальных особенностей. По мнению автора, эмоциональный интеллект выделяется как средство, которое имеет важное значение в процессе психологического становления и проявления личности. Здесь имеет значение не только общее эмоциональное проявление человека в процессе налаживания межличностных отношений, но и психологическое восприятие окружающей действительности [11].

При столкновении интересов личности и общества, а также личности с другими людьми, их мнениями, желаниями и возможностями, возможно возникновение негативных эмоций, дестабилизирующих общий эмоциональный и психологический фон. В связи с этим, возможно проявление негативного влияния стресса на плодотворное развитие личности. Налаживание плодотворных связей между личностями позитивно влияет на общее развитие человека.

В рамках психологии здоровье выделяется как биопсихосоциальное единство, характеризующееся социальным, психоэмоциональным и физическим благополучием.

Эмоциональный интеллект воздействует на различные психологические факторы, среди которых:

- автоматизированные негативные вербализации установок ценностей, потребностей, логической последовательности в мышлении;
- наличие иррациональных черт характера, психоэмоциональных состояний;
- наличие регуляции собственного поведения, формирования способности познания чужих и своих эмоций.

Литвинова Н.Ю. отмечает, что эмоциональный интеллект отмечается ресурсом сокращения психологических причин движения личности от здорового состояния к болезненному. Соответственно, в рамках работы личности над эмоциональным интеллектом производится процесс управления потенциалом психологического здоровья. Важно совершенствовать в структуре личности отдельные способности [12, с. 203-209].

Литвинова Н.Ю. выделяет следующие способности личности, помогающие поддерживать психологическое здоровье (выделяющиеся в рамках составляющих развитого эмоционального интеллекта):

- овладение собственными чувствами;
- умение понимать чувства и эмоции других людей;
- налаживание позитивного настроения;
- идентификация своих и чужих эмоций;
- применение мышления, эмоциональной информации;
- развитие эмпатии, психологической устойчивости;
- оптимистичность;
- способность быстро и оптимально перерабатывать принимаемую информацию.

Сегодня личность имеет множество психологических инструментов реализации управления потенциалом своего здоровья. В данном случае, специалисты выделяют возможность проявления эмоциональных переживаний, правильного управления эмоциями, воспитание психоэмоциональной компетентности.

Можно сказать, что сегодня личность сталкивается с многочисленными вызовами, стрессовыми ситуациями, разного рода сложными задачами, провоцирующими снижение уровня психического здоровья. Судя по выявленным данным современных исследований, можно сказать, что основным из инструментов поддержания и развития психического здоровья является эмоциональный интеллект.

При этом эмоциональный интеллект должен быть развит до соответствующего уровня, качественно влияющего на внутреннее состояние саморегуляции личности, управления эмоциями, чувствами, восприятием окружающей действительности.

Здесь проявляется сложность выявления факторов, негативно связывающихся на психологическом и психическом состоянии личности. Однако, правильное понимание механизма развития и задействования эмоционального интеллекта в процессе стабилизации психического здоровья личности, помогает качественно интерпретировать направления, способствующие снижению негативного влияния со стороны других лиц и внешней среды, в целом.

Активная трансформация современной жизни общества формирует многочисленные вызовы, риски, проблемные и кризисные ситуации, порой, «выбивающие» личность из общего устоявшегося ритма. За счет развитого эмоционального интеллекта, у человека имеется возможность справляться с повышением уровня стрессовых ситуаций, контролировать свои эмоции и правильно интерпретировать чувства других людей.

Выводы

Таким образом, можно сделать вывод о том, что сегодня человек может поддерживать оптимальное психологическое и психическое здоровье, пользуясь инновационными и традиционными практиками развития эмоционального интеллекта. Подобные тренинги и программы помогают личности развивать мотивацию на собственное совершенствование, задействование имеющихся «внутренних» психологических ресурсов и резервов.

Нельзя упускать из виду особенности и индивидуальные специфические качества личности, которые могут быть задействованы при разрешении нестандартных ситуаций, ликвидации конфликтов, ситуаций, дестабилизирующих психологический фон.

Список источников

1. Щербакова Н.И. Эмоциональный интеллект: основные определения и подходы к изучению в отечественной психологии // Проблемы современной науки и образования. 2024. № 2. С. 53 – 56.
2. Сабилов Т. Феномен эмоционального интеллекта // Вестник бишкекского государственного университета. 2021. № 1. С. 130 – 133.
3. Муцаева З.А. Ясадова З.А. Булуева Ш.И. Изучение понятия «эмоциональный интеллект» в психолого-педагогической литературе // Наука и молодежь. 2022. С. 297 – 303.
4. Буткина Е.П. Связь эмоционального интеллекта и психологического благополучия в юношеском возрасте // Молодой ученый. 2023. № 2. С. 403 – 405.
5. Козьяков Р.В., Попов Д.М. Теоретические основы изучения эмоционального интеллекта в организации туристической деятельности // Вестник ГГУ. 2019. № 4. С. 26 – 37.
6. Богатырева И.В. Эмоциональный интеллект как ведущий «гибкий навык» и феномен личностной креативности в психологии, их взаимосвязь // Духовная ситуация времени, Россия 21 век. 2021. № 2. С. 36 – 39.
7. Богатырева И.В. Эмоциональный интеллект как ведущий «гибкий навык» и феномен личностной креативности в психологии, их взаимосвязь // Духовная ситуация времени, Россия 21 век. 2021. № 2. С. 36 – 39.

8. Игнатова Е.С. Взаимосвязь эмоционального интеллекта и применения цифровых технологий: обзор современных исследований // Вестник пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2023. № 3. С. 365 – 381.
9. Щербакowa Н.И. Эмоциональный интеллект: основные определения и подходы к изучению в отечественной психологии // Проблемы современной науки и образования. 2024. № 2. С. 53 – 56.
10. Сабиров Т. Феномен эмоционального интеллекта // Вестник бишкекского государственного университета. 2021. № 1. С. 130 – 133.
11. Мартянова А.Д. Влияние уровня эмоционального интеллекта на психологическое здоровье и развитие лидерских качеств // Молодой ученый. 2022. № 12. С. 53 – 55.
12. Литвинова Н.Ю. Управление потенциалом здоровья через практику формирования эмоционального интеллекта // Экономика и управление: проблемы, решения. 2024. № 3. С. 203 – 209.

References

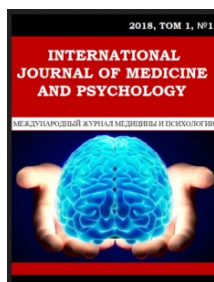
1. Shcherbakova N.I. Emotional intelligence: basic definitions and approaches to study in domestic psychology. Problems of modern science and education. 2024. No. 2. P. 53 – 56.
2. Sabirov T. The phenomenon of emotional intelligence. Bulletin of Bishkek State University. 2021. No. 1. P. 130 – 133.
3. Mutsaeva Z.A. Yasadova Z.A. Bulueva Sh.I. Study of the concept of "emotional intelligence" in psychological and pedagogical literature. Science and youth. 2022. P. 297 – 303.
4. Butkina E.P. The relationship between emotional intelligence and psychological well-being in adolescence. Young scientist. 2023. No. 2. P. 403 – 405.
5. Kozyakov R.V., Popov D.M. Theoretical foundations for the study of emotional intelligence in the organization of tourism activities. Bulletin of GSU. 2019. No. 4. P. 26 – 37.
6. Bogatyreva I.V. Emotional intelligence as a leading "soft skill" and the phenomenon of personal creativity in psychology, their relationship. Spiritual situation of the time, Russia 21st century. 2021. No. 2. P. 36 – 39.
7. Bogatyreva I.V. Emotional intelligence as a leading "soft skill" and the phenomenon of personal creativity in psychology, their relationship. Spiritual situation of the time, Russia 21st century. 2021. No. 2. P. 36 – 39.
8. Ignatova E.S. The relationship between emotional intelligence and the use of digital technologies: a review of modern research. Bulletin of Perm University. Philosophy. Psychology. Sociology. 2023. No. 3. P. 365 – 381.
9. Shcherbakova N.I. Emotional intelligence: basic definitions and approaches to study in domestic psychology. Problems of modern science and education. 2024. No. 2. P. 53 – 56.
10. Sabirov T. The phenomenon of emotional intelligence. Bulletin of Bishkek State University. 2021. No. 1. P. 130 – 133.
11. Martyanova A.D. The influence of the level of emotional intelligence on psychological health and the development of leadership qualities. Young scientist. 2022. No. 12. P. 53 – 55.
12. Litvinova N.Yu. Managing health potential through the practice of developing emotional intelligence. Economics and Management: Problems, Solutions. 2024. No. 3. P. 203 – 209.

Информация об авторах

Капацкая В.М., кандидат педагогических наук, доцент, Международный инновационный университет, nnurio@mail.ru

Перепечаев Д.А., аспирант, Московский инновационный университет, perepchaev.d@yandex.ru

© Капацкая В.М., Перепечаев Д.А., 2025

Научно-исследовательский журнал «International Journal of Medicine and Psychology / Международный журнал медицины и психологии»

<https://ijmp.ru>

2025, Том 8, № 4 / 2025, Vol. 8, Iss. 4 <https://ijmp.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.3.4. Педагогическая психология, психодиагностика цифровых образовательных сред (психологические науки)

УДК 378.1

¹ **Грибков А.А.,**

¹ *Московский психолого-социальный университет*

Исследование развития познавательной активности студентов

Аннотация: в статье рассмотрены результаты исследования познавательной активности студентов гуманитарного профиля. Актуальность исследования обусловлена необходимостью применения в образовательном процессе интернет-технологий, направленных на развитие у студентов познавательной активности. Целью работы явился процесс определения их познавательной активности. В качестве методов использован теоретический анализ научной литературы, разработан и осуществлен педагогический эксперимент. Результаты показали необходимость повышения в образовательном процессе уровня познавательной активности студентов. Сделан вывод о создании и внедрении программы, направленной на развитие у студентов познавательной активности на основе применения интернет-технологий. Данное исследование посвящено анализу развития познавательной активности студентов в современном образовательном пространстве. Актуальность темы обусловлена необходимостью повышения качества образовательного процесса через использование инновационных методов обучения, способствующих активизации умственной деятельности учащихся. Введение формулирует цель исследования – выявление особенностей и закономерностей формирования познавательной активности студентов в условиях внедрения современных педагогических технологий.

В разделе "Методы" описываются применяемые методики, включающие как количественные, так и качественные исследования. В качестве эмпирической базы использовались данные анкетирования, наблюдений и тестовых заданий, направленных на оценку уровня познавательной активности. Применялась методика сравнительного анализа для сопоставления результатов до и после внедрения экспериментальных образовательных практик, что способствовало получению объективных данных о динамике развития умственной деятельности студентов. Дополнительно использовался статистический анализ для проверки гипотез исследования. Полученные в разделе "Результаты" данные свидетельствуют о значительном росте показателей познавательной активности, особенно в группах, где активно использовались проблемно-ориентированное обучение и интерактивные методики преподавания. Выявлено, что положительное влияние на развитие познавательной активности оказывает индивидуальный подход к обучению, наличие мотивирующих факторов и активное использование технологий дистанционного образования. Динамика изменений подтверждена улучшением показателей успеваемости и возросшей вовлечённостью студентов в учебный процесс.

Ключевые слова: исследование, развитие, познавательная активность, студенты, образование

Для цитирования: Грибков А.А. Исследование развития познавательной активности студентов // International Journal of Medicine and Psychology. 2025. Том 8. № 4. С. 235 – 241.

Поступила в редакцию: 19 февраля 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 17 апреля 2025 г.; Принята к публикации: 22 мая 2025 г.

¹ **Gribkov A.A.**,
¹ *Moscow Psychological and Social University*

Research on the development of students' cognitive activity

Abstract: the article considers the results of a study of the cognitive activity of students of the humanities. The relevance of the research is determined by the need to use Internet technologies in the educational process aimed at developing students' cognitive activity. The purpose of the work was the process of determining their cognitive activity. The theoretical analysis of scientific literature was used as methods, and a pedagogical experiment was developed and implemented. The results showed the need to increase the level of cognitive activity of students in the educational process. The conclusion is made about the creation and implementation of a program aimed at developing students' cognitive activity based on the use of Internet technologies. This study is dedicated to the analysis of the development of students' cognitive activity in the modern educational environment. The relevance of the topic is determined by the necessity to improve the quality of the educational process through the use of innovative teaching methods that promote the activation of students' mental activities. The introduction outlines the aim of the study – to identify the features and patterns in the formation of students' cognitive activity under the conditions of implementing modern pedagogical technologies.

The “Methods” section describes the methodologies used, including both quantitative and qualitative research methods. The empirical basis comprised data from surveys, observations, and test tasks aimed at assessing the level of cognitive activity. A comparative analysis method was applied to compare the results before and after the introduction of experimental educational practices, which contributed to obtaining objective data on the dynamics of students' cognitive development. Additionally, statistical analysis was used to test the research hypotheses. The data presented in the “Results” section indicate a significant increase in the indicators of cognitive activity, especially in groups where problem-oriented learning and interactive teaching methods were actively used. It was found that an individual approach to teaching, the presence of motivating factors, and the active use of distance education technologies have a positive influence on the development of cognitive activity. The dynamics of the changes are confirmed by improved academic performance and increased student engagement in the learning process.

Keyword: researches, internet technologies, Agile technologies, cognitive activity, learning, digital resources, students, competence

For citation: Gribkov A.A. Research on the development of students' cognitive activity. International Journal of Medicine and Psychology. 2025. 8 (4). P. 235 – 241.

The article was submitted: February 19, 2025; Approved after reviewing: April 17, 2025; Accepted for publication: May 22, 2025

Введение

Актуальность исследования

Постоянное изменение информационного пространства и внедрение новых цифровых технологий предполагают наличие у современного человека способностей быстрого анализа и усвоения новых сведений, навыков быстрой обработки полученной информации. Интернет-технологии стремительно охватывают практически все направления человеческой деятельности. Анализ применения информационных технологий в образовательных учреждениях показывает, что они играют все большую ключевую роль в современном образовательном процессе. Интернет-ресурсы открывают новые возможности получения знаний, способствуют достижению максимального эффекта в процессе обучения и получении результата. Потребность в пересмотре учебных моделей,

внедрении новых цифровых информационных программ становится всё более очевидной.

Использование инновационных цифровых инструментов позволяет значительно повысить усвоение учебного материала, а также стимулирует мотивацию и познавательную активность студентов. Это становится отправной точкой для их интеллектуального роста и непрерывного самосовершенствования [3].

Т.И. Шамова трактует познавательную активность как качество личности, которое выражается в ее отношении к содержанию учебной деятельности, стремлении к эффективному освоению знаний и умений в минимально возможные сроки при мобилизации нравственно-волевых усилий для достижения поставленных целей [11].

Е.П. Грибова [6] указывает, что сформированная познавательная активность помогает человеку

подходить творчески к изменениям и развитию социума, а также осознавать уникальность каждого индивида, с которым он взаимодействует. Как отмечает Е.В. Бондаревская, важно научить молодежь разбираться в обилии информации, отделяя полезные данные от бессмысленных, что способствует их личностному развитию [2].

Е.А. Воронина, М.Л. Курьян отмечают, что эффективность цифровых технологий зависит от того, насколько активно они применяются участниками образовательного процесса [5].

Обучение в цифровой среде требует от студентов навыков работы с цифровыми ресурсами, организации исследовательской деятельности и грамотного представления результатов [4].

Т.А. Черных, Ю.А. Рубцова, В.А. Машарова пришли к заключению о том, что создать такую личностную структуру познавательной активности студенты смогут при условии, если на занятиях их научили выстраивать логику информационных смыслов. Затем эти логические цепочки в процессе познавательной активности преобразуются в модель интеграции информации в личностную осознанную деятельность с определенной границей ответственности и критического мышления относительно своих целей и действий [10, 9].

Именно, средства цифровизации и интернет технологии делают возможным повысить уровень познавательной активности обучающегося. Необходимо как можно быстрее изменить подходы к обучению. За счет высокого уровня познавательной активности и мотивации к обучению, вовлекать обучающихся в учебную деятельность.

Таким образом, применение современных информационных технологий представляет широкий спектр использования в образовательном процессе форм и методов обучения, способствующих развитию познавательной активности у студентов [7].

Однако, недостаточная теоретическая разработанность этой проблемы, в том числе в рамках высшей школы, послужила предметом исследования вопроса о разработки программы развития познавательной активности студентов на базе Agile-технологии. Agile-управление проектами – это итеративный подход, ориентированный на постоянное совершенствование, гибкость, вклад членов команды и получение высококачественных результатов. Методы Agile популярны в разработке программного обеспечения и используются в других проектах [13].

Материалы и методы исследований

С целью выявления и констатации уровня познавательной активности студентов до применения в учебном процессе Agile-технологии были проведены экспериментальные исследования.

В исследовании приняло участие 58 студентов второго курса юридического факультета – экспериментальная группа, и 53 студента – контрольная группа, возраст студентов в группах от 18 до 20 лет. Подбор студентов и формирование в контрольную и экспериментальную группы производился не по показателям академической успеваемости студентов, а создан простым случайным отбором. Предполагалось, что отобранные студенты имеют приблизительно одинаковый уровень успеваемости и знаний по базовым дисциплинам, соответствующим второму курсу обучения в университете.

Применена методика УСК (уровень субъективного контроля), авторами методики являются Е.Ф. Бажин, Е.А. Голынкина, А.М. Эткинд [1] на основе концептуальных идей локуса контроля Дж. Роттера.

Опросник личностно ориентирован, нацелен на получение информации об уровне сформированности у личности способности брать на себя ответственность (диагностика интернальности - экстернальности). Локус контроля рассматривается как универсальное свойство личности. Он проявляется равно как в сфере достижений, так и в сфере неудач. В методике выделены субшкалы: контроль в ситуациях достижения, в ситуациях неудачи, в области производственных и семейных отношений, в области здоровья. Опросник содержит 44 утверждения. В целях достижения максимальной достоверности результатов в опроснике выделены такие параметры: 1) интернальность-экстернальность – формулировка вопросов предполагает равное количество положительных ответов людей с интернальным УСК и с экстернальным УСК; 2) эмоциональный знак - количество пунктов опросника предполагает равные ответы на эмоционально позитивные и эмоционально негативные ситуации; 3) по направлению личностных констатаций – равное количество пунктов сформулировано от первого и третьего лица.

Формы ответов, исследуемых лежат в границах 6-балльной шкалы «-3, -2, -1, +1, +2, +3». Ответ «+3» означает «полностью согласен», «-3» – «совершенно не согласен» с утверждением.

Подсчитывается общее количество баллов, полученных положительных ответов и общее количество баллов отрицательных ответов. Полученные суммы опросника по каждому студенту преобразуются в стены и могут быть наглядно представлены в таблице профиля субъективного контроля. Минимальный номинал стена соответствует 1, максимальный номинал стена равен 10 единицам.

Если студент по какому-то параметру получает количество стенов от 1 до 5, это означает низкий уровень субъективного контроля над личностно ключевыми ситуациями. Интервал стенов от 6 до 10 свидетельствует о высоком уровне субъективного контроля.

В целях, проведенного исследования были взяты шкалы интернальности в области достижений (Ид) и в области неудач (Ин).

Шкала интернальности в области достижений (Ид).

Высокий уровень субъективного контроля (Интерналы) говорит, что личность умеет управлять своими эмоциями, понимает последствия происходящих событий. Такой студент отдает себе отчет в том, что его личные достижения в учебе и профессиональной деятельности зависят только от тех усилий, которые он приложит. У такого студента имеется понимание достигнутого образовательного уровня. Он имеет четкое представление о своем личностном развитии, о примах, ведущих его к поставленным целям. Он не ищет помощи от других, знает и верит в свои возможности. Такой студент сторонится манипулирования со стороны, избегают прямого столкновения, он внутренне устойчив. У него направленные достижение своих планов и идей, он проявляет активный познавательный интерес ко всему новому в обучении.

Низкий уровень субъективного контроля (Экстерналы) указывает, что личность не верит в свои возможности, полагается на помощь сокурсников, преподавателей. Такой студент уверен в своей зависимости от внешних обстоятельств. Стратегическое мышление и логическое поведение ему не свойственно. У него отсутствует осознанный психический процесс целеполагания своих учебных потребностей и мотивов. Учебная информация им

воспринимается пассивно, имеются трудности в получении знаний.

Шкала интернальности в области неудач (Ин).

Высокие результаты по этой шкале говорят о склонности человека в отрицательных последствиях образовательных планов обвинять себя. Студент не верит в свои возможности, и оценивает свои способности по самым низким критериям.

Низкие показатели неудач указывают, что студент ответственность за происходящие события перекладывает на других, он не имеет четкого мнения на происходящие социальные явления, у него отсутствует инициатива в решении образовательных и социальных задач.

Результаты и обсуждения

Согласно полученным данным проведенного исследования уровня субъективного контроля в области достижений (Ид), высокий уровень субъективного контроля был выявлен у 22% исследуемых студентов экспериментальной группы, что позволило их отнести к интерналам. Соответственно 78% исследуемых студентов экспериментальной группы имели низкие результаты – экстерналы. У студентов контрольной группы высокий уровень субъективного контроля в области достижений выявлен у 38%, тогда как низкий уровень показали 62% контрольной группы.

По шкале интернальности в области неудач (Ин) 65% исследуемых студентов экспериментальной группы имели высокие результаты, 35% студентов этой группы показали низкий уровень по данной шкале. У контрольной группы высокий уровень в области неудач определен у 70% студентов, у 30% студентов группы отмечены низкие показатели по этой шкале.

В табл. 1 занесены результаты тестирования по методике УСК.

Таблица 1

Значения УСК по уровням.

Table 1

Values of USC by levels.

Группа	Шкала интернальности-экстернальности			
	Ид		Ин	
	Низкий	Высокий	Низкий	Высокий
ЭГ	78% (45 чел)	22% (13 чел)	35% (20 чел)	65% (38 чел)
КГ	62% (32 чел)	38% (21 чел)	30% (17 чел)	70% (36 чел)

На основании полученных данных исследования экспериментальной и контрольной групп можно констатировать факт того, что контрольная группа по показателям выглядит благополучнее студентов из экспериментальной группы.

Полагаем, что познавательная активность в большей степени проявляется у людей с интернальным локусом контроля, поскольку они

максимально ответственно относятся к получению знаний, а также к личным достижениям и к результатам поставленных образовательных и социальных целей.

На основе данных эксперимента автором была разработана программа развития познавательной активности студентов с применением Agile – технологии.

Поставлена задача – повысить уровень познавательной активности у экспериментальной группы студентов путем внедрения в образовательный процесс группы программы развития познавательной активности с применением Agile-технологии.

Компании, внедрившие практики Agile, отмечают, что у них «улучшилась прозрачность ведения проектов» и «стали лучше управлять меняющимися приоритетами» (более 70 % респондентов). Кроме того, у более 50% опрошенных «повысилась мотивация команд», «увеличилась производительность» и «повысилась предсказуемость поставок» [8].

Первоначально применяемые в сфере информационных технологий, в бизнес сообществах, в настоящее время Agile находит всё большее применение в образовании и развитии познавательной активности.

Agile-технологии – это технологии по управлению проектами. Основанные на гибкости и адаптивности, они позволяют студентам в командных проектах в короткое время реагировать на изменения ситуации при этом достигать внушительных результатов при работе над сложными задачами.

Применение в учебном процессе Agile мотивирует студентов к учебе, дает возможность самостоятельно планировать и организовывать свою учебную деятельность, что ведет к повышению познавательной активности студентов. В Agile ответственность за процесс обучения лежит частично либо полностью на обучающихся, они сами формируют образовательный процесс, создают проект, за педагогом остается функции консультирования и контроля за выполнением, поставленных задач.

Общей чертой как для Agile-, так и для проектной образовательной технологии является идея, согласно которой группа (микрогруппа) работает над проблемно-поисковой деятельностью, в результате чего обучающиеся разрабатывают некий конечный продукт, который необходимо представить и защитить [12].

Принципы разработанной программы развития познавательной активности студентов с применением Agile-технологии, направлены на создание адаптивной, коллаборативной и эффективной рабочей атмосферы в группе. Для каждого студента в проекте определяется роль

согласно его компетенции и интересам. У студентов формируется чувство собственной важности в решении задач, в направлении его интересов. Раскрывается познавательный и личностный потенциал студента, способствующий в развитии познавательной активности не только в рамках выполнения определенного проекта, ограниченного временными рамками. Вне проекта каждый студент находит образовательные темы, в которых он может максимально реализовать свои личностные потребности, построить план саморазвития. Также в процессе применения Agile-технологии в образовательных целях происходит развитие активного сотрудничества и вовлеченности студентов в процесс усвоения знаний, что является важным для повышения их познавательной активности.

Программа состоит из этапов ее внедрения в образовательный процесс. В результате предполагается повышение познавательной активности студентов экспериментальной группы, улучшение их навыков работы в команде, а также развитие критического мышления и самоорганизации, что в свою очередь позволит им создать более адаптивную и эффективную учебную среду. В итоге, программа будет способствовать улучшению общего качества образования и углублению понимания изучаемых дисциплин.

Выводы

В результате, проведенных исследований был сделан вывод о низком уровне познавательной активности студентов как экспериментальной, так и контрольной групп, что послужило поводом для создания и дальнейшего внедрения в образовательный процесс программы развития познавательной активности студентов с применением интернет-ресурсов. Для целей исследования была выбрана гибкая, адаптивная цифровая технология Agile-технология по управлению проектами, позволяющая студентам работать в команде, планировать и формировать учебный процесс, раскрыть познавательно-исследовательский потенциал студентов.

Ожидается, что внедренная программа развития познавательной активности студентов с применением Agile – технологии позволит студентам активизировать восприятие учебных дисциплин, и, как следствие, повысит их уровень познавательной активности.

Список источников

1. Бажин Е.Ф., Голынкина Е.А., Эткинд А.М. Метод исследования уровня субъективного контроля // Психологический журнал. 1984. Т. 5. № 3. С. 152 – 162.
2. Бондаревская Е.В. Личностно-ориентированное образование: опыт разработки парадигмы. Ростов-на-Дону, 1997. 28 с.
3. Вербова К.В., Кондратьева С.В. Понимание А.С. Макаренко своих воспитанников как эталон педагогической социальной перцепции // Вопросы психологии. 1990. №. 2. С. 43.
4. Волкова Е.Н. Субъектность как деятельное отношение к самому себе, к другим людям и к миру // Мир психологии. 2005. № 3. С. 33 – 40.
5. Воронина Е.А., Курьян М.Л. Формирование осознанного отношения к учебной деятельности как путь к саморегулируемому обучению // Вестник Сургутского государственного гуманитарного профиля. 2016. № 2 (41). С. 52.
6. Грибова Е.П. Феномен познавательной активности в аспекте философских и психолого-педагогических исследований // Мир науки. Педагогика и психология. 2020. Т. 8. № 4. С. 9.
7. Григоренко Л.А., Дадашова Е.А., Савва Л.И. Развитие познавательного интереса студентов образовательных учреждений в цифровой образовательной среде // Современные проблемы науки и образования. 2022. № 2. С. 51. DOI 10.17513/spno.31625
8. Лозгачева Т.М., Табекина О.А., Федотова О.В. Agile и научная организация труда: практика применения гибких методов в России // Ученые записки Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского. Экономика и управление. 2019. Т. 5. № 2. С. 48 – 59.
9. Машарова В.А. Интернет-взаимодействие субъектов образовательного процесса как средство развития познавательной активности старшеклассников: дис. Санкт-Петербург, 2016. 150 с.
10. Черных Т.А., Рубцова Ю.А. Возможности использования электронных средств обучения для развития познавательной активности студентов // Открытое образование. 2018. Т. 22. № 2. С. 54. DOI: <http://dx.doi.org/10.21686/1818-4243-2018-2-54-60>
11. Шамова Т.И. Активизация учения школьников. М.: Педагогика, 1982. 208 с.
12. Шегай Н.А. Agile-технологии гибкого управления проектной деятельностью как средство формирования информационно-коммуникационной компетентности студентов вузов // Педагогика. Вопросы теории и практики Pedagogy. 2021. Т. 6. № 6. С. 117 – 1125.
13. Agile 2024: анализ успехов, неудач и новых тенденций. <https://ru.rememo.io/blog/agile-2023-an-examination-of-emerging-trends>

References

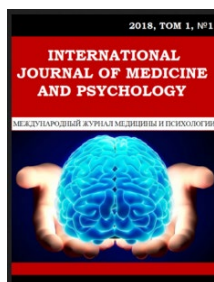
1. Bazhin E.F., Golyunkina E.A., Etkind A.M. Method of studying the level of subjective control. Psychological Journal. 1984. Vol. 5. No. 3. P. 152 – 162.
2. Bondarevskaya E.V. Personality-oriented education: experience of developing a paradigm. Rostov-on-Don, 1997. 28 p.
3. Verbova K.V., Kondratieva S.V. Understanding of A.S. Makarenko of his students as a standard of pedagogical social perception. Questions of Psychology. 1990. No. 2. P. 43.
4. Volkova E.N. Subjectivity as an active attitude to oneself, to other people and to the world. The World of Psychology. 2005. No. 3. P. 33 – 40.
5. Voronina E.A., Kuryan M.L. Formation of a conscious attitude towards educational activities as a path to self-regulated learning. Bulletin of the Surgut State Humanitarian Profile. 2016. No. 2 (41). P. 52.
6. Gribova E.P. The phenomenon of cognitive activity in the aspect of philosophical and psychological-pedagogical research. The world of science. Pedagogy and psychology. 2020. Vol. 8. No. 4. P. 9.
7. Grigorenko L.A., Dadashova E.A., Savva L.I. Development of cognitive interest of students of educational institutions in the digital educational environment. Modern problems of science and education. 2022. No. 2. P. 51. DOI 10.17513/spno.31625
8. Lozgacheva T.M., Tabekina O.A., Fedotova O.V. Agile and scientific organization of labor: the practice of applying flexible methods in Russia. Scientific notes of the Crimean Federal University named after V.I. Vernadsky. Economics and management. 2019. Vol. 5. No. 2. P. 48 – 59.
9. Masharova V.A. Internet interaction of subjects of the educational process as a means of developing the cognitive activity of high school students: diss. St. Petersburg, 2016. 150 p.

10. Chernykh T.A., Rubtsova Yu.A. Possibilities of using electronic learning tools to develop students' cognitive activity. *Open education*. 2018. Vol. 22. No. 2. P. 54. DOI: <http://dx.doi.org/10.21686/1818-4243-2018-2-54-60>
11. Shamova T.I. Activation of schoolchildren's learning. Moscow: Pedagogy, 1982. 208 p.
12. Shegay N.A. Agile technologies of flexible project management as a means of forming information and communication competence of university students. *Pedagogy. Issues of theory and practice of Pedagogy*. 2021. Vol. 6. No. 6. P. 117 – 1125.
13. Agile 2024: analysis of successes, failures and new trends. <https://ru.rememo.io/blog/agile-2023-an-examination-of-emerging-trends>

Информация об авторе

Грибков А.А., аспирант, Московский психолого-социальный университет, postbox@agribkov.ru

© Грибков А.А., 2025

Научно-исследовательский журнал «International Journal of Medicine and Psychology / Международный журнал медицины и психологии»

<https://ijmp.ru>

2025, Том 8, № 4 / 2025, Vol. 8, Iss. 4 <https://ijmp.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.3.1. Общая психология, психология личности, история психологии (психологические науки)

УДК 159.9

^{1, 2} Усова Н.В.,

¹ Московский международный университет,

² Саратовская государственная юридическая академия

Модель поведения молодежи в цифровой среде

Аннотация: в статье представлена модель, классифицирующая поведение молодежи в цифровой среде на основе информационно-психологической безопасности личности. Исследование строилось на комбинации качественных и количественных методов с последующим кластерным анализом, в ходе которого выделено два основных кластера: «Осознанные и сбалансированные пользователи», характеризующиеся развитым критическим мышлением, осторожностью и сдержанностью в использовании цифровых технологий, и «Цифровые граждане с заботой о благополучии», для которых характерны ответственность, безопасность в социальных сетях, соблюдение авторских прав и внимание к психическому здоровью в цифровом пространстве. Предложенный подход позволяет выявить ключевые особенности, с которыми сталкиваются пользователи, и наметить пути повышения их осознанности и ответственности в цифровом мире. Теоретическая значимость работы заключается в выявлении психологических механизмов формирования безопасного и ответственного поведения в интернете, что в совокупности расширяет теоретические представления об информационно-психологическом воздействии цифровой среды на личность. Практическая значимость обусловлена возможностью использовать полученные результаты в процессе создания образовательных программ и тренингов по развитию медиаграмотности, критического мышления и навыков безопасного поведения в интернете, а также содействию на их основе здоровой и безопасной цифровой среды для молодежи.

Ключевые слова: информационно-психологическая безопасность, цифровое пространство, ориентация, мотивация, ключевые навыки, риски, поведение

Для цитирования: Усова Н.В. Модель поведения молодежи в цифровой среде // International Journal of Medicine and Psychology. 2025. Том 8. № 4. С. 242 – 247.

Поступила в редакцию: 20 февраля 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 17 апреля 2025 г.; Принята к публикации: 22 мая 2025 г.

^{1, 2} Usova N.V.,

¹ Moscow International University,

² Saratov State Law Academy

Model of youth behavior in the digital environment

Abstract: the article presents a model that classifies the behavior of young people in the digital environment based on the information and psychological security of the individual. The study was based on a combination of qualitative and quantitative methods followed by cluster analysis, during which two main clusters were identified: "Conscious and balanced users" characterized by developed critical thinking, caution and restraint in the use of digital technologies, and "Digital citizens with concern for well-being", who are characterized by responsibility, safety in social networks, copyright compliance and attention to mental health in the digital space. The proposed approach allows us to identify the key features that users face and outline ways to increase their awareness and responsibility in the digital world. The theoretical significance of the work lies in identifying the psychological mechanisms for

the formation of safe and responsible behavior on the Internet, which together expands theoretical understanding of the information and psychological impact of the digital environment on the individual. The practical significance is due to the possibility of using the obtained results in the process of creating educational programs and trainings on the development of media literacy, critical thinking and skills of safe behavior on the Internet, as well as promoting a healthy and safe digital environment for young people on their basis.

Keywords: information and psychological security, digital space, orientation, motivation, key skills, risks, behavior

For citation: Usova N.V. Model of youth behavior in the digital environment. International Journal of Medicine and Psychology. 2025. 8 (4). P. 242 – 247.

The article was submitted: February 20, 2025; Approved after reviewing: April 17, 2025; Accepted for publication: May 22, 2025

Введение

Актуальность темы обусловлена стремительным ростом влияния цифрового пространства на формирование личности [10], социализацию [11] и мировоззрение современной молодежи [12]. Интернет и социальные сети стали неотъемлемой частью жизни молодых людей, предоставляя широкие возможности для общения, обучения, самовыражения и получения информации [2]. Однако, вместе с тем, цифровое пространство несет в себе серьезные риски и угрозы информационно-психологической безопасности [7], которые могут негативно влиять на психическое и физическое здоровье, социальное благополучие и жизненные перспективы молодежи [5]. В частности, молодежь особенно уязвима к следующим негативным факторам цифрового пространства: – недостаток критического мышления и медиаграмотности делает молодых людей подверженными манипуляциям и распространению ложной информации, что приводит к формированию искаженной картины мира и принятию неправильных решений [9]; молодежь часто становится жертвой травли и агрессивного поведения в интернете, что обуславливает тревогу, социальную изоляцию и суицидальные мысли; чрезмерное использование интернета способствует нарушению сна, ухудшению когнитивных функций, развитию тревожных и депрессивных расстройств [6]; воздействие агрессивного, порнографического и другого деструктивного контента формирует искаженные представления о моральных ценностях, сексуальном поведении и социальных нормах [4]; молодые люди часто не осознают риски, связанные с раскрытием личной информации в интернете тем самым становясь жертвами мошенничества и кражи личных данных [8].

Постановка проблемы. Существующие подходы к обеспечению информационно-психологической безопасности молодежи часто носят фрагментарный и реактивный характер, сосредотачиваясь

на борьбе с уже возникшими проблемами, а не на их предотвращении [3]. Недостаточно изучены механизмы формирования устойчивого и безопасного поведения молодежи в цифровом пространстве, основанного на осознанном выборе, критическом мышлении и ответственности за свои действия. Отсутствует комплексная модель, учитывающая психологические, социальные и технологические аспекты взаимодействия молодежи с цифровой средой и позволяющая разрабатывать эффективные стратегии профилактики и защиты [1].

Материалы и методы исследований

Исследование модели поведения молодежи в цифровом пространстве включало несколько этапов и строилось на комбинации качественных и количественных методов. На первом этапе с помощью фокус-группы мы выявляли ключевые переменные, определяющие поведение молодежи в цифровом пространстве в контексте информационно-психологической безопасности. На данном этапе нам удалось выявить и определить десять ключевых переменных: защита персональных данных, ответственное онлайн-общение, критическое мышление в отношении онлайн-контента, безопасное использование социальных сетей, защита от вредоносного программного обеспечения, соблюдение авторских прав, умеренность в использовании цифровых технологий, забота о психическом здоровье в цифровом пространстве, осведомленность о кибербезопасности, защита от онлайн-манипуляций и вербовки. На втором этапе нами были разработана анкета, направленная на оценку выраженности выявленных переменных у широкой группы молодежи и выявление взаимосвязей между ними. В анкете применялась шкала Ликерта для оценки степени согласия респондента с каждым утверждением. На данном этапе приняли участие 184 человека в возрасте от 15 до 22 лет. На третьем этапе с целью выявления различных

моделей поведения молодежи в цифровом пространстве мы применяли кластерный анализ.

Результаты и обсуждения

Проведем анализ полученных кластеров (табл. 1) и сформулируем выводы о различных типах поведения молодежи в цифровом пространстве.

Таблица 1

Порядок агломерации (кластеров).

Table 1

Order of agglomeration (clusters).

Этап	Объединенный кластер		Коэффициенты	Этап первого появления кластера		Следующий этап
	Кластер 1	Кластер 2		Кластер 1	Кластер 2	
1	9	10	82,000	0	0	9
2	2	4	83,000	0	0	3
3	2	8	96,500	2	0	5
4	5	7	98,000	0	0	6
5	2	6	106,667	3	0	7
6	3	5	113,000	0	4	7
7	2	3	128,167	5	6	8
8	1	2	138,286	0	7	9
9	1	9	149,875	8	1	0

Первый кластер – «Осознанные и сбалансированные пользователи цифровой среды». Данный кластер включает такие характеристики субъектов как уровень развития критического мышления в отношении онлайн-контента, осторожность при использовании программного обеспечения, сдержанность при использовании цифровых технологий.

Субъекты, входящие в первый кластер, обладают развитым критическим мышлением, позволяющим им анализировать и оценивать онлайн-контент с разных точек зрения. Они не склонны принимать информацию на веру, задают вопросы, проверяют источники, распознают фейки, пропаганду, манипуляции и предвзятость, осознают, что не все в интернете является правдой и стараются сформировать собственное мнение на основе проверенных данных. Им свойственен проективный подход к защите своих устройств и данных от вредоносного программного обеспечения. Они используют антивирусные программы, регулярно обновляют программное обеспечение, проявляют осторожность при загрузке файлов и переходе по ссылкам, знают о фишинге и других методах кибермошенничества. Понимают, что кибербезопасность – это не просто установка антивируса, а постоянный процесс обучения и адаптации. Субъекты, входящие в этот кластер, осознают потенциальные негативные последствия чрезмерного использования цифровых технологий, умеют устанавливать границы между онлайн и офлайн жизнью, не проводят целые дни в социальных сетях, не зависят от уведомлений и оповещений, находят время для других занятий и хобби, поддерживают

социальные связи в реальном мире. Они стремятся к балансу и используют цифровые технологии осознанно и целенаправленно, а не для бегства от реальности или заполнения пустоты.

Таким образом, пользователи, вошедшие в первый кластер, научились гармонично и осознанно интегрировать цифровые технологии в свою жизнь, которые они используют для личностного развития, обучения и общения, но при этом сохраняют критическое мышление, ответственность и заботу о своем благополучии. Можно сказать, что они представляют собой образец для подражания в цифровом мире и способствуют созданию более безопасной и здоровой онлайн-среды.

Второй кластер «Цифровые граждане с заботой о благополучии» включает такие характеристики субъектов как ответственность в сети, безопасность при использовании социальных сетей, соблюдение чужих авторских прав, забота о своем психическом здоровье в цифровом пространстве. Субъекты второго кластера осознают свою ответственность за действия в онлайн-пространстве. Они придерживаются этических норм поведения, уважительно относятся к другим пользователям, не распространяют ложную информацию, не занимаются кибербуллингом и поддерживают позитивную онлайн-среду. Понимают, что их действия могут иметь последствия и стараются быть внимательными и обдуманными. Пользователи входящие в данный кластер активно заботятся о своей безопасности в социальных сетях, используют сложные пароли, осторожно относятся к личной информации, которую публикуют в сети, настраивают параметры конфиденциальности, проверяют

запросы в друзья и не доверяют подозрительным ссылкам. Они осознают риски, связанные с социальными сетями, и принимают меры для их минимизации. Субъекты кластера уважают интеллектуальную собственность других людей, знают о существовании авторских прав и стараются соблюдать их при использовании онлайн-контента. Не скачивают пиратское программное обеспечение, не копируют чужие материалы без разрешения и указывают источники информации. Они понимают, что интеллектуальный труд должен быть вознагражден. Следует также отметить, что пользователи данного кластера осознают потенциальное негативное влияние цифровых технологий на психическое здоровье и принимают меры для его защиты. Они устанавливают лимиты на время, проводимое в интернете и социальных сетях, делают перерывы, занимаются физической активностью, практикуют осознанность и ищут поддержку, если чувствуют себя подавленными или тревожными. Они понимают, что психическое здоровье важно, и активно заботятся о нем.

Таким образом, пользователи, вошедшие во второй кластер, представляют собой группу пользователей, которые стремятся к гармоничному и ответственному использованию цифровых технологий, заботясь не только о своей безопасности и благополучии, но и о благополучии других членов онлайн-сообщества. Они являются активными участниками формирования здоровой и позитивной цифровой культуры.

Далее проанализируем специфику двух кластеров выделив существенные особенности каждого.

Осознанные и сбалансированные пользователи цифровой среды:

Основной фокус – Критическое мышление и техническая защита

Ключевые навыки – Анализ информации, кибербезопасность, самоконтроль

Мотивация – Получение достоверной информации и защита личных данных

Ориентация – На себя и свою безопасность

Цифровые граждане с заботой о благополучии

Основной фокус – Ответственность и забота о благополучии

Ключевые навыки – Эмпатия, ответственность, забота о себе и других

Мотивация – Создание позитивной онлайн-среды и защита благополучия

Ориентация – На других и на общество

«Осознанные и сбалансированные пользователи цифровой среды» здесь основной фокус делается на критическом мышлении и технической защите. Кластер характеризуется, прежде всего, умением фильтровать информацию, защищаться от киберугроз и устанавливать границы между онлайн и офлайн миром. Главное здесь – интеллектуальная и техническая готовность к вызовам цифровой среды.

«Цифровые граждане с заботой о благополучии» здесь основной фокус делается на ответственность и этику в онлайн-поведении, а также на заботу о психическом здоровье. Главное здесь – социальная ответственность и эмоциональное благополучие в цифровой среде.

Выводы

Оба кластера представляют собой позитивные модели поведения в цифровой среде, но акцентируют внимание на разных аспектах. Первый кластер делает упор на индивидуальную защиту и критическое мышление, а второй – на социальную ответственность и благополучие в цифровом мире. Идеальный пользователь цифровой среды, вероятно, сочетает в себе черты обоих кластеров, именно это положение должно лежать в основе профилактических мероприятий.

Отметим, что данная модель представляет собой абстракцию, выделяющую наиболее важные элементы и связи, которые позволяют сосредоточиться на ключевых факторах, определяющих поведение субъекта в цифровом пространстве. Понимание модели поведения позволит разработать стратегии для изменения нежелательных паттернов и формирования новых, более адаптивных форм поведения.

Список источников

1. Арендачук И.В., Усова Н.В. Психолого-педагогическое сопровождение молодежи при развитии компетентности в проявлении социальной активности // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Акмеология образования. Психология развития. 2022. Т. 11. № 4 (44). С. 340–355.
2. Арендачук И.В., Усова Н.В., Кленова М.А. Особенности социальной активности российской молодежи в условиях вынужденных социальных ограничений // Социальная психология и общество. 2022. Т. 13. № 4. С. 182–199.
3. Баева И.А. Психологическая безопасность образовательной среды: становление направления и перспективы развития [Электронный ресурс] // Экстремальная психология и безопасность личности. 2024. Том 1. № 3. С. 5–19. DOI: 10.17759/epps.2024010301

4. Баева И.А., Гаязова Л.А., Кондакова И.В., Лактионова Е.Б. Психологическая безопасность личности и ценности подростков и молодежи // Психологическая наука и образование. 2020. Т. 25. № 6. С. 5 – 18. DOI: 10.17759/pse.2020250601
5. Бессчетнова О.В., Волкова О.А., Алиев Ш.И., Ананченкова П.И., Дробышева Л.Н. Влияние цифровых медиа на психическое здоровье детей и молодежи // Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины. 2021. № 3. С. 462 – 467. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vliyanie-tsifrovyyh-media-na-psihicheskoe-zdorovie-detey-i-molodezhi> (дата обращения: 13.01.2025)
6. Виртуальная социализация молодежи: деструктивные модели поведения. Методическое пособие для специалистов сферы молодежной политики / Санкт-Петербургское государственное бюджетное учреждение «Городской центр социальных программ и профилактики асоциальных явлений среди молодежи «КОНТАКТ». Ижевск: ООО «Принт», 2023. 228 с.
7. Гукаленко О.В., Пустовойтов В.Н. Обеспечение информационной безопасности молодежи в современном образовательном пространстве // Отечественная и зарубежная педагогика. 2019. № 2 (64). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/obespechenie-informatsionnoy-bezopasnosti-molodezhi-v-sovremennom-obrazovatelnom-prostranstve> (дата обращения: 05.01.2025)
8. Костромина С.Н. Жизненные модели современной российской молодежи // Жизненное пространство в психологии: Теория и феноменология: Сборник статей / Под ред. Н.В. Гришиной, С.Н. Костроминой. СПб: Издательство Санкт-Петербургского государственного университета, 2020. С. 223 – 247.
9. Михайлов А.П., Чагин В.С. Молодёжь в цифровом обществе // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. 2023. № 4 (329). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/molodyozh-v-tsifrovom-obshchestve> (дата обращения: 13.01.2025)
10. Отклоняющееся онлайн-поведение подростков и молодых взрослых в социальных сетях: учебное пособие / под. ред. Н.В. Дворянчикова, О.В. Рубцовой М.: ФГБОУ ВО МГППУ, 2022. 100 с.
11. Сабо Ч.М. Поведение подростков – активных пользователей Интернета: результаты исследования педагогов Венгрии и России // Экопсихологические исследования – 6: экология детства и психология устойчивого развития. 2020. № 6. С. 491 – 495. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/povedenie-podrostkov-aktivnyh-polzovateley-interneta-rezultaty-issledovaniya-pedagogov-vengrii-i-rossii> (дата обращения: 05.01.2025)
12. Purba A.K., Thomson R.M., Henery P.M., Pearce A., Henderson M., Katikireddi S.V. et al. Social media use and health risk behaviours in young people: systematic review and meta-analysis BMJ 2023. № 383. P. e073552 doi:10.1136/bmj-2022-073552

References

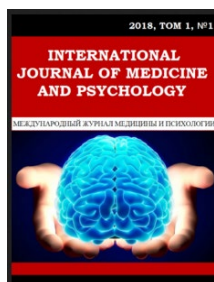
1. Arendachuk I.V., Usova N.V. Psychological and pedagogical support of young people in the development of competence in the manifestation of social activity. Bulletin of the Saratov University. New series. Series: Acmeology of education. Developmental psychology. 2022. Vol. 11. No. 4 (44). P. 340 – 355.
2. Arendachuk I.V., Usova N.V., Klenova M.A. Features of the social activity of Russian youth in the context of forced social restrictions. Social Psychology and Society. 2022. Vol. 13. No. 4. P. 182 – 199.
3. Baeva I.A. Psychological safety of the educational environment: formation of the direction and development prospects [Electronic resource]. Extreme Psychology and Personal Safety. 2024. Vol. 1. No. 3. P. 5 – 19. DOI: 10.17759/epps.2024010301
4. Baeva I.A., Gayazova L.A., Kondakova I.V., Laktionova E.B. Psychological safety of the individual and values of adolescents and young people. Psychological science and education. 2020. Vol. 25. No. 6. P. 5 – 18. DOI: 10.17759/pse.2020250601
5. Besschetnova O.V., Volkova O.A., Aliev Sh.I., Ananchenkova P.I., Drobysheva L.N. The influence of digital media on the mental health of children and young people. Problems of social hygiene, health care and history of medicine. 2021. No. 3. P. 462 – 467. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vliyanie-tsifrovyyh-media-na-psihicheskoe-zdorovie-detey-i-molodezhi> (date of access: 13.01.2025)
6. Virtual socialization of youth: destructive patterns of behavior. Methodological manual for specialists in the field of youth policy. St. Petersburg State Budgetary Institution "City Center for Social Programs and Prevention of Antisocial Phenomena Among Youth" CONTACT ". Izhevsk: ООО "Print", 2023. 228 p.
7. Gukalenko O.V., Pustovoytov V.N. Ensuring information security of youth in the modern educational space. Domestic and foreign pedagogy. 2019. No. 2 (64). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/obespechenie-informatsionnoy-bezopasnosti-molodezhi-v-sovremennom-obrazovatelnom-prostranstve> (date accessed: 05.01.2025)

8. Kostromina S.N. Life models of modern Russian youth. Living space in psychology: Theory and phenomenology: Collection of articles. Ed. N.V. Grishina, S.N. Kostromina. St. Petersburg: Publishing house of St. Petersburg State University, 2020. P. 223 – 247.
9. Mikhailov A.P., Chagin V.S. Youth in a digital society. Bulletin of Adyghe State University. Series: Regional studies: philosophy, history, sociology, jurisprudence, political science, cultural studies. 2023. No. 4 (329). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/molodyozh-v-tsifrovom-obschestve> (date of access: 13.01.2025)
10. Deviant online behavior of adolescents and young adults in social networks: a tutorial. ed. N.V. Dvoryanchikov, O.V. Rubtsova M.: FGBOU VO MGPPU, 2022. 100 p.
11. Szabo Ch.M. Behavior of adolescents – active Internet users: results of a study of teachers in Hungary and Russia. Ecopsychological studies – 6: ecology of childhood and psychology of sustainable development. 2020. No. 6. P. 491 – 495. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/povedenie-podrostkov-aktivnyh-polzovateley-interneta-rezultaty-issledovaniya-pedagogov-vengrii-i-rossii> (access date: 01/05/2025)
12. Purba A.K., Thomson R.M., Henery P.M., Pearce A., Henderson M., Katikireddi S.V. et al. Social media use and health risk behaviors in young people: systematic review and meta-analysis BMJ 2023. No. 383. P. e073552 doi:10.1136/bmj-2022-073552

Информация об авторе

Усова Н.В., кандидат психологических наук, доцент, Московский международный университет; доцент, Саратовская государственная юридическая академия, usova_natalia@mail.ru

© Усова Н.В., 2025

Научно-исследовательский журнал «International Journal of Medicine and Psychology / Международный журнал медицины и психологии»

<https://ijmp.ru>

2025, Том 8, № 4 / 2025, Vol. 8, Iss. 4 <https://ijmp.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.3.4. Педагогическая психология, психодиагностика цифровых образовательных сред (психологические науки)

УДК 159.9:37.013.42

¹ Лукашенко Д.В.,

¹ Научно-исследовательский институт Федеральной службы исполнения наказаний

Психолого-педагогические условия формирования эмоционального интеллекта у детей старшего дошкольного возраста в цифровой образовательной среде

Аннотация: статья посвящена исследованию психолого-педагогических условий формирования эмоционального интеллекта (ЭИ) у детей старшего дошкольного возраста (5-7 лет) в цифровой образовательной среде. ЭИ, включающий способность распознавать, понимать и регулировать эмоции, играет ключевую роль в развитии личности ребенка, его социальной адаптации и подготовке к школьному обучению. Цель исследования – выявить условия, обеспечивающие эффективное развитие ЭИ с использованием цифровых технологий. Задачи исследования: 1) анализ теоретических основ ЭИ и его роли в дошкольном возрасте; 2) разработка и апробация программы развития ЭИ с применением интерактивных цифровых инструментов; 3) оценка эффективности программы через психодиагностику, наблюдение и анкетирование; 4) формулировка рекомендаций для педагогов и родителей. Эмпирическое исследование проведено в 2024 году в трех дошкольных учреждениях Москвы с участием 120 детей, разделенных на экспериментальную и контрольную группы. Программа включала модули по распознаванию, пониманию и регуляции эмоций с использованием приложений «Эмоции и я» и «Виртуальный сад эмоций». Результаты показали значительное повышение уровня ЭИ в экспериментальной группе, особенно в аспекте регуляции эмоций, а также улучшение эмпатии и снижение конфликтности. Практическое применение исследования заключается в разработке методических рекомендаций для внедрения цифровых инструментов в дошкольное образование, повышении квалификации педагогов и создании безопасной образовательной среды, способствующей эмоциональному развитию детей. Ограничения включают зависимость результатов от подготовки педагогов и необходимость изучения долгосрочных эффектов.

Ключевые слова: эмоциональный интеллект, дошкольное образование, цифровая образовательная среда, психолого-педагогические условия, интерактивные технологии, развитие личности

Для цитирования: Лукашенко Д.В. Психолого-педагогические условия формирования эмоционального интеллекта у детей старшего дошкольного возраста в цифровой образовательной среде // International Journal of Medicine and Psychology. 2025. Том 8. № 4. С. 248 – 252.

Поступила в редакцию: 20 февраля 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 17 апреля 2025 г.; Принята к публикации: 22 мая 2025 г.

¹ Lukashenko D.V.,

¹ Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia

Psychological and pedagogical conditions for fostering emotional intelligence in senior preschool children in a digital educational environment

Abstract: the article investigates the psychological and pedagogical conditions for fostering emotional intelligence (EI) in senior preschool children (aged 5-7) within a digital educational environment. EI, encompassing the ability to recognize, understand, and regulate emotions, is crucial for a child's personality development, social adaptation, and readiness for school. The study aims to identify conditions that enhance EI development through digital technologies. Objectives include: 1) analyzing the theoretical foundations of EI and its role in preschool age;

2) developing and testing an EI development program using interactive digital tools; 3) evaluating the program's effectiveness through psychodiagnostics, observation, and surveys; 4) formulating recommendations for educators and parents. The empirical study, conducted in 2024 in three Moscow preschools, involved 120 children divided into experimental and control groups. The program comprised modules on emotion recognition, understanding, and regulation, utilizing applications such as "Emotions and Me" and "Virtual Garden of Emotions." Results demonstrated a significant increase in EI levels in the experimental group, particularly in emotion regulation, alongside improved empathy and reduced conflict behavior. The practical implications include methodological guidelines for integrating digital tools into preschool education, enhancing teacher training, and creating a safe educational environment that fosters emotional development. Limitations include the dependence of outcomes on teacher qualifications and the need for further research on long-term effects.

Keywords emotional intelligence, preschool education, digital educational environment, psychological and pedagogical conditions, interactive technologies, personality development

For citation: Lukashenko D.V. Psychological and pedagogical conditions for fostering emotional intelligence in senior preschool children in a digital educational environment. International Journal of Medicine and Psychology. 2025. 8 (4). P. 248 – 252.

The article was submitted: February 20, 2025; Approved after reviewing: April 17, 2025; Accepted for publication: May 22, 2025

Введение

Эмоциональный интеллект (ЭИ) как способность распознавать, понимать и управлять собственными эмоциями, а также эмоциями других людей, играет ключевую роль в развитии личности ребенка и его успешной социализации [3]. В условиях цифровизации образования, когда цифровые технологии становятся неотъемлемой частью образовательного процесса, возникает необходимость изучения их влияния на формирование ЭИ у детей дошкольного возраста.

Актуальность исследования обусловлена ростом использования цифровых образовательных сред в дошкольных учреждениях и недостаточной изученностью их влияния на ЭИ. Современные исследования подчеркивают, что ЭИ способствует развитию эмпатии, саморегуляции и социальных навыков, которые являются основой успешной адаптации к школьному обучению [1, 7]. Однако цифровые технологии, такие как интерактивные приложения и виртуальные среды, могут как усиливать, так и ослаблять эмоциональное развитие в зависимости от способа их применения [4].

Цель исследования – выявить психолого-педагогические условия, способствующие эффективному формированию ЭИ у детей старшего дошкольного возраста в цифровой образовательной среде. Задачи исследования включают:

1. Анализ теоретических подходов к формированию ЭИ в дошкольном возрасте.
2. Разработку и апробацию программы развития ЭИ с использованием цифровых инструментов.
3. Оценку эффективности программы на основе психодиагностических данных.

4. Формулировку рекомендаций для педагогов и родителей.

В статье акцентируется внимание на взаимосвязи между ЭИ, цифровыми технологиями и психолого-педагогическими условиями, что позволяет комплексно подойти к проблеме и предложить практические решения для дошкольного образования.

Материалы и методы исследований

Исследование проводилось в 2024 году в трех дошкольных образовательных учреждениях г. Москвы. Применялся квазиэкспериментальный дизайн с использованием пред- и посттестирования. Экспериментальная группа (ЭГ) включала 60 детей старшего дошкольного возраста (5–7 лет), которые участвовали в программе развития ЭИ с использованием цифровых инструментов. Контрольная группа (КГ) состояла из 60 детей того же возраста, обучавшихся по стандартной программе без применения цифровых технологий.

Методы сбора данных

1. Диагностика ЭИ: для оценки уровня ЭИ использовалась адаптированная версия методики «Эмоциональный интеллект» [2], включающая субтесты на распознавание эмоций, понимание эмоциональных состояний и регуляцию эмоций. Методика адаптирована для дошкольников и включает визуальные и вербальные задания.

2. Наблюдение: проводилось структурированное наблюдение за поведением детей в процессе групповых занятий с использованием цифровых инструментов. Наблюдение фиксировало показатели эмпатии, саморегуляции и взаимодействия со сверстниками.

3. Анкетирование педагогов и родителей: использовалась авторская анкета для оценки изменений в эмоциональном поведении детей, включающая 15 вопросов о проявлениях ЭИ в повседневной деятельности.

4. Цифровые инструменты: в ЭГ применялись интерактивные приложения («Эмоции и я», «Виртуальный сад эмоций»), разработанные для развития ЭИ [9]. Программа включала 12 занятий по 30 минут, проводимых дважды в неделю в течение 6 недель.

Для обработки данных использовались методы описательной статистики, t-критерий Стьюдента для независимых выборок и корреляционный анализ (коэффициент Пирсона). Анализ проводился в программном обеспечении SPSS 26.0.

Результаты и обсуждения

На этапе предтестирования значимых различий между ЭГ и КГ по уровню ЭИ не выявлено ($p > 0.05$). Средний балл по методике «Эмоциональный интеллект» составил 32.4 ± 3.2 для ЭГ и 31.9 ± 3.5 для КГ. После реализации программы посттестирование показало значительное повышение уровня ЭИ в ЭГ (38.7 ± 2.9 , $p < 0.001$), тогда как в КГ изменения были незначительными (33.1 ± 3.4 , $p > 0.05$).

Наиболее значимый прирост наблюдался в субтесте «Регуляция эмоций» (ЭГ: с 10.2 ± 1.8 до 13.5 ± 1.5 , $p < 0.001$; КГ: с 10.0 ± 1.9 до 10.4 ± 1.8 , $p > 0.05$). Это указывает на эффективность цифровых инструментов в развитии навыков саморегуляции, что соответствует выводам о роли интерактивных сред в формировании эмоциональной устойчивости [4].

Наблюдение выявило, что дети в ЭГ чаще проявляли эмпатию (например, утешали сверстников в игровых ситуациях) – 78% случаев против 52% в КГ ($p < 0.01$). Также в ЭГ отмечено снижение конфликтных ситуаций на 35% по сравнению с КГ, что связано с развитием навыков понимания эмоций. Эти данные подтверждают исследования, где подчеркивается связь ЭИ с социальной адаптацией [7].

По данным анкет, 85% педагогов и 79% родителей в ЭГ отметили улучшение эмоционального поведения детей (например, снижение капризности, повышение отзывчивости). В КГ подобные изменения наблюдались лишь у 42% и 38% соответственно ($p < 0.05$). Корреляционный анализ выявил положительную связь между частотой использования цифровых инструментов и уровнем ЭИ ($r = 0.62$, $p < 0.01$).

Полученные результаты демонстрируют, что интерактивные цифровые инструменты могут значительно повысить уровень ЭИ при условии их

целенаправленного и структурированного применения [9]. Важным фактором успеха программы стало сочетание игровых элементов с психолого-педагогическим сопровождением, что соответствует выводам о необходимости интеграции технологий и традиционных методов [5].

Однако исследование выявило и ограничения. Во-первых, эффективность программы зависела от квалификации педагогов, что подчеркивает необходимость их предварительной подготовки [6]. Во-вторых, длительное использование цифровых инструментов без контроля может привести к снижению мотивации, что требует дальнейшего изучения.

Связь между ЭИ и цифровыми технологиями проявляется в их способности создавать контролируемую среду для отработки эмоциональных навыков. Например, виртуальные сценарии позволяют детям безопасно экспериментировать с эмоциями, что особенно важно для дошкольников, у которых абстрактное мышление еще формируется [3].

Выводы

Эмоциональный интеллект (ЭИ) выступает важнейшим фактором развития личности дошкольников, обеспечивая их социальную адаптацию и подготовку к школьному обучению. Исследование подтвердило, что ЭИ, включающий распознавание, понимание и регуляцию эмоций, формирует основу для эмпатии и саморегуляции, которые необходимы для успешного взаимодействия в коллективе.

На основе этого понимания исследование показало, что интерактивные цифровые инструменты значительно повышают уровень ЭИ при соблюдении психолого-педагогических условий. Ключевыми условиями успеха являются структурированная программа, квалифицированное сопровождение педагогов и ограничение времени использования технологий, что позволяет избежать перегрузки и поддерживать мотивацию детей. Программа, включающая модули по распознаванию, пониманию и регуляции эмоций, продемонстрировала заметный прогресс, особенно в навыках саморегуляции, что подтверждено данными психодиагностики, наблюдений и анкетирования.

Тем не менее, эффективность таких программ зависит от подготовки педагогов, что выявило одно из ограничений исследования. Недостаточная квалификация может снизить результативность внедрения цифровых технологий. Кроме того, долгосрочные эффекты цифровизации дошкольного образования требуют дальнейшего изучения, чтобы оценить их влияние на эмоциональное развитие в перспективе.

В связи с этим исследование предлагает практические рекомендации: внедрять цифровые инструменты с учетом индивидуальных особенностей детей, соблюдать этические нормы и обеспечивать профессиональную подготовку педагогов для работы в цифровой среде. Такой подход позволяет интегрировать цифровые технологии как дополнение к традиционным психолого-

педагогическим методам, усиливая их эффективность.

В итоге, исследование подчеркивает необходимость сбалансированного подхода к развитию ЭИ, где цифровые технологии служат инструментом для поддержки эмоционального роста дошкольников, но требуют тщательного психолого-педагогического контроля.

Список источников

1. Аптикиева Л.Р. Последствия психологического насилия для разных возрастных категорий // Вестник Оренбургского государственного университета. 2020. № 1. С. 6 – 13. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/posledstviya-psihologicheskogo-nasiliya-dlya-raznyh-vozrastnyh-kategoriy> (дата обращения: 01.02.2025)
2. Быховец Ю.В., Падун М.А. Личностная тревожность и регуляция эмоций в контексте изучения посттравматического стресса // Клиническая и специальная психология. 2019. Т. 8. № 1. С. 78 – 89. URL: https://psyjournals.ru/files/98463/Bykhovets_Padun.pdf (дата обращения: 01.02.2025)
3. Глозман Ж.М., Наумова В.А., Мазуркевич А.В. Особенности переживания и отношения к одиночеству на этапе геронтогенеза // Сибирский психологический журнал. 2020. № 75. С. 123 – 137. DOI: 10.17223/17267080/75/8
4. Ефимова А.А. Субъективное благополучие воспитателей как фактор психологической безопасности образовательной среды детского сада: автореф. дис. ... канд. психол. наук. Москва, 2022. 24 с. URL: <https://www.dissercat.com/content/subektivnoe-blagopoluchie-vospitatelei-kak-faktor-psikhologicheskoi-bezopasnosti-obrazovatel> (дата обращения: 01.02.2025)
5. Кузнецова Е.В. Психологические аспекты цифровизации дошкольного образования // Психологические исследования. 2021. Т. 14. № 76. С. 45 – 60. URL: <https://psystudy.ru/index.php/num/2021v14n76/2030-kuznetsova76.html> (дата обращения: 01.02.2025)
6. Самойлик Н.А. Психолого-педагогические условия превенции виктимного поведения курсантов образовательных организаций ФСИН России: автореф. дис. ... канд. психол. наук. Москва, 2022. 26 с. URL: <https://www.dissercat.com/content/psikhologo-pedagogicheskie-usloviya-preventsii-viktimnogo-povedeniya-kursantov-obrazovatelny> (дата обращения: 01.02.2025)
7. Шалина А. А. Психолого-педагогические условия развития профессионально-личностных качеств будущего офицера войск национальной гвардии: автореф. дис. ... канд. психол. наук. Москва, 2023. 28 с. URL: <https://www.dissercat.com/content/psikhologo-pedagogicheskie-usloviya-razvitiya-professionalno-lichnostnykh-kachestv-budushchego> (дата обращения: 01.02.2025)
8. Кринчик Е.П. Психологические условия функционирования и развития человека как субъекта труда // Вестник Московского университета. Серия 14, Психология. 2021. № 3. С. 112 – 125.
9. Никонова Е.Ю., Рупчев Г.Е., Морозова М.А. Возможности использования иммерсивных технологий в реабилитации больных шизофренией // Психология сегодня: актуальные исследования и перспективы. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2022. Т. 1. С. 45 – 52.
10. Бышок С.О., Рупчев Г.Е., Семёнова Н.Д. Особенности психотического инсайта и его отражение в дневниках пациентов // Доктор.Ру. 2021. Т. 20. № 5. С. 67 – 73.

References

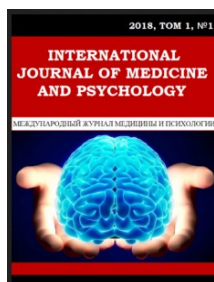
1. Aptikieva L.R. Consequences of psychological violence for different age categories. Bulletin of the Orenburg State University. 2020. No. 1. P. 6 – 13. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/posledstviya-psihologicheskogo-nasiliya-dlya-raznyh-vozrastnyh-kategoriy> (date of access: 01.02.2025)
2. Bykhovets Yu.V., Padun M.A. Personal anxiety and emotion regulation in the context of studying post-traumatic stress. Clinical and Special Psychology. 2019. Vol. 8. No. 1. P. 78 – 89. URL: https://psyjournals.ru/files/98463/Bykhovets_Padun.pdf (date accessed: 01.02.2025)
3. Glozman Zh.M., Naumova V.A., Mazurkevich A.V. Features of the experience of and attitude towards loneliness at the stage of gerontogenesis. Siberian Psychological Journal. 2020. No. 75. P. 123 – 137. DOI: 10.17223/17267080/75/8

4. Efimova A.A. Subjective well-being of educators as a factor in the psychological safety of the educational environment of a kindergarten: author's abstract. diss. ... cand. psychological sciences. Moscow, 2022. 24 p. URL: <https://www.dissercat.com/content/subektivnoe-blagopoluchie-vospitatelei-kak-faktor-psikhologicheskoi-bezopasnosti-obrazovatel> (date of access: 01.02.2025)
5. Kuznetsova E.V. Psychological aspects of digitalization of preschool education. Psychological studies. 2021. Vol. 14. No. 76. P. 45 – 60. URL: <https://psystudy.ru/index.php/num/2021v14n76/2030-kuznetsova76.html> (date of access: 01.02.2025)
6. Samoilik N.A. Psychological and pedagogical conditions for the prevention of victim behavior of cadets of educational organizations of the Federal Penitentiary Service of Russia: author's abstract. dis. ... cand. psychological sciences. Moscow, 2022. 26 p. URL: <https://www.dissercat.com/content/psikhologo-pedagogicheskie-usloviya-preventsii-viktimnogo-povedeniya-kursantov-obrazovatelny> (date of access: 01.02.2025)
7. Shalina A. A. Psychological and pedagogical conditions for the development of professional and personal qualities of a future officer of the National Guard troops: author's abstract. dis. ... cand. psychological sciences. Moscow, 2023. 28 p. URL: <https://www.dissercat.com/content/psikhologo-pedagogicheskie-usloviya-razvitiya-professionalno-lichnostnykh-kachestv-budushchego> (date accessed: 01.02.2025)
8. Krinchik E.P. Psychological conditions for the functioning and development of a person as a subject of labor. Bulletin of Moscow University. Series 14, Psychology. 2021. No. 3. P. 112 – 125.
9. Nikonova E.Yu., Rupchev G.E., Morozova M.A. Possibilities of using immersive technologies in the rehabilitation of patients with schizophrenia. Psychology today: current research and prospects. Ekaterinburg: Ural Publishing House. University, 2022. Vol. 1. P. 45 – 52.
10. Byshok S.O., Rupchev G.E., Semenova N.D. Features of psychotic insight and its reflection in patients' diaries. Doctor.Ru. 2021. Vol. 20. No. 5. P. 67 – 73.

Информация об авторе

Лукашенко Д.В., доктор психологических наук, профессор, главный научный сотрудник, ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-0045-6062>, 125130, Научно-исследовательский институт Федеральной службы исполнения наказаний, г. Москва, Нарвская улица, 15А, стр. 1, dim-mail-ru@mail.ru

© Лукашенко Д.В., 2025

Научно-исследовательский журнал «International Journal of Medicine and Psychology / Международный журнал медицины и психологии»

<https://ijmp.ru>

2025, Том 8, № 4 / 2025, Vol. 8, Iss. 4 <https://ijmp.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.3.1. Общая психология, психология личности, история психологии (психологические науки)

УДК 159.9

¹ Соловьев В.Е.,

¹ Российский государственный социальный университет

Макиавеллистский интеллект и склонность к проявлению коррупционного поведения

Аннотация: цели статьи – охарактеризовать особенности макиавеллистского интеллекта, его проявления в деятельности человека, в частности при реализации коррупционных практик. Проанализировать понятия «макиавеллизм» и «макиавеллистский интеллект», определить их значение для деятельности человека, проявления делинквентного поведения в виде коррупционных практик. На основе исследования, проведенного в исправительной колонии с осужденными по статьям коррупционной направленности, выявлен средний уровень макиавеллизма коррупционных преступников, отмечена зависимость между уровнем макиавеллизма и конкретным видом преступления в зависимости от квалификации деяния.

Ключевые слова: коррупция, коррупционер, коррупциогенная личность, коррупционные практики, макиавеллизм, макиавеллистский интеллект, противоправное поведение, детерминант

Для цитирования: Соловьев В.Е. Макиавеллистский интеллект и склонность к проявлению коррупционного поведения // International Journal of Medicine and Psychology. 2025. Том 8. № 4. С. 253 – 259.

Поступила в редакцию: 21 февраля 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 18 апреля 2025 г.; Принята к публикации: 22 мая 2025 г.

¹ Solovyov V.E.,

¹ Russian State Social University

Machiavellian intelligence and tendency to corrupt behavior

Abstract: the purpose of the article is to characterize the features of Machiavellian intelligence, its manifestations in human activity, in particular in the implementation of corrupt practices. To analyze the concepts of "Machiavellianism" and "Machiavellian intelligence", to determine their significance for human activity, manifestations of delinquent behavior in the form of corrupt practices. Based on a study conducted in a correctional colony with corruption-related convicts, the average level of Machiavellianism of corrupt criminals was revealed, and the relationship between the level of Machiavellianism and a specific type of crime was noted, depending on the qualification of the act.

Keywords: corruption, corrupt official, corrupt personality, corrupt practices, machiavellianism, Machiavellian intelligence, illegal behavior, determinant

For citation: Solovyov V.E. Machiavellian intelligence and a tendency to corrupt behavior. International Journal of Medicine and Psychology. 2025. 8 (4). P. 253 – 259.

The article was submitted: February 21, 2025; Approved after reviewing: April 18, 2025; Accepted for publication: May 22, 2025

Введение

Коррупционные преступления осуществляются в рамках реализации трудовой функции, характеризуются высоким риском и отличной исполнительностью. Субъекты правонарушения обладают особым комплексом психологических детерминантов, позволяющих им реализовывать коррупционные практики.

Ряд исследователей выявили положительную зависимость между коррупцией и реализацией трудовой функции макиавеллистами [13, 18]. Макиавеллистский интеллект представляет собой совокупность когнитивных способностей, обуславливающих достижение успеха индивидом в обществе [16]. Изначально понятие «макиавеллистский интеллект» обладало более общим характером, чем понятие «макиавеллизм», однако, с начала XXI в. исследователи используют их как тождественные термины, а опросник макиавеллизма является признанным инструментом для установления уровня макиавеллистского интеллекта [14, 19, 20, 21, 24].

Проявляется макиавеллистский интеллект через обман и эксплуатацию других, что причисляется к характерному макиавеллистскому поведению, а также посредством оказания помощи и сотрудничества при условии, что в результате субъект получает выгоду от оказанной помощи или успешного сотрудничества.

Первоначально макиавеллизм изучался с точки зрения эффективного управления и контроля людьми [3, 17], как феномен лидерства, затем как критерий социальной компетентности и успешной психосоциальной адаптации [24].

Одним из важных направлений изучения макиавеллистов является характерное отношение к морали, которое согласно исследованиям, выражается в склонности с пренебрежением относиться к конвенциональной морали [17]. Дальнейшее изучение данного аспекта подтвердило частое игнорирование макиавеллистами этических норм, последнее связано с исследованием связи макиавеллизма и способности лгать.

Согласно данным исследований макиавеллисты лгут чаще, чем «немакиавеллисты», примечательно, что к обману макиавеллистов окружающие относятся с большим доверием [1, 7].

Исходя из вышеперечисленных аспектов проявления макиавеллизма, определена связь макиавеллистского интеллекта с эгоизмом [6]. В связи с результатами, полученными в ходе исследований, установлено, что макиавеллизм соотносится с отрицательным проявлением альтруизма [15, 23]. Эгоистическая направлен-

ность поведения макиавеллистов проявляется и в случае оказания ими помощи другим, что происходит только если для макиавеллиста в этом есть личная выгода [6].

Эгоизм, обман, игнорирование норм морали и стремление к получению личной выгоды, проявляемые макиавеллистом, способствуют успешному и эффективному манипуляторному поведению. Манипуляции позволяют субъекту добиться желаемого за счет использования других, макиавеллист вызывает доверие, умеет обманывать и не беспокоится о моральной стороне такого поведения. Ряд исследований подтверждает способность макиавеллистов манипулировать людьми [4, 5, 9, 11].

Указанные черты совпадают с чертами портрета среднестатистического коррупционера [12], в связи с чем представляется необходимым провести исследование, позволяющее выявить уровень макиавеллизма у осужденных по статьям коррупционной направленности.

Материалы и методы исследований

Основной целью исследования была характеристика психологических особенностей личности, а именно уровня макиавеллизма у лиц, осужденных за совершение преступлений, относящихся к коррупционным. Для реализации указанной цели в исследовании использовался метод опроса.

Опросник MACH-IV, разработанный Ричардом Кристи и Флоренс Гейз и адаптированный В.В. Знаковым [8], состоит из 20 вопросов, которые предназначены для учёта факторов «Взгляды», «Тактика» и «Мораль». Цель опросника – проверка уровня макиавеллизма у респондентов.

Исследование проводилось в Исправительной колонии №5 по Ставропольскому краю (далее – ИК №5), в группу опрашиваемых вошли осужденные по статьям коррупционной направленности, а именно: ст.ст. 159 (мошенничество), 221 (хищение либо вымогательство ядерных материалов или радиоактивных веществ), 285 (злоупотребление служебным положением), 286 (превышение должностных полномочий), 290 (получение взятки).

После заполнения перечня вопросов под наблюдением сотрудников психологической службы исправительной колонии, опросные листы были переданы исследователям для обработки полученных данных.

Согласие по каждому из пунктов опросника оценивается по 5-балльной шкале, от 1 (категорически не согласен) до 5 (полностью согласен). Ответы на инвертированные вопросы,

помеченные звёздочками, оцениваются задом наперёд, от 5 (категорически не согласен) до 1 (полностью согласен).

Обработка и интерпретация результатов проводилась исследователями с помощью специальных ключей, количество набранных баллов соответствует определённому уровню макиавеллизма: низкий, средний и высокий.

Данная методика позволяет определить уровень макиавеллизма, а выбранная группа анкетированных установить общий уровень макиавеллизма у лиц,

совершивших преступления коррупционной направленности, а также взаимосвязь уровня макиавеллизма с конкретным видом преступления. Опросник предполагает наиболее эффективное взаимодействие с указанной группой анкетированных в связи с условиями их содержания и возможностью обработки результата.

Результаты и обсуждения

Данные исследования, проведенного в ИК №5 г. Ставрополь по делам коррупционной направленности представлены в табл. 1.

Таблица 1

Результаты исследования уровня макиавеллизма (опросник MACH-IV) у осужденных по статьям коррупционной направленности, 2025 г.

Table 1

Results of the study of the level of Machiavellianism (MACH-IV questionnaire) among those convicted under corruption-related articles, 2025.

Вид преступления коррупционной направленности	Статья	Число осужденных	Уровень макиавеллизма
Мошенничество	ч.2. ст. 159	10	Высокий: 70%
			Средний: 30%
			Низкий: 0%
Хищение либо вымогательство ядерных материалов или радиоактивных веществ	ст. 221	5	Высокий: 80%
			Средний: 0%
			Низкий: 20%
Злоупотребление должностными полномочиями	ст. 285	15	Высокий: 72,6%
			Средний: 26,4%
			Низкий: 0%
Превышение должностных полномочий	ст. 286	15	Высокий: 79,2%
			Средний: 19,8%
			Низкий: 0%
Получение взятки	ст. 290	15	Высокий: 100%
			Средний: 0%
			Низкий: 0%
Все осужденные		60	Высокий: 81%
			Средний: 17%
			Низкий: 2%

В соответствии с полученными в ходе исследования данными, лица, осужденные за совершение преступлений коррупционной направленности, в большинстве своем (81%) обладают высоким уровнем макиавеллизма. Средний уровень макиавеллизма выявлен у нескольких респондентов в трех видах преступлений: мошенничестве, злоупотреблении должностными полномочиями и превышении должностных полномочий. Макиавеллизм среднего уровня присущ 17% осужденных. Незначительное количество, а именно 2% от общего количества опрошиваемых, то есть низкий уровень макиавеллизма определен по статье хищение либо вымогательство ядерных материалов или радиоактивных веществ.

Высокий уровень макиавеллизма предполагает наличие у субъекта лидерских качеств, проявление

агрессивности, целеустремленности, напористости. Макиавеллисты стремятся к соперничеству, независимости, участию в соревнованиях и победе, что соответствует коррупционному поведению, обусловленному игровым мотивом [2]. С коррупционными проявлениями также соотносятся присущие макиавеллистам тщеславие, честолюбие, прагматичность, серьезная концентрация на результат.

Нацеленность на результат и умение ориентироваться в любых обстоятельствах свойственны эффективным руководителям и лидерам, указанные черты также проявляются у коррупционеров и макиавеллистов.

Согласно данным исследования, самый высокий показатель макиавеллизма определен у группы респондентов, осужденных за получение взят-

ки, следом в иерархичном порядке располагаются: хищение либо вымогательство ядерных материалов или радиоактивных веществ, превышение должностных полномочий, злоупотребление должностными полномочиями и мошенничество.

Взяточничество, а именно получение взятки, характеризуется стремлением получить результат в виде определенного блага ускоренно, обогатиться за счет одной или нескольких практик, обойти закон, пойти на риск, стать обладателем того, на что другим необходимо работать месяцы или годы. Люди с высокими значениями по шкале макиавеллизма стремятся быть первыми, успеть раньше всех, забрать лучшее и обойти всех конкурентов. Кроме того, как и коррупционеры в своих схемах, макиавеллисты эффективно используют других, вовлекая в свою деятельность так, что вовлекаемые благодарят за такую возможность, с удовольствием «помогают» и не осознают всего происходящего.

Следующие виды преступлений: хищение либо вымогательство ядерных материалов или радиоактивных веществ, злоупотребление должностными полномочиями, превышение должностных полномочий, выполняются должностными лицами, руководителями, осуществляющими управление на высоком уровне. Зачастую такие преступления фиксируются в многочисленных эпизодах деятельности, соответственно, реализуются организованно и систематически.

Сложность организации и реализации указанной преступной деятельности коррупционного характера порождает необходимость наличия у должностного лица высоких навыков коммуникации, управления, взаимодействия, регулирования. Примечательно, что субъект, обладающий более высокими показателями макиавеллизма, значительно успешен при ведении переговоров, использовании манипулятивных тактик и получении вознаграждения, чем субъекты со средними и низкими значениями.

В свою очередь, низкий уровень макиавеллизма наделяет субъекта такими чертами, как сострадание, доброта, отзывчивость, высокий уровень эмпатии и сочувствия, уступчивость, понимание, вежливость. Человек с низким макиавеллистским интеллектом расположен к сотрудничеству, но в отличие от макиавеллиста, преследует общественно-полезные цели, склонен проявлять искренность, доверчивость и добросовестность. Низкий

макиавеллизм предполагает выстраивание отношений с окружающими на основе взаимопонимания и взаимоуважения.

Кроме того, субъект с низкими показателями макиавеллизма нуждается в помощи со стороны, признании и поддержке окружающих, ему важно получать удовольствие от процесса деятельности, а не только результата.

Анализ черт, сопутствующих низкому уровню макиавеллизма, позволяет сделать вывод о том, что такой субъект может быть участником коррупционных практик, но не в качестве организатора, а как вовлекаемый в процесс и введенный в заблуждение исполнитель или пособник.

Выводы

Согласно данным, полученным в ходе проведенного в исправительной колонии исследования, большинство коррупционеров обладает высоким уровнем макиавеллизма, а доминирующий уровень отмечен у получателей взятки.

Макиавеллистский интеллект является чертой лидера, выделяющегося отличными коммуникативными и организаторскими способностями. Кроме того, макиавеллизм связан с успехом, исследователи выявили, что у всех президентов США выражалась указанная черта [10, 22]. Таким образом, проявление макиавеллизма не находится в прямой зависимости с делинквентным поведением, в том числе коррупционного характера.

Коррупционер в значительной степени отличается от других общеуголовных преступников. Портрет среднестатистического коррупционера описывает семейного, трудолюбивого, образованного человека и незаменимого сотрудника. В свою очередь, макиавеллист представляет собой успешного лидера, эффективного управленца, и в обоих случаях им удастся вызывать доверие, уважение и восхищение у окружающих.

В связи с вышеописанным представляется необходимым выделить комплекс психологических детерминантов, позволяющий разграничить успешного лидера от коррупционера, обозначить психологические особенности, наличие которых преобразует высококлассного управленца в коррупционного преступника. Макиавеллизм свойственен коррупционерам, следовательно, важно установить в сочетании с какими психологическими детерминантами макиавеллистский интеллект инициирует преступное поведение.

Список источников

1. Акименко А.К. Взаимосвязь представлений о лжи и стратегий поведения в системе социально-психологической адаптации личности: автореф. ... дис. канд. психол. наук. Саратов, 2008.
2. Антонян Ю.М. Типология коррупции и коррупционного поведения URL: <http://antonjan-jm.narod.ru/inter3.html>. (дата обращения: 03.02.2025).
3. Билоконь И.В. Политические события конца 2004 года и социально-политические установки молодежи // Социальная психол. 2005. № 4 (12). С. 21 – 31.
4. Быков С.В. Макиавеллизм как механизм манипуляции и психологической защиты у студентов гуманитарных и технических направлений образования // Вестник Самарской гуманитарной академии. Серия: Психология. 2015. № 1 (17). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/makiavellizm-kak-mehanizm-manipulyatsii-i-psihologicheskoy-zaschity-u-studentov-gumanitarnyh-i-tehnicheskikh-napravleniy-obrazovaniya> (дата обращения: 02.02.2025)
5. Егорова М.С., Паршикова О.В., Ситникова М.С., Черткова Ю.Д., Фоминых А.Я. «Темные» черты личности в структуре личностных свойств // Б.М. Теплов и современное состояние дифференциальной психологии и дифференциальной психофизиологии. Материалы международной юбилейной конференции к 120-летию со дня рождения Б.М. Теплова / Под ред. М.К. Кабардова, А.К. Осницкого. 2017. С. 311 – 315.
6. Егорова М.С., Ситникова М.А. Темная триада [Электронный ресурс] // Психологические исследования. 2014. Т. 7. № 38. С. 12. URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения: 02.02.2025)
7. Знаков В. В. Макиавеллизм и феномен вранья // Вопр. психол. 1999. № 6. С. 59 – 70.
8. Знаков В.В. Методика исследования макиавеллизма личности // СПЖ. 2001. №14-15. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/metodika-issledovaniya-makiavellizma-lichnosti> (дата обращения: 02.01.2025)
9. Знаков В.В. Психология понимания: Проблемы и перспективы. М. : Ин-т психологии РАН, 2005. С. 448.
10. Ларина А.Д. Подходы, установки и перспективы в исследовании макиавеллизма // Вопросы психологии. 2010. № 3. С. 75 – 83. URL: <https://psychlib.ru/inc/absid.php?absid=81386> (дата обращения: 02.02.2025)
11. Мещеряков Б.Г., Некрасова А.В. Макиавеллизм: ложь и правда в повседневной жизни // Журнал Человек, РАН. 2005. № 6. С. 87 – 95.
12. Редакция газеты «Газета.ру». Генпрокуратура составила портрет среднестатистического коррупционера [Офиц. сайт]. [Электронный ресурс]. Режим доступа. URL: <https://www.gazeta.ru/social/2018/12/06/12085813.shtml?updated> (дата обращения: 02.02.2025)
13. Сочивко Д.В., Ганишина И.С., Марьин М.И., Сундукова В.В. Психологические особенности преступников-коррупционеров, отбывающих наказание в местах лишения свободы // Психология и право. 2020. Т. 10. № 3. С. 5 – 19. URL: https://psyjournals.ru/journals/psylaw/archive/2020_n3/Sochivko_Ganishina_Maryin_Sunduk (дата обращения: 02.02.2025)
14. Филиппу О.Ю. Библиометрический анализ понятия макиавеллизма в зарубежной и отечественной психологии // Современная зарубежная психология. 2020. Т. 9. № 4. С. 120 – 128. URL: https://psyjournals.ru/journals/jmfp/archive/2020_n4/jmfp_2020_n4_Filippou.pdf (дата обращения: 02.02.2025)
15. Batson C.D. Altruism and prosocial behavior// Gilbert D.T., Fiske S.T., Lindzey G. (eds). Handbook of social psychology. Boston: McGrawHill, 1998. P. 282 – 316.
16. Byrne R., Whitten A. Machiavellian intelligence: Social expertise and the evolution of intellect in monkeys, apes and humans. Oxford: Clarendon Press, 1988.
17. Christie R., Geis F. Studies in machiavellianism. N. Y.: Academic Press, 1970.
18. Giacalone R. A., Knouse S. B. Justifying wrongful employee behavior: The role of personality in organizational sabotage // J. of Business Ethics. 1990. V. 9. P. 55 – 61.
19. Jonason P., Li N., Webster G., Schmitt D. et al. The Dark Triad: Facilitating a Short-Term Mating Strategy in Men // Eur. J. Pers. 2009. V. 23. P. 5 – 18.
20. Mazza M., Risio A.D., Tozzini C., Roncone R., Casacchia M. et al. Machiavellianism and theory of mind in people affected by schizophrenia // Brain and Cognition. 2003. Vol. 51. № 3. P. 262 – 269.
21. Schmitt D. The «Dark Triad» of personality across 57 nations: Evolution of sex differences and cultural variations of anti-sociality // Social and Personality Psychology Compass 2013. Vol. 7 (3). P. 199. URL: https://www.researchgate.net/publication/235914370_The_Dark_Triad_of_Personality_A_10Year_Review (дата обращения: 02.02.2025)
22. Simonton D. K. Presidential personality; biographical use of the gough adjective check list // J. Pers. and Soc. Psychol. 1986. N 51. P. 149 – 160.

23. Staub E. Helping a distressed person: Social, personality, and stimulus determinants // *Advances in Exp. Soc. Psychol.* 1974. Vol. 7. P. 293 – 341.

24. Sullivan R., Allen J. Social deficits associated with schizophrenia defined in terms of interpersonal Machiavellianism // *Acta Psychiatrica Scandinavica.* 1999. Vol. 99. P. 148 – 154.

References

1. Akimenko A.K. The relationship between ideas about lies and behavior strategies in the system of socio-psychological adaptation of the individual: author's abstr. ... dis. candidate of psychological sciences. Saratov, 2008.

2. Antonyan Yu.M. Typology of corruption and corrupt behavior URL: <http://antonyan-jm.narod.ru/inter3.html>. (date of access: 03.02.2025).

3. Bilokon I.V. Political events of the end of 2004 and socio-political attitudes of young people. *Social psychol.* 2005. No. 4 (12). P. 21 – 31.

4. Bykov S.V. Machiavellianism as a mechanism of manipulation and psychological defense in students of humanitarian and technical fields of education. *Bulletin of the Samara Humanitarian Academy. Series: Psychology.* 2015. No. 1 (17). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/makiavellizm-kak-mehanizm-manipulyatsii-i-psihologicheskoy-zaschity-u-studentov-gumanitarnyh-i-tehnicheskikh-napravleniy-obrazovaniya> (date of access: 02.02.2025)

5. Egorova M.S., Parshchikova O.V., Sitnikova M.S., Chertkova Yu.D., Fominykh A.Ya. "Dark" personality traits in the structure of personality traits. B.M. Teplov and the current state of differential psychology and differential psychophysiology. Proceedings of the international jubilee conference dedicated to the 120th anniversary of B.M. Teplov's birth. Ed. M.K. Kabardov, A.K. Osnitsky. 2017. P. 311 – 315.

6. Egorova M.S., Sitnikova M.A. Dark Triad [Electronic resource]. *Psychological research.* 2014. Vol. 7. No. 38. P. 12. URL: <http://psystudy.ru> (date of access: 02.02.2025)

7. Znakov V.V. Machiavellianism and the phenomenon of lying. *Vopr. psychol.* 1999. No. 6. P. 59 – 70.

8. Znakov V.V. Methodology for studying Machiavellianism of personality. *SPZh.* 2001. No. 14-15. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/metodika-issledovaniya-makiavellizma-lichnosti> (date of access: 02.01.2025)

9. Znakov V.V. Psychology of understanding: Problems and prospects. Moscow: Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences, 2005. P. 448.

10. Larina A.D. Approaches, attitudes and prospects in the study of Machiavellianism. *Questions of Psychology.* 2010. No. 3. P. 75 – 83. URL: <https://psychlib.ru/inc/absid.php?absid=81386> (date of access: 02.02.2025)

11. Meshcheryakov B.G., Nekrasova A.V. Machiavellianism: lies and truth in everyday life. *Journal of Man, RAS.* 2005. No. 6. P. 87 – 95.

12. Editorial Board of the newspaper "Gazeta.ru". The Prosecutor General's Office has compiled a portrait of the average corrupt official [Official website]. [Electronic resource]. Access mode. URL: <https://www.gazeta.ru/social/2018/12/06/12085813.shtml?updated> (date of access: 02.02.2025)

13. Sochivko D.V., Ganishina I.S., Maryin M.I., Sundukova V.V. Psychological characteristics of corrupt criminals serving sentences in places of deprivation of liberty. *Psychology and Law.* 2020. Vol. 10. No. 3. P. 5 – 19. URL: https://psyjournals.ru/journals/psylaw/archive/2020_n3/Sochivko_Ganishina_Maryin_Sunduk (date of access: 02.02.2025)

14. Filippou O. Yu. Bibliometric analysis of the concept of Machiavellianism in foreign and domestic psychology. *Modern foreign psychology.* 2020. Vol. 9. No. 4. P. 120 – 128. URL: https://psyjournals.ru/journals/jmfp/archive/2020_n4/jmfp_2020_n4_Filippou.pdf (date of access: 02.02.2025)

15. Batson C.D. Altruism and prosocial behavior. Gilbert D.T., Fiske S.T., Lindzey G. (eds). *Handbook of social psychology.* Boston: McGrawHill, 1998. P. 282 – 316.

16. Byrne R., Whitten A. Machiavellian intelligence: Social expertise and the evolution of intelligence in monkeys, apes and humans. Oxford: Clarendon Press, 1988.

17. Christie R., Geis F. *Studies in machiavellianism.* N.Y.: Academic Press, 1970.

18. Giacalone R.A., Knouse S. B. Justifying wrongful employee behavior: The role of personality in organizational sabotage. *J. of Business Ethics.* 1990. V. 9. P. 55 – 61.

19. Jonason P., Li N., Webster G., Schmitt D. et al. The Dark Triad: Facilitating a Short-Term Mating Strategy in Men. *Eur. J. Pers.* 2009. V. 23. P. 5 – 18.

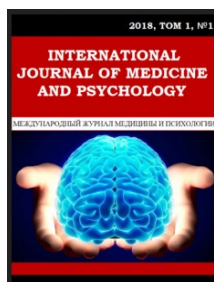
20. Mazza M., Risio A.D., Tozzini C., Roncone R., Casacchia M. et al. Machiavellianism and theory of mind in people affected by schizophrenia. *Brain and Cognition.* 2003. Vol. 51. No. 3. P. 262 – 269.

21. Schmitt D. The “Dark Triad” of personality across 57 nations: Evolution of sex differences and cultural variations of anti-sociality. *Social and Personality Psychology Compass* 2013. Vol. 7 (3). P. 199. URL: https://www.researchgate.net/publication/235914370_The_Dark_Triad_of_Personality_A_10Year_Review (access date: 02/02/2025)
22. Simonton D. K. Presidential personality; biographical use of the goo adjective check list. *J. Pers. and Soc. Psychol.* 1986. N 51. P. 149 – 160.
23. Staub E. Helping a distressed person: Social, personality, and stimulus determinants. *Advances in Exp. Soc. Psychol.* 1974. Vol. 7. P. 293 – 341.
24. Sullivan R., Allen J. Social deficits associated with schizophrenia defined in terms of interpersonal Machiavellianism. *Acta Psychiatrica Scandinavica*. 1999. Vol. 99. P. 148 – 154.

Информация об авторе

Соловьев В.Е., аспирант, клинический психолог, судебный психологический эксперт, адвокат, Российский государственный социальный университет, г. Москва 129226, Российская Федерация, solovev.advocate@gmail.com

© Соловьев В.Е., 2025

Научно-исследовательский журнал «International Journal of Medicine and Psychology / Международный журнал медицины и психологии»

<https://ijmp.ru>

2025, Том 8, № 4 / 2025, Vol. 8, Iss. 4 <https://ijmp.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.3.1. Общая психология, психология личности, история психологии (психологические науки)

УДК 159.9.072

¹ Костарев В.В.,

² Стоянова И.Я.,

³ Кожевникова Т.А.,

^{3,4} Иванова Е.В.,

⁵ Титовец К.И.,

¹ Красноярский государственный аграрный университет,

² Томский государственный университет,

³ Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева,

⁴ Психологический реабилитационный центр «Верба», г. Красноярск,

⁵ Красноярский государственный медицинский университет имени профессора В.Ф. Войно-Ясенецкого

Психологические и социально-личностные характеристики женщин, подвергающихся семейному насилию

Аннотация: в данном исследовании проводится изучение психологических и социально-личностных характеристик у женщин, испытывающих семейное насилие. **Цель:** исследовать психологические и социально-личностные характеристики женщин, подвергающихся семейному насилию.

Материалы и методы исследований. Настоящее исследование проводилось на базе кризисного центра «Верба». В работе принимали участие женщины в количестве 65 человек, находящиеся в ситуации травматизации в следствии переживания на себе домашнего насилия. У всех испытуемых установлено наличие в опыте семейной жизни, длительного жестокого обращения со стороны партнера или мужа. Длительность совместного проживания в паре составила в среднем $4,36 \pm 1,02$ года. В работе использовалась авторская анкета с целью выявления вида семейного насилия, изучения соматических и невротических жалоб испытуемых. Все испытуемые были осмотрены врачом психиатром для исключения психиатрической патологии. С целью определения мультимодального психического состояния использовался опросник невротических расстройств (ОНР), для определения выраженности негативного отношения испытуемых к своей личности и собственному будущему использовали опросник безнадежности А.Т. Бэка. Математико-статистический анализ проводился для обработки полученных данных по психодиагностическим методам. Использовались стандартные методы статистического анализа с использованием пакета программ Statistika10. Вычислялся коэффициент корреляции рангов, предложенный К. Спирменом. Достоверными считались корреляционные зависимости при значениях коэффициентов корреляции $r=0,5-1,0$ и достоверности различий $P < 0,05$.

Результаты. Полученные результаты по опроснику ОНР показали превышение показателей по клиническим шкалам: «Расстройства в сфере пищеварения» ($72,4 \pm 16,54 T6$); «Психическая истощаемость» ($67,1 \pm 6,45 T6$); «Нарушения общей чувствительности» ($74,32 \pm 9,58 T6$); «Степень ухудшения общего самочувствия» ($70,15 \pm 10,73 T6$); «Переживание своей малоценности» ($68,4 \pm 8,53 T6$); «Немотивированный страх» ($69,8 \pm 7,51 T6$); «Навязчивые мысли и действия» ($76,83 \pm 10,31 T6$); «Нарушения сна» ($68,8 \pm 6,47 T6$), «Пониженная работоспособность» ($73,6 \pm 9,71 T6$). Изучение личностных шкал опросника ОНР, позволило определить в группе испытуемых завышение шкал: «Невротический «сверхконтроль» поведения» (**- $P < 0,01$), «Ипохондричность» (*- $P < 0,05$), «Социальная неадаптивность» (**- $P < 0,01$), «Неуверенность в себе» (***- $P < 0,01$), «Аффективная неустойчивость» (***- $P < 0,01$). Основными особенностями психологического статуса у протестированных женщин, явился сознательный сверхконтроль поведения, утретированная склонность к обдумыванию, инертность и повторяемость переживаний. Анализ данных по шкале безнадежности установил состояния легкой безнадежности у $63,5 \pm 7,3\%$ умеренной безнадежности у $38,4 \pm 5,1\%$ протестированных.

Обсуждение. Исследование установило, что насилие оказывает значимое влияние на личность и психологическое состояние женщины. Для женщин, испытывающих семейное насилие, был характерен низкий уровень самооценки, они перестают верить в собственные силы, в возможность достигать успехов в жизни. Психологические травмы нарушают возможность у жертв насилия контролировать свою жизнь и свое поведение. Вышеперечисленные психологические особенности женщин, жертв насилия негативно сказываются на их психическом здоровье и отрицательно влияют на функционирование такой личности в обществе.

Выводы. Результаты исследования свидетельствуют о нарушениях психического здоровья у женщин, жертв семейного насилия и позволяют поставить вопросы о необходимости разработки и апробации эффективных методик психологической и психотерапевтической помощи семьям.

Ключевые слова: женщины, семейное насилие, семья, психологические и социально личностные особенности. психологическое тестирование. психологическая травма

Для цитирования: Костарев В.В., Стоянова И.Я., Кожевникова Т.А., Иванова Е.В., Титовец К.И. Психологические и социально-личностные характеристики женщин, подвергающихся семейному насилию // International Journal of Medicine and Psychology. 2025. Том 8. № 4. С. 260 – 269.

Поступила в редакцию: 21 февраля 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 18 апреля 2025 г.; Принята к публикации: 22 мая 2025 г.

¹ Kostarev V.V.,

² Stoyanova I.Ya.,

³ Kozhevnikova T.A.,

^{3, 4} Ivanova E.V.,

⁵ Titovets K.I.,

¹ Krasnoyarsk State Agrarian University,

² Tomsk State University,

³ Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V.P. Astafiev,

⁴ Psychological rehabilitation center "Verba", Krasnoyarsk,

⁵ Krasnoyarsk State Medical University named after Professor V.F. Voyno-Yasenetsky

Psychological and social-personal characteristics of women subject to domestic violence

Abstract: this study examines the psychological and socio-personal characteristics of women experiencing domestic violence. Objective: to examine the psychological and socio-personal characteristics of women experiencing domestic violence.

Materials and research methods. This study was conducted at the Verba crisis center. The study involved 65 women in a traumatic situation as a result of experiencing domestic violence. All subjects had a history of family life, long-term abuse by a partner or husband. The average duration of cohabitation in a couple was $4,36 \pm 1,02$ years. The author's questionnaire was used in the work to identify the type of domestic violence, study the somatic and neurotic complaints of the subjects. All subjects were examined by a psychiatrist to exclude psychiatric pathology. In order to determine the multimodal mental state, the questionnaire of neurotic disorders (ONR) was used; to determine the severity of the subjects' negative attitude to their personality and their own future, the questionnaire of hopelessness by A.T. Beck was used. Mathematical and statistical analysis was carried out to process the obtained data using psychodiagnostic methods. Standard methods of statistical analysis were used using the statistika 10 software package. The rank correlation coefficient proposed by K. Spearman was calculated. Correlation dependencies were considered reliable with the values of the correlation coefficients $r = 0,5-1,0$ and the reliability of differences $P < 0.05$.

Results. The results obtained according to the ONR questionnaire showed an excess of indicators on the clinical scales: "Digestive disorders" ($72,4 \pm 16,54$ Tb); "Mental exhaustion" ($67,1 \pm 6,45$ Tb); "General sensitivity disorders" ($74,32 \pm 9,58$ Tb); "Degree of deterioration of general well-being" ($70,15 \pm 10,73$ Tb); "Experience of one's own inferiority" ($68,4 \pm 8,53$ Tb); "Unmotivated fear" ($6,8 \pm 7,51$ Tb); "Obsessive thoughts and actions" ($76,83 \pm 10,31$ Tb); "Sleep disorders" ($68,8 \pm 6,47$ Tb), "Reduced performance" ($73,6 \pm 9,71$ Tb). The study of the personality scales of the OHP questionnaire allowed us to determine in the group of subjects an overestimation of the scales: "Neurotic "overcontrol" of behavior" ($** - P < 0,01$), "Hypochondriacism" ($* - P < 0,05$), "Social maladaptation" ($** - P < 0,01$),

"Lack of self-confidence" (***- $P < 0,01$), "Affective instability" (***- $P < 0,01$), The main features of the psychological status of the tested women were conscious overcontrol of behavior, an exaggerated tendency to think, inertia and repetitiveness of experiences. Analysis of data on the hopelessness scale established states of mild hopelessness in $63,5 \pm 7,3\%$ of moderate hopelessness in $38,4 \pm 5,1\%$ of those tested. **Discussion.** The study found that violence has a significant impact on the personality and psychological state of women. Women experiencing domestic violence were characterized by low self-esteem, they stop believing in their own strengths, in the ability to achieve success in life. Psychological trauma disrupts the ability of victims of violence to control their lives and their behavior. The above psychological characteristics of women, victims of violence, negatively affect their mental health and negatively affect the functioning of such a person in society.

Conclusions. The results of the study indicate mental health disorders in women, victims of domestic violence and allow us to raise questions about the need to develop and test effective methods of psychological and psychotherapeutic assistance to families.

Keywords: women, domestic violence, family, psychological and social personal characteristics. psychological testing. psychological

For citation: Kostarev V.V., Stoyanova I.Ya., Kozhevnikova T.A., Ivanova E.V., Titovets K.I. Psychological and social-personal characteristics of women subject to domestic violence. International Journal of Medicine and Psychology. 2025. 8 (4). P. 260 – 269.

The article was submitted: February 21, 2025; Approved after reviewing: April 18, 2025; Accepted for publication: May 22, 2025

Введение

В последние десятилетия проблема насилия активно изучается психологами, медиками, правоохранительными органами. Это связано с высокой актуальностью семейного насилия и последствиями, связанными с нарушением здоровья у жертв насилия [1, 2, 3, 4]. Изучение такой проблемы, как семейное насилие требует от исследователей понимания теоретико-методологических принципов и подходов лежащих в основе анализа патологических паттернов поведения насильников и жертв насилия. Изменения в современной общественной жизни, обусловленные темпами инновационного развития ставят, перед человеком новые требования и влияют на формы существования семьи, общественных организаций, институтов. [5, 6, 7]. Все эти факторы нарушают социальные и психологические процессы адаптации организма человека и влияют на его социальную жизнь. Изменяются семейные ценности, меняется отношение в семье между её членами [8, 9, 10]. Наиболее тревожным фактором в этом контексте является увеличение случаев семейного насилия как в России, так и во всем мире. Семейное насилие отрицательно влияет на жизнеспособность семьи и оказывает влияние на общественную жизнь в целом. Семейное насилие как феномен характеризуется принудительным, контролирующим поведением другого человека и представляет собой опасное для жизни и здоровья личности, преступление [11, 12, 13].

Семейное насилие охватывает территории всех стран мира, женщины как правило подвержены

насильственному контролю со стороны мужчин, независимо от местности проживания. Гендерное насилие самый жестокий вид неравенства между мужчиной и женщиной. Это насилие оправдано тем, что мужчины считают женщин лишенными прав на свободу и способность принимать решения [14, 15].

Семейное насилие – это прямое принудительное воздействие, наносящее психологический, экономический, физический вред члену семьи, либо влекущее за собой ограничение его прав и свобод. Любой агрессор преследует цель сохранить власть и контроль. Насилие как феномен трудно для изучения, вопросы, касающиеся насилия в семье остаются открытыми, ученые изучают вопросы о психологическом насилии, причины и характер в семье и обществе [16, 17].

Теоретико-методологическими основаниями работы стали труды как отечественных, так и зарубежных: Зырянова, И.В., Александровского, Ю.А., Куфтяк Е.В. Yehui H., Xu R. Baldry, A.C. [2, 5, 1, 10, 13] связанные с рассмотрением проблем семейного насилия, методами предотвращения насилия в семье в социально-психологическом и педагогическом аспектах, влияние насилия на психическое здоровье членов семьи. Однако в настоящее время в научной литературе не хватает работ, которые объясняли бы предикторы семейного насилия его механизмы и возможности противостояния этому феномену. Анализ литературы по проблеме насилия показывает, что тема актуальна, но изучена недостаточно.

Целью исследования явилось изучение психологических и социально-личностных особенностей у женщин, подвергающихся семейному насилию.

Материалы и методы исследований

Работа была проведена на базе психологического кризисного центра «Верба», специализирующегося на оказании психологической помощи женщинам, переживающим домашнее насилие. Всего обследовано 65 женщин. Средний возраст испытуемых составил $31,2 \pm 6,84$ года. Критерием включения в исследование были зафиксированные случаи семейной травматизации. Женщины, злоупотребляющие алкоголем и имеющие психические заболевания, не включались в группу обследования. В исследовании использовалась авторская анкета для подтверждения факта семейного насилия, фиксации жалоб на соматическое и психическое здоровье. Среднее время травматизации в следствии семейного насилия составило $4,25 \pm 0,89$ лет. Женщины, участвующие в исследовании, заполняли авторскую анкету, совместно с психологом центра «Верба» и были осмотрены врачом психиатром. Одновременно были обследованы женщины из благополучных семей, обучающиеся в Красноярском государственном педагогическом университете. Общее количество обследованных контрольной группы составило 54 человека. Средний возраст контрольной группы составил $29,7 \pm 4,21$ год.

Для выявления мультимодального психического состояния как одного из возможных психологических предикторов нарушения здоровья у женщин, переживающих домашнее насилие использовался опросник невротических расстройств (ОНР). Опросник невротических расстройств [18] содержит 300 пунктов – утверждений. Эти утверждения образуют 30 шкал (15 клинических шкал, 7 личностных шкал, 6 специальных и 2 контрольные шкалы).

Для дифференциальной диагностики выраженности негативного отношения испытуемых к своей личности использовали шкалу безнадёжности А. Т. Бэка [19], позволяющую оценивать выраженность негативного отношения женщин к собственному будущему. Метод представлен 20 утверждениями, которые отражают отношения к будущему и прошлому, чувства испытуемых и их психическое состояние. Безнадёжность рассматривается как система негативных ожиданий относительно ближайшего и отдаленного будущего. Результаты тестирования оцениваются в баллах (0-3 балла – безнадёжность не выявлена; 4-8 баллов – безнадёжность лёгкая; 9-14 баллов – безнадёжность

умеренная; 15-20 баллов – безнадёжность тяжёлая).

При статистической обработке данных использовали пакет программ Statistika10. Результаты считались достоверными при $p < 0,05$. Также проводились вычисления коэффициента корреляции рангов, предложенный К. Спирменом, который выражался в долях единицы. За достоверные принимались корреляционные связи при значениях коэффициента корреляции $r = 0,5-1,0$ и достоверности уровня различий $P < 0,05$ [20].

Результаты и обсуждения

Анализ результатов исследования проведенного с использованием анкетированием и консультативного осмотра психолога позволили установить, что женщины, подвергающиеся семейному насилию имели нарушения соматического здоровья, проявляющиеся расстройствами в сфере желудочно-кишечного тракта у ($81,3 \pm 7,7\%$); страдали неспособностью адекватно воспринимать раздражения, исходящие из внешней среды и собственного тела ($73 \pm 8,5\%$); имели ухудшение общего самочувствия ($93 \pm 9,3\%$); низкую самооценку ($91 \pm 5,6\%$); страхи и навязчивые мысли как правило сочетались ($95 \pm 8,3\%$); нарушение работоспособности и не желание работать даже по дому ($91 \pm 4,7\%$).

Исследование психического состояния испытуемых с помощью опросника ОНР установило, что показатели психического состояния женщин характеризовались энергетическим дефицитом и нарушением ритмических процессов жизнедеятельности (рис. 1).

Полученные результаты свидетельствовали об увеличении значений по следующим клиническим шкалам: «Степень ухудшения общего самочувствия» ($70,15 \pm 10,73T6$); «Колебание интенсивности жалоб» ($74,2T6$); «Расстройства в сфере пищеварения» ($72,4 \pm 16,54T6$); «Нарушения общей чувствительности» ($74,32 \pm 9,58T6$); «Психическая истощаемость» ($67,1 \pm 6,45T6$); «Нарушения сна» ($68,8 \pm 6,47T6$); «Переживание своей малоценности» ($68,4 \pm 8,53T6$); «Пониженная работоспособность» ($73,6 \pm 9,71T6$); «Навязчивые мысли и действия» ($36,8 \pm 7,31T6$); «Немотивированный страх» ($69,8 \pm 7,51T6$); «Нарушение социальных контактов» ($38,6T6$); «Невротический сверхконтроль поведения» ($38,7T6$); «Аффективная неустойчивость» ($71,8T6$); «Ипохондричность» ($30,8T6$).

Основная группа характеризовалась плохо контролируемым поведением, раздражительностью, вспыльчивостью, совершением необдуманных поступков, плохой переносимостью стресса, агрессивностью. Наиболее низкие значения оценок личностных шкал опросника ОНР выявлены по

шкале «Ипохондричность» $32,4 \pm 6,12$ Тб, что указывало на беспечное отношение к своему здоровью. Превышение параметров по шкале «Социальная неадаптивность» подтверждало снижение

социальной перцепции, не понимания особенностей межличностных отношений и снижении социального приспособления во взаимодействиях с окружающими.

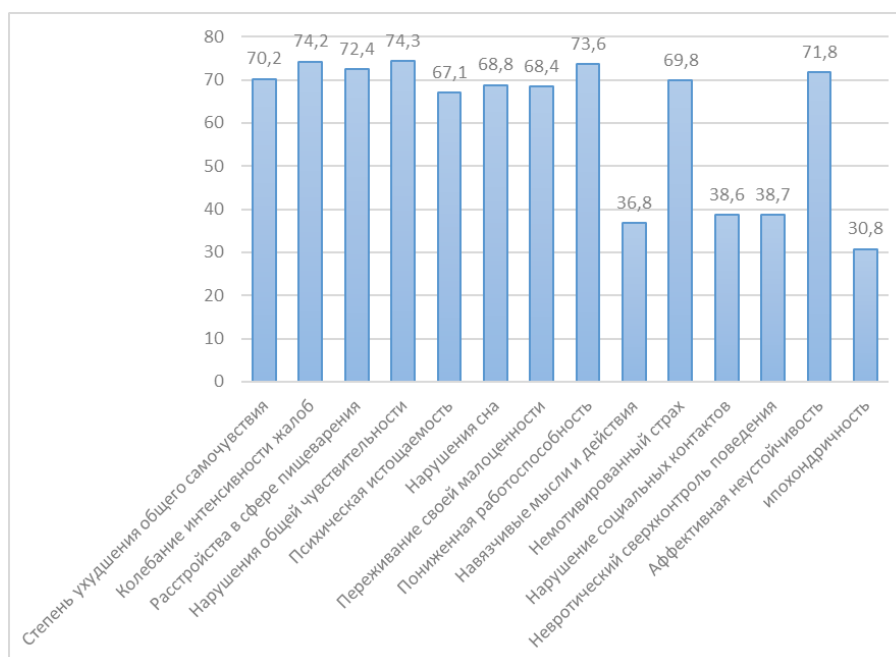

Рис. 1. Психического состояния испытуемых женщин по опроснику ОНР (клинические шкалы).
Fig. 1. Mental state of female subjects according to the ONR questionnaire (clinical scales).

Анализ результатов личностных шкал опросника ОНР (табл. 2), определил в группе женщин, испытывающих семейное насилие завышение шкал: «Невротический «сверхконтроль» поведения» (**- $P < 0,01$), «Ипохондричность» (*- $P < 0,05$), «Социальная неадаптивность» (**- $P < 0,01$), «Неуверенность в себе» (**- $P < 0,001$), «Аффективная неустойчивость» (**- $P < 0,001$), Основными особенностями психологического статуса у испытуемых явились сознательный сверхконтроль поведения, утрированная склонность к обдумыванию, инерт-

ность и повторяемость переживаний (табл. 2). Эта группа в социальном плане характеризовалась сниженной социальной перцепцией, нарушением межличностных отношений, отсутствием критичности собственных действий. У испытуемых отмечалась повышенная тревожность, трудности в принятии решений, низкая самооценка, плохо контролируемое поведение, раздражительность, вспыльчивость, совершение необдуманных поступков, невысокая стрессоустойчивость.

Таблица 1

Параметры личностных шкал у женщин, испытывающих семейное насилие, по опроснику ОНР.

Table 1

Parameters of personality scales in women experiencing domestic violence, according to the ONR questionnaire.

Шкалы ОНР(Тб)	Основная группа (n=65)	Контрольная группа (n=54)
Неуверенность в себе	75,5±8,13***	44,9±5,42
Познавательная и социальная пассивность	69,3±6,37*	53,7±4,76
Невротический «сверхконтроль» поведения	71,6±89,24х**	58,3±7,34
Аффективная неустойчивость	73,3±9,82***	49,9±8,69
Интровертированная направленность личности	76,4±8,11***	51,4±6,22
Ипохондричность	32,4±6,12*	45,5±8,27
Социальная неадаптивность	74,5±7,19**	44,3±3,89

Примечание: Достоверность различий исходных величин дана по группам сравнения ** – $P < 0,01$; *** – $P < 0,001$.

Note: The reliability of differences in initial values is given for comparison groups ** – $P < 0.01$; *** – $P < 0.001$.

За счет длительного воздействия факторов, вызывающих напряжение, в структуре личности начинают преобладать защитные астенические характеристики, замыкающие на себе психологическую субъективную действительность в результате переживания острой неудовлетворенности ситуацией, длительного негативного переживания. Это примитивизирует социальную активность, вызывая ригидность и патологическую замкнутость поведения на удерживающих, негативных факторах, что клинико-психологически проявляется в виде астенических, депрессивных, ипохондрических и истерических проявлений.

Таким образом, по данным методики ОНР, у женщин, испытывающих семейное насилие уста-

новлено наличие невротических расстройств субъективно, за счет повышенной ипохондричности, аффективной неустойчивости, повышенной тревожности, низкой самооценки, раздражительности, совершении необдуманных поступков и низкой стрессоустойчивости.

В следствии длительного и постоянного действия стрессорной ситуации, обусловленной семейным насилием, происходит функциональное нарушение процессов восприятия и переработки информации, снижается стрессоустойчивость организма. В ситуации насилия как правило возникает искаженная самооценка личности.

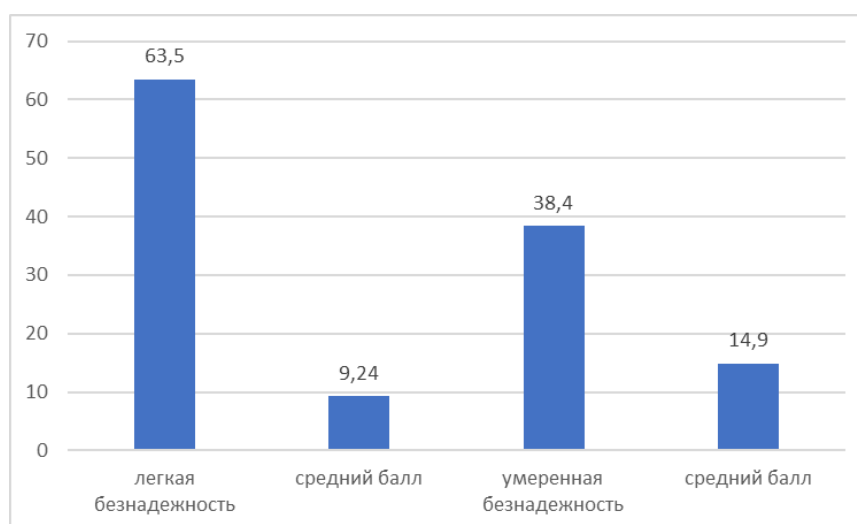

Рис. 2. Результаты психологического тестирования по шкале безнадежности А. Бэка у женщин, испытывающих домашнее насилие.

Fig. 2. Results of psychological testing using the Beck Hopelessness Scale in women experiencing domestic violence.

Результаты психологического тестирования по шкале безнадежности А. Бэка у женщин, испытывающих домашнее насилие установили наличие психического состояния проявляющегося легкой безнадежностью $63,5 \pm 7,3\%$ испытуемых. При этом средний балл в основной группе был равен $9,24 \pm 2,7$. Психологический статус характеризующийся умеренной безнадежностью был установлен в $38,4 \pm 5,1\%$ случаев, а средний балл составил $14,9 \pm 3,4$.

Анализ результатов исследования проведенного с использованием анкетированием и консультативного осмотра психолога позволили установить, что женщины, подвергающиеся семейному насилию имели нарушения соматического здоровья, проявляющегося расстройствами в сфере желудочно-кишечного тракта, неспособностью адекватно воспринимать раздражения, исходящие из

внешней среды и собственного тела, страдали ухудшением общего самочувствия, низкой самооценкой, страхами и навязчивыми мыслями, которые как правило сочетались.

Согласно исследованию, проведенному по методике ОНР, у женщин, испытывающих семейное насилие установлено наличие невротических расстройств субъективно, за счет повышенной ипохондричности, аффективной неустойчивости, повышенной тревожности, низкой самооценки, раздражительности, совершении необдуманных поступков и низкой стрессоустойчивости. Основная группа женщин в социальном плане характеризовалась сниженной социальной перцепцией, нарушением межличностных отношений, отсутствием критичности собственных действий. У испытуемых отмечалась повышенная тревожность, трудности в принятии решений, низкая самооценка,

плохо контролируемое поведение, раздражительность, вспыльчивость, совершение необдуманных поступков, невысокая стрессоустойчивость. В качестве значимых признаков наличия невротических личностных особенностей можно рассматривать такие психологические и социально-личностные характеристики как низкая самооценка, чувство вины и беспомощности, низкая мотивация к действиям, астенические проявления, неуверенность в себе, недовольство своей личностью, утомляемость, проблемы в семье и общении с окружающими, экзальтированность поведения, неуверенность в будущем, неверие в свой успех, нарушенная социальная адаптация, желание подчеркивать собственные недостатки.

Таким образом, семейное насилие оказывает влияние на личность женщины, ее психологическое здоровье. Для женщин из основной группы, испытывающих семейное насилие, характерен пониженный уровень самооценки, они перестают верить в собственные силы, в возможность достигать успехов в жизни и реализовывать поставленные цели. Психотравмирующие ситуации нарушают возможность у жертв насилия контролировать свою жизнь, свое поведение. Как правило они не задумываются о совершаемых ими действиях и поступках. Драматические события в семейной жизни женщин, подвергающихся насилию приводят к тому, что жертвы перестают видеть в себе положительные черты характера, у них резко сни-

жается самооценка, фокусируется они лишь на своих недостатках и обвиняют себя во всем. Одним из последствий семейного насилия для женщин является потеря умения приобретать новые контакты, как правило обусловленное постоянным ожиданием негатива от общения.

Данные корреляционных взаимосвязей установили прямую зависимость между клиническими шкалами опросника ОНР «Психическая истощаемость» ($r=0,5$ при $p<0,01$); «Нарушения общей чувствительности» ($r=0,54$ при $p<0,01$); «Степень ухудшения общего самочувствия» ($r=0,57$ при $p<0,01$); «Переживание своей малоценности» ($r=0,49$ при $p<0,01$); «Навязчивые мысли и действия» ($r=0,46$ при $p<0,01$) и параметрами средней безнадежности. Полученные результаты свидетельствуют о том, что соматическое здоровье жертв насилия коррелирует с возникновением такого психологического состояния как безнадежность. Таким образом, чем больше соматических проблем у женщин, испытывающих семейное насилие, тем сильнее выражено у них состояние безнадежности.

Обратная корреляционная зависимость была установлена между личностными шкалами (табл. 3) опросника ОНР такими как «Аффективная неустойчивость» ($r=-0,48$; $p<0,01$), «Интравертированная направленность личности» ($r=-0,52$; $p<0,01$) и данными баллов умеренной безнадежности.

Таблица 2
Table 2

Шкалы ОНР (Тб)	Средняя безнадежность	Умеренная безнадежность
Психическая истощаемость	$r(0,5) p<0,01$	-
Нарушения общей чувствительности	$r=0,57 p<0,01$	-
Степень ухудшения общего самочувствия	$r=0,57 p<0,01$	-
Переживание своей малоценности	$r=0,49 p<0,01$	-
Навязчивые мысли и действия	$r=0,46 p<0,01$	-
Аффективная неустойчивость	-	$r=-0,48 p<0,01$
Интравертированная направленность личности	-	$r=-0,52 p<0,01$

Примечание: r – коэффициент корреляции между исследуемыми показателями.

Note: r is the correlation coefficient between the studied indicators.

По-видимому, такие черты личности как аффективная неустойчивость и интравертированные качества характера у женщин жертв, домашнего насилия, сдерживают у них проявления безнадежности как качества жизни.

Семейное насилие сопровождается изменениями в психологических и социально-личностных характеристиках жертв насилия, негативно влияет на психическое и соматическое здоровье и нарушает функционирование в семейной жизни и в

обществе. Результаты исследования позволяют сделать вывод о важности внедрения эффективных методик психологической и психиатрической помощи семьям, страдающим от насилия.

Выводы

1. В качестве значимых признаков наличия невротических особенностей личности жертв насилия являются такие психологические и социально-личностные характеристики как низкая самооценка, чувство вины и беспомощности, слабая

мотивация к действиям, астенические проявления, неуверенность в себе, недовольство своей личностью, томляемость, проблемы в общении, экзальтированность поведения, неуверенность в будущем, неверие в свой успех, нарушенная социальная адаптации, желание подчеркивать собственные недостатки.

2. Полученные результаты корреляционных взаимосвязей свидетельствуют о том, что соматическое здоровье жертв насилия коррелирует с возникновением такого психологического состояния как безнадежность. Таким образом, чем больше соматических проблем у женщин, испытывающих семейное насилие, тем сильнее выражено у них состояние безнадежности.

3. Обратная корреляционная зависимость между личностными шкалами опросника ОНР такими как «Аффективная неустойчивость» ($r = -0,48$; $p < 0,01$), «Интравертированная направленность личности» ($r = -0,52$; $p < 0,01$) и данными баллов умеренной безнадежности установила, что такие чер-

ты личности как аффективная неустойчивость и интравертированные качества характера у женщин жертв домашнего насилия, сдерживают у них проявления безнадежности как качества жизни.

4. У женщин, испытывающих семейное насилие, установлено наличие невротических расстройств субъективно, за счет повышенной ипохондричности, аффективной неустойчивости, повышенной тревожности, низкой самооценки, раздражительности, совершении необдуманных поступков и низкой стрессоустойчивости. Основная группа женщин в социальном плане характеризовалась сниженной социальной перцепцией, нарушением межличностных отношений, отсутствием критичности собственных действий.

5. Семейное насилие сопровождается изменениями в психологических и социально-личностных характеристиках жертв насилия, негативно влияет на психическое и соматическое здоровье и нарушает функционирование в семейной жизни и обществе.

Список источников

1. Куфтяк Е.В., Силина О.В., Васильева В.И. Психологические проблемы современной семьи // Познавание и переживание. 2025. Т. 6. № 1. С. 1 – 17.
2. Зырянов И.В., Дежурный А.А., Турская Е.Р. Многофакторный анализ как метод изучения причин и условий, способствующих совершению насильственных правонарушений в сфере семейно-бытовых отношений // Евразийский юридический журнал. 2024. № 10 (197). С. 157 – 159.
3. Райкова К.А., Ефимов А.А., Савенкова Е.Н. Признаки и последствия семейного насилия над женщинами и детьми как индикаторы его выявления // Современные проблемы науки и образования. 2023. № 6. С. 183 – 189.
4. Зубарева К.В., Бадуртдинов А.А., Васильев А.М. Побои, угроза убийством, причинение вреда здоровью, проявляющиеся в семье: проблемы квалификации // Уголовно-правовая охрана жизни и здоровья : Материалы Всероссийской научно-практической конференции, Иркутск, 20 мая 2020 года. Иркутск: Восточно-Сибирский институт Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2020. С. 35 – 38.
5. Александровский Ю.А. Клинико-диагностическая оценка социально-стрессовых расстройств // Психиатрия, психотерапия и клиническая психология. 2024. Т. 15. № 4. С. 473 – 478.
6. Сухов А.Н. Семейные конфликты, связанные с насилием // Домашнее насилие: предупреждение и ответственность. 2022. С. 122 – 123.
7. Duban E. Research on the prevention and combating of violence against women and domestic violence, including in situations of social disadvantage, in the Russian Federation // Based on the analysis of the Russian regulatory framework and generalization of best practices. 2020. P. 79.
8. Борисов С.Н., Волкова О.А., Бессчетнов О.В., Доля Р.Ю. Домашнее насилие как фактор нарушения социального и психического здоровья // Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины. 2020. № 28 (1). С. 68 – 73.
9. Daskalova D., Dimitrova E., Ignatovich S.S. Domestic violence as a socio-psychological phenomenon (on the example of the People's Republic of Bulgaria) // Pedagogy: history, prospects. 2021. № 4 (6). P. 53 – 71.
10. Yehui H., Xu R. Practical exploration of the response of public security agencies to domestic violence cases // Russian Journal of Deviant Behavior. 2021. № 1 (2). P. 296 – 303.
11. Сабитова И.С. Способность жертвы насилия в интимно-личностных отношениях понимать характер и значение совершаемых с ней действий и оказывать сопротивление // Российский девиантологический журнал. 2024. Т. 4. № 2. С. 250 – 261.
12. Думанская Е.И. Виктимологическое консультирование при домашнем насилии как средство обеспечения безопасности личности // Правопорядок: история, теория, практика. 2024. № 3 (42). С. 26 – 30.

13. Baldry A.C. "Domestic Violence. A Global View" edited by Summers R.W. and Hoffman A.M. In collected article. Italy. 2002. P. 55 – 68.
14. Костарев В.В., Кожевникова Т.А. Особенности психологической саморегуляции семьи в ситуации кризиса // Психическое здоровье семьи в современном мире: сборник тезисов IV Российской конференции с международным участием, Томск, 24-25 октября 2024 года. Томск: ООО «Интегральный переплет», 2024. С. 123 – 127.
15. Ball M. Issues of Violence in Family Casework // Social Casework. 1977. № 58. P. 3 – 12.
16. Darenskih S., Trunova A. Psychological consequences of experienced violence // Human health, theory and methodology of physical culture and sports. 2020. № 2 (18). P. 227 – 233. (in Russian)
17. Haq W., Raza S.H., Mahmood T. The pandemic paradox: domestic violence and happiness of women // Peer J. 2020. Vol. 24 (8). P. 10472.
18. Вассерман Л.И., Иовлев Б.В., Щелкова О.Ю., Червинская К.Р. Психологическая диагностика невротических черт личности (ОНР): Методические рекомендации. СПб.: НИПНИ им. В.М. Бехтерева, 2003. 29 с.
19. Owen S.W. "A review of the Beck Hopelessness Scale." Eleventh Annual Review of Psychological Measurement. 1992. P. 82 – 83ю
20. Червинская К.Р., Щелкова О.Ю. Технология разработки компьютерных методик для клинической психодиагностики // Вестник Санкт-Петербургского университета. Международные отношения. 2004. № 3. С. 120 – 125.

References

1. Kuftyak E.V., Silina O.V., Vasilyeva V.I. Psychological problems of the modern family. Knowledge and experience. 2025. Vol. 6. No. 1. P. 1 – 17.
2. Zyryanov I.V., Dezhurny A.A., Turskaya E.R. Multifactorial analysis as a method for studying the causes and conditions contributing to the commission of violent offenses in the sphere of family and domestic relations. Eurasian Law Journal. 2024. No. 10 (197). P. 157 – 159.
3. Raikova K.A., Efimov A.A., Savenkova E.N. Signs and consequences of domestic violence against women and children as indicators of its detection. Modern problems of science and education. 2023. No. 6. P. 183 – 189.
4. Zubareva K.V., Badurtdinov A.A., Vasiliev A.M. Battery, threat of murder, causing harm to health, manifested in the family: problems of qualification. Criminal-legal protection of life and health: Materials of the All-Russian scientific and practical conference, Irkutsk, May 20, 2020. Irkutsk: East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, 2020. P. 35 – 38.
5. Aleksandrovsky Yu.A. Clinical and diagnostic assessment of social stress disorders. Psychiatry, psychotherapy and clinical psychology. 2024. Vol. 15. No. 4. P. 473 – 478.
6. Sukhov A.N. Family conflicts associated with violence. Domestic violence: prevention and responsibility. 2022. P. 122 – 123.
7. Duban E. Research on the prevention and combating of violence against women and domestic violence, including in situations of social disadvantage, in the Russian Federation. Based on the analysis of the Russian regulatory framework and generalization of best practices. 2020. P.79.
8. Borisov S.N., Volkova O.A., Besschetnov O.V., Dolya R.Yu. Domestic violence as a factor in social and mental health disorders. Problems of social hygiene, health care and history of medicine. 2020. No. 28 (1). P. 68 – 73.
9. Daskalova D., Dimitrova E., Ignatovich S.S. Domestic violence as a socio-psychological phenomenon (on the example of the People's Republic of Bulgaria). Pedagogy: history, prospects. 2021. No. 4 (6). P. 53 – 71.
10. Yehui H., Xu R. Practical exploration of the response of public security agencies to domestic violence cases. Russian Journal of Deviant Behavior. 2021. No. 1 (2). P. 296 – 303.
11. Sabitova I.S. The ability of a victim of violence in intimate personal relationships to understand the nature and meaning of actions committed against her and to resist. Russian Journal of Deviantology. 2024. Vol. 4. No. 2. P. 250 – 261.
12. Dumanskaya E.I. Victimological counseling in domestic violence as a means of ensuring personal safety. Law and order: history, theory, practice. 2024. No. 3 (42). P. 26 – 30.
13. Baldry A.C. "Domestic Violence. A Global View" edited by Summers R.W. and Hoffman A.M. In collected article. Italy. 2002. P. 55 – 68.

14. Kostarev V.V., Kozhevnikova T.A. Features of psychological self-regulation of the family in a crisis situation. Mental health of the family in the modern world: collection of abstracts of the IV Russian conference with international participation, Tomsk, October 24-25, 2024. Tomsk: ООО "Integral Binding", 2024. P. 123 – 127.
15. Ball M. Issues of Violence in Family Casework. Social Casework. 1977. No. 58. P. 3 – 12.
16. Darenskih S., Trunova A. Psychological consequences of experienced violence. Human health, theory and methodology of physical culture and sports. 2020. No. 2 (18). P. 227 – 233. (in Russian)
17. Haq W., Raza S.H., Mahmood T. The pandemic paradox: domestic violence and happiness of women. Peer J. 2020. Vol. 24 (8). P. 10472.
18. Wasserman L.I., Iovlev B.V., Shchelkova O.Yu., Chervinskaya K.R. Psychological diagnostics of neurotic personality traits (ONR): Methodical recommendations. St. Petersburg: NIPNI im. V.M. Bekhterev, 2003. 29 p.
19. Owen S.W. "A review of the Beck Hopelessness Scale." Eleventh Annual Review of Psychological Measurement. 1992. P. 82 – 83
20. Chervinskaya K.R., Shchelkova O.Yu. Technology of developing computer methods for clinical psychodiagnostics. Bulletin of St. Petersburg University. International Relations. 2004. No. 3. P. 120 – 125.

Информация об авторах

Костарев В.В., кандидат психологических наук, доцент, Красноярский государственный аграрный университет Министерства просвещения Российской Федерации, 660049, г. Красноярск, пр. Мира 90

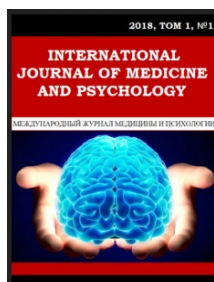
Стоянова И.Я., доктор психологических наук, профессор, Томский государственный университет, 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36

Кожевникова Т.А., доктор медицинских наук, профессор, Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева, 660041, г. Красноярск, ул. Ады Лебедевой 89

Иванова Е.В., соискатель, Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева, 660041, г. Красноярск, ул. Ады Лебедевой 89; зам. директора Психологического реабилитационного центра «Верб»», 660093, г. Красноярск, ул. Семафорная 243а

Титовец К.И., Красноярский государственный медицинский университет имени профессора В.Ф. Войно-Ясенецкого Министерства здравоохранения Российской Федерации. Россия. 660005, г. Красноярск. ул. П. Железняк 1

© Костарев В.В., Стоянова И.Я., Кожевникова Т.А., Иванова Е.В., Титовец К.И., 2025

Научно-исследовательский журнал «International Journal of Medicine and Psychology / Международный журнал медицины и психологии»

<https://ijmp.ru>

2025, Том 8, № 4 / 2025, Vol. 8, Iss. 4 <https://ijmp.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.3.1. Общая психология, психология личности, история психологии (психологические науки)

УДК 378 (045)

¹ **Липовая О.А.,**

¹ Таганрогский институт имени А.П. Чехова, филиал Ростовского государственного экономического университета (РИНХ)

Особенности психологической готовности будущих педагогов к осуществлению волонтерской деятельности

Аннотация: в статье рассматриваются особенности психологической готовности студентов-будущих педагогов, обучающихся по направлению «Педагогическое образование», к волонтерской деятельности.

В работе большое внимание уделено формированию социально-психологических установок и направленности личности студентов-будущих педагогов как одному из важнейших мотиваторов их дальнейшего профессионального становления и субъектной позиции. Предпринята попытка сравнения социально-психологических установок и общей направленности личности студентов-волонтеров и студентов, которые не вовлечены в волонтерскую деятельность. Отмечено, что альтруистические мотивы и мотивы самореализации в волонтерской и педагогической деятельности имеют общее ценностно-смысловое наполнение, поэтому обучающимся, занимающимся волонтерской деятельностью на систематической основе, легче дается путь профессионализации и быстрее осуществляется трудоустройство. Определено, что в системе высшего образования волонтерская деятельность играет важную роль и является ценным ресурсом социально-психологического воспитания студенческой молодежи, способствующим психологической готовности к личностному и профессиональному становлению будущих педагогов.

Ключевые слова: добровольчество, волонтерство, психологическая готовность, студенческая молодежь, профессиональное становление, направленность личности, ценностные ориентации, позиция субъекта, личностное развитие, социально-психологические установки

Для цитирования: Липовая О.А. Особенности психологической готовности будущих педагогов к осуществлению волонтерской деятельности // International Journal of Medicine and Psychology. 2025. Том 8. № 4. С. 270 – 277.

Поступила в редакцию: 21 февраля 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 18 апреля 2025 г.; Принята к публикации: 22 мая 2025 г.

¹ **Lipovaya O.A.,**

¹ Taganrog Institute named after A.P. Chekhov (branch), Rostov State University of Economics (RINE)

Features of psychological readiness of future teachers to implement volunteer activities

Abstract: the article examines the features of psychological readiness of students-future teachers studying in the direction of "Pedagogical education" for volunteer activities.

In the work, much attention is paid to the formation of socio-psychological attitudes and personality orientation of students-future teachers as one of the most important motivators of their further professional development and subject position. An attempt was made to compare the socio-psychological attitudes and general personality orientation of student volunteers and students who are not involved in volunteer activities. It is noted that altruistic motives and motives for self-realization in volunteer and pedagogical activities have a common value-semantic content, therefore, students who are engaged in volunteer activities on a systematic basis find it easier to professionalize and find employment faster. It is determined that in the system of higher education, volunteer activity plays an

important role and is a valuable resource for the socio-psychological education of student youth, contributing to psychological readiness for personal and professional development of future teachers.

Keywords: volunteerism, volunteer work, psychological readiness, student youth, professional development, personality orientation, value orientations, subject's position, personal development, socio-psychological attitudes

For citation: Lipovaya O.A. Features of psychological readiness of future teachers to implement volunteer activities. International Journal of Medicine and Psychology. 2025. 8 (4). P. 270 – 277.

The article was submitted: February 21, 2025; Approved after reviewing: April 18, 2025; Accepted for publication: May 22, 2025

Введение

Тема психологического обеспечения волонтерской деятельности набирает свою популярность в исследованиях последних лет и остается одной из наиболее обсуждаемых в специальной литературе. Особенно остро вопрос психологической готовности к волонтерской деятельности обозначился в среде студенческой молодежи. Молодежь – основа нашего общества, а представителям молодого поколения, обучающимся по направлению «Педагогическое образование», общество доверяет свое будущее. Педагогическая и волонтерская деятельность, на наш взгляд, имеют общее ценностно-смысловое содержание. Ценность оказывать помощь и содействие другим людям, принимать участие в их жизни на безвозмездной основе может быть отнесена не только к волонтерам, но и к учителям.

Несмотря на огромную популярность волонтерской деятельности, можно констатировать, что далеко не всеми волонтерами движут альтруистические побуждения, особенно это касается мотивации представителей студенческой молодежи. Как показывает практика проведения волонтерских мероприятий, альтруистические мотивы волонтеров сопряжены с эгоистическими, материальными, компенсаторными и др. Поэтому вопрос психологической готовности к волонтерской деятельности актуален.

Традиционно «психологическую готовность» рассматривают как «психический феномен, посредством которого объясняют устойчивость деятельности человека в полимотивированном пространстве» (К.К. Платонов, М.А. Котик, В.А. Сосновский и др.) [1, с. 12].

Особое место в понимании психологической готовности к волонтерской деятельности занимает понятие «установки». Г.В. Оллпорт под установкой понимал «состояние психологической готовности личности вести себя определенным образом в отношении объекта, детерминированное ее прошлым опытом» [2, с. 14]. С точки зрения Д.Н. Узнадзе, установка понимается как «готовность, предрасположенность субъекта к восприятию бу-

дущих событий и действиям в определенном направлении» [3, с. 20]. По определению Ю.Б. Гиппенрейтер, «установка – это готовность организма или субъекта к совершению определенного действия или реагированию в определенном направлении» [4, с. 292-322]. А.В. Запорожец, анализируя связь установки и смысла, пришел к выводу, что «установка... получает возможность актуализироваться до нового действия, предвосхищая его характер и направление» [5, с. 387], то есть имеет возможность влиять на поведение.

Исследователь А.А. Шагурова определяет психологическую установку как «функциональную систему, которая обеспечивает настройку организма и последующее поведение, опираясь на условия и задачи деятельности» [1, с. 13].

Психологическая готовность, являясь сложным и многомерным образованием, напрямую связана с направленностью личности человека. Устоявшимся является мнение, что «направленность личности обуславливает ее поступки и поведение, систему ее отношений к миру и с миром, оценку его отдельных сторон, отношений к себе, другим людям, социуму и определенному виду деятельности и специфических сфер психической активности» [6]. С точки зрения С.Л. Рубинштейна, «...направленность личности выражается в многообразных, все расширяющихся и обогащающихся тенденциях, которые служат источником многообразной и разносторонней деятельности. В процессе этой деятельности мотивы, из которых она исходит, изменяются, перестраиваются и обогащаются все новым содержанием» [7, с. 521-522]. Таким образом, направленность личности «дает ответ на вопрос: чего человек хочет, к чему стремится?» [7, с. 534].

Под «направленностью личности на волонтерскую деятельность» понимают «системное динамическое ее образование, включающее в себя убеждения, установки, систему ценностей и личностных смыслов, внутренних потребностей и мотивов, что и определяет цели участия личности в определенных волонтерских проектах» [8, с. 17].

Волонтерство является одним из важнейших институтов современного гражданского общества и выработало многочисленные волонтерские практики и инструментарии. На наш взгляд, систематическое занятие волонтерской деятельностью в студенческой среде может способствовать формированию осознанного и деятельностного отношения к миру, к себе, к другим людям, к профессиональной деятельности, отражать готовность и способность затрачивать личностные ресурсы ради осуществления общественных целей, что так важно в освоении профессии «учитель». Считаем, что направленность личности студентов-старшекурсников, активно занимающихся волонтерской деятельностью, отличается от направленности личности студентов-первокурсников, не вовлеченных в добровольческое движение.

Е.В. Ишкова считает, что «направленность личности волонтеров на осуществляемую ими деятельность имеет вариативный характер» [8, с. 15-24.].

Исследованием направленности личности волонтеров занимались Е.В. Ишкова, И.М. Зинова, С.Н. Краснова, В.Б. Веретенникова, О.Ф. Шихова, Н.В. Телегина и др. Исследованию мотивации волонтеров посвящены работы Т.А. Шульгиной, Н.А. Кетовой, М.В. Певной, Е.С. Азаровой, М.С. Яницкого, Ю.П. Прокопьевой, М.М. Прокопьевой и др. Особенности психологической готовности к волонтерской деятельности посвящены труды А.А. Шагуровой, А.С. Землянской, Е.С. Носовой и др. Изучению социально-психологической готовности к деятельности посвящены работы психологов Я.Л. Коломинского, М.И. Дьяченко, Л.А. Кандыбович, Е.А. Орловой и др. Исследование психологической готовности к осуществлению инклюзивного волонтерства отражены в работах Е.А. Василенко, А.А. Шабалиной, Л.Р. Салаватулина, Пилипенко А.Ю., М.Е. Буслаевой и др. Исследованию системы ценностей и ценностных ориентаций посвящены работы Е.А. Климова, Б.С. Братуся, В.А. Василенко, Ш. Щварца, В.Франкла и др. Разработкой системы ценностей личности, вовлеченной в волонтерскую деятельность, занимались А.В. Суворов, В.Р. Кейсельман, Л.Е. Сикорская, Л.А. Кудринская, Ю.В. Паршина и др.

Мы предположили, что готовность будущих педагогов к волонтерской деятельности будет способствовать расширению возможности и общепрофессиональных ориентиров и установок еще на этапе профессионального обучения, что в дальнейшем облегчит более быстрое вхождение в профессию педагога и более успешную самореализацию в ней.

Цель статьи – исследование психологической готовности к волонтерской деятельности посредством выявления особенностей социально-психологических установок личности в мотивационно-потребностной сфере и направленности личности у будущих педагогов, вовлеченных и не вовлеченных в добровольческую деятельность. Мы полагаем, что социально-психологические установки и направленность личности у будущих педагогов могут меняться посредством вовлечения их в систематические занятия добровольческой деятельностью.

Материалы и методы исследований

В исследовании приняли участие обучающиеся Таганрогского института имени А.П. Чехова (филиала) РГЭУ (РИНХ) в количестве 200 человек (от 17 лет до 23 лет). В качестве исследуемых характеристик были рассмотрены социально-психологические установки и направленность личности студентов старших курсов, вовлеченных в занятия волонтерской деятельностью (101 человек), и у студентов-первокурсников без опыта волонтерской деятельности (101 человек).

«Методика диагностики социально-психологических установок личности в мотивационно-потребностной сфере О.Ф. Потемкиной» [9] и «Методика диагностики направленности личности (Б. Басс)» [10] были взяты для диагностики. Для проверки статистической значимости был использован U-критерия Манна-Уитни.

«Методика диагностики социально-психологических установок (О.Ф. Потемкиной) позволили оценить значимость ведущих установок личности будущих педагогов и определить степень их психологической готовности к волонтерской деятельности: предпочтение «альтруизма и эгоизма», «процесса или результата», «свободы или власти», «содержания работы или денег», то есть дать ответ на вопрос: «Что важно в жизни?» [9].

«Методика диагностики направленности личности (Б. Басс)» была использована для определения степени выраженности направленности личности будущих педагогов с опытом волонтерской деятельности и без него [10, с. 30-36]. Методика ориентирована на выявление, «... что для человека является самым важным и ценным» [10]. Другое название указанной методики – «Ориентационная анкета», впервые опубликованная Б. Бассом в 1967 г.

Результаты и обсуждения

Была проведена диагностика, направленная на выявление социально-психологических установок и особенностей направленности личности студентов-первокурсников без волонтерского опыта и студентов-старшекурсников, активных участников

волонтерского движения. Полученные данные были систематизированы, обобщены, проверены на достоверность при помощи непараметрического U-критерия Манна-Уитни и показали свою статистическую значимость.

Исследование с помощью методики социально-психологических установок О.Ф. Потемкиной [9] позволило получить следующие результаты.

В двух группах испытуемых были проведены исследования степени выраженности каждого установочного компонента и мотивационно-потребностной сферы у студентов-старшекурсников, занимающихся волонтерской деятельностью, и студентов 1 курса, не вовлеченных в волонтерскую деятельность.

Наивысшие ранги в нашем исследовании у студентов-первокурсников, не вовлеченных в волонтерскую деятельность, были выявлены по следующим показателям:

«Ориентация на процесс» (63 %) – показатели средние и выше среднего позволяет предположить, что у студентов-первокурсников в приоритете процессуальная направленность, зачастую являющаяся препятствием результативности, респонденты этой группы «не склонны задумываться над достижением конкретного результата; ими больше движет интерес к самому делу» [9].

«Ориентация на эгоизм» (62 %) – показатели средние с тенденцией к росту говорят о сконцентрированности на личных интересах и на самом себе.

«Ориентация на свободу» (64 %) – средняя и выше среднего. Высокий показатель по этому критерию дает возможность предположить, что свобода у студентов-первокурсников связана с вынужденной эмансипацией этого возрастного периода и адаптацией в новых социальных реалиях: позади школьный период обучения, начался этап профессионального обучения, для большинства студентов выбор образовательной организации был связан с переездом в другой город, отрывом от родительских корней.

«Ориентация на деньги» (69 %) – средняя и выше среднего. Как утверждают исследователи, высокие показатели по этому критерию часто сочетаются с высокими показателями по критерию «Ориентация на свободу». В нашем случае это можно объяснить тем, что новый этап социализации требует от первокурсников финансовых затрат, которые ранее осуществлялись за счет родителей, а в новых социальных реалиях в большинстве своем входят в поле ответственности самих первокурсников.

Наивысшими показателями в нашем исследовании для студентов-волонтеров (обучающихся

старших курсов) стали следующие жизненные ориентиры:

«Ориентация на результат» (86 %) – высокие показатели характеризуют студентов-старшекурсников, занимающихся волонтерской деятельностью, как «... людей, стремящихся и способных к достижению результата».

«Ориентация на альтруизм» (72 %) – средняя и выше среднего позволяет характеризовать студентов-волонтеров как «людей с общественным руководством началом, высоким стремлением к оказанию помощи другим людям (иногда даже в ущерб себе)».

«Ориентация на труд» (74 %) – средняя и выше среднего определяет способность студентов-старшекурсников трудиться и получать от этого «больше радостей и удовольствия, чем от каких-то иных занятий». Начиная со второго курса, студенты начинают подрабатывать, а с третьего курса официально устраиваются на работу по профессии.

«Ориентация на власть» (59 %) – средний показатель по этому критерию говорит о наличии одной из приоритетных ценностей «влияние на других, общество». Что можно связывать с овладением и формированием профессиональных педагогических компетенций, в частности коммуникативной компетенции будущего педагога.

Результаты нашего исследования имеют некоторые совпадения с результатами исследований социально-психологической готовности молодежи к волонтерской деятельности А.А. Шагуровой (2013) [1]; результатами исследований типов направленности личности на волонтерскую деятельность Е.В. Ишковой (2022) [8].

Как мы видим, в процентном соотношении есть различия.

Статистическая обработка данных, полученных по методике социально-психологических установок О.Ф. Потемкиной, показала существенные различия в основном в ориентации на «процесс» и «результат» и «альтруистической/эгоистической» ориентации. Критическое значение U-критерия Манна-Уитни является показателем статистической значимости сравниваемых показателей ($p \leq 0,05$, $p \leq 0,01$). Ярко выраженные альтруистические тенденции были выявлены у студентов-старшекурсников, активно занимающихся волонтерской деятельностью (68%), в то время как у студентов-первокурсников, не вовлеченных в волонтерскую деятельность, этот показатель составил всего 18 %.

Ориентация на «Процесс» и «Результат» тоже подтвердила статистическую значимость различий ($p \leq 0,05$, $p \leq 0,01$). Значимость результативности

деятельности выявлена у студентов-старшекурсников, вовлеченных в волонтерскую деятельность, в то время как у первокурсников выявлена значимость процессуального признака деятельности по сравнению с результативным.

Данные, полученные в результате исследования, свидетельствуют о том, что у студентов-первокурсников перевешивает значимость ориентаций личностного характера: «Ориентация на процесс», «Ориентация на эгоизм», «Ориентация на деньги».

Студенты-волонтеры поставили в приоритет общественные ориентиры: «Ориентация на результат», «Ориентация на альтруизм», «Ориентация на труд».

Результаты, полученные с помощью методики диагностики Б. Басса [10], показали разницу между направленностью «на себя», «на общение», «на дело» у студентов, вовлеченных в добровольческую деятельность, и обучающихся без опыта волонтерской деятельности.

Было выявлено, что обучающиеся с опытом волонтерской деятельности характеризуются высоким показателем «направленности на дело» (67 %), что обнаруживает «ярко выраженную заинтересованность в решении возникающих проблем»,

«ориентированность на выполнение конкретной работы как можно лучше», «способность отстаивать в интересах дела собственное мнение», «искать и находить нестандартных способы решения». У студентов-первокурсников, не вовлеченных в добровольческую деятельность, данный показатель выражен у 16 %. А также высокие показатели у первокурсников были выявлены по шкале «направленность на себя», что может говорить о «слабо выраженном интересе к содержанию работы и заинтересованности в прямом вознаграждении».

Статистическая проверка данных методики диагностики направленности личности (Б. Басс) с помощью U-критерия Манна-Уитни подтвердила значимые различия направленности: «на дело» (67 при $p \leq 0,05$), «на себя» (82 при $p \leq 0,05$). «Направленность на дело» преобладает у студентов-волонтеров. У студентов первого курса приоритетной оказывается «Направленность на себя».

Не показали статистических различий данные по шкале «Направленность на общение», что дает возможность предположить, что указанная ориентация является ценной для тех, кто выбрал для себя профессию «учитель». У двух групп респондентов эти показатели имеют среднее значение.

Рис. 1. Результаты исследования по методике диагностики социально-психологических установок личности в мотивационно-потребностной сфере О.Ф. Потемкиной.

Fig. 1. Results of the study on the methodology of diagnosing socio-psychological attitudes of the individual in the motivational-need sphere by O.F. Potemkina.

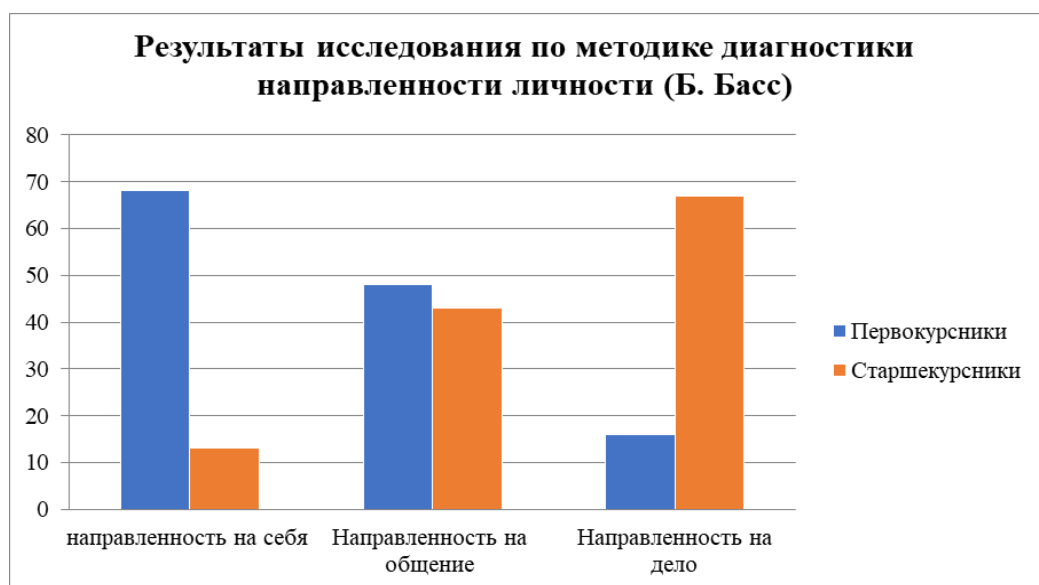

Рис. 2. Результаты исследования по методике диагностики направленности личности (Б. Басс).
Fig. 2. Results of the study on the methodology of diagnosing personality orientation (B. Bass).

Результаты нашего исследования дали возможность утверждать, что студенты, которые характеризуются высокой степенью готовности к волонтерской деятельности, в большей степени, чем обучающиеся, не имеющие такой готовности, имеют направленность на дело и на решение поставленных задач, у них ярко выражена заинтересованность в осуществлении решения тех вопросов, с которыми они сталкиваются, причем качество выполнения осуществляемой деятельности достаточно высоко. В поиске решения поставленной задачи не склонны останавливаться при возникающих затруднениях, а способны предпринимать новые попытки и способы решения.

Также у студентов с высокой степенью готовности к волонтерской деятельности выражена направленность на взаимодействие, что может указывать на стремление идти на контакт, желание оказывать помощь другим людям.

Респонденты с низкими показателями психологической готовности к волонтерской деятельности имеют направленность на себя, на личные интересы, что затрудняет аспект взаимодействия и ставит приоритет личной выгоды выше общественной.

Интерпретация данных, которые представлены на рис. 1 и 2, помогла выявить изменения в положении ранга и значимости социально-психологических установок у обучающихся с высокой степенью готовности к волонтерской деятельности и у обучающихся, не обладающих такой готовностью, – студентов-первокурсников без опыта волонтерской деятельности. Отличительными особенностями обучающихся с высокой степенью готовности к волонтерской деятельности, в отличие от студентов, не принимающих

участие в добровольческом движении, является то, что при выполнении любого дела они способны рационально подходить к его решению, заранее рассчитав все риски и применяя нестандартные способы решения; при этом отличаются высокой степенью альтруизма и общественной мотивацией, способны понять чужую точку зрения и оказать заботу.

Выводы

Результаты проведенного исследования дают возможность говорить о том, что волонтерская деятельность может выступать фактором формирования направленности личности будущего педагога, способствовать возникновению интереса у современной молодежи к трудовой деятельности, обеспечивая тем самым формирование позицию активного субъекта как важную составляющую профессиональной самореализации.

У обучающихся, с высокой степенью готовности к волонтерской деятельности, доминантными являются важные социально-психологические установки общественной направленности, необходимые им в дальнейшем профессиональном становлении и педагогической самореализации. В то время как у студентов, не обладающих готовностью к волонтерской деятельности, приоритетными продолжают оставаться социально-психологические установки, направленные на достижение личных целей и удовлетворение собственной потребностной сферы.

Альтруистические мотивы и мотивы самореализации в волонтерской и педагогической деятельности имеют общее ценностно-смысловое наполнение, поэтому обучающимся с высокой степенью готовности к волонтерской деятельности

легче дается путь профессионализации и быстрее осуществляется трудоустройство. Таким образом, в системе высшего образования волонтерская деятельность играет важную роль и является ценным ресурсом социально-психологического воспитания

студенческой молодежи, способствующим развитию психологической готовности к личностному и профессиональному становлению будущих педагогов [12, 13, 14].

Список источников

1. Шагурова А.А. Социально-психологическая готовность молодежи к волонтерской деятельности: автореф. ... дис. кан. псих. наук. М.: 2013. 25 с.
2. Девяткин А.А. Явление социальной установки в психологии XX века: Монография / Калинингр. ун-т. Калининград, 1999. 309 с.
3. Узнадзе Д.Н. Психология установки. СПб.: Питер, 2001. 416 с.
4. Гиппенрейтер Ю.Б. Введение в общую психологию. Курс лекций. М.: ЧеРо, МПСИ, Омега-Л, 2006. 336 с.
5. Асмолов А.Г. По ту сторону сознания; методологические проблемы неклассической психологии. М.: Смысл, 2002. 480 с.
6. Веретенникова В.Б., Шихова О.Ф., Телегина Н.В. О профессиональной направленности личности студентов-будущих педагогов // Современные проблемы науки и образования. 2021. № 6. RL: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=31267> (дата обращения: 08.02.2025)
7. Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии. СПб.: Питер, 2004. 713 с.
8. Ишкова И.В. Типы направленности личности на волонтерскую деятельность // Психология. Психофизиология. 2022. Т. 15. № 4. С. 15 – 24.
9. Методика диагностики социально-психологических установок в мотивационно-потребностной сфере О. Ф. Потемкиной. URL: <http://psyresultat.ru/page176>
10. Психологические тесты: в 2 т. / Под ред. А.А. Карелина. М.: Гуманитар. изд. центр ВЛАДОС, 2005. Т. 1. 312 с.
11. Бондырева С.К. Субъект вуза и проблема субъектности в вузе // Субъект действия, взаимодействия, познания. (Психологические, философские, социокультурные аспекты). М.: Московский психолого-социальный институт; Воронеж: Издательство НПО «МОДЭК», 2001. С. 111 – 118.
12. Липовая О.А. Особенности организации воспитательной работы в высшей школе // Модернизация российского общества и образования: новые экономические ориентиры, стратегии управления, вопросы правоприменения и подготовки кадров: материалы XXIV Национальной научной конференции (с международным участием). Апрель 2023 г., Таганрог, Таганрогский институт управления и экономики. Таганрог: Изд-во ЧОУ ВО ТИУиЭ, 2023. Т. 1. С. 160 – 163. URL: <https://www.tmei.ru/nauchnye-meropriyatiya/nauchnye-konferentsii>
13. Липовая О.А. Мотивационные основы добровольческой деятельности студентов высшей школы // Модернизация российского общества и образования: новые экономические ориентиры, стратегии управления, вопросы правоприменения и подготовки кадров: материалы XXIII Национальной научной конференции (с международным участием). Апрель 2022 г., Таганрог / Таганрогский институт управления и экономики. Таганрог: Изд-во ЧОУ ВО ТИУиЭ, 2022. С. 747 – 749.
14. Липовая О.А. Особенности формирования личностных качеств студентов высшей школы через вовлечение их в волонтерскую деятельность // Модернизация российского общества и образования: новые экономические ориентиры, стратегии управления, вопросы правоприменения и подготовки кадров: материалы XXIII Национальной научной конференции (с международным участием). Апрель 2022 г., Таганрог / Таганрогский институт управления и экономики. Таганрог: Изд-во ЧОУ ВО ТИУиЭ, 2022. С. 750 – 752.

References

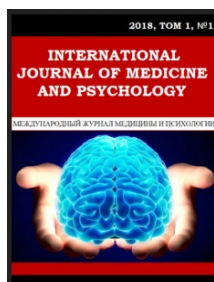
1. Shagurova A.A. Social and psychological readiness of young people for volunteer activities: author's abstr. ... dis. can. psych. sciences. Moscow: 2013. 25 p.
2. Devyatkin A.A. The phenomenon of social attitude in the psychology of the 20th century: Monograph. Kaliningrad University. Kaliningrad, 1999. 309 p.
3. Uznadze D.N. Psychology of attitude. St. Petersburg: Piter, 2001. 416 p.
4. Gippenreiter Yu.B. Introduction to general psychology. Lecture course. Moscow: CheRo, MPSI, Omega-L, 2006. 336 p.

5. Asmolv A.G. On the other side of consciousness; methodological problems of non-classical psychology. Moscow: Smysl, 2002. 480 p.
6. Veretennikova V.B., Shikhova O.F., Telegina N.V. On the professional orientation of the personality of students-future teachers. Modern problems of science and education. 2021. No. 6. RL: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=31267> (date of access: 08.02.2025)
7. Rubinstein S.L. Fundamentals of General Psychology. St. Petersburg: Piter, 2004. 713 p.
8. Ishkova I.V. Types of personality orientation towards volunteer activities. Psychology. Psychophysiology. 2022. Vol. 15. No. 4. P. 15 – 24.
9. Methodology for diagnosing socio-psychological attitudes in the motivational-need sphere by O.F. Potemkina. URL: <http://psyresultat.ru/page176>
10. Psychological tests: in 2 volumes. Ed. by A.A. Karelin. Moscow: Humanitarian publishing center VLADOS, 2005. Vol. 1. 312 p.
11. Bondyreva S.K. Subject of the university and the problem of subjectivity in the university. Subject of action, interaction, cognition. (Psychological, philosophical, socio-cultural aspects). Moscow: Moscow Psycho-Social Institute; Voronezh: Publishing House of NPO "MODEK", 2001. P. 111 – 118.
12. Lipovaya O.A. Features of the organization of educational work in higher education. Modernization of Russian society and education: new economic guidelines, management strategies, law enforcement issues and personnel training: materials of the XXIV National Scientific Conference (with international participation). April 2023, Taganrog, Taganrog Institute of Management and Economics. Taganrog: Publishing house of ChOU VO TIUE, 2023. Vol. 1. P. 160 – 163. URL: <https://www.tmei.ru/nauchnye-meropriyatiya/nauchnye-konferentsii>
13. Lipovaya O.A. Motivational foundations of volunteer activities of higher education students. Modernization of Russian society and education: new economic guidelines, management strategies, law enforcement issues and personnel training: materials of the XXIII National Scientific Conference (with international participation). April 2022, Taganrog. Taganrog Institute of Management and Economics. Taganrog: Publishing House of ChOU VO TIUE, 2022. P. 747 – 749.
14. Lipovaya O.A. Features of the Formation of Personal Qualities of Higher School Students through Their Involvement in Volunteer Activities. Modernization of Russian Society and Education: New Economic Guidelines, Management Strategies, Law Enforcement and Personnel Training Issues: Proceedings of the XXIII National Scientific Conference (with international participation). April 2022, Taganrog. Taganrog Institute of Management and Economics. Taganrog: Publishing House of ChOU VO TIUE, 2022. Pp. 750 – 752.

Информация об авторе

Липовая О.А., кандидат филологических наук, доцент, SPIN-код 6445-8900, Таганрогский институт имени А.П. Чехова, филиал Ростовского государственного экономического университета (РИНХ), osherban11@mail.ru

© Липовая О.А., 2025

Научно-исследовательский журнал «International Journal of Medicine and Psychology / Международный журнал медицины и психологии»

<https://ijmp.ru>

2025, Том 8, № 4 / 2025, Vol. 8, Iss. 4 <https://ijmp.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.3.1. Общая психология, психология личности, история психологии (психологические науки)

УДК 159.9.01

¹ Петунова С.А.,

² Степанова В.В.,

¹ Григорьева Н.В.,

¹ Максимова Н.Л.,

¹ Николаев Е.Л.,

¹ Чувашский государственный университет им. И.Н. Ульянова,

² Чувашский Республиканский перинатальный центр

Жизнестойкость у подростков из семей с социально опасным положением

Аннотация: цель работы состояла в анализе особенностей показателей жизнестойкости и антивитальности у подростков из семей с социально опасным положением (СОП). Семья является первой и самой важной средой для успешной социализации ребенка. Когда родители подвергают ребенка целенаправленной жестокости, не удовлетворяют его жизненно важные потребности, потребности в эмоциональной поддержке и внимании, то ребенок находится в хроническом эмоционально-психологическом напряжении, испытывая дефицит в безусловном принятии и любви. Результаты исследования показали, что несмотря на то, что для большинства подростков из СОП семей характерен низкий уровень антивитальности (60%), при этом 22,86% имеют вполне конкретные мысли и действия саморазрушительного характера, которые могут привести к формированию основ суицидального поведения. Антивитальные мысли и действия коррелируют с наличием у подростков демонстративности и неспособности справиться с сильными эмоциями, которые в силу наличия хронического эмоционального напряжения внутри семьи, постоянной фрустрированности, создают ощущение беспомощности. Наличие конфликта в семье зачастую приводит к конфликтам и с другим социальным окружением – с педагогами, сверстниками и т.п., делает их уязвимыми к критике и насмешкам. Сравнительный анализ по шкалам жизнестойкости, также указывает на различия у подростков из семей с СОП. Подростки из семей с СОП обладают сниженным уровнем ресурсности. У 40% испытуемых низкий уровень удовлетворенности жизнью, ощущение фрустрированности стремления к признанию, успеху и самосовершенствованию. Низкий уровень жизнестойкости подростков связан с отсутствием стабильной психологической, материальной и эмоциональной поддержки со стороны семьи.

Ключевые слова: социально-психологическое благополучие семьи, семьи с социально опасным положением, жизнестойкость, антивитальность

Для цитирования: Петунова С.А., Степанова В.В., Григорьева Н.В., Максимова Н.Л., Николаев Е.Л. Жизнестойкость у подростков из семей с социально опасным положением // International Journal of Medicine and Psychology. 2025. Том 8. № 4. С. 278 – 283.

Поступила в редакцию: 22 февраля 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 19 апреля 2025 г.; Принята к публикации: 22 мая 2025 г.

¹ Petunova S.A.,
² Stepanova V.V.,
¹ Grigorieva N.V.,
¹ Maksimova N.L.,
¹ Nikolaev E.L.,

¹ Chuvash State University named after I.N. Ulyanov,
² Chuvash Republican Perinatal Center

Resilience in adolescents from families with socially dangerous situations

Abstract: the purpose of the work was to analyze the characteristics of indicators of resilience and anti-vitality in adolescents from families with a socially dangerous situation (SDS). The family is the first and most important environment for the successful socialization of a child. When parents subject a child to targeted cruelty, do not satisfy his vital needs, needs for emotional support and attention, the child is in chronic emotional and psychological stress, experiencing a deficit in unconditional acceptance and love. The results of the study showed that despite the fact that the majority of adolescents from SDS families are characterized by a low level of anti-sexuality (60%), 22.86% have very specific thoughts and actions of a self-destructive nature that can lead to the formation of the foundations of suicidal behavior. Anti-sexual thoughts and actions correlate with the presence in adolescents of demonstrativeness and inability to cope with strong emotions, which, due to the presence of chronic emotional tension within the family, constant frustration, create a feeling of helplessness. The presence of conflict in the family often leads to conflicts with other social environments, such as teachers, peers, etc., making them vulnerable to criticism and ridicule. A comparative analysis on the scales of resilience also indicates differences among adolescents from families with SDS. Adolescents from families with SDS have a reduced level of resource capacity. 40% of the subjects have a low level of life satisfaction, feeling frustrated by the desire for recognition, success and self-improvement. The low level of resilience of adolescents is associated with the lack of stable psychological, material and emotional support from the family.

Keywords: social and psychological well-being of the family, families with a socially dangerous situation, resilience, anti-vitality

For citation: Petunova S.A., Stepanova V.V., Grigorieva N.V., Maksimova N.L., Nikolaev E.L. Resilience in adolescents from families with socially dangerous situations. International Journal of Medicine and Psychology. 2025. 8 (4). P. 278 – 283.

The article was submitted: February 22, 2025; Approved after reviewing: April 19, 2025; Accepted for publication: May 22, 2025

Введение

Роль семьи в современном мире была и остается неотъемлемой и важной частью развития общества. Но помимо ее общественной значимости актуальным остается вопрос значения семьи в формировании личности человека. Семья выполняет ряд важных функций. Во-первых, рождение и воспитание детей, именно в семье закладываются ценности и нормы поведения, общественные установки, начинают формироваться личностные качества. Во-вторых, семья является средой, где каждый может чувствовать себя в безопасности, быть защищенным и всегда рассчитывать на эмоциональную поддержку. В-третьих, благодаря семейным ценностям и традициям, формируется духовный мир человека, его мировоззрение. В-четвертых, совместный быт и ведение хозяйства, позволяют обрести экономическую защищенность. И это, лишь часть функций, которые возла-

гаются на семью, и их реализация возможна при условии наличия социально-психологического благополучия внутри нее, которое характеризуется наличием тесных внутрисемейных связей, эмоциональной близости и поддержки, умением успешно решать конфликты [4, 5, 9].

Семья с социально благополучным положением – это семья, которая обеспечивает своим членам комфортное существование в социальном, экономическом и психологическом аспектах. В такой семье родители заботятся о детях, создают условия для их полноценного развития, обеспечивают безопасность, поддержку и воспитание. Социально благополучная семья характеризуется стабильными отношениями между членами семьи, уважением друг к другу, а также отсутствием конфликтов, насилия и других негативных факторов [2, 10].

Семья, находящаяся в социально опасном по-

ложении – это семья, где родители или законные представители несовершеннолетних не исполняют своих обязанностей, используют деструктивный стиль воспитания, и допускают жестокость. Семья является первой и самой важной средой для успешной социализации ребенка. Когда родители подвергают ребенка целенаправленной жестокости, не удовлетворяют его жизненно важные потребности, потребности в эмоциональной поддержке и внимании, то ребенок находится в хроническом эмоционально-психологическом напряжении, испытывая дефицит в безусловном принятии и любви. Вследствие чего у ребенка появляются проблемы в эмоциональной сфере, нарушается способность к успешной социализации, возникают трудности в формировании жизнестойкости и адаптивности [3, 7, 10].

За последнее десятилетие в России появилось большое количество научных работ, которые посвящены анализу факторов социально опасного поведения несовершеннолетних (Горбачев М.В., 2020) в России, где подчеркивается роль семьи; а также проблемам профилактики правонарушений среди подростков, находящихся в социально опасном положении (Никитина Н.А., 2020). Широко освещены вопросы социально-педагогической работы с неблагополучными семьями (Галиева С.Ю., 2017), возможности оказания психологической и социальной помощи семье и детям (Исаева И.И., 2018).

Анализ литературных источников показал, важность семьи как социально-психологической детерминанты психологического здоровья и благополучия ребенка, как ресурса формирования жизнестойкости в подростковом возрасте, а также взаимосвязи проявлений аутодеструктивного поведения подростков и неблагоприятной семейной среды (Губина Е.В., Комарова О.Н., Рассказова А.Л., Темнова Е.В., Дубровина И. В., Лебединская В. П.) [1, 2, 3, 5, 6, 9, 11].

Материалы и методы исследований

Цель работы состояла в анализе особенностей показателей жизнестойкости и антивитальности у подростков из семей с социально опасным положением (СОП). Исследование проходило на базе МБОУ «СОШ №50» г. Чебоксары и БУ ЧР "Социально-реабилитационный центр для несовершеннолетних г. Чебоксары". Общее количество подростков – 70 человек (возраст от 15 до 17 лет), из них 35 подростков из семей с социально благополучным положением и 35 из семей с СОП. В работе использовался опросник «Антивитальность и жизнестойкость» О.А. Сагалаковой и Д.В. Труевцева. Подростки из группы СОП, находятся на учете в социально-реабилитационном центре,

часть из них на момент исследования находилась на круглосуточном проживании, в связи с неблагоприятными условиями проживания и воспитания детей. У 17 (46,57%) подростков группы СОП уровень материального благосостояния в семье ниже прожиточного уровня. Мы попросили подростков оценить, насколько доверительные отношения сложились в их семье, где 1 – доверия нет совсем, 10 – доверяю полностью. В группе подростков из семей с социально благополучным положением этот балл составляет $8,94 \pm 1,43$; в группе подростков из семей с социально опасным положением этот балл ниже и составляет $6,25 \pm 2,62$. Разница является статистически достоверной ($t=5,31$ при $p<0,01$).

Результаты и обсуждения

Полученные данные исследования показателей антивитальности и жизнестойкости у подростков из семей с социально благополучным положением показали преимущественно низкий уровень по шкалам антивитальности, таким как «Антивитальные мысли и действия» (34 чел., 97,14%; $2 \pm 4,25$); «Антивитальные мысли» (31 чел., 88,57%; $0,57 \pm 1,22$); «Антивитальные действия» (34 чел., 97,14%; $0,29 \pm 1,07$); «Импульсивность поведения» (32 чел., 91,43%; $0,69 \pm 1,3$); «Демонстративность» (32 чел., 91,43%; $0,46 \pm 1,69$); «Антивитальные переживания» (27 чел., 77,14%; $7,8 \pm 7,42$); «Негативный образ» (29 чел., 82,86%; $2,26 \pm 2,31$); «Заброшенность» (31 чел., 88,57%; $1,29 \pm 2,14$); «Беспомощность» (24 чел., 68,57%; $2,29 \pm 2,02$); «Неопосредованность эмоций» (22 чел., 62,86%; $1,97 \pm 1,82$); «Страх негативной оценки» (28 чел., 80%; $2,97 \pm 2,49$); «Гелотофобия» (25 чел., 71,43%; $1,94 \pm 1,19$); «Дисморфофобия» (29 чел., 82,86%; $1,03 \pm 1,62$); «Микросоциальный конфликт» (30 чел., 85,71%; $3,31 \pm 4,52$); «Конфликт в семье» (32 чел., 91,43%; $1,4 \pm 1,88$); «Конфликт в группе» (31 чел., 88,57%; $1,09 \pm 2,15$); «Конфликт с педагогами» (30 чел., 85,71%; $0,83 \pm 1,56$); «Одиночество/недоверчивость» (20 чел., 57,14%; $4,31 \pm 2,54$); «Вредные привычки» (31 чел., 88,57%; $0,6 \pm 1,24$); «Тревожные руминации» (23 чел., 65,71%; $2,91 \pm 2,42$); «Склонность к асоциальному поведению» (31 чел., 88,57%; $1,34 \pm 1,88$).

Преимущественно высокий уровень выявлен по шкалам жизнестойкости, таким как «Психологическая поддержка» (29 чел., 82,86%; $17,26 \pm 2,83$); «Функциональная семья» (31 чел., 88,57%; $18,94 \pm 3,11$); «Удовлетворенность жизнью» (26 чел., 74,29%; $9,51 \pm 2,34$); «Стремление к успеху» (22 чел., 62,86%; $6,8 \pm 1,59$); «Саморегуляция/планирование» (24 чел., 68,57%; $7,34 \pm 1,35$); «Позитивный образ будущего» (32 чел., 91,43%; $7,97 \pm 1,18$).

Полученные данные исследования показателей антивитальности и жизнестойкости у подростков из семей с СОП показали преимущественно низкий уровень по шкалам антивитальности, таким как: «Антивита́льные мысли и действия» (21 чел., 60%; $8,29 \pm 7,86$); «Антивита́льные мысли» (22 чел., 62,86%; $2,2 \pm 2,29$); «Антивита́льные действия» (21 чел., 60%; $2,2 \pm 2,27$); «Импульсивность поведения» (21 чел., 60%; $2,2 \pm 2,32$); «Демонстративность» (27 чел., 77,14%; $1,69 \pm 1,83$); «Антивита́льные переживания» (18 чел., 51,43%; $15,51 \pm 11,36$); «Негативный образ» (18 чел., 51,43%; $5,17 \pm 4,01$); «Заброшенность» (22 чел., 62,86%; $3,26 \pm 3,48$); «Беспомощность» (17 чел., 48,57%; $4,03 \pm 3,02$); «Неопосредованность эмоций» (14 чел., 40%; $3,06 \pm 2,17$); «Страх негативной оценки» (28 чел., 80%; $5,6 \pm 4,15$); «Гелотофобия» (16 чел., 45,71%; $3,31 \pm 2,04$); «Дисморфофобия» (19 чел., 54,29%; $2,29 \pm 2,47$); «Микросоциальный конфликт» (14 чел., 40%; $12,31 \pm 7,48$); «Конфликт в семье» (14 чел., 40%; $5,83 \pm 3,64$); «Конфликт в группе» (16 чел., 45,71%; $3,83 \pm 3,19$); «Конфликт с педагогами» (16 чел., 45,71%; $2,77 \pm 2,07$); «Вредные привычки» (25 чел., 71,43%; $1,54 \pm 2,2$); преимущественно низкий и средний уровень выявлен по шкалам «Тревожные руминации» (13 чел., 37,14% и 12 чел., 34,29% соответственно; $4,6 \pm 2,65$), «Склонность к асоциальному поведению» (по 15 чел., $42,86\%$; $3,77 \pm 2,79$). Преимущественно средний уровень выявлен по шкале «Одиночество/недоверчивость» (15 чел., $42,86\%$; $6,77 \pm 2,92$).

По шкалам жизнестойкости выявлен преимущественно низкий уровень по шкале «Стремление к успеху» (15 чел., $42,86\%$; $4,71 \pm 2,22$); средний уровень выявлен по шкале «Психологическая поддержка» (17 чел., $48,57\%$; $11,03 \pm 5,29$); низкий и высокий уровни выявлены по шкале «Функциональная семья» (13 и 15 чел., $37,14\%$ и $42,86\%$ соответственно; $11,86 \pm 6,73$); низкий и средний уровни выявлены по шкале «Удовлетворенность жизнью» (по 14 чел., по 40% ; $5,66 \pm 3,45$); средний и высокий уровни выявлены по шкалам «Саморегуляция/планирование» (13 и 14 чел. соответственно, по $37,14\%$ и 40% ; $5,54 \pm 2,49$); «Позитивный образ будущего» (13 и 14 чел. соответственно, по $37,14\%$ и 40% ; $5,54 \pm 2,8$).

Сравнительный анализ результатов по двум группам выявил различия в показателях антивитальности: группа подростков из семей с СОП демонстрирует более высокий уровень по шкалам «Антивита́льные мысли и действия» ($2 \pm 4,25$ и $8,29 \pm 7,86$), различия обнаружены почти на абсолютном уровне ($t=4,16$, $p<01$); «Импульсивность поведения» ($0,69 \pm 1,3$ и $2,2 \pm 2,32$,

$t=3,36$, $p<01$); «Демонстративность» ($0,46 \pm 1,15$ и $1,69 \pm 1,83$, $t=3,37$, $p<01$); «Антивита́льные переживания» ($7,8 \pm 7,42$ и $15,51 \pm 11,36$, $t=3,36$, $p<01$); «Негативный образ» ($2,26 \pm 2,32$ и $5,17 \pm 4,01$, $t=3,72$, $p<01$); «Заброшенность» ($1,29 \pm 2,14$ и $3,26 \pm 3,48$, $t=2,85$, $p<0,01$); «Беспомощность» ($2,29 \pm 2,02$ и $4,3 \pm 3,02$, $t=2,83$, $p<0,01$); «Неопосредованность эмоций» ($1,97 \pm 1,83$ и $3,06 \pm 2,17$, $t=2,27$, $p<0,05$); «Страх негативной оценки» ($2,97 \pm 2,49$ и $5,6 \pm 4,15$, $t=3,22$, $p<0,01$); «Гелотофобия» ($1,94 \pm 1,19$ и $3,31 \pm 2,04$, $t=3,44$, $p<01$); «Дисморфофобия» ($1,03 \pm 1,62$ и $2,29 \pm 2,47$, $t=2,52$, $p<0,05$); «Микросоциальный конфликт» ($3,31 \pm 4,52$ и $12,31 \pm 7,48$, $t=6,09$, $p<01$); «Конфликт в семье» ($1,4 \pm 1,88$ и $5,83 \pm 3,64$, $t=6,39$, $p<01$); «Конфликт в группе» ($1,09 \pm 2,15$ и $3,83 \pm 3,19$, $t=4,22$, $p<01$); «Конфликт с педагогами» ($0,83 \pm 1,56$ и $2,77 \pm 2,07$, $t=4,43$, $p<01$); «Одиночество/недоверчивость» ($4,31 \pm 2,54$ и $6,77 \pm 2,92$, $t=3,75$, $p<01$); «Вредные привычки» ($0,6 \pm 1,24$ и $1,54 \pm 2,2$, $t=2,21$, $p<0,05$); «Тревожные руминации» ($2,91 \pm 2,42$ и $4,6 \pm 2,65$, $t=2,78$, $p<0,01$); «Склонность к асоциальному поведению» ($1,34 \pm 1,88$ и $3,77 \pm 2,79$, $t=4,28$, $p<01$).

Результаты сравнительного анализа выявили также различия в показателях жизнестойкости: у подростков из семей с СОП более низкий уровень по шкалам «Психологическая поддержка» ($17,26 \pm 2,83$ и $11,03 \pm 5,29$), различия обнаружены почти на абсолютном уровне ($t=6,14$, $p<01$); «Функциональная семья» ($18,94 \pm 3,11$ и $11,86 \pm 6,73$, $t=5,65$, $p<01$); «Удовлетворенность жизнью» ($9,51 \pm 2,34$ и $5,66 \pm 3,45$, $t=5,48$, $p<01$); «Стремление к успеху» ($6,8 \pm 1,59$ и $4,71 \pm 2,22$, $t=4,52$, $p<01$); «Саморегуляция/планирование» ($7,34 \pm 1,35$ и $5,54 \pm 2,49$, $t=3,76$, $p<01$); «Позитивный образ будущего» ($7,97 \pm 1,18$ и $5,54 \pm 2,8$, $t=4,73$, $p<01$).

Выводы

Если для подростков из благополучных семей проявление антивита́льных наклонностей это скорее единичный (исключительный) случай из всей выборки, то несмотря на то, что для большинства подростков из СОП семей характерен низкий уровень антивита́льности (60%), $22,86\%$ подростков из семей с СОП имеют вполне конкретные мысли и действия саморазрушительного характера, которые могут привести к формированию основ суицидального поведения. Антивита́льные мысли и действия коррелируют с наличием у подростков демонстративности и неспособности справиться с сильными эмоциями, которые в силу наличия хронического эмоционального напряжения внутри семьи, постоянной фрустрированности, создают

ощущение беспомощности. А отсутствие конструктивного копинга подталкивает подростков к импульсивным действиям, как внешне, так внутренне разрушительного характера. Наличие конфликта в семье зачастую приводит к конфликтам и с другим социальным окружением – с педагогами, сверстниками и т.п., делает их уязвимыми к критике и насмешкам. Ощущение заброшенности и беспомощности, отверженности социумом (31%) взаимосвязано с внутренними деструктивными переживаниями, нарушением самоидентичности, неудовлетворенности своим телом, пессимистичным отношением к своему будущему, переживанием психологической беспомощности, равнодушием к своему здоровью и убежденностью в своей бесполезности и ненужности.

Сравнительный анализ по шкалам жизнестойкости, также указывает на различия у подростков из семей с СОП. В отличие от сверстников их благополучных семей, чьи показатели по всем шкалам жизнестойкости у большинства (82%) имеют высокие значения, а позитивный образ будущего у 91% опрошенных; подростки из семей с СОП обладают сниженным уровнем ресурсности. У 40% испытуемых низкий уровень удовлетворенности жизнью, ощущение

фрустрированности стремления к признанию, успеху и самосовершенствованию. Низкий уровень жизнестойкости подростков связан с отсутствием стабильной психологической, материальной и эмоциональной поддержки со стороны семьи (37%).

Таким образом, неблагоприятная атмосфера в семье, формирует у подростков ощущение заброшенности и беспомощности, приводит к конфликтам в группе сверстников и с педагогами в школе, недоверчивости и тревожности к окружающим. В связи с этим важно помнить, что семья является важным условием благоприятного развития для подростков, и в случае наличия социальной опасности внутри ее системы, возникает необходимость создания альтернативной зоны социального взаимодействия, где подросток мог бы иметь возможность получить социальную защиту, эмоциональную и психологическую поддержку, тем самым укрепить его жизнестойкость. Наличие у 40% (14 чел.) испытуемых подростков высоких показателей по шкалам позитивный образ будущего и навыков саморегуляции и планирования, дает надежду на возможность дальнейшего укрепления навыков преодоления стрессовых ситуаций и жизнестойкости [8].

Список источников

1. Губина Е.В., Комарова О.Н., Рассказова А.Л., Темнова Е.В. Психологические предикторы осуществления успешной деятельности в ситуациях угроз и давления со стороны окружающей среды // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Педагогика и психология. 2020. № 4 (53). С. 17 – 27.
2. Дубровина И.В. Психологическое здоровье детей и подростков. Москва: Академия, 2015. 208 с.
3. Лебединская В.П. Неблагополучная семья и ее ребенок // Вестник социально-педагогического института. 2013. № 1 (6). С. 29 – 32.
4. Литвинова Е.М., Григорьева Н.В., Петунова С.А. Социальные представления студентов о семье и семейных отношениях / International Journal of Medicine and Psychology. 2020. Т. 3. № 3. С. 32 – 36.
5. Комарова О.Н., Рассказова А.Л. Социально-психологические детерминанты семейной среды и их влияние на аутодеструктивные проявления подросткового поведения // Системная психология и социология. 2024. № 4 (52). С. 33 – 51.
6. Комарова О.Н., Рассказова А.Л. Рассказова Семья как ресурс жизнестойкости в подростковом возрасте // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Педагогика и психология. 2025. № 1 (70). С. 5 – 17.
7. Петунова С.А., Григорьева Н.В., Захарова А.Н., Дулина Г.С. Исследование фактов буллинга среди подростков / Проблемы современного педагогического образования. 2017. № 55-11. С. 280 – 291.
8. Petunova S.A., Baranova E., Grigorieva N.V., Litvinova E.M., Petunova Y. Stress coping strategies of physically disabled adolescents: problem-solving imperfection / European Psychiatry. 2020. Т. 63. № S1. P. S208.
9. Пугачева А.В. Значение семьи в современном обществе // Наука и образование сегодня. 2017. №8 (19). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/znachenie-semi-v-sovremennom-obschestve> (дата обращения: 10.03.2025)

10. Степанова В.В., Петунова С.А. Адаптивность и жизнестойкость у подростков из семей с социально опасным положением // Образование и семья в контексте устойчивого развития: материалы Всероссийской науч.-практ. конф. (Чебоксары, 11-12 декабря 2024 г.) / гл. ред. Ж.В. Мурзина. Чебоксары: Среда, 2024. С. 116 – 122.

11. Яковлева А.В., Филиппова С.А. Личностные особенности подростков с низким уровнем жизнестойкости // Молодой ученый. 2020. № 49 (339). С. 529 – 531.

References

1. Gubina E.V., Komarova O.N., Rasskazova A.L., Temnova E.V. Psychological predictors of successful activity in situations of threats and pressure from the environment. Bulletin of Tver State University. Series: Pedagogy and Psychology. 2020. No. 4 (53). P. 17 – 27.

2. Dubrovina I.V. Psychological health of children and adolescents. Moscow: Academy, 2015. 208 p.

3. Lebedinskaya V.P. Dysfunctional family and its child. Bulletin of the Social and Pedagogical Institute. 2013. No. 1 (6). P. 29 – 32.

4. Litvinova E.M., Grigorieva N.V., Petunova S.A. Social ideas of students about family and family relationships. International Journal of Medicine and Psychology. 2020. Vol. 3. No. 3. P. 32 – 36.

5. Komarova O.N., Rasskazova A.L. Social and psychological determinants of the family environment and their influence on self-destructive manifestations of adolescent behavior. Systemic Psychology and Sociology. 2024. No. 4 (52). P. 33 – 51.

6. Komarova O.N., Rasskazova A.L. Rasskazova Family as a resource of resilience in adolescence. Bulletin of Tver State University. Series: Pedagogy and Psychology. 2025. No. 1 (70). P. 5 – 17.

7. Petunova S.A., Grigorieva N.V., Zakharova A.N., Dulina G.S. Study of the facts of bullying among adolescents. Problems of modern pedagogical education. 2017. No. 55-11. P. 280 – 291.

8. Petunova S.A., Baranova E., Grigorieva N.V., Litvinova E.M., Petunova Y. Stress coping strategies of physically disabled adolescents: problem-solving imperfection. European Psychiatry. 2020. Vol. 63. No. S1. P. S208.

9. Pugacheva A.V. The Importance of Family in Modern Society. Science and Education Today. 2017. No. 8 (19). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/znachenie-semi-v-sovremennom-obschestve> (date of access: 10.03.2025)

10. Stepanova V.V., Petunova S.A. Adaptability and resilience in adolescents from families with socially dangerous situations. Education and family in the context of sustainable development: materials of the All-Russian scientific-practical. conf. (Cheboksary, December 11-12, 2024). ed.-in-chief Zh.V. Murzina. Cheboksary: Sreda, 2024. P. 116 – 122.

11. Yakovleva A.V., Filippova S.A. Personality characteristics of adolescents with a low level of resilience. Young scientist. 2020. No. 49 (339). P. 529 – 531.

Информация об авторах

Петунова С.А., кандидат психологических наук, доцент, Чувашский государственный университет им. И.Н. Ульянова

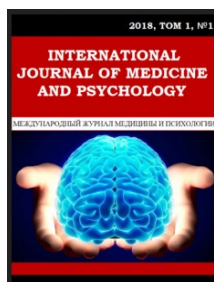
Степанова В.В., медицинский психолог, Чувашский Республиканский перинатальный центр

Григорьева Н.В., кандидат психологических наук, доцент, Чувашский государственный университет им. И.Н. Ульянова

Максимова Н.Л., кандидат педагогических наук, доцент, Чувашский государственный университет им. И.Н. Ульянова

Николаев Е.Л., доктор медицинских наук, профессор, Чувашский государственный университет им. И.Н. Ульянова

© Петунова С.А., Степанова В.В., Григорьева Н.В., Максимова Н.Л., Николаев Е.Л., 2025

Научно-исследовательский журнал «International Journal of Medicine and Psychology / Международный журнал медицины и психологии»

<https://ijmp.ru>

2025, Том 8, № 4 / 2025, Vol. 8, Iss. 4 <https://ijmp.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.3.1. Общая психология, психология личности, история психологии (психологические науки)

УДК 159.99

^{1, 2} Беловол Е.В.,

² Сенчило М.А.,

¹ Московская международная академия,

² Московский педагогический государственный университет

Инновационные технологии для уменьшения страха перед инвазивными медицинскими изделиями

Аннотация: страх перед инвазивными медицинскими процедурами остается одной из ключевых причин отказа пациентов от необходимого лечения. Современные инновационные технологии предлагают комплексное решение этой проблемы, сочетая технические достижения и психологические подходы для снижения тревожности и повышения доверия к медицинским вмешательствам. В работе рассматриваются передовые методы, такие как робототехника для минимально инвазивных операций, системы виртуальной реальности для отвлечения внимания, инъекционные порты с обезболиванием, а также алгоритмы искусственного интеллекта для прогнозирования рисков. Анализ показывает, что внедрение этих технологий не только минимизирует физический дискомфорт, но и снижает психологический стресс, особенно у детей и пациентов с высокой тревожностью. Особое внимание уделено роли цифровых инструментов в персонализации подхода к пациентам, включая использование интерактивных платформ для подготовки к процедурам. Результаты исследования демонстрируют, что интеграция инноваций в клиническую практику способствует улучшению качества медицинских услуг и повышению удовлетворенности пациентов. Полученные данные подчеркивают важность междисциплинарного подхода, объединяющего медицину, инженерные разработки и психологическую поддержку, для создания безопасной и комфортной среды в здравоохранении.

Ключевые слова: инвазивные медицинские изделия, страх пациентов, инновационные технологии, снижение тревожности, пациентоориентированный подход

Для цитирования: Беловол Е.В., Сенчило М.А. Инновационные технологии для уменьшения страха перед инвазивными медицинскими изделиями // International Journal of Medicine and Psychology. 2025. Том 8. № 4. С. 284 – 289.

Поступила в редакцию: 22 февраля 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 20 апреля 2025 г.; Принята к публикации: 22 мая 2025 г.

^{1, 2} Belovol E. V.,

¹ Senchilo M. A.,

¹ Moscow International Academy,

² Moscow Pedagogical State University

Innovative technologies for reducing fear related to invasive medical devices

Abstract: fear of invasive medical procedures remains one of the key reasons patients refuse necessary treatment. Modern innovative technologies offer a comprehensive solution to this problem by combining technical advancements with psychological strategies to reduce anxiety and enhance trust in medical interventions. The paper explores advanced methods such as robotic systems for minimally invasive surgeries, virtual reality systems for distraction, pain-free injection ports, and artificial intelligence algorithms for risk prediction. Analysis demonstrates

that the implementation of these technologies not only minimizes physical discomfort but also reduces psychological stress, particularly in children and highly anxious patients. Special attention is given to the role of digital tools in personalizing patient care, including interactive platforms for procedural preparation. The study highlights how integrating innovations into clinical practice improves the quality of healthcare services and enhances patient satisfaction. Findings emphasize the importance of an interdisciplinary approach, combining medicine, engineering, and psychological support, to create a safe and comfortable healthcare environment.

Keywords: invasive medical devices, patient fear, innovative technologies, anxiety reduction, patient-centered approach

For citation: Belovol E.V., Senchilo M.A. Innovative technologies for reducing fear related to invasive medical devices. International Journal of Medicine and Psychology. 2025. 8 (4). P. 284 – 289.

The article was submitted: February 22, 2025; Approved after reviewing: April 20, 2025; Accepted for publication: May 22, 2025

Введение

Страх перед инвазивными медицинскими процедурами является значимым барьером на пути к эффективному лечению. Согласно исследованиям, до 25% пациентов испытывают выраженную тревожность перед процедурами, связанными с проникновением в организм (например, инъекции, катетеризация, эндоскопия), что может приводить к отказу от диагностики или терапии, ухудшению прогнозов заболеваний и снижению качества жизни. Особенно уязвимыми группами являются дети, пациенты с психическими расстройствами и лица с хроническими заболеваниями, которым требуется регулярное применение инвазивных технологий [1].

Решение этой проблемы требует интеграции инновационных технологий, способных минимизировать физический дискомфорт и психологический стресс. Современные достижения в области робототехники, виртуальной реальности (VR), искусственного интеллекта (ИИ) и биомедицинской инженерии открывают новые возможности для снижения страха пациентов. Например, роботизированные системы позволяют выполнять процедуры с минимальной травматичностью, а VR-технологии создают иммерсивные среды для отвлечения внимания во время болезненных манипуляций [2]. Дополнительно развитие инъекционных портов и систем локальной анестезии направлено на устранение болевых ощущений, которые часто становятся триггером для тревожных реакций.

Материалы и методы исследований

Методология исследования включает анализ научных публикаций, клинических рекомендаций и кейсов применения инновационных технологий. Особое внимание уделено сравнительному анализу традиционных и современных методов снижения страха, а также оценке их влияния на удовлетворенность пациентов и качество

медицинских услуг.

Механизмы формирования тревожности у пациентов при взаимодействии с инвазивными медицинскими изделиями

Психологические и нейробиологические основы тревожности

Тревожность при контакте с инвазивными медицинскими изделиями (катетерами, эндоскопами, шприцами) имеет комплексную природу, включающую как психологические, так и физиологические компоненты. Основные механизмы формирования страха включают:

Эволюционно обусловленный инстинкт самосохранения: Человеческий мозг воспринимает физическое вторжение как угрозу жизни. Активация миндалевидного тела (amygdala) запускает выброс гормонов стресса (кортизола, адреналина), что усиливает гипервигильность и готовность к «бояться или бежать» [3].

Ассоциации с болью: Предыдущий опыт болезненных инъекций или процедур может формировать условный рефлекс страха. Например, у пациентов с диабетом, которым требуется ежедневное введение инсулина, развивается «инъекционная тревожность», сопровождающаяся повышением артериального давления и учащением пульса перед процедурой.

Недостаток контроля: Ощущение потери контроля над ситуацией (например, во время наркоза перед эндоскопией) усиливает тревожность. Это особенно выражено у пациентов с тревожными расстройствами или посттравматическим стрессовым расстройством (ПТСР) [4].

Демографические и клинические факторы

Дети и подростки: У детей младше 7 лет страх часто связан с непониманием процедуры и ассоциацией с болью. У подростков доминирует страх стигматизации (например, «выглядеть слабым» во время инъекции).

Пожилые пациенты: У пожилых людей повы-

шенная тревожность связана с коморбидностью (наличием нескольких заболеваний) и страхом осложнений. Например, пациенты с сердечно-сосудистыми заболеваниями могут опасаться катетеризации из-за риска тромбоза [5].

Пациенты с хроническими заболеваниями: У лиц с раком или диабетом постоянное взаимодействие с инвазивными устройствами вызывает «усталость от лечения», которая перерастает в апатию или панические атаки.

Физиологические проявления тревожности

Психологический стресс при взаимодействии с инвазивными устройствами сопровождается рядом физиологических реакций:

Симпатическая активация: Повышение артериального давления, учащение пульса и потливость затрудняют выполнение процедур (например, введение катетера в условиях тахикардии).

Иммунный ответ: Хроническая тревожность подавляет иммунитет, увеличивая риск инфекций после инвазивных вмешательств [6].

Болевой гиперчувствительность: Стресс усиливает восприятие боли из-за снижения активности эндорфинов, что создает порочный круг: страх → боль → усиление страха.

Механизмы формирования тревожности при взаимодействии с инвазивными медицинскими изделиями многообразны: от нейробиологических реакций до социокультурных установок. Понимание этих механизмов позволяет разрабатывать целевые интервенции, такие как персонализированная подготовка пациентов, использование технологий для снижения стресса и улучшение коммуникации между врачом и пациентом [7]. В следующем разделе будут рассмотрены методы минимизации этих факторов с помощью инновационных технологий.

Результаты и обсуждения

Сравнительный анализ традиционных и современных методов снижения страха перед инвазивными медицинскими процедурами

Критерии сравнения

Для оценки эффективности методов снижения страха использованы следующие параметры:

- Эффективность (снижение уровня тревожности по шкалам STAI, VAS и другим).
- Доступность (стоимость, необходимость специального оборудования/подготовки).
- Повторяемость (возможность применения в разных условиях).
- Влияние на удовлетворенность пациентов (оценка по анкетам, опросам).

- Влияние на качество медицинских услуг (снижение осложнений, повышение точности процедур) [8].

Традиционные методы

Объяснение процедуры и коммуникация

- Описание: Врачи объясняют этапы процедуры, риски и преимущества.
- Эффективность: Снижает неопределенность, но не всегда устраняет страх у пациентов с высокой тревожностью.
- Доступность: Высокая (не требует технологий).
- Преимущества: Простота внедрения, универсальность.
- Недостатки: Зависит от навыков врача; избыточная информация может усиливать тревогу [9].

Медикаментозная седация и анестезия

- Описание: Использование седативных препаратов или местной анестезии.
- Эффективность: Эффективно снижает физический дискомфорт, но не всегда психологический стресс.
- Доступность: Умеренная (требует квалифицированного персонала).
- Преимущества: Быстрое действие, доказанная эффективность.
- Недостатки: Риск побочных эффектов, противопоказания у пожилых пациентов [10].

Психологическая поддержка (например, дыхательные упражнения)

- Описание: Обучение техникам релаксации перед процедурой.
- Эффективность: Умеренное снижение тревожности (на 15-20% по шкале STAI).
- Доступность: Высокая (не требует оборудования).
- Преимущества: Безопасность, совместимость с другими методами.
- Недостатки: Зависит от мотивации пациента, требует времени на обучение [11].

Современные методы

Виртуальная реальность (VR) для отвлечения внимания

- Описание: Погружение в интерактивные сцены (например, подводный мир) во время процедуры.
- Эффективность: Снижает уровень боли и тревожности на 40-50% у детей и взрослых.
- Доступность: Низкая (стоимость оборудования, необходимость обучения персонала).
- Преимущества: Минимизация стресса без медикаментов, высокая вовлеченность.

- Недостатки: Не подходит для пациентов с клаустрофобией или моторной нестабильностью [12].

Робототехника и минимально инвазивные процедуры

- Описание: Использование роботизированных систем (Da Vinci) для снижения травматичности.

- Эффективность: Снижение страха за счет минимизации боли и времени восстановления.

- Доступность: Очень низкая (высокая стоимость оборудования).

- Преимущества: Снижение риска осложнений, повышение доверия к врачам.

- Недостатки: Ограниченное применение в региональных клиниках.

Искусственный интеллект (ИИ) для прогнозирования рисков

- Описание: Алгоритмы ИИ анализируют данные пациента для предсказания осложнений.

- Эффективность: Снижение неопределенности, что уменьшает тревожность на 25%.

- Доступность: Умеренная (требуется доступ к базам данных и ПО).

- Преимущества: Персонализация информации, повышение прозрачности решений.

- Недостатки: Этические вопросы (конфиденциальность данных, доверие к алгоритмам).

Цифровые платформы для подготовки пациентов

- Описание: Интерактивные приложения с визуализацией процедуры и обратной связью [13].

- Эффективность: Снижение тревожности на 30% за счет предварительной подготовки.

- Доступность: Высокая (приложения доступны на смартфонах).

- Преимущества: Самостоятельное обучение, удобство.

- Недостатки: Ограниченная применимость у пожилых пациентов с низкой цифровой грамотностью.

Сравнение по ключевым параметрам

Таблица 1

Сравнение ключевых параметров разных подходов.

Table 1

Comparison of key parameters of different approaches.

Критерий	Традиционные методы	Современные технологии
Эффективность	Умеренная	Высокая (особенно у детей и пациентов с высокой тревожностью)
Доступность	Высокая	Низкая (кроме цифровых платформ)
Повторяемость	Универсальная	Ограниченная (требует оборудования)
Влияние на удовлетворенность	Умеренное (зависит от коммуникации)	Значительное (за счет персонализации и снижения стресса)
Влияние на качество услуг	Стандартное	Высокое (снижение осложнений, повышение точности)

Влияние на удовлетворенность пациентов

Традиционные методы: Удовлетворенность повышается, если пациент чувствует себя информированным и поддерживаемым. Однако у пациентов с высокой тревожностью эффект ограничен.

Современные технологии: VR, цифровые платформы и робототехника демонстрируют на 20-40% более высокую удовлетворенность, особенно среди молодежи и пациентов с хроническими заболеваниями [14].

Выводы

Страх перед инвазивными медицинскими процедурами остается серьезным препятствием на пути к эффективному лечению, влияя на приверженность пациентов и качество жизни. Современные технологии, такие как робототехника, виртуальная реальность, искусственный

интеллект и цифровые платформы, демонстрируют высокую эффективность в снижении тревожности, минимизируя физический дискомфорт и повышая прозрачность процессов. Робототехника позволяет минимизировать травматичность и риск осложнений, виртуальная реальность отвлекает внимание, снижая стресс на 40–50%, особенно у детей, искусственный интеллект прогнозирует риски, уменьшая неопределенность, а цифровые платформы повышают удовлетворенность пациентов за счет персонализированной подготовки. Традиционные методы, включая объяснение процедуры и медикаментозную седацию, остаются востребованными, но уступают по эффективности. Наибольший эффект достигается при комбинированном подходе, объединяющем технологии и психологическую поддержку.

Список источников

1. Олефиренко С.С. и др. Некоторые социально-психологические аспекты медицинского обеспечения спортивных мероприятий, проводимых в Республике Крым // Развитие физической культуры и спорта в контексте самореализации человека в современных социально-экономических условиях: материалы XII Всероссийской научно. 2019. С. 84.
2. Махова О.А., Чеснокова Е.А. Организационно правовые проблемы безопасного применения медицинских изделий // ББК 5г, 51, 51.1. 2019. С. 46.
3. Филиппова Г.Г. Психологические аспекты вспомогательных репродуктивных технологий: обзор зарубежных и российских исследований // Современная зарубежная психология. 2022. Т. 11. № 1. С. 26 – 38.
4. Камаев И.А. и др. Социально-психологические аспекты формирования здоровья медицинских работников-основного кадрового потенциала в реализации приоритетного национального проекта «Здоровье» // Общественное здоровье и здравоохранение. 2008. № 4. С. 4 – 8.
5. Бруйков А.А., Гулин А.В. Психологические аспекты реабилитации у лиц с нарушением опорно-двигательного аппарата // Вестник российских университетов. Математика. 2014. Т. 19. № 3. С. 981 – 982.
6. Ибахаджиева Л.А. "Тревожность" как психологическое явление: интерпретация термина, особенности проявления // Международный научно-исследовательский журнал. 2021. № 11-4 (113). С. 45 – 49.
7. Ахмедов Т.И. Психологические проблемы тревожности // Международный медицинский журнал. 2005.
8. Бутова Т.Г. и др. Сервис и качество медицинских услуг // Сервис в России и за рубежом. 2014. № 8 (55). С. 3 – 12.
9. Фомин А.В., Кирпиченко А.А., Фомин Ф.А. Тревога и депрессия у пациентов в хирургическом стационаре // Вестник Витебского государственного медицинского университета. 2014. Т. 13. № 3. С. 139 – 145.
10. Аскарова Р. Применение арт-терапии у пожилых пациентов, больных туберкулезом // in Library. 2022. Т. 22. № 2. С. 62 – 67.
11. Симаева И.Н., Ецина И.Г. Особенности психологической поддержки женщин, перенесших операцию по поводу рака молочной железы, в условиях малого города // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Серия: Филология, педагогика, психология. 2010. № 5. С. 34 – 38.
12. Черченко О.В. Технологии дополненной и виртуальной реальности в медицине: анализ конкурентного ландшафта // Экономика науки. 2018. Т. 4. № 1. С. 69 – 80.
13. Коробкова О.К. Цифровые платформы как новый этап развития услуг индустрии здоровья // Российский экономический интернет-журнал. 2019. № 2. 11 с.
14. Кислицына О.А. Факторы, оказывающие влияние на удовлетворенность россиян системой здравоохранения // Социальные аспекты здоровья населения. 2020. Т. 66. № 2. С. 8.

References

1. Olefirenko S.S. et al. Some socio-psychological aspects of medical support for sports events held in the Republic of Crimea. Development of physical culture and sports in the context of human self-realization in modern socio-economic conditions: materials of the XII All-Russian scientific. 2019. P. 84.
2. Makhova O.A., Chesnokova E.A. Organizational and legal problems of the safe use of medical devices. BБК 5g, 51, 51.1. 2019. P. 46.
3. Filippova G.G. Psychological aspects of assisted reproductive technologies: a review of foreign and Russian studies. Modern foreign psychology. 2022. Vol. 11. No. 1. P. 26 – 38.
4. Kamaev I.A. and others. Social and psychological aspects of the formation of health of medical workers - the main human resources in the implementation of the priority national project "Health". Public health and healthcare. 2008. No. 4. P. 4 – 8.
5. Bruykov A.A., Gulín A.V. Psychological aspects of rehabilitation in individuals with musculoskeletal disorders. Bulletin of Russian Universities. Mathematics. 2014. Vol. 19. No. 3. P. 981 – 982.
6. Ibakhadzhieva L.A. "Anxiety" as a psychological phenomenon: interpretation of the term, features of manifestation. International Research Journal. 2021. No. 11-4 (113). P. 45 – 49.
7. Akhmedov T.I. Psychological problems of anxiety. International Medical Journal. 2005.
8. Butova T.G. et al. Service and quality of medical services. Service in Russia and abroad. 2014. No. 8 (55). P. 3 – 12.

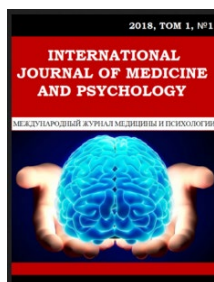
9. Fomin A.V., Kirpichenko A.A., Fomin F.A. Anxiety and depression in patients in a surgical hospital. Bulletin of the Vitebsk State Medical University. 2014. Vol. 13. No. 3. P. 139 – 145.
10. Askarova R. Use of art therapy in elderly patients with tuberculosis. in Library. 2022. Vol. 22. No. 2. P. 62 – 67.
11. Simaeva I.N., Yetsina I.G. Features of psychological support for women who have undergone surgery for breast cancer in a small town. Bulletin of the Baltic Federal University named after I. Kant University. Series: Philology, Pedagogy, Psychology. 2010. No. 5. P. 34 – 38.
12. Cherchenko O.V. Augmented and Virtual Reality Technologies in Medicine: Analysis of the Competitive Landscape. Economics of Science. 2018. Vol. 4. No. 1. P. 69 – 80.
13. Korobkova O.K. Digital Platforms as a New Stage in the Development of Health Industry Services. Russian Economic Internet Journal. 2019. No. 2. 11 p.
14. Kislitsyna O.A. Factors Influencing the Satisfaction of Russians with the Healthcare System. Social Aspects of Population Health. 2020. Vol. 66. No. 2. Pp. 8.

Информация об авторах

Беловол Е.В., кандидат психологических наук, доцент, Московская международная академия; Московский педагогический государственный университет

Сенчило М.А., аспирант, Московская международная академия

© Беловол Е.В., Сенчило М.А., 2025

Научно-исследовательский журнал «International Journal of Medicine and Psychology / Международный журнал медицины и психологии»

<https://ijmp.ru>

2025, Том 8, № 4 / 2025, Vol. 8, Iss. 4 <https://ijmp.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.3.1. Общая психология, психология личности, история психологии (психологические науки)

УДК 159.9.07, 37.01

¹ Соколова М.М.,

² Токарева Ю.А.,

¹ Дальневосточный федеральный университет,

² Уральский федеральный университет

Психологическое сопровождение в учебном процессе как фактор профессионального становления курсантов

Аннотация: в статье представлен теоретический анализ проблемы «субъект-субъектного» подхода в образовании. Рассмотрены особенности и основные ценностные ориентации, сопровождающие профессионально-личностное становления курсантов военно-морского профиля в учебной деятельности. Представлены результаты эмпирического исследования, проведенного на базе морского инженерного колледжа Морской академии при Морском государственном университете имени адмирала Г.И. Невельского (г. Владивосток). Выборку исследования составили 90 курсантами, обучающихся на 1 и 3 курсах (возраст от 16 до 20 лет), направлений подготовки «Эксплуатация судовых энергетических установок» и «Эксплуатация судового электрооборудования и средств автоматики», с целью выявления динамики развития ценностно-мотивационных ориентаций, определяющих образ будущего специалиста как субъекта деятельности, по батареи методик: Методика диагностики ценностных ориентаций в карьере «Якоря карьеры» (Э.Шейн, перевод и адаптация В.А.Чикер, В.Э.Винокурова), Мотивационный профиль Ричи-Мартина, Тенденции в принятии решений (DMTI). В соответствии с ответами, полученными в ходе диагностики курсантов, были сформулированы рекомендации для использования в дальнейшей работе психологической службой образовательного учреждения и сделаны выводы о том, что своевременное оказание целенаправленного психологического сопровождения педагогической и учебной деятельности, с целью создания условий успешного профессионально-личностного развития курсантов в период всего учебного процесса в военном образовательном учреждении, призвано содействовать будущему специалисту в период включения его в решении сложных и оперативных задач самоопределения (постановка жизненных целей и проектирования возможностей), трудностей социализации, мотивации, развитию собственной субъектности в трудовой деятельности и правильных профессионально-ценностных ориентаций.

Ключевые слова: психологическое сопровождение, профессионально-личностное развитие, карьерные ориентации, ценности, личность, образовательная среда, курсанты

Для цитирования: Соколова М.М., Токарева Ю.А. Психологическое сопровождение в учебном процессе как фактор профессионального становления курсантов // International Journal of Medicine and Psychology. 2025. Том 8. № 4. С. 290 – 297.

Поступила в редакцию: 22 февраля 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 21 апреля 2025 г.; Принята к публикации: 22 мая 2025 г.

¹ *Sokolova M.M.,*

² *Tokareva Yu.A.,*

¹ *Far Eastern Federal University*

² *Ural Federal University*

Psychological support in the educational process as a factor of professional development of cadets

Abstract: the article presents a theoretical analysis of the problem of the "subject-subject" approach in education. The features and main value orientations accompanying the professional and personal development of naval cadets in educational activities are considered. The results of an empirical study conducted on the basis of the Marine Engineering College of the Maritime Academy at the Admiral G.I. Nevelsky Maritime State University (Vladivostok) are presented. The study sample consisted of 90 cadets enrolled in the 1st and 3rd courses (ages 16 to 20), in the areas of training "Operation of marine power plants" and "Operation of marine electrical equipment and automation equipment", in order to identify the dynamics of the development of value-motivational orientations that determine the image of a future specialist as a subject of activity, according to a battery of methods: Methodology for diagnosing value orientations in the career of "Career Anchors" (E.Shane, translation and adaptation by V.A.Chiker, V.E.Vinokurova), Ritchie-Martin motivational profile, Trends in decision-making (DMTI). In accordance with the answers received during the course of the cadets' diagnosis, recommendations were formulated for use in further work by the psychological service of the educational institution and conclusions were drawn that timely provision of targeted psychological support for pedagogical and educational activities in order to create conditions for successful professional and personal development of cadets during the entire educational process in a military educational institution, It is intended to assist the future specialist in the period of his inclusion in solving complex and operational tasks of self-determination (setting life goals and designing opportunities), difficulties of socialization, motivation, the development of his own subjectivity in work and correct professional and value orientations.

Keywords: psychological support, professional and personal development, career orientations, values, personality, educational environment, cadets

For citation: Sokolova M.M., Tokareva Yu.A. Psychological support in the educational process as a factor of professional development of cadets. International Journal of Medicine and Psychology. 2025. 8 (4). P. 290 – 297.

The article was submitted: February 22, 2025; Approved after reviewing: April 21, 2025; Accepted for publication: May 22, 2025

Введение

Рассматривая личность курсанта с точки зрения профессиональных условий, можно говорить о том, что специфика образовательного процесса, в целом, значительно отличается от привычного, общепринятого в гражданском учреждении. Он характеризуется отличающейся системой ценностных ориентаций у обучающихся военного направления [4, 6]. В силу высоких требований к дисциплине и строго регламентированного учебного процесса, находящего отражение в высоких требованиях к стрессоустойчивости и жизнестойкости, постоянной боевой готовности и адаптивности к переменам, ограниченного социального взаимодействия с внешним миром, сами курсанты осознают значимость выявленных проблем в период прохождения учебы. В связи с этим, выявляется острая необходимость разработки модели профессионально-личностного сопровождения в образовании, полезного и важного для применения в деятельности преподавательского и командного

составов образовательного учреждения для улучшения общего психологического состояния курсантов, их мотивировании к успешности учебной деятельности и общему показателю успеваемости, а также стимуляции к саморазвитию. В силу того, что у курсантов военного профиля усваивание и восприятие информации весьма специфично, необходимо учитывать морально-этические нормы и принципы, с использованием системно-деятельностного, рефлексивно-поведенческого и мотивационно-нулевого подходов.

В учебном процессе взаимодействие педагога основано на логике «субъект-субъектного», что говорит о том, что педагог и курсант находятся в равноправных партнерских отношениях как субъекты совместной образовательной деятельности и общения [1, 13]. Это проявляется в том, что педагога и офицерский состав выступают не как руководители, а как тьютеры, создающие благоприятные условия для осмысленной и самостоятельной деятельности, с дальнейшей перспективой на про-

фессиональное развитие в трудовой деятельности, активизирующее мотивы познания и творческого потенциала обучающихся [5, 14].

Важным аспектом в разработке и дальнейшем практическом применении психолого-педагогического сопровождения играет развитие патриотических ценностей у курсантов [6]. Так, примером может послужить исследование, проведенное И.А. Алёхиным и К.В. Аксёновым. Авторы утверждают о наличии значимых различий среди курсантов разной специализации: в вузах с курсантами МТО патриотизм связывают с уважением к старшему поколению, приобретение лидерского статуса в коллективе сослуживцев, а у курсантов ВМФ патриотизм выражается в проявлении творческой активности на благо страны и стремлении к защите своего близкого окружения, семьи и друзей.

Так, к задачам профессиональной военной деятельности, к решению которых потенциально готовятся курсанты младших курсов следует отнести: наличие высоких морально-боевых качеств, устойчивое психологическое состояние личного состава, умение пользоваться теоретическими знаниями, полученными в период прохождения обучения, в воспитательных целях среди сослуживцев и др. Среди профессионально-важных качеств, которыми должен обладать курсант выпускного курса, обоснованных опытом производственных профессиональных практик в процессе обучения, относят: заинтересованность в саморазвитии и самореализации себя в профессиональной сфере выбранной специализации, знанием среды, где будет осуществляться трудовая деятельность; личностные качества: внимательность и выдержанность в логике принятия решений, требовательность и решительность, внимательность и честность, пунктуальность и дисциплинированность и другие [5].

Таким образом видно, что система ценностных ориентаций даже внутри военных учреждений может отличаться от общепринятых представлений о единстве и постоянстве. Ссылаясь на современные научные исследования, практика военно-профессиональной подготовки курсантов обладает своей спецификой в зависимости от рода войск в вопросах развития профессионально важных качеств будущих офицеров.

Многих исследователей всегда интересовала возможность формирования такой учебной среды, при которой служение будет являться неким «магнитом внутренней мотивации» [4]. Это объясняется тем, что наиболее качественные преобразования внутри самой личности происходят, как правило, на основе его собственной практической трудовой

деятельности и его собственной вовлеченности, и заинтересованности к среде его окружающей [2]. В научном обосновании данный подход получил название «средового». Его суть состоит в том, что взаимодействие субъекта труда со средой, направленного на трансформацию ее в некое средство проектирования и диагностики предполагаемого результата деятельности. И как следствие, именно в рамках средового подхода разрабатываются общие представления и особенности о предполагаемой профессиональной среде. Для работы психологической службы военного образовательного учреждения возможное комбинирование различных тренинговых методик и практик может создать условия максимально приближенные к тем, которые будущий специалист будет ощущать при выполнении трудовой профессиональной деятельности, в которой будет обеспечиваться формирование профессиональной важных качеств, ценностей, умений и навыков так ему необходимых. Кроме того, при формировании и воспитании системы профессиональных и традиционных образовательных ценностей важным условием в осуществлении психолого-педагогического сопровождения играет наличие обязательных учебных планов и программ, которыми должны руководствоваться командный и педагогический состав, психологическая служба образовательного учреждения [11, 12].

Материалы и методы исследований

Эмпирическое исследование на выявление профессиональной направленности личности курсанта и мотивации к профессиональной деятельности было проведено на базе морского инженерного колледжа Морской академии при Морском государственном университете имени адмирала Г.И. Невельского (г. Владивосток). В нем приняло участие 90 курсантов 1 и 3 курса (возраст от 16 до 20 лет), проходящих обучение по следующим направлениям подготовки – «Эксплуатация судовых энергетических установок» (судомеханики) и «Эксплуатация судового электрооборудования и средств автоматики» (электромеханики).

Для диагностики студентов было выбрано несколько методик, а именно:

1. Методика диагностики ценностных ориентаций в карьере «Якоря карьеры» (Э.Шейн, перевод и адаптация В.А.Чикер, В.Э.Винокурова),
2. Мотивационный профиль Ричи-Мартина,
3. Тенденции в принятии решений, DMTI [7].

Результаты и обсуждения

Методика «Якоря карьеры» показала направление ценностных ориентаций, социальной установки, интересов и т.п., характерных для конкретного

направления подготовки курсантов. Результаты отображены на рис. 1 и 2 [8, 9].

Исходя из динамики средних значений по группам специальностей у курсантов 1 курса (рис. 1), заметно, что доминирующими шкалами у судомехаников является «Служение», «Вызов» и «Интеграция стилей жизни», что говорит о выраженной ценности в профессии – работа в коллективе, динамике работы и конкуренции за результативность. А у электромехаников доминирует шкала «Постоянство места жительства», указывающая важность стабильности и постоянства в профессии.

Низкие значения у судомехаников по ряду шкал – «Менеджмент» и «Предпринимательство» - говорят о нежелании активно соперничать за деятельность с коллективом в трудовой деятельности и ведению отчетности за ее выполнение. У электромехаников к низким показателям относятся: «Автономия» и «обобщенный результат», что указывает на важность коллективной работы и ценность выявления индивидуальных достижений среди участников учебной группы.

У курсантов 3 курса видим следующее:

К числу высоких значений относятся у судомехаников – «Служение», «Вызов». У электромехаников – «Стабильность места жительства» и «Служение»

К числу низких значений у судомехаников отмечаются: «Менеджмент» и «Предпринимательство» и «Менеджмент». Но при этом отчетливо заметны остальные показатели по методике, они более сбалансированы и взаимодополняют друг друга в отличие от показателей курсантов 1 курса.

Данные, полученные после прохождения респондентами мотивационного профиля Ричи-Мартина, направленного на выявление факторов мотивации, которые высоко оцениваются обучающимися, говорит о следующем (рис. 3 и 4):

В мотивационном профиле электромехаников 1 курса наблюдаются следующие характеристики: хорошие условия, социальные контакты, признание, разнообразие.

У судомехаников мотивация при реализации потребностей выражена в таких аспектах как: сложные цели, разнообразие, социальные контакты, востребованность и хорошие условия при осуществлении трудовой деятельности.

У курсантов 3 курса мы видим, что мотивация у обеих специальностей смещается в сторону наличия высокого уровня заработной платы за результативность трудовой деятельности, выраженность профессиональных целей и стремление к совершенствованию своих знаний, умений и навыков в профессиональной деятельности для успешности и саморазвития себя как субъекта труда.

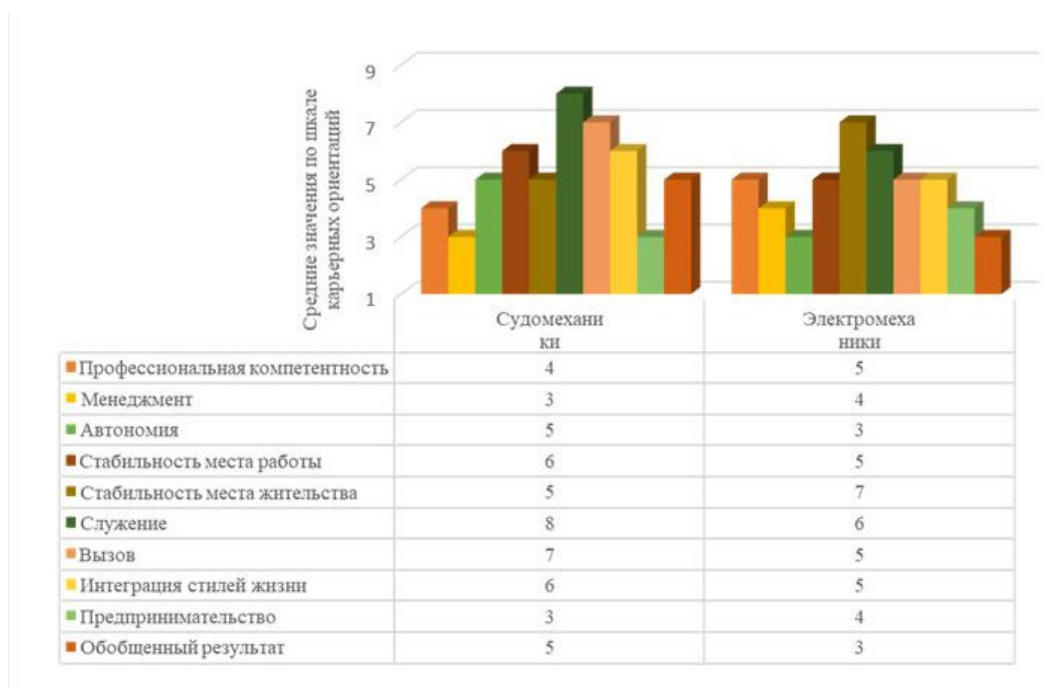

Рис. 1. Динамика средних значений по шкалам карьерных ориентаций у 1 курсантов разных направлений.

Fig. 1. Dynamics of average values on the career orientation scales for 1 cadets of different directions.

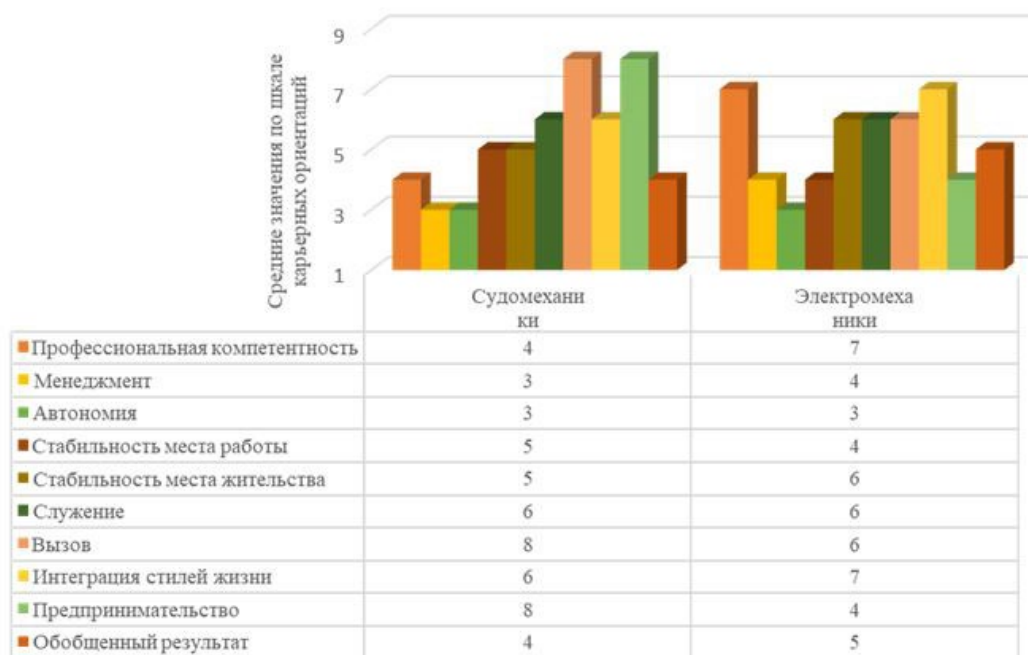

Рис. 2. Динамика средних значений по шкалам карьерных ориентаций у 3 курсантов разных направлений.
Fig. 2. Dynamics of average values on career orientation scales for 3 cadets in different fields.

Рис. 3. Мотивационный профиль курсантов 1 курса разных направлений подготовки.
Fig. 3. Motivational profile of first-year cadets in different areas of training.

Рис. 4. Мотивационный профиль курсантов 3 курса разных направлений подготовки.
Fig. 4. Motivational profile of 3rd year cadets in different areas of training.

По методике «Тенденции в принятии решений, ДМТ» наблюдается, что у курсантов 1 курса электромехаников среди группы доминирующих стратегий в принятии решений является минимизация, которая связана с отказом от усилий и от знания, избеганием решений и интолерантностью к неопределенности. У курсантов судомехаников 1 курса – сатисфакция, стремление в решении достигать компромисса, удовлетворенности обеих сторон. У курсантов 3 курса электромехаников главной стратегией также можно назвать сатисфакцию. У судомехаников 3 курса – максимизация является доминирующей стратегией в принятии решений, представляющей собой бескомпромиссный поиск наилучшего варианта решения из всех альтернатив [7].

Таким образом, на основе проведенного исследования можно говорить о сбалансированных показателях в принятии решений у курсантов 3 курсов, стремлению к социальным контактам и заин-

тересованность в саморазвитии, как карьерной траектории в профессиональной деятельности. У курсантов 1 курсов доминируют импульсивные цели и неопределенность в конечных целях, направленных на реализацию себя в выбранной специализации [10].

Выводы

В заключении следует отметить, что оказание целенаправленного психологического сопровождения педагогической деятельности с целью создания условий для успешного профессионально-личностного развития курсантов в период всего учебного процесса в военном образовательном учреждении призвана содействовать будущему специалисту в период включения его в решении сложных и оперативных задач самоопределения (постановка жизненных целей и проектирования возможностей), трудностей социализации, мотивации, развитию собственной субъектности в трудовой деятельности.

Список источников

1. Алёхин И.А., Аксёнов К.В. Педагогическая система образовательного учреждения т типы образовательных процессов // Мир образования образование в мире. 2018. Т. 69. № 1. С. 29 – 41
2. Божович В.А. Проблемы формирования личности / под ред. Д.И. Фельдштейна. М.: Институт прикладной психологии. Воронеж: НПО «МОДЭК», 1995. 352 с.
3. Климов Е.А. Пути в профессионализм. М.: Московский психолого-социальный институт: Флинта, 2003. 320 с.
4. Масыгин В.П., Кушников А.А. Особенности формирования профессионально важных качеств офицеров кораблей вmf России в ходе военно-политической работы // Мир образования. образование в мире. 2022. Т. 88. № 4. С. 131 – 138.
5. Попов А.А. Юношеское образование: материалы к построению систем профильного обучения. М.: Открытый корпоративный университет, 2009. 64 с.

6. Юмкина Е.А., Александрова Е.В., Волков В.В., Тишин С.А. Патриотические ценности курсантов в контексте образовательной среды вуза // *Морской Сборник*. 2023. № 10. С. 55 – 58.
7. Разваляева А.Ю. Апробация опросника «Тенденции в принятии решений» на русскоязычной выборке // *Консультативная психология и психотерапия*, 2018. Т. 23. № 3. С. 146 – 163. DOI: 10.17759/cpp.2018260308
8. Волкова Н.В., Чикер В.А. Карьерные установки студентов стратегически перспективных направлений обучения // *Социальная психология и общество*. 2018. Т. 9. № 1. С. 90 – 107. DOI: 10.17759/sps.2018090107
9. Егорова М.С., Паршикова О.В., Черткова Ю.Д. Взаимосвязь диспозиционных личностных характеристик с удовлетворенностью карьерой // *Личностно-профессиональное и карьерное развитие: актуальные исследования и форсайт-проекты* / под ред. Л.М. Митиной. М.: Перо. 2018. С. 301 – 306.
10. Егоренко Т.А., Родина Е.М. Роль временной перспективы в профессиональном самоопределении студентов // *Современная зарубежная психология*. 2015. Т.4. № 4. С. 11 – 15. DOI: 10.17759/jmfp.2015040402
11. Корчагина Г.И., Макарова Е.В. Понятие карьеры в психологических исследованиях // *Научно-исследовательский электронный журнал «Концепт»*. 2016. Т.32. С. 94 – 106.
12. Кудрявцев Т.В. Психология профессионального обучения и воспитания. М., 1985. 108 с.
13. Лаврова Н.А. Влияние личностных особенностей на успешность профессиональной деятельности в системе «человек-человек» // *Психодиагностика: области применения, проблемы, перспективы развития. Тезисы московской межвузовской научно-практической конференции* / под. ред. М.Ю. Карелиной. М.:МИССО, 2003. 195 с.
14. Маликова В.А. Прокопенко И.Г. Психологическая готовность студента к карьерному росту // *Вестник ОГУ*. 2011. Т. 121. № 2. С. 209 – 214.

References

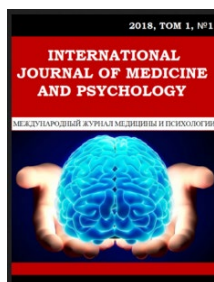
1. Alekhine I.A., Aksyonov K.V. Pedagogical system of educational institution and types of educational processes. The world of education education in the world. 2018. Vol. 69. No. 1. P. 29 – 41
2. Bozhovich V.A. Problems of personality formation. edited by D.I. Feldshtein. Moscow: Institute of Applied Psychology. Voronezh: NPO "MODEK", 1995. 352 p.
3. Klimov E.A. Paths to professionalism. Moscow: Moscow Psychological and Social Institute: Flinta, 2003. 320 p.
4. Masyagin V.P., Kushnirov A.A. Features of the formation of professionally important qualities of officers of the ships of the Russian Navy in the course of military-political work. The world of education. education in the world. 2022. Vol. 88. No. 4. P. 131 – 138.
5. Popov A.A. Youth education: materials for building specialized education systems. Moscow: Open Corporate University, 2009. 64 p.
6. Yumkina E.A., Aleksandrova E.V., Volkov V.V., Tishin S.A. Patriotic values of cadets in the context of the educational environment of the university. Marine Collection. 2023. No. 10. P. 55 – 58.
7. Razvalyaeva A.Yu. Testing the questionnaire "Tendencies in decision-making" on a Russian-language sample. Counseling psychology and psychotherapy, 2018. Vol. 23. No. 3. P. 146 – 163. DOI: 10.17759./cpp.2018260308
8. Volkova N.V., Chiker V.A., Career attitudes of students of strategically promising directions of study. Social psychology and society. 2018. Vol. 9. No. 1. P. 90 – 107. DOI: 10.17759 / sps. 2018090107
9. Egorova M.S., Parshchikova O.V., Chertkova Yu.D. The relationship between dispositional personality characteristics and career satisfaction. Personal, professional and career development: current research and foresight projects. edited by L.M. Mitina. Moscow: Pero. 2018. P. 301 – 306.
10. Egorenko T.A., Rodina E.M. The role of time perspective in students' professional self-determination. Modern foreign psychology. 2015. Vol. 4. No. 4. P. 11 – 15. DOI: 10.17759/jmfp.2015040402
11. Korchagina G.I., Makarova E.V. The concept of career in psychological research. Scientific research electronic journal "Concept". 2016. Vol. 32. P. 94 – 106.
12. Kudryavtsev T.V. Psychology of professional training and education. Moscow, 1985. 108 p.
13. Lavrova N.A. Influence of personality traits on the success of professional activity in the "person-person" system. Psychodiagnostics: areas of application, problems, development prospects. Theses of the Moscow interuniversity scientific and practical conference. ed. M.Yu. Karelina. Moscow: MISSO, 2003. 195 p.
14. Malikova V.A. Prokopenko I.G. Psychological readiness of a student for career growth. Bulletin of OSU. 2011. Vol. 121. No. 2. P. 209 – 214.

Информация об авторах

Соколова М.М., аспирант, Дальневосточный федеральный университет, Школа искусств и гуманитарных наук, Департамент психологии и образования, 690922, Приморский край, г. Владивосток, остров Русский, кампус ДВФУ, корпус F (26) ауд. F 602), marsok18@mail.ru

Токарева Ю.А., доктор психологических наук, доцент, заведующий кафедрой социальной работы и управления персоналом, Уральский федеральный университет, 620062, Свердловская область, г. Екатеринбург, Площадь Кирова, ул. Мира, 19, ulia.tokareva@yandex.ru

© Соколова М.М., Токарева Ю.А., 2025

Научно-исследовательский журнал «International Journal of Medicine and Psychology / Международный журнал медицины и психологии»

<https://ijmp.ru>

2025, Том 8, № 4 / 2025, Vol. 8, Iss. 4 <https://ijmp.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.3.1. Общая психология, психология личности, история психологии (психологические науки)

УДК 159.923.2

¹ Фокина Т.А.,

¹ Нижегородский институт путей сообщения, филиал
Приволжского государственного университета путей сообщения

Субъективное ощущение одиночества и уровень социальной адаптированности у студентов-первокурсников высших учебных заведений

Аннотация: субъективное ощущение одиночества – это распространенная проблема среди студентов-первокурсников, которая может оказывать негативное влияние на их социальную адаптацию и общее благополучие.

Данная статья посвящена исследованию сложной взаимосвязи между субъективным ощущением одиночества и уровнем социальной адаптированности у студентов-первокурсников высших учебных заведений. Особое внимание уделено факторам, которые могут усилить или ослабить ощущение одиночества, а также стратегиям, которые помогают студентам справиться с этой проблемой и успешно адаптироваться к университетской жизни. Одиночество и социальная адаптированность тесно связаны между собой. Ощущение одиночества может препятствовать успешной социальной адаптации, а низкий уровень социальной адаптированности, в свою очередь, усиливать чувство одиночества. Преодоление одиночества и успешная социальная адаптация – это важные шаги на пути к личностному росту, самореализации и счастливой жизни. Активное участие в социальной жизни университета, развитие коммуникативных навыков, работа над самооценкой, поддержание связей со старыми друзьями и семьей, забота о себе, поиск увлечений и хобби, обращение за помощью к психологу – все эти стратегии позволяют студентам справиться с одиночеством и успешно адаптироваться к университетской жизни.

Ключевые слова: субъективное ощущение одиночества, социальная адаптация, социальная адаптированность студентов-первокурсников, факторы, влияющие на ощущение одиночества студентов-первокурсников

Для цитирования: Фокина Т.А. Субъективное ощущение одиночества и уровень социальной адаптированности у студентов-первокурсников высших учебных заведений // International Journal of Medicine and Psychology. 2025. Том 8. № 4. С. 298 – 303.

Поступила в редакцию: 22 февраля 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 24 апреля 2025 г.; Принята к публикации: 22 мая 2025 г.

¹ Fokina T.A.,

¹ Nizhny Novgorod Institute of Railways, branch of
Samara Transport State University

The subjective feeling of loneliness and the level of students' social adaptability of first-year students of higher educational institutions

Abstract: subjective feelings of loneliness are a common problem among first-year college students, which can have a negative impact on their social adaptation and overall well-being.

This article examines the complex relationship between subjective feelings of loneliness and the level of social adaptation in first-year college students. Particular attention is paid to factors that can increase or decrease the feeling of loneliness, as well as strategies that help students cope with this problem and successfully adapt to university

life. Loneliness and social adaptation are closely related. The feeling of loneliness can hinder successful social adaptation, and a low level of social adaptation, in turn, can increase the feeling of loneliness. Overcoming loneliness and successful social adaptation are important steps towards personal growth, self-realization and a happy life. Active participation in the social life of the university, development of communication skills, work on self-esteem, maintaining contacts with old friends and family, taking care of yourself, finding hobbies and interests, seeking help from a psychologist - all these strategies allow students to cope with loneliness and successfully adapt to university life.

Keywords: subjective feeling of loneliness, social adaptation, social adaptation of first-year students, factors influencing the feeling of loneliness of first-year students

For citation: Fokina T.A. The subjective feeling of loneliness and the level of students' social adaptability of first-year students of higher educational institutions. International Journal of Medicine and Psychology. 2025. 8 (4). P. 298 – 303.

The article was submitted: February 22, 2025; Approved after reviewing: April 24, 2025; Accepted for publication: May 22, 2025

Введение

С поступлением в высшее учебное заведение жизнь молодых людей сильно изменяется. Переход от школьной системы к университетской, новые знакомства и требования, стоящие перед студентами, накладывают свой отпечаток на их эмоциональное состояние и социальную адаптацию. Одним из наиболее острых переживаний, которое может возникнуть в этот период, является одиночество. Проблема одиночества студентов нашла свое отражение в трудах таких исследователей, как О.О. Андронникова, Т.Д. Дубовицкая, А.А. Любякин, О.П. Степанова, Г.Р. Шагилеева, А.В. Шаймарданова М.М. Этезова и др. [1, 2, 4 8, 10, 11, 12].

Солидаризируясь с А.А. Любякиным и Л.В. Оконечниковой, мы будем придерживаться когнитивного подхода и понимать одиночество как «субъективное состояние эмоциональной отчужденности от мира, социума, восприятие сложившихся взаимоотношений как неудовлетворительных и поверхностных, возникающее при осознании несоответствия между желаемым уровнем контактов и реально достигнутым уровнем социального взаимодействия» [4, с. 150].

Материалы и методы исследований

Одиночество является серьезной проблемой в студенческой среде. В ходе исследования 2007 года Г. Р. Шагилеевой [10] было обнаружено, что количество респондентов, часто испытывающих одиночество, увеличивается с 25% среди учеников школ до 45% среди студентов ССУЗов и 55% среди студентов ВУЗов.

В научной литературе выделены факторы, которые влияют на ощущение одиночества у студентов-первокурсников. Обобщая результаты исследований, посвященных этому вопросу к данным факторам можно отнести:

1. Оторванность от привычного социального

окружения, необходимость выстраивать новые социальные связи с нуля [1].

2. Академические трудности, сложность учебного материала и высокая конкуренция [3].

3. Проблемы с самооценкой [7].

4. Социальная тревожность [8, 12].

5. Культурные различия [12].

6. Отсутствие интересов и хобби [7].

7. Проблемы с установлением и поддержанием дружеских связей [4].

8. Страх перед взаимодействием со сверстниками или взрослыми [3].

9. Стремление к чрезмерной уединенности и замкнутости [10, 11].

10. Сложности в адаптации к социальным нормам и правилам [6].

11. Зависимость от виртуальных социальных взаимодействий (в ущерб реальным) [1].

12. Достаточно низкий уровень личностной зрелости некоторых студентов и особенности их смысложизненных ориентаций [9].

13. Достаточно низкий уровень профессионального самоопределения некоторых студентов-первокурсников [5].

Субъективное ощущение одиночества, которое испытывают многие студенты-первокурсники оказывает большое влияние на процесс их социальной адаптации к обучению в вузе.

Социальная адаптация – это процесс приспособления личности к новым социальным условиям и требованиям [6]. Для студентов-первокурсников это означает умение встраиваться в новую академическую среду, устанавливать отношения с преподавателями и сокурсниками, адаптироваться к новым правилам и нормам поведения, а также успешно справляться с учебными требованиями.

Уровень социальной адаптированности играет ключевую роль в успеваемости, эмоциональном благополучии и общей удовлетворенности жизнью

студента. Хорошо адаптированные студенты чувствуют себя увереннее, легче заводят друзей, более активно участвуют в учебной и внеучебной деятельности, и, как следствие, достигают лучших академических результатов [2].

Одиночество и социальная адаптированность тесно связаны между собой. Ощущение одиночества может препятствовать успешной социальной адаптации, а низкий уровень социальной адаптированности, в свою очередь, усиливать чувство одиночества. Студент, чувствующий себя одиноким, может избегать социальных контактов, испытывать трудности в установлении отношений, проявлять неуверенность и замкнутость [2]. Это, в свою очередь, может отталкивать окружающих и усиливать его чувство изоляции. В результате, студент оказывается в ситуации, когда ему трудно вырваться из замкнутого круга одиночества и социальной дезадаптации.

Результаты и обсуждения

В проведенном нами исследовании принимали участие студенты Нижегородского института (филиала) Московского гуманитарно-экономического университета и Нижегородского института путей

сообщения (г. Нижний Новгород) в количестве 76 человек. Мы предположили, что между социальной адаптированностью студентов и субъективным ощущением одиночества имеется корреляционная связь.

В исследовании применялись следующие методики:

1. Методика субъективного ощущения одиночества, разработанная Расселом и Фергюсоном, которая представляет собой психологический инструмент для оценки чувства одиночества у людей. Эта методика используется для исследования глубины и особенностей переживания одиночества, а также для выявления факторов, которые способствуют его возникновению.

2. Методика изучения социализированности личности учащегося (М.И. Рожкова). Цель методики: выявить уровень социальной адаптированности, активности, автономности и нравственной воспитанности студентов-первокурсников.

Результаты исследования по методике субъективного ощущения одиночества, представлены в табл. 1 и на рис. 1.

Таблица 1

Результаты исследования субъективного ощущения одиночества студентов-первокурсников (Д. Рассел и М. Фергюсон).

Table 1

Results of the study of the subjective feeling of loneliness of first-year students (D. Russell and M. Ferguson).

Уровни ощущения одиночества студентов-первокурсников	Показатель, %
Высокий	19,3
Средний	80,77
Низкий	-

Из табл. 1 мы видим, что высокую степень одиночества имеют 19,23% опрошенных; среднюю – 80,77% опрошенных; низкий уровень не выявлен.

Результаты исследования говорят о том, что

степень одиночества у опрошенных студентов-первокурсников в основном средняя. Для наглядности приведём результаты в виде диаграммы (рис. 1).

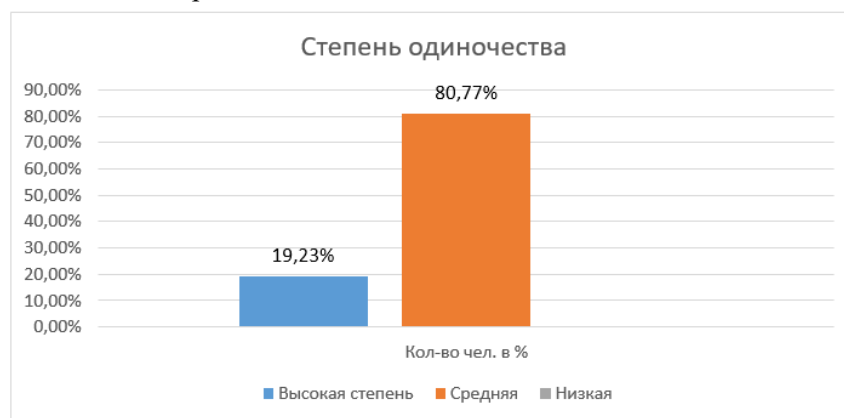

Рис. 1. Результаты исследования субъективного ощущения одиночества (Д. Рассел и М. Фергюсон), в %.
Fig. 1. Results of the study of the subjective feeling of loneliness (D. Russell and M. Ferguson), in %.

Далее студенты проходили тест на выявление социальной адаптированности личности. Результаты представлены в табл. 2 и рис. 2.

Таблица 2

Уровень социальной адаптированности личности (М.И. Рожков).

Table 2

Level of social adaptation of the individual (M.I. Rozhkov).

Уровни	Показатель, %
Высокий	15,39
Средний	46,15
Низкий	38,46

Как мы видим из табл. 2, высокую степень социальной адаптированности имеют 15,39% опрошенных; среднюю степень социальной адаптированности имеют 46,15% опрошенных; низкий уровень социальной адаптированности имеют 38,46% опрошенных.

Результаты исследования говорят о том, что в

группе испытуемых большинство – это студенты с низким и средним уровнем социальной адаптированности, которые нуждаются в психологической поддержке.

Для наглядности отобразим полученные результаты в диаграмме (рис. 2).

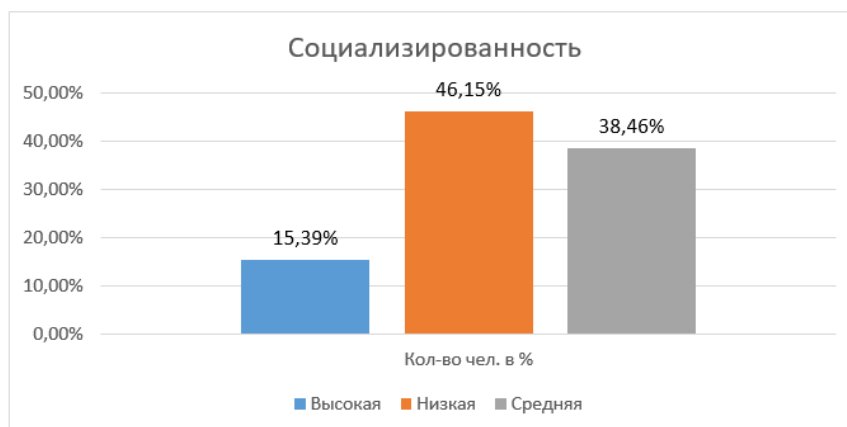

Рис. 2. Результаты по методике социальной адаптированности личности (М. И. Рожкова), в %.

Fig. 2. Results according to the method of social adaptation of the individual (M.I. Rozhkova), in %.

С целью проверки гипотезы, согласно которой мы предположили, что между социальной адаптированностью студентов и субъективным ощущением одиночества имеется корреляционная связь, нами проведен корреляционный анализ с вычислением коэффициента ранговой корреляции Спирмена. Результаты исследования подтвердили выдвинутую ранее гипотезу о том, между социальной адаптированностью студентов и субъективным ощущением одиночества имеется обратная корреляционная связь. В нашей выборке рост показателей адаптационных свойств личности сопровождается снижением показателей субъективного ощущения одиночества и наоборот. Успешно адаптирующиеся студенты, испытывают меньшее чувство одиночества. Ощущение одиночества способно препятствовать успешной социальной адаптации, а низкий уровень социальной адаптированности, в свою очередь, способен усилить чув-

ство одиночества. Кроме того, наше исследование показало, что многие студенты, испытывающие одиночество, активно пытаются социализироваться, создать близкие эмоциональные связи, а среди студентов, имеющих активную социальную жизнь и участвующих в университетских мероприятиях, уровень одиночества был значительно ниже.

Выводы

На основе экспериментального исследования нами были разработаны рекомендации для студентов-первокурсников, снижающие уровень субъективного ощущения одиночества и повышающего уровень социализированности в вузе.

К ним относятся:

1. Активное участие в социальной жизни университета. Это отличный способ познакомиться с новыми людьми, найти единомышленников и почувствовать себя частью сообщества.
2. Развитие коммуникативных навыков.

3. Инициатива в установлении контактов.

4. Работа над самооценкой. Учитесь ценить себя, принимать свои сильные и слабые стороны, концентрируйтесь на своих достижениях.

5. Поддержание связей со старыми друзьями и семьей.

Университет, в свою очередь, должен принимать меры, которые помогают студенту-первокурснику адаптироваться и преодолеть чувство одиночества. К этим мерам можно отнести:

- организация и проведение адаптационных мероприятий. Мероприятия в данной области осуществляется с помощью предоставления молодым людям информации о современных возможностях социализации, участия в социальных молодежных проектах (волонтерство, государственные и негосударственные общественные организации, проектная деятельность). Данное направление может реализовываться благодаря психологическим клубам, участию в волонтерском движении, социальных проектах, связанных с темой молодежи, в процессе психолого-педагогической деятельности учебного заведения;

- развитие личностной зрелости и ценностно-смысловой сферы у молодежи с помощью современных психологических технологий (группы поддержки, групповые целевые тренинги в раз-

личном формате, нетворкинги, дискуссии по просмотренным фильмам и др.). Одной из таких технологий является личный коучинг, помогающий студентам в реализации профессиональных и личностных целей;

- психокоррекция поведения, с помощью методов самопомощи, самообразования и самовоспитания;

- создание системы наставничества. Назначение старшекурсников в качестве наставников для первокурсников. Наставники могут оказывать помощь в учебе, делиться опытом и поддерживать в трудные моменты;

- создание поддерживающей атмосферы в группах. Поощрение сотрудничества и взаимопомощи между студентами.

Мы считаем, что в процессе работы со студентами, педагогическому составу вуза необходимо учитывать различные стороны той реальности, в которой существует сегодня современная молодежь, анализировать проблемы, с которыми молодые люди сталкиваются, разрабатывать четкий алгоритм работы с разными группами молодежи, владеть современными знаниями в области психодиагностики, психокоррекции, социальной работы.

Список источников

1. Андронникова О.О. Социально-психологические факторы и особенности субъективного переживания одиночества // Российский психологический журнал. 2022. Т. 19. № 3. С. 135 – 149.
2. Дубовицкая Т.Д., Крылова А.В. Методика исследования адаптированности студентов в вузе // Психологическая наука и образование psyedu.ru. 2010. № 2 (2). Статья 1. RL: https://psyjournals.ru/journals/psyedu/archive/2010_n2/27814 (дата обращения: 19.02.2025)
3. Всеволодова Н.А. Психологическая адаптация учащихся старших классов к обучению в профильном лицее: автореф. дис. ... канд. психол. наук. М., 2008. 24 с.
4. Любякин А.А., Оконечникова Л.В. Исследование одиночества у студентов // Педагогическое образование в России. 2016. № 2. С. 149 – 156.
5. Мухина М.В., Фокина Т.А., Голубева О.В., Голованова С.О. Изучение проблемы профессионального самоопределения студентов вуза // Мир науки. Педагогика и психология. 2019. Т. 7. № 6. С. 58 – 67.
6. Реан А.А., Кудашев А.Р., Баранов А.А. Психология адаптации личности. СПб., 2006. 479 с.
7. Скитейкина Ю.А. Социальная адаптация студентов в вузе // Молодой ученый. 2021. № 41 (383). С. 303 – 307.
8. Степанова О.П. Психическая адаптация и психологическое сопровождение студентов-первокурсников на начальных этапах обучения: дис. ... канд. психол. наук. Санкт-Петербург, 2002. 192 с.
9. Фокина Т.А. Анализ особенностей смысловых ориентаций и уровня личностной зрелости студентов высших и средних специальных учебных заведений // Живая психология. 2023. Т. 10. № 6 (46). С. 92 – 100.
10. Шагивалеева Г.Р. Одиночество и его переживания студентами ССУЗ: автореф. дис. ... канд. психол. наук. Казань, 2003. 22 с.
11. Шаймарданова А.В., Кулакова Е.Н. Одиночество студентов в процессе социально-психологической адаптации к новым условиям // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. 2010. № 3. С. 50. URL: <https://applied-research.ru/ru/article/view?id=424> (дата обращения: 19.02.2025)
12. Этезова М.М., Нагоев Б.Б. Психологическая адаптация первокурсников к условиям вузовского обучения // Интернет-журнал «Мир науки». 2016. Т. 4. № 6. С. 1 – 7.

References

1. Andronnikova O.O. Social and psychological factors and features of the subjective experience of loneliness. Russian Psychological Journal. 2022. Vol. 19. No. 3. P. 135 – 149.
2. Dubovitskaya T.D., Krylova A.V. Methodology for studying the adaptability of students at a university. Psychological Science and Education psyedu.ru. 2010. No. 2 (2). Article 1. RL: https://psyjournals.ru/journals/psyedu/archive/2010_n2/27814 (date of access: 19.02.2025)
3. Vsevolodova N.A. Psychological adaptation of high school students to study at a specialized lyceum: author's abstract. dis. ... candidate of psychological sciences. M., 2008. 24 p.
4. Lyubyakin A.A., Okonechnikova L.V. Study of loneliness in students. Pedagogical education in Russia. 2016. No. 2. P. 149 – 156.
5. Mukhina M.V., Fokina T.A., Golubeva O.V., Golovanova S.O. Study of the problem of professional self-determination of university students. The world of science. Pedagogy and psychology. 2019. Vol. 7. No. 6. P. 58 – 67.
6. Rean A.A., Kudashev A.R., Baranov A.A. Psychology of personality adaptation. St. Petersburg, 2006. 479 p.
7. Skiteikina Yu.A. Social adaptation of students at the university. Young scientist. 2021. No. 41 (383). P. 303 – 307.
8. Stepanova O.P. Mental adaptation and psychological support of first-year students at the initial stages of study: dis. ... candidate of psychological sciences. St. Petersburg, 2002. 192 p.
9. Fokina T.A. Analysis of the features of life-meaning orientations and the level of personal maturity of students of higher and secondary specialized educational institutions. Living Psychology. 2023. Vol. 10. No. 6 (46). P. 92 – 100.
10. Shagivaleeva G.R. Loneliness and its experiences by students of secondary vocational schools: author's abstract. dis. ... candidate of psychological sciences. Kazan, 2003. 22 p.
11. Shaimardanova A.V., Kulakova E.N. Loneliness of students in the process of socio-psychological adaptation to new conditions. International Journal of Applied and Fundamental Research. 2010. No. 3. P. 50. URL: <https://applied-research.ru/ru/article/view?id=424> (accessed: 19.02.2025)
12. Etezova M.M., Nagoev B.B. Psychological adaptation of first-year students to the conditions of university education. Internet journal "World of Science". 2016. Vol. 4. No. 6. P. 1 – 7.

Информация об авторе

Фокина Т.А., кандидат педагогических наук, доцент, SPIN-код: 1634-1536, Нижегородский институт путей сообщения, филиал Приволжского государственного университета путей сообщения, tfokina70@yandex.ru

© Фокина Т.А., 2025